ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

ПАМИРЪ.—ТИБЕТЪ.—ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

СВЕНА ГЕДИНА

ВЪ 1893—1897 ГОДАХЪ.

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ.

Съ разрѣшенія автора.

Томъ I.

Со 116-ю рисунками и 2-мя картами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.
1899.

КАРТА
ОБЩАГО НАПРАВЛЕНІЯ ПУТИ
пройденнаго С. ГЕДИНОМЪ.
Масштабъ
1/42.000.000
500 0 250 500 вер.
ЕВРОПА
РОССІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
СИБИРЬ
КИРГИЗЫ
МОНГОЛІЯ
КИТАЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
ТИБЕТЪ
ПЕРСІЯ
АРАВІЯ
АФРИКА
ИНДІЙСКІЙ ОКЕАНЪ
ВЕЛИКІЙ ОКЕАНЪ
ИНДО-КИТАЙ
ТУРКМЕНЫ
АРМЕНІЯ
ТЕГЕРАНЪ
КАЛЬКУТА
БАНКОКЪ
КАНТОНЪ
ПЕКИНЪ
КАМЧАТКА
Карское море
Охотское море
Берингово море
Черное море
Средиземное море
Персидское или Аравійское море
Зондское Море
Картогр. зав. А. Ильина СПБ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ВСЕПОЧТИТЕЛЬНѢЙШЕ

ПОСВЯЩАЕТЪ

авторъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде всего я счастливъ, что мнѣ представляется случай принести здѣсь мою всепочтительнѣйшую, глубокую благодарность Его Величеству Государю Императору за милостивое вниманіе, оказанное Его Величествомъ моему путешествію и его результатамъ. Никакое отличіе изъ выпавшихъ мнѣ на долю по возвращеніи изъ путешествія не могло быть для меня дороже, равно какъ и ничто не могло сильнѣе поощрить меня къ дальнѣйшему слѣдованію по тому пути, на который я вступилъ. Не менѣе глубока моя благодарность за всемилостивѣйшее соизволеніе Его Величества на посвященіе этого труда Имени Его Величества.

Трудъ, предлагаемый мною русской публикѣ, не имѣетъ иныхъ претензій, какъ дать общій популярный обзоръ путешествія, предпринятаго мною по Азіи въ 1893—97 г. Сообщеніе чисто научныхъ результатовъ не могло найти мѣста въ этой книгѣ, такъ какъ она и безъ того приняла слишкомъ большой объемъ, да къ тому-же мнѣ показалось болѣе удобнымъ отдѣлить популярную часть отъ чисто научной, которая въ свою очередь появится въ скоромъ времени въ „Petermann's Mitteilungen“ въ Готѣ; тамъ-же будетъ разработанъ весь топографическій матеріалъ. Метеорологическія, гипсо-метрическія, астрономическія, археологическія, ботаническія и геологическія изслѣдованія и коллекціи уже переданы для разработки спеціалистамъ.

Считаю пріятнымъ долгомъ высказать здѣсь глубокую

благодарность русскимъ административнымъ дѣятелямъ и частнымъ лицамъ за то содѣйствіе мнѣ и словомъ и дѣломъ, которое сильно облегчило мнѣ мое предпріятіе; безъ этого энергичнаго, любезнаго и безкорыстнаго содѣйствія, нѣкоторыя задачи моего путешествія оказались бы совершенно недостижимыми, а достиженіе другихъ было-бы сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями.

Оглядываясь назадъ на совершенное мною путешествіе, я вижу цѣлый рядъ русскихъ военныхъ, ученыхъ и частныхъ лицъ, передъ которыми нахожусь въ неоплатномъ долгу благодарности. Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Военное оказали мнѣ съ самаго-же начала столько сердечной и реальной помощи, что не хватитъ и мѣста говорить объ этомъ подробно. Особенной благодарностью обязанъ я гг. министрамъ гр. М. Н. Муравьеву, П. С. Ванновскому, статсъ-секретарю Н. П. Шишкину и генералу Н. Н. Обручеву. Между прочимъ, мнѣ предоставили возможность нанять себѣ на службу русскихъ казаковъ, безпошлинно ввести свой багажъ въ Россію, и вообще я могу безъ преувеличенія сказать, что ни одному русскому путешественнику не могло быть оказано большаго содѣйствія со стороны административныхъ властей, нежели мнѣ. Повсюду меня встрѣчали, точно я былъ русскимъ подданнымъ, и само собою разумѣется, что это вездѣ и всюду въ русскихъ владѣніяхъ придавало мнѣ неоцѣнимое чувство увѣренности и спокойствія.

Въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, членомъ котораго я уже имѣлъ честь состоять, я также нашелъ покровителей и друзей. Совѣты и свѣдѣнія, которыми снабдили меня, къ моему счастью, г. П. П. Семеновъ и баронъ Ф. Р. фонъ деръ Остенъ-Сакенъ, принесли мнѣ существенную пользу уже въ самомъ началѣ путешествія, и каждому понятно, какое значеніе должна была имѣть для меня, тогда еще неопытнаго юноши, возможность пользоваться купленнымъ дорогою цѣною опытомъ этихъ ветерановъ географической науки. Точно также долгъ мой высказать особенную благодарность членамъ Географическаго Общества, генераламъ А. А. Тилло, О. Э. фонъ Штубендорфу и А. А. Большеву, секретарю

Общества А. В. Григорьеву, профессору И. В. Мушкетову, академикамъ Ѳ. Н. Чернышеву, В. В. Радлову и О. А. Баклунду, Э. Л. Нобелю, который оказалъ щедрую матеріальную поддержку моему предпріятію, и многимъ, многимъ другимъ.

Еще до начала моей экспедиціи я имѣлъ удовольствіе лично познакомиться съ членами экспедиціи М. В. Пѣвцова. Я глубоко преклоняюсь передъ точными и серьезными наблюденіями генерала Пѣвцова и передъ безкорыстіемъ и дружелюбіемъ, съ которыми онъ подѣлился со мной результатами своихъ многолѣтнихъ наблюденій. Я считаю его идеаломъ истиннаго, добросовѣстнаго путешественника-піонера и поздравляю В. И. Роборовскаго, П. К. Козлова и К. И. Богдановича, прошедшихъ подъ руководствомъ такого ученаго превосходную серьезную школу. Я обязанъ большой благодарностью и этимъ тремъ поименованнымъ лицамъ, которыя обратили мое вниманіе на многія задачи, а сами лично послужили для меня образцами истинной энергіи и терпѣнія, необходимыхъ путешественнику. Я считаю г. Козлова однимъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ ученыхъ путешественниковъ; географія можетъ ожидать отъ него еще многихъ услугъ. Полковникъ Б. Л. Громбчевскій, съ которымъ я познакомился въ Ташкентѣ, оказалъ мнѣ такое-же предупредительное вниманіе, какъ и другіе его земляки. Если я во вступленіи къ своему труду не упомянулъ о безсмертныхъ заслугахъ Г. Н. Потанина, братьевъ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло и др., то потому лишь, что я говорилъ тамъ только о тѣхъ путешественникахъ, изслѣдованія которыхъ непосредственно касались области предстоявшихъ мнѣ изысканій.

Считаю также истинною потребностью съ уваженіемъ и благодарностью вспомнить человѣка, къ сожалѣнію, уже отошедшаго въ вѣчность, Николая Михайловича Пржевальскаго, самаго выдающагося путешественника-піонера по Азіи со временъ Марка Поло. Чтеніе описаній его путешествій впервые зажгло во мнѣ страсть къ изученію Азіи и, какъ высоко я ставлю этого замѣчательнаго человѣка, лучше всего видно

изъ его біографіи, составленной мною и предпосланной моему шведскому переводу описаній четырехъ его грандіозныхъ путешествій.

Перебирая въ памяти отдѣльныя событія и пункты своего путешествія я не могу припомнить ни одного города, ни одного мѣстечка въ предѣлахъ Европейской и Азіатской Россіи, гдѣ меня не встрѣтили бы какъ друга, не оказали-бы мнѣ всевозможнаго содѣйствія для облегченія моихъ трудовъ и достиженія моихъ цѣлей.

Я своевременно упомянулъ обо всѣхъ этихъ случаяхъ въ своей книгѣ, но считаю все-таки долгомъ еще разъ съ особенной благодарностью вспомнить здѣсь нѣкоторыхъ лицъ. Родной отецъ не могъ бы оказать сыну больше ласки и теплаго участія, нежели оказалъ мнѣ Туркестанскій генералъ-губернаторъ, баронъ А. Б. Вревскій. Во время моего пребыванія въ Ташкентѣ я былъ почти ежедневнымъ посѣтителемъ его гостепріимнаго дома, и, если мои путешествія по Памиру такъ удались, то причиной прежде всего то, что баронъ сгладилъ передо мной пути всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами. Часы, которые я имѣлъ счастье провести въ просвѣщенномъ обществѣ барона Вревскаго, принадлежатъ къ лучшимъ воспоминаніямъ изъ моего путешествія. Губернаторъ Ферганы, генералъ А. Н. Повало-Швыйковскій, также осыпалъ меня безчисленными доказательствами симпатіи, гостепріимства и дѣятельнаго содѣйствія. Словомъ, оставляя съ болью въ сердцѣ одного вновь обрѣтеннаго друга и благодѣтеля, я на слѣдующей станціи встрѣчалъ новыхъ друзей и покровителей. Я шелъ черезъ всю русскую Азію, словно по пути, усыпанному розами, если только такое выраженіе умѣстно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о зимнемъ путешествіи по Памиру. Такъ я провелъ между прочимъ нѣсколько незабвенныхъ недѣль у капитана Н. В. Зайцева и его офицеровъ на Памирскомъ посту.

Неизгладимое впечатлѣніе произвелъ на меня также бывшій для меня вторымъ отцомъ и оказавшій благодѣтельное вліяніе на весь ходъ моего путешествія, генеральный

русскій консулъ въ Кашгарѣ, Николай Федоровичъ Петровскій. У меня словъ не хватаетъ выразить ему свою глубокую благодарность. Подобно тому, какъ другіе его земляки старались облегчить мнѣ путешествіе по русскому Туркестану, консулъ Петровскій употребилъ все свое вліяніе на китайскихъ и магометанскихъ обитателей Восточнаго Туркестана, чтобы по возможности облегчить мнѣ путешествіе въ самомъ сердцѣ Азіи. Безъ его энергичнаго содѣйствія многія мои экскурсіи оказались-бы прямо невыполнимыми. Вообще я могу только поздравить Россію, что она на такомъ посту имѣетъ столь гуманнаго, ученаго и прозорливаго представителя, который ко всѣмъ своимъ остальнымъ превосходнымъ качествамъ присоединяетъ способности тонкаго, искуснаго дипломата и чувство горячаго патріотизма. Благодаря консулу Петровскому, я обогатился такими научными и общими свѣдѣніями, какія едва-ли пріобрѣлъ-бы изъ другихъ источниковъ.

Когда-же, я, наконецъ, прибылъ въ Пекинъ, меня встрѣтилъ наилучшій пріемъ со стороны русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, А. И. Павлова. Я радъ, что имѣю здѣсь случай высказать ему и всѣмъ членамъ русской миссіи въ Пекинѣ мою искреннюю, горячую благодарность. Въ данномъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, считаю себя глубоко обязаннымъ директору азіатскаго департамента, графу Д. А. Капнисту, снабдившему меня сердечными и любезными рекомендаціями.

Съ живѣйшею благодарностью вспоминаю генераловъ А. А. Ломачевскаго въ Оренбургѣ и А. Д. Горемыкина въ Иркутскѣ, а также живущаго въ послѣднемъ городѣ выдающагося ученаго геолога В. А. Обручева.

Считаю долгомъ высказать при этомъ свою благодарность и моему другу П. К. Козлову за новый свѣтъ, который онъ проливаетъ на интересный и важный вопросъ о Лобъ-норѣ своей брошюрой, изданной въ 1898 г. подъ заглавіемъ: „Лобъ-Норъ. По поводу сообщенія г. Свена Гедина въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ 15 октября 1897 г.“. Мои взгляды на отношеніе нынѣшняго Лобъ-нора къ древнему

историческому, однако, не пошатнулись, но въ одномъ отношеніи я готовъ признать генерала Штубендорфа правымъ, а именно въ вопросѣ о тождествѣ означеннаго на китайскихъ картахъ озера „Khas-omo“ съ нынѣшнимъ озеромъ Гасъ въ Цайдамѣ. Первоначальный мой взглядъ относительно тождественности „Khas-omo“ съ Кара-Кошуномъ я высказалъ и старался доказать въ статьѣ въ „Petermann's Mitteilungen“; этотъ взглядъ былъ, какъ извѣстно, впервые высказанъ барономъ фонъ Рихтгофенъ. Покончивъ съ болѣе тщательнымъ изученіемъ этого вопроса, которымъ я какъ разъ теперь занятъ, я возвращусь къ нему въ томъ-же журналѣ и сочту истиннымъ удовольствіемъ согласиться съ генераломъ Штубендорфомъ и г. Козловымъ относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ я ошибался. Но вопросъ о „Khas-omo“ не есть главный пунктъ. Я хотѣлъ доказать, главнымъ образомъ, то, что китайцы подъ своимъ „соленымъ озеромъ“ и „моремъ“ (см. напр. Abel-Rémusat: „Histoire de la ville de Khotan“, p. 115) подразумѣвали нѣчто совершенно иное, нежели нынѣшній Лобъ-норъ. Я убѣжденъ, однако, въ томъ, что никто не объяснитъ занятаго мною въ данномъ вопросѣ о Лобъ-норѣ положенія, желаніемъ умалить цѣнность и значеніе замѣчательнаго открытія Пржевальскаго. Пржевальскій стоитъ для этого слишкомъ высоко вообще и въ моихъ глазахъ въ частности. Но я считаю, что полемика о Лобъ-норѣ, которая возникла уже много лѣтъ тому назадъ и продолжается до сихъ поръ, очень полезна, такъ какъ содѣйствуетъ освѣщенію вопроса съ разныхъ сторонъ. И, если бы даже мнѣ въ концѣ концовъ пришлось сдаться, то я не счелъ-бы этого для себя позоромъ, такъ какъ главное дѣло всегда въ томъ, чтобы восторжествовала истина, и въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ не до національнаго тщеславія. И никто такъ ярко не оттѣнилъ эту точку зрѣнія, которой я держусь, какъ самъ Пржевальскій, говоря въ описаніи своего четвертаго путешествія, стр. 290: „Помимо ежегодной своей прибыли и убыли, Таримъ періодически то богатѣетъ, то бѣднѣетъ водой и въ общемъ, судя по размѣрамъ нынѣшняго Лобъ-нора, приноситъ теперь сюда

гораздо меньше воды, чѣмъ въ прежнія времена, хотя, вѣроятно, не особенно отдаленныя". Впрочемъ, не нужно вовсе прибѣгать къ китайскимъ картамъ, чтобы придти къ тому заключенію, что озеро дѣйствительно измѣнило положеніе. Традиціи туземцевъ и множество старыхъ рѣчныхъ руслъ, найденныхъ экспедиціей Пѣвцова, достаточно доказываютъ это.

Вполнѣ сознавая большіе недостатки моего труда, содержащаго много такого, что русскимъ читателямъ извѣстно гораздо лучше, чѣмъ мнѣ, и убѣжденный въ томъ, что снятая мною жатва дала-бы въ болѣе сильныхъ и умѣлыхъ рукахъ болѣе зрѣлыя зерна, я всетаки чувствую себя спокойнымъ при мысли, что сдѣлалъ все, что было въ моихъ слабыхъ силахъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ изданія. Для обѣихъ большихъ картъ послужили основою карта Памира, составленная лордомъ Кэрзонъ, и превосходная карта бассейна Тарима и Сѣвернаго Тибета, составленная Пѣвцовымъ; я нанесъ на эти карты мой маршрутъ и открытыя мною мѣста. Обѣ карты служатъ только для обзора путешествія и не претендуютъ на особую точность, — собранный мною лично картографическій матеріалъ, какъ сказано, еще не разработанъ въ деталяхъ.

Для оживленія наиболѣе интересныхъ и характерныхъ моментовъ путешествія, трудъ мой, благодаря щедрости шведскаго издателя, снабженъ немалымъ числомъ иллюстрацій, исполненныхъ съ рисунковъ шведскихъ художниковъ. На рисунки эти, однако, нельзя смотрѣть, какъ на плоды фантазіи. Для каждаго изъ нихъ я доставилъ достаточный матеріалъ въ видѣ набросковъ, фотографическихъ снимковъ, или подробныхъ описаній. Большинство же иллюстрацій исполнены по моимъ собственнымъ фотографическимъ снимкамъ и наброскамъ, которые, разумѣется, отнюдь не претендуютъ на художественность исполненія.

Наконецъ, считаю весьма пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю благодарность: моему русскому издателю, г. А. Ф. Девріену, не пощадившему ни средствъ, ни трудовъ,

чтобы описаніе моего путешествія появилось передъ русскою публикой въ возможно красивомъ видѣ, г. П. Г. Ганзену съ супругой за превосходный и добросовѣстный переводъ, представлявшій нелегкую задачу, другу моему, академику Θ. Н. Чернышеву, за любезное содѣйствіе по провѣркѣ и исправленію техническихъ терминовъ и выраженій, и приватъ-доценту В. В. Бартольду за содѣйствіе относительно русской транскрипціи арабскихъ и киргизскихъ названій.

Еще разъ сердечная благодарность всѣмъ тѣмъ, кто отнесся ко мнѣ съ симпатіей, оказалъ мнѣ гостепріимство и пожертвовалъ своимъ временемъ и трудомъ ради облегченія моего предпріятія. Безъ ихъ помощи я никогда не былъ бы въ состояніи выполнить его. Я-же лично считаю самымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, вынесеннымъ мною изъ моего путешествія—множество дружескихъ связей, заключенныхъ мною въ Россіи среди всѣхъ классовъ общества, и близкое знакомство съ такимъ полнымъ жизненныхъ силъ, гуманнымъ, гостепріимнымъ и симпатичнымъ народомъ, какъ русскій.

Свенъ Гединъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ исторіи географическихъ открытій близится новая эра,—піонеры скоро сыграютъ свою роль, такъ какъ „бѣлыя пятна“ на картахъ материковъ понемногу все убываютъ, и свѣдѣнія о физическихъ свойствахъ міроваго океана съ каждымъ годомъ становятся все точнѣе. Тамъ, гдѣ піонеры въ непрестанной борьбѣ съ опасностями и затрудненіями пролагали новые пути, которые затѣмъ и описывали въ общихъ чертахъ, новымъ поколѣніямъ путешественниковъ предстоитъ изучить незнающую покоя, кишащую повсюду на нашей планетѣ жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ и мелочахъ, постоянно находя все новые пробѣлы въ своихъ познаніяхъ, новыя безчисленныя задачи для рѣшенія. Переходъ, однако, не будетъ особенно рѣзокъ, — многія области уже служили и служатъ предметами детальнаго изученія, но остаются еще и такія, гдѣ піонеры далеко не закончили своей задачи.

Особенно долго оставалась въ этомъ отношеніи въ сторонѣ внутренняя Азія; огромныя пространства малодоступной пустыни Гоби и безконечныя площади Тибетскаго нагорья до сихъ поръ извѣстны такъ-же мало, какъ крайнія полярныя области.

Ради того, чтобы въ свою очередь способствовать разши-

ренію свѣдѣній о центральной нагорной Азіи, я предпринялъ экспедицію, о которой повѣствуетъ этотъ трудъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я подготовлялся къ ней въ своемъ кабинетѣ, а въ 1890—91 г. предпринялъ небольшую подготовительную экспедицію въ русскій Туркестанъ и Кашгаръ, чтобы ознакомиться со средствами сообщенія въ этихъ мѣстахъ, которыя должны были послужить операціоннымъ базисомъ предстоявшей мнѣ экспедиціи въ глубь невѣдомыхъ областей.

По возвращеніи изъ Кашгара оставалось только уладить экономическую сторону предпріятія. Съ этой цѣлью я представилъ его величеству, королю Оскару слѣдующій планъ, который привожу здѣсь, чтобы читатель могъ судить, насколько и какъ мнѣ удалось осуществить свои задачи. Планъ этотъ сводится вкратцѣ къ слѣдующему:

„Въ самомъ сердцѣ Азіи простирается между двумя величайшими въ свѣтѣ хребтами Кунь-лунь и Гималайскимъ огромнѣйшее и высочайшее на землѣ Тибетское нагорье. Средняя высота его доходитъ до 4,000 метр., а на сѣверныхъ окраинахъ даже до 4,600 метр. и такимъ образомъ соперничаетъ на пространствѣ 2,000,000 кв. килом. (почти въ три раза больше Скандинавскаго полуострова) съ высочайшими вершинами Альпъ. Сѣверная часть его, являющаяся одною изъ наименѣе извѣстныхъ областей Азіи, представляетъ, согласно китайскимъ картамъ, цѣлую систему замкнутыхъ бассейновъ озеръ, но необитаема. Дальше къ югу обитаютъ тибетскіе и монгольскіе номады, ведущіе кочевую жизнь, и только въ самыхъ южныхъ областяхъ можно найти осѣдлое населеніе.

Тибетъ лежитъ въ сторонѣ отъ главныхъ трактовъ, по которымъ направлялись путешественники XIX столѣтія; лишь немногіе смѣльчаки - европейцы участвовали въ собираніи имѣющихся нынѣ скудныхъ свѣдѣній объ этой странѣ. Бѣдная природа ея, высокія, недоступныя горы и изолированное положеніе страны въ самой серединѣ огромнаго материка пугали путешественниковъ и заставляли ихъ предпочитать искать поле для своихъ изслѣдованій въ другихъ частяхъ свѣта, въ полярныхъ областяхъ или на островахъ міроваго океана, гдѣ они у береговъ находили твердую исходную точку для своего стремленія въ сравнительно близкія неизвѣстныя

области. Между тѣмъ едва-ли гдѣ путешественникъ-изслѣдователь можетъ найти такую богатую награду за свой трудъ или такой неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ наблюденій, какъ именно въ Тибетѣ, въ странѣ, откуда мощными струями льется свѣтъ ламаизма, неся жизнь и духовную пищу прилегающимъ странамъ. Въ Тибетѣ и въ пустыняхъ Гоби ожидаютъ своего разрѣшенія множество великихъ задачъ по физической географіи, и рѣшеніе любой изъ нихъ явится дорогимъ пріобрѣтеніемъ для науки. Въ чисто географическомъ отношеніи Тибетъ все еще принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ областямъ земного шара. Даже карта Африки не такъ изобилуетъ „бѣлыми пятнами“ и развѣ лишь полярныя области могутъ соперничать съ Тибетомъ въ этомъ отношеніи. Маршрутовъ католическихъ миссіонеровъ, которые пробирались сюда въ ту эпоху, когда страна была еще доступнѣе, нельзя уже болѣе съ увѣренностью прослѣдить по картамъ; да съ географической точки зрѣнія маршруты эти въ большинствѣ случаевъ и не имѣютъ особаго значенія.

Но въ наши дни даже эта наглухо замкнутая изъ фанатизма страна принуждена пріоткрывать свои ворота для пытливаго взора европейца-изслѣдователя. Западныя и восточныя окраины Тибета уже изрѣзаны вдоль и поперекъ маршрутами англичанъ, русскихъ и французовъ; въ Лассу *) же удалось проникнуть въ новѣйшее время лишь нѣсколькимъ пундитамъ, т. е. индійскимъ браминамъ, обученнымъ съемкѣ англійскими офицерами. Боязливая подозрительность китайскаго правительства, религіозный фанатизмъ обитателей Тибета, а также непроходимость путей и дикость и бѣдность природы были главными причинами того, что Тибетъ оставался недоступнымъ для европейцевъ долѣе всѣхъ другихъ азіатскихъ областей. Въ тѣ времена, когда ни Россія, ни Англія не имѣли еще такого значенія въ Азіи, многимъ европейцамъ удавалось не только проѣхать черезъ Тибетъ, но и проникнуть въ главный городъ его. Первымъ европейцемъ, посѣтившимъ Лассу, былъ монахъ Одорико де Порденоне, выѣхавшій изъ Китая въ Тибетъ въ первой половинѣ XIV-го вѣка. Въ 1624 г.

*) Ласса или Хласса — главный городъ Тибета, резиденція Далай-Ламы (буддійскій первосвященникъ).

совершилъ путешествіе въ Тибетъ изъ Индіи испанскій іезуитъ Антоній де Андраде, а въ 1661 предприняли свое замѣчательное путешествіе изъ Пекина, черезъ Куку-норъ, Цайдамъ и страну тангутовъ два миссіонера-іезуита Груберъ и Д'Орвиль; пробывъ въ столицѣ Далай-ламы два мѣсяца, они вернулись черезъ Непалъ въ г. Агру (на рѣкѣ Гангѣ) и затѣмъ въ Европу. Въ XVIII вѣкѣ таинственный городъ былъ посѣщенъ еще нѣсколькими миссіонерами. Одинъ изъ нихъ Дезидери пробылъ въ Лассѣ съ 1716 по 1729 годъ, другой делла Пенна съ 1719 до 1735 и съ 1740 до 1746. Оба оставили нѣсколько писемъ о своихъ путешествіяхъ. Въ 1729 — 1737 гг. совершилъ свое путешествіе изъ Индіи черезъ Лассу и Куку-норъ въ Пекинъ и обратно голландецъ ванъ-де-Путте. Возвратившись на родину, онъ, однако, сжегъ всѣ свои замѣтки, боясь, что никто не повѣритъ его необычайнымъ сообщеніямъ. Въ 1811 г. въ Лассу пробрался Маннингъ, а въ 1845 г. совершили свое знаменитое путешествіе въ столицу Тибета изъ Пекина черезъ Куку-норъ, хребетъ Бурханъ-Будда и хребетъ Танъ-ла два французскіе миссіонера Гюкъ и Габе. Первый изъ нихъ и описалъ это путешествіе въ своей въ высшей степени интересной книгѣ. Послѣ нихъ никому изъ европейцевъ уже не удавалось болѣе проникнуть въ Лассу, и всѣ экспедиціи, предпринимавшіяся съ этой цѣлью, терпѣли неудачу.

Какъ уже сказано, окраины Тибета посѣщались многими путешественниками, но далеко не всѣ эти путешествія давали въ результатѣ цѣнные матеріалы и научные труды. По западной окраинѣ Тибета путешествовали въ 1856 и 1857 г. братья Шлагинтвейтъ, въ 1865 г. Джонсонъ, въ 1868 — 70 г. Шау, въ 1868—70 г. Гейуордъ, въ 1870 и 1873—74 г. Форсайтъ со своими многочисленными спутниками, въ 1885 — 1887 гг. Кери и Дальглейшъ, въ 1888 — 90 гг. Громбчевскій. Одному изъ спутниковъ Форсайта, пундиту Кисхенъ Сингу, удалось проникнуть въ глубь страны дальше, чѣмъ другимъ. Однимъ же изъ самыхъ замѣчательныхъ путешествій въ Тибетъ является путешествіе пундита Наинъ-Синга. Онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Шлагинтвейта и Форсайта и затѣмъ былъ посланъ капитаномъ Троттеръ въ іюнѣ 1874 г. изъ Ладака въ Лассу. При выступленіи караванъ его состоялъ изъ 26 легко навьюченныхъ барановъ; выдержали-же этотъ четырехмѣсяч-

ный путь въ 1,000 англійскихъ миль всего лишь четыре барана. Питались они во время пути чѣмъ попало. Около Ніи, на границѣ между Ладакомъ и Тибетомъ попался лѣсъ и пастбище. Мѣстность на востокъ вокругъ озера Пангонгъ была необитаема; попадались только изрѣдка табуны. Туземцы называли себя „хангпасами“ или сѣвернымъ народомъ, обитатели-же Туркестана называли ихъ „таглыками“ или горцами. На востокъ Тибетское плато простиралось на 800 миль до истоковъ китайскихъ рѣкъ и хребта Бурханъ-Будда и, насколько хваталъ взоръ, представлялось поросшимъ травой нагорьемъ съ долинами, холмами и снѣжными вершинами горъ вдали. Кое гдѣ виднѣлись пастушьи юрты, много антилопъ, дикихъословъ и горныхъ барановъ. Результатомъ путешествія было опредѣленіе широты 276 пунктовъ, нанесеніе на карту 1,200 миль неизвѣстной прежде территоріи, измѣреніе абсолютной высоты 497 точекъ и цѣлый рядъ метеорологическихъ наблюденій.

Первое-же мѣсто среди путешественниковъ по восточной окраинѣ Тибета принадлежитъ русскому генералу Пржевальскому. 17/29 ноября 1870 г. онъ съ тремя товарищами, тоже русскими, выѣхалъ изъ Кяхты и направился черезъ Ургу, Калганъ и пустыню Гоби въ Пекинъ. Совершивъ экскурсію на озеро Далай-норъ, онъ выѣхалъ изъ Калгана въ маѣ 1871 г. и направился къ западу черезъ хребты Инь-шань и Муни-ула, чтобы слѣдовать вверхъ по теченію Желтой рѣки, пока не достигъ до Ала-шаня и главнаго города этой области Дынь-юань-ина. Послѣ того онъ вернулся въ Калганъ и, отдохнувъ, вновь выступилъ въ Дынь-юань-инъ, куда и прибылъ въ іюнѣ 1872 г. Отсюда началась наиболѣе интересная часть путешествія, такъ какъ область, по которой направился путешественникъ, была почти неизвѣстна. Сначала было изслѣдовано нагорье Гань-су на сѣверъ отъ Куку-нора; затѣмъ, обойдя вокругъ озера и переваливъ на югѣ хребетъ Куку-норъ, экспедиція достигла широкихъ болотистыхъ равнинъ Цайдама, откуда опять поднялась выше, въ страну дикихъ яковъ. Пересѣкши многіе изъ хребтовъ Тибетскаго нагорья, путешественники 10/22 января 1873 г. достигли Голубой рѣки (Янъцзы-цзянъ), бывшей конечнымъ пунктомъ ихъ экспедиціи.

Пржевальскій намѣревался проникнуть еще въ Лассу,

которая отстояла въ 800 верстахъ, или 27 дняхъ пути, но долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ вьючныя животныя были совершенно измучены, да и запасы и средства экспедиціи были на исходѣ. Закончилось первое путешествіе Пржевальскаго въ Иркутскѣ, куда онъ прибылъ 8 октября 1873 года. Впродолженіи 3 лѣтъ маленькая экспедиція боролась съ трудностями, казавшимися непреодолимыми, съ лѣтними жарами монгольскихъ степей и зимними холодами тибетскаго нагорья, проводя цѣлые мѣсяцы въ маленькой непрочной палаткѣ — и это часто при 40° мороза — и питаясь почти только дичью, которую путешественникамъ самимъ удавалось настрѣлять. Энергія и выдержка, обнаруженныя при этомъ Пржевальскимъ, достойны удивленія; имъ видимо руководило ясное сознаніе великаго научнаго значенія экспедиціи, если онъ, окруженный враждебнымъ населеніемъ и всевозможными опасностями, подвергая себя самымъ тяжелымъ лишеніямъ и глотая отравленный дымомъ аргала*) воздухъ въ палаткѣ, могъ разрабатывать свои путевыя замѣтки и приводить въ порядокъ собранныя коллекціи. Это былъ настоящій подвигъ, совершонный во имя науки и поставившій имя Пржевальскаго на ряду съ именами знаменитыхъ путешественниковъ. Выдающеюся особенностью этой экспедиціи, прошедшей протяженіе въ 11,843 килом., было еще то, что она обошлась всего въ 6,000 рублей; это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ дешево въ сущности путешествовать по Азіи, если умѣть приноравливаться къ обстоятельствамъ.

Вторую свою экспедицію Пржевальскій совершилъ съ августа 1876 г. по іюль 1877 г. Хотя на этотъ разъ было пройдено лишь 4,246 килом., расходы превысили 19,000 рублей, за то и снаряженіе второй экспедиціи было куда совершеннѣе, и число участниковъ больше, и самые результаты ея богаче. Завоеванная на этотъ разъ для науки область принадлежала къ наименѣе извѣстнымъ областямъ Центральной Азіи; нѣкоторое приблизительное понятіе о ней имѣлось лишь на основаніи слуховъ, да китайскихъ картъ и источниковъ.

Изъ Кульджи путешественникъ отправился черезъ долину Или на Юлдусъ, затѣмъ къ югу черезъ Курля и по бассейну

*) Сухой пометъ, служащій топливомъ.

Тарима къ Лобъ-нору и Алтынъ-тагу. Убѣдившись въ невозможности черезъ Лобъ-норъ и безплодныя пустынныя области, простирающіяся къ югу отъ Алтынъ-тага, достигнуть Тибета и Лассы, которая всегда была завѣтнымъ пунктомъ его стремленій, Пржевальскій рѣшилъ попытаться найти туда дорогу черезъ Гученъ и Хами, но захворалъ въ первомъ изъ названныхъ городовъ и долженъ былъ вернуться въ Россію.

Главными блестящими моментами этой экспедиціи были открытіе новаго Лобъ-нора, открытіе мощнаго горнаго хребта Алтынъ-тага, нанесеніе котораго на карту такъ сильно измѣнило извѣстный до того времени внѣшній видъ Центральной Азіи, и установленіе факта существованія дикихъ верблюдовъ, что позже было подтверждено и другими путешественниками.

Третья экспедиція Пржевальскаго длилась съ марта 1879 г. до ноября 1880 г. и прошла путь въ 7,661 килом. Сопровождали Пржевальскаго 12 земляковъ; на расходы ему было отпущено 23,500 р. Исходнымъ пунктомъ путешественникъ избралъ на этотъ разъ Зайсанъ на русской границѣ и отправился черезъ Булунъ-тохой по теченію Урунгу, черезъ Джунгарію въ г. Баркуль и черезъ Тянь-шань въ Хами. Затѣмъ онъ пересѣкъ пустыню Гоби и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ маршрутъ своей первой экспедиціи. На этотъ разъ ему удалось проникнуть гораздо дальше къ югу, а именно по Голубой рѣкѣ и хребту Танъ-ла до 32° сѣв. широты.

Четвертая и послѣдняя экспедиція Пржевальскаго началась въ октябрѣ 1883 года и закончилась въ октябрѣ 1885 г. Въ сопровожденіи 20 спутниковъ, изъ которыхъ большинство были казаки, Пржевальскій прошелъ 7,815 килом., израсходовавъ на этотъ разъ 42,250 рублей. Изъ Кяхты онъ направился черезъ Гоби по знакомой уже дорогѣ, далѣе черезъ нагорье Гань-су до истоковъ Хуанъ-хэ (Желтой рѣки) озеръ Цзяринъ-норъ и Нъоринъ-норъ; это и было главнымъ моментомъ четвертой экспедиціи. Предпринявъ экскурсію до Янъ-цзы-цзяна (Голубой рѣки) онъ отправился затѣмъ черезъ Цайдамъ и черезъ Алтынъ-тагъ къ Лобъ-нору, отъ сѣвернаго подножія Кунь-луня въ Хотанъ, и, наконецъ, внизъ по Хотанъ-дарьѣ и черезъ Тянь-шань.

Большое значеніе для географіи восточнаго Тибета имѣли также продолжительныя отважныя путешествія въ 1878—82 г.

пундита Крисна, обыкновенно называемаго буквами А. К. Весною 1878 г. онъ получилъ отъ англійскаго правительства порученіе изслѣдовать область примыкающую на сѣверѣ къ маршруту путешествій Пржевальскаго, на востокѣ къ маршрутамъ французскихъ миссіонеровъ де Годена и Дюрана и англичанина Джиля, на югѣ къ Сангпо и Гималайямъ и на западѣ къ меридіану, на которомъ лежатъ Ласса и Лобъ-норъ. Эта область въ новѣйшее время была перерѣзана только маршрутами Гюка и Габе, и Бонвало и принца Орлеанскаго.

Переодѣтый купцомъ и щедро снабженный матеріальными средствами и приборами, А. К. отправился черезъ Сининъ въ Лассу, куда и прибылъ въ сентябрѣ 1878 г. Здѣсь онъ оставался цѣлый годъ, выжидая случая направиться къ сѣверу съ большимъ и хорошо вооруженнымъ караваномъ, такъ какъ разбойники тангуты дѣлали путь небезопаснымъ. 17 сентября 1879 г. въ Лассу прибылъ монгольскій караванъ; сопровождали его, между прочимъ, сто всадниковъ монголовъ и нѣсколько тибетцевъ, вооруженныхъ копьями, мечами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Люди эти должны были немедленно вернуться обратно, А. К. и воспользовался оказіей. Во время пути принимались большія предосторожности, высылались передовые патрули, а ночью ставили караулы. Вначалѣ слѣдовали по пути, пройденному пундитомъ Наинъ-сингомъ въ 1875 г. отъ озера Тенгри-норъ до Лассы. Къ югу отъ Танъла путь А. К. коснулся маршрута Пржевальскаго. Высочайшій горный проходъ въ хребтѣ Танъ-ла достигалъ почти 5,000 метр. и образовывалъ водораздѣлъ между верховьями Меконга и Голубой рѣкой. Послѣ пятимѣсячнаго странствованія по горному плато А. К. достигъ горнаго прохода Ангыръ-дакчина въ 4,800 метр. высоты. У Тенгалика въ Цайдамѣ сдѣлали привалъ; но какъ разъ въ то время, когда надо было направиться къ Курлыкъ-нору, караванъ подвергся нападенію 200 разбойниковъ, которые и ограбили А. К., отнявъ у него всѣ товары и вьючныхъ животныхъ.

Приборы и замѣтки ему, однако, удалось спасти, и онъ, не взирая на приключившееся съ нимъ несчастье, упорно продолжалъ путь, чтобы разрѣшить всѣ поставленныя ему задачи. На западномъ берегу Курлыкъ-нора онъ перезимовалъ вплоть до марта 1880 г. Отсюда онъ намѣревался направиться

къ Лобъ-нору, но бывшіе съ нимъ слуги-индійцы сбѣжали, взявъ съ собой большую часть его вещей, почему ему самому пришлось наняться къ услуженіе къ монголамъ, отправлявшимся въ Са-чжоу. Тамъ его привѣтливо принялъ лама, но китайскій губернаторъ принудилъ его вернуться назадъ. Этотъ поворотный пунктъ въ экспедиціи А. К. представляетъ особенное значеніе: отсюда началась въ 1879—80 гг. экспедиція Пржевальскаго въ Цайдамъ и Танъ-ла, и тутъ-же закончилась китайская экспедиція графа Сэчэни. Въ сопровожденіи одного неизмѣнно вѣрнаго слуги, А. К. отправился въ обратный путь, но долженъ былъ по пути еще разъ наняться въ услуженіе къ „китайскимъ татарамъ“ и, наконецъ, счастливо достигъ Тарсандо (Да-цзянь-лу), гдѣ ему въ миссіи была оказана всякая помощь и содѣйствіе. Затѣмъ черезъ Батангъ онъ вернулся въ Индію.

Въ 1888—89 гг. совершилъ путешествіе по восточному Тибету американецъ Рокгиль. Онъ вышелъ изъ Пекина въ сопровожденіи всего двухъ спутниковъ и, взявъ съ собою нѣсколько лошадей, отправился на Куку-норъ, черезъ Янъцзы-цзянъ и затѣмъ назадъ, въ Шанхай. Онъ владѣлъ китайскимъ языкомъ, тибетскимъ нарѣчіемъ и путешествовалъ также переодѣтымъ. Въ пути онъ занимался съемкой мѣстностей, нанесеніемъ ихъ на карту, измѣреніемъ абсолютной высоты разныхъ пунктовъ, дѣлалъ замѣтки и исправленія прежнихъ картъ, которыя, по его свидѣтельству, были крайне неточны, какъ по части орографіи, такъ и гидрографіи.

Въ послѣднее время многіе путешественники, увлекаемые жаждой новыхъ открытій или честолюбіемъ, стремились проникнуть во внутренній Тибетъ и особенно въ Лассу. Многихъ постигла неудача, другіе вернулись домой съ хорошими результатами. Наиболѣе посчастливилось Бонвало и принцу Генриху Орлеанскому, который пересѣкъ Азію отъ сѣверозапада до юго-востока. Къ Лобъ-нору и Алтынъ-тагу послѣдняя экспедиція направилась по маршруту Пржевальскаго вдоль бассейна Тарима; 17-го ноября 1889 г. выступила отъ Лобъ-нора, 23-го перешла Алтынъ-тагъ и затѣмъ уже покинула маршрутъ Пржевальскаго и Кэри, чтобы безъ проводниковъ неизвѣстными путями пуститься напрямикъ къ югу. Продолжалась эта экспедиція до 17 февраля 1890 г. и зашла

на два дня пути къ югу отъ озера Тенгри-норъ. Горное плато Тибета, которое было пройдено въ эти три мѣсяца, лежитъ на высотѣ не менѣе 4,000 метровъ. Экспедиція пересѣкла нѣсколько отроговъ Кунь-луня съ горными проходами на высотѣ до 5,500 метр., и открыла множество озеръ. Въ общемъ плато представляетъ пустынную мѣстность; нѣтъ ни деревьевъ, ни кустовъ и даже подножнаго корма для верблюдовъ и лошадей, такъ что бѣдныя животныя, изнуряемыя тяжестью вьюковъ, лишеніями и жестокими холодами падали массами. Съ 4-го декабря до 30 января экспедиціи не встрѣтилось ни одного человѣческаго существа. Въ двухъ дняхъ пути къ югу отъ Тенгри-норъ экспедицію задержали тибетцы и, не смотря на почти семинедѣльные переговоры, путешественникамъ такъ и не удалось добиться позволенія продолжать путь въ Лассу. Пришлось сдѣлать громадный обходъ, и въ сентябрѣ экспедиція прибыла въ Тонкинъ.

Въ маѣ 1890 г. русскій капитанъ Громбчевскій пытался проникнуть въ западный Тибетъ изъ Полу̀, но неудачно и вернулся въ серединѣ іюня въ Хотанъ; въ іюлѣ и въ августѣ онъ производилъ изслѣдованія въ долинѣ Тизнапъ и у верховья Яркендъ-дарьи и по водораздѣлу обѣихъ рѣкъ. Побывавъ на Памирѣ, онъ черезъ Кашгаръ направился въ Ташкентъ, гдѣ я и встрѣтился съ нимъ въ концѣ того года. Онъ нанесъ на карту пространство въ 7,600 килом., и его изслѣдованія составляютъ связующее звено между изслѣдованіями Куропаткина (1877 г.), Форсайта (1873—74 г.), Пржевальскаго (1885) и Пѣвцова (1889—90 гг.). Съ послѣднимъ изъ путешественниковъ экспедиція Громбчевскаго встрѣтилась въ Ніи, гдѣ оба путешественника и могли свѣрить и связать произведенныя ими опредѣленія мѣстностей.

Въ 1889 и 1890 гг. было предпринято генераломъ Пѣвцовымъ въ сопровожденіи бывшихъ спутниковъ Пржевальскаго, Роборовскаго и Козлова, а также геолога Богдановича, путешествіе въ восточный Туркестанъ. Онъ перешелъ Тянь-шань и вдоль по теченію Яркендъ-дарьи отправился въ Яркендъ и Хотанъ и затѣмъ перезимовалъ въ Ніи. Отъ сѣвернаго подножья Кунь-луня экспедиція предприняла нѣсколько экскурсій на Тибетское нагорье и особенно изслѣдовала ту часть его, которая лежитъ къ сѣверу отъ Акка-тага.

Обратный путь лежалъ черезъ Лобъ-норъ, Карашаръ и Джунгарію. Экспедиція Пѣвцова была одной изъ важнѣйшихъ въ этихъ мѣстахъ; ни одинъ путешественникъ такъ точно не опредѣлилъ пройденныхъ имъ мѣстностей, какъ онъ.

На Алтынъ-тагѣ и къ югу отъ него маршрутъ четвертой экспедиціи Пржевальскаго во многихъ мѣстахъ скрещивается съ маршрутомъ Кэри. Сопутствуемый убитымъ впослѣдствіи Дальглейшемъ, Кэри перешелъ Алтынъ-тагъ и Чаменъ-тагъ и незаселенныя горныя площади между этими горами, пока не достигъ собственнаго Кунь-луня и Тибетскаго нагорья. Переваливъ черезъ эти горы нѣсколько западнѣе, нежели Пржевальскій, Кэри затѣмъ пересѣкъ маршрутъ Пржевальскаго къ западу, гдѣ послѣдній изслѣдовалъ плато между Чаменъ-тагомъ и Кунь-лунемъ. Послѣ того Кэри направился къ востоку вдоль подножія Кунь-луня, прошелъ небольшое пространство между этимъ хребтомъ и Куку-шили и пересѣкъ обычный путь поломниковъ изъ Монголіи въ Лассу сейчасъ къ югу отъ того мѣста, гдѣ этотъ путь идетъ по горному проходу въ Кунь-лунѣ. У рѣки Ма-чю онъ повернулъ къ сѣверу и прошелъ часть пути по маршруту А. К. Продолжалась его экспедиція съ 1885 г. до 1887 г.

Капитанъ Юнгусбэндъ, извѣстный кромѣ того своими путешествіями по Памиру, проѣхалъ въ 1888 г. изъ Пекина черезъ Баркуль, Аксу и Кашгаръ въ Индію, а капитанъ Боуеръ прошелъ въ теченіе времени съ іюня 1891 по мартъ 1892 г. Тибетъ и Китай отъ Ле до Шанхая.

Вкратцѣ описанныя мною путешествія являются важнѣйшими, касающимися той области, которую я самъ намѣренъ посѣтить.

Слишкомъ долго было-бы пытаться выяснить всѣ тѣ великія задачи, которыя ожидаютъ своего разрѣшенія во внутренней Азіи, какъ-то: открытіе новыхъ хребтовъ, озеръ и рѣкъ, розыски слѣдовъ древней культуры и остатковъ ея, могущихъ пролить свѣтъ на переселеніе народовъ, установленіе старыхъ нынѣ брошенныхъ караванныхъ путей, нанесеніе на карту совершенно неизвѣстныхъ путей, — задачи, неудержимо влекущія путешественниковъ въ эти отдаленныя области. Я хочу напомнить здѣсь о нѣкоторыхъ вопросахъ особо важнаго значенія.

Нагорная Азія представляетъ для геологовъ громадный интересъ не только по грандіозности ея горныхъ хребтовъ, но и по ихъ малой извѣстности. Тибетское нагорье круто вздымается, подобно мощной платформѣ, на 4,000—5,000 метр. надъ низменностями Индостана и бассейна Тарима. Послѣдній принадлежитъ къ самымъ низкимъ мѣстностямъ, вообще попадающимся среди материковъ; такъ абсолютная высота Лобъ-нора достигаетъ всего 760 метровъ, а около Люкчуна на югъ отъ Турфана, найдена впадина которая, спускается значительно ниже уровня моря. Отъ низменностей Тибетское плато отдѣлено хребтами: Гималайскимъ и Кунь-лунемъ, которыя сходятся своими западными отрогами въ Памирѣ и южнѣе. Въ прежнее время географы и путешественники заботились главнымъ образомъ о топографіи земной поверхности и много-много о ея рельефѣ, современная-же наука требуетъ отъ своихъ представителей болѣе глубокаго изученія всѣхъ условій, знанія генетическихъ причинъ нынѣшняго характера земной поверхности, способовъ образованія горныхъ хребтовъ и взаимной ихъ связи. Нагорная Азія и представляетъ въ этомъ отношеніи грандіозныя задачи для разрѣшенія, и много лѣтъ пройдетъ еще, прежде чѣмъ всѣ эти задачи будутъ рѣшены даже приблизительно. За послѣдніе 25 лѣтъ только четыре геолога: Столичка, Рихтгофенъ, Лоци и Богдановичъ сдѣлали нѣкоторый вкладъ въ науку по части изслѣдованій хребта Кунь-лунь, но изслѣдованныя ими области отдѣлены другъ отъ друга громадными пробѣлами. Я въ проэктируемомъ путешествіи имѣю въ виду хотя отчасти заполнить пробѣлы въ этой области, гдѣ каждое вновь добытое свѣдѣніе, каждый пройденный разрѣзъ представляетъ огромное значеніе.

Имѣется на очереди еще и другой жгучій вопросъ, поднятый впервые профессоромъ Рихтгофеномъ и касающійся озера Лобъ-норъ. Я перечислю здѣсь нѣкоторые главные пункты, изложенные имъ по этому вопросу въ своей статьѣ: „Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutnant Prjewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-tagh“ (Verhandlungen der Ges. für Erdkunde V 1878, стр. 121 и далѣе).

Первый далъ европейцамъ свѣдѣнія о пустынѣ Лобъ венеціанскій путешественникъ Марко Поло; озеро Лобъ-норъ

съ его рѣками было въ первый разъ обозначено на картѣ д'Анвилля, но на $42^1/_3°$ сѣв. шир. Незадолго до путешествія Пржевальскаго полагали, что озеро расположено въ огромномъ бассейнѣ и болѣе удалено отъ южныхъ, нежели отъ сѣверныхъ, пограничныхъ съ нимъ горъ. Пржевальскій, однако, нашелъ озеро гораздо южнѣе того мѣста, на которое указывали карты и записи китайцевъ, и послѣ второго путешествія Пржевальскаго карта внутренней Азіи совершенно измѣнила свой видъ. Область отъ Курли до Алтынъ-тага была до того времени совершенно неизвѣстна, и никто и не подозрѣвалъ, что нижнее теченіе Тарима идетъ такъ далеко на юго-востокъ. Открытіе Алтынъ-тага было также очень важно, какъ для ознакомленія съ физической географіей центральной Азіи, такъ и для разъясненія направленія и положенія старинныхъ торговыхъ путей. Теперь стало понятно, почему въ былыя времена караваны съ шелкомъ изъ Китая въ западныя страны направлялись такъ близко отъ южной части Лобъ-нора, хотя здѣсь приходилось переходить черезъ страшную песчаную пустыню между Са-чжоу и озеромъ.

Свои доказательства Рихтгофенъ основываетъ частью на простыхъ геологическихъ законахъ, частью на большой картѣ Китая и Центральной Азіи, изданной въ 1862 г. въ Ву-чанъ-фу. Онъ говоритъ: „Самое удивительное, что найденное Пржевальскимъ озеро Лобъ-норъ оказалось прѣсноводнымъ, тогда какъ въ этомъ мѣстѣ непремѣнно должно было ожидать найти солёную воду. Надо считать полнѣйшею невозможностью, чтобы бассейнъ, безпрерывно, въ продолженіи цѣлаго ряда геологическихъ періодовъ служившій солёноводнымъ резервуаромъ, питаемымъ огромною рѣкой, содержалъ прѣсную воду и служилъ мѣстопребываніемъ рыбъ. Это было-бы немыслимо даже, если бы весь бассейнъ Тарима лежалъ въ областяхъ, почва которыхъ считалась-бы совершенно лишенной соли. Но въ томъ-то и дѣло, что почва здѣсь повсюду такъ богата солью, что источники прѣсныхъ водъ представляютъ тутъ исключенія и попадаются только непосредственно у подножія горныхъ хребтовъ. Воды Тарима должны поэтому содержать соли значительно болѣе, нежели воды почти всѣхъ другихъ большихъ рѣкъ въ свѣтѣ. Процентное содержаніе соли должно было еще увеличиться вслѣд-

ствіе испаренія воды въ послѣднемъ водохранилищѣ, въ озерѣ, куда впадаютъ всѣ воды бассейна Тарима и, въ силу того-же испаренія въ теченіе безконечнаго времени, должно было произойти грандіозное отложеніе всевозможныхъ солей... Китайцы изстари обозначаютъ Лобъ-норъ солёноводнымъ озеромъ... Но вопреки всѣмъ теоретическимъ заключеніямъ и историческимъ даннымъ, мы получаемъ теперь отъ перваго европейца-свидѣтеля, который отличается къ тому-же рѣдкой степенью наблюдательности, положительнѣйшее указаніе, что послѣднее водохранилище, куда несутся воды Тарима, является прѣсноводнымъ озеромъ. Должны поэтому найтись особыя причины, объясняющія такую кажущуюся аномалію".

Можно было-бы предположить, что вслѣдствіе ничтожнаго испаренія зимою, прѣсная вода наслоялась поверхъ соленой, но противъ этого предположенія говоритъ малая глубина озера. Другое объясненіе то, что Таримъ, часто мѣняющій теченіе и русло, покинулъ свой прежній водоемъ и излилъ свои воды въ новый, который слѣдовательно существуетъ сравнительно недавно.

„Третье и вѣроятнѣйшее предположеніе, что кромѣ двухъ, посѣщенныхъ Пржевальскимъ озеръ-бассейновъ (Кара-буранъ и Кара-курчинъ или Кара-кошунъ) существуетъ третье, въ которое впадаетъ рукавъ Тарима. На китайскихъ картахъ вмѣсто южнаго теченія Тарима показано большое озеро, которое пересѣкается параллелью 41° с. ш.; лежитъ оно, такимъ образомъ, на протяженіи Тарима и называется на картахъ Лобъ-норомъ. За это говоритъ, между прочимъ, то обстоятельство, что Пржевальскій не тамъ и слышалъ самое названіе Лобъ-норъ, но именно около той части теченія Тарима, къ востоку отъ которой должно лежать настоящее озеро Лобъ-норъ".

Другой важный аргументъ: Таримъ около устья Угэнь-Дарьи имѣетъ въ ширину 300 — 360 фут. и быстрое теченіе, но ниже соединенія всѣхъ рукавовъ только 180 — 210 ф. ширины и не особенно быстрое теченіе. Когда Пржевальскій проходилъ между этими рукавами, наиболѣе восточные изъ нихъ, можетъ быть, частью направлялись по протоку на востокъ, къ недоступной соленой пустынѣ, но путешественникъ проглядѣлъ этотъ протокъ. Заключаетъ Рихтгофенъ свое из-

слѣдованіе словами: „какъ ни высоко мы должны цѣнить все, что сдѣлалъ Пржевальскій для изслѣдованія Лобъ-нора, мы не можемъ всетаки считать этой задачи, ради рѣшенія которой онъ обрекъ себя на такіе труды, рѣшенною окончательно".

Три экспедиціи: Кэри и Дальглейша, Бонвало и принца Орлеанскаго и экспедиція Пѣвцова, которыя посѣтили Лобъ-норъ послѣ Пржевальскаго, не уяснили вопроса объ этомъ своеобразномъ озерѣ по той причинѣ, что всѣ они шли по тому-же пути, какъ и Пржевальскій.

И такъ, разрѣшеніе вопроса о настоящемъ Лобъ-норѣ, продолжаетъ оставаться желанною цѣлью для всѣхъ путешественниковъ, интересующихся географіей Азіи. Путешественникъ, который въ будущемъ посѣтитъ Лобъ-норъ, не долженъ удовольствоваться констатированьемъ существованія найденныхъ Пржевальскимъ озеръ, но также произвести систематическое и точное изслѣдованіе всей области къ сѣверу отъ нихъ, чтобы попытаться найти то озеро, въ которое, по соображеніямъ Рихтгофена, Таримъ изливаетъ часть своихъ водъ и которое кромѣ того обозначено на китайскихъ картахъ, отличающихся вообще большою точностью въ топографическомъ отношеніи.

Уже много лѣтъ я занимался изученіемъ географіи Центральной Азіи, частью дома, частью въ Берлинскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго знатока Китая, барона фонъ Рихтгофена, а частью во время двухъ своихъ путешествій въ 1885—86 г. и въ 1890—91 гг. въ Персію и Центральную Азію; послѣднее было предпринято во исполненіе порученія къ шаху Насръ-Эддину, даннаго мнѣ Вашимъ Величествомъ. Во время этихъ путешествій я имѣлъ случай примѣниться къ способамъ передвиженія по азіатскимъ областямъ и обращенію съ туземцами, а также изучить нѣсколько главныхъ нарѣчій. Надежда, что предварительныя изученія эти могутъ послужить на пользу наукѣ, побудила меня осмѣлиться просить Ваше Величество о покровительствѣ и поддержкѣ для осуществленія плана путешествія, которое въ

случаѣ удачи, принесетъ честь родинѣ и будетъ способствовать къ разсѣянію тумана, еще окутывающаго громадныя пространства внутренней Азіи. Изслѣдованіе сердца той части свѣта, гдѣ стояла колыбель арійскихъ народовъ, откуда изливались полчища монголовъ, наводнившія всю Азію и часть Европы, и гдѣ все еще ждетъ рѣшенія безконечное множество географическихъ вопросовъ, — принадлежитъ къ наиболѣе великимъ задачамъ въ области географическихъ открытій. Планъ мой: пересѣчь Азію съ запада на востокъ, отъ Каспійскаго моря до Пекина, посѣтивъ при этомъ наименѣе извѣстныя области.

Шведская экспедиція должна, по возможности, выѣхать изъ Стокгольма въ маѣ нынѣшняго года. Что до снаряженія, то оно будетъ выполнено въ Туркестанѣ и Ладакѣ, а изъ Стокгольма слѣдуетъ главнымъ образомъ взять лишь приборы и оружіе. Я и спутникъ мой, которому будутъ поручены астрономическія наблюденія, отправимся (черезъ Россію) въ Баку, по Каспійскому морю въ Узунъ-Ада и дальше по желѣзной дорогѣ въ Самаркандъ. Затѣмъ въ тарантасахъ отправимся по хорошо уже извѣстнымъ мнѣ дорогамъ черезъ Туркестанъ въ Ташкентъ, Коканъ, Маргеланъ и Ошъ, черезъ проходъ Терекъ-даванъ въ Кашгаръ въ Восточномъ Туркестанѣ, бывшій конечнымъ пунктомъ моего путешествія въ 1890 — 91 гг. Въ Кашгарѣ мы организуемъ предварительный караванъ на лошадяхъ и отправимся, черезъ Яркендъ и проходъ въ Каракорумѣ, въ г. Ле въ Ладакѣ, гдѣ проживаютъ англійскій агентъ и англійскіе купцы. Путешествіе въ Кашгаръ возьметъ мѣсяца два; оттуда до Ле еще мѣсяцъ; такимъ образомъ въ лучшемъ случаѣ мы будемъ въ Ле въ началѣ августа.

Первоначальнымъ моимъ намѣреніемъ было проникнуть изъ области Лобъ-нора черезъ хребетъ Кунь-лунь въ сѣверный Тибетъ. Въ прошломъ году въ декабрѣ мѣсяцѣ я встрѣтился въ Петербургѣ съ генераломъ Пѣвцовымъ, который въ 1889—90 гг. совершилъ упомянутую выше экспедицію по Восточному Туркестану. Генералъ Пѣвцовъ и отсовѣтовалъ мнѣ приводить въ исполненіе мой планъ въ его первоначальной формѣ. Русскій путешественникъ на горькомъ опытѣ извѣдалъ трудности, съ которыми встрѣчается въ этихъ обла-

стяхъ каждый путешественникъ, и тщетно пытался проникнуть вглубь Тибета на лошадяхъ и верблюдахъ. Вьючныя животныя погибли отъ бездорожья, суроваго климата, разрѣженнаго воздуха и почти полнаго отсутствія подножнаго корма. Генералъ Пѣвцовъ и посовѣтовалъ мнѣ избрать исходнымъ пунктомъ для экспедиціи въ Тибетъ Ле въ Ладакѣ. Въ Ле можно найти не только весь нужный провіантъ и всѣ необходимые предметы для снаряженія, какъ-то: палатки, сѣдла, тулупы, ковры, разную хозяйственную утварь, ящики для коллекцій и т. д., но и надежныхъ людей, которые какъ дома въ ближайшихъ областяхъ Тибета, а также домашнихъ яковъ, привыкшихъ къ разрѣженному воздуху, съ невѣроятной увѣренностью пробирающихся по самымъ невозможнымъ съ виду дорогамъ и способныхъ довольствоваться мхами и лишаями, которые они слизываютъ со скалъ въ этихъ безплодныхъ областяхъ. Экспедиціи слѣдуетъ составить караванъ въ 15 яковъ и запастись шестью хорошо вооруженными проводниками.

По словамъ Пѣвцова лучшимъ временемъ для путешествія по сѣверному Тибету является осень. Экспедиція должна поэтому выступить изъ Ле въ серединѣ августа и направиться на OSO къ озеру Тенгри-норъ почти по той же дорогѣ, по которой прошелъ пундитъ Наинъ-Сингъ въ 1874 г. Гдѣ нибудь къ сѣверу отъ Тенгри-нора надо разбить на необитаемомъ трактѣ лагерь, откуда уже я съ однимъ или двумя спутниками и могу, переодѣвшись, попытаться пробраться въ Лассу, а затѣмъ вернуться обратно въ главный лагерь у Тенгри-нора. Этотъ нѣсколько романтическій способъ проникнуть въ столицу Тибета будетъ выполненъ, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если обстоятельства окажутся благопріятными; собственно же съ географической точки зрѣнія посѣщеніе Лассы не представляетъ значенія. Отъ Тенгри-нора мы направимся по Тибету и, переваливъ черезъ Кунь-лунь, попытаемся добраться до Восточнаго Туркестана, гдѣ ближайшимъ пунктомъ нашихъ стремленій явится городъ Черченъ, куда мы и прибудемъ въ февралѣ будущаго года.

Замѣнивъ яковъ верблюдами, мы направимся къ сѣверу черезъ совершенно неизвѣстную часть пустыни Гоби, пока не достигнемъ теченія Тарима. Въ пустынѣ нѣтъ ни дорогъ,

ни колодцевъ, ничего кромѣ голыхъ сыпучихъ песковъ, но жители южной границы оазиса Нія сообщали Пржевальскому, что зимою эту пустыню можно пройти, такъ какъ въ это время года можно добыть немного воды изъ скудно выпадающаго снѣга. Предметами изученія въ пустынѣ послужатъ внѣшній видъ пустыни и перемѣщеніе летучихъ песковъ.

Затѣмъ мы направимся внизъ по Тариму, по лѣвому его берегу, чтобы изслѣдовать, не отдѣляетъ-ли рѣка рукавъ на востокъ, чтобы образовать на параллели 41° сѣв. шир. озера, расположеннаго къ сѣверу отъ Лобъ-нора Пржевальскаго. Разрѣшеніе вопроса о нахожденіи Лобъ-нора должно закончиться въ іюнѣ 1894 г., и тогда экспедиція выполнитъ свою труднѣйшую задачу.

Отъ Лобъ-нора мы направимся прямо на востокъ и пройдемъ неизвѣстныя части песковъ Кумъ-тагъ, затѣмъ пойдемъ черезъ Са-чжоу на Ала-шань, гдѣ, можетъ быть, найдутся надписи и памятники древнѣйшихъ временъ уйгуровъ; дальше черезъ Желтую рѣку на Ордосъ, откуда направимся къ сѣверу отъ великой стѣны и, наконецъ, черезъ сѣверно-китайскія провинціи Шань-си и Пе-чжи-ли въ Пекинъ, куда должны прибыть въ ноябрѣ 1894 г.

Легче, конечно, набросать такой грандіозный планъ, сидя за письменнымъ столомъ, нежели привести его весь въ исполненіе на самомъ дѣлѣ. На планъ поэтому вообще слѣдуетъ смотрѣть, какъ на желанную цѣль, къ достиженію которой экспедиція должна стремиться, и надо надѣяться, что, приложивъ всѣ усилія и энергію, намъ удастся осуществить, если не весь планъ цѣликомъ, то хоть насколько возможно. Вообще, когда дѣло идетъ объ экспедиціи, нельзя впередъ точно опредѣлить путей, по которымъ придется идти, тѣмъ болѣе въ такой неизвѣстной странѣ, какъ Тибетъ; всегда могутъ встрѣтиться самыя непредвидѣнныя препятствія, которыя и заставятъ перемѣнить первоначально составленный планъ.

Въ Пекинѣ экспедицію можно считать законченной. Отсюда я отправлю на родину своего спутника шведа съ собранными коллекціями, замѣтками и прочими матеріалами. Самъ-же я не желалъ-бы упустить случая ознакомиться,

если позволятъ средства, съ южной Монголіей и собственной Гоби, почему и намѣреваюсь направиться обратно черезъ Хами и Турфанъ, такъ какъ я во всякомъ случаѣ отвѣтственъ за благополучное возвращеніе моихъ людей на родину.

Начнется экспедиція собственно отъ Оша въ Ферганѣ, гдѣ прекращаются русскіе почтовые пути сообщенія и начинаются караванные пути, по которымъ мнѣ предстоитъ пройти почти 800 шведскихъ миль до береговъ Желтаго моря.

Расходы на всю экспедицію исчислены мною въ 30,000 кронъ.

Научныя работы, которыя должны быть выполнены, можно распредѣлить по слѣдующимъ группамъ:

1) Изготовленіе топографической карты всего пройденнаго маршрута.

Опредѣленіе долготы и широты должно производиться по возможности чаще. Должно также производить измѣренія абсолютныхъ высотъ посредствомъ гипсотермометра и трехъ анероидовъ.

2) Геологическія изысканія, разрѣзы профилей, собираніе горныхъ породъ.

3) Антропологическія изысканія и измѣренія среди племенъ, съ которыми придется сталкиваться. Фотографированіе различныхъ типовъ. Изученіе религіи, нравовъ, быта и языка полудикихъ племенъ. Лингвистическія изслѣдованія.

4) Археологическія изысканія. Описаніе, измѣреніе и рисунки развалинъ городовъ, кладбищъ и т. п.

5) Фотографированіе видовъ областей, интересныхъ въ геологическомъ отношеніи.

6) Метеорологическія наблюденія. Періодическія опредѣленія состоянія воздуха, температуры земли и воды, влажности воздуха, направленія вѣтра и т. п.

7) Гидрографическія изысканія. Глубина озеръ, обиліе воды въ рѣкахъ, измѣненіе этихъ условій, согласно временамъ года, быстрота теченія, направленіе и пр.

8) Собираніе растеній, особенно водорослей.

9) Веденіе дневника, впродолженіи всего путешествія.

Таковъ былъ планъ, представленный мной королю и одобренный его величествомъ.

Прослѣдивъ теперь, по окончаніи труда, проектированный маршрутъ и сравнивъ его съ дѣйствительнымъ, я нахожу, что въ общихъ чертахъ они совпадаютъ,—оба пересѣкаютъ Восточный Туркестанъ, Тибетъ и Монголію, но вижу и большія отклоненія, обусловленныя обстоятельствами. Прежде всего дѣйствительно пройденный маршрутъ гораздо длиннѣе проектированнаго и затрагиваетъ области, которыя я считалъ прежде совершенно недоступными. Затѣмъ, я измѣнилъ планъ въ самомъ-же началѣ, предпочитая начать путешествіе отъ Оренбурга по киргизскимъ степямъ, вмѣсто того, чтобы отправиться по знакомой мнѣ уже дорогѣ отъ Каспійскаго моря. *Памиръ*, вовсе не входившій въ программу, сталъ цѣлью трехъ продолжительныхъ научныхъ экскурсій, причемъ особенно восточный китайскій Памиръ былъ изслѣдованъ по всѣмъ направленіямъ. Такла-маканъ, огромная западная часть пустыни Гоби, была пройдена въ двухъ направленіяхъ, при чемъ мнѣ посчастливилось сдѣлать нѣкоторыя важныя археологическія находки. Наконецъ, была изслѣдована въ нѣсколько пріемовъ область между Кашгаромъ, Акъ-су и Хотаномъ.

По совершеніи продолжительнаго путешествія черезъ пустыню къ Тариму и Лобъ-нору и назадъ въ Хотанъ, оставался еще одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы—Тибетъ. Я какъ разъ узналъ тогда о результатахъ экспедиціи Дютрэйля де Рэна и Литледэля, имѣвшихъ цѣлью приблизительно тѣ-же области, которыя первоначально имѣлъ въ виду я, узналъ также, что они тщетно пытались пробраться въ Лассу. Это и послужило для меня главной причиной предпочесть заняться тѣми областями сѣвернаго Тибета, которыя продолжали еще оставаться настоящею terra incognita, гдѣ мнѣ повсюду,—исключая того мѣста, гдѣ я перерѣзалъ маршрутъ Бонвало и принца Орлеанскаго—предстояло быть первымъ, вступившимъ на эту почву европейцемъ, и гдѣ, слѣдовательно, каждый шагъ былъ завоеваніемъ, каждая гора, каждое озеро, рѣка представляли открытіе.

Послѣ-же того, какъ это трудное путешествіе было счастливо закончено, я вмѣсто того, чтобы направиться по первоначальному плану черезъ Монголію въ Ургу, двинулся

болѣе южнымъ путемъ, а именно черезъ Цайдамъ, страну тангутовъ, область Куку-нора и провинцію Гань-су, гдѣ мнѣ волей неволей приходилось идти по маршрутамъ другихъ экспедицій или пересѣкать ихъ. Въ Ала-шанѣ я уже свернулъ на неизвѣстную дорогу и только въ Ордосѣ, Шань-си и Печжи-ли вновь вступилъ на издавна протоптанные пути. Изъ Пекина въ Кяхту я проѣхалъ по Монголіи и затѣмъ черезъ Сибирь поспѣшилъ на родину.

Изъ другихъ отступленій отъ проектированнаго плана экспедиціи упомяну еще, что въ послѣднюю минуту я рѣшилъ отправиться одинъ, частью ради лучшаго употребленія суммъ, предоставленныхъ въ мое распоряженіе, частью ради того, чтобы не связывать себѣ рукъ во время путешествія: другой человѣкъ, можетъ быть, не захотѣлъ-бы такъ рисковать жизнью, или подвергать себя такимъ лишеніямъ, съ которыми уже примирился я.

Какъ я уже упоминалъ, трудно заранѣе начертить полный и подробный планъ экспедиціи, охватывающей такой огромный районъ; можно набросать и осуществить его лишь въ общихъ чертахъ, разумно подчиняясь силѣ обстоятельствъ. Вмѣсто того, чтобы, какъ я полагалъ вначалѣ, совершить экспедицію въ одинъ пріемъ, я нашелъ болѣе удобнымъ раздѣлить ее на нѣсколько отдѣльныхъ большихъ экскурсій, что мнѣ и удалось, благодаря безграничному гостепріимству, оказанному мнѣ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ, статскимъ совѣтникомъ Петровскимъ, который за свои неоцѣненныя услуги моему предпріятію былъ особенно отличенъ королемъ.

Пройдя зимою и весной 1894 года черезъ Памиръ, я предпринялъ изъ Кашгара въ теченіе лѣта и осени новое путешествіе въ восточный и средній Памиръ; весной и лѣтомъ 1895 г. изъ Кашгара же путешествіе черезъ пустыню Такламаканъ и сѣверную часть Восточнаго Туркестана, и затѣмъ еще лѣтомъ и осенью того-же года — опять таки изъ Кашгара — третье путешествіе въ восточный и южный Памиръ. Такимъ-же исходнымъ пунктомъ я сдѣлалъ позже Хотанъ; въ началѣ 1896 г. я началъ оттуда большое путешествіе вокругъ Восточнаго Туркестана и къ Лобъ-нору, и только, оставивъ Хотанъ въ концѣ іюня 1896 г., я въ серьезъ сжегъ

свои корабли, отрѣзалъ себѣ всякую возможность связи съ западной областью, имѣя впереди надежду вновь скрѣпить порванную связь лишь на крайнемъ восточномъ пунктѣ — въ Пекинѣ. Такой пріемъ сдѣлалъ мое путешествіе болѣе длиннымъ и продолжительнымъ, но за то и результаты вышли гораздо богаче, и послѣ каждаго путешествія я могъ, благодаря русской почтѣ, отправить домой много матеріаловъ. Словомъ, я думаю, что не нарушая скромности, могу признаться, что съ удовольствіемъ озираюсь на многое, сдѣланное во время этихъ путешествій: географическія открытія и разрѣшеніе вопросовъ, давно бывшихъ предметомъ обмѣна мыслей между географами.

Вообще мысль — разбить мою экспедицію на нѣсколько отдѣльныхъ была счастливой. Послѣ каждой такой экспедиціи я имѣлъ возможность отдохнуть отъ перенесенныхъ трудовъ и набраться силъ для новой, могъ отчасти разработать добытые результаты и подготовиться къ работѣ, ожидавшей меня въ слѣдующей экспедиціи; такимъ образомъ я каждый разъ выступалъ въ путь, имѣя въ виду новыя цѣли и руководясь новой точкой зрѣнія.

Въ описаніи моихъ путешествій, которое здѣсь предлагается публикѣ, я старался обрисовать все, что сохранила моя память изъ впечатлѣній, полученныхъ мною во время этого долгаго одинокаго странствія по нѣдрамъ Азіи. Само собою, что отчетъ о путешествіи, длившемся въ общей сложности $3^1/_2$ года, слишкомъ обширенъ для обыкновенной книги, и я думаю, что поступаю правильно, отдѣливъ чисто научную часть его отъ имѣющей общій интересъ и составившей содержаніе данной книги. Къ этой послѣдней части относится описаніе самаго путешествія, пройденныхъ областей, народовъ, съ которыми я сталкивался, и приключеній, которыя пришлось пережить мнѣ и моимъ людямъ въ этихъ необитаемыхъ и неизвѣстныхъ областяхъ. Чисто-же научная часть отчета, имѣющая болѣе спеціальный интересъ и требующая болѣе значительнаго срока для разработки, составитъ отдѣльное изданіе.

Благодаря щедрой помощи его величества короля оказалось нетрудно собрать исчисленную мною на расходы сумму въ 30,000 кронъ. Болѣе половины было дано королемъ, семействомъ Нобель и меценатами Гётеборга черезъ посредство

оберъ-интенданта Вестина. Остальная сумма покрылась пожертвованіями, сдѣланными бывшимъ канцлеромъ барономъ Окертельмъ, коммерсантомъ Е. Седерлундъ, г-жей Эммой Бенедиксъ, камергеромъ Трешовъ, архитекторомъ Андерсонъ, г-жой Кларой Шарпъ, коммерсантомъ І. Бэкстрёмъ, г. ф. Платенъ, генеральнымъ консуломъ Давидсонъ, шталмейстеромъ Сагеръ и директоромъ Карломъ Робертомъ Ламмъ. Пятеро изъ этихъ жертвователей уже умерли; остальнымъ приношу здѣсь горячую и почтительную благодарность.

Прибывъ въ Пекинъ, я долженъ былъ, однако, сдѣлать заемъ въ 4,000 кронъ, такъ что всѣ расходы по экспедиціи, включая и приборы и снаряженіе, достигли 34,000 кронъ.

Изъ пожертвованій вещами, съ благодарностью отмѣчаю: двухстволку отъ инспектора В. Паммъ, штуцеръ express отъ генеральнаго консула І. В. Смитъ, алюминіевый краніометръ отъ профессора Реціусъ и искусственный горизонтъ отъ профессора барона Норденшёльда.

Багажъ, взятый мною изъ Стокгольма, былъ не великъ, такъ какъ главное снаряженіе экспедиціи было предположено сдѣлать на азіатской почвѣ. У меня были съ собою слѣдующіе приборы: призма-циркуль (Vegener) съ двумя горизонтами, два хронометра (одинъ Гродсгэма изъ шведской королевской академіи наукъ, выданный подъ залогъ 600 кронъ, и другой Вирена, выданный мнѣ изъ Ташкентской обсерваторіи безъ всякаго залога), три французскихъ анероида, множество термометровъ, и другихъ метеорологическихъ приборовъ отъ Фусса (между прочимъ, также инсоляціонный термометръ, психрометры, термометры спиртовые, максимальные и минимальные, одинъ гипсометръ съ тремя термометрами; затѣмъ топографскій станокъ съ діоптромъ, бусоли и компасы — все отъ Берга въ Стокгольмѣ; Ватсоновская камера и Истмэновскій кодакъ съ полнымъ ассортиментомъ пластинокъ и проч. принадлежностей—все отъ Свена Шоландера; двое обыкновенныхъ часовъ, полевой бинокль и другой маленькій аллюминіевый, около 40 паръ очковъ простыхъ и отъ снѣжнаго блеска, наконецъ, геологическіе молотки, измѣрительныя ленты, краски, приборы для рисованія, альбомы для набросковъ, записныя книжки и проч.

Вооруженіе состояло, во все время экспедиціи, изъ двухъ

вышеупомянутыхъ ружей, шведскаго офицерскаго револьвера, русской берданки и полудюжины револьверовъ (Смита и Вессона) и двухъ ящиковъ боевыхъ припасовъ.

Библіотека, разумѣется, была ограничена по возможности и состояла всего изъ нѣсколькихъ важныхъ справочно-научныхъ книгъ и библіи; зато была взята самая полная коллекція маршрутовъ по внутренней Азіи и картъ Памира, Гоби и Тибета, составленныхъ русскими и англичанами.

Снарядившись такимъ образомъ и запасшись китайскимъ паспортомъ, который доставилъ мнѣ съ своей обычной готовностью посланникъ Рейтершёльдъ, оставилъ я въ ночь на 16 октября 1893 г. мой старый дорогой домъ въ Стокгольмѣ, и пароходъ „Фонъ Дёбельнъ“ понесъ меня къ востоку къ неизвѣстнымъ пустынямъ.

Никогда не забуду я этого холоднаго мрачнаго осенняго вечера; тяжелыя тучи нависли надъ Стокгольмомъ, и скоро его огни исчезли изъ виду. Впереди меня ожидали болѣе тысячи и одной ночи одиночества и тоски; все, что было у меня дорогого на землѣ, лежало позади, и эта первая ночь была самой горькой изъ всѣхъ; никогда уже больше я такъ не страдалъ отъ тоски по родинѣ, какъ именно тогда. Чувства эти пойметъ только тотъ, кто какъ и я, надолго покидалъ родину, имѣя въ перспективѣ туманное, невѣдомое будущее. Съ другой стороны, весь свѣтъ лежалъ теперь передо мною открытымъ, и я имѣлъ твердое намѣреніе сдѣлать все, что только было въ моей власти, чтобы рѣшить поставленныя мною самому себѣ задачи.

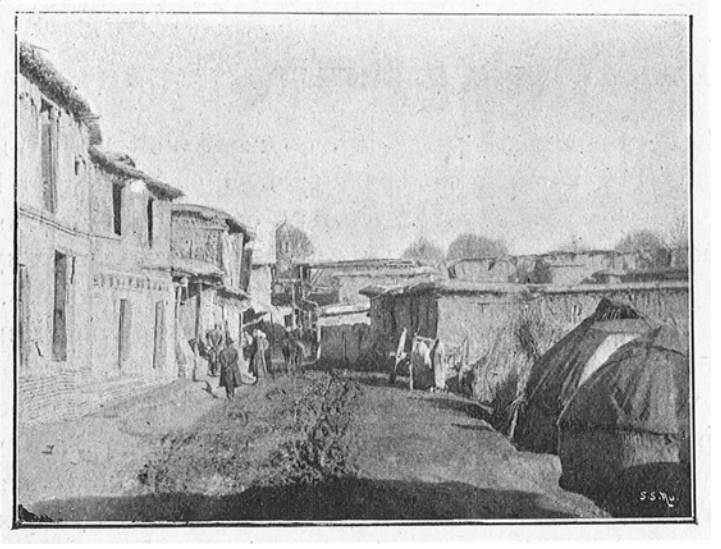
I.

Двѣ тысячи верстъ въ тарантасѣ.

Безостановочный переѣздъ по желѣзной дорогѣ на разстояніи 2,116 верстъ, отдѣляющихъ Оренбургъ отъ Петербурга, вещь не совсѣмъ-то пріятная, особенно въ такое время года, когда дождь, слякоть и вѣтеръ отнимаютъ у путешественника охоту пользоваться остановками на станціяхъ, чтобы прогуляться по платформѣ, а топка вагонныхъ печей или наполняетъ воздухъ зловоніемъ, или производитъ нестерпимую жару, что дѣлаетъ пребываніе въ купэ не всегда сноснымъ. Четверо сутокъ, понадобившихся, чтобы проѣхать черезъ Европейскую Россію, не показались, однако, ни долгими, ни утомительными. За Москвой всегда можно быть увѣреннымъ въ просторномъ дорожномъ помѣщеніи, можно устроить себѣ уютный уголокъ въ купэ и спокойно любоваться изъ окна безконечными степями и полями Россіи. Покуриваешь себѣ трубочку, время отъ времени выпьешь стаканъ горячаго чаю, слѣдишь по картѣ, смотришь, какъ мелькаютъ одна за другою губерніи, и коротаешь время въ бесѣдѣ. Разговоръ со спутниками считается въ Россіи самымъ обычнымъ дѣломъ, и если нѣтъ другого предлога для вступленія въ разговоръ, то всегда можно спросить сосѣда, куда онъ ѣдетъ. Мои спутники большею частью направлялись въ разные сосѣдніе города: Рязань, Пензу, Самару и др. и, получая въ отвѣтъ на вопросъ: куда ѣду я, — „въ Пекинъ“, не мало изумлялись и часто даже, повидимому, не вполнѣ ясно представляли себѣ, гдѣ собственно находится такой городъ.

Безконечныя степи, пахотныя поля, бородатые крестьяне въ мѣховыхъ шапкахъ и длинныхъ полушубкахъ, бѣлыя церкви съ зелеными маковками, избушки, вѣтряныя мельницы, которыя, по крайней мѣрѣ въ то время, не имѣли недостатка въ вѣтрѣ — вотъ картины, представлявшіяся мнѣ изъ окна вагона. Часъ за часомъ, день за днемъ тѣ-же самыя картины, и только къ востоку отъ Тамбова паровой конь понесъ насъ черезъ низкій лѣсъ, изъ котораго кое-гдѣ высовывались лишь макушки сосенъ.

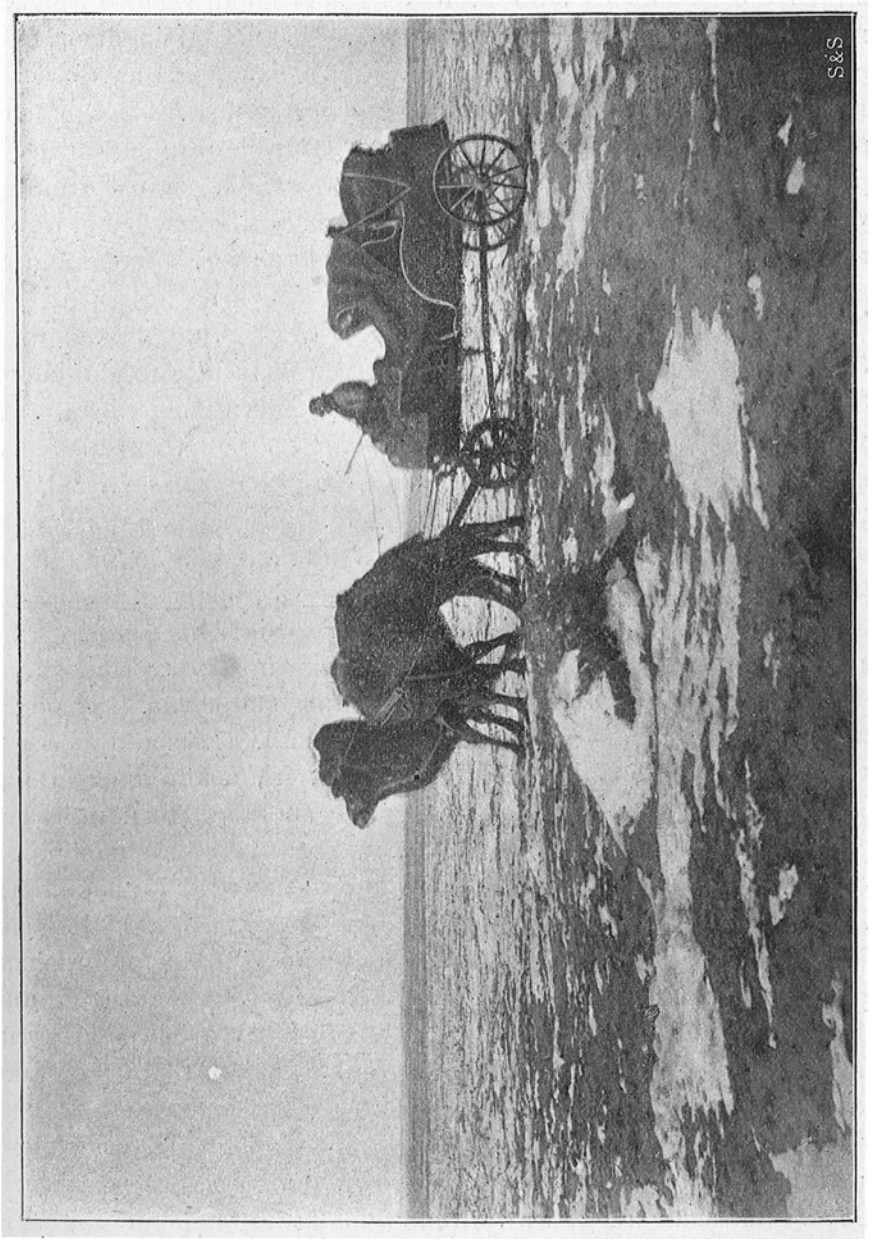
Такъ проносились мы на востокъ черезъ губерніи Рязан-



Улица въ Ташкентѣ.
(Съ фотографіи автора).

скую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и Симбирскую, пока, наконецъ, около Сызрани достигли величайшей европейской рѣки, черезъ которую перекинутъ одинъ изъ длиннѣйшихъ мостовъ въ свѣтѣ, длиною въ 1,484 метра. Волга похожа здѣсь скорѣе на море, чѣмъ на рѣку; другой берегъ ея исчезаетъ въ туманѣ; мутныя, темныя волны ея катятся очень медленно подъ гигантскими пролетами желѣзнаго моста. Рѣка здѣсь такъ-же безжизненна, какъ и область, по которой она протекаетъ; виднѣются только нѣсколько яликовъ, да стоящій на якорѣ колесный пароходъ.

А затѣмъ мы опять несемся по однообразной степи. На



Мой тарантасъ заложенъ тремя верблюдами.
(Съ фотографіи автора).

границѣ между Самарской и Оренбургской губерніей знакомимся съ югозападными отрогами Урала; мѣстность становится здѣсь болѣе пересѣченной, и желѣзная дорога часто бѣжитъ по кривой линіи между холмами. Вдоль большихъ пространствъ по желѣзнодорожной линіи воздвинуты заборы, которые защищаютъ полотно отъ заносовъ зимою. Чѣмъ дальше подвигаешься къ востоку, тѣмъ пустыннѣе становится мѣстность; лишь около станцій увидишь людей, да въ степяхъ рѣдкій разъ стада рогатаго скота, овецъ и козъ. Небо сѣрое и хмурое, поля желтѣютъ поблекшею травой. Такова сопредѣльная Азіи область Европы.

По прошествіи этихъ четырехъ сутокъ, порядкомъ разбитый прибылъ я въ главный городъ края и резиденцію губернатора Оренбургъ, расположенный близъ впаденія р. Сакмары въ Уралъ. Городъ представляетъ мало интереснаго. Красивыя церкви, изъ которыхъ самая большая — Казанскій соборъ еще не совсѣмъ оконченный, и низенькіе каменные домики, расположенные по бокамъ широкихъ, но немощенныхъ улицъ, на которыхъ можно утонуть въ грязи. На окраинахъ-же города можно любоваться чисто азіатскими картинами; тамъ раскинули свои торговыя палатки подъ открытымъ небомъ или въ низенькихъ сараяхъ татары и киргизы. Въ одномъ мѣстѣ продаютъ всевозможныя телѣжки, телѣги, брички и тарантасы, которые, большею частью, привозятся сюда изъ Уфы, въ другомъ — сѣно, наваленное громадными копнами на сани, запряженныя верблюдами, въ третьемъ — лошадей, рогатый скотъ, овецъ, куръ, гусей, индѣекъ и другую живность. Изъ 56,000 жителей Оренбурга около 8,000 мусульманъ; большинство изъ нихъ татары, остальные башкиры и киргизы. Главная татарская мечеть, воздвигнутая на средства одного богатаго купца, очень красива. Между магометанами замѣтно кромѣ того много купцовъ изъ Хивы и Бухары, торгующихъ хлопкомъ, который вывозится изъ Средней Азіи.

Въ Оренбургѣ стоитъ въ военное время 18 казачьихъ полковъ, въ мирное 6; въ каждомъ около 1,000 человѣкъ. Службу казаки несутъ въ мирное время по очереди, такъ что подъ ружьемъ всегда только 6 полковъ, смѣняющихся каждые 3 года. Остальные 12 обрабатываютъ въ свободный отъ службы срокъ свою землю, отведенную имъ отъ казны въ вознагра-

жденіе за службу. Отъ казны-же полагается имъ огнестрѣльное оружіе, а обмундировка и лошади у нихъ свои. Несущіе нынѣ службу очередные 6 полковъ расквартированы въ Ташкентѣ, Новомъ Маргеланѣ, Петро-Александровскѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и Харьковѣ. Оренбургское казачество представляетъ всегда значительную силу и численностью уступаетъ лишь Донскому и Кубанскому. Уральское казачество состояло во время моего пребыванія въ Россіи только изъ трехъ полковъ: одинъ находился въ Самаркандѣ и два на австрійской границѣ. Казаки эти — народъ зажиточный, такъ какъ имъ предоставлено исключительное право ловли рыбы въ нижнемъ теченіи Урала, и они воздвигли повыше своего главнаго города Уральска запруды, чтобы помѣшать стерлядямъ идти къ Оренбургу. Начальникъ казаковъ носитъ титулъ атамана. Атаманомъ оренбургскихъ казаковъ былъ при мнѣ генералъ Ершовъ, губернаторъ Оренбурга.

Если я прибавлю еще, что Оренбургъ расположенъ на рубежѣ Азіи, на самомъ крайнемъ восточномъ пунктѣ огромной Европейской Россіи, что въ немъ есть казармы, больница, богадѣльня, школы, гостинница, носящая характерное названіе „Европа“, театръ, гдѣ какъ разъ при мнѣ давали Тургенева и Ибсена, что въ немъ имѣетъ свое пребываніе губернаторъ, вице-губернаторъ и военный губернаторъ Тургайской области (между рѣкой Ураломъ и Аральскимъ моремъ), — то, думаю, вотъ и все достопримѣчательное, что можно найти въ этомъ городѣ. Климатъ здѣсь вполнѣ континентальный; лѣтомъ стоитъ удушливый зной, бездождіе и пылища. Зимою температура падаетъ часто до—40°, холодъ этотъ бываетъ, однако, не особенно чувствителенъ, такъ какъ обыкновенно при этомъ нѣтъ вѣтра. Время отъ времени подымаются бураны, наметающіе такіе огромнѣйшіе сугробы снѣга на улицахъ, что иногда по цѣлымъ днямъ нельзя выйти изъ дому, — съ уборкой снѣга здѣсь не такъ-то спѣшатъ. Зато санный путь стоитъ тогда превосходный; отличныя черныя лошади бойко мчатся по улицамъ, и санки подъ звонъ бубенчиковъ скользятъ по снѣгу съ легкостью перышка. Весною и осенью погода очень непостоянна, выпадаетъ много атмосферныхъ осадковъ, и улицы превращаются въ настоящія болота.

Разстояніе отъ Петербурга до Оренбурга равняется, какъ

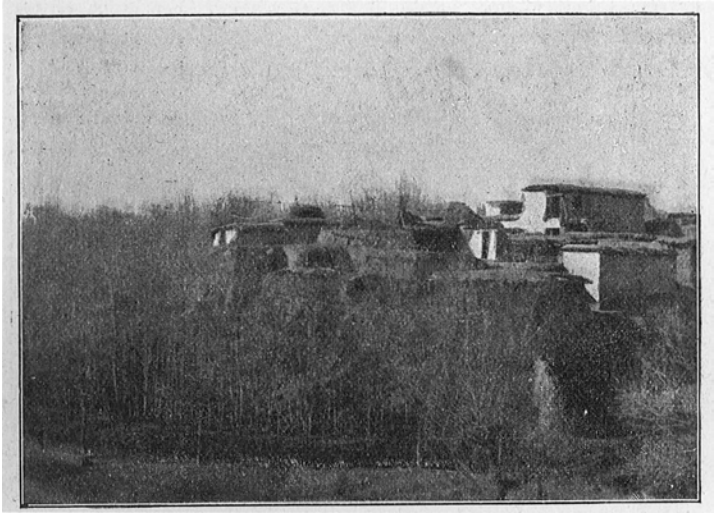
сказано, 225 шведскимъ милямъ; между Оренбургомъ и Ташкентомъ — 208 мил. (1,956 в.), и мнѣ предстояло, слѣдовательно, сдѣлать почти такой-же путь въ экипажѣ, какой я сдѣлалъ по желѣзной дорогѣ въ четверо сутокъ: двѣ тысячи килом. въ тарантасѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по каменистымъ, размытымъ, или занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ, черезъ степныя пустынныя области! Я нѣсколько побаивался такой дороги, почти равняющейся по разстоянію прямому пути отъ Нордкапа черезъ Стокгольмъ и Мальмё до Рюгена, пути отъ Стокгольма до Рима, отъ Берлина до Алжира, или отъ Іерусалима до Хартума. Но желѣзная дорога до Самарканда не представляла уже для меня новизны, и къ тому-же мнѣ хотѣлось воспользоваться случаемъ увидать безграничныя киргизскія степи и киргизскую пустыню Кара-Кумъ (Черный песокъ), чтобы убѣдиться въ соотвѣтственности ея туркменскаго прозвища.

Можно, если угодно, ѣхать въ почтовомъ экипажѣ, но тогда надо мѣнять его на каждой станціи, а такъ какъ этихъ станцій 96, то можно представить себѣ, сколько потеряешь времени и трудовъ на перекладку багажа. Лучше всего поэтому въ самомъ началѣ поѣздки купить собственный тарантасъ, устроиться въ немъ на все время пути какъ можно удобнѣе со всѣми своими войлоками, коврами и тулупами, — тарантасъ не имѣетъ ни сидѣнья, ни рессоръ — и тогда знай только мѣняй лошадей на станціяхъ.

Передъ отъѣздомъ надо запастись разными необходимыми вещами, прежде всего провизіей, потому что на станціяхъ не найдешь въ большинствѣ случаевъ ничего съѣдобнаго; только самоваръ за 15 копѣекъ всегда къ услугамъ путешественника, да иной разъ можно пріобрѣсти кусокъ чернаго хлѣба. Затѣмъ надо запастись веревками, бичевками, гвоздями, гайками и тому подобными предметами, на случай неизбѣжной поломки экипажа, а также смазкой, такъ какъ на каждой третьей станціи необходимо смазывать оси, чтобы онѣ не загорѣлись. Покидая Оренбургъ, разомъ разстаешься со всякой цивилизаціей и, углубляясь на востокъ, оказываешься всецѣло предоставленнымъ самому себѣ.

Первыя 28 миль мы ѣхали еще по европейской почвѣ, по Оренбургской губерніи; слѣдующія 50 по Тургайской области, а остальныя по Сыръ-Дарьинской вдоль Аральскаго

моря и Яксарта. Дорога лежитъ на 6 маленькихъ городовъ: Орскъ, Иргизъ, Казалинскъ, Перовскъ, Туркестанъ и Чимкентъ; проѣзжали также много селеній, но обыкновенно бѣленькіе станціонные домики съ четыреугольнымъ дворомъ для лошадей и экипажей лежали среди чистаго поля или много много по сосѣдству отъ какого-нибудь киргизскаго зимняго аула. Попадавшіяся въ глубинѣ степей станціи были болѣе чѣмъ примитивнаго устройства; иногда онѣ состояли просто изъ киргизской юрты, обнесенной изгородью изъ тростника и сучьевъ. Но даже такія юрты, какъ и вообще помѣщенія для проѣзжихъ на почтовыхъ станціяхъ, украшены портретомъ



Видъ магометанской части г. Ташкента.
(Съ фотографіи автора).

царя и снабжены кожанымъ диваномъ, стульями и столомъ. Въ углу виситъ икона съ лампадкой, а на столѣ лежитъ евангеліе для пользованія проѣзжихъ. Между Оренбургомъ и Орскомъ на всѣхъ станціяхъ имѣются библіи, пожертвованныя великимъ Пржевальскимъ.

Станціонные смотрителя (старосты или старшины), величаемые также писцами или писарями, всегда изъ русскихъ и коротаютъ здѣсь свою ужасающе однообразную жизнь со своими семействами. Единственное, что нарушаетъ это вѣчное однообразіе — прибытіе почты или проѣзжаго въ грохочущемъ тарантасѣ. Но такое соприкосновеніе съ внѣшнимъ

міромъ обыкновенно лишь мимолетно; проѣзжій спѣшитъ выѣхать изъ этого уединеннаго двора, приказываетъ закладывать свѣжихъ лошадей, пьетъ чай, пока ихъ запрягаютъ, и затѣмъ мчится дальше.

Старосты получаютъ отъ 150 до 280 рублей въ годъ жалованья; въ ихъ распоряженіи четыре ямщика, почти всегда изъ татаръ или киргизовъ. Жребій послѣднихъ еще менѣе завиденъ: во всякое время, во всякую погоду будь готовъ сѣсть на козлы и направить свою тройку по дорогѣ, изъѣзженной взадъ и впередъ тысячи разъ въ дождь и въ темень, въ вёдро и въ бурю,

Въ тарантасъ заложили пятерикъ.
(Съ фотографіи автора).

въ морозъ и вьюгу. Спятъ ямщики, когда придется, и поэтому охотно прощаешь имъ, если они иной разъ, слѣдуя примѣру проѣзжаго, тоже начинаютъ клевать носомъ. Ямщики получаютъ отъ 60 до 65 рублей въ годъ, и пудъ или полтора пуда хлѣба и полбарана въ мѣсяцъ. Провизію и другіе, нужные для станціи запасы доставляетъ особый человѣкъ, который въ извѣстное время объѣзжаетъ съ этой цѣлью весь почтовый трактъ.

Почтовый трактъ между Оренбургомъ и Ташкентомъ содержится частными лицами. На станціяхъ между Оренбургомъ и Орскомъ не уплачиваютъ никакого государственнаго сбора, такъ какъ каждый станціонный смотритель является

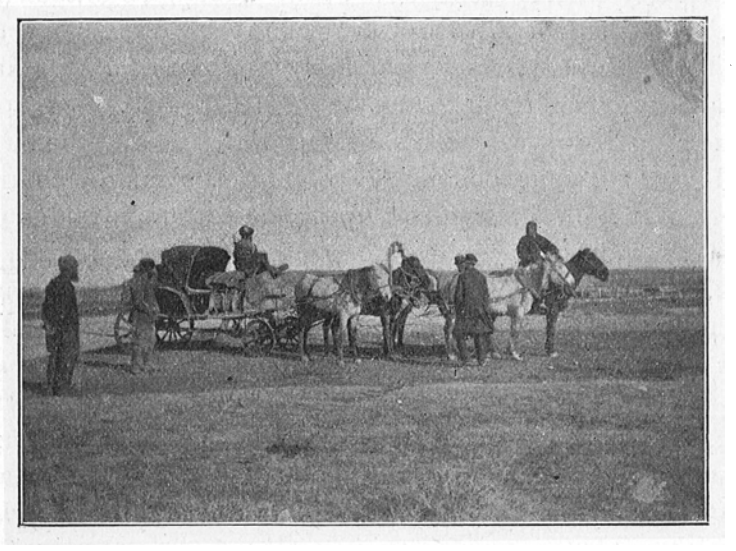
хозяиномъ лошадей и экипажей; но на трактѣ отъ Токана до Тереклы, содержимомъ оренбургскимъ купцомъ Мякиновымъ, надо на каждой станціи платить государственный сборъ — по 10 к. съ лошади. Въ Токанѣ уплачивается въ пользу Мякинова сполна вся сумма за проѣздъ до Тереклы. Отъ этого мѣста до Ташкента содержитъ почтовый трактъ ташкентскій купецъ Ивановъ; онъ же содержитъ смотрителей, ямщиковъ, лошадей и экипажи и за то собираетъ весь доходъ, получаемый съ проѣзжихъ, уплачивающихъ на одной изъ конечныхъ станцій за проѣздъ по всему тракту.

Повсюду слышались разговоры о „добромъ старомъ времени“, когда этотъ путь служилъ единственной дорогой въ русскій Туркестанъ, когда по нему проѣзжала масса людей, и на каждой станціи держалось по 9—10 троекъ. Съ походомъ Скобелева противъ туркменъ и постройкой Анненковымъ желѣзной дороги, завелись новые порядки. Главная почта въ Ташкентъ и многочисленные проѣзжіе предпочитаютъ болѣе быстрый, дешевый и удобный способъ сообщенія по желѣзной дорогѣ, и старый почтовый трактъ, идущій черезъ киргизскія степи, пришелъ въ упадокъ. Проѣзжіе стали здѣсь диковинкой, города потеряли значеніе и обѣднѣли, торговыя сношенія между Туркестаномъ и Россіей упали, число каравановъ, возившихъ въ Оренбургъ шерсть и хлопокъ, сильно убавилось, и только ради мѣстной почты, да политическихъ и стратегическихъ соображеній не упраздняютъ этого тракта совсѣмъ.

Во время моего пребыванія въ Оренбургѣ, вице-губернаторъ, генералъ Ломачевскій, предоставилъ въ мое распоряженіе одного стараго почтеннаго чиновника, который прослужилъ въ городѣ 45 лѣтъ. Съ его помощью мнѣ и удалось снарядиться въ путь-дорогу хорошо и дешево. Такъ купили мы совершенно новый большой и прочный тарантасъ съ толстыми желѣзными шинами на колесахъ, за 75 рублей. Впослѣдствіи я продалъ его въ Маргеланѣ за 50 р. Въ тарантасъ безъ труда умѣстился я самъ и весь мой багажъ (около 300 килогр.); отнынѣ этому экипажу предстояло служить моимъ постояннымъ жилищемъ впродолженіи 19 сутокъ безпрерывно.

14 ноября въ Оренбургѣ разразился первый зимній буранъ, и термометръ въ полдень показывалъ —6° Ц. Но такъ

какъ все у меня было готово, то я и не захотѣлъ откладывать отъѣзда. И вотъ принялись обшивать рогожами чемоданы и ящики съ разными припасами, привязывать ихъ крѣпкими веревками, частью сзади тарантаса, частью передъ козлами; мѣшки, въ которыхъ могла явиться надобность въ дорогѣ, фотографическіе аппараты, провизія, а также войлоки, ковры, подушки и шубы укладывались въ середину тарантаса; оси основательно смазали и запрягли первую тройку. Уладилось все только къ вечеру, и я, привѣтствуемый на прощанье любезнѣйшимъ генераломъ Ломачевскимъ и всѣми обитателями



Тарантасъ готовъ выѣхать.

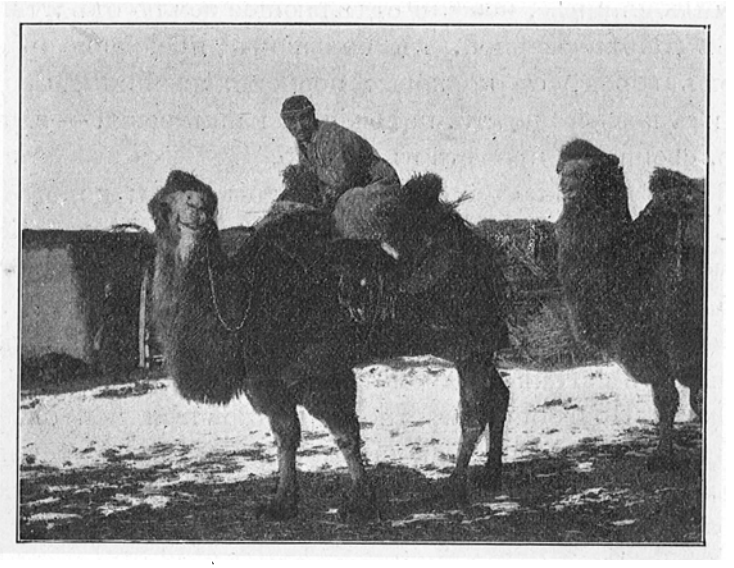
(Съ фотографіи автора).

гостинницы, наконецъ, отправился. Тяжелый тарантасъ съ грохотомъ выѣхалъ изъ воротъ; звонъ бубенчиковъ будилъ веселое эхо въ улицахъ Оренбурга. Когда стемнѣло, мы были уже въ степи; вѣтеръ гудѣлъ и свисталъ вокругъ кожаннаго фартука и поднятаго верха тарантаса и часто гналъ намъ въ лицо цѣлыя облака мелкой снѣжной пыли. Мало-по-малу вѣтеръ, однако улегся, и звѣзды озарили тонкій снѣжный покровъ, покрывавшій пространство вокругъ.

Въ Нѣжинской меня нагнала почта, которая два раза въ недѣлю ходитъ въ Ташкентъ; такъ какъ она поддерживаетъ лишь мѣстное сообщеніе, то и занимала всего двѣ тройки;

багажъ ея, однако, достигалъ 52 пудовъ. Первый почтальонъ провожаетъ почту лишь до Орска, откуда ѣдетъ съ нею другой до Иргиза, третій до Казалинска, четвертый до Перовска, пятый до Туркестана и шестой до Ташкента. Мы рѣшили ѣхать въ компаніи до Орска, и три наши статныя тройки выѣхали, послѣ недолгаго отдыха на станціи, вмѣстѣ. Дорога на Каменноозерную была холмиста и тяжела для лошадей, затѣмъ стала ровнѣе, снѣгъ растаялъ, и почва мѣстами обнажилась.

По дорогѣ на Гирьяльскую мы встрѣтили первыхъ путни-



Киргизы верхомъ на верблюдахъ въ степи.
(Съ фотографіи автора).

ковъ. Это былъ караванъ во сто верблюдовъ, представлявшій весьма живописное зрѣлище среди этого пустыннаго ландшафта. Гнали верблюдовъ киргизы, а навьючены верблюды были хлопкомъ, который везли изъ Орска въ Оренбургъ. Тутъ у одной изъ почтовыхъ телѣгъ лопнула ось, и телѣга остановилась. Отъ тряски и тренія развязался также мой багажъ, и пришлось перевязывать его. Небо хмурилось, было вѣтряно, но снѣга не выпадало; морозъ стоялъ — 2,5°. Рѣка Уралъ еще не показывалась, но мы переѣхали по деревяннымъ мостамъ черезъ нѣсколько ея притоковъ. По тракту расположены небольшія казачьи станицы съ гарнизонами оренбургскихъ казаковъ.

На Красногорской, куда мы прибыли на зарѣ, мы остановились позавтракать. Старикъ почтальонъ, коренастый, высокій, бородатый русакъ, жаловался мнѣ, что, по случаю поста, нельзя ѣсть ничего мясного, кромѣ рыбы, — все запрещено, и былъ очень пріятно пораженъ, когда я предложилъ ему коробку съ консервированной стерлядью. Покончилъ онъ съ нею невѣроятно быстро и впродолженіи ¾ часа выпилъ 11 стакановъ чаю. Онъ сообщилъ мнѣ, что втеченіе 20 лѣтъ 30 разъ въ годъ совершаетъ переѣздъ между Оренбургомъ и Орскомъ; выходитъ, что онъ проѣхалъ за это время пространство на тысячу миль длиннѣе, нежели отдѣляющее землю отъ луны.

Въ Верхнеозерной, въ большомъ прекрасно расположенномъ городѣ съ церковью посреди, женщины продаютъ шали изъ козьей шерсти, похожія на кашмирскія, — ихъ тоже можно, свернувъ, продѣть въ кольцо.

Все степь, да степь! Вдали видны горы; дорога идетъ вдоль замерзшаго, запорошеннаго снѣгомъ Урала. Кое-гдѣ виднѣются киргизскія юрты, но вообще кругомъ пустынно, разстоянія между станціями огромныя; однообразная тряска по твердой замерзшей дорогѣ и монотонное позвякиванье бубенчиковъ нагоняетъ дремоту.

Около Подгорной мѣстность становится пересѣченной; на слѣдующемъ перегонѣ начинается подъемъ на Губерлинскія горы, и намъ пришлось ѣхать на четверкѣ съ холма на холмъ. Два раза переѣзжали широкую рѣку Губерлю. Между этими двумя станціями у одного русскаго офицера свалился подъ гору экипажъ, и ямщикъ убился до смерти; послѣ того обрывъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ обгородили столбиками.

Проѣзжая послѣднія станціи, мы встрѣчали многочисленныя стада рогатаго скота, который гнали въ Оренбургъ, а оттуда еще дальше, вглубь страны. Черезъ двое сутокъ мы прибыли въ Орскъ, городокъ съ 20,000 жителей, расположенный на лѣвомъ берегу Урала, и на правомъ берегу Ори. Лежитъ онъ такимъ образомъ уже на азіатской почвѣ, и, чтобы попасть туда, надо переѣхать черезъ величавый Уралъ по узкому деревянному мосту. Дома выстроились вокругъ одинокаго возвышающагося надъ городомъ холма, на вершинѣ котораго высится каланча, гдѣ днемъ колокола звонко отбиваютъ часы, а ночью расхаживаетъ сторожъ, готовый затре-

звонить въ случаѣ, если гдѣ либо вспыхнетъ пожаръ. Съ каланчи открывается безпредѣльный видъ; вблизи виднѣются низкія горы; только на юго-востокѣ, гдѣ идетъ дорога на Ташкентъ, мѣстность представляется ровной.

Между р. Ураломъ и холмомъ раскинулась та часть Орска, гдѣ находится церковь, всѣ административныя учрежденія, школы, почта, телеграфъ и базары и гдѣ живутъ купцы и зажиточные граждане; на югѣ отъ холма ютятся жилища бѣдняковъ, крестьянъ, татаръ и киргизовъ.

Хотѣли было возвести на холмѣ городской соборъ, заложили уже фундаментъ, но средствъ не хватило, и работы пріостановились. Соборъ этотъ былъ-бы виденъ издалека и со стороны Европы и со стороны Азіи.

Весеннимъ разливомъ Урала иногда затопляетъ Орскъ. Рѣка разливается мѣстами въ видѣ обширныхъ озеръ, и горожане въ это время съ удивленіемъ наблюдаютъ со своего холма за обратившеюся въ море степью. Каждую весну ледоходъ ломаетъ деревянный мостъ, который поэтому и возобновляется ежегодно. Бываетъ, что почту приходится переправлять на паромахъ.

Между р. Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, Аральскимъ, Сыръ-дарьей и Иртышемъ простирается громадная ровная Киргизская степь. Населеніе здѣсь кочующее и чрезвычайно рѣдкое; животныя и растенія водятся также въ очень небольшомъ количествѣ. Волки, лисицы, антилопы, зайцы и проч. рыщутъ по безконечному пространству; колючія степныя растенія съ трудомъ выдерживаютъ борьбу съ суровой природой. Тамъ, гдѣ почва сыра, растетъ непроходимыми чащами камышъ или тростникъ, и даже въ самыхъ сухихъ песчаныхъ мѣстахъ растетъ косматыми кустами саксаулъ (anabasis ammodendron), достигая иногда въ вышину даже 2 метровъ. Его твердые, какъ кость, корни, необычайной длины представляютъ наилучшее топливо; киргизы и запасаются ими на зиму съ осени. Около каждаго аула можно найти настоящія горы такихъ корней, а не рѣдко попадаются и цѣлые караваны, навьюченные ими.

Степь тамъ и сямъ орошается ручейками, которые къ осени обыкновенно пересыхаютъ; они впадаютъ въ небольшія соленоводныя озера, на берегахъ которыхъ весною и осенью

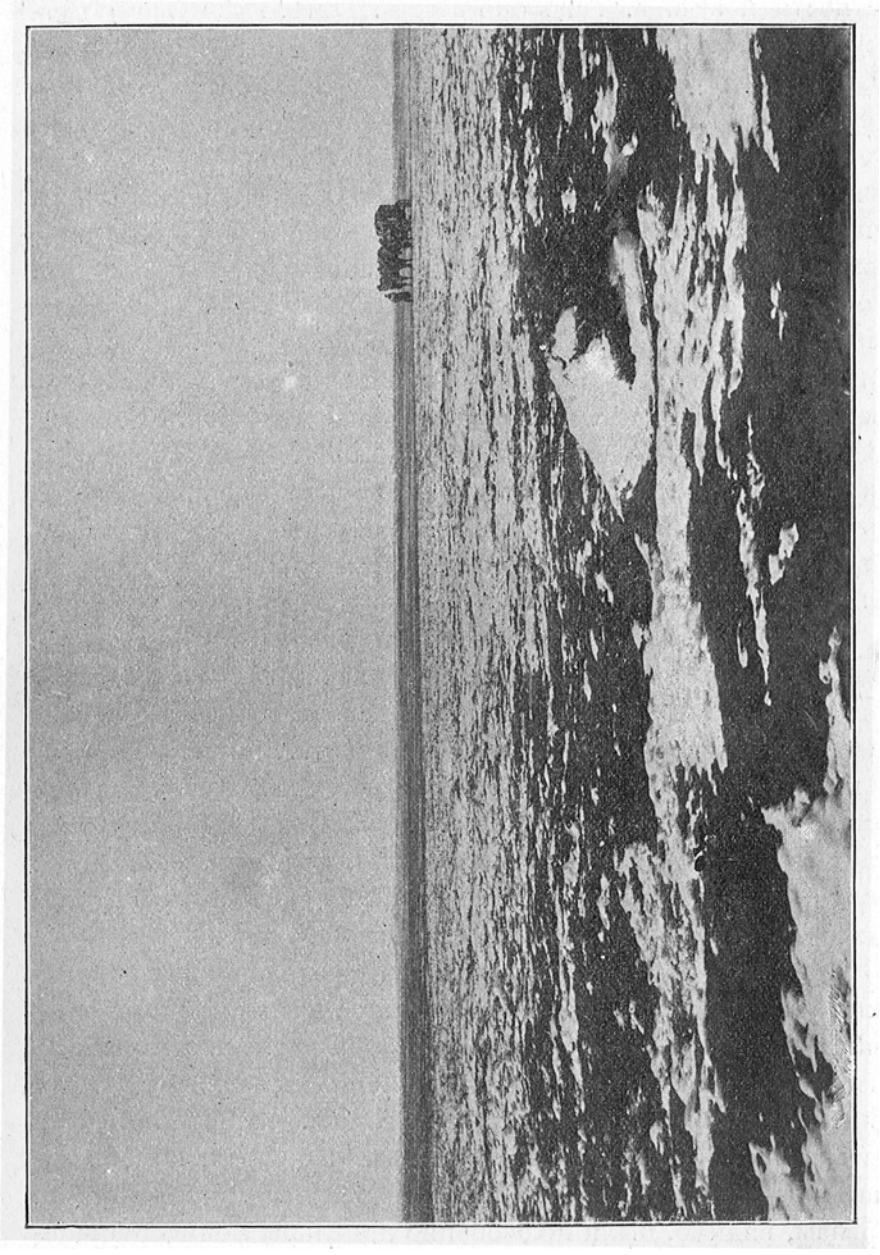
останавливаются пролетомъ безчисленныя массы перелетныхъ птицъ. У источниковъ киргизы разбиваютъ свои кочевья, состоящія изъ черныхъ войлочныхъ юртъ и навѣса изъ камыша. Зимнія-же жилища бываютъ обыкновенно сбиты изъ глины или земли. Лѣтомъ киргизы направляются со своими большими стадами къ сѣверу, чтобы спастись отъ зноя и найти пастбища, невыжженныя солнцемъ. Многіе киргизы имѣютъ по 3,000 головъ овецъ, и 500 головъ лошадей, и считаются богачами. Зимою въ сѣверномъ Тургаѣ свирѣпствуютъ сильные холода, въ январѣ и февралѣ постоянные бураны; киргизы отыскиваютъ тогда свои старые зимніе поселки и держатъ овецъ ради защиты отъ вьюгъ въ особыхъ загонахъ изъ тростника. Однимъ словомъ, климатъ здѣсь типично континентальный.

Киргизы полудикій, но способный, здоровый и добродушный народъ. Они любятъ величать себя „кайсаками“, т. е. храбрецами, молодцами, довольны своей одинокой жизнью въ степяхъ, предпочитаютъ всему на свѣтѣ свободу, не любятъ подчиняться и презираютъ тѣхъ, кто живетъ въ городахъ или занимается земледѣліемъ. Борьбу за существованіе имъ приходится вести тяжелую; главнымъ источникомъ благосостоянія служитъ для киргизовъ скотъ, снабжающій ихъ и пищей и одеждой; скудная растительность и самая земля доставляютъ имъ матеріалъ для возведенія жилья, а длинные долго тлѣющіе корни саксаула защиту отъ холода. Языкъ киргизовъ не особенно богатъ, и они въ разговорѣ часто дополняютъ слова оживленной жестикуляціей.

Киргизы страстно любятъ свою пустынную степь, гдѣ жили вольною жизнью ихъ родичи; они находятъ степь прекрасной и полною прелести разнообразія, между тѣмъ какъ чужестранецъ тщетно ищетъ здѣсь на чемъ-бы остановить утомленный ея однообразіемъ взоръ. Правда, что степь, какъ и море, величественна и производитъ подавляющее впечатлѣніе, но она такъ тоскливо-однообразна! Я несся день и ночь съ головокружительной быстротой, но виды вокругъ оставались все тѣ-же; тарантасъ попрежнему былъ центромъ громаднаго пространства съ недосягаемымъ горизонтомъ, который ясно позволялъ угадывать шарообразную форму земли.

Только весной можетъ вынести чужой путникъ насла-

жденіе изъ путешествія по этимъ мѣстамъ; весною воздухъ бываетъ напоенъ чуднымъ благоуханіемъ, растительность



Киргизская степь на восточномъ берегу Аральскаго моря.
(Съ фотографіи автора).

развертывается съ необычайной мощью, точно торопясь воспользоваться короткимъ срокомъ, пока жгучее лѣтнее солнце не высушитъ и не сожжетъ всего.

Въ силу самой окружающей природы, можно было ожидать найти у киргизовъ сильно развитыя и утонченныя чутье мѣстности и зрѣніе. Такъ оно и есть. Тамъ, гдѣ чужому путнику мѣстность втеченіе многихъ дней пути представляется совершенно ровною, голой безъ примѣтинки, безъ всякихъ слѣдовъ дороги, киргизъ даже ночью оріентируется съ поразительной увѣренностью. Дорогу указываютъ ему не однѣ звѣзды, — онъ знаетъ каждый кустъ, каждый камешекъ, примѣчаетъ всѣ мѣста, гдѣ кочки расположены рѣже или чаще обыкновеннаго, замѣчаетъ всѣ малѣйшія неровности почвы, которыхъ европеецъ не можетъ открыть безъ помощи особыхъ приборовъ. Киргизъ различаетъ масть лошади, показавшейся на горизонтѣ, куда раньше, чѣмъ чужой путникъ, при всемъ своемъ стараніи, вообще разсмотритъ что-либо. Киргизъ опредѣлитъ — приближается или удаляется какая нибудь повозка, которая путнику даже въ хорошій бинокль кажется лишь черною точкою. Я вообще не разъ имѣлъ случай изумляться остротѣ зрѣнія и вѣрности чутья мѣстности у киргизовъ.

Въ Оркѣ багажъ еще разъ былъ уложенъ и перевязанъ снова, оси и колеса смазаны, и я опять залѣзъ въ середину моего катящагося дома; ямщикъ свистнулъ, тройка рванулась, понеслась къ югу съ быстротой вѣтра и... прощай Европа! На первой станціи Токанѣ уплачивается сразу за проѣздъ по всему тракту до Джулюса (484 версты) 44 рубля; затѣмъ остается только на каждой станціи показывать квитанцію; между Оренбургомъ и Орскомъ (265 верстъ; плата 34 рубля) приходится платить на каждой станціи отдѣльно.

Отъ Орска почтовый трактъ лежитъ вдоль праваго берега рѣки Ори по чуть замѣтно пересѣченной мѣстности вплоть до станціи Бугаты-сай, по близости которой расположенъ зимній аулъ киргизовъ. Живутъ они въ войлочныхъ юртахъ, и низкихъ мазанкахъ, сбитыхъ изъ глины. Сараи для скота крыты соломой и камышомъ; въ этихъ-же сараяхъ хранится и часть домашняго скарба. Верблюды пасутся прямо въ степи. Киргизы, видимо, были не особенно довольны моимъ посѣщеніемъ, — я притащилъ съ собой оба фотографическіе аппарата — безпрестанно спрашивали, не стрѣляетъ-ли большой изъ нихъ и ни за что не согласились стать въ группу передъ

нимъ. Только посредствомъ маленькаго аппарата (кодака) удалось мнѣ увѣковѣчить нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Послѣ продолжительнаго отдыха мы покинули долину Ори. Снова началась пересѣченная мѣстность, кое-гдѣ покрытая снѣгомъ. Серебряный свѣтъ мѣсяца обливалъ пустынную степь; нигдѣ не было видно ни людей, ни слѣда зимняго поселка; кругомъ стояла мертвая тишина, нарушаемая только звономъ бубенчиковъ, окриками ямщика и хрустомъ снѣга подъ колесами тарантаса.

Станціонные домики похожи одинъ на другой, какъ капли воды: одноэтажный деревянный домъ обыкновенно выкрашенъ въ красную краску; посрединѣ фасада крылечко. По обѣ стороны крыльца стоитъ по столбу съ фонаремъ и по столбу съ надписью, указывающею разстояніе отъ обѣихъ смежныхъ станцій. Изъ передней попадаешь направо въ „писарскую“, налѣво въ комнату для проѣзжихъ, гдѣ стоятъ два дивана, два стола, нѣсколько стульевъ и большая печка, въ которой постоянно трещатъ сухіе степные кустарники. Неподалеку отъ дома обыкновенно возвышаются огромные стога сѣна и кучи такого сухого топлива. На большомъ, четыреугольномъ заднемъ дворѣ находятся разные экипажи и сани, конюшни и помѣщенія для ямщиковъ.

На станціи тамды я отдохнулъ нѣсколько часовъ ночью, и на слѣдующее утро увидалъ на льду ручья слѣды цѣлой стаи волковъ, которые были такъ смѣлы, что утащили трехъ гусей съ самаго почтоваго двора. Термометръ показывалъ —15.5°; толстый слой снѣга такъ и хрустѣлъ подъ колесами, когда мы раннимъ утромъ отправились дальше. Каждая былинка въ степи одѣлась сверкающимъ инеемъ; морозъ чувствовался здоровый.

II.

Киргизская степь. Сыръ-дарья.

Первое русское мѣстечко на азіатской почвѣ — Карабутакъ, маленькій городокъ, какъ и Римъ, расположенный на семи холмахъ, но по величинѣ-то нѣсколько уступающій

этому городу, такъ какъ состоитъ всего изъ 33 домовъ; живутъ въ немъ десятка три русскихъ, да сотня татаръ и нѣсколько киргизовъ. Значеніе Карабутакъ имѣетъ единственно, какъ фортъ, воздвигнутый 25 лѣтъ тому назадъ генераломъ Обручевымъ, чтобы сдерживать набѣги киргизовъ, которые тогда безпокоили русскую границу. Командуетъ фортомъ „воинскій начальникъ"; у него 84 солдата. По его словамъ сидѣть въ такой пустынѣ не лучше, чѣмъ быть въ ссылкѣ, и онъ не выдержитъ тутъ больше года. Единственными развлеченіями служатъ чтеніе, обученіе солдатъ стрѣльбѣ и охота. Прежде, когда сюда ежедневно приходила почта, было иначе. Кругомъ разбросано много большихъ киргизскихъ ауловъ. До Иргиза вообще кочевій попадается еще много, къ югу отъ этого города они становятся все рѣже и рѣже, и на границѣ пустыни Кара-кумъ совсѣмъ пропадаютъ.

Дорога на Иргизъ идетъ вдоль высохшей въ это время года рѣки Иргизъ, черезъ которую надо переѣхать между станціями Кумъ-сай и Кара-сай. День и ночь несли меня быстрыя почтовыя лошади впередъ по однообразной степи. Я уже такъ свыкся съ ѣздой въ тарантасѣ, что преспокойно спалъ по ночамъ между тулупами и войлоками, просыпаясь лишь тогда, когда тройка останавливалась на новой станціи, гдѣ я предъявлялъ старостѣ подорожную, и черезъ четверть часа мнѣ впрягали свѣжихъ лошадей. Впрочемъ, не очень-то пріятно такое пробужденіе, при 15° мороза; чувствуешь себя усталымъ, разбитымъ, съ оцепенѣвшими членами и жаждешь чаю. Наконецъ, надъ горизонтомъ встаетъ солнце, золотитъ степь, растапливаетъ иней, покрывшій за ночь траву своимъ тонкимъ бѣлымъ налетомъ, и отгоняетъ степныхъ волковъ отъ почтоваго тракта.

Еще нѣсколько станцій и мы въ Иргизѣ, расположенномъ на небольшомъ возвышеніи около рѣки того-же названія, которая дальше на востокъ впадаетъ въ соленое озеро Чалкаръ-тенисъ. Иргизъ — укрѣпленіе; комендантъ — уѣздный начальникъ. Въ мѣстечкѣ есть небольшая церковь; живетъ здѣсь, включая гарнизонъ, до тысячи душъ; самый гарнизонъ состоитъ изъ 150 чел.; изъ нихъ 70 — оренбургскіе казаки. Большинство жителей купцы — сарты, которые время отъ

времени пріѣзжаютъ сюда вести мѣновую торговлю съ киргизами. Привозятъ они свои товары изъ Оренбурга, Москвы и Нижняго Новгорода. Иргизъ основанъ въ 1848 г. русскими и, слѣдовательно, какъ и Карабутакъ и Тургай, чисто русскій городъ. Основанъ онъ въ числѣ другихъ укрѣпленій, вскорѣ послѣ присоединенія къ Россіи киргизскихъ степей, совершившагося въ 1845 г. Въ административномъ отношеніи вся степь была сначала подчинена оренбургскому генералъ-губернатору, но затѣмъ, когда Оренбургъ сталъ губерніей, была подѣлена между Тургайской областью и Сыръ-дарьинской. До оккупаціи края русскими, Иргизъ назывался „Джаръ-мулла“ — „могила святаго у обрыва“ и имѣлъ значеніе только, какъ пунктъ паломничества киргизовъ и кладбище. Послѣ завоеванія Туркестана мѣстечко разрослось, какъ и другія мѣстечки на этомъ трактѣ, ставъ проходнымъ пунктомъ для большихъ каравановъ. Теперь послѣдніе заходятъ сюда рѣже, но при мнѣ всетаки нѣсколько каравановъ останавливалось на привалъ около города. То обстоятельство, что на почтовомъ трактѣ почти никогда не встрѣчаешь каравановъ, объясняется тѣмъ, что они идутъ другими ближними путями. Самая оживленная мѣновая торговля происходитъ въ Троицкѣ и Уральскѣ, такъ какъ тамъ въ окрестностяхъ расположены аулы самыхъ богатыхъ кочевниковъ.

И вотъ, опять помчались во весь духъ. Часовъ около пяти солнце садится. Пурпурно-матовый отблескъ ложится на степь, когда свѣтило дня, пылая, точно раскаленное ядро, медлитъ съ минуту на дальнемъ краю горизонта. Вообще при солнечномъ закатѣ можно наблюдать самые разнообразные свѣтовые эффекты, и часто бываешь введенъ въ самыя забавныя недоразумѣнія относительно разстоянія и величины предметовъ, такъ какъ тутъ нѣтъ никакого мѣрила для сравненія. Пара невинныхъ воронъ, болтающихъ неподалеку отъ дороги, представляется громадными верблюдами, какая-нибудь кочка — тѣнистымъ деревомъ. Когда солнце исчезаетъ, пурпуровая краска смѣняется фіолетовою и свѣтло-голубою, которыя черезъ нѣсколько моментовъ переходятъ въ темные тоны и, наконецъ, въ ночныя тѣни. Послѣднія, впрочемъ, не особенно темны, такъ какъ воздухъ чистъ и ясенъ, звѣзды блестятъ, словно электрическія лампочки, а

мѣсяцъ обливаетъ родину киргизовъ серебромъ. Около Акъсая, 21-го ноября, въ часъ пополудни я наблюдалъ самую низкую температуру за все время моей поѣздки на лошадяхъ, а именно — 19,5°. Иней сверкалъ при свѣтѣ мѣсяца тысячами искръ, а стекла въ окнахъ станціоннаго домика были покрыты прекраснѣйшими ледяными узорами — цвѣтами и деревьями.

Перегонъ до Тереклы былъ самымъ долгимъ на всемъ пути, — больше 34 верстъ. Здѣсь граница между Тургайской и Сыръ-дарьинской областью. Въ Джулюсѣ, первой станціи на трактѣ, содержимомъ купцомъ Ивановымъ, есть прекраснѣйшее помѣщеніе для проѣзжихъ; здѣсь-же взимается плата 25 р. за проѣздъ 228 верстъ до Казалинска.

Отъѣхавъ 6 верстъ отъ Тереклы, мы вступили въ Каракумъ. Растительность стала быстро рѣдѣть и, наконецъ, мы очутились среди голыхъ песковъ. Область эта омывалась нѣкогда водами Арало-Каспійскаго моря, о чемъ свидѣтельствуютъ богатые остатки раковинъ Cardium и Mutilus, находимые въ самой глубинѣ пустыни.

Лунною ночью прибылъ я на расположенную среди песчанаго моря маленькую станцію Константиновскую, гдѣ помѣщеніемъ для проѣзжихъ служитъ киргизская юрта, которая въ такое время года мало привлекательна. Отсюда и до Камышлы-баша, на протяженіи 120 верстъ, для ѣзды употребляются верблюды, такъ какъ лошади не въ силахъ тащить тяжелый экипажъ по песку, часто образовывающему цѣлые холмы или барханы.

Черезъ нѣсколько минутъ по моемъ прибытіи на Константиновскую, я заслышалъ знакомые мнѣ звуки: храпѣніе, сопѣніе и ревъ верблюдовъ, и при лунномъ свѣтѣ вырисовались три величественныхъ силуэта съ горбами. Ихъ впрягли въ тарантасъ, и они понеслись легкой рысцою подъ посвистыванье ямщика. Обыкновенно они всегда бѣгаютъ ровною рысью, но нерѣдко переходятъ и въ галопъ.

Мѣстность замѣтно начинаетъ понижаться къ юго-западу, и въ той-же сторонѣ нависаютъ надъ Аральскимъ моремъ тяжелыя густыя тучи водяныхъ паровъ, тогда какъ на востокѣ и на сѣверѣ небо чисто. Между станціями Алты-кудукъ и Акъ-джулпасъ дорога идетъ вдоль берега моря, часто всего въ разстояніи ширины экипажа отъ него. Тонкій желтый пе-

сокъ здѣсь такъ плотенъ и твердъ, что верблюды оставляютъ на немъ едва замѣтные слѣды; подальше-же отъ берега идутъ барханы, въ которыхъ тарантасъ вязнетъ по ступицы колесъ.

Аральское море расположено на 48 метр. выше уровня океана, имѣетъ въ окружности около 70,000 кв. килом. и, слѣдовательно въ 10 разъ больше озера Венернъ. Берега его голы и пустынны; глубина незначительна; вода такая соленая, что пить изъ него можно только у самыхъ устьевъ рѣкъ. Кромѣ того въ серединѣ озера есть, говорятъ, извѣстная доля прѣсной воды. Около сѣверовосточной бухты, неподалеку отъ берега и на невысокомъ песчаномъ холмѣ, лежитъ станція Акъджулпасъ; на горѣ киргизы устроили кладбище. Восемь лѣтъ тому назадъ станція лежала на самомъ берегу, но при высокомъ подъемѣ воды ей часто грозило быть затопленной и отрѣзанной отъ почтоваго тракта, потому ее и перенесли подальше.

Когда вѣтеръ дуетъ съ юго-запада, воду гонитъ въ бухту, затѣмъ она разливается по берегу и скопляется въ ямахъ въ которыхъ можно потомъ руками наловить всякой рыбы, стерлядей и др. Теперь вся бухта была подо льдомъ, и видно было, какъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ берега по блестящему зеркальному льду переходилъ караванъ. Лѣтомъ караваны также ищутъ здѣсь кратчайшихъ путей, переходя бухту вбродъ, такъ какъ она очень мелка; глубина самое большее достигаетъ 2 метр. а обыкновенно бываетъ не свыше 1 или $^1/_2$ метра. Въ теплое время года, когда песокъ сухъ, его сноситъ вѣтромъ въ море, и береговая линія постоянно измѣняется, бухта засоряется, образуются отмели, косы и песчаные бугры. Вдоль береговъ находятъ много солончаковыхъ лагунъ; лѣтомъ онѣ обыкновенно пересыхаютъ и напоминаютъ видомъ бухточки, отдѣлившіяся отъ моря летучими песками. Уловъ рыбы бываетъ очень богатый и ведется уральскими казаками, которые закидываютъ свои невода даже въ 20 верстахъ отъ берега. Когда озеро покрыто льдомъ, они отъѣзжаютъ отъ берега къ своимъ прорубямъ на саняхъ, или на верблюдахъ; въ другое время ѣдутъ къ неводамъ на небольшихъ лодкахъ. Климатъ въ этой области хорошъ; лѣтній зной умѣряется близостью Аральскаго моря, и зимою рѣдко

выдаются рѣзкіе холода, бураны также не обычное явленіе, за то дожди и густые туманы повторяются очень часто. Пока я былъ тамъ, дождь не переставалъ, и мѣстами дорога совсѣмъ исчезала подъ глубокими лужами, по которымъ звучно шлепали верблюды; экипажу часто грозило завязнуть въ размокшемъ, засасывающемъ пескѣ; дождь безъ остановки барабанилъ по верху и по фартуку тарантаса. Температура 22-го ноября въ 9 час. вечера поднялась до — 0,5, и въ воздухѣ вѣяло тепломъ.

Верблюды вообще очень послушны, бѣгутъ хорошо, и тогда ямщикъ можетъ себѣ преспокойно сидѣть на козлахъ, но иногда намъ попадались такіе упрямые, которые все норовили свернуть съ пути и идти своей дорогой; тогда ямщику приходилось взгромоздиться и ѣхать на среднемъ изъ нихъ. Поводья прикрѣплены къ палочкѣ, продѣтой сквозь носовой хрящъ; такимъ-то жестокимъ способомъ заставляютъ этихъ громадныхъ животныхъ повиноваться.

Какъ ни оригиналенъ переѣздъ на верблюдахъ, я все-таки не безъ нѣкотораго удовольствія снова увидалъ передъ своимъ тарантасомъ тройку черныхъ лошадокъ. Радость моя, однако, была кратковременна, — не проѣхали мы и полдороги до слѣдующей станціи, какъ завязли въ солончаковомъ болотѣ. Ямщикъ кричалъ, хлесталъ лошадей, тѣ лягались, становились на дыбы и рвали постромки. Кончилось тѣмъ, что ямщику пришлось сѣсть на одну изъ лошадей и вернуться на станцію за подмогой, а мнѣ два часа сидѣть одному въ потьмахъ, на дождѣ и вѣтрѣ и поджидать въ гости волковъ. Наконецъ, появились два киргиза съ парой лошадей, которыхъ и припрягли впереди тройки, превратившейся такимъ образомъ въ пятерикъ. Соединенными силами лошади вытащили тарантасъ изъ мѣсива, куда онъ погружался все глубже; налипшіе на колеса большіе комки песку и глины заставляли колеса отчаянно скрипѣть, когда мы двинулись по степи дальше.

Я предполагалъ было добраться къ ночи до послѣдней станціи передъ Сыръ-дарьей и тамъ уже отдохнуть, но пока я пилъ чай, поднялся страшный буранъ, наполнившій все пространство кругомъ облаками мелкой снѣжной пыли. Тарантасъ прикрыли брезентами, и мнѣ пришлось дожидаться

зари. Послѣдніе два перегона передъ Казалинскомъ, по причинѣ отвратительной дороги, пришлось сдѣлать на пятерикѣ и съ двумя ямщиками; второй ѣхалъ верхомъ на лѣвой изъ переднихъ пристяжныхъ.

На правомъ берегу Сыръ-дарьи, въ 170 верстахъ водяного пути и 80 вер. сухопутнаго отъ Аральскаго моря, лежитъ городъ Казалинскъ, имѣющій 600 домовъ, изъ которыхъ 200 принадлежитъ русскимъ, и 3,500 жителей; изъ послѣднихъ 1,000 приходится на долю уральскихъ казаковъ съ ихъ семействами. Къ остальному населенію принадлежатъ между прочимъ сарты, бухарцы, татары, киргизы и даже нѣсколько евреевъ. Богатѣйшіе купцы — бухарцы. Киргизы, напротивъ, всѣ бѣдны; зажиточные изъ нихъ остаются въ степи, гдѣ живутъ своими стадами. Въ маѣ, когда пастбища хороши, киргизы гоняютъ въ Оренбургъ на продажу цѣлыя отары овецъ и козъ. Караванныя сношенія почти прекратились; незначительная караванная торговля ведется еще главнымъ образомъ на Троицкъ, откуда сартскіе купцы везутъ русскіе желѣзные товары киргизамъ въ степи, въ Ташкентъ и въ Фергану.

Въ эпоху походовъ на Хиву и Бухару Казалинскъ имѣлъ извѣстное значеніе, какъ депо и укрѣпленное мѣсто; тогда Аральская флотилія, пять небольшихъ пароходовъ, имѣла здѣсь свою станцію, а гарнизонъ достигалъ цѣлаго батальона. Теперь городъ имѣетъ всего 24 человѣка гарнизона и 2 баркаса; остальныя суда отошли въ Чарджуй на Амударьѣ. Жизнь и движеніе здѣсь замерли; только крылья вѣтряныхъ мельницъ да многочисленныя рыбачьи лодки и оживляютъ этотъ печальный городъ, по улицамъ котораго въ это время года не пройти даже въ калошахъ, доходящихъ до колѣнъ. Низенькіе, бѣлые русскіе дома построены изъ кирпича; дома сартовъ, бухарцевъ и киргизовъ изъ высушенной на солнцѣ глины, сѣраго цвѣта, готовые разрушиться, часто бываютъ обнесены длинными унылыми стѣнами. Въ городѣ есть двѣ школы, церковь и нѣсколько общественныхъ зданій (лучшее изъ нихъ — домъ уѣзднаго начальника), расположенныхъ среди настоящей рощи стройныхъ серебристыхъ тополей; въ вершинахъ ихъ гнѣздится безчисленное множество воронъ, производящихъ страшный шумъ.

Право на рыбную ловлю въ рѣкѣ принадлежитъ уральскимъ казакамъ; ведется ловля, главнымъ образомъ, въ устьѣ. Въ прошломъ году (1892 г.) было поймано 14,000 стерлядей. Теперь со дня на день ждали, что рѣка станетъ, и въ виду того, что это случается иногда въ одну ночь, рыбаки начали уже вытаскивать свои лодки на берегъ. Тамъ, гдѣ берега рѣки чуть выше уровня воды, такой ночной морозъ причиняетъ обширныя наводненія, потому что вода, текущая поверхъ замершаго сверху льда, смерзается все въ болѣе и болѣе толстый пластъ, и заставляетъ теченіе искать другихъ путей. Случается, что вслѣдствіе этого пріостанавливается всякое движеніе, такъ какъ черезъ затопленныя мѣста нельзя пробраться ни верхомъ, ни въ экипажѣ, и почтѣ тогда приходится дѣлать большіе объѣзды по степи.

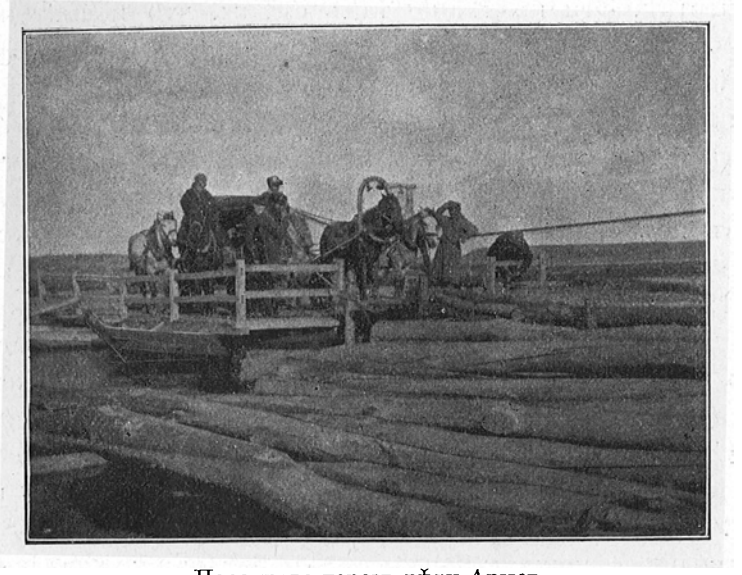
Я совершилъ съ семью казаками небольшую экскурсію для изслѣдованія теченія рѣки и проч. Близъ крѣпости у праваго берега мы нашли 7 саженъ глубины; уровень воды случился какъ разъ самый низкій за 15 лѣтъ. Въ іюлѣ и въ августѣ глубина бываетъ наибольшая; затѣмъ, къ осени вода понемногу спадаетъ. Цвѣтъ воды желтовато-сѣрый, но для питья она хороша.

Близость Аральскаго моря оказываетъ извѣстное вліяніе на климатъ Казалинска, хотя морозы здѣсь всетаки доходятъ до —30 — 35°. Снѣгу выпадаетъ немного, и онъ быстро таетъ, такъ что санный путь устанавливается рѣдко. Во время моего пребыванія здѣсь стояли туманы и изморозь. Въ Казалинскѣ уплачивается 49 р. за 360 верстъ пути на 4 лошадяхъ до Перовска, а отъ этого мѣста на тройкѣ до Ташкента (581 верста) 61 рубль.

Дѣлать мнѣ въ Казалинскѣ больше нечего было, и я отправился на четверкѣ лошадей дальше, вдоль по берегу рѣки. Аллювіальная почва изъ желтой глины была здѣсь ровна, какъ полъ, и по дорогѣ разставлены были съ короткими промежутками небольшіе глиняные конусообразные столбики съ пучками камыша на верхушкахъ, служащіе указателями пути зимою, когда всѣ дороги бываютъ занесены снѣгомъ. Словомъ, столбы эти играютъ здѣсь въ степномъ морѣ роль бакеновъ. Мѣстность остается все такою-же пустынною, какъ и до сихъ поръ; на разстояніи дневного пути

не встрѣтишь ни человѣка, ни жилья. Намъ попались только двое верховыхъ киргизовъ, гнавшихъ въ степь сотню верблюдовъ. Вообще-же, единственнымъ предметомъ для вниманія проѣзжаго остается величественная Сыръ-дарья.

По берегу Яксарта дорога идетъ до незначительнаго укрѣпленія Кармакчи, обыкновенно называемаго русскими „фортомъ № 2“; здѣсь 70 домовъ, принадлежащихъ магометанамъ, и 9 русскимъ. Тутъ намъ опять пришлось свернуть вглубь степи, чтобы избѣжать большого болота, носящаго названіе Бакалы-копа и ежегодно заливаемаго измѣнчивымъ



Переправа черезъ рѣку Арысь.
(Съ фотографіи автора).

теченіемъ Сыръ-дарьи. На этомъ пути проѣзжаешь самыя худшія станціи, а именно Александровскую и Семеновскую, состоящія собственно изъ нѣсколькихъ киргизскихъ юртъ, — одной для старосты, одной для проѣзжихъ и нѣсколькихъ для ямщиковъ съ ихъ семьями. Въ первой изъ названныхъ юртъ обитаютъ еще четвероногіе жильцы, — по войлочнымъ кошмамъ, не стѣсняясь, прыгали огромныя крысы. Станція окружена, какъ кольцомъ, изгородью изъ тростника, а за нею стоятъ въ рядъ тарантасы и телѣги.

Дорога на протяженіи многихъ перегоновъ шла по настоящей пустынѣ, гдѣ могъ произрастать много-много одинъ

саксаулъ; затѣмъ пошла по мѣстамъ, носившимъ слѣды недавняго затопленія, и здѣсь росъ густой и высокій камышъ.

Отъ самаго форта Перовска, расположеннаго на берегу Яксарта и во всемъ напоминающаго Казалинскъ, только чище и красивѣе, и до станціи Тюмень-арыкъ растительность очень богата; камышъ, саксаулъ и косматые кустарники образуютъ настоящія чащи; дорога часто идетъ словно по узкому корридору. Чащи эти служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ для тигровъ, кабановъ, газелей, не говоря уже о гусяхъ, уткахъ и фазанахъ, водящихся тутъ въ несмѣтномъ количествѣ. Эти послѣдніе такъ смѣлы, что посматриваютъ на проѣзжихъ съ края дороги, но стоитъ остановиться, чтобы прицѣлиться, они съ шумомъ и свистомъ улетаютъ. Включеніе на остатокъ пути въ мое меню нѣжнаго, бѣлаго мяса фазановъ было самой пріятной перемѣной, тѣмъ болѣе, что моя провизія вообще подходила къ концу. Киргизы стрѣляютъ фазановъ изъ своихъ дрянныхъ ружей и продаютъ ихъ въ хорошіе года по 6—7 копѣекъ за штуку; я покупалъ ихъ по 10—12 копѣекъ. Но уже въ Оренбургѣ фазанъ стоитъ $1\frac{1}{2}$ р., а въ Петербургѣ 2 и больше. Въ это охотничье Эльдорадо часто наѣзжаютъ офицеры и спортсмены изъ Ташкента и всегда возвращаются съ богатой добычей.

Станціонный домикъ въ Джулекѣ расположенъ всего въ 10 метрахъ отъ берега рѣки, и ему ежегодно грозитъ наводненіе. Между этимъ мѣстечкомъ и Мешеули мѣстность нѣсколько пересѣченная; попадаются небольшія полосы песковъ, и приходится переѣзжать по деревяннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ овраги и высохшія русла. По всей дорогѣ идетъ гать изъ сухаго тростника, чтобы экипажи въ дождливое время не завязали въ трясинѣ; въ настоящее время дорога, по причинѣ холода, была тверда и бугриста. Стали опять попадаться киргизскіе аулы; мы часто проѣзжали мимо нихъ, и въ чащахъ видѣли стада.

29 ноября былъ роскошный закатъ. На западѣ небо горѣло, точно объятое заревомъ степного пожара, узловатыя косматыя вѣтки саксаула вырисовывались на этомъ фонѣ черными силуэтами. Вся степь была залита волшебнымъ огненнымъ свѣтомъ, а на востокѣ скромныя степныя растенія казались золотыми.

Въ общемъ, конечно, удобнѣе ѣхать въ вагонѣ желѣзной дороги, нежели въ тарантасѣ. Избравъ первый способъ передвиженія, нѣтъ надобности опасаться, что загорится ось или разлетится колесо, а при ѣздѣ въ тарантасѣ можетъ случиться и то и другое, и надо время отъ времени осматривать экипажъ. Можно поэтому представить себѣ, каковъ былъ для меня сюрпризъ, когда я подвергнувъ въ Мешеули мой тарантасъ такому осмотру, открылъ, что передняя ось переломилась пополамъ и держалась только четырьмя гайками. А староста еще утѣшилъ меня сообщеніемъ, что я найду кузнеца только въ Туркестанѣ, т. е. въ 180 верстахъ. Онъ, впрочемъ, полагалъ, что злосчастная ось продержится, если ямщикъ поѣдетъ по буграмъ потише.

Яны-курганъ — киргизскій городокъ, съ караванъ-сараемъ и развалинами старинной коканской крѣпости, расположенъ на самомъ берегу Сыръ-дарьи. Дорога мѣстами ужасная, и я страшно боялся, что ось вотъ-вотъ разлетится, а это было-бы въ высшей степени непріятно посреди степи. Однообразіе ровной мѣстности нѣсколько нарушалось теперь горами Кара-тау, выступавшими налѣво низкой стѣной.

У Ташъ-суата, гдѣ Сыръ-дарья широка и величественна и видна на далекое разстояніе, дорога уклоняется отъ рѣки влѣво, чтобы направиться къ старому городу Туркестану. Растительность опять стала крайне тощей; зато по превосходной твердой дорогѣ, не размякшей даже отъ продолжительныхъ дождей, стали попадаться медленно шествующіе караваны.

Наконецъ, показались сады Туркестана съ высокими тополями, окруженные длинными сѣрыми стѣнами, кое-гдѣ новыми, но по большей части старыми, развалившимися; вотъ и гордый курганъ временъ Тимура, а вотъ мы и проѣхали по пустому, по случаю пятницы, базару къ станціонному домику, гдѣ кузнецъ киргизъ тотчасъ-же взялся за починку тарантаса.

Туркестанъ, завоеванный въ 1864 году генераломъ Черняевымъ, самъ по себѣ захудалый и неинтересный городъ, производилъ тѣмъ болѣе печальное впечатлѣніе въ дождь и туманъ. Единственное, что можетъ оправдать здѣсь остановку на нѣсколько часовъ, это грандіозная мечеть-мавзолей, воздвигнутая въ 1397 г. Тамерланомъ въ честь одного киргизскаго

святаго Хазретъ-Султанъ-ходжа-Ахметъ-Ясеви. Ея порталъ чрезвычайно высокъ, и украшенъ двумя живописными башнями, а самая мечеть увѣнчана множествомъ дынеобразныхъ куполовъ. Облицовка фасада изъ каолина (фарфоровой глины) разрушилась, но боковыя и задняя стѣны прямоугольнаго зданія уцѣлѣли и пестрѣютъ, какъ и въ Самаркандѣ, голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена воздвигнутой Худояромъ-ханомъ квадратной крѣпостной стѣной изъ глины; внутри стѣны расположены теперь русскія казармы. Нѣсколько сартскихъ мальчишекъ проводили меня черезъ лабиринтъ узкихъ про-

Верблюды въ Ташкентѣ.
(Съ фотографіи автора).

ходовъ и по мрачнымъ холоднымъ лѣстницамъ на верхъ одной башни, откуда съ головокружительной высоты открылся дивный видъ на Туркестанъ, испорченный, впрочемъ дождемъ. Обычное востоку унылое впечатлѣніе охватываетъ васъ и здѣсь: съ одной стороны памятники древняго зодчества, ослѣпляющіе васъ своей роскошью и подавляющіе своимъ величіемъ, а съ другой — современныя строенія, эти жалкія глиняныя лачуги, съ плоскими разрушившимися кровлями, эти узкія кривыя улицы!

Была, какъ сказано, пятница, и я посѣтилъ мечеть какъ разъ во время „намаза“ или богослуженія. Сарты въ цвѣтныхъ

кафтанахъ и бѣлыхъ тюрбанахъ собирались толпами и торжественно вступали подъ гигантскіе своды мечети, оставивъ свои громоздкіе стучащіе „калоши“ у входа. Посреди мечети стояла огромная чаша, окруженная множествомъ тугъ — пучковъ конскихъ волосъ на длинныхъ древкахъ. Стѣны бѣлыя, украшенныя мѣстами изреченіями изъ корана. Старый ахунъ вѣжливо указалъ мнѣ на дверь, такъ какъ звали къ молитвѣ. Я взошелъ на одну изъ верхнихъ галлерей и оттуда уже сталъ смотрѣть на длинные ряды колѣнопреклоненныхъ и кладущихъ поклоны сартовъ; это была красивая картина, напомнившая мнѣ ночь Рамазана въ Стамбулѣ.

Два первыхъ перегона отъ Туркестана страшно грязны, кочковаты и представляютъ самый ужасный конецъ на всемъ пути. Между Иканомъ и Ногай-Курой мы, наконецъ, и завязли. Я не суевѣренъ, но это былъ тринадцатый перегонъ отъ Туркестана и до Ногай-Куры оставалось тоже тринадцать верстъ. Лошади не могли сдвинуть тарантаса съ мѣста; коренникъ всталъ на дыбы, пристяжныя лягались и угрожали разбить тарантасъ. Время было около полуночи, темень стояла непроглядная, ямщикъ уѣхалъ назадъ въ Иканъ за подмогой, а я заснулъ и проспалъ три часа, пока пятерикъ не выдернулъ тарантаса изъ трясины и не помчалъ меня дальше. На эти жалкія 21 версту пошло $6\frac{1}{2}$ часовъ.

Отъ Арыса до Буру-джара мѣстность опять пересѣченная, и безъ пятерика лошадей не обойдешься. Внизъ по наклону несешься съ быстротой вѣтра, лошади летятъ, вытянувшись въ струну, только въ ушахъ свиститъ. Тамъ и сямъ мелькнетъ мимо селенье или верховой, караванъ или арба; нельзя не пожалѣть отъ души возницъ этихъ арбъ, громадныя колеса которыхъ то и дѣло увязаютъ въ трясинѣ.

Вдоль пути по обѣимъ сторонамъ идутъ часто разставленные столбики изъ высушенной на солнцѣ глины, служащіе для обозначенія дороги зимой. Казалось для этого было-бы довольно телеграфныхъ столбовъ, но дорога то и дѣло виляетъ отъ нихъ то вправо, то влѣво, и въ буранъ ихъ вовсе не увидишь. Съ почтами бываетъ поэтому въ степи не мало приключеній; столба отъ столба бываетъ не видно, и между двумя столбами сплошь и рядомъ можно заблудиться. Нерѣдко поэтому сбившимся съ пути почтовымъ тройкамъ случается за-

ночевать въ сугробахъ, въ ожиданіи прекращенія бурана или наступленія утра.

Арысъ порядочная рѣка, которую прежде прямо переѣзжали вбродъ на высококолесныхъ арбахъ, но какъ разъ, недѣли за двѣ до моего прибытія сюда, была устроена переправа —паромъ, на который ставятъ экипажъ со всѣми пятью лошадьми, а перевозчики тащутъ всю эту махину за толстый канатъ на другой берегъ.

За Буру-джаромъ овраги и обрывы представляютъ обычное явленіе. На крутыхъ спускахъ ямщикъ сдерживаетъ лошадей насколько возможно; коренникъ несетъ на себѣ тяжесть всего экипажа, и когда это становится ему ужъ не подъ силу, ямщикъ предоставляетъ экипажъ на волю законовъ тяжести, и въ результатѣ онъ несется съ такой быстротой, что лошадямъ часто не въ мочь поспѣвать перебирать ногами. Обѣ переднія пристяжныя должны держать ухо востро, чтобы не получить по ногамъ удара вальками; стоило бы лѣвой изъ нихъ споткнуться, сидящій на ней верховой ямщикъ былъ бы неминуемо раздавленъ тяжелымъ экипажемъ. Все, однако, обошлось хорошо, хотя мѣстами намъ и угрожала опасность; лошади и ямщики оказались бывалыми, и на нихъ можно было положиться. На одной изъ станцій одна изъ пристяжныхъ совсѣмъ взбѣсилась, начала лягаться и ни за что не давала запрячь себя. Шестерымъ мужикамъ едва удалось сдержать ее; по двое повисли по бокамъ, одинъ на уздѣ и одинъ на хвостѣ. Когда, наконецъ, ее пристягнули и отпустили, она понеслась съ экипажемъ вскачь, только искры изъ подъ копытъ посыпались. Въ сумерки прибыли мы въ Чимкентъ первый знакомый мнѣ (съ прошлаго путешествія) городъ. На улицахъ было тихо и пустынно, вся жизнь какъ будто замерла; только въ окошкахъ мерцали огоньки.

Теперь уже не далеко было до резиденціи генералъ-губернатора; еще два тяжелыхъ перегона по грязи по колѣно, и остался одинъ, послѣдній. Онъ показался мнѣ безконечно длиннымъ, хотя дорога здѣсь и была очень хороша. Съ меня уже довольно было ѣзды въ тарантасѣ и, добравшись до Ташкента въ ночь на 4 декабря, я тотчасъ-же съ наслажденіемъ покинулъ свой экипажъ и отправился въ гостинницу, гдѣ занялъ два прекрасныхъ номера.

Въ заключеніе нѣсколько любопытныхъ цифръ. Въ 19 сутокъ я проѣхалъ 2060 верстъ, миновалъ $11^1/_2$ градусовъ широты, 96 станцій, 30,000 телеграфныхъ столбовъ; переднія колеса моего тарантаса сдѣлали за это время 983,000 поворота; везли меня 111 ямщиковъ, 317 лошадей, 21 верблюдъ. Я имѣлъ возможность наблюдать, какъ дни становились все длиннѣе, хотя приближалась середина зимы; проѣхалъ область, гдѣ свирѣпствовали бураны и стояла самая настоящая зима, испытывалъ въ началѣ пути 19.5° мороза, а теперь прибылъ въ область, гдѣ уже, повидимому, вступала въ свои права весна, гдѣ теплый, чудесный вѣтеръ дѣлалъ пребываніе на свѣжемъ воздухѣ наслажденіемъ, а термометръ показывалъ 10 — 12° тепла.

III.

Отъ Ташкента до Маргелана. Сыръ-дарья.

Въ Ташкентѣ я пробылъ около семи недѣль, но такъ какъ я описалъ городъ еще въ предыдущей моей книгѣ, то здѣсь ограничусь бѣглымъ наброскомъ. Генералъ-губернаторъ баронъ Вревскій принялъ меня съ безграничнымъ радушіемъ, я былъ его ежедневнымъ гостемъ и имѣлъ случаи завязать у него знакомства, которые весьма пригодились мнѣ для моего путешествія по Памиру.

На святкахъ я участвовалъ въ цѣломъ рядѣ веселыхъ, блестящихъ праздниковъ. Сочельникъ, первый и пріятнѣйшій за все время моего пребыванія въ Азіи, праздновали у барона Вревскаго почти такъ-же, какъ въ обычаѣ у насъ на сѣверѣ. Были приготовлены рождественскіе сюрпризы, изъ которыхъ многіе были снабжены французскими посвященіями въ стихахъ, а посреди одной изъ залъ возвышалась гигантская „елка“ изъ вѣтвей кипариса, украшенная сотнями восковыхъ свѣчекъ. Вечеръ прошелъ въ обычной веселой бесѣдѣ около шумящаго самовара въ убранномъ съ большимъ вкусомъ и чисто восточною роскошью салонѣ. Украшеніями

служили, между прочимъ, портреты Царя, шведскаго короля Оскара и эмира бухарскаго, снабженные Собственноручными надписями. Достойнѣйшею представительницею дамскаго элемента являлась дочь генералъ-губернатора, княгиня Хованская, блестяще исполнявшая на всѣхъ официальныхъ и частныхъ празднествахъ роль хозяйки дома.

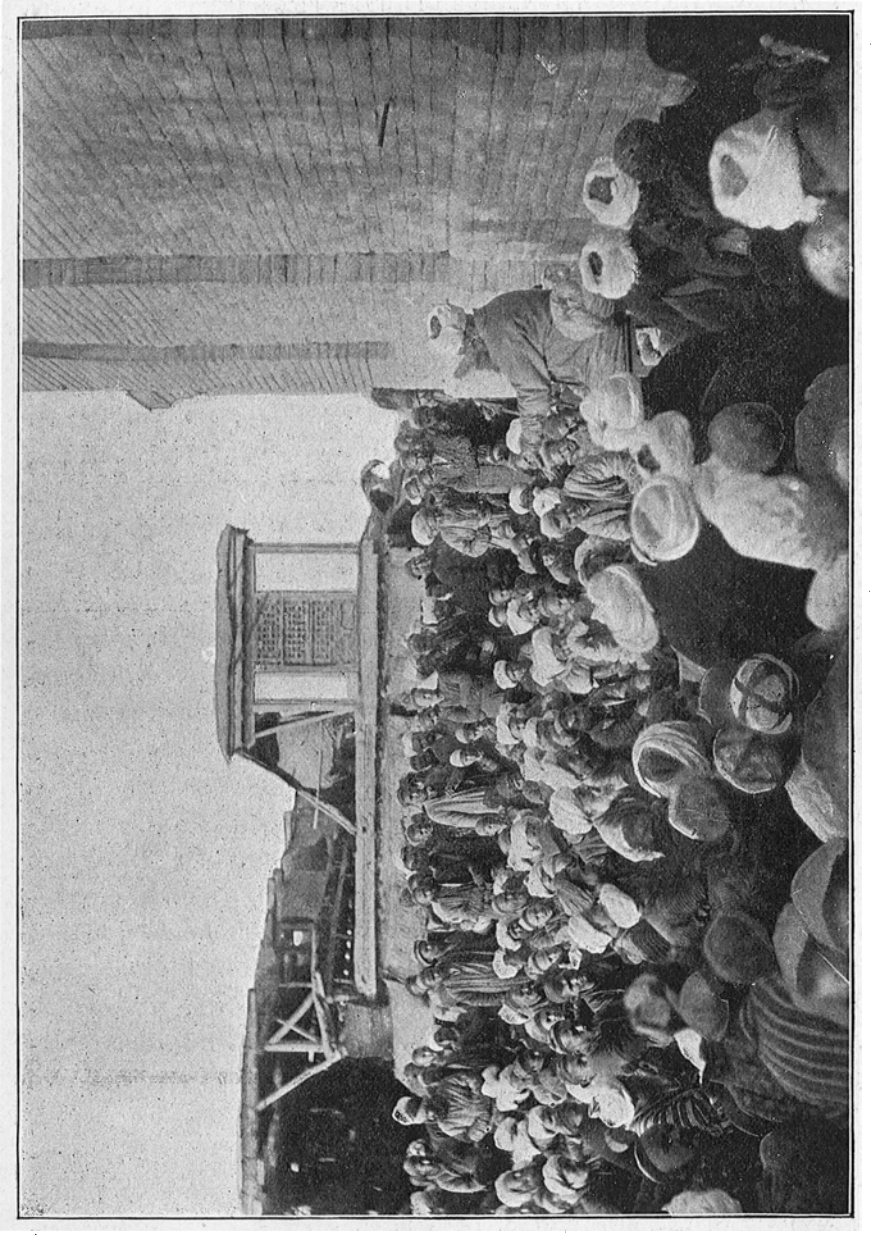
Сочельникъ мы провели „en famille“, но подъ Новый годъ баронъ Вревскій пригласилъ человѣкъ тридцать гостей. Около полуночи было подано шампанское, затѣмъ, поднявъ полные бокалы, среди полной тишины стали ждать „двѣнадцати ударовъ“. При звонѣ часовъ всѣ стали привѣтствовать Новый годъ, обмѣниваясь направо и налѣво словами: „Съ Новымъ годомъ“.

2 января состоялся обычный торжественный обѣдъ въ большой парадной залѣ. Въ числѣ приглашенныхъ были всѣ представители администраціи и войска, посолъ эмира бухарскаго, три почетнѣйшихъ сартскихъ кади (судьи) и проч. Бухарскимъ посломъ, который ежегодно пріѣзжаетъ къ Новому году въ Ташкентъ, поздравить генералъ-губернатора отъ лица эмира, оказался тотъ самый чернобородый милѣйшій таджикъ, Шади-бекъ-караулъ-беги-шигаулъ, котораго эмиръ три года тому назадъ высылалъ привѣтствовать меня на границѣ Самарканда и Бухары.

По обычаю онъ привезъ подарковъ на сумму 10,000 руб.: восемь лошадей съ великолѣпными шитыми золотомъ и серебромъ сѣдлами, съ голубыми и красными бархатными попонами, нѣсколько сотенъ почетныхъ халатовъ, главнымъ образомъ бухарскихъ, но также нѣсколько кашмирскихъ и китайскихъ, много ковровъ, матерій, драгоцѣнностей и проч.

Между приглашенными былъ также человѣкъ, игравшій большую роль въ новѣйшей исторіи Центральной Азіи, по имени Джура бекъ. Въ молодости онъ служилъ эмиру бухарскому Насрулаху, и по смерти послѣдняго захватилъ въ свои руки управленіе плодородной провинціей Шааръ-Сабизъ, древнимъ Кешемъ, родиной Тамерлана. Здѣсь онъ пробылъ бекомъ нѣсколько лѣтъ, затѣмъ былъ низвергнутъ однимъ изъ своихъ соперниковъ и посаженъ въ темницу. Народъ, недовольный его преемникомъ, однако, освободилъ Джура-бека

и вернулъ ему власть. Когда русскіе подъ начальствомъ генерала Кауфмана взяли въ 1868 г. Самаркандъ, Джура-бекъ



Дервишъ разсказываетъ сказки у мечети въ Ташкентѣ.
(Съ фотографіи автора).

поспѣшилъ со значительными силами на освобожденіе знаменитаго города, обложилъ его и сильно стѣснилъ русскихъ, которые избавились отъ неминуемой опасности въ самую

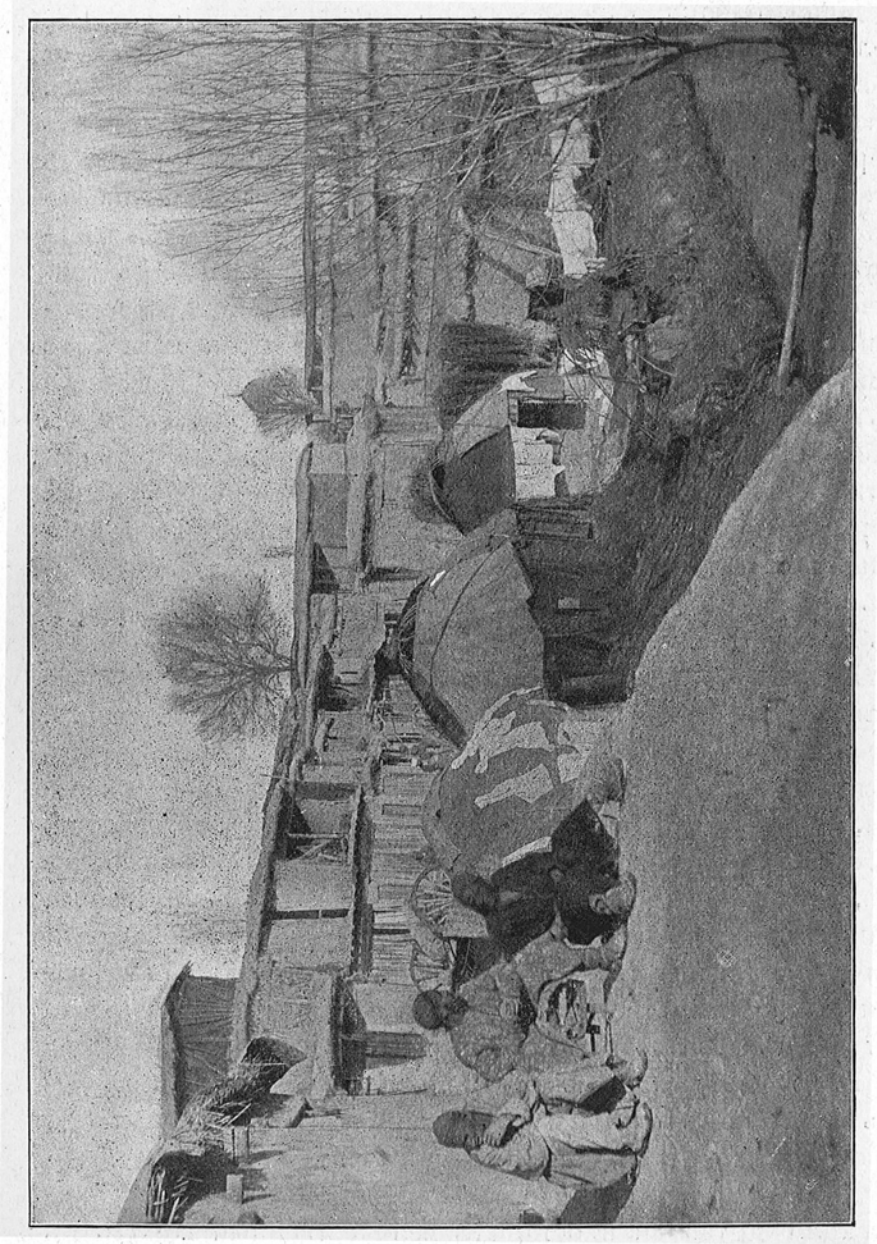
критическую минуту, только благодаря подоспѣвшей подмогѣ.

Генералъ Кауфманъ заключилъ затѣмъ съ Джурой-бекомъ миръ на такихъ условіяхъ: онъ остается бекомъ въ Шааръ-Сабизѣ, но не долженъ тревожить русскихъ владѣній. Черезъ два года въ Шааръ-Сабизѣ было умерщвлено нѣсколько казаковъ, и генералъ Кауфманъ заставилъ бека бѣжать изъ владѣній, которыми тотъ управлялъ 10 лѣтъ. Вмѣстѣ со своимъ другомъ Бабой-бекомъ онъ долго бродилъ безъ пріюта по горамъ и, наконецъ, явился въ Коканъ искать гостепріимства и помощи у послѣдняго изъ хановъ Кокана Худояра хана. Этотъ, однако, поступилъ съ нимъ вѣроломно, схватилъ его, заковалъ въ цѣпи, а затѣмъ отослалъ къ его врагу, генералу Кауфману.

Послѣдній принялъ Джуру-бека ласково, но удержалъ у себя плѣнникомъ. Въ Ташкентѣ русскіе обошлись съ нимъ, какъ нельзя лучше, и онъ сталъ пользоваться сравнительной свободой. Когда Скобелевъ предпринялъ свой походъ на Коканъ, Джура-бекъ, знавшій всѣ пути и дороги, предложилъ ему свою помощь противъ хана Худояра, своего врага. Въ этомъ походѣ, нанесшемъ Кокану послѣдній ударъ, Джура-бекъ такъ отличился, что получилъ чинъ русскаго полковника и георгіевскій крестъ. Теперь, по образу жизни, языку и одеждѣ, его не отличить отъ русскихъ; живетъ онъ въ Туркестанѣ, въ прекрасномъ домѣ и, получая въ годъ 3,000 рублей пенсіи отъ русскаго правительства, и 5,000 рублей отъ эмира Бухарскаго, который, однако, его заклятый врагъ, ведетъ мирную, спокойную жизнь, занимается изученіемъ восточныхъ ученыхъ книгъ, и очень доволенъ переворотомъ въ своей судьбѣ. Его сказочно интересная біографія, которую онъ сообщилъ мнѣ втеченіе вечеровъ, проведенныхъ мною въ его гостепріимномъ домѣ, тѣмъ не менѣе дышитъ трагизмомъ, — азіатскій деспотъ, превратившійся въ русскаго полковника!

Но вернемся къ обѣду. Онъ былъ по истинѣ лукулловскимъ; блескъ канделябръ и шитыхъ и осыпанныхъ звѣздами мундировъ, заставлялъ забывать объ Азіи; единственное, что могло напомнить о ней, было присутствіе восточныхъ гостей, одѣтыхъ въ пестрые, драгоцѣнные халаты и тюрбаны. Когда подали шампанское, генералъ-губернаторъ всталъ и

прочелъ новогоднюю телеграмму отъ Царя и провозгласилъ тостъ за Его Величество. Затѣмъ, стоя и повернувшись ли-



Киргизскія войлочныя кибитки въ Ташкентѣ.
(Съ фотографіи автора).

цомъ къ портрету государя, девяносто гостей выслушали русскій національный гимнъ. Послѣ того баронъ Вревскій провозгласилъ тосты за туркестанское воинство и за эмира

Бухарскаго. Подъ конецъ былъ провозглашенъ тостъ и за самого правителя Сыръ-дарьинской области.

Меня, однако, удерживали въ Ташкентѣ такъ долго не веселые праздники и пиры, — я все время былъ занятъ приготовленіями къ экспедиціи. Я велъ оживленную переписку, снялъ массу фотографій съ сартскаго города, провѣрилъ въ обсерваторіи свои инструменты и собралъ много разныхъ статей и сообщеній о Памирѣ. Всѣ мои инструменты оказались въ превосходнѣйшемъ состояніи, исключая ртутнаго барометра, который разбился въ дорогѣ и долженъ былъ подвергнуться генеральной починкѣ у нѣмца механика обсерваторіи. Особенно-же пострадали отъ тряски въ тарантасѣ боевые припасы. Когда я открылъ оба ящика, мнѣ представилось грустное зрѣлище. Сотни двѣ гильзъ съ патронами съ дробью были смяты въ своихъ скомканныхъ, точно бумага, жестянкахъ. Мнѣ казалось просто чудомъ, что ни одинъ изъ острыхъ угловъ жестянокъ не наткнулся на пистонъ, и не произошло взрыва. Тогда мое путешествіе обрѣло бы скорый конецъ и иную цѣль. Итакъ, боевые припасы надо было возобновить и уложить снова.

Кромѣ того мнѣ предстояла въ Ташкентѣ масса закупокъ. Я запасся всевозможнымъ провіантомъ: консервами, чаемъ, кексами, сыромъ, табакомъ и проч. на долгое время. Затѣмъ накупилъ разныхъ мелочей, какъ-то револьверовъ съ патронами, часовъ, карманныхъ зеркалъ, шарманокъ, компасовъ, биноклей, калейдоскоповъ, микроскоповъ, серебряныхъ чарокъ, украшеній и матерій и проч., для подарковъ киргизамъ, китайцамъ и монголамъ. Во внутренней Азіи матеріи почти ходячая монета; за нѣсколько метровъ простой шерстяной матеріи можно пріобрѣсти лошадь или провіантъ на нѣсколько дней для цѣлаго каравана.

По особому распоряженію генералъ-губернатора я получилъ самыя послѣднія и лучшія карты Памира, хронометръ (Вирена), берданку съ патронами и 20 ф. пороху.

Когда все было готово, я распростился со своими ташкентскими друзьями и оставилъ величественный городъ въ 3 часа утра 25 ноября 1894 г.

Уже въ Чирчикѣ, гдѣ нужно уплатить 37 рублей за проѣздъ (140 верстъ) до Ходжента на восьми лошадяхъ (теперь

у меня было два экипажа), вышла задержка изъ-за недостатка лошадей. Ѣзда здѣсь такая оживленная, что хотя на станціяхъ держатъ даже по 10 троекъ, лошади всѣ на расхватъ, а если еще столкнешься съ почтой, то ничего и не остается, какъ вооружиться терпѣніемъ.

Стало опять холодно, и въ девять часовъ утра термометръ показывалъ — 11°; окрестность была вся подъ снѣгомъ, но дорога такъ тверда и кочковата, что экипажи превратились въ орудія пытки. Ртутному барометру опять стала угрожать опасность разбиться, и, чтобы спасти его, пришлось положить его на подушку, взять на колѣни и нянчиться съ нимъ, какъ съ грудным младенцемъ. Въ холодномъ густомъ туманѣ, окутывавшемъ окрестность, тамъ и сямъ проглядывали длинные караваны верблюдовъ.

Городъ Бскентъ играетъ извѣстную роль въ новѣйшей исторіи Средней Азіи, такъ какъ здѣсь около 1825 г. родился Якубъ бекъ, завоевавшій въ 1865 году всю Кашгарію. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ воителей, котораго не скоро забудутъ въ Азіи, гдѣ онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Бадаулета или „Счастливѣйшаго“. Послѣ его смерти (убитъ въ Курлѣ въ 1877 г.) вся страна пришла въ смятеніе. Сынъ его Хакъ-кулы-бекъ пошелъ въ Кашгаръ съ отцовской арміей, воевавшей съ китайцами, но въ свою очередь былъ убитъ, какъ говорятъ, своимъ братомъ Бекомъ-кулы-бекомъ. Послѣдній живетъ еще и понынѣ въ Бскентѣ, гдѣ у него много домовъ, и получаетъ пенсію отъ русскихъ. Онъ отлично сложенный, сильный мужчина лѣтъ 50, съ черной, какъ смоль, бородой и суровыми чертами лица. У него 8 сыновей, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новаго возстанія въ Кашгаріи, чтобы попытаться вернуть себѣ тронъ отца. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ онъ самъ. Бѣдняга живетъ этой надеждой, не зная, какія громадныя политическія перемѣны произошли въ Восточномъ Туркестанѣ со временъ Якубъ-бека.

Послѣ многихъ задержекъ изъ-за недостатка лошадей, я, наконецъ, добрался 27-го до Ходжекта, гдѣ мнѣ предстояло только сдѣлать нѣкоторыя наблюденія на Сыръ-дарьѣ.

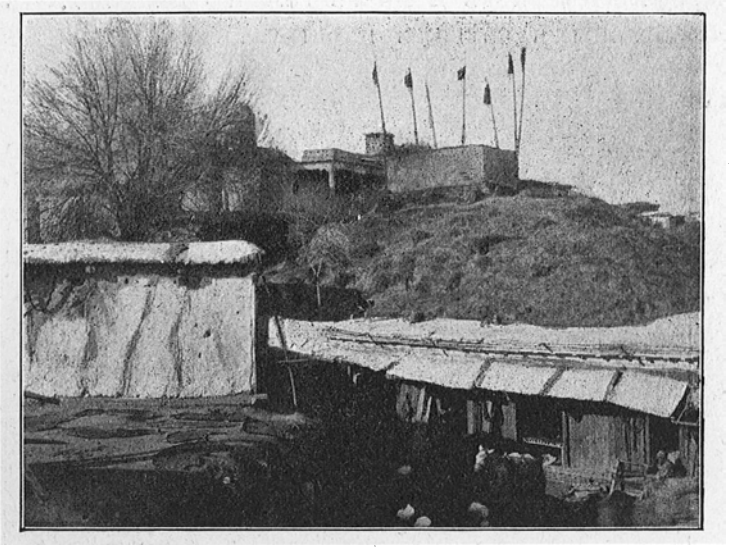
О послѣднихъ скажу нѣсколько словъ позже; о городѣ, подробное описаніе котораго я далъ въ первой моей книгѣ, говорить нечего, и остается упомянуть лишь о большомъ

мостѣ черезъ Сыръ-дарью. Раздѣленный, ради удобства, на два пѣшеходныхъ перехода и снабженный массивными перилами, мостъ опирается на три кессона и сваи. Строитель его—частное лицо, заключившее съ правительствомъ выгодный контрактъ на 30 лѣтъ. Въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ мостъ представлялъ его полную собственность, причемъ съ него не взимали никакого налога въ казну; въ теченіе-же слѣдующихъ десяти лѣтъ онъ обязанъ былъ уплачивать въ казну 3,000 рублей ежегодно. Изъ этихъ 10 лѣтъ прошло теперь уже 4 года. Расходы на постройку моста достигли 50,000 рублей; его два раза пришлось перестраивать. Черезъ шесть лѣтъ мостъ перейдетъ въ казну и долженъ быть сданъ вполнѣ въ исправномъ видѣ.

О Коканѣ, куда я прибылъ 29 января, могу прибавить въ дополненіе къ описанію, помѣщенному въ первой моей книгѣ, еще нѣсколько подробностей. Изъ 35 медрессе, или высшихъ духовныхъ мусульманскихъ училищъ, стоитъ упомянуть: медрессе Хакъ-кулы, основанное въ 1221 г. п. Геждры; медрессе-Ханъ, имѣющее 86 комнатъ и 300 учениковъ; медрессе Джами, съ громаднымъ четыреугольнымъ дворомъ, осѣненнымъ тутовыми деревьями, тополями и ивами, съ минаретомъ, красивой, покрытой пестрой живописью галлереей, разрисованной квадратиками крышею и рѣзными деревянными колоннами, между которыми сидѣли и читали множество молодыхъ муллъ; въ этомъ медрессе 86 покоевъ и 200 учениковъ. Далѣе отмѣчу медрессе Хакимъ-аджимъ, основанное 23 года назадъ матерью хана Худояра и имѣющее библіотеку или китабъ-хана съ живописнымъ балкономъ, обращеннымъ на четыреугольный дворъ. Основательница подарила медрессе землю и сады, приносящіе въ годъ 1,500 тилля (10,000 кронъ) дохода, идущихъ на содержаніе училища и поддержку учащихся. Медрессе султана Мурада-бека, основанное младшимъ братомъ Худояра, имѣетъ 99 покоевъ и 150 учениковъ. Медрессе-и-миръ старѣйшее въ Коканѣ, основано Нарбута ханомъ и реставрировано въ 1212 г. п. Г.; имѣетъ 57 покоевъ и 140 учениковъ.

Во время моего посѣщенія Кокана, въ коканскихъ медрессе насчитывалось 5,000 учащихся, живущихъ на счетъ медрессе, и 300 своекоштныхъ учениковъ. Остальныя магометанскія учебныя заведенія: 48 мектэбъ-хана или школъ, въ которыхъ учатся 600 мальчиковъ и 200 дѣвочекъ, и 30 кары-хана, или

такихъ школъ, которыя основаны на средства, отказанныя по духовному завѣщанію, и расположены около могилы завѣщателя; въ этихъ школахъ 360 учениковъ. Наконецъ имѣется еще три еврейскихъ школы съ 60 учениками. Число жителей Кокана доходитъ теперь до 60,000, изъ которыхъ 35,000 сартовъ, 2,000 кашгарцевъ и таранчей, 575 евреевъ, 500 цыганъ (lulis), 400 дунганъ, 100 татаръ, 100 афганцевъ, 12 индусовъ, по обыкновенію ростовщиковъ, и 2 китайца. Къ этому надо

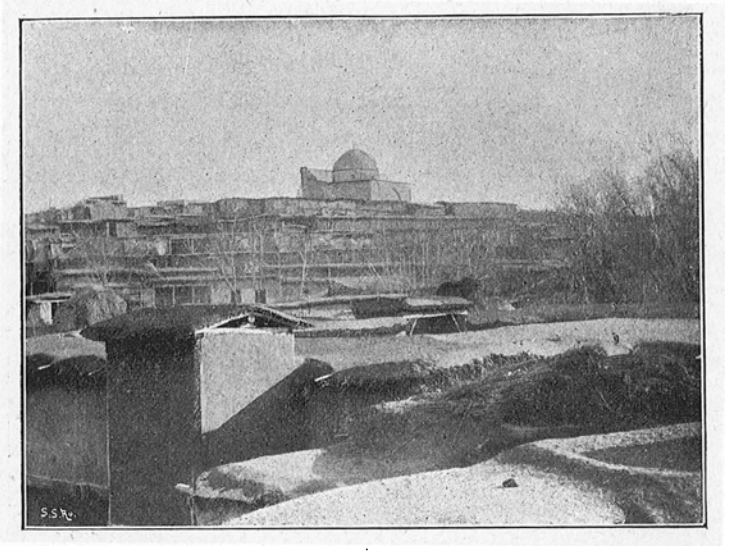


Атурлыкъ Ата-мазаръ въ Ташкентѣ.
(Съ фотографіи автора).

прибавить 350 русскихъ и гарнизонъ въ 1,400 человѣкъ; остальные таджики.

Весною пріѣзжаетъ обыкновенно съ десятокъ китайцевъ съ коврами изъ Кашгара. Въ городѣ 11,600 домовъ и 9 фабрикъ для очистки хлопка. Въ послѣдніе годы процвѣтаніе Кокана замѣтно увеличивается; особенно растетъ и расширяется русскій кварталъ. Кромѣ русской администраціи, въ поддержку ей, существуетъ и низшая туземная. Городской голова называется куръ-баши; у него въ подчиненіи четыре аксакала, изъ которыхъ каждый управляетъ большимъ кварталомъ, — каттамахалля; аксакаламъ подчинены въ свою очередь 96 элликъ-башей, начальствующихъ надъ участками или кичкинтай-махалля.

Въ Коканѣ я посѣтилъ нѣсколько бань, разумѣется только ради любопытства, а не ради пользованья, такъ какъ онѣ представляютъ въ сущности не бани, а разсадники накожныхъ болѣзней. Входишь въ большую залу съ покрытыми цыновками скамьями и деревянными колоннами; это раздѣвальная. Изъ нея переходишь по лабиринту узкихъ корридоровъ въ темные, наполненные парами сводчатые покои различной температуры. По срединѣ каждаго находится широкая скамья, на которой моющагося растираетъ и моетъ голый баньщикъ. Въ этихъ пегребообразныхъ кельяхъ царствуетъ таинственный полу-



Ташкентъ.
(Съ фотографіи автора).

мракъ, и въ облакахъ пара только мелькаютъ какія-то нагія фигуры съ длинными черными или сѣдыми бородами. Мусульмане часто проводятъ въ банѣ полдня, курятъ, пьютъ тамъ чай, а иногда и обѣдаютъ. Въ нравственномъ отношеніи городъ представляетъ отталкивающую картину растлѣнія нравовъ, чему не мало способствуютъ труппы танцовщиковъ, выступающихъ на свадьбахъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Вмѣсто того, чтобы прямо отправиться по большому почтовому тракту въ Маргеланъ, я выбралъ окольный путь въ 200 верстъ на Чустъ и Наманганъ, чтобы еще раза два пересѣчь Сыръ-дарью и закончить мои наблюденія. Отправивъ свой

багажъ на двухъ арбахъ прямо въ Маргеланъ, я въ своемъ старомъ тарантасѣ выѣхалъ изъ Кокана 30 января къ сѣверу на Урганчи, большой кышлакъ, гдѣ какъ разъ была ярмарка, и улицы были запружены народомъ. Дорога все время идетъ по разнымъ селеніямъ, а по обѣ ея стороны бѣгутъ арыки или оросительныя канавы, послѣдніе отпрыски системы искусственнаго орошенія Коканскаго оазиса. Около города Гурумъ-сарая переправились на паромѣ черезъ Сыръ-дарью и продолжали путь по ужасной дорогѣ на городокъ Чустъ, единственное значеніе котораго въ производствѣ хлопка, риса и хлѣба. Отсюда дорога идетъ по небольшимъ лёсовымъ и конгломератовымъ холмамъ. Повсюду стоялъ уже прекрасный санный путь, поэтому тащиться въ тарантасѣ было очень тяжело. Около Тюря-кургана переѣхали черезъ рѣку Касанъ-су, которая лѣтомъ несетъ массу воды изъ горы Чаткалъ. Воды эти, однако, никогда не достигаютъ Сыръ-дарьи, — ихъ по дорогѣ отводятъ арыками для затопленія рисовыхъ полей.

Наманганъ окруженъ селами и садами; въ немъ живетъ уѣздный начальникъ. Сеидъ-кулы-бекъ, Ходжа ишанъ и медрессе Сердаби единственныя зданія въ городѣ, достойныя мимолетнаго вниманія путешественника; четыреугольная базарная площадь Исхакъ-ханъ, разстилающаяся передъ вышеупомянутымъ медрессе, является мѣстопребываніемъ мѣстныхъ кузнецовъ и торговцевъ желѣзомъ.

Выбраться изъ Намангана не такъ-то легко. По замерзшей теперь уличной грязи проходили глубокія твердыя колеи, прорѣзанныя колесами арбъ; по этимъ-то колеямъ и надо было ѣхать во что бы то ни стало. Трясясь и подпрыгивая, плелись мы по нимъ всю дорогу до Нарына, настоящаго истока Сыръ-дарьи, черезъ который надо переѣзжать по деревянному мосту. Каждую весну его сноситъ напоромъ воды и къ лѣту его строятъ вновь. Дорога пересѣкаетъ Нарынъ близехонько отъ впаденія Кара-дарьи, главнаго его притока. Отъ города Балыкчи, расположеннаго на лѣвомъ берегу Кара-дарьи, ямщикъ повезъ меня въ Минъ-булакъ на Сыръ-дарьѣ, которая повыше отдѣляетъ отъ себя своеобразный рукавъ Мусульманъ-куль, образовывающій поросшее тростникомъ болото Сары-су. Болото все было покрыто льдомъ и снѣгомъ; кругомъ было голо и пусто, мѣстность порою слегка пересѣ-

ченная; временами показывались стада пасущихся овецъ, но на чемъ собственно онѣ паслись, такъ и осталось для меня загадкой. Миновавъ Ясъ-ауанъ, достигъ я 4 февраля главнаго города Ферганы Маргелана, гдѣ губернаторъ, генералъ Повало-Швейковскій принялъ меня съ изысканной любезностью и оказывалъ мнѣ всякое содѣйствіе впродолженіе двадцати дней, которыя я провелъ у него въ домѣ, занимаясь приготовленіями къ отъѣзду на Памиръ.

Но прежде чѣмъ оставить Фергану и отправиться въ полный приключеній путь, черезъ Памиръ, я хочу дать краткій отчетъ о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя я произвелъ на Сыръ-дарьѣ.

Первая серія измѣреній, произведенная 25 ноября 1893 г. около Казалинска дала въ результатѣ 565 куб. метр. воды въ секунду. Глубина колебалась между 2 — 3 метр.; средняя глубина была 2.46 м., а средняя скорость 78 сантим. въ секунду; температура воды + 0.4°. Въ воздухѣ было вполнѣ тихо, и наблюденія производились съ заякоренной лодки въ 6 пунктахъ посреди рѣки.

Два мѣсяца спустя, 27 января 1894 г. я произвелъ подобную-же серію наблюденій около Ходжента. Температура воздуха была въ 1 ч. 30 м. пополудни — 2.9°; дулъ слабый восточный вѣтеръ; въ водѣ термометръ показывалъ + 0.5°. Около праваго берега лежалъ тонкій ледяной покровъ въ 9 метровъ ширины, а около лѣваго въ 17 метр. ширины; оба образовались подъ прикрытіемъ моста; выше же и ниже моста совсѣмъ не было льда; по водѣ плыло только сало; самая вода была здѣсь чище, прозрачнѣе, чѣмъ около Казалинска. Благодаря длинѣ моста въ 175 метровъ, изъ которыхъ 44 метра находились на сухомъ пескѣ, легко было опредѣлить ширину рѣки, достигающую здѣсь, слѣдовательно, 131 метра. Наблюденія производились, какъ и около Казалинска, въ шести пунктахъ съ лодки, которую укрѣпили посредствомъ веревки въ 60 метрахъ ниже моста. Глубина измѣрялась шестомъ въ 6 метр. длины, а скорость теченія, какъ обыкновенно, посредствомъ неподвижныхъ и свободныхъ поплавковъ.

Какъ и надо было ожидать, принимая во вниманіе условія рельефа Ферганской долины, наибольшая глубина и

соотвѣтственная наибольшая скорость теченія оказывается недалеко отъ праваго берега, гдѣ находится крутая изолированная гористая мѣстность, тогда какъ лѣвый южный берегъ сравнительно пологъ, но все же настолько возвышается надъ водой, что жители Ходжента не безъ труда достаютъ себѣ оттуда воду, когда небольшой источникъ Акъ-су, протекающій черезъ городъ, высыхаетъ.

Средняя глубина доходила до 3.87 м. (максимумъ 5.77 м.) площадь живого сѣченія рѣки до 480 кв. м.; средняя скорость теченія до 76.3 сантим. (максимумъ 94 сантиметра), а притокъ воды до 365 куб. м. въ секунду. Пространство между мостомъ и поверхностью воды доходило теперь до 6.18 м., но на сваяхъ моста мнѣ показали знаки, свидѣтельствовавшіе, что прошлымъ лѣтомъ вода стояла почти на $4^1/_2$ м. выше.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что около Ходжента притокъ воды оказался приблизительно на 200 куб. метр. меньше, нежели около Казалинска, но фактъ этотъ объясняется самымъ простымъ образомъ. Прежде всего рѣка Чирчикъ около Ташкента приноситъ при самомъ низкомъ уровнѣ воды около 100 куб. метровъ въ секунду; кромѣ того Сыръ-дарья принимаетъ въ нижнемъ теченіи разные притоки, текущіе изъ горъ Кара-тау и Таласъ-тау; изъ нихъ уже упомянутый мной Арысъ довольно значительная рѣка, и, наконецъ, надо помнить, что зимою мало расходуется воды на орошеніе (арыки), что испареніе въ это время года незначительно, и что при низкомъ уровнѣ воды мало или совсѣмъ не пропадаетъ воды въ береговыхъ болотахъ; наблюденія около Ходжента производились, вѣдь, двумя мѣсяцами позднѣе, нежели около Казалинска.

Лѣтомъ наблюденій надъ количествомъ воды въ Сыръ-дарьѣ не производилось, но можно почти съ увѣренностью предполагать, что въ это время года, наоборотъ, количество воды около Чиназа (близъ Ташкента) гораздо значительнѣе, нежели около Казалинска.

Въ январѣ 1891 г. на обратномъ пути изъ Кашгара на Иссыкъ-куль, я имѣлъ случай видѣть, какія огромныя массы снѣга скопляются зимою въ горахъ къ югу отъ Иссыкъ-куля. Весной и лѣтомъ эти массы таютъ, и Нарынъ превращается въ мощную рѣку, несущуюся по своему каменному ложу въ

Ферганскую долину. Кара-дарья также значительно увеличивается въ размѣрахъ, хотя снѣговые осадки въ той части Тянь-шаня, гдѣ ея источники, и не такъ обильны, какъ въ областяхъ къ югу отъ Иссыкъ-куля. Кара-дарья, какъ и Чирчикъ, вноситъ въ Сыръ-дарью значительную массу воды, и около Чиназа Сыръ-дарья весной и лѣтомъ является мощною рѣкою, хотя и не можетъ сравниться съ сестрой своей Амударьей.

Тѣмъ не менѣе, водная масса не достигаетъ такихъ размѣровъ, какія, казалось, должны были-бы обезпечить данныя условія мѣстности. Чиназъ лежитъ на 186 м. надъ уровнемъ Аральскаго моря, но отстоитъ отъ него почти на 1,420 кил. и величина паденія равняется поэтому только 1,31 дециm. на килом., такъ что вода имѣетъ достаточно времени для испаренія, еще облегчающагося чрезвычайною сухостью и теплотой воздуха въ лѣтнее время.

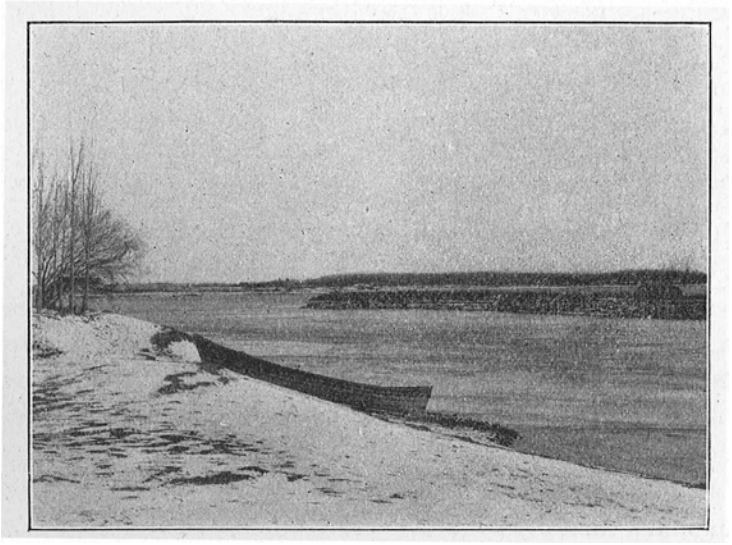
Вліяютъ на рѣку и другія причины. Часть воды всасывается почвой, часть отводится арыками, часть, и довольно значительная, уходитъ на образованіе по берегамъ, особенно на правомъ, болотъ и озеръ. Самыя большія болота находятся между Казалинскомъ и устьемъ, другія къ востоку отъ Перовска, а главнымъ образомъ между Перовскомъ и Кармакчи, гдѣ поросшее камышомъ Бакалы-копа занимаетъ площадь въ 4,500 кв. верстъ. Такимъ образомъ рѣка теряетъ большія массы воды, и вотъ почему и можно утверждать, что лѣтомъ количество воды гораздо значительнѣе около Чиназа, нежели около устья.

Между Минъ-булакомъ и Ходжентомъ проѣзжія дороги пересѣкаютъ Сыръ-дарью въ 15 мѣстахъ, и сообщеніе поддерживается 27 паромами, содержимыми однимъ русскимъ подрядчикомъ. Самый оживленный провозъ товаровъ идетъ черезъ Шахандъ, гдѣ переправа въ лѣтнее время даетъ до 1.200 рублей въ мѣсяцъ, зимою-же только 300—400 рублей. Около Минъ-булака выручаютъ только 400 р. лѣтомъ и 200 зимой.

За переправу нагруженной товарами арбы берутъ 25 к., за навьюченнаго верблюда 15 к., за лошадь 5 к., за пѣшаго человѣка 2 к.

Около Гурумъ-сарая, гдѣ находится одна изъ важнѣй-

шихъ переправъ, я произвелъ третью серію наблюденій. Небо было ясно, вѣтра не было, температура воздуха въ 5 ч. пополудни равнялась — 4.9 °, а средняя температура воды + 1.9 °. Ширина рѣки (по тригонометрическому измѣренію) оказалась 195 м. Правый берегъ пологій и низкій, лѣвый очень крутъ, 3 м. вышиной и сильно подмытъ теченіемъ. Въ 10 метр. разстоянія отъ него и оказалась наибольшая глубина, 2.88 м. не сопутствуемая, однако, наибольшею скоростью теченія (126 сантим. въ секунду), которая замѣчается всего въ 5 метрахъ отъ праваго берега. Почти посрединѣ русла мель, и ско-



Сыръ-дарья около Казалинска.
(Съ фотографіи автора).

рость теченія тутъ незначительная, но увеличивается по направленію къ обоимъ берегамъ, около которыхъ расположены наиболѣе глубокія мѣста.

Средняя глубина 1.61 м., площадь живого сѣченія рѣки 285 кв. м.; средняя скорость 78,3 сантим., а притокъ воды 222 куб. м. въ секунду. Большая разница — 143 куб. м. — между притокомъ воды около Ходжента и около Гурумъ-сарая поражаетъ особенно въ виду того, что рѣка на этомъ протяженіи не принимаетъ особенно значительныхъ притоковъ, и объясняется, какъ я постараюсь сейчасъ доказать, температурой и осадками.

На пути между Наманганомъ и Маргеланомъ я пересѣкъ нижнее теченіе Нарына, около кышлака Джида-копа, и нижнее теченіе Кара-дарьи между городами Чуджа и Балыкчи. Объ этихъ двухъ истокахъ Сыръ-дарьи говорятъ вообще, что Нарынъ самый обильный водой, а Кара-дарья быстрѣйшій. Послѣднее положеніе всегда оправдывается, — на пространствѣ 147 килом. отъ Узгена (982 м.) до Чуджи (400 м.) величина паденія Кара-дарьи равняется 582 м. или 3.96 м. на километръ; паденіе Нарына, напротивъ, на протяженіи 141 килом., т. е. отъ мѣста около развалинъ крѣпости Кетменъ-тюбе (854 м.) до Джида-копа (399 м.) только 455 м. или 3.23 м. на километръ. Разница высотъ не особенно велика, но всетаки обусловливаетъ то, что Кара-дарья и въ нижнемъ своемъ теченіи нѣсколькими сантиметрами быстрѣе Нарына. Первое-же положеніе не всегда оправдывается, такъ какъ зимою Кара-дарья вдвое многоводнѣе Нарына.

Происходитъ это оттого, что Нарынъ протекаетъ по болѣе сѣверной и холодной области и окаймленъ со всѣхъ сторонъ высокими горными цѣпями, гдѣ держатся сильные холода, между тѣмъ такъ Кара-дарья течетъ южнѣе и проходитъ по восточной части Ферганской долины, гдѣ зимняя температура значительно мягче, да и долина защищена высокими горами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Словомъ уровень воды въ Нарынѣ понижается потому, что большая часть его водъ бываетъ скована льдомъ. Особенно относится это къ маленькимъ притокамъ и ручьямъ, протекающимъ по высокимъ поперечнымъ долинамъ. Въ области Кара-дарьи холода, напротивъ, не такъ сильны, и рѣка поэтому принимаетъ въ себя и въ холодное время года сравнительно много воды, хотя снѣговые осадки здѣсь и менѣе обильны. Въ сравненіи съ Нарыномъ Кара-дарья такимъ образомъ тратитъ на образованіе льда меньше воды. Зато весною, когда льды и снѣга на прилегающихъ къ Нарыну горахъ начинаютъ таять, воды въ рѣкѣ прибываетъ, и она быстро становится куда обильнѣе водою, нежели Кара-дарья, въ области которой нѣтъ такихъ запасовъ снѣговъ и льда.

Сартскіе мосты на сваяхъ, перекинутые черезъ Нарынъ и Кара-дарью, значительно облегчали измѣренія. На Нарынѣ я произвелъ 2 февраля въ 2 часа дня, при благопріятной по-

годѣ и температурѣ—5.6° слѣдующія наблюденія. Средняя глубина равнялась 1.78 м. (максимумъ 2.61 м.), площадь живаго сѣченія 78 кв. м.; средняя скорость 111.6 сантим. (максимумъ 138 сантим.), притокъ воды 87 куб. метр. Наибольшая глубина и скорость приходились на правую половину рѣки. Тутъ-же по теченію неслось въ изобиліи ледяное сало. Наибольшее количество его приходилось на полосу воды, отстоящую всего въ 11 метр. отъ праваго берега и, такимъ образомъ, не совпадало, какъ можно было ожидать, съ полосой наибольшей скорости теченія, приходившеюся на разстояніи 23 метровъ отъ того же самого берега.

Приблизительно въ верстѣ съ половиной къ югу я часа черезъ два пересѣкъ Кара-дарью и произвелъ слѣдующія наблюденія: средняя глубина 1.6 м.; наибольшая глубина 3.32 м.; площадь живаго сѣченія 113 кв. м.; средняя скорость 118 сантим. (максимумъ 138 сантим.); притокъ воды 133 куб. м.

Въ общемъ притокъ воды Нарына и Кара-дарьи 220 куб. м. или столько-же, сколько я нашелъ на Сыръ-дарьѣ около Гурумъ-сарая.

Если сравнить объ рѣки между собою, выходитъ, что Кара-дарья на 28 м. шире Нарына, но въ общемъ мелководнѣе, хотя максимумъ глубины ея и больше. Въ обѣихъ рѣкахъ максимальная глубина находится близъ праваго берега, а наибольшая скорость теченія влѣво отъ наибольшей глубины. У обѣихъ рѣкъ правый берегъ гораздо болѣе подмытъ, круче и выше, нежели лѣвый, пологій и низкій. Тѣ-же условія находимъ мы и на Сыръ-дарьѣ около Ходжента.

Условія эти, повидимому, въ связи съ стремленіемъ рѣки уклоняться вправо. Въ 1892 г. явилось ясное доказательство, что и Нарынъ въ нижнемъ своемъ теченіи обнаруживаетъ такое-же стремленіе. Въ десяти верстахъ повыше Учъ-кургана Нарынъ покидаетъ свою поперечную долину и направляется по ровной Ферганской долинѣ. А какъ только рѣка покидаетъ свое глубокое, рѣзко очерченное скалистое русло, она становится широкой и мелкой, пересѣченной отмелями и песчаными островами, и протекаетъ только незначительное пространство.

Въ какихъ нибудь двухъ верстахъ ниже Учъ-Кургана, отъ праваго берега рѣки идетъ самый большой арыкъ Наманганской области Янги-арыкъ, проведенный для орошенія рисо-

выхъ полей. Теперь рѣка, однако, сама выказала стремленіе перемѣститься въ русло арыка, что, разумѣется, было-бы въ высшей степени опасно для земледѣлія въ этой плодородной области; чтобы помѣшать этому, русская администрація возвела въ началѣ 1893 года четыре дамбы подъ прямымъ угломъ къ правому берегу; такимъ образомъ заставили воду идти по прежнему руслу лѣвѣе.

Изъ этихъ четырехъ дамбъ самая верхняя имѣетъ 43 м. длины, а самая нижняя 287 м.; первыя три 10 м. ширины, а четвертая, самая нижняя, 6 м. Матеріаломъ для возведенія дамбъ послужили древесные стволы, камни и фашины. Работы были закончены въ два мѣсяца, велись подъ наблюденіемъ русскаго офицера 200—400 рабочими сартами и обошлись въ 18,000 р. Въ „стоячей водѣ“ пониже каждой дамбы скоро скопились большія массы песку и шлама, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали сажать деревья, чтобы придать сооруженію большую устойчивость. Примѣръ этотъ ясно говоритъ о стремленіи рѣки уклониться вправо.

На пути отъ Минъ-булака до Маргелана я во многихъ мѣстахъ наблюдалъ слѣды старыхъ рѣчныхъ руслъ. Самое значительное изъ нихъ Сары-су, которое впадаетъ въ поросшее камышемъ болото того-же названія, бывшее во время моего посѣщенія скованнымъ тонкимъ блестящимъ ледкомъ. Весьма вѣроятно, что расположенное дальше на востокъ продолженіе арыка Мусульманъ-куль представляетъ старое русло Сыръ-дарьи.

Къ югу отъ Сыръ-дарьи между меридіанами Кокана и Маргелана идетъ непрерывная полоса болотистыхъ мѣстностей: Ачи-куль, Дамъ-куль и Сары-су, которыя весною и лѣтомъ снабжаются водой изъ рѣки черезъ старыя покинутыя русла, а также излишкомъ воды изъ арыковъ Андижана. Къ югу отъ этихъ низкихъ болотистыхъ мѣстностей простирается песчаная пустыня. Къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи, напротивъ, нѣтъ никакихъ болотъ или старыхъ руслъ. Только по нижнему теченію, преимущественно вдоль праваго берега, идутъ трясины и лагуны.

И здѣсь мы находимъ довольно убѣдительныя доказательства того, что рѣка перемѣщается вправо, или къ сѣверо-востоку. На протяженіи 635 килом. отъ Казалинска до Ташъ-Су-

ата почтовый трактъ идетъ вдоль праваго берега, совсѣмъ близко отъ него. Многіе изъ станціонныхъ домиковъ, которые первоначально были построены въ значительномъ разстояніи отъ берега, теперь оказываются вблизи воды, и нѣкоторые изъ нихъ пришлось даже бросить и выстроить новые подальше.

Сравнивая Нарынъ и Кара-дарью мы видимъ, что первый несетъ большое количество пловучаго льда, а на второй, напротивъ, нѣтъ и слѣда льда. Вода въ Нарынѣ была почти совсѣмъ свѣтлая и прозрачная, а въ Кара-дарьѣ мутная и нечистая. Температура воды въ Нарынѣ равнялась — 0.1°, а въ Кара-дарьѣ + 3.3°. Количество землистыхъ частицъ, приносимыхъ водой, зависитъ, разумѣется, частью отъ неоднородности почвы, частью отъ количества воды и наклона русла, а, можетъ быть, также до нѣкоторой степени и отъ температуры воды. Низкая температура воды и присутствіе льда въ Нарынѣ зависитъ, конечно, отъ того, что рѣка протекаетъ по болѣе холоднымъ областямъ, нежели Кара-дарья, которая поэтому и теплѣе и свободна ото льда.

Наконецъ, да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ о вліяніи, которое оказываетъ на Сыръ-дарью около Минъ-булака, Гурумъ-сарая и Ходжента обиліе воды въ Нарынѣ и Кара-дарьѣ. Около Минъ-булака я рѣшилъ призвести послѣднюю серію наблюденій; къ сожалѣнію, перевозъ здѣсь такъ устроенъ, что парома нельзя удержать неподвижно на рѣкѣ. Ширина рѣки достигаетъ 180 м. Въ десяти метрахъ отъ лѣваго берега глубина равнялась 1.5 м., а скорость теченія цѣлымъ 147 сантим. въ секунду. Въ 20 метрахъ отъ праваго берега глубина равнялась 1.45 метр., а скорость только 57 сантим. Приблизительно посреди рѣки глубина равнялась 2.5 м.

Неравномѣрность температуры и цвѣта воды даетъ поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ заключеніямъ. Около праваго берега термометръ показывалъ + 1.1°; въ 60 м. оттуда + 1.5°; въ 60 м. отъ лѣваго берега + 2.1°, а вблизи этого берега + 2.3°. Здѣсь надъ рѣкою въ 11 ч. утра при температурѣ воздуха — 9.7° подымался облаками густой туманъ, и перевозчики сообщили мнѣ, что рано утромъ туманъ былъ до того густъ, что въ нѣсколькихъ метрахъ парома уже не было видно съ берега. Такое явленіе, повидимому, весьма обычно здѣсь въ это время года.

Около праваго берега, гдѣ течетъ холодная вода, рѣка „не дымилась". Здѣсь полоса воды шириною приблизительно въ 15 метр. имѣла тотъ-же прозрачный свѣтло-зеленый цвѣтъ, какъ и вода въ Нарынѣ; но за этой полосой вода сразу становилась мутной и оставалась такой вплоть до лѣваго берега,— совершенно, какъ въ Карѣ-дарьѣ. Это доказываетъ, что воды этихъ двухъ рѣкъ не смѣшиваются даже на 7-ой верстѣ послѣ своего сліянія, или вѣрнѣе, что теплая, мутная вода Карадарьи разливается поверхъ холодныхъ свѣтлыхъ струй Нарына, оставляя свободной только узкую полосу воды около праваго берега. То обстоятельство, что послѣдняя становится на короткомъ протяженіи на 1° теплѣе, зависитъ, конечно, отъ тѣснаго соприкосновенія съ болѣе теплой водой Кара-дарьи.

Около Гурумъ-сарая вода, какъ сказано выше, вездѣ имѣла температуру въ + 19°, а также во всю ширину тотъ-же мутный цвѣтъ, какъ въ Карѣ-дарьѣ, причемъ рѣка здѣсь была совершенно свободна ото льда. И даже безъ измѣренія температуры можно было доказать, что теченіе Кара-дарьи здѣсь сильнѣе теченія Нарына, и что пловучій ледъ имѣлъ время разстаять на протяженіи 89 килом. О томъ, что условія были одни и тѣ-же, какъ 30 января, такъ и 2 февраля, свидѣтельствуетъ количество воды, бывшее одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ.

Около Ходжента условія оказались совершенно иными. Прежде всего количество воды было здѣсь на 140 куб. м. больше, нежели около Гурумъ-сарая; дальше температура воды равнялась только + 0.5°, т. е. почти на полтора градуса холоднѣе, нежели около Гурумъ-сарая, отстоящаго на 173 килом. отъ Ходжента. Наконецъ, здѣсь вода была гораздо чище, чѣмъ около Гурумъ-сарая, и несла не малое количество льда. Отсюда слѣдуетъ, что вода, струившаяся 27 января около Ходжента по руслу Сыръ-дарьи, состояла главнымъ образомъ изъ воды Нарына, потому что вся водная масса имѣла свойства этой послѣдней: была холодна, прозрачна и смѣшана съ пловучимъ льдомъ.

Вскорѣ послѣ того температура понизилась; 30 января въ 9 ч. вечера въ Чустѣ температура была — 11.2°; 1-го февраля въ 8 ч. утра въ Наманганѣ — 9.5°, а на слѣдующій день въ то же время и въ томъ-же мѣстѣ — 10.6°.

Въ горахъ, конечно, паденіе температуры было замѣтно въ болѣе сильной степени. Притоки и отчасти самъ Нарынъ стали замерзать; рѣка потеряла поэтому большое количество воды и стала значительно меньше, нежели Кара-дарья. Уровень воды въ Сыръ-дарьѣ быстро понизился, и около Гурумъ-сарая количество воды стало на 140 куб. м. меньше, чѣмъ за нѣсколько дней до того.

Въ сущности поразительно, что количество воды можетъ такъ сильно убывать въ столь короткое время, но это обычное и легко объяснимое явленіе. Такъ наманганскій областной начальникъ сообщалъ мнѣ, что уровень Нарына не рѣдко въ теченіе пяти дней повышается на 3 м., а затѣмъ такъ-же быстро спадаетъ. Происходитъ это всегда послѣ сильнаго и продолжительнаго дождя въ прилегающихъ горахъ. Итакъ, какъ я раньше и указалъ, нельзя утверждать, что Нарынъ вообще наиболѣе обильный водой изъ двухъ рѣкъ, такъ какъ отношенія между количествомъ воды въ нихъ мѣняются съ временами года, т. е. соотвѣтственно температурѣ и количеству осадковъ въ рѣчныхъ областяхъ.

Сыръ-дарья не замерзаетъ на всемъ протяженіи по Ферганѣ до Ходжента, но уже около Чиназа часто покрывается такимъ толстымъ льдомъ, который въ состояніи сдержать почтовыя тройки.

IV.

Зимнее путешествіе по Памиру.

На границахъ восточнаго и западнаго Туркестана, Бухары, Афганистана и Индіи возвышается огромное плато, гигантскій горный узелъ, отъ котораго расходятся къ востоку и юго-востоку величайшіе горные хребты Кунь-лунь и Гималайскій, къ сѣверо-востоку Тянь-шань и къ юго-западу Гинду-ку, а между двумя первыми изъ названныхъ хребтовъ уходитъ вглубь Тибета Каракорумъ. Здѣсь, согласно показаніямъ многихъ ученыхъ, жили первые люди, а преданія разсказываютъ, что отсюда вытекали четыре большія рѣки, протекавшія по раю и упоминаемыя въ библіи. Жители Нагорной

Азіи до сихъ поръ еще величаютъ Памиръ „крышей міра“, откуда огромные великаны смотрѣли на всю остальную землю.

Въ политическомъ отношеніи Памиръ находился въ недавнее время подъ властью коканскихъ хановъ, а съ отнятіемъ могущественнымъ сосѣдомъ власти у послѣдняго изъ хановъ Кокана, право на Памиръ перешло къ Россіи. Послѣдняя, однако, мало обращала вниманія на эту непроходимую и почти необитаемую область, что и ободрило восточныхъ сосѣдей присоединить къ своимъ владѣніямъ различныя ея части. Афганцы овладѣли Бадахшаномъ и Шугнаномъ, и показались въ Рошанѣ и Вашанѣ, гдѣ они около рѣки Пянджъ и воздвигли форты. Китайцы овладѣли восточными пограничными областями Памира, а англичане взяли Читралъ и Канджутъ.

Русскіе перестали, наконецъ, оставаться равнодушными къ такимъ захватамъ. Въ 1891 г. полковникъ Іоновъ съ 1,000 казаковъ и караваномъ, везшимъ полное боевое вооруженіе, провіантъ и даже митральезы, выступилъ изъ Маргелана и прошелъ весь Памиръ до Гинду-ку, гдѣ близъ перевала Барогилъ имѣлъ стычку съ афганцами. Вскорѣ затѣмъ былъ основанъ около р. Мургаба фортъ Ша-джанъ, позже Памирскій постъ; сотни двѣ казаковъ блюдутъ оттуда интересы Россіи въ Памирѣ.

Въ послѣдніе годы о Памирѣ столько говорили и писали, что эта прежде почти забытая, окутанная полярными холодами страна въ самомъ сердцѣ Азіи стала предметомъ живѣйшаго интереса и цѣлью важныхъ, пожалуй, роковыхъ политическихъ и стратегическихъ мѣропріятій. Нѣкоторыя области Памира оставались еще безъ хозяевъ, и обитавшіе тамъ въ вѣчной борьбѣ съ холодами немногочисленные киргизы, не знали надъ собой ничьей власти и не платили никакихъ налоговъ. Но всѣ сосѣди стали протягивать къ нимъ руки, сооружая по близости форты, и хотя никто еще и не рѣшается сдѣлать перваго шага, всѣ готовы открыть огонь при первомъ удобномъ случаѣ.

Во время моего пребыванія въ домѣ барона Вревскаго, мы часто говорили о Памирѣ, и мнѣ пришла мысль отправиться въ Кашгаръ черезъ Памиръ. Когда я принялъ это рѣшеніе, почти всѣ стали отговаривать меня, а офицеры, принимавшіе

участіе въ Іоновской экспедиціи, предсказывали мнѣ всевозможныя опасности и совѣтовали подождать мѣсяца два-три.

Одинъ капитанъ, зимовавшій годъ передъ тѣмъ на Мургабѣ, увѣрялъ, что я подвергаю себя ужаснымъ бѣдамъ и неминуемо рискую очутиться въ критическомъ положеніи. Даже житель сѣвера не имѣетъ понятія о томъ холодѣ и буранахъ, которые свирѣпствуютъ зимою на Памирѣ. Да и среди лѣта бураны и морозъ въ 10° тамъ не въ рѣдкость. Зимою 1892-93 г. температура въ концѣ января упала до — 43° а бураны не прекращались. Буранъ разражается неожиданно, — часто за минуту до того небо бываетъ совершенно безоблачно, ясно; тропа моментально оказывается занесенной, воздухъ наполняется крутящеюся снѣжною пылью, и въ двухъ шагахъ ничего не видно; необходимо немедленно остановиться, завернуться въ шубу и переждать, да благодарить Бога, коли удастся еще остаться въ живыхъ.

Капитанъ совѣтовалъ мнѣ также во время переходовъ никогда не удаляться отъ своего каравана; внезапный буранъ можетъ отрѣзать меня отъ моихъ спутниковъ и тогда уже невозможно будетъ опять соединиться съ ними, даже если разстояніе, отдѣляющее насъ другъ отъ друга, не превыситъ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Все будетъ окутано облаками снѣга, среди которыхъ едва различишь лошадь, на которой сидишь; крики о помощи замрутъ неуслышанными; даже выстрѣловъ не будетъ слышно изъ-за воя снѣжной бури, и путникъ, очутившійся въ такой буранъ, безъ палатки, безъ провіанта, безъ шубы, безъ войлоковъ, можетъ читать себѣ отходную. Словомъ полковникъ Іоновъ и капитанъ Ванновскій, оба извѣстные и опытные путешественники по Памиру, отнюдь не завидовали моему путешествію и всячески предупреждали меня.

Нашлось всетаки двое людей, которые не такъ мрачно смотрѣли на мое предпріятіе и, напротивъ, ободряли меня и обѣщали сдѣлать все возможное, чтобы облегчить мнѣ его осуществленіе. Это были генералъ Вревскій и губернаторъ Ферганы генералъ Повало-Швейковскій, и они блестяще сдержали свое слово. По иниціативѣ барона Вревскаго губернаторъ Ферганы еще за недѣлю до моего отъѣзда изъ Маргелана отдалъ черезъ джигитовъ (сартскіе курьеры) приказаніе

зимовавшимъ въ долинѣ Алая киргизамъ принимать меня повсюду и держать для меня на готовѣ юрту, снабжать меня бараниной и топливомъ, сзывать народъ, чтобы расчищать дорогу отъ снѣга, вырубать ступеньки на опасныхъ узкихъ ледяныхъ тропинкахъ Алайскаго хребта, помогать при нагрузкѣ каравана, отыскивать проводниковъ и проч. Съ такимъ-же приказаніемъ снарядили курьеровъ на Мургабъ. Затѣмъ, я получилъ письмо къ тамошнему коменданту и къ китайскому коменданту на Булюнъ-кулѣ около границы; было также сдѣлано распоряженіе, чтобы джигиты сопровождали меня весь путь. Что-же до снаряженія каравана, то свѣдующіе люди, какъ нельзя лучше, помогли мнѣ и въ этомъ.

Заранѣе составленный маршрутъ нашъ лежалъ черезъ Алайскій хребетъ, перевалъ Тенгисъ-бай и долину Алая, черезъ перевалъ Кызылъ-артъ и озеро Кара-куль, черезъ перевалъ Акъ-байталъ и на Памирскій постъ у Мургаба; всего 459 в., раздѣленныхъ на 18 дневныхъ переходовъ и 5 дневокъ, согласно слѣдующему росписанію:

Отъ Маргелана до	Учъ-Кургана	35	верстъ
„ „	„ Аустана	23	„
„ „	„ Лянгара	40	„
„ „	„ Тенгисъ-бая	26	„
„ „	„ Дараутъ-кургана	24	„
„ „	„ Кызылъ-ункура	22	„
„ „	„ Кашка-су	26	„
„ „	„ Джиптыка	25	„
„ „	„ Арча-булака	20	„
„ „	„ Боръ-доба	27	„
„ „	„ Кокъ-сая	27	„
„ „	„ Кара-куля (сѣв. берега)	25	„
„ „	„ Кара-куля (южнаго берега)	20	„
„ „	„ Мусъ-кола	27	„
„ „	„ Акъ-байтала	18	„
„ „	„ Рабата № 1	23	„
„ „	„ Чичекты	25	„
„ „	„ Памирскаго поста	20	„

Въ Аустанѣ, Дараутъ-курганѣ, Арча-булакѣ, Кара-кулѣ и рабатѣ № 1 мы должны были останавливаться и дневать, чтобы не слишкомъ изнурить лошадей.

Въ общемъ я и слѣдовалъ по этому маршруту съ нѣкоторыми маленькими отступленіями, вызванными обстоятельствами.

Старый сартскій купецъ доставилъ лошадей. Я нанялъ себѣ одну верховую и 7 вьючныхъ лошадей съ платой по рублю въ день за каждую. Выгоднѣе было-бы купить лошадей и потомъ продать ихъ въ Кашгарѣ, но за то въ настоящемъ случаѣ жизнь и цѣлость наемныхъ лошадей, уходъ за ними и кормъ уже не касались меня. Въ придачу были даны еще двое проводниковъ и три вьючныхъ лошади. Маленькій, смышленный, бывалый джигитъ Рехимъ-бай съ обвѣтреннымъ лицомъ, умѣвшій говорить по русски, отличный поваръ, опредѣлился для ближайшихъ услугъ мнѣ за 25 р. въ мѣсяцъ „со столомъ и квартирой“, но долженъ былъ имѣть свою зимнюю одежду и лошадь. Въ пути онъ нѣсколько разъ собирался умереть и сопровождалъ меня только до Кашгара.

Одинъ изъ двухъ верховыхъ киргизовъ былъ гораздо выносливѣе и отлично замѣнялъ Рехима, когда тотъ бывалъ боленъ. Звали его Исламъ-бай, родомъ онъ былъ изъ Оша; во все время нашего длиннаго пути онъ оставался лучшимъ моимъ слугой. Я теперь-же выдаю ему почетный отзывъ, но на слѣдующихъ страницахъ читатель самъ увидитъ, что я дѣйствительно былъ многимъ обязанъ этому человѣку, который былъ моимъ вѣрнымъ спутникомъ во всякую погоду и во всѣхъ опасностяхъ. Онъ видѣлъ меня впервые, не имѣлъ понятія о томъ, куда мы идемъ, но оставилъ свой домъ и семью въ Ошѣ и спокойно послѣдовалъ за мною дѣлить неизвѣстную судьбу, ожидавшую насъ въ глубинѣ Азіи.

Мы бродили вмѣстѣ по сыпучимъ пескамъ пустыни Гоби, чуть не умирали отъ жажды, и, когда другіе пали, онъ спасъ мои замѣтки и карты. Онъ всегда былъ первымъ, когда надо было переходить черезъ высокія, покрытыя снѣгомъ горы, вѣрной рукой велъ мой караванъ вбродъ черезъ пѣнящіяся рѣки, оставался на своемъ посту, когда тангуты хотѣли напасть на насъ. Онъ оказалъ мнѣ неисчисленныя услуги; безъ него мое путешествіе не закончилось бы такъ счастливо. Теперь онъ съ честью и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія носитъ пожалованную ему королемъ Оскаромъ золотую медаль.

Въ Маргеланѣ я оставилъ часть ненужныхъ вещей, между прочимъ старый заслуженный оренбургскій тарантасъ и европейскіе чемоданы, а вмѣсто нихъ купилъ сартскіе „ягданы", деревянные сундуки, обитые кожей и устроенные такъ, что ихъ легко можно было вѣшать парами на спину лошади. Куплены были также сѣдла, шубы, валенки и провіантъ.

Намъ предстояло часто разбивать палатку на покрытой снѣгомъ равнинѣ, поэтому взяли съ собой два стальныхъ заступа; предстояло карабкаться по отвѣснымъ обледенѣлымъ тропинкамъ, поэтому забрали топоры и кирки; предстояло ѣхать по льду черезъ озеро Кара-куль, въ которомъ я намѣревался измѣрять глубину, поэтому бралъ съ собой лотъ и 500 м. крѣпкой бичевки, раздѣленной узлами на концы въ 10 м. каждый. Подставка для измѣрительнаго прибора была устроена такъ, что могла превращаться съ помощью кавказской бурки въ временную миніатюрную палатку, годную на случай бурана.

22-го февраля караванъ съ джигитами выступилъ въ Учъ-курганъ. На одной лошади были навьючены фотографическіе приборы въ двухъ ягданахъ, на другой—ящики съ приборами, книгами и аптекой; четвертая и пятая шли съ провіантомъ, шестая и седьмая съ оружіемъ и остальными вещами. Въ хвостѣ каравана шли еще три лошади съ фуражомъ, и одна изъ нихъ совсѣмъ исчезала подъ громадными мѣшками соломы.

Оба караванныхъ проводника шли пѣшкомъ, подбодряя животныхъ; джигиты ѣхали верхомъ. Въ общемъ составился длинный величественный караванъ, и я съ гордостью наблюдалъ съ губернаторскаго двора за его выступленіемъ. Самъ я оставался ночевать въ Маргеланѣ и имѣлъ случай еще разъ сказать прости европейской цивилизаціи: въ этотъ вечеръ у губернатора собрался весь высшій свѣтъ Маргелана. Какая разница со слѣдующими вечерами! Поговоривъ въ послѣдній разъ по шведски съ генераломъ Матвѣевымъ и поручикомъ Кивекесъ, добродушными финляндцами, и сердечно распрощавшись съ губернаторомъ и его любезной семьей, я раннимъ утромъ 23 февраля оставилъ Маргеланъ и присоединился въ Учъ-курганѣ къ моему каравану. Пройдено было всего 35 верстъ, но мѣстность успѣла подняться на 335 метр., и мы очутились уже на высотѣ въ 900 м. слишкомъ.

Учъ-курганъ большой городъ, прекрасно расположенный при рѣкѣ Исфайранѣ, вытекающей изъ Алайскаго хребта. Здѣсь меня ожидалъ торжественный пріемъ. Еще въ двухъ верстахъ отъ города меня встрѣтили „волостной старшина“ Учъ-кургана въ сопровожденіи своего коллеги изъ расположеннаго выше Аустана; первый былъ сартъ, второй киргизъ; на обоихъ были синіе парадные халаты, бѣлые тюрбаны, пояса изъ кованаго серебра и кривыя сабли въ окованныхъ

Выступленіе моего перваго каравана со двора губернаторскаго дома въ Маргеланѣ.

(Съ фотографіи автора).

серебромъ ножнахъ. Имъ сопутствовала большая конная свита. Они проводили меня въ селеніе, гдѣ собралась, въ ожиданіи моего въѣзда, большая толпа народа, чтобы полюбоваться настоящимъ „тамаша“ (зрѣлище, увеселеніе).

Послѣ „дастархана“ караванъ выступилъ снова, сопровождаемый всей конной толпой. Долина Исфайрана стала уже болѣе рѣзко очерченной, но все еще въ нѣсколько сотъ метровъ шириною. Подъемъ шелъ частью по самому дну долины,

между крутыхъ склоновъ. Рѣка глубоко врѣзалась въ твердые конгломераты, и ея темнозеленыя хрустально-прозрачныя воды весело журчали между каменныхъ глыбъ.

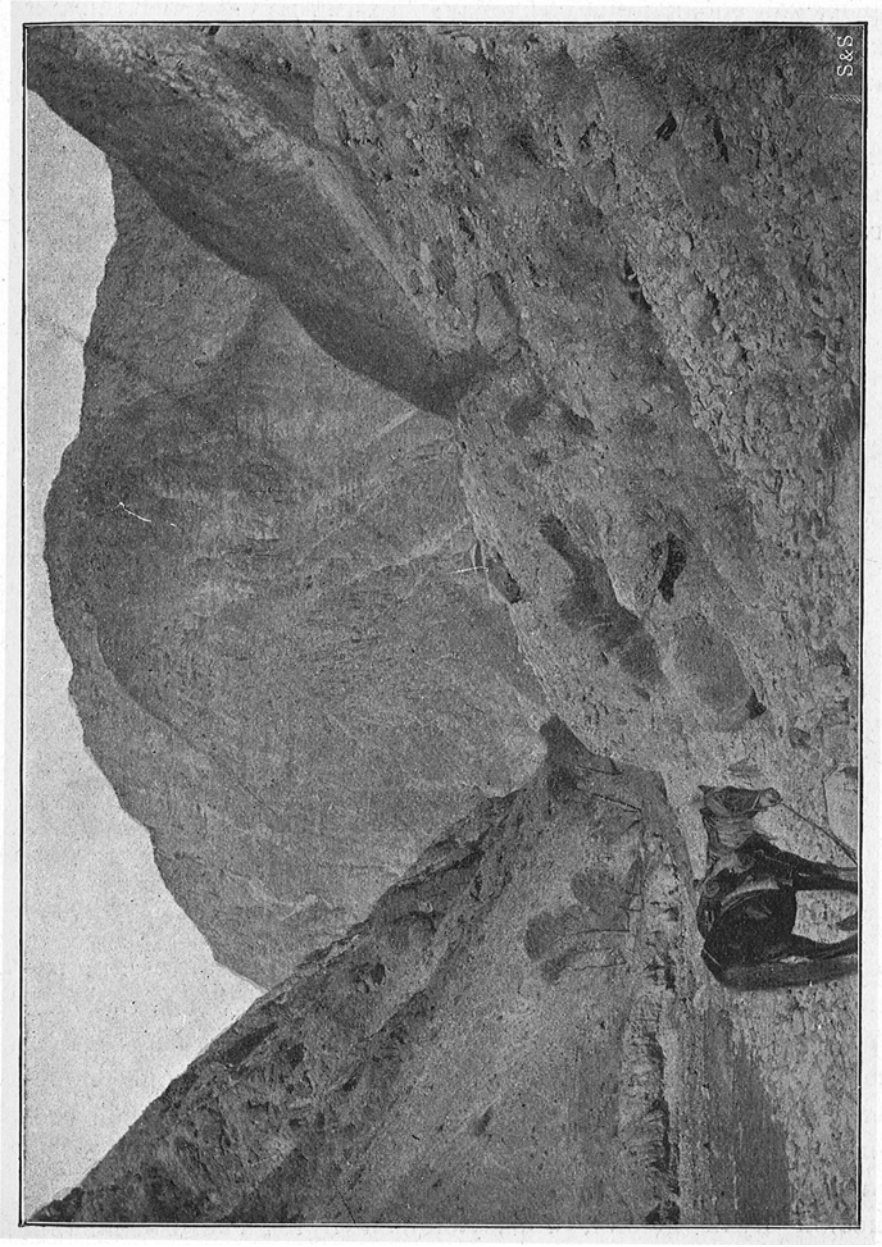
Послѣ четырехчасовой ѣзды мы достигли слѣдующаго привала въ Аустанѣ. „Волостной“ приготовилъ прекрасную юрту изъ бѣлой „кошмы“ (толстый киргизскій войлокъ), украшенную снаружи широкими цвѣтными лентами, а внутри выстланную киргизскими коврами; въ ней весело трещалъ огонь. Временную метеорологическую обсерваторію устроили неподалеку отъ стана; багажъ разложили около палатки, лошадямъ подставили мѣшки съ кормомъ, люди усѣлись вокругъ

Старшины Учъ-кургана и Аустана около Учъ-курганскаго базара.
(Съ фотографіи автора).

огня подъ открытымъ небомъ, и Рехимъ-баю въ первый разъ представился случай показать свое поварское искусство. Вечеромъ, когда наблюденія были закончены, мнѣ поставили мою походную постель, состоявшую изъ двухъ подставокъ и парусины, натянутой между двумя ягданами.

Слѣдующій день былъ посвященъ отдыху. Киргизскій кышлакъ (зимнее поселеніе) Аустанъ, красивые тополевые сады котораго виднѣлись въ долинѣ въ верстѣ разстоянія, насчитываетъ сто юртъ. Въ теченіе дня была предпринята экскурсія и сдѣланы различныя наблюденія. Притокъ воды Исфайрана 8 куб. м. въ секунду; температура воздуха равнялась

въ 7 ч. утра — 0.5°, максимальный-же термометръ далъ за день + 10.6°; гипсотермометръ показалъ 95.7°, а абсолютная высота равнялась почти 1,375 м.



Долина Исфайрана.
(Съ фотографіи автора).

При выступленіи изъ Маргелана я въ хлопотахъ совсѣмъ забылъ достать себѣ собаку, которая-бы караулила нашу юрту,

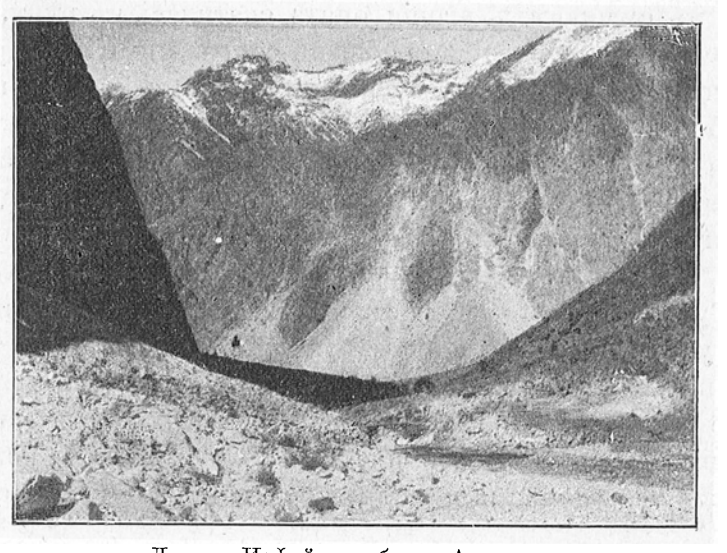
но оплошность моя была поправлена самымъ неожиданнымъ образомъ. 25 февраля мы прошли до расширенія долины Лянгаръ (40 верстъ), и тутъ къ намъ пристала большая желтая киргизская собака; она слѣдовала за нами до самаго Кашгара и каждую ночь держала самый строгій караулъ около палатки. Назвали ее „Джолчи“, или „найденная на дорогѣ“. Тотчасъ за Аустаномъ подъемъ идетъ круто вверхъ; лошади карабкались гуськомъ. Скоро мы поднялись такъ высоко, что журчанье рѣки едва достигало до нашего слуха. Подъемъ шелъ зигзагами то вдоль кучъ щебня, то извиваясь между ними, то

Мой первый караванъ на пути къ Аустану.
(Съ фотографіи автора).

по сильно разширенной долинѣ, то между гигантскими каменными глыбами, то внизъ къ рѣкѣ, чтобы слѣдовать нѣкоторое время по ея теченію, а затѣмъ опять круто подняться кверху. Параллельные Алайскіе хребты, прорѣзанные поперечной долиной Исфайрана, представляютъ въ высшей степени величественныя скалы, образующія въ долинѣ точно кулисы и сливающіяся съ нею въ прекраснѣйшую декорацію. Высокія кучи щебня, образующіяся путемъ вывѣтриванія горныхъ породъ, обрушиваются прямо на дно долины, гдѣ по берегамъ Исфайрана ростутъ деревья и кусты. Съ обры-

вовъ свѣшиваются косматыми верхушками старые приземистые кусты можевельника.

То и дѣло приходится переходить черезъ горныя рѣчки по небольшимъ качающимся деревяннымъ мостикамъ. Одинъ изъ нихъ носитъ знаменательное имя „Чокуръ купрукъ“ или „глубокій мостъ“. Съ вершины скалы, по краю которой бѣжитъ тропинка, мостъ этотъ кажется тоненькой жердочкой въ глубинѣ узкаго ущелья. Тропинка опускается къ мосту почти отвѣсно и такъ-же отвѣсно извивается по ту сторону долины. Лошади выбиваются изъ силъ, сопятъ и останавливаются чуть не на каждомъ шагу, чтобы перевести духъ.



Долина Исфайрана близъ Аустана.
(Съ фотографіи автора).

Вьюки то и дѣло приходится поправлять, такъ какъ они все съѣзжаютъ то впередъ, то назадъ. Ободряющіе крики проводниковъ звонко раздаются между отвѣсныхъ скалъ, и караванъ медленно, осторожно, шагъ за шагомъ подвигается по опасной, всего въ шагъ шириною тропинкѣ.

Недалеко отъ моста тропинка оказалась обледенѣвшей и спускалась около одѣтаго снѣгомъ вертикальнаго склона, у подножья котораго торчали острые уступы сланца. Первую лошадь, несшую мѣшки съ соломой и мою походную постель, осторожно велъ опытный киргизъ. Тѣмъ не менѣе лошадь поскользнулась и, напрасно поискавъ ногами точки опоры,

слетѣла въ обрывъ, перевернулась раза два въ воздухѣ и, ударившись о почти вертикальный сланцевый выступъ на днѣ долины, угодила въ рѣку; мѣшки разорвались, и солома высыпалась на камни.

Раздаются громкіе крики, караванъ останавливается, и мы спускаемся окольными тропами внизъ. Одинъ изъ киргизовъ ловитъ мою походную постель, прыгающую по волнамъ, другіе пытаются вызвать лошадь, которая лежитъ въ водѣ, положивъ голову на камень. Она не движется, и киргизы разуваются, входятъ въ воду и вытаскиваютъ ее на берегъ.

Лошадь, однако, погибла, — сломала себѣ хребетъ и скоро въ судорогахъ агоніи опять скатилась въ рѣку, гдѣ и осталась. Вьюкъ погибшей лошади собрали и привели въ порядокъ, а затѣмъ навьючили на одну изъ запасныхъ лошадей, которая и донесла его до ночнаго привала. Опасное мѣсто надъ обрывомъ обработали топорами и кирками и посыпали пескомъ; каждую лошадь всетаки провели подъ уздцы; нечего и прибавлять, что я прошелъ это опасное мѣсто пѣшкомъ.

Сумерки захватили насъ врасплохъ, ночныя тѣни укутали узкую долину въ свое сумрачное покрывало; только блестящія звѣздочки озаряли нашъ путь блѣднымъ сіяніемъ. Много бывало со мной приключеній въ Азіи, но эти три часа, что еще оставалось намъ идти до Лянгара, были, пожалуй, самыми тяжелыми изъ всѣхъ пережитыхъ мною до тѣхъ поръ.

Эта первая обледенѣлая тропа была еще только „цвѣточкомъ“, а „ягодки были впереди“. Такія тропы пошли одна за другою, одна другой опаснѣе. Мы шли, ползли и тащились надъ зіяющими въ ожиданіи добычи пропастями. То и дѣло приходилось останавливаться, чтобы вырубить во льду ступеньки и посыпать ихъ пескомъ. Каждую лошадь вели двое; одинъ держалъ ее подъ уздцы, другой за хвостъ, чтобы удержать ее въ случаѣ, если она поскользнется. Лошади много разъ падали, но опять вставали на ноги. Одна таки поскользнулась и порядкомъ глубоко погрузилась въ снѣгъ, но ее во время успѣли подхватить и освободить отъ вьюка, который снова прикрѣпили, когда лошадь выбралась. Я метровъ по сту проползалъ на четверенькахъ; за мной по

пятамъ слѣдовалъ киргизъ, поддерживая меня въ опасныхъ мѣстахъ. Паденіе въ пропасть означало-бы вѣрную смерть.

Словомъ, это былъ отчаянный переходъ. Въ долинѣ Исфайрана было темно и холодно. Тишина нарушалась время отъ времени только пронзительными вскриками проводниковъ, когда падала лошадь, или ихъ предостерегающими окриками передъ опасными мѣстами, да шумомъ сбѣгающей внизъ пѣнящейся рѣки. Мы шли по снѣгу больше двѣнадцати часовъ, когда, наконецъ, усталые, замерзшіе и голодные добрались до самой долины Лянгаръ, гдѣ насъ ожидали двѣ юрты съ пылающими огнями.

Мы приблизились теперь, направляясь почти прямо на югъ, къ перевалу Тенгисъ-бай; но прежде чѣмъ я стану описывать нашъ переходъ черезъ него, я скажу нѣсколько словъ о пяти важнѣйшихъ перевалахъ, соединяющихъ Фергану съ долиной Алая. Они идутъ съ востока на западъ: Талдыкъ (3,537 м.), Джиптыкъ (4,146 м.), Сарыкъ-моголъ (4,300 м.), Тенгисъ-бай (3,850 м.) и Кара-казыкъ (4,360 м.). Эти цифры даютъ намъ среднюю высоту Алайскаго хребта — 4,039 м. или круглымъ числомъ 4,000 м. Кромѣ того цифры эти показываютъ, что высота переваловъ становится болѣе значительною къ западу, хотя дно Ферганской долины понижается въ томъ-же направленіи. Согласно этому, различіе въ высотѣ между дномъ долины и перевалomъ становится все значительнѣе къ западу.

Изъ названныхъ переваловъ легче всего перейти черезъ Талдыкъ; тамъ, съ тѣхъ поръ, какъ проложена новая дорога, можно пробраться даже съ повозками и артиллеріей, но большую часть зимы онъ бываетъ засыпанъ снѣгомъ. Оба слѣдующіе перевала представляютъ болѣе затрудненій, вслѣдствіе лавинъ, вѣтровъ и бурановъ. На перевалѣ Тенгисъ-бай количество снѣга годъ на годъ не приходится, но обыкновенно не такъ значительно, и этимъ перевалomъ большею частью и пользуются зимою; джигиты, поддерживающіе почтовое сообщеніе между Маргеланомъ и Памирскимъ постомъ, также ѣздятъ этимъ путемъ. Однако, и этотъ перевалъ бываетъ закрытъ обыкновенно въ теченіе двухъ, трехъ недѣль въ концѣ февраля. Въ 1893 г. онъ былъ непроходимъ всего въ теченіе 10 дней, въ 1892 г., напротивъ, цѣлыхъ два мѣсяца, а въ

1891 г. снѣгу навалило столько, что одно время, очень недолго впрочемъ, подъ сугробами исчезли даже кусты можевельника въ 4 метра вышиной.

Февраль кромѣ того мѣсяцъ лавинъ и бурановъ, и, если погода не совсѣмъ тихая и ясная, даже храбрѣйшіе киргизы не отваживаются пускаться черезъ перевалъ. Тѣмъ не менѣе зима рѣдко проходитъ безъ несчастій, и лѣтомъ путь бываетъ обыкновенно отмѣченъ многочисленными останками лошадей и даже людей. Такъ киргизы въ Дараутъ-курганѣ съ сожалѣніемъ разсказывали мнѣ объ одномъ человѣкѣ, который въ началѣ 1893 г. пришелъ сюда изъ Учъ-кургана, чтобы провести Рамазанъ у своихъ друзей въ Дараутъ-курганѣ. На обратномъ пути его застигъ 23 марта на самомъ перевалѣ сильный буранъ, и ему пришлось четверо сутокъ отлеживаться, скорчившись подъ своей шубой. Лошадь его околѣла, провіантъ весь вышелъ, а, когда буранъ утихъ, дорога на обѣ стороны оказалась заваленной снѣгомъ. Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ ползкомъ, несчастный, однако, перебрался черезъ сугробы, и на десятый день вышелъ на дорогу въ Кара-кію, гдѣ встрѣтилъ киргизовъ, которые накормили и отогрѣли его. Потомъ онъ продолжалъ путь домой въ Учъ-курганъ и, прибывъ туда, въ первую-же ночь умеръ отъ переутомленія. Еще мнѣ разсказывали, что въ ту-же зиму цѣлый караванъ изъ 40 человѣкъ былъ погребенъ подъ лавиной на перевалѣ Терекъ-даванъ.

Въ ночь на 26 февраля мы послали 8 киргизовъ съ заступами, топорами и кирками впередъ проложить дорогу, а затѣмъ раннимъ утромъ выступилъ и караванъ. Около Кара-кіи встрѣтилось первое трудное мѣсто, гдѣ все еще возились наши киргизы, вырубая ступеньки во льду, образовывающемся по ночамъ изъ воды, стекающей сверху, гдѣ таютъ сугробы снѣга. Маленькія горныя лошадки, несшія каждая до 5 пудовъ клади (80 килогр.), поистинѣ достойны удивленія. Онѣ скатываются внизъ по склонамъ, карабкаются, какъ кошки, на кручи и съ невѣроятной увѣренностью балансируютъ по узкимъ скользкимъ тропинкамъ, часто покрытымъ льдомъ и круто спускающимся внизъ къ обрывамъ.

Кара-кія (черное ущелье) вполнѣ подходящее къ мѣсту названіе. Между мрачными отвѣсными скалистыми стѣнами идетъ здѣсь узкій проходъ, гдѣ царствуетъ глубокій мракъ,

куда не проникаетъ ни одинъ лучъ солнца. Здѣсь перекинуты черезъ Исфайранъ два моста; около перваго рѣчка образуетъ грохочущій водопадъ. Великолѣпные, но въ то-же время зловѣщіе и прекрасные виды смѣняютъ здѣсь одинъ другой. Дивныя перспективы открываются взорамъ и вверхъ и внизъ по долинѣ; дикая и величественная природа!

За мостомъ Гайдыръ-бека долина называется Чатынды. Рѣку переходятъ по 4 небольшимъ, деревяннымъ мостамъ; послѣдній изъ нихъ былъ такъ плохъ, что люди со страхомъ слѣдили за каждой лошадью, переходившею по полусгнившимъ бревнамъ. Дальше вся долина была завалена недавно скатившеюся лавиной, покрывшею и рѣку и дорогу. Рѣка журчала изъ подъ ея краевъ, точно выходя изъ туннеля; дорогу-же замѣнила тропинка, которую расчистили вдоль снѣжной глыбы. На наше счастье мы встрѣтили здѣсь съ десятокъ киргизовъ, которые пѣшкомъ шли изъ Каратегина, направляясь въ Коканъ и Маргеланъ на поиски работы. Они помогли намъ прочистить дорогу. Тропинка вышла всетаки настолько крутой, что каждую лошадь пришлось тащить кверху шестерымъ людямъ.

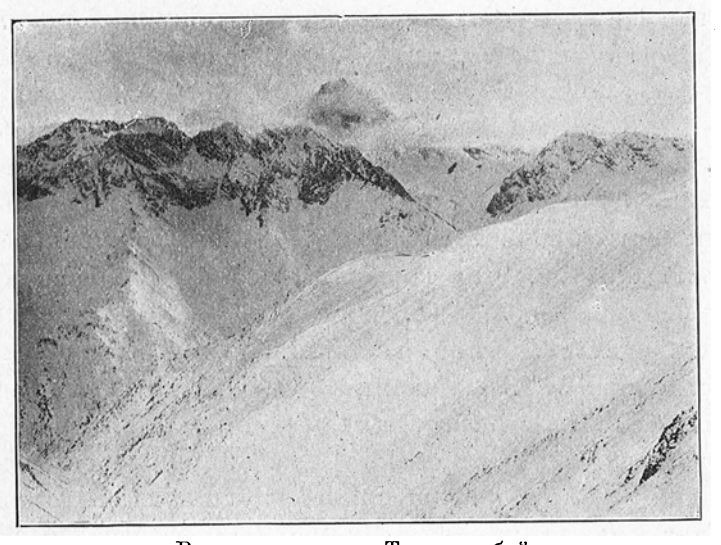
Долина сузилась, дно ея неимовѣрно круто поднялось и понемногу слилось съ склонами горъ. Относительныя высоты уменьшаются по мѣрѣ того, какъ ростутъ абсолютныя. Послѣдній конецъ дороги былъ очень труденъ; пришлось переходить одну лавину за другой. Почти всѣ лошади падали хоть по разу или по два, и такъ какъ имъ не въ мочь было вставать подъ тяжестью вьюковъ, приходилось развьючивать ихъ и потомъ навьючивать снова, отчего безпрестанно выходили задержки. Переходъ черезъ послѣднюю лавину былъ такъ труденъ, что большую часть клади киргизамъ пришлось нести на рукахъ до рабата (караванъ-сарая), небольшого навѣса изъ камней и бревенъ, обращеннаго къ долинѣ; здѣсь-же была разбита юрта для насъ.

Я шелъ пѣшкомъ большую часть дороги и совсѣмъ изнемогъ. Поднялись мы на высоту 2,850 м. Ночью дала себя знать „горная болѣзнь“; страшная головная боль и сердцебіеніе продолжались и весь слѣдующій день. Причиняетъ эти болѣзненные припадки рѣзкій переходъ относительной высоты, но черезъ нѣсколько дней припадки эти безслѣдно проходятъ.

V.

Черезъ перевалъ Тенгисъ-бай.

Когда расчищавшіе дорогу киргизы и аксакалъ изъ Каратепе, Джанъ-Али-Эминъ, наблюдавшій за работой, вернулись на другое утро въ караванъ-сарай, мы въ самомъ серьезномъ настроеніи двинулись къ перевалу, всюду покрытому глубокимъ снѣгомъ. Послѣ неслыханныхъ трудовъ и усилій, мы преодолѣли всѣ препятствія и достигли корытообразнаго



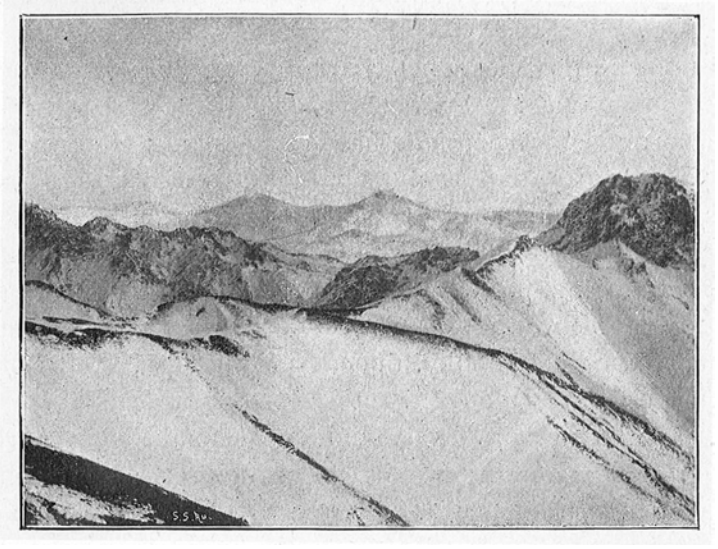
Видъ съ перевала Тенгисъ-бай.
(Съ фотографіи автора).

углубленія въ гребнѣ Алайскаго хребта, который затѣмъ отлого подымается вверхъ; снѣгъ здѣсь лежалъ въ два метра глубины. Въ сугробахъ была протоптана узкая глубокая тропа; идти по ней было все равно, что по узкой перекладинѣ черезъ трясину. Одинъ невѣрный шагъ въ сторону—и лошадь совсѣмъ погружалась въ снѣгъ, изъ котораго ее еле вытаскивали соединенными силами, теряя массу времени.

На юго-западѣ виднѣлась обособленная горная область Кара-кыръ, которая высовываетъ свою изъѣденную вѣтрами вершину изъ вѣчныхъ снѣговъ и, точно бакенъ въ морѣ, указываетъ путь къ самому перевалу. Тропинка ведетъ черезъ

послѣдній гребень сотнями извилинъ, и когда наши лошади дошли до крайняго напряженія силъ, мы, наконецъ, цѣлые и невредимые, со всѣмъ багажомъ достигли грознаго Тенгисъ-бая. Здѣсь отдохнули нѣсколько часовъ, напились чаю, сдѣлали кое-какія наблюденія, фотографическіе снимки и полюбовались чуднымъ видомъ.

Пунктъ, гдѣ мы находились, былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ покрытыми снѣгомъ гребнями; лишь кое-гдѣ выглядывали изъ снѣга голыя вершины скалъ. На сѣверѣ видна была долина Исфайрана, которую мы, наконецъ, оставили за собою



Видъ съ перевала Тенгисъ-бай на Алайскій и Заалайскій хребты.
(Съ фотографіи автора).

съ такимъ трудомъ. На юго-востокѣ развертывалась величественная панорама. За рѣзко очерченными гребнями Алайскаго хребта виднѣлся вдали и по ту сторону долины Алая Заалайскій хребетъ, щеголявшій чудеснѣйшими бѣлыми и голубыми тонами; вершины были окутаны облаками и снѣгами.

Отдохнувъ и надышавшись чистымъ легкимъ воздухомъ на высотахъ водораздѣла, мы покинули область Сыръ-дарьи и медленно направились внизъ въ области, воды которыхъ стекаютъ въ Аму-дарью. Спускъ былъ здѣсь такъ-же крутъ, какъ съ сѣверной стороны; приходилось переходить одну лавину за другою. Нѣкоторыя изъ нихъ захватили съ собой въ паденіи

массу земли и щебня, которыя и прикрыли снѣгъ сверху, такъ что мы шли, ничего не замѣчая, пока лошади не провалились вдругъ въ предательскую рыхлую почву по брюхо. Одна изъ самыхъ большихъ лавинъ, скатившаяся наканунѣ, была въ 400 м. шириною и почти 20 м. глубиною. Киргизы сказали, что мы должны почитать себя счастливыми, что какъ разъ успѣли избѣгнуть встрѣчи съ нею. Когда лавина съ страшной силой несется внизъ, нижній слой ея силою давленія превращается въ ледъ, и несчастные, погребенные ею на пути, точно вплавляются въ эту стекловидную массу, изъ которой нѣтъ спасенія. Оглушенные ударомъ они не успѣваютъ и опомниться, какъ замерзаютъ.

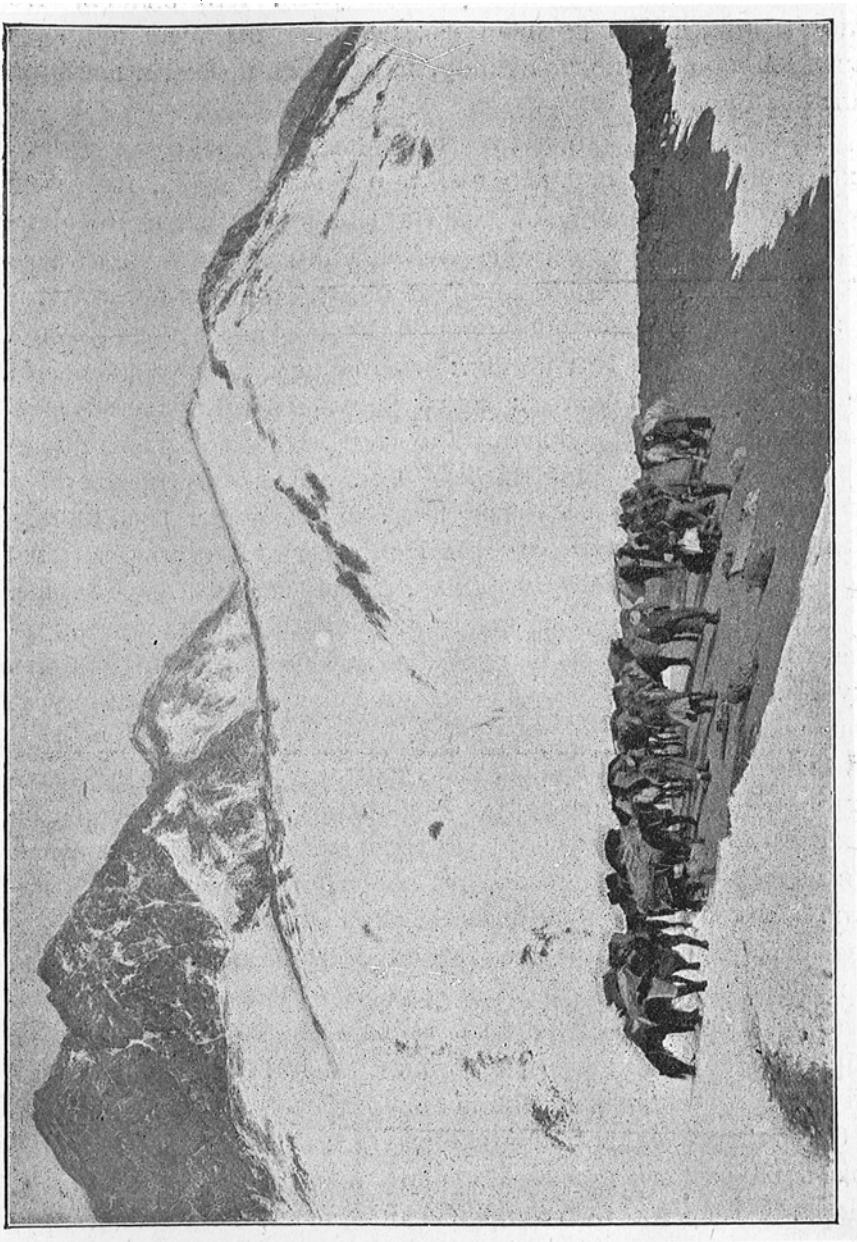
Усталые отъ дневныхъ трудовъ, мы сдѣлали привалъ въ боковой долинѣ; тутъ лежалъ снѣгъ въ метръ глубиною, но киргизы расчистили для насъ площадку; посреди нея и раскинулась юрта, окруженная высокимъ снѣжнымъ валомъ.

На слѣдующій день отправились дальше черезъ долину ручья Дараутъ-кургана. Чуть не каждыя 10 минутъ приходилось переходить вбродъ черезъ этотъ ручей, журчавшій подъ сводами и мостами изъ снѣга. Отъ подошвы лавинъ лошадямъ приходилось, сломя голову, бросаться въ воду, чтобы однимъ сильнымъ прыжкомъ очутиться затѣмъ на противоположномъ берегу. Я каждый разъ съ большимъ безпокойствомъ слѣдилъ за лошадьми, несшими вьюки съ фотографическими аппаратами и боевыми припасами. Все, однако, обходилось благополучно. Только разъ скатилась съ гребня высокой лавины одна изъ лошадей, несшихъ съѣстные припасы. Ее развьючили, вытащили веревками ящики изъ снѣга, снова навьючили, и караванъ медленно продолжалъ свой путь между сугробовъ до слѣдующаго паденія и слѣдующей остановки.

Около полудня пошелъ снѣгъ, и густой туманъ заволокъ все вокругъ. Одинъ киргизъ пошелъ впередъ, мѣряя глубину длиннымъ шестомъ, точно морякъ на неизвѣстномъ фарватерѣ, съ тою лишь разницею, что мы искали мелкихъ мѣстъ. Часто онъ проваливался въ снѣгъ и долженъ былъ возвращаться, чтобы искать дороги въ другомъ мѣстѣ.

Долина эта открывается въ большую долину Алая, гдѣ возвышаются длинныя, глиняныя, съ башнями по угламъ, стѣны крѣпости Дараутъ-курганъ, воздвигнутой Худояръ-

ханомъ. Съ часъ спустя, мы были въ киргизскомъ кышлакѣ того-же названія, состоящемъ изъ 20 юртъ; старшиною былъ



Отдыхъ каравана около перевала Тенгисъ-бай.
(Съ фотографіи автора).

тутъ гостепріимный Ташъ-Мухамедъ-Эминъ.

Къ снѣгу и туману присоединился еще сильный запад-

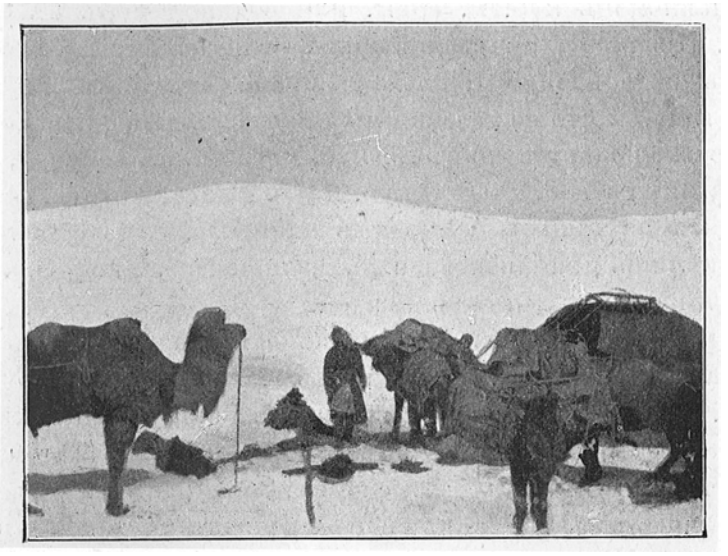
ный вѣтеръ и, по словамъ киргизовъ, на перевалѣ Тенгисъ-бай долженъ былъ свирѣпствовать страшный буранъ, отъ котораго мы такъ счастливо успѣли уйти. Кто знаетъ, что было-бы съ моимъ караваномъ, если-бы мы вышли днемъ раньше и попали подъ лавину, или днемъ позже, и насъ засталъ-бы буранъ.

Прежде чѣмъ описывать наше дальнѣйшее путешествіе, я хочу сказать нѣсколько словъ о долинѣ Алая, глубокой впадинѣ, отдѣляющей Алайскій хребетъ отъ Памирскаго нагорья. Ограниченная съ сѣвера Алайскимъ хребтомъ, съ юга Заалайскимъ, съ востока горнымъ кряжемъ Мусъ-дагъ-тау, а съ запада продолженная долиной Каратегинъ, долина Алая имѣетъ въ длину 120 килом.; въ ширину самое меньшее 5, самое большее 20 килом.; надъ уровнемъ моря на востокѣ возвышается на 3,200 м., тогда какъ въ западной части около Дараутъ-кургана лишь на 2,500 м. На всемъ протяженіи Алая протекаетъ рѣка Кызылъ-су, вытекающая изъ прилегающихъ горъ, текущая черезъ Каратегинъ, подъ именемъ Сурхаба, и, подъ именемъ Вахша, впадающая въ Аму-Дарью.

Притокъ воды въ Кизылъ-су равнялся около Дараутъ-кургана 22 куб. м. воды въ секунду, къ которымъ надо прибавить 5 куб. м. въ сек. приносимыхъ маленькимъ притокомъ Кара-су, итого свыше 2 милліоновъ куб. м. въ сутки. Въ срединѣ лѣта рѣка всего обильнѣе водою, такъ какъ въ это время происходитъ наиболѣе сильное таяніе нагорныхъ снѣговъ, которые и стекаютъ массой воды въ русло рѣки около Дараутъ-кургана; ее и нельзя бываетъ переходить вбродъ въ теченіе шести недѣль. Сообщеніе между селеніями, расположенными на обоихъ берегахъ, ежегодно прерывается поэтому на нѣкоторое время. По ночамъ воды въ рѣкѣ бываетъ гораздо больше, чѣмъ днемъ, такъ какъ вода изъ тающихъ въ горахъ снѣговъ успѣваетъ добраться до главной рѣки лишь къ ночи. Уровень воды въ ней начинаетъ повышаться еще часовъ съ 8 вечера, а часовъ съ 6 утра начинаетъ снова понижаться; въ 8 ч. утра вода уже стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ и такъ держится до 8 ч. вечера. Во время моего пребыванія тамъ, вода была хрустально-прозрачная, но лѣтомъ она бываетъ красновато кирпичнаго оттѣнка отъ песку и глины и потому носитъ названіе Кызылъ-су или Красной рѣки такъ-же, какъ и ея восточ-

ная сосѣдка, текущая отъ перевала Терекъ-даванъ черезъ Кашгаръ къ Лобъ-нору.

Въ сѣверномъ, среднемъ и восточномъ Памирѣ, который я проѣхалъ, снѣжные осадки распредѣлены очень неравномѣрно. Можно отмѣтить три рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, по рельефу мѣстности, снѣговыя области: на сѣверѣ долина Алая, которая зимою заносится огромнѣйшими массами снѣга; на востокѣ область Сары-колъ, гдѣ снѣга выпадаетъ уже гораздо меньше, и область, не имѣющая стока водъ, между двухъ вышеназванныхъ, около озеръ Кара-куль и Рангъ-куль, гдѣ



Выступленіе изъ Дараутъ-кургана.
(Съ фотографіи автора).

снѣговые осадки совсѣмъ незначительны. Вообще можно констатировать, что влажные вѣтры, дующіе на Памирское нагорье, преимущественно осаждаютъ снѣгъ на окраинныхъ горахъ и уже сухими достигаютъ центральныхъ областей страны. Здѣсь мы находимъ большія скопленія снѣга только въ защищенныхъ мѣстахъ съ подвѣтренной стороны, напримѣръ около перевaловъ. Вообще-же тонкій сухой снѣгъ скоро сметается вѣтромъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ неравномѣрности распредѣленія снѣговыхъ осадковъ является неравномѣрность объемовъ и распредѣленія рѣкъ и ледниковъ. Они приходятся

почти исключительно на обильныя снѣговыми осадками области; въ областяхъ-же центральныхъ рѣки и ледники распредѣлены скудно. Руководствуясь произведенными мною измѣреніями, я высчиталъ, что среднимъ числомъ съ каждаго кв. м. земли попадаетъ въ рѣки количество воды, получающееся отъ таянія 1 куб. метра снѣга. Снѣгъ чрезвычайно плотенъ такъ что только четвертая часть его становится водой.

Если опредѣлить площадь долины Алая съ прилегающими обильными снѣгомъ горными склонами въ 2,400 кв. килом., то такая площадь должна дать среднимъ числомъ 600 милліоновъ куб. м. воды, или водяной кубъ въ 850 м. ребро. Цифра не преувеличенная, если вспомнить, что рѣка лѣтомъ несравненно обильнѣе водой, чѣмъ въ холодное время года, и что если даже мы опредѣлимъ среднее годовое количество воды только въ 25 куб. метровъ въ секунду, то въ годъ выйдетъ 788,400,000 куб. метр. Расчетъ этотъ, основывающійся на такихъ немногихъ данныхъ, само собой разумѣется, лишь приблизительный, излишекъ же, конечно, надо отнести на счетъ лѣтнихъ дождей.

Зимою въ долинѣ Алая вообще постоянно дуютъ сильные западные вѣтры. Иногда задуетъ восточный, но очень рѣдко. Съ сѣвера и съ юга защищаютъ долину горные хребты, но юго-восточный вѣтеръ здѣсь иногда дуетъ. Лѣтомъ бываетъ тише; вѣтры рѣдкіе и слабые. Западный вѣтеръ зовется Каратегинъ-хамалъ; восточный — Иркештамъ-хамалъ, а юго-восточный Мургабъ-хамалъ, согласно областямъ, откуда они дуютъ.

Въ серединѣ марта въ Ферганской долинѣ наступаетъ время весеннихъ дождей; одновременно въ долинѣ Алая выпадаетъ „сарыкъ-каръ“ или „желтый снѣгъ“; такъ называется послѣдній зимній снѣгъ. Почему онъ такъ называется, киргизы нигдѣ не могли мнѣ объяснить, но названіе это распространено по всему Памиру. Вѣроятно, снѣгъ въ это время грязнится и принимаетъ желтоватый оттѣнокъ отъ пыли, наносимой вѣтромъ изъ областей, гдѣ почва въ это время года бываетъ уже обнажена.

Ясно, что снѣгъ въ различныхъ частяхъ Памира выпадаетъ впервые и сходитъ въ различное время года. Такъ въ высокихъ поясахъ снѣгъ выпадаетъ круглый годъ, тогда

какъ въ долинѣ Алая первый снѣгъ выпадаетъ въ концѣ октября, а послѣдній въ серединѣ апрѣля.

Но вернемся къ нашему путешествію. Въ ночь на 1 марта ураганъ такъ и ревѣлъ и рвалъ нашу палатку, расширяя щели между полосами войлока. Утромъ въ палаткѣ протянулись по направленію вѣтра длинные хвосты изъ мелкой снѣжной пыли, точно хвосты кометъ; одинъ проложилъ себѣ путь прямо черезъ мое изголовье. Спалъ я, однако, какъ медвѣдь въ берлогѣ,— пусть себѣ тамъ мететъ и крутитъ, сколько угодно.

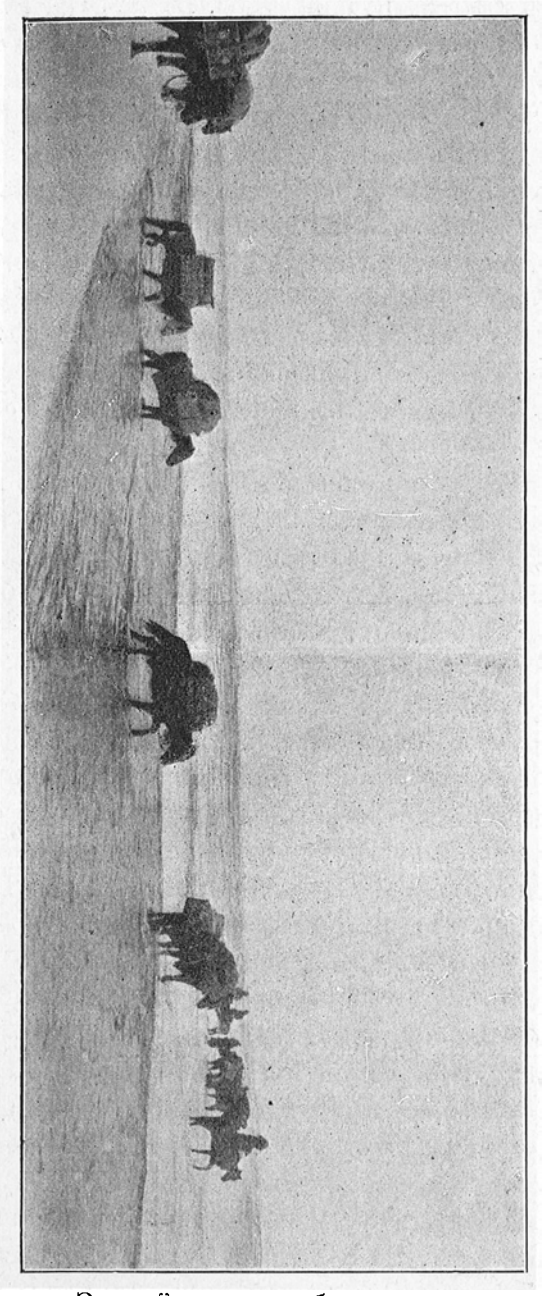
Мы простояли день въ Дараутъ-курганѣ, такъ какъ буранъ продолжалъ свирѣпствовать; западный вѣтеръ взрывалъ вокругъ нашей юрты густыя облака снѣга, мелкаго, какъ мука, и, не смотря на то, что палатку прикрыли войлоками, обвязали веревками и укрѣпили шестами, угрожалъ снести самую палатку.

2 марта мы дошли до зимняго кышлака Гунды, но предварительно изъ предосторожности послали бывалыхъ людей проложить и утоптать намъ новую тропу черезъ сугробы, такъ какъ старую совсѣмъ замело. Мы держались какъ можно ближе къ южному склону Алайскаго хребта, идя вдоль него; тутъ снѣгъ мѣстами уже посмело.

Въ Гунды съ нами приключилось несчастье. Мы только что пришли въ кышлакъ, разбили юрту, поставили постель, размѣстили ящики и часть болѣе хрупкаго и цѣннаго багажа, какъ вдругъ Рехимъ-бай нечаянно толкнулъ ртутный барометръ, да такъ, что стеклянная трубка разлетѣлась въ дребезги, и серебристые шарики ртути раскатились по коврамъ. Драгоцѣнный, хрупкій приборъ, который я добросовѣстно провѣрялъ по три раза въ день, пеленалъ и няньчилъ, какъ грудного младенца, сталъ теперь никуда негоднымъ, хоть брось. Рехимъ-бай остолбенѣлъ, но такъ какъ онъ собственно былъ не виноватъ, то я ограничился легкимъ выговоромъ. Да и что толку было-бы бранить его: барометра этимъ не починишь. Пришлось съ тѣхъ поръ обходиться тремя анероидами и гипсотермометромъ.

Въ утѣшеніе мнѣ люди устроили вечеромъ концертъ. Одинъ изъ киргизовъ усѣлся посреди моей юрты и сыгралъ на „кобусѣ“ — трехструнномъ инструментѣ; струны перебираются пальцами. Музыка эта уныла и монотонна, но полна

чувства и чисто азіатскаго настроенія, такъ что я охотно прислушивался, особенно когда къ ней присоединялся аккомпаниментъ завыванія бури и треска огня. Сколько разъ за эти долгіе годы предстояло мнѣ еще прислушиваться къ звукамъ этого примитивнаго струннаго инструмента, сколько темныхъ одинокихъ вечеровъ предстояло скоротать, слушая непритязательную музыку! Я скоро привыкъ къ ней, и она доставляла мнѣ такое-же наслажденіе, какъ туземцамъ. Любилъ я ее потому, что подъ эти звуки такъ сладко мечталось о родинѣ, а хорошо иногда всласть потосковать о родинѣ! Много разъ убаюкивали меня на ночь эти рокочущія струны, аккомпанируя какой нибудь азіатской пѣснѣ.



Переходъ черезъ Кызыль-су.
(Съ фотографіи автора).

3 марта. Совершенно тихо; небо все въ облакахъ. Вершины Заалайскаго хребта мелькаютъ чудесными сѣрыми, бѣлыми и свѣтлоголубыми оттѣнками. Спустя два часа, мы до-

стигли небольшаго кышлака Кызылъ-ункура, а, еще два часа спустя, маленькаго перевала Гаса, расположеннаго въ южныхъ отрогахъ Алая. На протяженіи всего пути до Кашка-су, Кызылъ-су течетъ вдоль подножья Алайскаго хребта далеко отъ Заалайскаго. Мы ѣхали вдоль праваго берега рѣки, который вообще рѣзко очерченъ. Теченіе здѣсь очень быстрое и сосредоточенное въ одинъ потокъ, извивающійся между красными песчаными отмелями и конгломератовыми ложбинами, бока которыхъ круто спускаются къ рѣкѣ, и мѣстами промыты ею.

Затѣмъ мы снова удалились отъ Кызылъ-су. Чѣмъ дальше мы подвигались къ востоку, тѣмъ глубже становился снѣгъ. Послѣдній буранъ замелъ тропу и намелъ такіе сугробы, что весь день намъ приходилось пускать впередъ четырехъ верблюдовъ, чтобы они протоптали дорожку; по ихъ слѣдамъ медленно и тяжело подвигались лошади. Вѣтеръ налеталъ порывами и окутывалъ караванъ непроницаемымъ облакомъ снѣжной пыли.

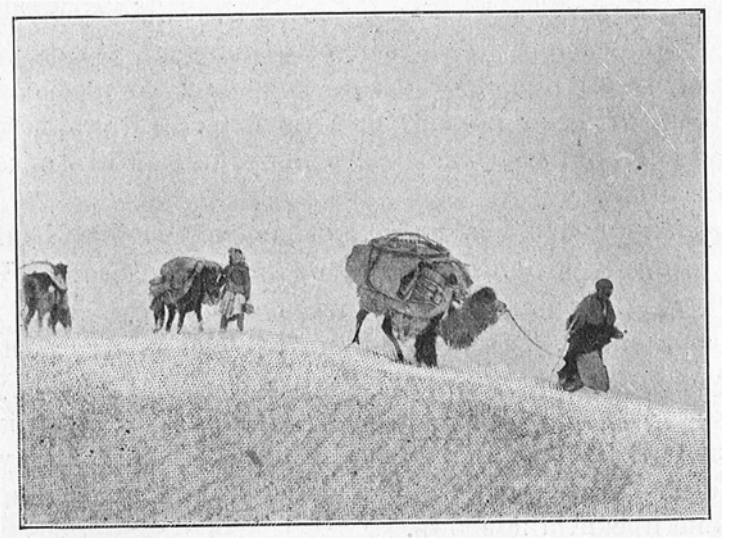
Такъ мы добрались до мелководнаго ручейка Кашка-су. По ту сторону его лежалъ аулъ того-же названія. Чтобы попасть туда, пришлось перебраться черезъ ручей по мосту изъ льда и снѣга. Тамъ была приготовлена для насъ необычайно удобная юрта съ коврами не только на полу, но и кругомъ по стѣнамъ; посреди юрты весело пылалъ огонь; искры и маленькіе уголья такъ и скакали кругомъ, и одному изъ киргизовъ приходилось все время наблюдать, чтобы они гдѣ нибудь не прожгли ковровъ.

4 марта. Весь день шелъ снѣгъ; всю окрестность заволокъ густой туманъ; все было бѣло кругомъ; небо и земля сливались. Единственной точкой опоры для глаза была темная линія каравана, голова котораго казалась уже сѣровато-бѣлой и исчезала въ туманѣ. Впереди насъ шли два верблюда. Ѣхавшіе на нихъ проводники отыскивали наиболѣе твердый слой снѣга и поэтому ѣхали, виляя изъ стороны въ сторону, по холмистой мѣстности. Снѣгъ былъ такъ глубокъ, что верблюды часто неожиданно проваливались въ него почти по уши, и тогда приходилось выбирать другое направленіе.

Лошади шли по слѣдамъ верблюдовъ, волоча по снѣгу вьюки и стремена. Молчаливо и тяжело тащился нашъ караванъ. Наконецъ, на холмѣ показалась юрта, похожая на черную

точку среди этого безграничнаго бѣлаго снѣжнаго океана; рядомъ суетились люди, разбивая другую юрту. Намъ оставалось пройти до нихъ только 120 м., но дорога шла по оврагу со снѣгомъ въ 2 — 3 метра глубины, и мы бились больше часу, чтобы благополучно провести нашихъ вьючныхъ лошадей.

Первая-же лошадь провалилась въ рыхлый снѣгъ и буквально чуть не утонула. Люди съ трудомъ высвободили ея вьюкъ и ее самое. Потомъ они попытались разгрести снѣгъ на обѣ стороны и прочистить дорожку, но снѣгъ лежалъ такъ глубоко, что до почвы не достать было. Наконецъ, киргизы



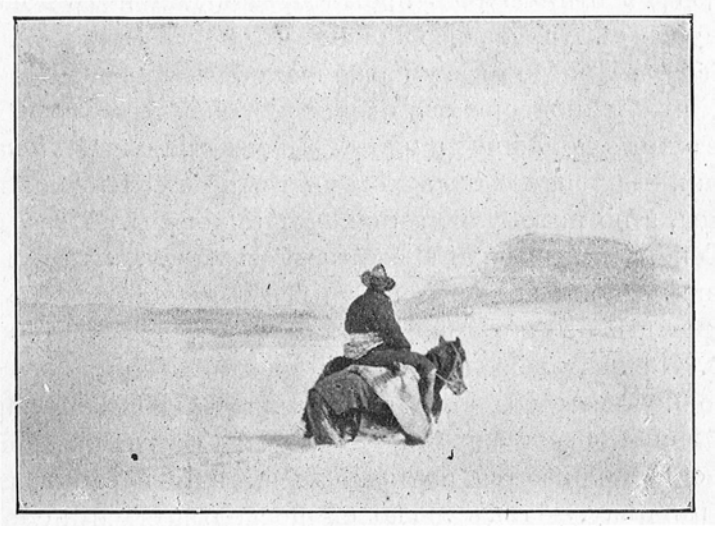
По сугробамъ долины Алая.
(Съ фотографіи автора).

нашли исходъ. Взяли войлока отъ юрты, разстелили ихъ по снѣгу, и по этой войлочной дорожкѣ провели гуськомъ лошадей. Пройденныя полосы войлока перекладывались впередъ, и послѣ неимовѣрной возни и хлопотъ удалось таки вывести весь караванъ на твердую почву.

Трактъ этотъ назывался Джиптыкъ, но аулъ того-же названія расположенъ въ 3 верстахъ, и двѣ юрты для насъ были доставлены оттуда на нашъ счетъ. Привалъ нашъ вышелъ пренепріятнымъ; топлива было мало, да и то отсырѣлое, и палатка наполнилась ѣдкимъ дымомъ. Передъ юртой громоздились высокіе сугробы.

5 марта. Ночь была холодная; минимальный термометръ показалъ—20.5°; въ 8 часовъ утра температура въ юртѣ, около моего изголовья, равнялась—10°. Все, что было въ юртѣ: консервы, молочный экстрактъ, чернила—замерзло. А тамъ, снаружи стояли, понуривъ голову, лошади и били копытами о снѣгъ, хрустѣвшій отъ мороза.

Погода была тихая. Около 11 ч. утра проглянуло солнце, туманъ разсѣялся, и открылась величественная альпійская страна, Заалайскій хребетъ; тамъ и сямъ еще виднѣлись легкіе прозрачные клочки тумана. Временами показывалась и гора Кауфмана (7000 м.) — блестящая серебромъ пирамидаль-



Эминъ въ сугробѣ.
(Съ фотографіи автора).

ная вершина которой, повидимому, однако, мало превосходила высотою своихъ сосѣдокъ.

Мы ждали партію верховыхъ киргизовъ, которые должны были прибыть изъ Арча-булака, чтобы расчистить путь; но такъ какъ о нихъ не было ни слуха, ни духа, то нашъ другъ Эминъ отправился на развѣдки. Забавно было смотрѣть, какъ онъ плелся себѣ потихоньку по сугробамъ на своемъ заиндевѣвшемъ конѣ, изъ ноздрей и отъ боковъ котораго валилъ паръ. Спустя полтора часа, онъ превратился въ точку, чернѣвшую на безконечномъ бѣломъ полѣ. Изъ снѣга торчали только голова лошади, да всадникъ. Часа черезъ три

онъ вернулся съ вѣстью, что проѣзда нѣтъ,—снѣгу навалило въ метръ вышины, и лошадь проваливалась много разъ.

Посовѣтовались и рѣшили, что Эминъ и Рехимъ-бай отправятся въ поселокъ Джиптыкъ за помощью. Мы же остались въ лагерѣ, буквально засыпанные снѣгомъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, на сѣверѣ, у подошвы Алая показалась длинная вереница верховыхъ, лошадей и верблюдовъ, которые везли намъ сѣно и топливо. Киргизы посовѣтовали намъ не трогаться съ мѣста до слѣдующаго утра.

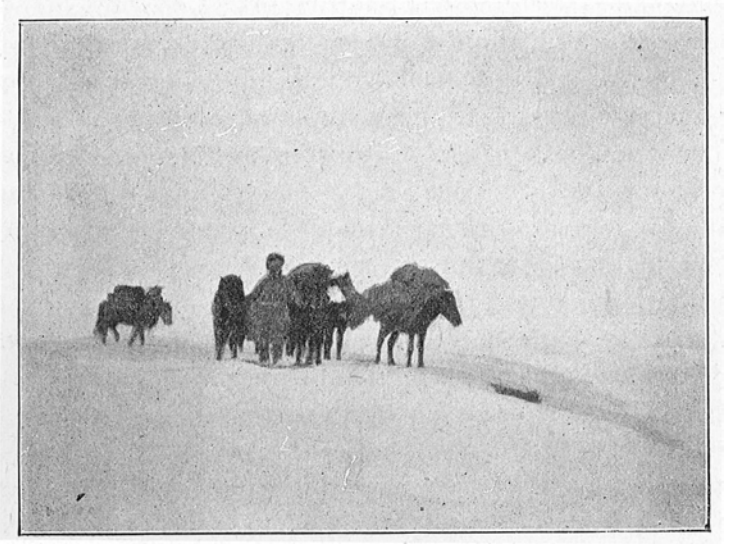
Утромъ 6 марта мы снарядились точно въ настоящій походъ. Еще задолго до восхода солнца четыре киргиза на верблюдахъ отправились прокладывать для насъ дорогу черезъ сугробы. Киргизы сообщили, что могло быть и еще хуже, чѣмъ было. Иногда снѣгу наваливаетъ въ уровень съ юртами; тогда, чтобы поддержать сообщеніе между аулами, пускаютъ въ ходъ домашнихъ яковъ. Послѣдніе служатъ какъ-бы плугами, — пропахиваютъ рогами въ снѣгу туннели и узкія борозды, а по нимъ уже и проходятъ киргизы.

Теперь предстояло перейти Кызылъ-су, а это было далеко не легко. Рѣка была почти вся покрыта льдомъ, только по серединѣ быстро текла полоса воды, шириною метровъ въ 10. На льду лежалъ глубокій снѣгъ, края котораго были сильно подмыты водою, а послѣдняя была здѣсь очень глубока. Испытываешь крайне непріятное ощущеніе, когда лошадь останавливается на краю льда, готовясь сдѣлать скачекъ въ рѣку, — такъ легко ей поскользнуться и сорваться Тогда придется основательно искупаться, а при такой погодѣ это не только непріятно, но и опасно, такъ какъ весь укутанъ въ тяжелыя толстыя шубы, стѣсняющія движенія. Когда-же очутишься благополучно въ водѣ, голова кружится, — вода такъ и бѣжитъ и кипитъ около лошади, и стоитъ взять чуть въ сторону отъ брода легко можно попасть на глубокое мѣсто, гдѣ лошадь потеряетъ опору подъ ногами, и теченіе унесетъ ее. Такіе случаи весьма обыкновенны здѣсь въ лѣтнее время.

Кызылъ-су осталась влѣво, а мы отправились по серединѣ долины къ склону Заалайскаго хребта. Мѣстность была здѣсь очень неудобная для перехода; изъ земли били многочисленные источники; нѣкоторые изъ нихъ были покрыты ледяною корою, другіе, тамъ, гдѣ температура была повыше,

только саломъ, представлявшимъ коварную, мягкую поверхность, въ которую лошади глубоко проваливались. По стуку лошадиныхъ копытъ слышалось, какая почва была скрыта подъ снѣгомъ. Глухой стукъ отмѣчалъ крѣпко замерзшую почву, звонкій стукъ — плотный ледъ, а гулкіе, раскатистые звуки, что мы ѣдемъ по ледяному полю, образовывающему сводъ.

Мало по малу мѣстность становилась все болѣе пересѣченной, и мы подвигались между низкими холмами. На югѣ за нами остался перевалъ Талдыкъ; снѣгъ становился все глубже. Послѣ десятичасоваго перехода мы сдѣлали привалъ



Часть каравана на берегу Кызылъ-су.
(Съ фотографіи автора).

среди этого царства смерти и холода, гдѣ не видно ни былинки, ни слѣда жизни. Люди сгребли снѣгъ съ низенькаго бугра и установили на немъ багажъ. Пара верблюдовъ, несшихъ отъ Джиптыка нашу юрту, отстали, и намъ пришлось дожидаться ихъ съ часъ. Тѣмъ временемъ мы развели огонь, вокругъ котораго и расположились тѣснымъ кружкомъ, стараясь согрѣться чаемъ. Морозъ стоялъ 26°; снѣгъ такъ и хрустѣлъ подъ нами при малѣйшемъ движеніи. Поздно вечеромъ была, наконецъ, разбита юрта.

Я уже упоминалъ, что губернаторъ Ферганы приказалъ киргизамъ имѣть для насъ на готовѣ юрту и топливо въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ намъ предстояло дѣлать привалы. То обстоятельство, что насъ не ожидалъ такой пріемъ здѣсь около Уртака, объяснялось стеченіемъ несчастныхъ случайностей. Ходжа-Минъ-баши, волостной старшина Учъ-тепе, принадлежащаго къ Ошскому уѣзду, намѣревался встрѣтить меня лично и отправился черезъ Алайскій хребетъ. На перевалѣ Атъ-джолы около Талдыка его застигъ буранъ, преградившій ему путь и одновременно засыпавшій сорокъ барановъ; только пастухъ спасся съ трудомъ. Тогда Минъ-баши послалъ встрѣтить меня шестерыхъ изъ своихъ людей; они бились девять дней, чтобы перебраться черезъ засыпанный снѣгомъ перевалъ, потеряли одну лошадь и принуждены были бросить и юрту и топливо. Наконецъ, четверо изъ нихъ добрались до Джиптыка, гдѣ и заняли юрту и топливо у тамошнихъ киргизовъ.

Когда мы, наконецъ, встрѣтили этихъ людей около Уртака, они очень безпокоились за участь двухъ потерянныхъ товарищей; да и изъ этихъ четверыхъ у одного оказалась отмороженной нога, а другой былъ пораженъ снѣжной слѣпотой. Онъ въ теченіе 3 дней шелъ пѣшкомъ, всматриваясь въ снѣгъ, и переутомилъ глаза. Остальные защищали глаза бахромой изъ пучковъ конскихъ волосъ, засунутыхъ подъ шапку и спускающихся на лобъ и глаза, или широкимъ кожанымъ ремнемъ, въ которомъ были прорѣзаны небольшія щелочки для глазъ. Оба больные получили нужную помощь и уходъ и дня черезъ два оправились.

Нескоро-то мы улеглись на отдыхъ въ эту ночь; только въ часъ утра въ лагерѣ, наконецъ, водворилась тишина. Термометръ показывалъ — 32°. Обыкновенно я спалъ одинъ въ юртѣ, такъ какъ имѣть киргизовъ въ близкомъ сосѣдствѣ не особенно пріятно,—они не одни владѣютъ своими шубами. Но холодъ хорошее средство противъ непріятныхъ гостей, на которыхъ я намекаю, и въ эту ночь у меня не хватило духа оставить людей на морозѣ. Набилось насъ въ юрту, какъ сельдей въ боченокъ, и всетаки температура въ юртѣ понизилась къ утру до — 24°; на другое утро съ потолка сыпались на насъ ледяныя иглы и сосульки. Минимальный термометръ показалъ — 34.5°. Звѣзды никогда не горѣли такимъ дивнымъ блескомъ, какъ на этотъ разъ.

VI.

На крышѣ міра.

7 марта мы выступили только около 11 часовъ утра, такъ какъ дожидались, пока насъ обогрѣетъ солнышкомъ, да и утомлены были отъ ходьбы и долгаго бодрствованія наканунѣ. Киргизы повели насъ между низкими холмами вдоль ручья Кара-су — „Черной воды“ — называемаго такъ потому, что вода въ немъ ключевая и по своей прозрачности кажется почти черною въ глубокихъ мѣстахъ. Раза два переѣзжали черезъ ручей по непрочному ледяному мосту, подъ которымъ бурлила и звонко плескала вода. Мѣстами она была свободна ото льда и текла между камнями.

Медленно подвигался караванъ по сугробамъ, которые, казалось, становились все глубже. На востокѣ виднѣлся край долины Алая, гдѣ отроги хребтовъ Алайскаго и Заалайскаго сливаются, образуя подобіе корыта. Послѣдній изъ названныхъ хребтовъ обрисовывался все яснѣе, но производилъ все менѣе внушительное впечатлѣніе, такъ какъ относительныя высоты мало по малу уменьшались. Снѣжный гребень хребта сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ, отливая серебромъ и лазурью, а надъ нимъ вздымалось ярко-голубое небо. Вокругъ одѣтыхъ сосной вершинъ горы Кауфмана, словно вѣнчальная фата, повисли легкими клочками бѣлыя облачка. Какая холодная, каменная невѣста!

Лошади съ трудомъ брели по снѣгу, а людямъ приходилось глядѣть въ оба за вьюками, которые часто сползали; въ особенно тяжелыхъ для перехода мѣстахъ раздавались характерныя покрикиванья проводниковъ: „Имамъ Адамъ, бисмиллахъ!“ или по просту: „Гайда!“ Собака наша, видимо, наслаждалась жизнью, — то ныряла въ сугробахъ, то каталась въ своей лохматой шубѣ по снѣгу, то шаловливо набирала снѣгу въ пасть, то, какъ стрѣла, мчалась впереди каравана.

Вообще-же, собака эта съ самаго начала была какой-то дикой, и мнѣ такъ и не удалось хорошенько приручить ее. Воспитаніе среди киргизовъ сказывалось въ томъ, что ее никакъ нельзя было заманить въ мою кибитку, — магометане

считаютъ собаку нечистымъ животнымъ и находятъ, что прахъ отъ ногъ ея оскверняетъ человѣческое жилье. Я хотѣлъ отучить Джолчи отъ этого глупаго предразсудка, но нельзя было заставить ее переступить порогъ кибитки ни добромъ, ни угрозой. Она никогда въ жизни не ставила своей ноги въ кибитку и, должно быть, твердо забрала себѣ въ голову, что ей тамъ и дѣлать нечего.

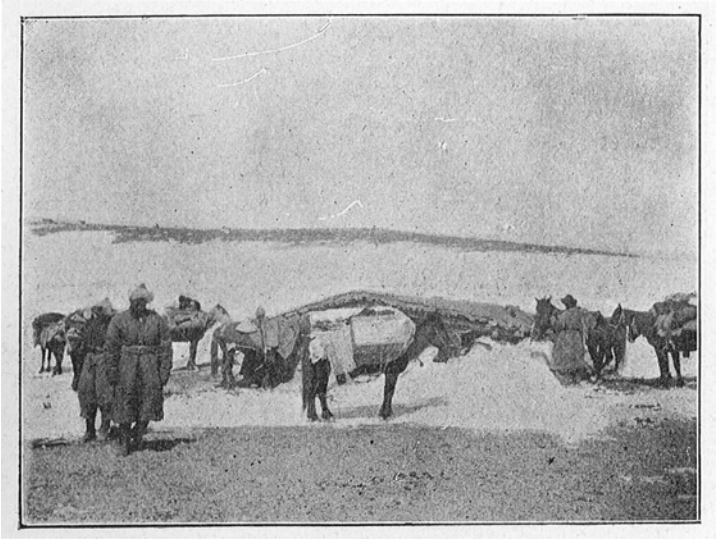
Климатъ въ этой области имѣетъ свои особенности. Съ одной стороны солнце такъ и палитъ вамъ лицо, а другая сторона лица, находящаяся въ тѣни, почти мерзнетъ. Въ тихую погоду, при ясномъ небѣ, въ полдень становится такъ жарко, что сбрасываешь съ себя бараній тулупъ, но достаточно облачка, или тѣни отъ горы, которыя бы загородили солнце, и васъ насквозь прохватитъ холодомъ. Кожа на лицѣ лупится, сходитъ нѣсколько разъ, а потомъ становится сухой, жесткой, какъ пергаментъ, и бронзоваго цвѣта, какъ у индуса. 5-го марта около полудня термометръ въ тѣни показывалъ — 10°, а инсоляціонный термометръ + 52°.

Скоро начало смеркаться, и у меня спина устала отъ тяжелаго тулупа. Такъ какъ навьюченныя лошади шли слишкомъ тихо, и намъ оставалось еще тащиться такимъ образомъ часа два до стоянки, то я въ сопровожденіи Минъ-баши оставилъ караванъ и отправился въ потьмахъ впередъ. Минъ-баши ѣхалъ впереди, а за нимъ по слѣдамъ его лошади я. Тяжелый выдался путь; если-бы не яркія звѣзды, было бы темно, хоть глазъ выколи. Время все шло, и будь тутъ въ маленькомъ караванъ-сараѣ Боръ-доба хозяинъ, онъ былъ-бы навѣрное сильно изумленъ, увидавъ въ такую позднюю пору у своихъ дверей двухъ занесенныхъ снѣгомъ путниковъ.

Чтобы читатель не возымѣлъ преувеличеннаго представленія объ этомъ караванъ-сараѣ, или „рабатѣ“, я поясню, что это ни что иное, какъ маленькая землянка съ крышей, подпертой кольями; посреди пола четыреугольное возвышеніе, служащее мѣстомъ отдыха для путешественниковъ. По распоряженію Ферганскаго губернатора такія лачуги разбросаны во многихъ пунктахъ между Маргеланомъ и Памирскимъ постомъ ради облегченія почтовыхъ сообщеній. Этотъ караванъ-сарай былъ расположенъ у подошвы одинокаго холма и потому носилъ названіе Боръ-доба, правильнѣе „Бозъ-тепе“,

т. е. „сѣраго холма“. Мы немедленно заснули и проснулись только, когда съ шумомъ и гамомъ подошелъ караванъ. Тутъ мы напились чаю и отлично поужинали.

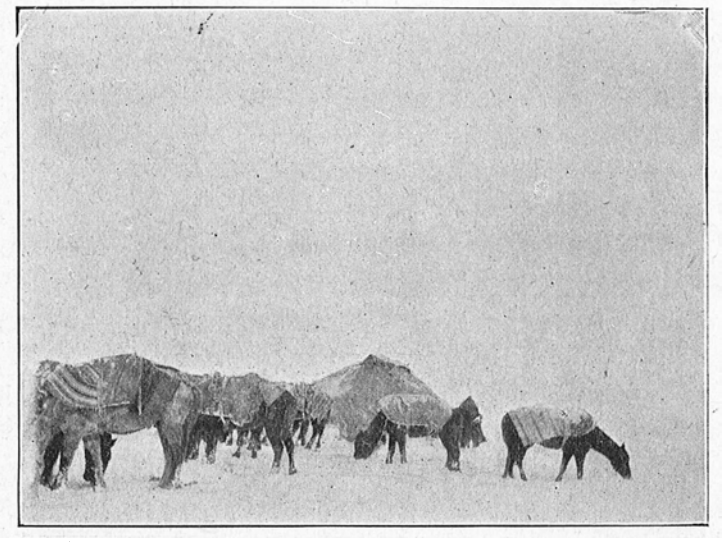
По пути въ Боръ-доба мы видѣли слѣды восьми волковъ, бѣжавшихъ вразсыпную по направленію отъ Алайскаго хребта къ Заалайскому. Дальше, на спускѣ между холмами слѣды соединялись; тутъ было мало дорогъ, и выбирать было не изъ чего. Киргизы сказали, что здѣсь проходитъ старая извѣстная волчья тропа. Когда на зарѣ люди встали посмотрѣть лошадей, то видѣли семь волковъ, рысцой направлявшихся къ Кызылъ-арту.



Караванъ-сарай Боръ-доба.
(Съ фотографіи автора).

Въ этихъ областяхъ волки встрѣчаются очень часто. Лѣтомъ они обыкновенно держатся въ долинѣ Алая и таскаютъ у киргизовъ барановъ. Собаки чуютъ волковъ за версту, за двѣ, но тѣ нерѣдко надуваютъ ихъ; волки недѣлями слѣдятъ за стадомъ и стерегутъ удобный случай для нападенія. Кровожадны они невѣроятно и, если нападутъ на стадо безъ пастуха, то перерѣжутъ всѣхъ барановъ. Мнѣ разсказывали, что недавно одинъ волкъ зарѣзалъ ночью 180 барановъ у одного киргиза изъ Учъ-тепе. Зато горе подстрѣленному волку, попадающемуся живьемъ въ руки своего врага, киргиза! Въ разинутую пасть ему всовываютъ короткій толстый колъ, ко-

торый прикручивается къ скуламъ, другую-же палку привязываютъ къ ногѣ, чтобы звѣрь не могъ удрать, и начинаютъ всячески мучить и терзать его, пока въ немъ остается хоть искра жизни. Я разъ положилъ конецъ мученіямъ одного такого несчастнаго грѣшника. Когда въ долинѣ Алая выпадаетъ глубокій зимній снѣгъ, волки уходятъ на Памиръ и бродятъ по берегамъ Кара-куля, гдѣ живутъ главнымъ образомъ охотой на великолѣпныхъ архаровъ (горные бараны — ovis poli), кіиковъ (дикихъ козъ) и зайцевъ. За архарами волки охотятся съ большими хитростями, устраивая на нихъ настоящія облавы.

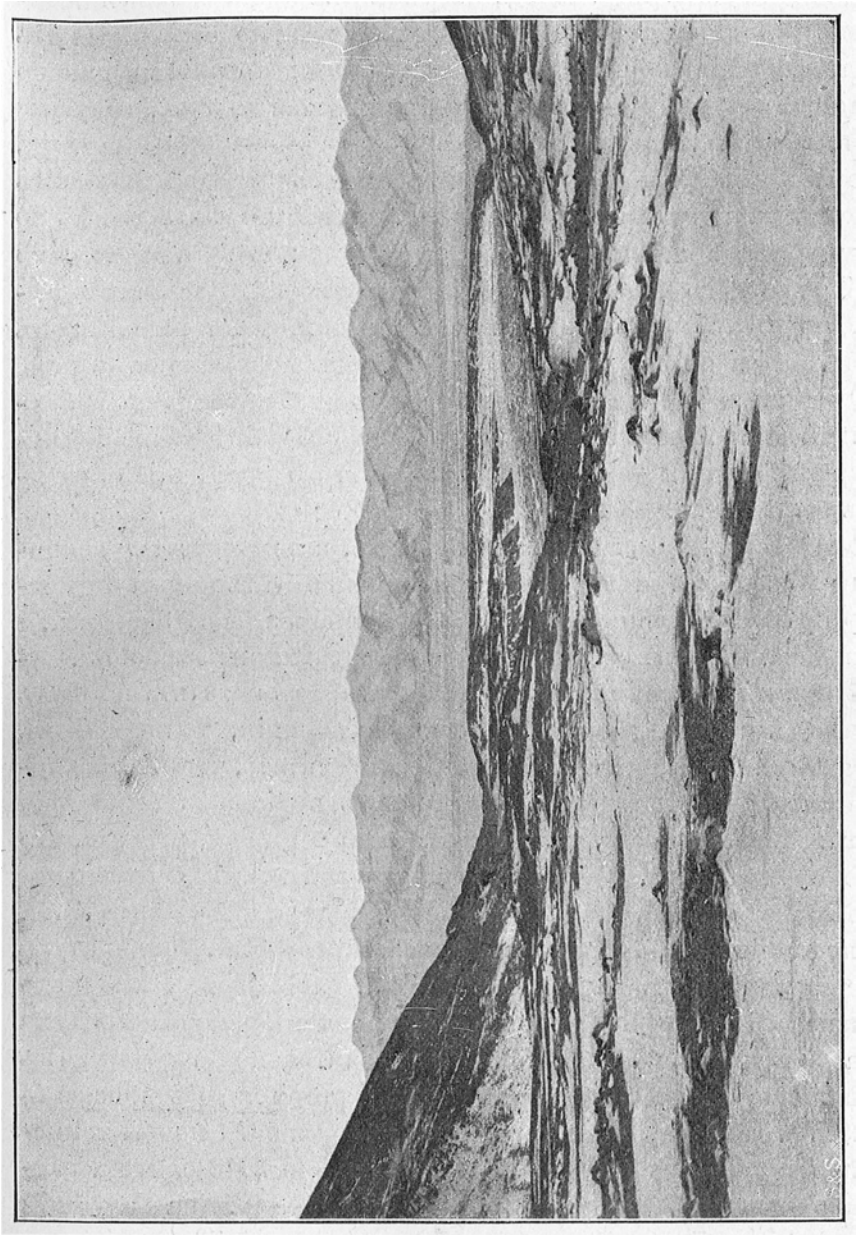


Наши лошади ищутъ подножнаго корма подъ снѣгомъ.
(Съ фотографіи автора).

Обыкновенно хищники отбиваютъ отъ стада одного или нѣсколькихъ изъ этихъ быстроногихъ животныхъ, которые затѣмъ и загоняются разставленными по пути волками-загонщиками или въ какой нибудь тупикъ въ ущельѣ, или на круто обрывающуюся скалу, гдѣ преслѣдователи и окружаютъ ихъ. Не умѣя карабкаться на высокіе уступы, волки терпѣливо ждутъ, пока тонкія ноги архара онѣмѣютъ отъ усталости, и бѣдняга скатится прямо въ когти голодныхъ хищниковъ.

Около Кара-куля мы часто видѣли цѣлыя стада мирно пасущихся архаровъ въ какой нибудь одной-двухъ верстахъ отъ

насъ. Киргизы различали ихъ на невѣроятныхъ разстояніяхъ, мнѣ-же приходилось прибѣгать къ лучшимъ моимъ биноклямъ,



Сѣверовосточный край озера Большого Кара-куля. Видъ съ перевала Учъ-булакъ. (Съ фотографіи автора).

чтобы слѣдить за движеніями животныхъ. По дорогѣ часто видѣли мы также выбѣленные солнцемъ черепа архаровъ, съ

ихъ красиво выгнутыми рогами, — должно быть остатки волчьихъ жертвъ.

По словамъ киргизовъ, встрѣча съ парою волковъ представляетъ для одинокаго путника серьезную опасность. Въ подтвержденіе своихъ словъ киргизы разсказывали мнѣ много ужасныхъ исторій о волкахъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, волки напали на перевалѣ Талдыкъ на одного киргиза, и черезъ нѣсколько дней нашли отъ послѣдняго только одинъ черепъ, да кости. Въ другой разъ одинъ киргизъ погибъ во время бурана на перевалѣ Кызылъ-артъ; черезъ нѣсколько дней трупъ его нашли въ снѣгу, но лошадь его оказалась цѣликомъ съѣденной волками. Одинъ изъ моихъ проводниковъ киргизовъ и одинъ джигитъ были прошлою зимою окружены двѣнадцатью волками; по счастью, люди были хорошо вооружены и застрѣлили двухъ волковъ, которые тотчасъ же и были пожраны своими товарищами; послѣ того послѣдніе обратились въ бѣгство.

Въ Боръ-добѣ мы оставались день, и я произвелъ различныя наблюденія. Между прочимъ сдѣланъ былъ разрѣзъ снѣжнаго покрова, толщина котораго равнялась здѣсь 91 сантим., и оказалось, что онъ состоялъ изъ шести различныхъ слоевъ. Самый нижній, толщиной въ 21 сантим., былъ грязенъ, плотенъ и твердъ почти какъ ледъ; самый верхній, толщиной въ 43 сантим., былъ чистъ и рыхлъ. Можно считать, что эти различные слои соотвѣтствуютъ различнымъ періодамъ выпаденія снѣга. Нижніе слои сдавлены тяжестью верхнихъ и видно, что зимою снѣгъ доходитъ тутъ до двухъ метровъ глубины.

Хотя температура въ 3 часа пополудни равнялась—13.6°, а инсоляціонный термометръ показывалъ 46.6°, температура въ снѣгу всего на глубинѣ 3 сантим., равнялась — 22.5°; это показываетъ, что колебанія суточной температуры воздуха едва замѣтны даже на такой незначительной глубинѣ (въ предшествующую ночь минимальный термометръ показалъ — 28.2°). По мѣрѣ приближенія къ поверхности почвы температура понемногу повышалась и на глубинѣ 43 сантим. равнялась — 11°, на глубинѣ 58 сантим. — 8°, на глубинѣ 65 сантим. — 7.8°, на глубинѣ 70 сантим. — 5.7° и у поверхности почвы, на глубинѣ 91 сантим. подъ снѣжнымъ покровомъ — 4.4°.

Съ помощью заступа и кирки была вырыта въ замерзшей, какъ камень, почвѣ яма въ 61 сантим. глубины; на этой глубинѣ термометръ показалъ — 0.9°. Произведенныя здѣсь наблюденія выяснили, что почва промерзла на глубину свыше одного метра, что и совпадало съ результатами наблюденій, сдѣланныхъ мною въ другихъ мѣстахъ Памира. Лѣтомъ почва, по словамъ киргизовъ, оттаиваетъ совершенно.

Утромъ 9 марта всѣ мои киргизы пали на колѣна въ снѣгъ, вознося Аллаху мольбы о счастливомъ перевалѣ черезъ опасный Кызылъ-артъ, гдѣ часто разражаются внезапные гибельные бураны. Я ждалъ тяжелаго перехода, но оказалось, что Кызылъ-артъ далеко не представлялъ такихъ трудностей, какъ Тенгисъ-бай; да и надо прибавить, что съ погодой намъ посчастливилось на рѣдкость. Уже около Боръ-доба подымаешься на такую высоту, что подъемъ на самый перевалъ, находящійся на самомъ гребнѣ Заалайскаго хребта, не кажется особенно крутымъ. Ручеекъ, который весной и лѣтомъ струится внизъ съ перевала, замерзъ теперь до самаго дна, и въ прозрачномъ чистомъ льду его ясно отражалось голубое небо. Горы состояли по большей части изъ кирпично и кроваво-краснаго песчаника, бураго или свѣтло-зеленаго и сѣраго сланца, а дно долины все было усѣяно щебнемъ и гальками— продуктами процесса вывѣтриванія.

Выше подъемъ на перевалъ становился понемногу круче, и снѣгъ глубже. Но мы счастливо достигли гребня (4,271 м.), гдѣ дулъ ледяной, сѣверный вѣтеръ, пронизывавшій насъ до костей сквозь тулупы и валенки. На самомъ перевалѣ возвышается курганъ-могила святого Кызылъ-арта, представляющій кучу камней, украшенную „тугами“, т. е. шестами, на которыхъ навѣшаны разныя тряпки, лохмотья и рога антилопъ — дары благочестивыхъ киргизовъ. Около кургана киргизы мои опять упали на колѣни и возблагодарили Аллаха за благополучный перевалъ.

Они сообщили мнѣ, что Кызылъ-артъ былъ „ауліе“, т. е. святой, который во времена пророка направился изъ долины Алая на югъ, чтобы распространять истинную вѣру, и во время своего странствованія открылъ перевалъ, носящій теперь его имя и служащій, какъ говорятъ, и мѣстомъ его погребенія. Другіе киргизы давали болѣе правдоподобное объ-

ясненіе, что курганъ только сложенъ въ честь этого святого, а не представляетъ его могилы. Кромѣ того киргизы вѣрятъ, что не открой святой мужъ перевала Кызылъ-арта, и до сихъ поръ нельзя было-бы проникнуть въ Памиръ. Преданіе говоритъ еще, что шесть братьевъ Кызылъ-арта были также святыми и назывались Музъ-артъ, Кокъ-артъ, Хатынъ-артъ, Калынъ-артъ, Гезъ-артъ и Агъ-артъ. Всѣ эти имена и пріурочены къ другимъ переваламъ, ведущимъ въ Памиръ. „Артъ“ — одно изъ многихъ, существующихъ въ киргизскомъ языкѣ словъ, обозначающихъ „проходъ“.

На южной сторонѣ перевала оказалось сначала очень много снѣга, но затѣмъ снѣжный покровъ становился мало по малу тоньше. Послѣ восьмичасовой ходьбы мы достигли маленькаго караванъ-сарая Кокъ-сая.

Мнѣ этотъ пунктъ особенно памятенъ потому, что я отмѣтилъ тамъ самую низкую температуру за все время моего путешествія по Азіи; ртуть понизилась до — 38.2°, т. е. была недалеко отъ точки своего замерзанія.

Къ югу отъ Кызылъ-арта ландшафтъ пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ. Снѣгу становится совсѣмъ мало, почва на большихъ протяженіяхъ обнажена отъ него, и покрыта щебнемъ и пескомъ; формы горъ становятся болѣе округленными; относительныя высоты уменьшаются, и гребни горъ отдѣляются другъ отъ друга широкими отлогими и корытообразными долинами. Между Кызылъ-артомъ и Акъбайталомъ простирается около Кара-куля область, не имѣющая стока водъ въ Аму-дарью, и такимъ образомъ продукты вывѣтриванья горъ остаются здѣсь и содѣйствуютъ нивеллировкѣ мѣстности. Здѣсь можно въ маломъ масштабѣ найти тѣ же области, на какія подраздѣляетъ Рихтгофенъ весь азіатскій материкъ вообще, т. е. „не имѣющія стока водъ“, „периферическія“ и „переходныя“.

10 марта мы цѣлый день ѣхали на юго-востокъ; сначала пересѣкли открытую корытообразную долину, окруженную низкими, одѣтыми снѣгомъ гребнями горъ; на самомъ-же днѣ долины снѣгъ лежалъ рѣдкими жиденькими клоками. Прямо передъ нами вырисовывалась обособленная гористая область; на право долина расширялась и граничила съ низкими округленными холмами. Налѣво выступалъ къ юго-западу низкій

горный отрогъ, примыкавшій къ обособленной гористой области.

Мѣстность по тому направленію, по которому мы шли, все повышалась, и послѣ четырехчасовой ходьбы мы достигли небольшого перевала Учъ-булака, съ вершины котораго открылась на юго-востокѣ чудесная панорама. Далеко внизу виднѣлась сѣверо-восточная часть озера Кара-куля, покрытая льдомъ и снѣгомъ и окруженная мощными горами, также окутанными отъ подошвы до вершины сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ. На самомъ перевалѣ снѣгъ доходилъ до 4 дюймовъ глубины и былъ покрытъ настомъ — твердой и сухой корою, жесткой, какъ пергаментъ, и такой крѣпкой, что она зачастую сдерживала лошадей. Мы какъ будто шли по туго натянутой барабанной кожи.

Отъ Учъ-булака дорога опять пошла черезъ широкую степь, которая почти незамѣтно спускалась отъ подошвы горъ къ сѣверному берегу озера и была покрыта, хоть и не сплошь, снѣгомъ. Отъ вліянія преобладающихъ здѣсь западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, снѣжный покровъ образуетъ мѣстами точно дюны, а мѣстами напоминаетъ лужицы изъ пролитыхъ и мало по малу застывшихъ сливокъ. Степь покрыта рѣдкой порослью терескена, твердаго, какъ дерево, искривленнаго, сухого кустарника, доставляющаго прекрасное топливо.

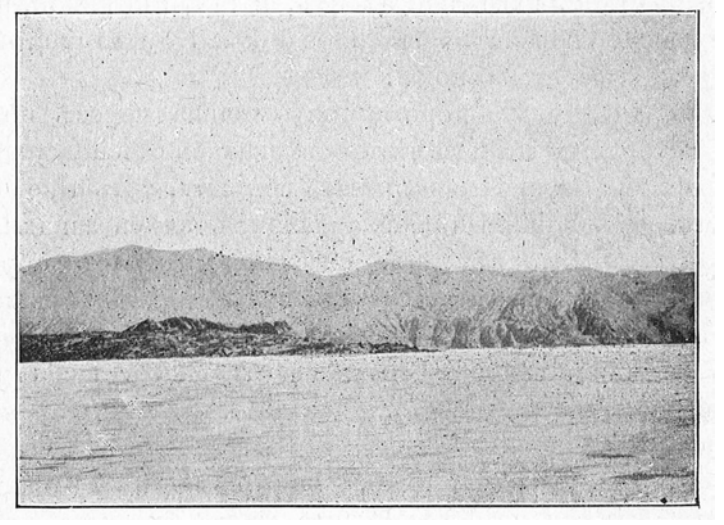
Въ 6 часовъ солнце сѣло. Тѣни отъ горъ на западѣ такъ быстро набѣжали на равнину, что взоръ еле могъ услѣдить за ними. На востокѣ тѣни болѣе медленно сползали по скатамъ горъ; скоро лишь высочайшія пирамидальныя вершины ихъ остались еще освѣщенными солнцемъ. Черезъ четверть часа вся мѣстность была окутана сумерками. Горы на востокѣ вырисовывались на фонѣ темнаго неба голубовато-бѣлыми холодными призраками, тогда какъ западныя темнѣли черными силуэтами на блещущемъ яркими лазурными и пурпурными тонами горизонтѣ.

Мы пріютились въ землянкѣ неподалеку отъ берега Каракуля и нашли тамъ теплый и удобный ночлегъ.

Съ маленькимъ, хорошо подобраннымъ караваномъ, состоящимъ изъ двухъ сартовъ-джигитовъ, двухъ закаленныхъ киргизовъ, пяти верховыхъ и двухъ вьючныхъ лошадей, вы-

ступилъ я 11 марта на юго-западъ по льду Кара-куля. Мы взяли съ собой продовольствія и топлива на два дня, небольшую островерхую киргизскую палатку, кирки, топоры, заступы и бичевку съ лотомъ. Остальные люди и лошади должны были отправиться къ слѣдующей стоянкѣ, неподалеку отъ юго-восточнаго берега Кара-куля, и тамъ ждать насъ.

Площадь Кара-куля равняется 30 — 40 кв. верстамъ; соленое озеро это окружено значительными горными хребтами, которые, впрочемъ, на сѣверѣ, на востокѣ и на юго-востокѣ отступаютъ отъ озера и отдѣляются отъ него равниной въ нѣсколько верстъ ширины. Киргизы назвали его „Чернымъ

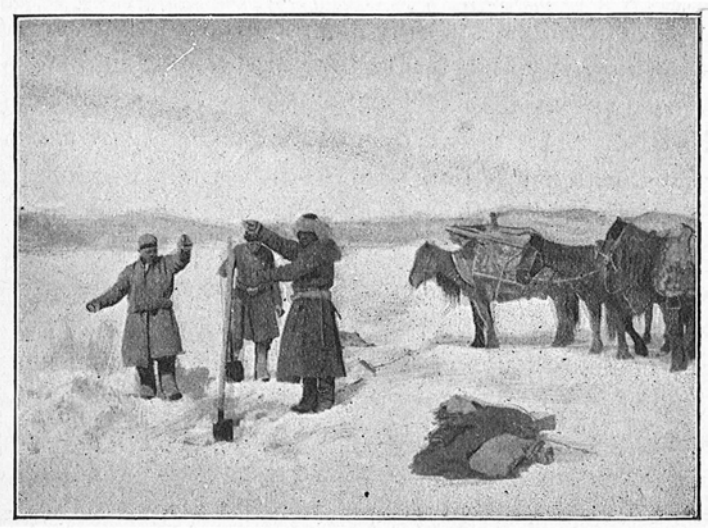


Островъ въ озерѣ Кара-куль.
(Съ фотографіи автора).

озеромъ“ (Кара-куль), потому что воды его кажутся лѣтомъ черными въ сравненіи съ окружающими горами, нерѣдко покрытыми снѣгомъ даже въ это время года. Максимумъ длины озера — 20 верстъ, а ширины 15. Выступающимъ на южномъ берегу полуостровомъ и островомъ, расположеннымъ у противоположнаго сѣвернаго берега, озеро дѣлится на два бассейна, — восточный, очень мелководный, и западный, обширный и съ круто обрывающимися берегами. Восточная часть озера и была цѣлью нашихъ изслѣдованій въ первый день экскурсіи.

Пройдя четыре версты по льду, мы сдѣлали привалъ; за-

тѣмъ были пущены въ ходъ топоры, кирки и заступы, и послѣ тяжелой часовой работы мы пробили ледяной покровъ, толщина котораго доходила здѣсь до 91 сантим. Ледъ былъ ровный, какъ стекло, прозрачный и хрупкій. Послѣдній ударъ кирки открылъ темнозеленую прорубь, въ которую шипя полилась хрустальная, горькая на вкусъ вода, и не дошла до краевъ ледяного колодца всего на нѣсколько сантиметровъ. Бичевка съ лотомъ, раздѣленная узлами на концы въ 10 метр. каждый, была погружена въ воду. Глубина оказалась только 12.57 метр. Вода въ проруби имѣла—0.4°, а на днѣ озера+1.2°.



Рехимъ-бай и Исламъ-бай измѣряютъ глубину въ проруби на льду озера Кара-куль.

(Съ фотографіи автора).

На прорубку льда пошелъ часъ; прорубь на поверхности имѣла въ діаметрѣ больше метра. Какъ только она была готова, ледъ началъ трещать и стрѣлять; своеобразные звуки, выходившіе какъ будто изъ подъ низу, слѣдовали одинъ за другимъ.

Еще 4 версты, и новая прорубь; отъ нея мы пошли къ сѣверо-западу по направленію къ острову; по дорогѣ прорубили еще третью прорубь и въ сумерки вышли на берегъ глубоко вдающейся въ островъ бухты. По этому острову, гдѣ не было ни дорогъ, ни тропинокъ и гдѣ, по словамъ моихъ

киргизовъ, до сихъ поръ не бывало ноги человѣческой, мы ѣхали съ часъ, пока нашли удобное мѣсто для стоянки. Здѣсь разбили небольшую войлочную палатку; передъ входомъ развели костеръ и, поужинавъ, провели среди Кара-куля, на высотѣ почти 4,000 метр. надъ уровнемъ моря холодную (— 29°) и дождливую ночь.

Окоченѣлые, промокшіе и вялые выступили мы на другой день раннимъ утромъ и направились прямо къ западу отъ острова. Пройдя $4^1/_2$ версты, начали дѣлать измѣренія въ западномъ бассейнѣ озера. Внутреннее напряженіе въ массѣ льда, обусловленное одинаковымъ давленіемъ со всѣхъ сторонъ, безъ сомнѣнія, до нѣкоторой степени нарушилось нашей ѣздой по льду, вызывавшей усиленное давленіе сверху, и насъ все время преслѣдовали самые странные звуки. То слышались басовые тоны органа, то какъ будто подъ нами перекатывали большіе барабаны и били въ нихъ, то слышался стукъ захлопываемой двери кареты, то какъ будто швыряли въ озеро большой камень. Визжащіе и скрипящіе звуки смѣняли одинъ другой; иногда слышались даже словно мощные взрывы подводныхъ минъ.

При особенно громкихъ выстрѣлахъ лошади испуганно настораживали уши, люди удивленно прислушивались и переглядывались. Сарты полагали сначала, что это „бьются о ледъ головами большія рыбы“, но болѣе свѣдущіе киргизы разъяснили имъ, что въ Кара-кулѣ рыбы не водится. На мой-же вопросъ, откуда идутъ эти странные звуки и что происходитъ тамъ, въ глубинѣ, они отвѣчали: „Богъ вѣсть!“ Во всякомъ случаѣ, если это злоумышляла противъ насъ коварная Рана *), то ошиблась въ расчетахъ: ледъ выдержалъ подъ нами, да сдержалъ-бы и цѣлый Стокгольмъ.

И въ этотъ день чудесная погода вполнѣ благопріятствовала работѣ; въ воздухѣ не шелохнулось, небо было безоблачно, и твердый въ 7 сантим. толщины снѣговой покровъ на льду не давалъ лошадямъ скользить и спотыкаться. Какъ непохоже это было на устрашающія описанія Кара-куля, слышанныя мною въ Туркестанѣ. Мнѣ говорили, что тутъ постоянно

*) По Скандинавской миѳологіи Рана — богиня водяной бездны. *Примѣч. перев.*

свирѣпствуютъ бураны, что каждую снѣжинку мгновенно подхватываетъ вѣтромъ, и что вѣтеръ снесетъ весь караванъ по гладкому, какъ зеркало, льду. Старались даже увѣрить меня, что проруби придется прорубать въ самой палаткѣ, а вмѣсто того мы работали теперь на волѣ, наслаждаясь солнечнымъ свѣтомъ!

Въ теченіе дня мы сдѣлали переходъ съ сѣвера на югъ, черезъ западную половину озера и прорубили по пути еще четыре проруби. Въ нижеслѣдующей таблицѣ первый столбецъ показываетъ нумера прорубей, второй глубину озера въ метрахъ, третій температуру воды на днѣ озера, и четвертый толщину льда.

Восточная половина.	I	12.57 м.	+ 1.2°	91 сантим.
	II	13.05 „	+ 1.6°	106 „
	III	19.15 „	+ 1.8°	76 „
Западная половина.	IV	221.40 м.	+ 3.4°	48 сантим.
	V	228.10 „	+ 3.5°	46 „
	VI	230.50 „	+ 3.5°	42 „
	VII	78.10 „	+ 2.1°	53 „

Таблица показываетъ, что восточная половина озера мелководна, тогда какъ западная очень глубока. Да и одного взгляда на карту, а тѣмъ болѣе на самое озеро, достаточно, чтобы составить себѣ такое-же понятіе о рельефѣ дна озера, какое подтверждаетъ эта таблица. Восточная половина окаймлена отлогой равниной, а западная крутыми горами.

Питается озеро ключами, впадающими въ него въ формѣ небольшихъ ручейковъ, а также водой, получающейся при таяніи мѣстныхъ снѣговъ и наполняющей ложбинки. Особенно много ключей на восточномъ берегу, гдѣ они образуютъ большія болота и озера. Таблица указываетъ еще на одно явленіе, настолько естественное, что оно и не требуетъ объясненій, а именно, что чѣмъ выше глубина, тѣмъ выше и температура воды на днѣ озера и тѣмъ тоньше ледяной покровъ въ данномъ мѣстѣ.

Когда мы направились къ послѣдней проруби и прошли выступающую въ озеро косу, передъ нами открылся чудесный видъ на южную бухту Кара-куля. Фонъ образовывали мощныя,

одѣтыя въ снѣга горы, на западѣ къ озеру спускались горные скаты, падающіе подъ угломъ 20°; на восточномъ берегу къ подошвѣ горъ шелъ ровный подъемъ. Рельефъ мѣстности показывалъ, что глубина южной части бухты врядъ ли превышаетъ 50 метровъ.

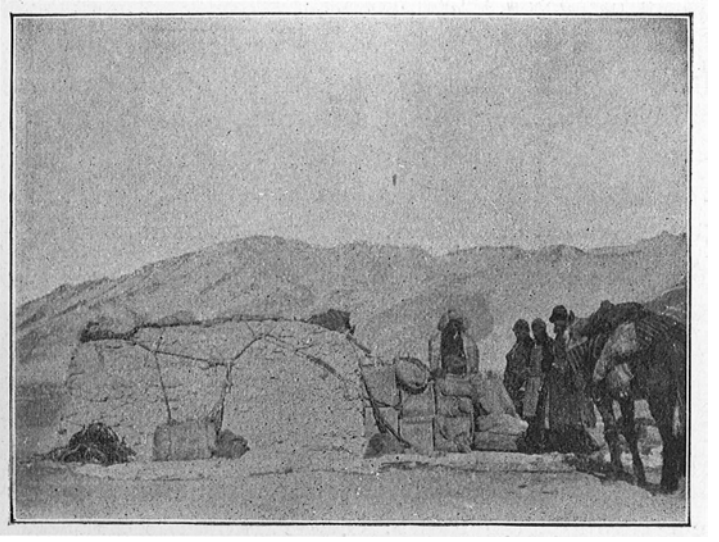
Послѣднюю прорубь вырубили посреди устья бухты. Когда прорубь была готова, трое изъ моихъ людей попросились ѣхать впередъ съ вьючными лошадьми, чтобы успѣть разбить къ моему пріѣзду палатку на мѣстѣ условленной ночевки у Акъ-тама къ югу отъ восточной части озера. Я остался съ джигитомъ Ширъ, произвелъ въ сумеркахъ наблюденія, и двинулся въ путь, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Около 5 верстъ ѣхали мы по льду черезъ бухту по слѣдамъ моихъ людей, ясно виднымъ на тонкомъ снѣговомъ покровѣ. Около берега, однако, мы потеряли слѣдъ и часъ за часомъ ѣхали въ темнотѣ по полуострову, покрытому щебнемъ, пескомъ и проч. продуктами разложенія горныхъ породъ, наугадъ.

Скоро взошелъ серповидный мѣсяцъ и освѣтилъ пустынный ландшафтъ, гдѣ не было и признака жизни, не слышно было ни звука. Время отъ времени мы останавливались и подавали голосъ, но никто не откликался намъ. Разъ мы было нашли слѣдъ въ небольшомъ сугробѣ, но опять потеряли его, когда мѣсяцъ заволокло вечернимъ туманомъ. Послѣ четырехчасовой ѣзды мы достигли восточнаго берега озера, но здѣсь не было видно ни верховыхъ, ни сигнальныхъ костровъ, никакого бивуака. Очевидно, люди мои отправились другой дорогой, но какой?

Еще съ часъ ѣхали наугадъ, но такъ какъ поиски наши оставались тщетными, то мы сдѣлали привалъ на низкой, ровной песчаной площадкѣ, покрытой мѣстами тонкимъ налетомъ снѣга. Разбили примитивный бивуакъ; чемоданъ съ картами, записными книжками, термометрами и проч. послужилъ мнѣ изголовьемъ; лошадей связали вмѣстѣ, чтобы онѣ не ушли. Бѣдныя животныя, не ѣвшія цѣлый день, разгребали песокъ передними копытами, но не находили ничего, кромѣ твердыхъ, какъ дерево, корней терескена, которые, однако, и жевали съ жадностью.

Мы сидѣли и болтали до 1 часу утра, пугая другъ друга разными исторіями о волкахъ. Ширъ полагалъ, однако, что

лошади почуяли-бы волковъ и предупредили насъ объ опасности, если-бъ она грозила намъ. Наконецъ, прекративъ за усталостью бесѣду, мы закутались въ тулупы и улеглись на киргизскій ладъ, т. е. припавъ, скорчившись, на колѣни, лицомъ внизъ, и упираясь лбомъ въ чемоданъ, а каблуки подставивъ вѣтру. Но надо родиться киргизомъ, чтобы быть въ состояніи заснуть въ такомъ положеніи! Ширъ похрапывалъ, я же глазъ не могъ сомкнуть; пробовалъ было принять болѣе европейскую позу, но ночной холодъ прохватывалъ меня насквозь; приходилось время отъ времени вставать и разминаться. Лошади то



Каменная хижина около Акъ-тама.
(Съ фотографіи автора).

и дѣло тыкались о насъ мордами, какъ-бы желая напомнить намъ, что мы забыли сегодня попотчивать ихъ изъ обычныхъ мѣшковъ съ кормомъ. Счастье еще, что ночной вѣтеръ не былъ особенно свѣжъ, и температура не превышала — 15.5°.

Въ 6 ч. утра, на зарѣ, мы встали, окоченѣлые, голодные, взлѣзли на лошадей и съ часъ ѣхали къ югу, пока не напали на небольшое пожелтѣвшее и тощее пастбище; послѣднія пасшіяся на немъ стада барановъ выщипали траву не до чиста, и мы пустили на нее нашихъ лошадей. Онѣ ѣли часа два, а мы въ это время хорошо выспались, такъ какъ солнце уже начало пригрѣвать.

Затѣмъ мы продолжали путь къ югу и на дорогѣ отъ Рангъ-куля въ долину Алая встрѣтили киргиза. Своими соколиными глазами послѣдній высмотрѣлъ въ трехъ верстахъ разстоянія кучку верховыхъ и лошадей. Скоро мы съ Широмъ сидѣли между своими, согрѣвая и подкрѣпляя наши окоченѣвшіе члены горячимъ чаемъ, консервами и бараниной. Лошади тоже получили свой давно желанный кормъ.

14 марта. Отъ Кара-куля мѣстность медленно повышается къ югу, и скоро попадаешь въ широкую долину, идущую между двумя расположенными по меридіану горными цѣпями, слегка покрытыми снѣгомъ. Дальше, въ глубинѣ долины снѣгъ становится обыкновенно глубже, хотя въ общемъ глубина его не превышаетъ 1 дюйма. Надъ горами стоятъ шапкой облака; остальной горизонтъ чистъ. Около полудня поднялся порывистый, мучительный вѣтеръ. Мы ѣхали почти пять часовъ на SSW до того мѣста, гдѣ долина развѣтвляется. Тамъ мы свернули влѣво, т. е. къ SSO. Здѣсь на пути попалась намъ могила киргизскаго святого Оксалы-мазаръ; на большомъ холмѣ возвышалась куча камней, украшенная тугами и рогами.

Затѣмъ передъ нами открылась долина Мусъ-колъ, съ подъемомъ къ перевалу Акъ-байталъ. Снѣгу тутъ было мало, а почва вся усѣяна продуктами вывѣтриванія.

Вечеромъ я былъ очень любезно встрѣченъ на привалѣ четырьмя одѣтыми въ почетные халаты киргизами, высланными съ Памирскаго поста. Они уже пять дней ждали меня тутъ съ кибиткой, бараниной и топливомъ и сообщили, что въ форту были очень обезпокоены моимъ замедленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ сугробы въ долинѣ Алая основательно задержали насъ.

„Мусъ-колъ“ означаетъ „ледяная долина“, а „Суокъ-Чубыръ“ (такъ называлось мѣсто нашего привала) означаетъ, вѣроятно, „холодная Сибирь“, такъ какъ на тюркскомъ нарѣчіи эта страна обыкновенно зовется „Чубыръ“. Если послѣднее истолкованіе вѣрно, то по справедливости можно сказать, что оба прозвища очень мѣтки, такъ какъ область эта отличается рѣзкими зимними холодами, и кромѣ того въ долинѣ наблюдается особенное явленіе, которое я сейчасъ опишу.

Рѣка Мусъ-колъ питается главнымъ образомъ ключами,

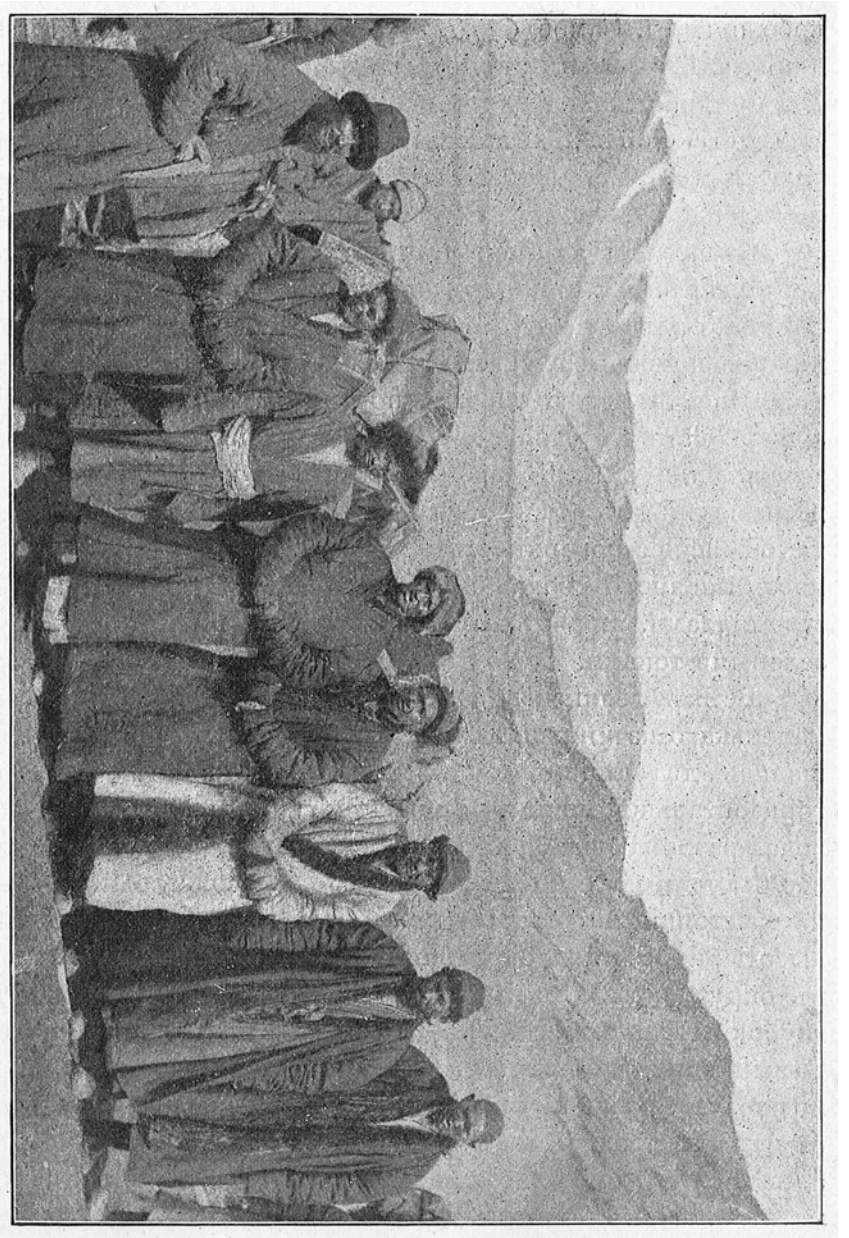
которые, замерзая зимою, покрываютъ все дно долины похожими на замерзшія горныя озера, обширными, блестящими, какъ зеркала, ледяными полями, въ которыхъ ясно отражаются небо и горы. Самое большое изъ нихъ имѣетъ 3 килом. въ длину и 1 килом. въ ширину, и часть его льда не таетъ и лѣтомъ. Мы проѣхали на середину его, чтобы измѣрить толщину льда. Вслѣдствіе давленія съ боковъ и напора воды снизу образовываются длинные, часто въ метръ вышиною бугры съ трещинами наверху.

Съ помощью топоровъ и кирокъ мы прорубили одинъ такой бугоръ. Толщина самого льда оказалась всего 28 сантим. Затѣмъ слѣдовало пустое пространство въ 24 сантим., доходившее до воды, глубина которой до песчанаго дна долины равнялась въ свою очередь почти 1 метру. Вода была прозрачна, какъ хрусталь, свѣтлозеленаго цвѣта; температура ея равнялась — 0.2°. Когда мы заглянули въ отверстіе, то увидѣли идущій въ обѣ стороны какъ-бы длинный туннель надъ тихой ясной поверхностью воды, а также нижнюю поверхность ледяного свода, одѣтаго ледяными цвѣтами, иглами и кристаллами. Все это отливало чудеснѣйшими голубыми и зелеными тонами.

Всѣхъ ледяныхъ озеръ было три, и на берегу самаго маленькаго изъ нихъ, гдѣ былъ разбитъ нашъ бивуакъ, возвышались два типичныхъ „ледяныхъ вулкана“. Изъ ровной горизонтальной почвы бьютъ здѣсь два ключа; поздней осенью вода, разливающаяся кругомъ, замерзаетъ, но самые ключи все бьютъ и мало по малу образуются высокіе ледяные конусы на разстояніи метровъ 50 другъ отъ друга. Одинъ имѣлъ 5 м. высоты и 68 м. въ окружности; другой 8 м. высоты и 206 м. въ окружности. Отъ жерла маленькаго вулкана шли четыре глубокія трещины, теперь наполовину наполненныя льдомъ. Самый конусъ былъ изъ свѣтлозеленаго льда, въ которомъ можно было различить многочисленные слои, образовывавшіеся по мѣрѣ застыванія воды. Жерло было также затянуто бѣлымъ, пористымъ льдомъ, и текущей воды такимъ образомъ не было замѣтно. Итакъ это былъ „потухшій вулканъ“.

Большой вулканъ имѣлъ два конуса — одинъ надъ другимъ. Нижній былъ очень низокъ, уголъ паденія его склоновъ равнялся всего 5°, и состоялъ онъ изъ бѣлаго льда; верхній

имѣлъ куполообразную форму; уголъ его паденія равнялся 30°, въ діаметрѣ-же онъ имѣлъ 20 м. и состоялъ изъ чистаго прозрач-



Киргизы у Тонгелекъ-батыка.
(Съ фотографіи автора).

наго льда. Весь онъ былъ покрытъ сѣтью мелкихъ, перекрещивающихся трещинъ. Жерло его было также затянуто льдомъ,

но вода нашла себѣ новый истокъ черезъ одну изъ боковыхъ трещинъ, гдѣ и имѣла температуру — 0.3°. Мои киргизы сообщили, что въ этихъ двухъ мѣстахъ каждый годъ выростаютъ по два такихъ вулкана, которые, однако, таютъ раннею весной. Нынѣшнюю зиму они были больше обыкновеннаго. Вода, вытекающая изъ боковой трещины вулкана застываетъ, точно лава, едва достигаетъ берега ледяного острова.

Вокругъ насъ разстилалась настоящая ледяная область; къ сожалѣнію, туманъ и снѣгъ застилали видъ. Если глядѣть на западъ вдоль озера, можно вообразить, что стоишь у узкаго морского залива. Горизонтъ, окутанный туманомъ, представляется удаленнымъ безконечно. Направо и налѣво возвышаются горные хребты; изъ тумана выступаютъ только ближайшія ихъ окраины. Маленькія озера начинаютъ замерзать уже въ началѣ ноября, и только въ серединѣ іюня большая часть льда стаиваетъ, и вода стекаетъ тогда въ озеро Каракуль. Только въ одномъ изъ озеръ ледъ таетъ не весь. Почти каждый годъ въ немъ цѣлое лѣто остается на тѣневой сторонѣ ледяная глыба, а въ концѣ сентября вокругъ ея начинаютъ намерзать новые слои льда.

15 марта мы ѣхали по отлого подымающейся долинѣ Мусъ-колъ до самаго конца ея, гдѣ сдѣлали привалъ у сѣвернаго подножья Акъ-байтала, а 16 перевалили черезъ него на высотѣ 4,682 метр., что стоило большихъ трудовъ и взяло десять часовъ времени. Поднялась вьюга и разыгрался небольшой буранъ, окутавшій насъ большими облаками снѣга. Больше-же всего затрудняетъ и истощаетъ силы лошадей до крайности высокое атмосферное давленіе. Онѣ безпрестанно падали, часто останавливались и судорожно втягивали въ себя воздухъ.

Перевалъ представляетъ какъ-бы сѣдло между двумя гребнями; около получаса по крайней мѣрѣ мы ѣхали по почти ровному полю, занесенному снѣгомъ глубиною въ 4 — 5 дюймовъ. На самой высшей точкѣ мы сдѣлали небольшой привалъ. Дулъ сильный югозападный вѣтеръ, и караванъ былъ какъ въ туманѣ изъ снѣжной пыли. Температура равнялась — 11°; вода закипала при 84.61°.

Восточный спускъ съ перевала очень крутъ, но затѣмъ мѣстность опять отлого понижается до слѣдующаго привала

въ Корней-тарты. Мы потеряли еще одну изъ нашихъ изнуренныхъ лошадей, которая пала на Акъ-байталѣ. Одинъ киргизъ купилъ ея шкуру у караваннаго проводника Исламъ-бая за два рубля.

Корней-тарты узкая долина, бока и дно которой наполнены продуктами вывѣтриванія, щебнемъ, гальками и цѣлыми глыбами, между которыми извивается маленькій ручеекъ, покрытый теперь толстымъ льдомъ. На днѣ долины снѣгъ лежалъ сплошнымъ покровомъ, но въ горахъ онъ покрывалъ

Караванъ на перевалѣ Акъ-байталъ.
(Съ фотографіи автора).

толстой пеленой только сѣверные склоны. Нигдѣ не было и слѣда растительности.

По такой мѣстности шли мы дальше на SO. и OSO; около Акъ-гура (бѣлая могила) передъ нами открылись упирающіяся въ долину горы. Здѣсь встрѣтилъ меня высланный комендантомъ Памирскаго поста толмачъ, татаринъ Куль Маметыевъ, въ парадной одеждѣ, увѣшанный шестью медалями, и подалъ мнѣ письмо съ привѣтомъ отъ коменданта. Затѣмъ, мы направились къ Тонгелекъ-батыку (круглая котловидная долина), гдѣ долина Рангъ-куля упирается въ долину Акъ-байтала.

18 марта намъ оставалось только пройти нижнюю часть

послѣдней, которая впадаетъ въ широкую долину Мургаба, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній конецъ пути до нашей ближайшей цѣли. Въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣлось небольшое русское укрѣпленіе; на сѣверозападной башнѣ развивался русскій флагъ „на крышѣ міра“. Мы приблизились; 160 солдатъ и казаковъ выстроились на стѣнѣ и привѣтствовали насъ громкимъ ура. Около воротъ меня сердечно встрѣтилъ комендантъ, капитанъ Зайцевъ съ шестью офицерами. Для меня еще съ недѣлю тому назадъ была приготовлена комната въ офицерскомъ флигелѣ, а для моихъ людей кибитка.

Приведя свой багажъ въ порядокъ, я побывалъ въ прекрасной банѣ, а затѣмъ мы всѣ сошлись къ обѣду въ офицерскомъ собраніи. Я передалъ поклоны изъ Маргелана, меня осыпали тысячью вопросовъ о полномъ приключеній зимнемъ странствіи на Памиръ, потомъ было подано горячащее туркестанское вино, и комендантъ торжественно провозгласилъ тостъ за короля Оскара. И, если гдѣ былъ выпитъ отъ души благодарственный бокалъ, и гдѣ либо радость била такъ черезъ край, такъ это именно здѣсь на „крышѣ міра“, на высотѣ 3,610 метр., вдали отъ шумнаго свѣта, въ сердцѣ Азіи, въ области, гдѣ ближайшими нашими сосѣдями были обитатели скалъ архары, степные волки, да горные королевскіе орлы!

VII.

Народонаселеніе. — Географическій обзоръ. — Памирскій постъ.

Изъ предыдущаго читатель знаетъ, что ведшій насъ на Памиръ путь, шелъ большею частью по необитаемымъ областямъ. Въ русскомъ Памирѣ въ октябрѣ 1893 г. было только 1,232 жителя, между тѣмъ какъ долины Алая и Сары-кола заселены сравнительно гораздо гуще. Въ административномъ отношеніи долина Алая распадается на двѣ половины; западная принадлежитъ къ Маргеланскому уѣзду, восточная къ Ошскому. Если свѣдѣнія, полученныя мною отъ живущихъ

здѣсь киргизскихъ старшинъ, и не безусловно достовѣрны, то все-же не могутъ быть особенно далеки отъ истины и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ быть приведенными.

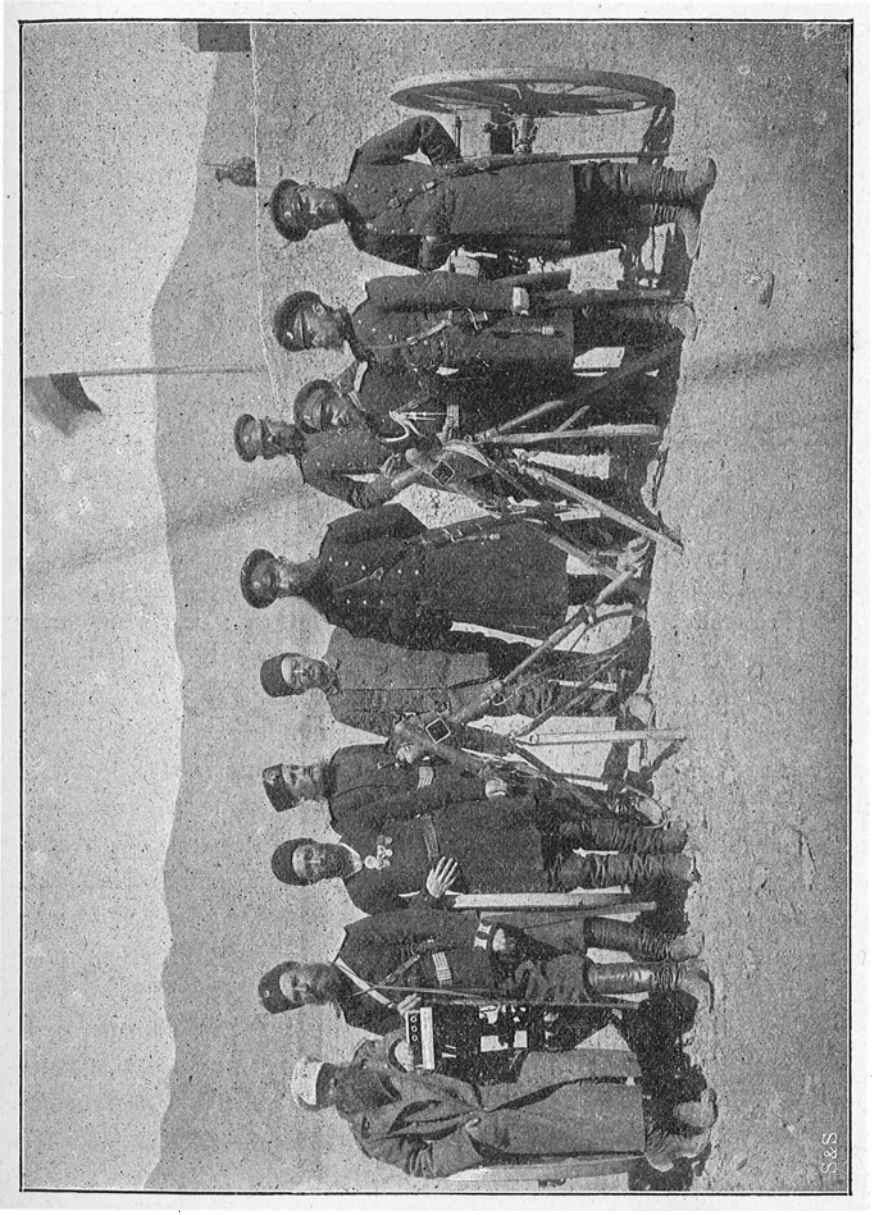
Въ долинѣ Алая, говорятъ, разбросано 15 кышлаковъ, или зимнихъ поселковъ, въ которыхъ насчитывается 270 кибитокъ. Владѣльцы ихъ или остаются въ кышлакахъ цѣлый годъ, или проводятъ нѣкоторое время на плато. Распредѣлены эти 270 кибитокъ, по словамъ киргизовъ, слѣдующимъ образомъ: въ Дараутъ-курганѣ 20, Кокъ-су 120, Кызылъ-ункурѣ 50, Алтынъ-дере 5, Тусъ-дере 45, Кашка-су 20 и Джиптыкѣ 10.

Караванъ въ долинѣ Алая.
(Съ фотографіи автора).

Въ этнологическомъ отношеніи населеніе, говорятъ, подраздѣляется такъ: въ Дараутъ-курганѣ, Алтынъ-дере и Тусъ-дере живутъ *теитъ*-киргизы; въ Кашка-су *теитъ* и *чалъ-теитъ* киргизы; въ Джиптыкѣ *tjojj*-киргизы; въ Кокъ-су *найманъ*-киргизы и въ Каратегинѣ *кипчакъ*, *найманъ*- и *кара-теитъ*-киргизы.

Значительная часть алайскихъ киргизовъ доходитъ зимою до Рангъ-куля, чтобы пасти тамъ свои стада на поросшихъ густою травою безснѣжныхъ степяхъ. Часть киргизовъ зимуетъ, какъ мы это видѣли изъ предыдущаго, въ долинѣ Алая.

Въ концѣ мая, или въ началѣ іюня, когда снѣгъ смѣняется густой сочной травой, въ долину Алая являются богатые и



Въ кругу офицеровъ Памирскаго поста.
(Съ фотографіи автора).

просто зажиточные киргизы, чтобы разбить свои лѣтнія кибитки на берегахъ Кызылъ-су. Здѣсь они устраиваютъ свои „байги“ или игрища, приглашаютъ другъ друга въ гости,

празднуютъ свадьбы, словомъ, проводятъ лѣто въ свое удовольствіе. Большинство остается здѣсь только два мѣсяца, а по истеченіи трехъ въ лѣтнихъ поселкахъ не остается уже никого, — всѣ возвращаются въ зимніе кышлаки въ Фергану. Лѣтомъ въ Кашка-су бываетъ, примѣрно, до 150 кибитокъ.

Киргизы изъ Ошскаго и Андижанскаго уѣздовъ уходятъ лѣтомъ черезъ перевалы Талдыкъ и Джиптыкъ, киргизы изъ Маргеланскаго и Коканскаго уѣздовъ — черезъ Тенгисъ-бай. Такъ какъ Талдыкъ почти каждую зиму бываетъ загражденъ снѣгами, то въ это время года пользуются большей частью переваломъ Тенгисъ-бай. Таджики, которые теперь въ большомъ количествѣ прибываютъ въ Фергану искать заработковъ, всегда направляются черезъ Тенгисъ-бай и почти всегда пѣшкомъ. По самой долинѣ Алая проходитъ важный трактъ, соединяющій Восточный Туркестанъ и Каратегинъ, Бухару, Мекку и Медину, и въ теплое время года по этому тракту проѣзжаетъ и проходитъ множество купцовъ и паломниковъ.

Часть собственнаго Памира, принадлежащая Россіи, подраздѣляется на двѣ волости и семь эминствъ: I Памирская волость дѣлится на 5 эминствъ: 1) Кара-кульское (131 жит.), 2) Мургабское (253 жит.), 3) Рангъ-кульское (103 жит.), 4) Акъ-ташское (239 жит.) и 5) Аличурское (256 жит.); II Кударанская волость на эминства: 1) Сарезское (95 жит.) и 2) Кударанское (155 жит.). Памирская область населена исключительно киргизами; Кударанская главнымъ образомъ таджиками. По возрасту и полу населеніе русскаго Памира, равняющееся въ общемъ 1,232 челов., распредѣляется такъ: 320 мужч., 369 женщ., 342 мальч. и 201 дѣвоч. Всѣ они чистокровные теитъ-киргизы.

Статистическія свѣдѣнія эти собраны были въ октябрѣ 1893 г. капитаномъ Зайцевымъ. Предшественникъ его, капитанъ Кузнецовъ, предпринялъ въ октябрѣ 1892 года народную перепись, давшую слѣдующіе результаты: 255 мужч., 307 женщ., 299 мальч., 194 дѣвоч., итого 1,055 чел. Такимъ образомъ въ слѣдующемъ году приростъ населенія оказался въ 177 человѣкъ. Большую часть этого прироста надо отнести насчетъ переселенія въ русскій Памиръ киргизовъ изъ сосѣднихъ китайскихъ и афганскихъ областей, привлекаемыхъ

сюда тѣмъ, что подъ мудрымъ и гуманнымъ управленіемъ русской администраціи живется куда легче.

Наиболѣе населенные зимніе кышлаки лежатъ около Рангъ-куля, Кошъ-агыла и Акъ-таша. Въ Аличурскомъ Памирѣ много ауловъ, и даже расположенная на югъ отъ Кара-куля долина Пшарта обитаема. На Мургабѣ, недалеко отъ укрѣпленія, расположенъ небольшой Мургабскій аулъ.

По вычисленіямъ капитана Кузнецова выходитъ, что вышеупомянутые 1,055 киргизовъ занимаютъ 227 кибитокъ и имѣютъ 20,580 головъ овецъ, 1,703 домашнихъ яковъ, 383 верблюда и 280 лошадей. Таджиковъ въ западномъ Памирѣ онъ насчитывалъ около 35,000 челов.

Восточный Памиръ, или та часть нагорья, которая простирается къ востоку отъ хребта Сары-колъ, принадлежитъ Китаю, и относительно этой части, разумѣется, не существуетъ никакихъ достовѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній. Бекъ изъ Су-баши (къ югу отъ Малаго Кара-куля) сообщилъ мнѣ, что въ области около этого озера обитаютъ 300 теитъ-киргизовъ, имѣющихъ 60 кибитокъ. Самъ онъ былъ старшиною 286 кибитокъ, большинство которыхъ находилось, однако, къ востоку отъ Мустагъ-аты. Всѣ памирскіе киргизы зовутся своими ферганскими соплеменниками попросту сарыкольцами.

Приведенныя цифры показываютъ, насколько рѣдко населено Памирское плато, да и нельзя ожидать иного отъ области, гдѣ свирѣпствуютъ холода и бураны и гдѣ пастбища рѣдки и тощи. Изъ двухъ „не имѣющихъ стока водъ“ областей Кара-кульской и Рангъ-кульской обитаема осѣдлыми киргизами только послѣдняя. Киргизы Кара-кульской области чистые кочевники. Кибитки ихъ были въ мое посѣщеніе разбросаны на югъ и югозападъ отъ озера, берега котораго оставались, напротивъ, совершенно необитаемыми. Весною, лѣтомъ и осенью пастбища вокругъ Кара-куля посѣщаются тѣми киргизами, которые направляются къ озеру Рангъ-куль, или оттуда. Къ зимѣ пастбища бываютъ совершенно объѣденными скотомъ, который пасется здѣсь поздней осенью.

Подобно тому, какъ Рихтгофенъ подраздѣляетъ весь азіатскій материкъ на три различныя области: *центральную*, не имѣющую стока водъ въ моря, *периферическую*, въ которой

воды стекаютъ по направленію къ берегамъ материка, и *переходную*, представляющую среднее между двумя вышеназванными, можно и на Памирскомъ нагорьѣ различить въ малыхъ масштабахъ подобныя-же области или зоны. Въ „центральной“ воды стекаютъ въ озера Кара-куль и Рангъ-куль, въ „периферической“ въ Аму-дарью (Аральское море) и въ Таримъ (Лобъ-норъ).

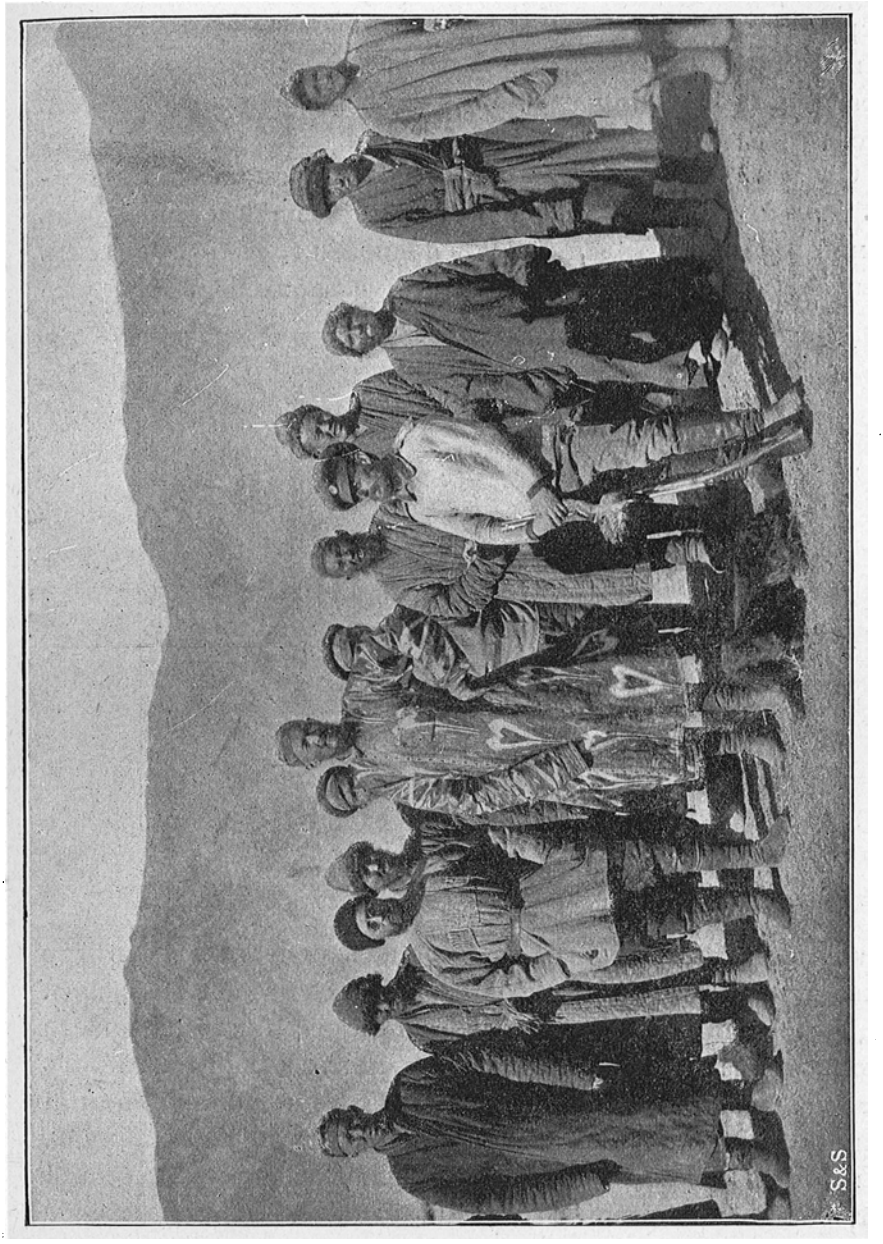
Неимѣющія стоковъ области прежде всего отличаются непрерывнымъ процессомъ нивеллированья, происходящимъ въ ихъ границахъ и состоящимъ въ томъ, что всѣ продукты вывѣтриванья горныхъ породъ и ихъ механическихъ передвиженій переносятся съ окраинъ въ глубочайшія впадины поверхности, чтобы, отлагаясь тамъ, сгладить неровности почвы.

Хотя это общее правило находитъ подтвержденіе и въ области Кара-куля, мы находимъ здѣсь значительныя относительныя высоты: горы, расположенныя къ западу отъ озера, возвышаются надъ его уровнемъ почти на 1,200 метр.; самое-же озеро, лежащее на абсолютной высотѣ 4,000 метр. имѣетъ глубину до 230.5 метр., для соленого озера центральнаго азіатскаго бассейна необычайно значительную. Здѣсь нивеллирующій процессъ еще не успѣлъ заполнить впадинъ. Дно озера, какъ я констатировалъ при промѣрѣ лотомъ, однако, все покрыто тонкимъ слоемъ ила.

Горныя цѣпи, окаймляющія не имѣющія стока области Кара-куля и Рангъ-куля, достигаютъ значительной высоты, и ведущіе черезъ нихъ перевалы представляютъ весьма неглубокія впадины въ гребняхъ. Перевалъ Кальта-даванъ имѣетъ высоту Монблана (4,810 м.), Кызылъ-артъ 4,271 м., Акъ-байталъ 4,682 м. и Джагатай 4,730 м. Озеро Рангъ-куль отмѣчаетъ глубочайшую впадину области, имѣющую 3,731 м. абсолютной высоты. Площадь названныхъ переваловъ равняется только 5,500 кв. килом. или немного больше, нежели поверхность озера Исыкъ-куль.

Хотя такимъ образомъ относительныя высоты и значительны, путешественникъ, направляющійся изъ Ферганской долины въ восточный Туркестанъ, не можетъ не замѣтить, что нагорье между Кызылъ-артомъ къ сѣверу, Акъ- байталомъ къ югу и Джагатаемъ къ востоку имѣетъ совершенно иной ха-

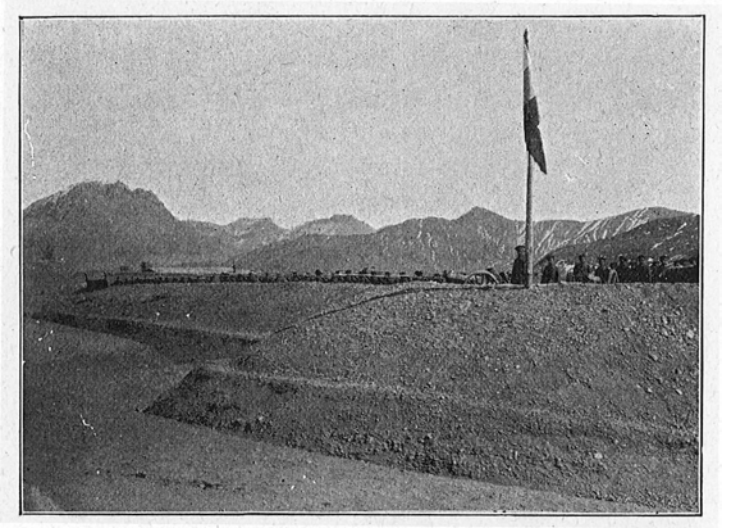
рактеръ, нежели область внѣ этихъ границъ. Здѣсь собственно нѣтъ нагорья, а плато, которое на сѣверѣ и на югѣ ограничено поперечными горными хребтами, а на востокѣ продольными. Путешественникъ, покинувъ богатый отрогами



Группа, снятая во время пребыванія на Памирскомъ посту. Третья фигура слѣва татаринъ Кулъ Маметьевъ, участвовавшій въ первомъ восхожденіи на Мустагъ-ату.
(Съ фотографіи автора).

Алайскій хребетъ и перерѣзавъ долину Алая, достигаетъ по отлогой долинѣ гребня Заалайскаго хребта съ переваломъ Кызылъ-артъ, откуда открывается широкій видъ на плато съ его сравнительно отлогими склонами и округленными формами; горныя цѣпи здѣсь не имѣютъ какого-либо преобладающаго направленія, а просто нагромождены на вообще ровномъ полѣ плато.

Съ теченіемъ времени здѣсь накопились массы продуктовъ разложенія горныхъ породъ; повсюду виднѣются щебень и камни различной величины, а у подножія горъ образовались цѣлые бугры изъ щебня. Словомъ, разложеніе здѣсь уже



Памирскій постъ. Сѣверная стѣна.
(Съ фотографіи автора).

далеко шагнуло, и только въ высшихъ поясахъ, гдѣ вѣтру полный просторъ, еще выступаютъ кое-гдѣ оголенныя скалы.

Долины плато очень широки и отлоги, и дно ихъ часто кажется горизонтальнымъ; посреди нихъ весной и лѣтомъ струятся небольшія рѣчки, питаемыя горными ключами и тающими снѣгами и впадающія въ Кара-куль и Рангъ-куль. Виды здѣсь часто попадаются очень величественные, но всегда безотрадно однообразные, особенно зимою. Ни одно живое существо не оживляетъ этихъ пустынныхъ картинъ; только съ помощью очень хорошаго бинокля можно открыть вдали мирно пасущіяся стада архаровъ или каменныхъ барановъ. Ни-

гдѣ не видно ни людей, ни жилья человѣческаго; пастбища малочисленны и тощи; повсюду голая безжизненная почва, напоминающая поверхность луны.

Въ противоположность другимъ, не имѣющимъ стока водъ, бассейнамъ Центральной Азіи, область Кара-куля очень бѣдна пескомъ. Мельчайшіе продукты разложенія горныхъ породъ, безъ сомнѣнія, уносятся постоянными сильными вѣтрами и осѣдаютъ въ болѣе укромныхъ областяхъ. Песчаные и пыльные бураны, однако, не въ рѣдкость на Памирскомъ плато; они-то, вѣроятно, и создали названіе „Сары-каръ“ — желтый снѣгъ, посыпая снѣжные сугробы пылью.

Вѣтры и рѣзкіе переходы въ температурѣ сильнѣйшіе факторы, способствующіе разложенію горныхъ породъ. На Кара-кульскомъ озерѣ я видѣлъ причудливо и красиво обточенныя вѣтромъ и пескомъ, часто глубоко выдутыя сіэнитовыя и сланцевыя глыбы. Переходы температуры здѣсь и зимой и лѣтомъ необычайно рѣзки; такъ на Памирскомъ посту наблюдалось 11 января 1894 г. въ 7 ч. утра — 37.8°, а въ 1 часъ пополудни + 12° (на солнцѣ), т. е. на протяженіи всего 5 ч. разница въ 50°! Инсоляція здѣсь невѣроятная, и даже въ такихъ случаяхъ, когда температура атмосферы выражалась въ градусахъ холода, инсоляціонный термометръ показывалъ 56 и 58°. Процессъ вывѣтриванья идетъ, такимъ образомъ, безостановочно вѣками, и здѣсь передъ нами типичная картина искаженія этимъ процессомъ земной поверхности.

Не имѣющая стока водъ область, какъ кольцомъ, охвачена переходной областью, ограниченною на сѣверѣ Алайскимъ хребтомъ, на востокѣ хребтомъ Сары-колъ, на югѣ хребтомъ Гинду-ку, на западѣ 73° вост. д. Согласно Рихтгофену, подъ переходной областью надо разумѣть такую, которая въ позднѣйшее время вслѣдствіе процесса разложенія горныхъ породъ превращается изъ не имѣющей стока въ периферическую, или наоборотъ и еще въ сильной степени сохраняетъ свой прежній характеръ. На Памирѣ такая область мало отличается отъ центральной, и процессъ разложенія еще не уничтожилъ продуктовъ вывѣтриванья; формы земной поверхности здѣсь округленныя и долины широкія.

Такимъ образомъ периферическая область расширяется за счетъ центральной. На юго-западѣ, напримѣръ, рѣка Кокуй-

бель простираетъ свои щупальцы, не достигая всего на 10 килом. рѣки Мусъ-колъ, впадающей въ Кара-куль. Источники, питающіе Кокуй-бель, лежатъ чуть повыше поверхности озера, и рѣка, говоря языкомъ геологовъ, не нынче, завтра превратится въ стокъ для озера, которое черезъ это станетъ понемногу убывать и вмѣстѣ съ тѣмъ центральная область переходить въ периферическую.

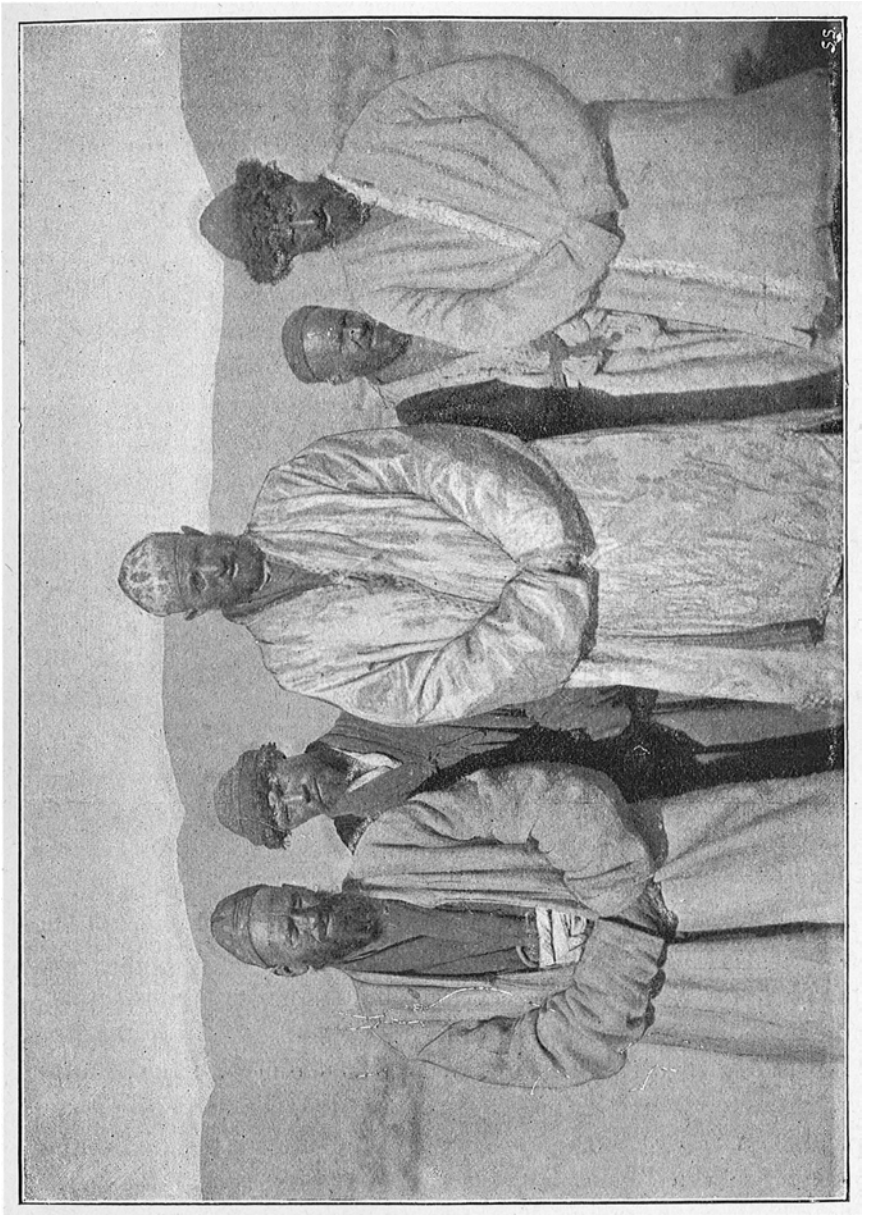
Периферическая, благодаря процессу разложенія, потеряла свой прежній характеръ, свойственный плато, и отличается теперь болѣе сложнымъ развитіемъ рельефа. Формы ея поверхности становятся все рѣзче выступающими наружу, все болѣе дикими, относительныя высоты все увеличиваются, нагорье прорѣзывается глубокими ущельями и узкими долинами, гдѣ горный скелетъ является обнаженнымъ и гдѣ, на днѣ, пѣнятся между каменными глыбами глубокія, узенькія рѣчки.

Къ западу отъ границъ плато рѣки, питающія Аму-дарью, Мургабъ, Гунтъ и Пянджъ, во многихъ мѣстахъ низвергаются между вертикальными стѣнами скалъ, словно по узкимъ коридорамъ, гдѣ могутъ пробираться только бывалые таджики, жители этихъ областей. Есть такія мѣста, гдѣ они переходятъ по вбитымъ ими высоко надъ рѣкою въ трещины отвѣсныхъ скалъ жердямъ, переходятъ съ тяжелыми ношами съ обезьяньей увѣренностью и ловкостью, придерживаясь кое-гдѣ за выступы, углубленія и образованные самой природой карнизы.

Въ пограничныхъ съ Памиромъ областяхъ мы находимъ главныя соотвѣтственныя географическія черты. На сѣверѣ Кызылъ-су течетъ между двумя параллельными хребтами Алайскимъ и Заалайскимъ; на востокѣ по долинѣ Сары-колъ, между хребтами Мусъ-тагъ и Сары-колъ, протекаютъ рѣки Гезъ и Яркендъ-дарья; на югѣ между хребтами Ваханъ и Гинду-ку течетъ Ваханъ-дарья, а на западѣ течетъ Пянджъ между менѣе значительными хребтами.

Долины, по которымъ протекаютъ эти рѣки, образуютъ съ точки зрѣнія живописности переходныя формы отъ расположенныхъ съ наружной стороны горныхъ хребтовъ, глубоко прорѣзанныхъ обильными водой рѣками, къ расположенному внутри этихъ горныхъ хребтовъ ровному плато. Хотя рѣки

Гезъ и Яркендъ-дарья, по Рихтгофену, принадлежатъ въ сущности къ громадной центральной азіатской области,



Таджики изъ Рошана.
(Съ фотографіи автора).

область, которую онѣ видоизмѣняютъ и оживляютъ своими мутными водами, носитъ характеръ периферической области.

Внутри рѣчной области р. Гезъ лежатъ четыре озера;

наибольшіе изъ нихъ Булюнъ-куль и малый Кара-куль, и, какъ сама р. Гезъ, такъ и Кара-су, притокъ Яркендъ-дарьи, питаются главнымъ образомъ водой, образующейся при таяніи снѣговъ и ледниковъ на Мустагъ-атѣ. Весною и лѣтомъ воды въ нихъ поэтому значительно прибываетъ. 28 апрѣля притокъ воды въ р. Гезъ равнялся 24 куб. м. воды въ секунду, и мы съ трудомъ перебрались черезъ нее. Позже, лѣтомъ, ея и совсѣмъ нельзя перейти вбродъ. Съ непреодолимой силой прорываютъ обѣ эти обильныя водою рѣки мощный хребетъ Мусъ-тагъ. Яркендъ-дарья, доставляющая Тариму главную массу воды, и есть его настоящій истокъ.

Въ главныхъ чертахъ Памиръ распадается на двѣ части, изъ которыхъ восточная представляетъ въ сущности плато, тогда какъ западная систему параллельныхъ широтныхъ хребтовъ. Безъ сомнѣнія, прежде все это было однимъ сплошнымъ плато, надъ уничтоженіемъ котораго безпрерывно работаетъ процессъ разложенія. Всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Памиръ и считался однимъ большимъ плато; теперь-же извѣстно, что этотъ, окруженный огромными горными хребтами, четыреугольникъ представляетъ большое разнообразіе всевозможныхъ видовъ и формъ земной поверхности.

На Памирѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ земного шара, рѣзкія формы рельефа служатъ границами между различными поясами климата. Внутри плато снѣгу бываетъ мало, но холода стоятъ жестокіе, и только въ теченіе двухъ-трехъ недѣль лѣтомъ температура ночью держится выше нуля. Въ долинѣ Алая климатъ, напротивъ, значительно мягче, но скопленія снѣга бываютъ огромны, и даже въ долинѣ Сары-колъ выпадаетъ не мало снѣгу. Вслѣдствіе такого неравномѣрнаго распредѣленія осадковъ, рѣки, протекающія по областямъ, обильнымъ снѣгомъ, многоводнѣе рѣкъ плато. Такъ, напримѣръ, я нашелъ, что Кызылъ-су была почти вчетверо больше Мургаба (Акъ-су), истока Аму-дарьи, несмотря на то, что притокъ воды въ послѣднемъ я измѣрялъ цѣлымъ мѣсяцемъ позже. Притокъ воды въ Кызылъ-су равнялся 27 куб. м., а въ Мургабѣ только 7.15 м. въ секунду.

Границы переходной области могутъ разсматриваться, какъ этнологическіе и лингвистическіе межевые столбы. Вну-

три этихъ границъ обитаютъ въ весьма маломъ количествѣ исключительно кочевники киргизы, а въ областяхъ, расположенныхъ къ западу отъ этихъ межевыхъ столбовъ, въ Дарвазѣ, Рошанѣ и Шугнанѣ одни таджики, но въ гораздо большемъ числѣ. Такое распредѣленіе, по всей вѣроятности, не только случайное. Соотвѣтственно временамъ года, кочевники гоняютъ свои стада съ мѣста на мѣсто по болѣе ровнымъ свободнымъ нагорьямъ, избѣгая глубокихъ долинъ периферическихъ областей и высокихъ, крутыхъ горъ, которыя только стѣсняли-бы ихъ передвиженіе. Напротивъ, таджики, народъ осѣдлый, живущій совершенно въ иныхъ условіяхъ, нежели кочевники.

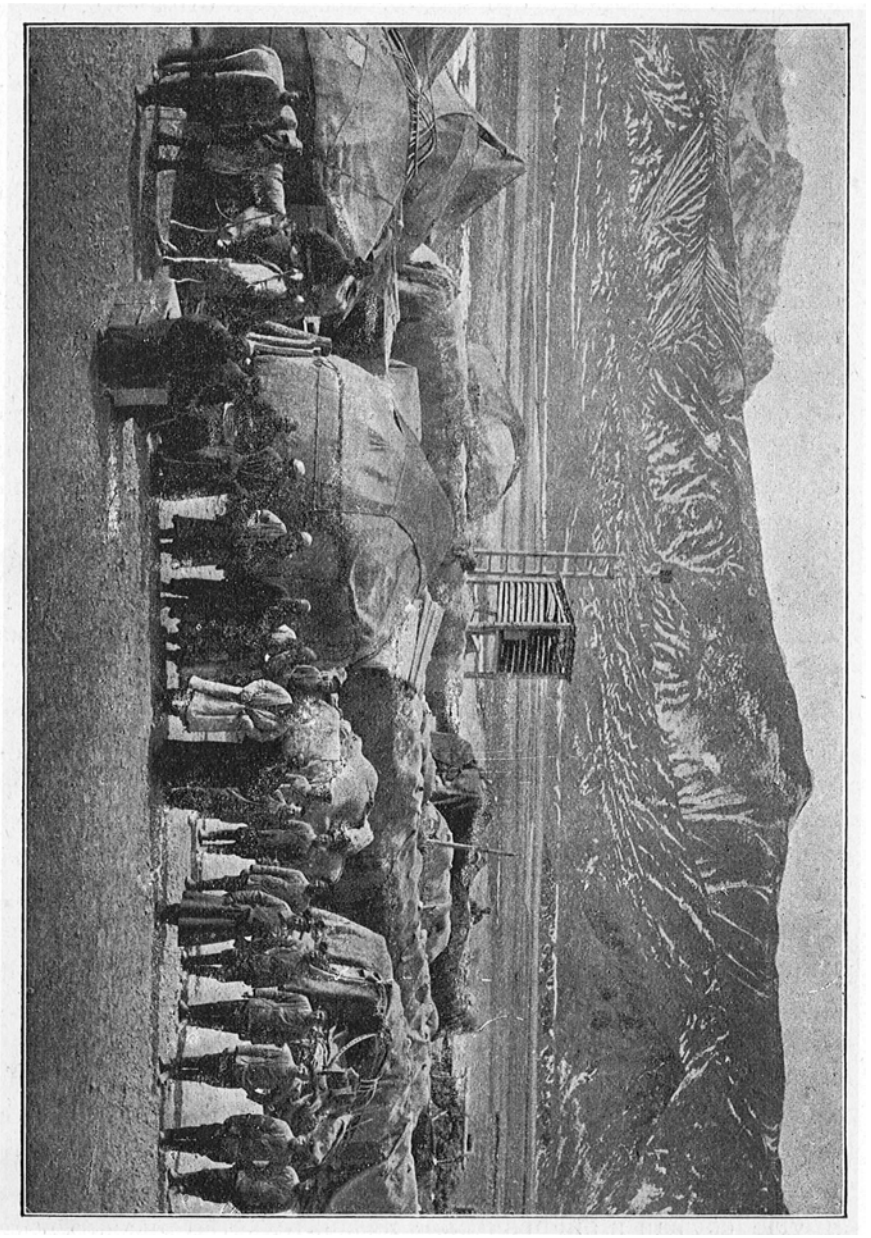
Этнографическія границы само собою обусловливаютъ и лингвистическія. Киргизы имѣютъ свои собственныя тюркскія географическія названія, таджики свои собственныя персидскія. Поэтому верховья всѣхъ рѣкъ, текущихъ на западъ, носятъ киргизскія названія, а низовья персидскія. Напримѣръ: Акъ-су — Мургабъ, Гурумды — Гунтъ. Изъ двухъ текущихъ рядомъ рѣкъ одна называется Кокуй-бель, такъ какъ ея долина посѣщается киргизами, другая Кудара, такъ какъ на ея устьѣ лежитъ поселокъ таджиковъ.

Послѣ этого географическаго обзора, я прошу позволенія удѣлить мѣсто краткому описанію самого укрѣпленія, въ которомъ я провелъ время съ 19 марта по 7 апрѣля, и образа жизни въ немъ.

На правомъ берегу Мургаба, на высотѣ 3,600 м., возвышается укрѣпленіе Памирскій постъ, какъ грозный протестъ противъ совершавшагося въ послѣдніе годы наступленія афганцевъ и китайцевъ въ области Памира, принадлежавшія прежде къ ханству Коканскому.

Первое время послѣ того, какъ ханство это было завоевано въ 1875—76 г. русскими, на Памиръ, эту крайне рѣдко населенную и трудно доступную мѣстность, почти не было обращено вниманія. Даже столь умный вообще Скобелевъ не подумалъ о ней. Но вотъ къ ней стали настойчиво тянуться другіе сосѣди и энергическое вмѣшательство русскихъ стало необходимымъ. Знаменитая экспедиція полковника Іонова была первымъ шагомъ, который имѣлъ серьезныя послѣдствія и во всякомъ случаѣ способствовалъ къ возбужденію вопроса о

Памирѣ, столь горячо обсуждавшагося въ послѣдніе годы. Лѣтомъ 1895 г., когда была созвана для опредѣленія границъ



Крѣпостной дворъ Памирскаго поста; вдали, на югѣ у подошвы хребта Базаръ-дере, видна рѣка Мургабъ.
(Съ фотографіи автора).

англо-русская коммисія, вопросъ этотъ и получилъ свое окончательное разрѣшеніе. Ко времени-же посѣщенія мною Памира, дѣло подвинулось настолько, что на „крышѣ міра„

воздвиглось русское укрѣпленіе съ постояннымъ гарнизономъ.

Укрѣпленіе это, политическое значеніе и цѣль котораго ясны, какъ день, было возведено лѣтомъ и осенью (съ 22 іюня до 30 окт.) 1893 года второй ротою четвертаго туркестанскаго линейнаго батальона. Прямоугольныя стѣны укрѣпленія сложены изъ дерна и мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ, и окружаютъ просторный дворъ, гдѣ находятся офицерскій флигель, и землянки съ бревенчатыми крышами, вмѣщающія казармы, кухню, лазаретъ, баню, мастерскія и пр. Въ нѣсколькихъ войлочныхъ кибиткахъ сохраняются продовольственные запасы и аммуниція; на небольшой метеорологической станціи три раза въ день производятся наблюденія.

Въ углу обращенной къ сѣверу продольной стѣны находятся барбеты, съ митральезами системы Максима Норденфельдта. Обращенная къ югу продольная стѣна идетъ по краю высокой конгломератовой террасы, съ вершины которой укрѣпленіе и господствуетъ надъ долиной Мургаба. Терраса была въ свое время образована теченіемъ рѣки, которая теперь отошла отъ нея на довольно значительное разстояніе. Между террасой и рѣкой остались болота и трясина, изъ которой пробиваются многочисленные прозрачные ключи.

Памирскій постъ наглядное доказательство энергіи офицеровъ, руководившихъ работою и прекрасный памятникъ ихъ трудовъ: возведеніе укрѣпленія на такой значительной высотѣ и такъ далеко отъ всякой цивилизаціи не могло не быть сопряжено съ величайшими трудностями. Весь древесный и прочій матеріалъ приходилось доставлять на вьючныхъ лошадяхъ изъ Ош̆а. Осенью тутъ часто разражались свирѣпые бураны, обдававшіе облаками снѣжной и песочной пыли, а офицеры и команда въ это время должны были ютиться въ киргизскихъ кибиткахъ, которыя вѣтеръ нерѣдко и опрокидывалъ.

Съ Кашгаромъ установились новыя торговыя сношенія, и кашгарскіе купцы пріѣзжаютъ сюда со своими товарами, вымѣниваютъ здѣсь киргизскихъ овецъ, гонятъ ихъ въ Фергану, гдѣ онѣ въ большой цѣнѣ, и съ хорошими барышами возвращаются въ Кашгаръ, черезъ перевалъ Терекъ-даванъ или Талдыкъ.

Комендантъ Памирскаго поста, капитанъ В. Н. Зайцевъ, старый туркестанскій служака, бывшій одно время ординарцемъ Скобелева и участвовавшій въ походахъ на Хиву (1873 г.) и на Коканъ (1875—76 г.). Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ надъ всѣмъ киргизскимъ населеніемъ Памира.

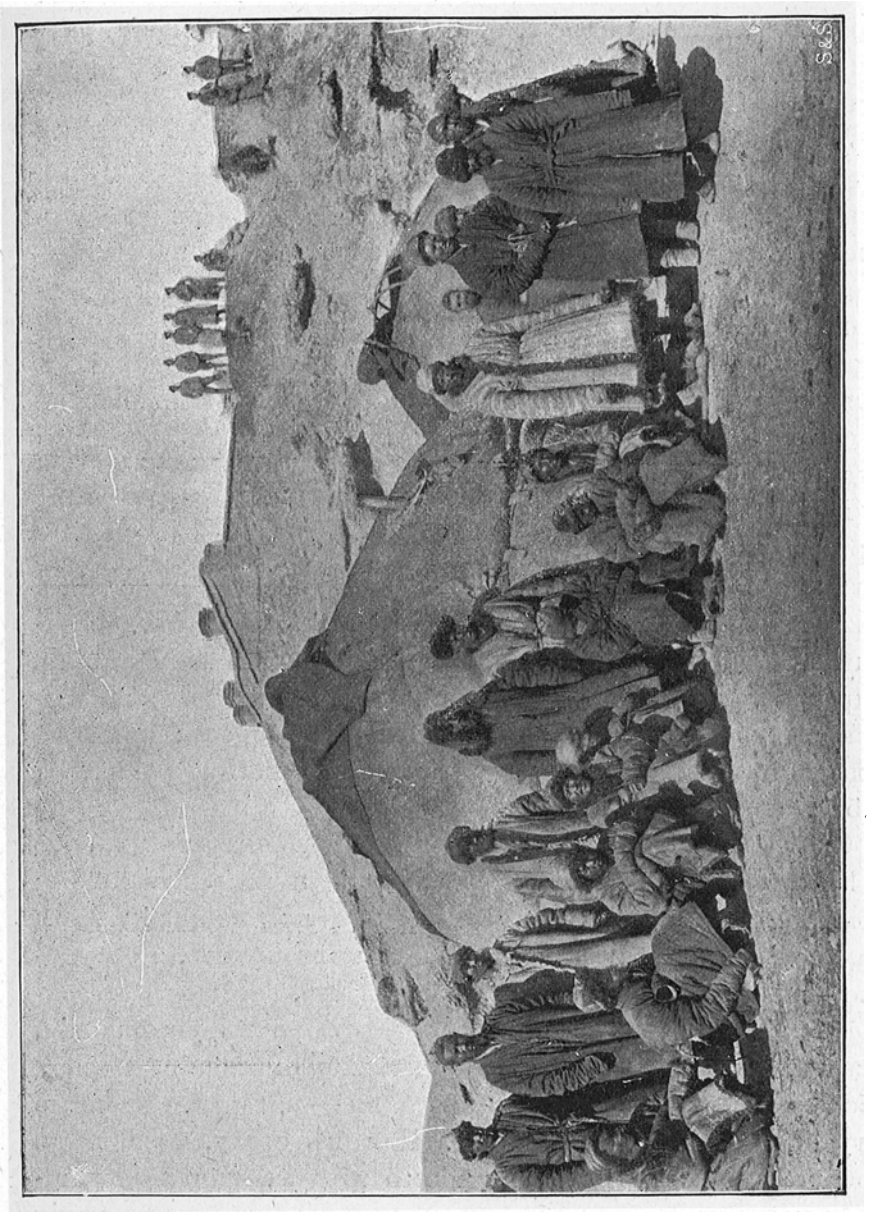
На путешественника-чужестранца Памирскій постъ производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Послѣ долгаго, утомительнаго пути по необитаемымъ, дикимъ горнымъ областямъ, попадаешь вдругъ на этотъ маленькій клочокъ великой Россіи, гдѣ кружокъ милѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ офицеровъ принимаетъ васъ почти какъ земляка, какъ стараго знакомаго. И то сказать, мое прибытіе внесло неожиданную перемѣну въ однообразную, уединенную жизнь въ укрѣпленіи, гдѣ съ сентября мѣсяца кромѣ киргизовъ ни видѣли чужого человѣческаго существа. Узнавъ отъ конныхъ курьеровъ о моемъ приближеніи, офицеры весь день высматривали меня въ бинокли со стѣнъ укрѣпленія, когда-же я въѣхалъ въ ворота, весь гарнизонъ встрѣтилъ меня самымъ сердечнымъ образомъ.

Въ общемъ Памирскій постъ живо напоминаетъ военное судно. Стѣны — это борта, необозримая открытая Мургабская долина — море, крѣпостной дворъ — палуба, по которой мы часто гуляли и съ которой въ сильные бинокли обозрѣвали отдаленнѣйшія границы нашего кругозора, тихаго безжизненнаго кругозора, на которомъ лишь по вторникамъ появлялся одинокій всадникъ. Это джигитъ-курьеръ, привозящій желанную почту изъ Россіи.

Прибытіе его составляетъ настоящую эпоху. Когда онъ въѣзжаетъ во дворъ, всѣ на ногахъ. Адъютантъ коменданта открываетъ почтовыя сумки, и всѣ окружающіе съ напряженіемъ ожидаютъ полученія адресованныхъ имъ писемъ, газетъ и посылокъ отъ родныхъ и друзей. Настоящій сочельникъ, и горько тому, кто остается безъ гостинца, когда всѣ другіе удовлетворены. Такъ было со мной; три раза почта не приносила мнѣ ничего, вслѣдствіе измѣненія мною маршрута. Вся корреспонденція на мое имя шла въ Кашгаръ, и я цѣлыхъ четыре мѣсяца не получалъ съ родины ни строчки.

По полученіи почты весь день проходитъ въ чтеніи; новости съ родины поглощаются съ жадностью, и за обѣденнымъ столомъ офицеры обмѣниваются другъ съ другомъ

полученными свѣдѣніями и впечатлѣніями, произведенными на нихъ важными событіями, произошедшими въ послѣд-



Юрта джигитовъ около Памирскаго поста.
(Съ фотографіи автора).

нее время тамъ далеко, въ водоворотѣ мірового океана жизни.

Порядокъ дня вообще таковъ: утромъ мы пьемъ чай

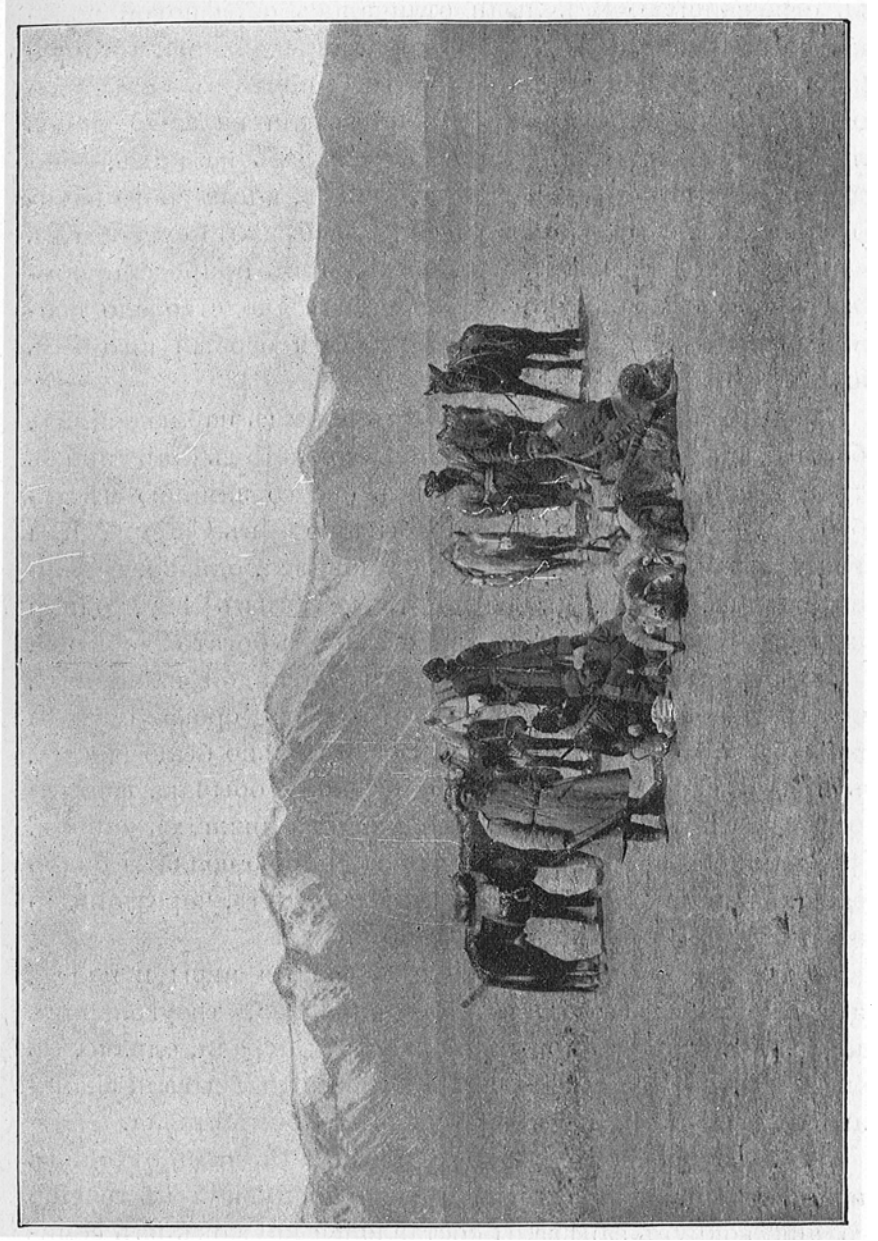
каждый у себя; въ 12 час. громкая барабанная дробь сзываетъ всѣхъ въ столовую къ общему завтраку; затѣмъ опять чай у себя въ помѣщеніяхъ, а въ 6 ч. барабанъ зоветъ обѣдать. Кофе пьютъ, какъ придется, кто одинъ, кто въ компаніи, разбившись на кружки. Спать мы не ложились долго, а около полуночи мы съ комендантомъ еще закусывали.

Ученье производится утромъ; днемъ-же бываютъ учебные классы для солдатъ и казаковъ, обучающихся разнымъ пригоднымъ на военной службѣ предметамъ. Большая же часть времени уходитъ на болѣе мирныя занятія. Съ моимъ прибытіемъ въ укрѣпленіи развилась настоящая манія фотографированья, и, когда я по вечерамъ занимался проявленіемъ снимковъ, меня всегда окружало съ полдюжины зрителей, съ напряженнымъ интересомъ слѣдившихъ за тѣмъ, какъ, словно по волшебству, оживали на снимкахъ горные виды и типы полудикихъ племенъ.

Мы измѣрили притокъ воды въ Мургабѣ и поставили на рѣкѣ около берега измѣрительный столбъ, на которомъ одинъ изъ офицеровъ взялся отмѣчать уровень повышенія и пониженія воды во время наступающей весны и лѣта. Измѣряли мы также глубину промерзанія почвы и дѣлились другъ съ другомъ своими наблюденіями. Результаты моихъ наблюденій на Кара-кулѣ возбудили большой интересъ; никто не ожидалъ, чтобы максимальная глубина могла равняться 230.5 м.

Одинъ изъ моихъ друзей въ Маргеланѣ сказалъ мнѣ, что на Памирскомъ посту чисто рай земной и на мой вопросъ: почему? отвѣтилъ: „потому-что тамъ нѣтъ женщинъ!“ Хотя я далеко не раздѣляю такого взгляда на женщинъ, я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что такихъ мирныхъ, веселыхъ и товарищескихъ отношеній, какія господствуютъ въ укрѣпленіи, поискать, да поискать. Здѣсь никакихъ стѣсненій, полная свобода и простота; куда ни взгляни — потертые военные сюртуки и нечищенные сапоги. Идя къ столу, тоже нѣтъ надобности прихорашиваться; никто не думаетъ о воротничкахъ и манжетахъ, или объ изысканныхъ учтивостяхъ, какія лежатъ на обязанности настоящаго кавалера по отношенію къ дамамъ; словомъ, полная непринужденность. Казаки готовятъ кушанья, служатъ за столомъ, прислуживаютъ въ банѣ, уби-

рают комнаты, стираютъ бѣлье,—женской прислуги ни слѣда. Единственными существами женскаго пола, усмотрѣнными



Возвращеніе офицеровъ Памирскаго поста съ охоты на архаровъ.
Съ фотографіи автора).

мною въ стѣнахъ укрѣпленія, были кошка, пара собакъ, да нѣсколько куриц. Но называть Памирскій постъ раемъ только потому, что тамъ нѣтъ ни одной женщины, черезчуръ.

Капитанъ Зайцевъ является предметомъ всеобщей симпатіи и уваженія; дисциплину между людьми онъ поддерживаетъ строжайшую. Всѣ люди отличались образцовой молодецкой выправкой; долгая, холодная памирская зима, которую гарнизонъ проводитъ въ этой пустынѣ, почти въ такихъ-же условіяхъ, какъ и полярные мореплаватели на замерзшихъ во льдахъ судахъ, нисколько не отражалась на нихъ, — ни слѣда вялости, апатіи, равнодушія. Теперь, когда снова начинало пригрѣвать солнышко, растопляя снѣжные сугробы въ горахъ и ледъ на рѣкахъ и озерахъ, и въ природѣ пробуждалась новая жизнь — въ укрѣпленіи господствовало особенное оживленіе и веселье, пробуждался особый интересъ къ жизни и природѣ.

Каждый день давалъ поводъ къ новымъ наблюденіямъ. На берегахъ Мургаба останавливались пролетомъ стаи дикихъ утокъ и гусей, возвращавшихся изъ своего зимняго мѣстопребыванія — Индіи на лѣтнее пребываніе — въ Сибирь. Для многихъ изъ нихъ отдыхъ здѣсь становился, однако, неожиданно долгимъ. Казаки закидывали также сѣти въ рѣку, ходили на охоту за архарами и часто возвращались съ богатой добычей.

Отношенія между офицерами и командой наилучшія. Тридцать человѣкъ солдатъ за отбытіемъ срока службы должны были вернуться въ Ошъ, и трогательно было видѣть, какъ при прощаніи офицеры, по русскому обычаю, трижды цѣловались съ каждымъ изъ уходившихъ нижнихъ чиновъ. Съ ружьями на плечѣ, съ ранцами за спиною солдаты бодро отправились пѣшкомъ въ 45-ти мильный путь, черезъ плато Памира, въ теплую желанную Фергану.

По воскресеньямъ устраивались разныя игры и плясъ. Музыка хромала; гармоника, два барабана, треугольникъ да пара тарелокъ — вотъ и весь оркестръ; играли, однако, съ огнемъ, и подъ эту музыку лихіе казаки отплясывали знаменитаго трепака такъ, что только пыль столбомъ стояла.

Когда воскресное солнце садилось, а съ нимъ отходилъ на покой и западный вѣтеръ, правильно дувшій въ теченіе всего дня, вокругъ запѣвалы составлялся кружокъ изъ семидесяти пѣсенниковъ, и изъ ихъ здоровыхъ глотокъ вылетали, звонко отдаваясь въ разрѣженномъ, не шелохнувшемся воздухѣ, русскія мелодіи — заунывныя народныя и бойкія сол-

датскія пѣсни. Такой вечеръ состоялся въ послѣднее воскресенье моего пребыванія въ укрѣпленіи. Въ воздухѣ стояла полная тишина, но было холодно, и солдаты укутались въ башлыки. Звѣзды горѣли удивительно ярко; издали, во время паузъ, доносился шумъ Мургаба. Солдаты пѣли съ увлеченіемъ, точно подъ впечатлѣніемъ нахлынувшихъ на нихъ воспоминаній о далекой родинѣ. Мы съ удовольствіемъ прислушивались къ ихъ свѣжимъ голосамъ, раздававшимся подъ безконечнымъ сводомъ небеснымъ!

VIII.

На Мустагъ-ату и въ Кашгаръ.

Я оставилъ Памирскій постъ 7 апрѣля, послѣ солиднаго завтрака въ офицерскомъ собраніи. Комендантъ и всѣ офицеры провожали меня порядочный конецъ. Около рѣчки Акъ-байталъ насъ ждали казаки съ чаемъ. Тутъ я поблагодарилъ за оказанное мнѣ въ эти незабвенные дни широкое гостепріимство, пожалъ въ послѣдній разъ всѣмъ руки и, напутствуемый прощальнымъ маханьемъ фуражками, двинулся къ сѣверу въ сопровожденіи крѣпостного толмача Куль Маметыева, котораго приставилъ ко мнѣ въ видѣ адъютанта комендантъ.

Въ сумерки добрались мы до двухъ озеръ близнецовъ Шоръ-куль — Рангъ-куль, соединенныхъ узкимъ проливомъ, и здѣсь расположились на ночлегъ въ „юламейкѣ“ — маленькой дорожной островерхой палаткѣ безъ дымовой трубы. Рехимъ-бай захворалъ и не могъ нести службы во весь нашъ путь вплоть до Кашгара. Пришлось взвалить его, какъ мѣшокъ, на верблюда и везти всю дорогу. Его замѣнилъ Исламъ-бай; въ это-то путешествіе я и имѣлъ возможность узнать и оцѣнить превосходныя качества этого человѣка.

Снѣгъ попадался теперь очень рѣдко, но ледъ на озерахъ былъ толстъ; только проливъ, къ нашему удивленію, былъ чистъ, и на немъ крякали и гоготали массы гусей и утокъ. По почвѣ видно было, что озера эти мелководны, — кругомъ

разстилались поросшія травою равнины съ пологимъ подъемомъ.

На слѣдующій день я послалъ караванъ прямо къ маленькому русскому форту на Рангъ-кулѣ, а самъ съ четырьмя людьми предпринялъ экскурсію по льду Рангъ-куля съ цѣлью измѣреній. Мы прорубили только двѣ проруби и нашли, что озеро дѣйствительно чрезвычайно мелководно, а именно 1.50 м. и 1. 99 м. глубины. Ледяной покровъ имѣлъ 0. 92 м. и 1.02 м. и былъ покрытъ тонкой пеленой снѣга; только около самаго берега шла небольшая полоса открытой воды. Въ прорубяхъ температура воды равнялась—0.2°; на днѣ, покрытомъ иломъ и тиной, смѣшанными съ перегнившими остатками растеній, +2.8°. На вкусъ вода была почти прѣсная и содержала водоросли и сухія былинки.

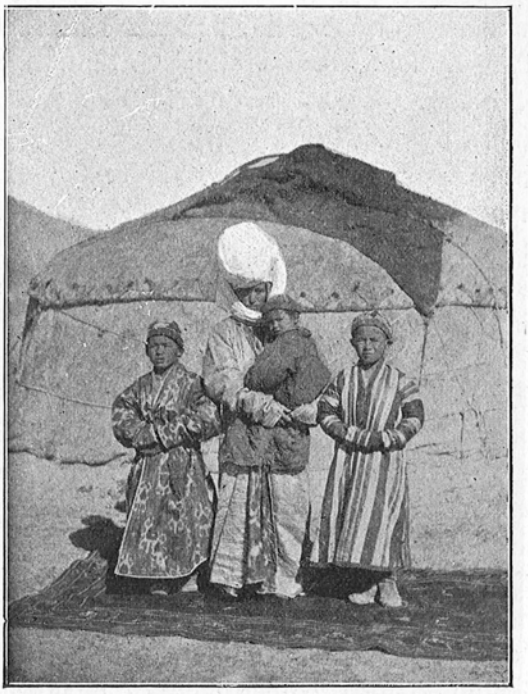
Слово „ранга“ соотвѣтствуетъ Carex physoides, но, вѣроятнѣе, что озеро получило свое названіе отъ дикихъ козъ, водящихся въ этой области въ изобиліи, и извѣстныхъ подъ именами „рангъ“ и „кіикъ“. Шоръ-куль означаетъ соленое озеро; въ немъ вода горько-соленая. Ясно, что вода изъ рѣчекъ и ключей, стекающихъ въ Рангъ-куль, идетъ оттуда черезъ проливъ въ Шоръ-куль, гдѣ и происходятъ процессы испаренія и отложенія солей. Въ восточной части Рангъ-куля находится островъ, расположенный по продольному направленію озера; возвышается онъ всего на 4 м.; отвѣсные и сильно изрытые водой берега его состоятъ изъ голубоватой мягкой глины, годной для лѣпки. Говорятъ, что весной, когда ледъ пройдетъ, тутъ высиживаютъ яйца безчисленныя стаи гусей.

Затѣмъ мы продолжали путь къ форту, гарнизонъ котораго состоитъ изъ коменданта и 36 казаковъ. Здѣсь мы простояли два дня. Выѣхали 11 апрѣля и направились почти прямо на востокъ къ небольшому караванъ-сараю Сары-гай, находящемуся на отрогѣ лежащихъ на сѣверѣ горъ. Къ западу отъ перевала западные вѣтры нанесли громадныя массы песку, образовавшія гигантскія дюны съ мелкой рябью на поверхности.

Къ востоку отъ Сары-гая мы спустились въ широкую, ровную, открытую долину Найза-ташъ, гдѣ раскинулись два киргизскихъ аула; мы сдѣлали привалъ въ лежащемъ больше къ востоку. Аулъ состоялъ изъ 5 кибитокъ, занимаемыхъ

19 джигитъ-киргизами, изъ нихъ было 10 мужчинъ. Зимуютъ они около Рангъ-куля, весну проводятъ въ долинѣ Найза-ташъ, а лѣтомъ снова возвращаются къ озеру. Скота у нихъ насчитывается: 400 головъ овецъ, 40 яковъ, 7 верблюдовъ и 3 лошади.

На слѣдующій день, 12 апрѣля, намъ предстояло перейти временную границу между русскимъ и китайскимъ Памиромъ, т. е. пересѣчь мощный хребетъ Сары-колъ, сіяющій снѣжный гребень котораго былъ виденъ съ Рангъ-куля. Изъ множества ведущихъ въ китайскій Памиръ переваловъ я выбралъ Джагатай, 4,730 м. выс. Итакъ, мы направились на NO. Долина все подымалась, и подъемъ на самый перевалъ оказался очень крутъ и тяжелъ. Почва была крайне неудобна для ѣзды, — ѣхать приходилось все между большими сланцевыми и гнейсовыми глыбами, по большей части занесенными снѣгомъ. Гребень самого перевала очень остеръ. Пока мы отдыхали тутъ, поднялся юго-западный вѣтеръ, и разразился сильный градъ; температура была — 2.8°.



Киргизка (изъ Мургабскаго аула) съ тремя сыновьями.
(Съ фотографіи автора).

По другую сторону перевала мѣстность круто понижается къ сѣверу, и послѣ утомительнаго перехода мы достигли перваго Джагатайскаго аула изъ 4 кибитокъ съ 24 жителями. Другой аулъ, лежащій немного ниже, состоялъ изъ 6 кибитокъ. Здѣсь-то мы и сдѣлали первый привалъ на китайской почвѣ.

Моему появленію уже предшествовали самые несообразные слухи. Разсказывали, что я русскій, готовящійся во главѣ

60 вооруженныхъ казаковъ произвести нападеніе на китайскія владѣнія, и нашего прибытія поэтому ожидали съ большимъ напряженіемъ. Но когда киргизы увидѣли меня одного, въ сопровожденіи маленькой кучки ихъ-же соплеменниковъ, они скоро успокоились, приняли меня очень дружелюбно и тотчасъ-же послали гонца въ китайскую крѣпостцу Булюнъ-куль, гдѣ комендантомъ былъ Джанъ-дарынъ.

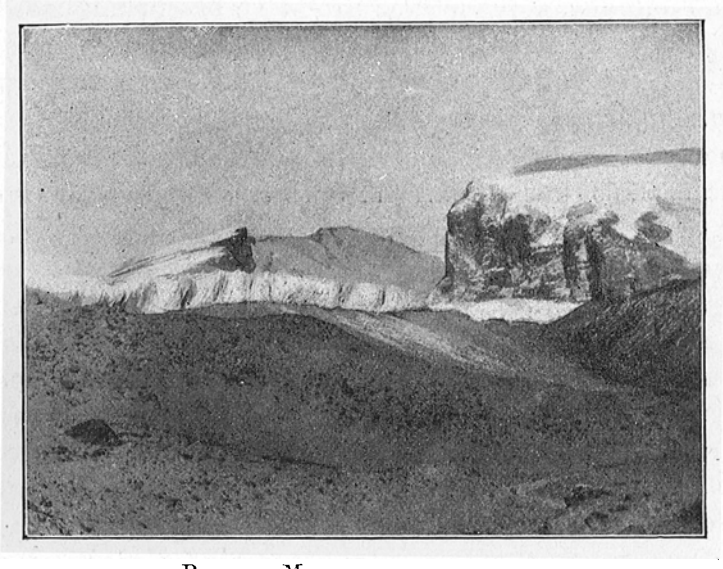
На слѣдующее утро явились трое посланцевъ съ привѣтомъ и порученіемъ собрать свѣдѣнія о насъ и о цѣляхъ нашего путешествія. Главный посолъ былъ Османъ-бекъ изъ Тагдумбаша, высокій, красивый, интеллигентнаго вида киргизъ въ бѣломъ тюрбанѣ, старшина „ланзы“ *) около Булюнъ-куля. Другой, Яръ-Мухаммедъ-бекъ, былъ начальникомъ пограничной стражи около Кіякъ-баша. Третій былъ мулла. Всѣ трое были въ бѣлыхъ тюрбанахъ и пестрыхъ халатахъ. Исполнивъ данное имъ порученіе, они вернулись въ Булюнъ-куль, чтобы разсказать обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

Аулъ былъ расположенъ близко отъ мѣста соединенія Джагатайской долины съ долиной Акъ-берды. Ручьи во время половодья размыли мощныя отложенія конгломератовъ, такъ что обточенныя глыбы во многихъ мѣстахъ грозятъ рухнуть съ отвѣсныхъ скалъ. Долина Акъ-берды такъ-же сильно размыта, изрыта и загромождена конгломератовыми глыбами. Какъ я уже говорилъ выше, хребетъ Сары-колъ составляетъ пограничную линію между двумя различными по характеру областями; по сію сторону его идетъ центральная, не имѣющая стока область съ широкими сглаженными долинами, а по ту сторону, т. е. на востокъ отъ хребта, периферическая область съ рѣзко очерченными, узкими долинами, гдѣ процессъ разложенія горныхъ породъ въ полномъ ходу.

13 апрѣля мы сдѣлали небольшой переходъ до впаденія долины Акъ-берды въ долину Сары-колъ. На берегу рѣчки была приготовлена для меня небольшая жалкая кибитка, покрытая продранными кошмами. Она была предусмотрительно разбита въ разстояніи всего 3 „кичкеримовъ“ (кичкеримъ — разстояніе, на которомъ слышенъ человѣческій голосъ) отъ

*) Китайскій крѣпостной гарнизонъ въ 100 чел.

крѣпостцы. Едва мы успѣли расположиться, какъ „юзъ-баши“ (сотникъ) возвѣстилъ о прибытіи съ визитомъ помощника коменданта Булюнъ-куля, киргиза Тюря-Келды-Савгана и его собрата, китайца Тзяо-дарына, изъ Тарбаши, крѣпостцы при входѣ въ долину Гезъ. Мы едва успѣли выйти изъ палатки, чтобы встрѣтить ихъ. Ихъ сопровождало десять верховыхъ китайцевъ, въ сѣрыхъ шароварахъ, башмакахъ и красныхъ мундирахъ, украшенныхъ большими черными китайскими знаками; всѣ были съ ружьями и сидѣли на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ съ красными сѣдлами и длинными брянчащими стременами.



Видъ на Мустагъ-ату съ запада.
На заднемъ планѣ сѣверная вершина группы; на переднемъ ледникъ Ямбулакъ-баши и его морены.
(Съ фотографіи автора).

Я пригласилъ ихъ въ кибитку, гдѣ имъ былъ предложенъ изысканный „дастарханъ“ изъ сардинъ, шоколада, засахаренныхъ плодовъ, кэкса и ликера, нарочно для китайцевъ захваченнаго мною изъ Маргелана. Тзяо-дарыну особенно понравился ликеръ, и онъ спросилъ, сколько онъ можетъ его выпить, не хмѣлѣя. Сигареты также живо пошли по рукамъ, но Тзяо-дарынъ отдалъ всетаки предпочтеніе своему собственному серебряному кальяну.

Поддерживать разговоръ съ этимъ мандариномъ было довольно затруднительно, тѣмъ болѣе, что я въ то время не

былъ особенно силенъ въ киргизскомъ языкѣ. Я говорилъ поэтому по русски Куль Маметыеву, а онъ переводилъ по тюркски толмачу мандарина, сарту изъ Турфана, который, наконецъ, и передавалъ мои слова по китайски своему господину.

Тюря-Келды-Савганъ былъ очень живой и обходительный человѣкъ, къ тому-же тонкій и осторожный дипломатъ. Сначала они не хотѣли позволить Куль Маметыеву, русскому подданному, участвовать въ экспедиціи на Мустагъ-ату, но когда я показалъ имъ свой паспортъ и письмо китайскаго посланника въ Петербургѣ къ дао-таю въ Кашгарѣ, они сдались, но поставили условіемъ, чтобы по окончаніи своей миссіи онъ кратчайшимъ путемъ вернулся въ русскій Памиръ. Бывшій-же съ ними киргизскій элликъ-баши (начальникъ 50 чел.) долженъ былъ немедленно вернуться, такъ какъ у него не было съ собой паспорта. Рехимъ-бая я хотѣлъ отправить на верблюдѣ въ Кашгаръ, такъ какъ положеніе его было весьма серьезно, и ему нуженъ былъ отдыхъ и уходъ, но на это Тюря-Келды-Савганъ не согласился потому что, еслибы киргизъ умеръ въ дорогѣ, китайскимъ властямъ было-бы много непріятностей.

Въ концѣ концовъ я долженъ былъ дать обязательство вернуться, послѣ экспедиціи на Мустагъ-ату, обратно въ Булюнъ-куль и никакимъ другимъ путемъ въ Кашгаръ не направляться. Въ залогъ-же въ рукахъ китайцевъ долженъ былъ остаться одинъ изъ моихъ людей и половина моего багажа. Покончивъ съ этимъ, я изъявилъ намѣреніе отдать визитъ моимъ гостямъ, но они стали извиняться, что не могутъ принять въ укрѣпленіи чужеземца-европейца въ отсутствіи Джанъ-дарына; онъ, впрочемъ, скоро долженъ былъ вернуться изъ Кашгара.

Переговоры эти продолжались битыхъ 5 часовъ, и когда, наконецъ, гости мои собрались уходить, я подарилъ имъ, чтобы расположить ихъ въ свою пользу, тульскій кинжалъ и серебряный кубокъ. Сначала они отказывались, говоря, что это ни съ чѣмъ несообразно, чтобы я, почтивъ ихъ такимъ изысканнымъ дастарханомъ, еще дарилъ ихъ, и что скорѣе слѣдовало-бы наоборотъ, такъ какъ я ихъ гость. Но подъ конецъ они стали сговорчивѣе и выразили надежду отдарить меня, когда я вернусь. Затѣмъ они распростились со мной и

умчались въ облакѣ пыли, въ которой долго еще мелькали ихъ бѣлыя лошади, красные мундиры и блестящее оружіе. Съ тѣхъ поръ о нихъ не было ни слуху, ни духу, если не считать, что они давали мнѣ знать о себѣ весь путь, запретивъ киргизамъ въ этой области снабжать меня бараниной, топливомъ и другими необходимыми предметами.

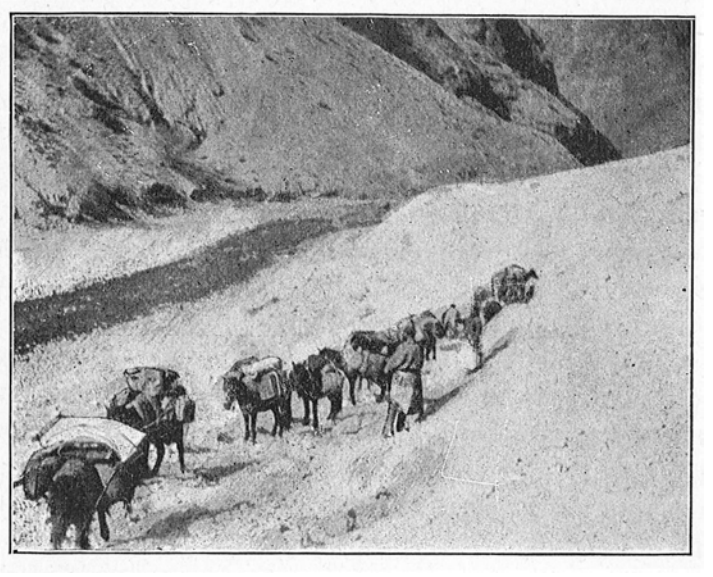
Остатокъ дня пошелъ на приготовленія къ предстоящей экспедиціи. Сопровождать меня должны были только Куль-Маметыевъ, Исламъ-бай и киргизы Омаръ и Хода-Верды при четырехъ вьючныхъ лошадяхъ, нагруженныхъ продовольствіемъ, постельными принадлежностями, тулупами, подарками, аптекой, фотографическими аппаратами, приборами и проч. Все остальное оставалось здѣсь подъ присмотромъ сарта Ходжи, которому было поручено ходить и за больнымъ Рехимъ-баемъ. Послѣдній все не поправлялся, не смотря на весь нашъ уходъ, такъ сильно отозвался на немъ зимній переходъ на Памиръ. Въ лицѣ онъ измѣнился до неузнаваемости, — блѣдный, изнуренный, съ большими стеклянными, равнодушными глазами. Онъ принесъ Аллаху въ жертву барана и сталъ увѣрять, что съ тѣхъ поръ ему стало чуть получше.

Вечеромъ явилось нѣсколько китайскихъ солдатъ съ просьбой позволить имъ осмотрѣть нѣсколько изъ моихъ чемодановъ и ящиковъ съ багажомъ. Какъ оказалось потомъ, въ крѣпости боялись, что мои ящики набиты русскими солдатами, которые, такимъ образомъ, тайкомъ перебрались черезъ границу. То обстоятельство, что вышина ящиковъ не превышала половины человѣческаго роста, не умаляло подозрѣній. Мы открыли китайцамъ нѣсколько ящиковъ, и они успокоились. Тѣмъ не менѣе ночью вокругъ моей кибитки разгуливалъ китайскій патруль, хотя и на довольно значительномъ разстояніи, такъ что его даже не видно было. Ясно, что солдатамъ приказано было наблюдать за нами.

Вокругъ насъ разстилался чудный видъ. Прямо на востокъ, по другую сторону маленькаго озера Булюнъ-куля, виднѣлась мощная гора, окутанная вѣчнымъ снѣгомъ. Это Акъ-тау — „бѣлая гора“, сѣверное продолженіе Мустагъ-аты. Налѣво отъ нея открывалась долина Гезъ, на право широкая долина Сары-колъ. Невдалекѣ отъ нашей стоянки виднѣлся аулъ въ 6 кибитокъ, а въ горахъ кругомъ паслись длинношерстые,

хрюкающіе яки. На югѣ открывалась небольшая долина Кумъ-джилга — „песчаный оврагъ“.

14 апрѣля мы выступили въ путь къ Мустагъ-атѣ. Сильный восточный вѣтеръ гналъ намъ въ лицо тучи мелкаго песку. Мы перешли черезъ два маленькихъ озера около Булюнъ-куля, видѣли вблизи крѣпость и свернули къ SSO по широкой долинѣ Сары-колъ. Большой черный якъ неотступно слѣдовалъ за нами, въ теченіе часа. Мы ужь спрашивали себя, не дрессированный-ли это шпіонъ, но онъ усталъ и отсталъ отъ насъ на одномъ холмѣ.



Мой караванъ въ долинѣ Гезъ.
(Съ фотографіи автора).

Долина Сары-колъ представляетъ мощную выемку въ „крышѣ міра“, то совсѣмъ узкую, то разширяющуюся, усѣянную гальками и глыбами гнейса и окруженную гигантскими горами съ вывѣтрѣлыми склонами. Долина очень бѣдна пастбищами и почти необитаема. Только кое-гдѣ мелькнетъ одинокая кибитка. Къ подошвѣ Мустагъ-аты долина идетъ медленнымъ ровнымъ подъемомъ. Въ одномъ мѣстѣ возвышается колоссальная эрратическая гнейсовая глыба, представляющая, благодаря процессу вывѣтриванья, какъ-бы арку, подъ которой можно проѣхать.

Теперь было ясно замѣтно, что мы на китайской территоріи. Впереди насъ не ждали больше киргизы съ готовой кибиткой, какъ то было въ русскомъ Памирѣ. Пришелъ конецъ нашимъ краснымъ денькамъ, и сколько разъ намъ предстояло ночевать подъ открытымъ небомъ! Такъ, между прочимъ, довелось и въ эту первую ночь пути, и мы старались только найти укромное въ защитѣ отъ вѣтра мѣстечко. Наконецъ, мы нашли такое въ той части долины Сары-колъ, которая носитъ названіе Каинды-дэле (березовая площадка), совершенно неподходящее, такъ какъ никакія березки не качаютъ своихъ зеленыхъ верхушекъ въ этой каменистой, безплодной пустынѣ. Возможно, впрочемъ, что гдѣ нибудь въ окрестностяхъ и росли эти деревья.

Нѣсколько дальше къ югу нависла надъ долиной колоссальная глыба гнейса, и тутъ-же возвышалась низкая, закругленная каменная стѣна, дававшая нѣкоторую защиту отъ вѣтра. Мы расположили наши пожитки, войлоки и весь бивуакъ, какъ могли, удобнѣе въ этомъ подобіи пещеры, и когда супъ, наконецъ, забурлилъ надъ огнемъ, то почувствовали себя и совсѣмъ хорошо. Но вѣтеръ вылъ между камнями, пыль и песокъ такъ и крутились вокругъ насъ, и, когда мы стали ѣсть, на зубахъ у насъ такъ и хрустѣло. Вечеромъ пошелъ было снѣгъ, но часовъ въ 10 погода сразу утихла, и мѣсяцъ освѣтилъ безмолвную, мирную, но дико пустынную мѣстность.

15 апрѣля. Чѣмъ дальше подвигаемся къ сѣверу, тѣмъ болѣе пересѣченной становится мѣстность. Мы достигли небольшого горнаго озера Басыкъ-куля съ глубоко и причудливо изрѣзанными линіями береговъ. Середина озера была покрыта мягкимъ, пористымъ льдомъ, но ближе къ берегамъ стояла открытая вода, чистая, прозрачная и прѣсная. Недалеко отъ озера виднѣлась на одномъ уровнѣ съ почвой окруженная каменной стѣной гнейсовая плита съ древней китайской надписью. По близости-же возвышались еще двѣ отдѣльныя глыбы гнейса, со стертыми ледниковымъ льдомъ боками. На одной изъ нихъ были замѣтны слѣды подобной-же надписи, которая была почти стерта вѣтромъ и пескомъ. Мѣсто это называется „Тамга-ташъ“, или „камень-печать“.

Съ холма открылся видъ на Малый Кара-куль, красивое

горное озеро, окруженное доходящими до облаковъ горами и отливающее голубыми и зелеными тонами. Только около южнаго берега была полоса тонкаго льда. По озеру ходили волны съ бѣлыми гребешками, и на берегу насъ встрѣтилъ настоящій „бризъ“, чистый, свѣжій, морской вѣтеръ; волны звонко и мѣрно ударялись о берегъ.

Тропинка шла совсѣмъ близко отъ озера, отдѣляясь отъ него мѣстами только низкими округленными холмами, остатками старыхъ моренъ, какъ я констатировалъ въ слѣдующее посѣщеніе. Тогда, впрочемъ, я и не подозрѣвалъ, что опять вернусь къ этому озеру, и что берега эти такъ мнѣ полюбятся. Сколько одинокихъ вечеровъ предстояло мнѣ прислушиваться къ мудренымъ сказкамъ, которыя нашептывали каждый вечеръ эти волны, сколько разъ предстояло любоваться горами, глядящимися своими снѣжными вершинами въ Малый Каракуль! Далѣе я буду имѣть случай посвятить этой мѣстности нѣсколько воспоминаній, а теперь спѣшу далѣе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы вдаются въ озеро, и мы иной разъ порядочные концы ѣхали то по водѣ, то по косогору, образовавшемуся изъ осыпавшагося щебня и камней. Къ югу отъ озера открывалась широкая долина рѣки Су-баши, гдѣ паслись большія стада косматыхъ яковъ. Вѣтеръ перешелъ въ настоящій ураганъ, густыя облака пыли и песку и даже самаго мелкаго щебня летѣли намъ прямо въ лицо, такъ что время отъ времени приходилось останавливаться и повертывать вѣтру спину. Во дворѣ крѣпости Су-баши какъ разъ происходилъ осмотръ только что доставленнаго продовольствія. Насъ встрѣтилъ внушительнаго вида всадникъ, начальникъ киргизовъ Су-баши, бекъ Тогдасынъ. Онъ принялъ насъ привѣтливо и проводилъ меня въ свою большую и прекрасно убранную юрту. Со временемъ онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ моихъ азіатскихъ друзей.

Какъ только мы разобрались въ кибиткѣ, явились съ визитомъ всѣ мѣстные киргизы, а съ ними и крѣпостные солдаты (между ними много дунганъ), и пріемъ гостей продолжался безъ перерыва весь вечеръ. Кромѣ того ко мнѣ явились больные изъ окрестностей съ просьбой о лѣкарствахъ. Одна древняя старуха страдала коканскою болѣзнью, другой паціентъ жаловался на зубную боль, у третьяго болѣлъ носъ,

а одинъ солдатъ дунганъ жаловался, что у него всякій разъ, какъ подуетъ вѣтеръ, болитъ животъ, и т. п. Всѣ получили по небольшой дозѣ хинина, такъ какъ чѣмъ горче лѣкарство, тѣмъ болѣе оно внушаетъ къ себѣ довѣрія въ азіатѣ; вообще тутъ главную роль играетъ воображеніе.

На слѣдующій день мы пригласили „на чай“ знатнѣйшихъ киргизовъ аула и нѣсколькихъ китайскихъ солдатъ. Вечеромъ-же я угощалъ ликеромъ и игрой на небольшой шарманкѣ самого бека Тогдасына, и этотъ почтенный человѣкъ пришелъ въ неописанный восторгъ и сталъ клятвенно утверждать, что чувствуетъ себя помолодѣвшимъ на двадцать лѣтъ и что не веселился такъ со временъ владычества надъ Кашгаромъ великаго Якубъ-бека. Онъ припомнилъ, что турецкій султанъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ прислалъ послѣднему большую шарманку.

Занятый мыслью о предстоящей экспедиціи на Мустагъ-ату я еще съ самой долины Алая все выспрашивалъ на этотъ счетъ киргизовъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что подъемъ туда невозможенъ: отвѣсные скаты и обрывы загромождаютъ дорогу повсюду, бока горъ одѣты твердымъ, какъ сталь, льдомъ, и бури, которыя однѣ только и хозяйничаютъ въ этой области, сметутъ насъ, какъ песчинку, если мы осмѣлимся пойти на „великана“.

Мустагъ-ата считается священной горой. Киргизы становятся на колѣни и творятъ молитву, когда проѣзжаютъ мимо или еще только завидятъ ее издали. Тамъ покоятся 72 святыхъ; увѣряютъ даже, что гора эта громадный „мазаръ“ или святая могила, въ которой между другими лежатъ и Моисей и Али. Послѣдній, почувствовавъ приближеніе смерти, предсказалъ окружающимъ, что когда жизнь покинетъ его, съ неба явится бѣлый верблюдъ и унесетъ его тѣло. Дѣйствительно, по смерти святого мужа явился бѣлый верблюдъ, взялъ его на спину и поспѣшилъ на Мустагъ-ату. Въ то, что тамъ почиваетъ и Моисей, киргизы также вѣрятъ незыблемо и нерѣдко даже называютъ гору Хазретъ-и-Муза, т. е. „святой Моисей“.

Въ Су-баши киргизы разсказывали, что одному старому „ишáну“ удалось много вѣковъ тому назадъ взойти на гору. Онъ нашелъ тамъ озеро и рѣчку, на берегу которой пасся

бѣлый верблюдъ. Былъ тамъ и садъ, въ которомъ росли въ изобиліи сливы и расхаживали старые люди въ бѣлыхъ одеждахъ. Ишанъ вкусилъ плодовъ отъ одного сливоваго дерева, и тогда одинъ изъ старцевъ подошелъ къ нему и сказалъ, что счастливъ онъ, не пренебрегши плодами, — иначе и онъ, какъ другіе, былъ-бы обреченъ вѣчно оставаться на горѣ. Затѣмъ его взялъ къ себѣ на сѣдло всадникъ на бѣлой лошади и спустился съ нимъ по обрывамъ. Когда ишанъ вернулся къ себѣ, у него осталось только смутное воспоминаніе о томъ, что было съ нимъ.

Съ этою областью связана и другая легенда изъ временъ знаменитаго хана Ходжи, владычествовавшаго надъ всей страной отъ Кашгара до Манаса. Китайцы отправили къ нему двухъ пословъ, чтобы заключить съ нимъ миръ, но онъ не согласился; одного посла умертвилъ, другому обрубилъ носъ и уши и въ такомъ видѣ отправилъ его обратно къ китайскому императору. Императоръ страшно разгнѣвался и велѣлъ наполнить иглами три котла, обѣщая послать противъ Ходжи столько-же воиновъ, сколько вмѣстилось въ котлахъ иголокъ.

Ханъ Ходжа во главѣ войска въ 70,000 челов. отбивался подъ Манасомъ отъ безчисленныхъ китайскихъ полчищъ цѣлый мѣсяцъ. Подъ конецъ онъ побѣдилъ и съ 32,000 войска вернулся въ Кашгаръ, а оттуда въ Булюнъ-куль, гдѣ произошло новое сраженіе. Съ остатками войска направился онъ къ Малому Кара-кулю, гдѣ китайцы и стали сильно тѣснить его. Въ самую рѣшительную минуту съ Мустагъ-аты спустилось 40 всадниковъ на вороныхъ коняхъ и рѣшили битву въ пользу хана Ходжи.

Въ войскѣ его находился одинъ батырь Чумъ-каръ-кашка, который получилъ отъ своего господина наказъ — никогда не оглядываться въ битвѣ, иначе онъ никогда не побѣдитъ. Въ трехъ битвахъ соблюдалъ онъ наказъ и побѣждалъ, но въ четвертой обернулся и былъ мгновенно пораженъ стрѣлою. Могила его находится на большой высотѣ, около западнаго склона Мустагъ-аты, и одна изъ вершинъ горы носитъ имя батыря.

Китайцы, однако, опять собрали необозримое войско и напали на хана Ходжу около Малаго Кара-куля; тогда 40 всадниковъ сочли за лучшее убраться во свояси на Мустагъ-

ату, — трусость довольно неожиданная, разъ дѣло идетъ о сказочныхъ герояхъ! Ходжа бѣжалъ къ Рангъ-кулю и Корней-тарты; китайцы преслѣдовали его, принудили къ битвѣ и разбили. Войско его было все разсѣяно, и въ концѣ концовъ онъ остался въ темнотѣ съ однимъ только трубачомъ. Ханъ приказалъ трубачу трубить, и остатки его войска мгновенно собрались вокругъ него. Но ихъ было уже слишкомъ мало, чтобы противостоять китайцамъ, тѣ погнали ихъ черезъ горы и долины и мало по малу перебили почти всѣхъ.

Всего съ пятидесятью вѣрными воинами достигъ Ходжа Яшиль-куля — „зеленаго озера“ и тамъ одинъ успѣлъ взойти на высокую гору въ то время, какъ воины его были окружены китайцами. Тогда ханъ далъ знакъ своимъ броситься въ озеро, что тѣ и сдѣлали, и тутъ произошло новое чудо: они никакъ не могли потонуть, а китайцы никакъ не могли попасть въ нихъ, сколько ни стрѣляли. Но ханъ Ходжа умѣлъ выпутаться: взялъ горсть пыли, сотворилъ надъ ней молитву и бросилъ въ озеро, — герои тотчасъ исчезли въ волнахъ! Самъ-же ханъ бѣжалъ въ Бадахшанъ, но шахъ отрубилъ ему голову и отослалъ ее китайцамъ. Тѣло-же его было отправлено друзьями въ Кашгаръ, гдѣ и погребено около Хазретъ-Апака.

Дальше киргизы разсказывали, что на вершинѣ Мустагъ-аты находится древній городъ Джанайдаръ, воздвигнутый въ такія времена, когда всѣ люди на землѣ были блаженны, и такъ какъ потомъ всякія сношенія между городомъ и прочею землею были прекращены, то обитатели его и до сихъ поръ блаженствуютъ. Тамъ находятся сады, въ которыхъ круглый годъ растутъ чудеснѣйшіе плоды и неувядающіе цвѣты; женщины тамъ не старятся и вѣчно остаются прекрасными. Всѣ блага жизни предлагаются тамъ въ изобиліи ежедневно; смерть, холодъ и мракъ изгнаны оттуда навсегда.

Словомъ, Мустагъ-ата, какъ и Демавендъ и другія горы-великаны, окружена таинственнымъ облакомъ преданій и фантастическихъ легендъ. Да и немудрено, что полудикіе киргизы взираютъ на эту гору съ благоговѣйнымъ трепетомъ, если даже европеецъ безсиленъ передъ ея чарами.

Какъ мощный аванпостъ, преграждающій дорогу въ Центральную Азію, возвышается Мустагъ-ата, одна изъ высочайшихъ горъ Памира и всего земного шара, имѣющая

7,800 м. высоты и являющаяся въ то же время достойнымъ продолженіемъ мощныхъ хребтовъ: Гималайскаго, Кунь-луня, Кара-корума, Гинду-ку, собранныхъ на „крышѣ міра“. Гора эта представляетъ кульминаціонную точку идущаго по меридіану хребта, охватывающаго Памиръ съ востока и носящаго названіе „Мусъ-тагъ“ или „ледяныя горы“; имя Мустагъ-ата, т. е. „отецъ ледяныхъ горъ“ показываетъ ея превосходство передъ хребтомъ.

Это дѣйствительно знаменательное имя: какъ настоящій отецъ, вздымаетъ гора свою сѣдовласую макушку надъ головами дѣтей, хотя и они, какъ онъ, всѣ рослые великаны, одѣтые въ бѣло-снѣжные плащи и ледяныя брони. Словно гигантскій маякъ льетъ Мустагъ-ата свое серебряное сіяніе далеко на необозримое пространство песчанаго моря пустыни. Я много разъ видѣлъ ее издалека, мѣсяцами бродилъ по ея склонамъ, притягиваемый ея чарами.

Что-же касается киргизовъ въ Су-баши, то они менѣе пессимистически относились къ подъему на Мустагъ-ату, нежели ихъ соплеменники на Памирѣ. Всѣ соглашались сопровождать меня и стараться до послѣдняго, но думали всетаки, что экспедиція не удастся. У охотниковъ, которымъ случалось заблудиться на большихъ высотахъ, начинала кружиться голова отъ „тяжелаго“ воздуха, и даже ловкіе и быстроногіе архары, когда ихъ загоняютъ къ отвѣснымъ ледянымъ стѣнамъ, отступаютъ назадъ. Даже у королевскихъ орловъ слабѣютъ крылья на такихъ высотахъ.

Поэтому мы снарядились, какъ въ настоящій походъ, рѣшившись во что-бы то ни стало одолѣть великана. Мы положили подстерегать минуту, т. е. благопріятной погоды, въ какомъ нибудь укромномъ мѣстечкѣ и тогда сразу взять его приступомъ. Рѣшено было разбить третій лагерь на возможно большей высотѣ, а оттуда уже производить рекогносцировки и наступленіе.

Въ продолжительныхъ, богатыхъ приключеніями путешествіяхъ часто, однако, бываетъ, что разныя препятствія и превратности идутъ наперекоръ планамъ путешественника, сбиваютъ его на другіе пути, нежели по какимъ онъ рѣшилъ слѣдовать. Подобное пораженіе ожидало и меня на Мустагъ-атѣ. Моимъ намѣреніемъ было, если возможно, добраться до самой

вершины горы и изслѣдовать ея геологическое строеніе, ея ледяной покровъ и гигантскіе ледняки, ползущіе по склонамъ съ быстротой маленькой часовой стрѣлки.

Вмѣсто того, чтобы осуществить этотъ планъ и насладиться сознаніемъ, что находишься превыше всѣхъ земныхъ царствъ и народовъ и попираешь ногами пять частей свѣта, имѣя надъ собой только нѣсколько вершинъ азіатскихъ горъ, я принужденъ былъ, ослабѣвшій и полуслѣпой вернуться въ болѣе теплыя области.

Утромъ 17 апрѣля около моей кибитки выстроился готовый выступить живописный горный караванъ. Состоялъ онъ изъ шести киргизовъ въ теплыхъ бараньихъ тулупахъ, съ посохами въ рукахъ, девяти большихъ черныхъ добродушныхъ яковъ и двухъ барановъ. Яки были навьючены необходимымъ провіантомъ, кирками, заступами, топорами, канатами, тулупами, кошмами и коврами, фотографическими аппаратами и проч. Хрупкіе приборы и бинокли везли въ сакъ-вояжахъ киргизы.

Остальные яки были подъ сѣдломъ. Мы усѣлись на нихъ, простились съ бекомъ Тогдасынъ и пустились въ дальній путь въ гору по направленію SSO. Управляютъ яками посредствомъ бичевки, продѣтой въ носовой хрящъ. Впрочемъ, якомъ немного накомандуешь; онъ большей частью изволитъ идти, какъ ему самому вздумается, уткнувъ носъ въ землю, и его хрюканье раздается точно шумъ отдаленной лѣсопильни.

Мы прошли первый ледникъ, отливавшій на склонѣ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ. У подножья его конечной морены лежала гигантская разбившаяся пополамъ гнейсовая глыба. Мѣсто это называется Кемпиръ-кышлакъ, или „бабій поселокъ“. Преданіе гласитъ, что когда ханъ Шугнанскій воевалъ съ киргизами, всѣ разбѣжались отсюда, кромѣ одной старухи, спрятавшейся здѣсь между двумя обломками глыбы.

Подъемъ очень крутъ; нигдѣ не видно твердыхъ, нетронутыхъ разложеніемъ скалъ; мѣстность вся усѣяна гнейсовыми обломками всѣхъ сортовъ и величинъ. Гора состоитъ почти исключительно изъ гнейса и кристаллическаго сланца. Выше въ продуктахъ разложенія горныхъ породъ я находилъ обломки чернаго порфира и сильно спрессованнаго блестящаго сланца; послѣдній находился также въ скалахъ, сложенныхъ

изъ твердыхъ, нетронутыхъ еще процессомъ вывѣтриванья горныхъ породъ, на высотѣ 5,000 м.

Къ вечеру мы достигли свободнаго отъ снѣга мѣстечка, въ защитѣ отъ вѣтра, на высотѣ 4,439 м. Такимъ образомъ мы поднялись отъ Су-баши, расположеннаго на высотѣ 3,756 м., почти на 700 м. Здѣсь мы сдѣлали привалъ и разбили свой простой бивуакъ. Изъ кошмъ и ковровъ, альпійскихъ палокъ и веревокъ киргизы соорудили родъ ширмы, защитившей насъ отъ южнаго вѣтра. Зарѣзавъ одного изъ барановъ, киргизы произнесли молитву: „Аллаху экберъ, бисмиллахъ эррахманъ эррахманъ!“ и мясо еще не успѣло остыть, какъ уже было брошено въ котелъ со снѣговой водой, кипѣвшей надъ костромъ изъ сухого помета.

Вечеромъ подошелъ киргизъ съ еще двумя яками, нагруженными тескеномъ. Развели чудесный огонь, вокругъ котораго мы и усѣлись трапезовать. Живое пламя прыгало и металось туда и сюда, словно легкомысленная танцовщица, цѣлуя окружающихъ и обжигая бороду какого нибудь зазѣвавшагося замерзшаго киргиза, подавая тѣмъ поводъ къ общему веселью. Изъ-за Мустагъ-аты выплылъ мѣсяцъ, окруженный сіяющимъ вѣнчикомъ; огонь мало по малу потухъ, и мы спокойно заснули подъ открытымъ небомъ на горѣ Хазретъ-и-Муза.

На слѣдующій день 18 апрѣля погода была неблагопріятная, холодная, вѣтряная, небо все въ тучахъ, но мы все-таки рѣшили сдѣлать попытку. Взято было лишь три яка, такъ какъ киргизы захотѣли лучше идти пѣшкомъ. По крутымъ извилистымъ тропинкамъ стали мы взбираться по склонамъ, становившимся все круче. Яки подвигаются съ удивительной увѣренностью, но зато часто отдыхаютъ. Когда тучи временами рѣдѣли, глазамъ открывались чудныя картины. Долина Сары-колъ развертывалась внизу, какъ на ладони; на сѣверѣ виднѣлись Малый Кара-куль и Булюнъ-куль, на югозападѣ горные хребты Мургаба, и глубоко внизу подъ нами на западѣ могила батыря Чумъ-кара-кашки; изъ долины она кажется лежащею на большой горѣ; отсюда-же послѣдняя смотрѣла ничтожнымъ холмомъ.

Дойдя до ущелья ледника Ямбулакъ, мы остановились. Находились мы на высотѣ 4.850 м., т. е. выше всѣхъ евро-

пейскихъ горъ. Съ королевскимъ величіемъ выступаетъ ледникъ изъ воротъ своего дворца—глубокаго и широкаго ущелья. Выйдя изъ горъ на открытое мѣсто, онъ становится втрое, вчетверо шире, зато во столько-же разъ тоньше. Старыя и новыя конечныя морены, боковыя и береговыя, ледниковыя ложа — всѣ видны отсюда съ высоты птичьяго полета.

На высотѣ 5,336 м. насъ застигъ буранъ, да такой жестокій, что нѣсколько часовъ пришлось не двигаться съ мѣста, пока, наконецъ, мы рѣшились съ величайшей осторожностью повернуть назадъ по свѣжимъ сугробамъ, скрывавшимъ предательскія ямы и каменныя глыбы. Въ два часа термометръ показывалъ — 4.5°.

Когда мы послѣ многихъ мытарствъ и приключеній вернулись въ нашъ лагерь, мы нашли тамъ кибитку, любезно доставленную мнѣ бекомъ Тогдасыномъ вмѣстѣ съ провіантомъ и топливомъ.

19 апрѣля буранъ разразился и на высотѣ, гдѣ былъ разбитъ лагерь. Ясно было, что хорошей погоды придется ждать долго, и я послалъ Куль Маметыева въ долину запастись продовольствіемъ на нѣсколько дней. Самъ-же я предпринялъ экскурсію съ Исламъ-баемъ и двумя киргизами. Остальные, у которыхъ сдѣлалась наканунѣ сильная головная боль и тошнота — остались.

Экскурсія вышла въ высшей степени интересной и поучительной; дошли мы до мыса ледника Ямбулака; была снята точная топографическая карта, сдѣланы разрѣзы и измѣренія, а также снято съ десятокъ фотографій. Вооружившись веревками, топорами и шестами мы двинулись по леднику и прошли отъ края 320 м.; тутъ насъ остановила трещина въ 18 м. глубины. Если судить по выпуклостямъ льда по близости, доходившимъ до 30 м. высоты, ледникъ долженъ былъ имѣть въ этомъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ 50 м. толщины. Во время этого опаснаго странствія по льдамъ, намъ часто приходилось перепрыгивать черезъ зіяющія трещины, причемъ принимались разумѣется, всевозможныя мѣры предосторожности.

Вечеромъ былъ составленъ планъ подняться на другой день съ кибиткой на южный склонъ горы и оттуда сдѣлать новую попытку. Тутъ, словно по мановенію злого духа у меня

началось воспаленіе глазъ, которымъ я страдалъ прежде, сопровождающееся сильной болью. Всѣ аптечныя средства были испробованы тщетно, и на слѣдующій день боль такъ усилилась, что мнѣ пришлось оставить своихъ и вернуться въ Су-баши. Грандіозный планъ разрушился, съ такимъ трудомъ организованная экспедиція не удалась. Я разсчитался съ киргизами, и Мустагъ-ата, вся залитая теперь солнечнымъ блескомъ и представлявшая чудное зрѣлище — для тѣхъ, кто не страдалъ глазами, — была оставлена на этотъ разъ въ покоѣ.

Такъ какъ болѣзнь глазъ, не смотря на отдыхъ и тепло, все продолжала ухудшаться, то я дня черезъ два счелъ за лучшее отправиться въ Булюнъ-куль, гдѣ осталась половина моихъ вещей, двое людей и шесть лошадей. При отъѣздѣ жители аула и даже нѣкоторые изъ китайскихъ солдатъ распростились со мной истинно сердечнымъ образомъ. Все населеніе аула собралось на проводы и держало себя, точно на похоронахъ, тихо и молчаливо. Черезъ часъ насъ нагнала по дорогѣ кучка солдатъ; служба помѣшала имъ проститься съ нами, и они теперь явились пожелать намъ счастливаго пути. Они провожали насъ добрыхъ полчаса, распѣвая въ нашу честь заунывныя пѣсни; въ общемъ похоже было, какъ будто караванъ нашъ — погребальное шествіе, пѣсенники эти — плакальщицы, а я самъ — покойникъ.

Да, печально было наше шествіе въ это утро 25 апрѣля. Я напринимался салицила и морфина и чувствовалъ себя и глухимъ и взбѣшеннымъ. На лѣвомъ глазу была плотная повязка, а на правомъ, еще здоровомъ, но страшно чувствительномъ къ свѣту, двойное темное стекло очковъ. Весь путь до Булюнъ-куля мы сдѣлали все-таки въ одинъ пріемъ, проѣхавъ безостановочно десять часовъ. Около Кара-куля опять захватилъ насъ буранъ, который въ вечеру усилился, и, когда мы въ темнотѣ прибыли въ Булюнъ-куль, вся мѣстность кругомъ опять была въ зимнемъ нарядѣ.

Джанъ-дарынъ теперь вернулся изъ Кашгара, и я тотчасъ послалъ къ нему гонца съ просьбой доставить мнѣ приличную кибитку, но гонецъ вернулся съ отвѣтомъ, что Джанъ-дарынъ пьянъ, и его нельзя тревожить. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, жалкой кибиткой, въ которую сквозь щели

проникалъ снѣгъ. Я рѣшилъ, впрочемъ, оставаться здѣсь еще нѣсколько дней, такъ какъ мнѣ становилось все хуже.

Но не тутъ-то было. 26-го около полудня явился посланный отъ Джанъ-дарына съ приказаніемъ удалиться изъ Булюнъ-куля рано утромъ на другой-же день,—иначе мнѣ помогутъ убраться его солдаты. Выбора не было, приходилось повиноваться. Спѣшу, впрочемъ, оговориться въ пользу китайцевъ, что непріятный этотъ случай былъ единственнымъ за все время моего путешествія по китайской территоріи. Тутъ мнѣ пришлось имѣть дѣло съ грубымъ неотесаннымъ мандариномъ, впослѣдствіи же я узналъ китайцевъ съ совершенно другой стороны.

27 апрѣля я простился съ Куль Маметыевымъ, который вернулся на Памирскій постъ и позже былъ награжденъ медалью отъ короля Оскара.

Кромѣ того, за оказанные мнѣ услуги получили знаки отличія и многіе изъ офицеровъ укрѣпленія, такъ что неудивительно, если русскіе считали меня переодѣтымъ принцемъ.

Около Тарбаши (начало узкаго прохода) мы свернули къ востоку по глубоко врѣзавшейся въ хребетъ Мусъ-тагъ долинѣ Гезъ. Я потороплюсь провести по ней читателя, такъ какъ самъ не много-то видѣлъ кругомъ,—я почти все время ѣхалъ съ завязанными глазами. По крутымъ головоломнымъ тропинкамъ достигли мы во мракѣ и туманѣ Учъ-каппа („Три каменныя хижины"), гдѣ провели ночь.

На слѣдующее утро предстоялъ трудный переходъ черезъ рѣку Гезъ. Она здѣсь очень быстра и глубока и протекаетъ вдоль стѣны скалъ по правой сторонѣ долины. Здѣсь тропинка круто подымается вверхъ и вьется по почти отвѣсной стѣнѣ скалы. По краю вбиты колья. Люди мои сначала предпочитали было переправу вбродъ черезъ рѣку, но послѣ того, какъ первыя лошади чуть не потеряли подъ ногами почву въ пѣнящихся, глубокихъ водахъ рѣки, рѣшили попытаться ѣхать по тропинкѣ. Медленно взбирались мы на крутой гребень скалы, пока двѣ лошади не устали и не отказались идти дальше.

Опять пришлось обратиться къ рѣкѣ, которую, наконецъ, съ большимъ трудомъ и перешли, принявъ всѣ мѣры предосторожности. Ящики мои перевозили только на лучшихъ лошадяхъ, что очень и задержало насъ, такъ какъ много времени ушло на

перегрузку. Каждую лошадь сопровождали двое верховыхъ, чтобы помочь ей въ случаѣ, если ее опрокинетъ теченіемъ. Крайне жутко въѣзжать съ лошадью въ пѣнящуюся бурлящую рѣку, въ которой не видно дна, такъ что не знаешь, чѣмъ оно покрыто, щебнемъ или гальками, не знаешь мелка рѣка, или глубока. И надо строго держаться брода, если не хочешь выкупаться, что далеко не безопасно, если сидишь съ ногами въ стременахъ, а рѣка неподалеку оттуда круто низвергается, образуя водопадъ въ тѣснинахъ скалъ.

Послѣ того мы не разъ переправлялись черезъ рѣку, то

Мостъ черезъ рѣку Гезъ.
(Съ фотографіи автора).

вбродъ, то по болѣе или менѣе шаткимъ мостикамъ. Особенно живописенъ былъ одинъ. Передней частью онъ опирался на лежащую въ руслѣ громадную округленную глыбу. Долина спускается очень круто, и рѣка образуетъ непрерывные водопады. Узкій проходъ между стѣнами скалъ, гдѣ звуки будятъ громко эхо, былъ наполненъ туманомъ, закрывавшимъ горизонтъ. Дорога, до крайности каменистая и бугристая, все время идетъ между высоко вздымающимися стѣнами конгломерата. Круглыя гнейсовыя глыбы иногда такъ далеко высовываются изъ стѣнъ, что того и гляди оторвутся и сокрушатъ тебя. Куда легче дышется, когда проѣдешь такое мѣсто.

Температура совсѣмъ измѣнилась, и мы только теперь замѣтили, что уже весна. Минимальная температура ночью равнялась —0.1°; по мѣрѣ же нашего углубленія въ долину становилось все теплѣе: около полудня было +8°; въ два часа дня +11.6°; въ 3 ч. +13°; въ 4 ч. +14.5° и въ 8 час. +15°. Мы остановились около Купрукъ-караула, гдѣ минимальный термометръ показалъ въ ночь на 29 апрѣля +4°.

Мѣстность эта пользуется дурной славой, какъ пристанище китайскихъ и кашгарскихъ разбойничьихъ шаекъ. Поэтому ночному караулу приказано было глядѣть въ оба за вещами и лошадьми. Люди посовѣтовали мнѣ держать оружіе на готовѣ. Но о разбойникахъ не было ни слуху, ни духу, и ночь прошла такъ-же спокойно, какъ и всѣ предыдущія.

На слѣдующій день опять предстояла тяжелая переправа черезъ рѣку. Одна изъ вьючныхъ лошадей, на которой кромѣ того ѣхалъ сартъ Ходжа, чуть не захлебнулась. Всѣ бросились въ воду, кто раздѣтый, кто въ одеждѣ, и съ большимъ трудомъ спасли животное и вещи. Ходжа принялъ невольную ванну, съ головой уйдя подъ воду.

Это была не послѣдняя переправа; много разъ еще переходили мы рѣку то вбродъ, то по довольно таки опаснымъ мостамъ; долина понемногу расширилась, и показался лѣсокъ. Около полудня температура равнялась +19°. Мы приближались къ болѣе низменнымъ областямъ съ болѣе мягкимъ климатомъ. Желтоватый густой туманъ стоялъ между стѣнами горъ, и такъ какъ вдобавокъ глаза у меня все болѣли, то я и не много видѣлъ изъ живописныхъ мѣстностей кругомъ.

30 апрѣля сдѣланъ былъ послѣдній переходъ по горамъ, которыя еще съ утра пошли ниже, потомъ смѣнились холмами, стали развѣтвляться и, наконецъ, исчезли въ туманѣ. Мѣстность становилась все ровнѣе, показались поросшія травою поля, и лошади забыли всякую дисциплину. Бѣдныя животныя, прошедшія на Памирѣ черезъ настоящее леченіе голодомъ, не могли удержаться, чтобы не щипать мимоходомъ аппетитную траву.

Перейдя черезъ три небольшіе моста, мы оставили долину Гезъ далеко влѣво. Послѣдній мостъ былъ очень опасенъ, и мы чуть не лишились тамъ одной лошади, которая застряла ногами между перекладинами. Лошадь развьючили и соединен-

ными силами высвободили. Затѣмъ люди исправили мостъ, заткнувъ дыры комками земли.

Около Ташъ-мелыка (собственно Ташъ-балыка, т. е. „каменной рыбы“) находится небольшая китайская крѣпостца, комендантъ которой задержалъ насъ просмотромъ паспортовъ. Послѣднюю ночь мы провели въ городкѣ Тарымъ (земледѣліе) и вечеромъ 1 мая прибыли въ Кашгаръ, гдѣ я нашелъ сердечный пріемъ у моего стараго друга консула Петровскаго и его секретаря Лючша.

IX.

Воспоминанія о Кашгарѣ.

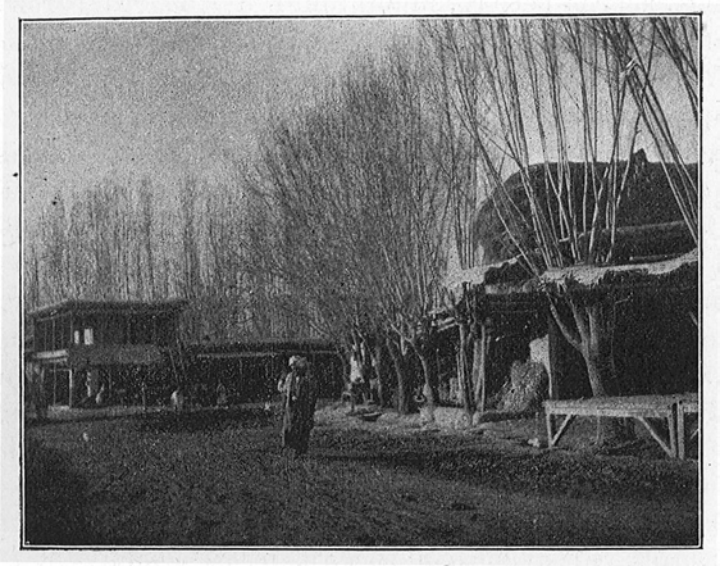
Въ Кашгарѣ я пробылъ 50 дней, дожидаясь, пока поправятся мои глаза, и работая: приводя въ порядокъ мои наблюденія и разрабатывая набросанныя мною карты. Пребываніе въ гостепріимномъ домѣ консула являлось для меня пріятнымъ и необходимымъ отдыхомъ, — всѣ услуги цивилизаціи были тутъ въ моемъ распоряженіи.

Консулъ Петровскій — одинъ изъ милѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей въ свѣтѣ; бесѣда съ нимъ доставляла мнѣ столько-же пользы, сколько удовольствія, такъ какъ онъ человѣкъ науки въ полномъ смыслѣ слова, и сдѣланныя имъ въ окрестностяхъ Кашгара открытія, которыя онъ собирается опубликовать, имѣютъ большое значеніе для археологіи и исторіи. Въ библіотекѣ его собраны всѣ лучшіе труды по описанію Центральной Азіи; рабочая комната его похожа на физическій кабинетъ, обладающій самыми дорогими приборами. Лучшей, нежели этотъ домъ, точки опоры для путешественника по внутренней Азіи, нельзя было-бы и представить себѣ.

Такъ какъ я въ своей первой книгѣ „По Хоррасану и Туркестану“ подробно описалъ и Кашгаръ и его ближайшія окрестности, то не буду тратить здѣсь времени и мѣста на описаніе этого западнѣйшаго изъ китайскихъ городовъ, расположеннаго на западномъ берегу Кызылъ-су и представлявшаго все такой-же сѣрый и пустынный видъ. Скажу только нѣсколько словъ объ европейцахъ и китайцахъ, съ которыми мнѣ пришлось здѣсь столкнуться.

Начну съ персонала русскаго консульства, состоявшаго изъ самого консула Петровскаго, его супруги, секретаря, двухъ офицеровъ, таможеннаго чиновника и 50 казаковъ.

Кромѣ того, за столомъ консула ежедневно появлялось еще одно лицо, Адамъ Игнатьевичъ, полякъ, прибывшій въ Кашгаръ десять лѣтъ тому назадъ въ качествѣ католическаго миссіонера. Это былъ видный старикъ, съ чисто выбритымъ лицомъ и бѣлоснѣжными волосами, носившій бѣлое одѣяніе, а на шеѣ четки съ крестомъ; въ общемъ онъ напоминалъ кардинала на покоѣ. Мы часто подшучивали надъ нимъ за сто-



Базаръ въ среднеазіатскомъ городѣ.
(Съ фотографіи автора).

ломъ; но онъ на самые щекотливые вопросы отвѣчалъ добродушно-веселымъ смѣхомъ и гнался только за хорошимъ глоткомъ водочки.

Никто кромѣ него самого и не вѣрилъ въ его миссіонерство, — за всѣ десять лѣтъ онъ не обратилъ никого, да и не пытался обратить. Самъ онъ, впрочемъ, хвалился что обратилъ на смертномъ одрѣ одну сартскую старуху, но злые языки увѣряли, что старуха была уже мертва, когда онъ обращалъ ее. Въ эту зиму Адамъ Игнатьевичъ частенько захаживалъ ко мнѣ, и мы коротали въ бесѣдѣ цѣлые вечера; иной

разъ, увлекаясь разсказами изъ его полной удивительныхъ приключеній жизни, мы засиживались далеко за полночь.

Между прочимъ, онъ разсказывалъ, что во время польскаго возстанія помогалъ повѣсить одного русскаго священника, и за то былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ около тридцати лѣтъ. По рожденію онъ принадлежалъ къ польскому дворянскому роду Догвилло, но теперь доживалъ свой вѣкъ почти безъ средствъ, одинокимъ, всѣми забытымъ, заброшеннымъ, безъ друзей, безъ привязанностей, не имѣя никого, кто-бы поплакалъ на его могилѣ, когда онъ умретъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ и жизнерадостенъ. Мы сидѣли съ нимъ, болтая у камелька, словно двое отшельниковъ.

Точно такъ-же, какъ и Адамъ Игнатьевичъ, застрялъ въ Кашгарѣ мой старый другъ патеръ Гендриксъ, во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ замѣчательный. По рожденію голландецъ, онъ прожилъ въ Азіи двадцать пять лѣтъ, говорилъ на двадцати языкахъ, неукоснительно слѣдилъ за всѣми событіями міра и былъ вообще богато одареннымъ отъ природы и всесторонне образованнымъ человѣкомъ, составляя въ этомъ отношеніи прямой контрастъ съ Адамомъ Игнатьевичемъ; проживалъ онъ въ индусскомъ караванъ-сараѣ, въ какой-то тѣсной конурѣ безъ оконъ, въ крайней бѣдности, и, повидимому, давно забытый своими европейскими друзьями, такъ какъ почти не получалъ никакихъ писемъ.

Бесѣда-же съ нимъ доставляла большое удовольствіе; онъ бывалъ остроуменъ и веселъ, пѣлъ французскія пѣсни такъ-же хорошо, какъ латинскую обѣдню, и вообще являлся рѣдкимъ оригиналомъ; быстро шагая по мусульманскимъ базарамъ въ своемъ длиннополомъ одѣяніи, въ шляпѣ съ широкими полями, съ посохомъ въ рукахъ, съ длинной бородой и круглыми очками на носу, онъ напоминалъ монаха ордена Сѣрыхъ братьевъ. Одиночество было лозунгомъ и его жизни. Въ одиночествѣ аккуратно служилъ онъ обѣдню, на которой не присутствовало живой души, кромѣ него самого, одиноко сидѣлъ по вечерамъ съ книжкой у дверей своей конуры, не замѣчая шума и гама входящихъ и уходящихъ каравановъ, одинъ готовилъ себѣ необходимую пищу, на какую хватало его ничтожныхъ средствъ, одиноко бродилъ по улицамъ вечерами — вѣчно былъ одинокъ. Встрѣчи съ нимъ радовали меня,

и мы часто сиживали и философствовали съ нимъ вдвоемъ,— я тоже былъ одинокъ, какъ и онъ.

Третій миссіонеръ былъ крещеный магометанинъ, по имени Іоганъ. Онъ изучалъ Коранъ въ Эрзерумѣ и взывалъ съ его минаретовъ: „Ла иллаха иль Алла, Мухаммедъ расуль Улла!“ (Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его). Потомъ онъ принялъ христіанство, два года посѣщалъ миссіонерскую школу въ Швеціи, а теперь переводилъ на кашгарско-тюркское нарѣчіе библію и разыгрывалъ по вечерамъ на скрипкѣ шведскіе псалмы.

Таковы были здѣшніе представители религіи, символомъ которой является крестъ. Я жалѣлъ ихъ: всѣ старанія ихъ были тщетны, труды безплодны, жизнь пуста, тяжела и безцѣльна.

Въ первое мое посѣщеніе Кашгара около Рождества 1890 г. я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться здѣсь съ тремя любезными и симпатичными англичанами: капитаномъ Юнгусбэндомъ и г. Мэкэртнеемъ. Первый уже возвратился въ Индію, но второй оставался еще въ Кашгарѣ и проживалъ въ расположенномъ около общественнаго сада, прекрасномъ комфортабельномъ домѣ, гдѣ онъ не разъ угощалъ насъ съ патеромъ Гендриксомъ чудесными, веселыми обѣдами. Мэкэртней, агентъ индійскаго правительства въ Китаѣ, человѣкъ прекрасно воспитанный и основательно образованный, бѣгло говорящій на всѣхъ главныхъ европейскихъ и восточныхъ языкахъ, особенно на китайскомъ. Занимаемое имъ положеніе далеко не соотвѣтствуетъ его способностямъ и знаніямъ; онъ могъ-бы быть полезнымъ своей странѣ и на болѣе выдающемся посту.

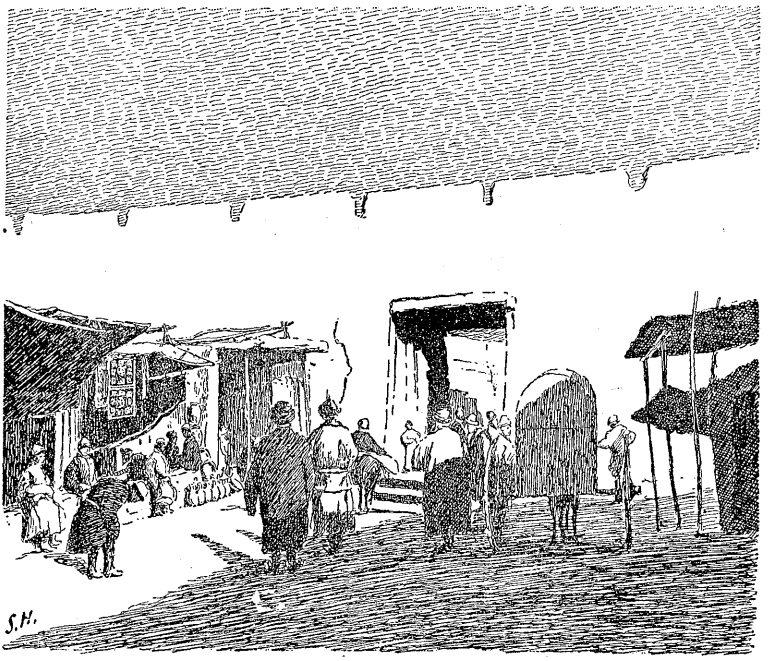
Теперь остается упомянуть о наиболѣе выдающихся китайцахъ, съ которыми я имѣлъ сношенія.

Во главѣ каждой изъ 19 провинцій Китая стоитъ губернаторъ, ближайшіе помощники котораго: вице-губернаторы, управляющій финансовой частью, начальникъ судебнаго вѣдомства и „дао-тай“ *). Власть первыхъ четверыхъ простирается на всю провинцію, послѣдній-же имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи лишь извѣстную область. Такъ, напримѣръ, въ новой

*) „Столбъ закона“. *Примѣч. перев.*

провинціи Синь-цзянь, которая охватываетъ весь Восточный Туркестанъ, Или, часть Джунгаріи и часть Гоби, есть много „дао-таевъ“ или „людей, показывающихъ правые пути“. Въ Урумчи, главномъ городѣ провинціи, свой дао-тай, въ Акъ-су— свой, въ Кашгарѣ свой и т. д.

Если такимъ образомъ районъ власти дао-тая и меньше, зато самая власть его во многихъ отношеніяхъ значительнѣе власти первыхъ названныхъ чиновниковъ: онъ какъ-бы контролируетъ ихъ и можетъ обжаловать ихъ дѣйствія. Поло-



Городскія ворота въ Кашгарѣ.
(Съ рисунка автора).

женіе, занимаемое имъ, живо напоминаетъ положеніе русскихъ провинціальныхъ прокуроровъ при Екатеринѣ II, которые, однако, имѣли право лишь протестовать противъ дѣйствій высшихъ чиновъ, тогда какъ китайскіе дао-таи иногда могутъ и распоряжаться.

Мой другъ Шань, дао-тай кашгарскій, управляетъ обширною областью, которая на сѣверовостокѣ граничитъ съ Акъ-су и, кромѣ самаго Кашгара, обнимаетъ еще Маралъ-баши, Яркендъ, Хотанъ, Кэрію и Черченъ. Должность его

почти исключительно гражданскаго характера, но власть его простирается и на военную область: онъ платитъ жалованье солдатамъ и наблюдаетъ за интендантскимъ вѣдомствомъ. Сары-колъ, или восточный Памиръ, чисто военная область съ временнымъ управленіемъ, организованнымъ приблизительно по образцу русскаго и афганскаго управленій на Памирѣ, носящихъ чисто военный характеръ. Дао-тай, однако, и въ Сары-колѣ пользуется извѣстнымъ вліяніемъ. Онъ даетъ совѣты и разныя свѣдѣнія, но не имѣетъ права распоряжаться.

Дао-тай Шань въ молодости былъ просто писцомъ у одного мандарина, но отличился въ первое возстаніе дунганъ и мало-по-малу, повышаясь въ чинахъ, достигъ нынѣшняго своего высокаго положенія. Онъ былъ поистинѣ человѣкомъ честнымъ и благороднымъ. По наружности онъ, конечно, не былъ Адонисомъ, зато его шафранно-желтая тѣлесная оболочка была обыкновенно облечена въ роскошное одѣяніе изъ голубого шелка, въ складкахъ котораго играли въ жмурки золотые драконы и карабкались по причудливо извивающимся гирляндамъ золотые львы. На его шелковой шапочкѣ торчалъ шарикъ, означавшій, что онъ былъ „дарынъ“ второго класса, а на шеѣ онъ носилъ длинную цѣпь изъ твердыхъ рѣзныхъ плодовыхъ косточекъ.

Одной изъ первыхъ моихъ обязанностей былъ, разумѣется, визитъ къ этому важному господину, который принялъ меня съ отмѣнной любезностью. Обиталъ онъ въ обширномъ „яменѣ“, гдѣ можно было запутаться въ лабиринтѣ четыреугольныхъ дворовъ, съ купами тутовыхъ деревъ посреди и деревянными верандами вокругъ; столбы, поддерживающіе веранды были украшены китайскими письменами, а стѣны живописью, изображавшею по большей части драконовъ и другихъ фантастическихъ звѣрей.

Дао-тай встрѣтилъ меня у первыхъ воротъ и, улыбаясь, повелъ въ пріемную залу, гдѣ мы усѣлись другъ противъ друга за маленькій четыреугольный деревянный столъ и принялись пить чай и курить изъ серебряныхъ трубокъ. У воротъ стояли на стражѣ солдаты съ длинными аллебардами. Важные чиновники съ тщательно заплетенными косами и желтыми физіономіями, тоже съ шариками на черныхъ шелковыхъ

шапочкахъ, стояли, точно статуи, по стѣнамъ залы и все время рта не раскрывали. Чтобы не отстать отъ дао-тая, разряженнаго согласно своему достоинству, я облекся въ черную пару и явился въ сопровожденіи казаковъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ.

Битыхъ два часа длился разговоръ, являвшійся, собственно говоря, состязаніемъ въ искусствѣ говорить другъ другу любезности. Когда я на вопросъ хозяина, какъ понравился мнѣ его чай, отвѣтилъ единственнымъ китайскимъ словомъ, которое зналъ: „Хао“ (хорошо), онъ всплеснулъ руками и сказалъ: „Что за ученый человѣкъ нашъ гость!“ Зато когда онъ затѣмъ сообщилъ мнѣ, что воды Тарима, впадающаго въ Лобъ-норъ, черезъ нѣсколько тысячъ „ли“ снова выходятъ на свѣтъ Божій, чтобы образовать Хуанъ-хэ, я отплатилъ ему восклицаніемъ: „Какъ ваше превосходительство учены; все знаете!“

Но пришлось ему выслушать и немножко правды. Я напрямикъ высказалъ ему свое удивленіе, что, несмотря на имѣющійся у меня китайскій паспортъ и рекомендательное письмо, я былъ такъ дурно принятъ въ первомъ-же китайскомъ пунктѣ, куда прибылъ, въ Булюнъ-кулѣ, и прибавилъ, что буду жаловаться высшимъ властямъ; физіономія важнаго китайца сразу омрачилась, и онъ сталъ упрашивать меня не подымать исторіи, обѣщаясь лично пробрать Джанъ-дарына. Я обѣщалъ на этотъ разъ не жаловаться, чего, конечно, въ сущности, и не намѣревался дѣлать, а сказалъ это ради того лишь, чтобы поддержать свой престижъ: въ обхожденіи съ китайцами вообще надо быть твердымъ и неуступчивымъ, иначе они-же надъ вами посмѣются.

Въ заключеніе онъ напомнилъ мнѣ, что въ Кашгарѣ два начальника: одинъ онъ, а другой русскій генеральный консулъ (о которомъ мусульмане говорятъ, что онъ истинный преемникъ хана Джагатая). Такъ какъ я по прибытіи поселился у второго, то теперь справедливость требовала, чтобы я оказалъ ту-же честь и ему, дао-таю. Но я только поблагодарилъ за такую честь.

На другой день дао-тай явился отдать мнѣ визитъ съ чисто азіатской пышностью и блескомъ. Сначала ѣхалъ герольдъ, и черезъ каждые пять минутъ билъ въ огромный

гонгонгъ, за нимъ ѣхали всадники, вооруженные копьями и кинжалами, которыми они и угощали каждаго, кто не сторонился немедленно передъ такимъ важнымъ господиномъ. Самъ послѣдній ѣхалъ въ небольшомъ, крытомъ, на двухъ высокихъ колесахъ, экипажѣ съ тремя окнами; надъ впряженнымъ въ экипажъ муломъ возвышался, для защиты отъ солнца, укрѣпленный на оглобляхъ балдахинъ. Экипажъ окружали люди, несшіе огромные зонтики и желтые флаги съ черными письменами. Поѣздъ замыкали солдаты въ самыхъ фантастическихъ мундирахъ, ѣхавшіе на прекрасныхъ бѣлыхъ лошадяхъ.

Шань дао-тай Кашгарскій.
(Съ фотографіи автора

Не могу покончить съ моими желтолицыми друзьями въ Кашгарѣ, не упомянувъ о китайскомъ обѣдѣ, котораго никогда не забуду. Я едва успѣлъ опомниться отъ такого обѣда у цзянь-далоя (нѣчто вродѣ бургомистра), какъ былъ со всѣмъ консульствомъ приглашенъ на парадный обѣдъ къ дао-таю.

Существуютъ разсказы о богѣ классической древности, пожравшемъ собственнаго сына, о троллѣ Зохакѣ, который съѣдалъ въ день по парѣ человѣчьихъ мозговъ, объ африканскихъ дикаряхъ, приглашающихъ миссіонеровъ на обѣдъ, на которомъ гости сами попадаютъ въ котелъ, и о разныхъ обжорахъ, глотающихъ однимъ духомъ разбитыя бутылки,

раскрытые перочинные ножи и старые сапоги. Но что все это въ сравненіи съ китайскимъ обѣдомъ, за которымъ подаютъ до 46 блюдъ изъ самыхъ удивительныхъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства, какіе только можно представить себѣ! Копченая ветчина въ сахарѣ не можетъ быть особенно вкусной, не говоря уже о многомъ другомъ.

Приглашеніе на обѣдъ — маленькая карточка, посылаемая китайцами гостямъ за день, за два, въ огромномъ конвертѣ; если гость принимаетъ приглашеніе, онъ оставляетъ карточку у себя, если нѣтъ, отсылаетъ ее обратно. Если къ обѣду звали въ 12 часовъ, то нельзя являться раньше 2-хъ, иначе застанешь весь домъ спящимъ и не найдешь ни гостей, ни поваровъ, ни обѣденнаго стола. Когда у хозяевъ все готово, другой слуга обходитъ гостей съ визитной карточкой хозяина, являющейся въ данномъ случаѣ сигналомъ, означающимъ: „Ну, теперь можете потихоньку одѣваться“.

Наше шествіе вышло поистинѣ блестящимъ. Во главѣ ѣхалъ аксакалъ изъ проживающихъ въ Кашгарѣ русскихъ купцовъ-сартовъ изъ Западнаго Туркестана, сартъ, какъ и они, одѣтый въ красный бархатный халатъ; вся грудь была увѣшана русскими золотыми медалями. Затѣмъ ѣхалъ казакъ съ шелковымъ флагомъ консульства изъ красныхъ и бѣлыхъ полосъ съ маленькимъ косымъ крестомъ въ углу. За нимъ слѣдовали въ коляскѣ консулъ Петровскій и я въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и Адама Игнатьевича, въ его длинномъ бѣломъ балахонѣ, съ четками и крестомъ на шеѣ. Замыкали поѣздъ двѣнадцать казаковъ, одѣтыхъ въ бѣлые парадные мундиры и ѣхавшихъ на горячихъ коняхъ.

Такимъ торжественнымъ образомъ, разодѣтые въ парадныя одѣянія ѣхали мы потихоньку по солнцепеку по узкимъ и пыльнымъ улицамъ Кашгара, черезъ Регистанскій рынокъ, гдѣ скучились сотни лавченокъ съ соломенными кровлями, подпертыми жердями, поставленными наискось, мимо мечетей, медрессе, караванъ-сараевъ, и „толкучки“, гдѣ продавалось поношенное платье. Время отъ времени мы сталкивались съ караваномъ верблюдовъ или съ вереницей ословъ, несущихъ воду въ маленькихъ боченкахъ, и, наконецъ, очутились въ китайскомъ кварталѣ съ его оригинальными лавками, изогнутыми крышами, намалеванными драконами и красными афи-

шами. Мы въѣхали въ широкія ворота „ямена“ дао-тая, гдѣ стояли на вытяжку морщинистые, безбородые солдаты, и гдѣ встрѣтилъ насъ самъ хозяинъ.

Благодаря присутствію Адама Игнатьевича, разговоръ уже за закусочнымъ столомъ перешелъ на дѣятельность миссіонеровъ въ Китаѣ. Дао-тай сказалъ, что христіанскіе миссіонеры, протившіеся со всѣми удобствами цивилизаціи и ведущіе полную трудовъ и лишеній, далеко не завидную жизнь въ чужой странѣ, достойны всякаго уваженія. Но, — прибавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, — они только сѣютъ здѣсь рознь. Въ одномъ городѣ, напримѣръ, часть населенія перешла въ христіанство и во время китайскихъ религіозныхъ праздниковъ держится особнякомъ; остальная часть населенія смотритъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ, и такимъ образомъ они становятся во враждебныя отношенія другъ къ другу. Въ одной семьѣ сынъ принялъ христіанство и возстаетъ противъ родителей, въ другой жена-христіанка вѣчно воюетъ съ мужемъ и т. п. Когда-же я напомнилъ дао-таю о недавнемъ убійствѣ двухъ шведскихъ миссіонеровъ въ Сангпо, то онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто и не зналъ объ этомъ.

Потомъ хозяинъ провелъ насъ и своихъ китайскихъ гостей въ маленькій павильонъ въ саду, гдѣ долженъ былъ состояться обѣдъ. Этикетъ требуетъ, чтобы хозяинъ прежде, чѣмъ предложить гостямъ кубки, приложилъ ихъ ко лбу; съ такою-же церемоніею предлагаются и деревянныя палочки, служащія для ѣды за столомъ. Кромѣ того хозяинъ берется за каждый стулъ и трясетъ его, чтобы убѣдить гостей въ его прочности, а также проводитъ рукой по сидѣньямъ стульевъ, какъ-бы для того, чтобы смахнуть пыль. Когда все это было продѣлано, мы усѣлись вокругъ большого краснаго лакированнаго стола. Вошла вереница слугъ, каждый несъ фарфоровую мисочку съ какимъ нибудь блюдомъ. Мисочки дюжинами были разставлены на столѣ и по мѣрѣ опустошенія замѣнялись новыми. Передъ каждымъ гостемъ стояли кромѣ того маленькія чашечки съ пряностями и соусами.

Если гости не угощаются сами, хозяинъ собственноручно накладываетъ имъ своихъ любимыхъ блюдъ. Въ числѣ кушаній фигурировали чешуя, хрящи и плавники разныхъ морскихъ и рѣчныхъ китайскихъ рыбъ, грибы, соленые ломтики ба-

раньяго сала, саламандры, ветчина въ различныхъ видахъ и множество диковинныхъ блюдъ, истинной сущности которыхъ я такъ и не узналъ и которыхъ не рѣшился отвѣдать по причинѣ ихъ подозрительнаго вида и сквернаго запаха. Финаломъ обѣда были китайскія конфекты, которыя запивались чаемъ и китайской водкой, крѣпкой и страшно горячей.

Большинство подававшихся блюдъ были приготовлены изъ продуктовъ Собственнаго Китая и потому страшно дорогихъ здѣсь въ пустыняхъ далекаго запада. Дао-тай, обыкновенный столъ котораго очень простъ, хотѣлъ, вѣроятно, принять насъ самымъ отмѣннымъ образомъ. Но мы не оказали чести китайской кухнѣ.

Единственнымъ человѣкомъ, поддержавшимъ престижъ европейца, оказался Адамъ Игнатьевичъ, возбудившій всеобщее удивленіе. Онъ добросовѣстно отвѣдалъ всѣхъ 46 блюдъ и выпилъ 17 чашекъ водки, этого питья, которое обжигало глотку—по крайней мѣрѣ мою, словно раскаленныя желѣзныя опилки въ сѣрной кислотѣ. Тѣмъ не менѣе къ концу трехчасоваго обѣда онъ смотрѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало, точно сейчасъ только сѣлъ за столъ.

Я же вынесъ по отношенію къ китайскимъ обѣдамъ такое убѣжденіе, что нужно извѣстное время для того, чтобы привыкнуть къ этимъ необычайнымъ блюдамъ. Въ концѣ концовъ я сталъ находить нѣкоторыя блюда вкусными и съ удовольствіемъ принималъ приглашенія. Самое тонкое блюдо—супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, которое, однако, въ этой отдаленной мѣстности появлялось очень рѣдко по своей дороговизнѣ.

На одной изъ стѣнъ павильона красовались какія-то черныя каракули, означавшія: „Пей и разсказывай пикантные анекдоты!“ Но и безъ этого напоминанія настроеніе за обѣдомъ было самое веселое, и мы, навѣрно, то и дѣло самымъ неприличнымъ образомъ нарушали строгія постановленія китайскаго этикета, и дао-тай съ его туземными гостями должны были-бы блѣднѣть отъ негодованія, не будь они отъ рожденья желтыми, какъ вяленые лещи.

Во время обѣда, не переставая, игралъ оркестръ музыкантовъ-сартовъ; гремѣли барабаны, свистѣли флейты, пѣли пѣвцы, и подъ монотонную музыку плясало двое мальчиковъ, точно у насъ и безъ того не шумѣло въ головѣ.

Когда послѣднее блюдо съѣдено, гости, по требованіямъ этикета, должны немедленно выйти изъ-за стола, чему мы были по истинѣ очень рады, такъ какъ жаждали выкурить по сигарѣ и запить ледяной водой съ хересомъ этотъ диковинный обѣдъ.

Когда мы возвращались домой, на улицахъ и на рынкѣ было уже пустынно и тихо; кое гдѣ только попадались одинокіе пѣшеходы — какой нибудь дервишъ или прокаженный нищій. Солнце сѣло за западнымъ краемъ Терекъ-давана, минутныя сумерки предупредили о наступленіи ночи, и востокъ снова заснулъ на своей собственной могилѣ.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю часы, проведенные мною въ обществѣ консула Петровскаго; какъ я уже говорилъ выше, онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ незаурядный, и я обязанъ ему большой благодарностью не только за его безграничное гостепріимство, но и за многіе поданные имъ мнѣ добрые совѣты, обусловленные его богатою опытностью. Петровскій живетъ въ Кашгарѣ двѣнадцать лѣтъ и никто лучше его не знаетъ этой области. Можно было-бы думать, что пребываніе въ такой глуши равняется для такого образованнаго человѣка ссылкѣ; ничуть не бывало! Онъ полюбилъ этотъ городъ за его неисчерпаемыя археологическія и историческія сокровища.

Еще одна черта дѣлала общество консула особенно пріятнымъ, — его неизмѣнно хорошее, веселое расположеніе духа; ничто такъ не оживляетъ и не подбодряетъ, какъ встрѣча съ такими жизнерадостными людьми, видящими все въ свѣтлыхъ краскахъ, и вполнѣ довольными своей судьбой. Вмѣстѣ съ тѣмъ консулъ былъ философъ и критикъ и бичевалъ маленькія слабости свѣта съ ѣдкимъ остроуміемъ и ироніей, особенно, если дѣло касалось низкопоклонства и угодничанья. Ни одинъ человѣкъ изъ встрѣченныхъ мною во время моихъ странствій по свѣту не производилъ на меня такого незыблемо-глубокаго впечатлѣнія, какъ именно онъ, и ни съ кѣмъ также я не встрѣчался бы почаще такъ охотно, какъ съ нимъ.

Вообще пребываніе въ Кашгарѣ было для меня въ высшей степени пріятнымъ. Я занималъ уютный павильонъ въ саду консула и послѣ завтрака бродилъ въ тѣни тутовыхъ деревъ и платановъ по террассѣ, съ которой виднѣлись пустынныя

области, по которымъ я долженъ былъ скоро направиться на крайній востокъ. Нѣсколько ласточекъ, свившихъ гнѣзда подъ крышей, составляли мнѣ компанію и чувствовали себя здѣсь настолько дома, что то и дѣло влетали и улетали въ постоянно открытыя въ такое тепло окна и двери павильона.

Въ Троицынъ день меня разбудилъ въ моемъ павильонѣ серебряный звонъ церковнаго колокола, который наканунѣ былъ привезенъ изъ Нарынска для строющейся русской часовни. Въ этомъ павильонѣ я работалъ съ утра до вечера и написалъ нѣсколько статей. Словомъ, лучше мнѣ не могло житься нигдѣ. Вѣтеръ что-то шепталъ въ листьяхъ платановъ; я не понималъ, что онъ говорилъ, но иногда воображалъ себѣ, что онъ мнѣ приноситъ поклоны съ родины. Тогда я не подозрѣвалъ, что мнѣ оставалось еще три года тяжелаго странствованія по внутренней Азіи.

Одиночества здѣсь мнѣ не приходилось испытывать, такъ какъ консульство, кромѣ постояннаго персонала, кишмя кишѣло приходящими по дѣламъ сартами, китайцами и слугами магометанами. Кромѣ того къ живому населенію консульства принадлежали триста куръ, множество утокъ, гусей, индѣекъ, мартышка, четыре попугая и четырнадцать собакъ. Я былъ въ ладу со всѣми, исключая мартышки, благосклонности которой мнѣ не удавалось пріобрѣсти даже яблоками и грушами.

За эти семь недѣль, проведенныхъ въ Кашгарѣ, я не разъ имѣлъ съ консуломъ разговоръ о моихъ планахъ, о томъ, какъ-бы такъ устроиться, чтобы, сообразуясь съ временами года, сдѣлать мои путешествія наиболѣе успѣшными и плодотворными. Въ концѣ концовъ мы пришли къ выводу, что надо устроиться совершенно иначе, нежели я намѣтилъ первоначально. Вмѣсто одной большой экспедиціи, мнѣ слѣдовало предпринять нѣсколько отдѣльныхъ, избравъ исходнымъ пунктомъ Кашгаръ и возвращаясь туда всякій разъ для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ, проявленія фотографическихъ снимковъ, отправки на родину коллекцій и приготовленій къ новому „походу“.

Цѣлью первой экспедиціи должно было явиться озеро Лобъ-норъ, куда меня особенно влекло, но въ началѣ іюня произошла быстрая перемѣна погоды, азіатское лѣто приблизилось быстрыми шагами, солнце палило, словно гигантскій

горнъ, температура доходила до 38° въ тѣни (инсоляціонный термометръ показывалъ 66°), даже ночь не приносила прохлады, и каждый вечеръ прежняя столица Якубъ-бека заволакивалась удушливымъ туманомъ отъ палящей жары и насыщенныхъ песчаной пылью степныхъ вѣтровъ. Чѣмъ дальше къ востоку, въ глубь Азіи, и чѣмъ ближе къ серединѣ лѣта, тѣмъ сильнѣе должны были становиться жары.

Я съ ужасомъ думалъ о насыщенномъ пылью и пескомъ раскаленномъ воздухѣ, о смерчахъ на берегахъ Тарима и о 150 миляхъ тяжелаго долгаго пути черезъ безконечныя, безводныя пустыни. Мы только что испытали 40° мороза на Памирѣ и тѣмъ чувствительнѣе должна была отозваться на насъ жара. Поэтому въ самую послѣднюю минуту я принялъ рѣшеніе держаться лѣтомъ нагорныхъ областей и продолжать прерванныя работы въ Восточномъ Памирѣ, а зимою или весною пробраться къ Лобъ-нору.

Я оставилъ Кашгаръ 21 іюня вечеромъ. Караванъ состоялъ изъ 6 вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ продовольствіемъ, приборами, рабочими инструментами, халатами, матеріями, разноцвѣтными платками и остроконечными шапками для подарковъ киргизамъ, между которыми такія вещи служатъ ходячей монетой; затѣмъ — постельными принадлежностями, зимними одѣяніями, войлоками, оружіемъ и боевыми припасами. Для чтенія были взяты только нѣсколько научныхъ сочиненій, да номера за полугодіе одной шведской газеты, старой, какъ смертный грѣхъ, но тѣмъ не менѣе способной оживить и подбодрить читающаго, такъ какъ каждая строка навѣвала воспоминанія о Швеціи.

Сопровождали меня: евангелическій миссіонеръ Іоганнъ, Исламъ-бай изъ Оша, замѣстившій уволеннаго Рехимъ-бая, таранча Даодъ изъ Кульджи, исполнявшій обязанности китайскаго толмача, и Экбаръ-ходжа, караванъ-баши изъ Ферганы, давшій намъ въ наемъ лошадей. Кромѣ того, каждый дневной переходъ насъ должны были сопровождать двое знающихъ дорогу киргизовъ; дао-тай въ любезности превзошелъ самого себя: кромѣ двухъ большихъ пестрыхъ рекомендательныхъ писемъ, которые онъ вручилъ мнѣ, онъ послалъ еще коменданту Сары-кола и Тагармы увѣдомленіе, что я равенъ по чину мандарину 2-го класса и поэтому со мной должно обходиться,

какъ съ таковымъ. Въ противоположность тому, что было въ первое мое посѣщеніе, китайцы вообще проявили на этотъ разъ сравнительно большую предупредительность.

Медленно двинулся нашъ маленькій караванъ подъ жгучими еще лучами заходящаго солнца между рядами ивъ и тополей по широкому шоссе, проложенному Якубъ-бекомъ. По случаю базарнаго дня на шоссе было большое движеніе; ѣхали въ своихъ маленькихъ голубыхъ повозкахъ, запряженныхъ мулами, увѣшанными бубенчиками и погремушками, мандарины разныхъ классовъ, гарцовали на коняхъ китайскіе офицеры и солдаты въ пестрыхъ мундирахъ, двигались въ большихъ, съ выпуклыми соломенными верхами, арбахъ, запряженныхъ четырьмя увѣшанными бубенчиками и колокольчиками лошадьми (изъ которыхъ одна была впряжена въ оглобли, а другія припряжены грубыми веревками впереди) цѣлыя компаніи сартовъ и китайцевъ, отправлявшихся въ Янги-гиссаръ или Яркендъ. Эти практическіе экипажи замѣняютъ въ Восточномъ Туркестанѣ дилижансы; за ничтожную плату 10 тенегъ (приблиз. 1 рубль) можно такимъ образомъ доѣхать до Яркенда, т. е. сдѣлать четырехдневный путь.

Караванъ слѣдовалъ за караваномъ; около придорожныхъ канавъ расположились калѣки нищіе всѣхъ сортовъ, водоносы со своими большими глиняными кувшинами, пекари и торговцы плодами, а въ мутной водѣ канавъ купались загорѣлые мальчишки. Мы проѣхали мимо ряда могилъ святыхъ, памятника Адольфу Шлагинтвейту, разрушеннаго наводненіемъ, развалинъ дворца (Даулетъ-багъ) Якубъ-бека, мимо Кызылъ-су, текущей, словно красная глиняная каша, подъ двойнымъ мостомъ.

Китайскій городъ Янги-шаръ остался влѣво, и мы вступили въ пустынную и тихую мѣстность, которая простирается къ югу и востоку ровной полосой насколько хватаетъ глазъ. Стало темно, хоть глазъ выколи, и мы въ 9 ч. вечера остановились въ мѣстечкѣ Джигды-арыкъ, чтобы поужинать и дождаться людей. Только въ 2 часа утра достигли мы Япчана, ближайшей цѣли нашего путешествія.

X.

Возвращеніе въ Китайскій Памиръ.

22 іюня температура была такъ высока (33.1° въ 1 ч. пополудни), что мы предпочли держаться въ тѣни; только къ вечеру стало чуть прохладнѣе, такъ что мы могли снова выступить въ путь. Вскорѣ насъ встрѣтилъ бекъ съ двумя спутниками, высланный янги-гиссарскимъ амбанемъ (правитель области), чтобы привѣтствовать меня въ его области, снабдить меня продовольствіемъ, а также сдѣлать всѣ нужныя распоряженія ради облегченія моего путешествія.

Они сопровождали насъ нѣкоторую часть пути, а затѣмъ поѣхали впередъ, чтобы на полдорогѣ устроить для насъ удобную вечернюю стоянку и ужинъ.

Древесныя аллеи и воздѣланныя поля смѣнялись теперь все чаще песками, а часахъ въ двухъ пути за Япчаномъ попадались уже дюны высотою въ 5 м., вытянутыя въ направленіи NW — SO или N — S; онѣ уже настолько закрѣплены растительностью, что не особенно затрудняютъ сообщеніе. Послѣ краткаго отдыха въ Согулюкѣ, гдѣ проѣзжіе китайцы подняли ужасный гвалтъ, мы въ темнотѣ продолжали путь въ Янги-гиссаръ, куда и прибыли рано утромъ. Для насъ было приготовлено помѣщеніе въ индусскомъ караванъ-сараѣ. Наше прибытіе произвело большой переполохъ, такъ какъ всѣ постояльцы „караванъ-сарая“ спали прямо на дворѣ подъ открытымъ небомъ.

23 іюня меня разбудилъ одинъ изъ мандариновъ низшаго класса, доставившій мнѣ барана, двухъ куръ, мѣшокъ пшеницы, мѣшокъ кукурузы, охапку сѣна и топлива — все отъ амбаня, съ прибавленіемъ привѣтствій и увѣреній въ безграничной дружбѣ. Весь день всѣ три бека сидѣли у моихъ дверей, готовые къ моимъ услугамъ по первому знаку.

Въ эти двое сутокъ, проведенныхъ мною въ Янги-гиссарѣ, мѣстный амбань продолжалъ осыпать насъ любезностями. Когда-же я въ благодарность послалъ ему револьверъ и перочинный ножъ, онъ прислалъ мнѣ цѣлый обѣдъ изъ удивитель-

нѣйшихъ китайскихъ деликатессовъ, разложенныхъ по блюдцамъ и чашечкамъ, которыя окружали жаренаго поросенка, красовавшагося посреди огромнаго подноса; послѣдній былъ подвѣшенъ къ большой толстой палкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ амбань поручилъ передать мнѣ свое сожалѣніе, что, по случаю нездоровья, не можетъ самъ принять участія въ обѣдѣ. Это подало мнѣ законный поводъ отвѣтить, что такъ какъ одинъ я не въ силахъ справиться съ такимъ обиліемъ блюдъ, то и принужденъ вернуть ихъ всѣ обратно.

Я заподозрилъ, что все это вниманіе было хитростью, разсчитанною на то, чтобы связать меня долгомъ признательности, который-бы принудилъ меня сдѣлаться покорнымъ слугой желаній господина амбаня. А желанія эти клонились къ тому, чтобы я отказался отъ своего намѣренія отправиться черезъ Кинколъ и Тарбаши, т. е. по тракту, находившемуся въ его области. Онъ очевидно боялся, что я нанесу на карту эту область, которую до сихъ поръ европейцы оставляли въ покоѣ. Онъ и совѣтовалъ мнѣ лучше отправиться черезъ Яркендъ, ссылаясь на разлитіе горныхъ ручьевъ, что угрожаетъ моему каравану опасностями, а вѣдь, ему, амбаню, въ случаѣ, если мой багажъ будетъ попорченъ водой, придется отвѣчать передъ дао-таемъ.

Стороною-же мы узнали, что даже караваныословъ переходятъ черезъ ручьи. Кромѣ того самое время года мало располагало къ долгому путешествію черезъ чумной Яркендъ.

Узнавъ о моемъ рѣшеніи, амбань отвѣтилъ, что позаботится о проводникахъ для меня, и такъ какъ ему собственно не о чемъ было больше спрашивать меня, то онъ послалъ ко мнѣ бека узнать, какъ заставить „воду течь кверху“. Я сдѣлалъ модель вѣтряной мельницы изъ бумаги и приложилъ къ ней болѣе или менѣе легко понятныя объясненія.

Около Янги-гиссара близость горъ уже даетъ себя почувствовать нѣкоторою волнистостью мѣстности. Такъ отъ города тянется на востокъ длинный узкій холмъ, длиною почти въ километръ и шириною въ 20 — 25 метр. Въ общемъ онъ такъ ровенъ и правиленъ, что его можно было-бы принять за старый крѣпостной валъ, если-бъ онъ не состоялъ изъ песку и конгломерата. Къ сѣверу отъ него расположена главная часть города, дома и базары котораго исчезаютъ въ густой листвѣ

садовъ; къ югу-же лежитъ только рядъ глиняныхъ мазанокъ съ плоскими кровлями. У подошвы холма мы видѣли кладбище; надъ нѣкоторыми могилами возвышались небольшіе куполы; отъ кладбища струился въ эту жару непріятный трупный запахъ.

Видъ-же отсюда открывается широкій и чудесный. На SW виднѣется голубовато-стальная стѣна Мустагъ-аты, сѣдая макушка которой такъ и манитъ въ болѣе прохладныя области. На W и S идутъ низкіе холмы, а въ противоположной сторонѣ разстилается ровный, безконечный, какъ даль морская, горизонтъ.

Киргизъ изъ восточнаго Памира (Кара-джилга).
(Съ рисунка автора).

Янги-гиссаръ не представляетъ какихъ либо достопримѣчательностей; немногочисленныя мечети и медресе не отличаются архитектурой. Одно изъ послѣднихъ основано, говорятъ, 60 лѣтъ назадъ ахуномъ Хэлимомъ. Оно обращено фасадомъ изъ голубого и зеленаго каолина, украшеннымъ двумя башенками, на открытую площадь съ мутнымъ бассейномъ посреди.

Кара-чинакъ—мазаръ (т. е. могила святого) представляетъ небольшую типичную азіатскую мечеть, окруженную верандой со столбами; стѣны украшены простыми орнаментами, изреченіями и флагами. На дворѣ возвышаются старые тополя съ

могучими стволами. Одинъ изъ нихъ остроумно приспособленъ къ роли минарета. Наконецъ, видѣли мы мазаръ Супурга Хэкима съ зеленымъ куполомъ и четырьмя башенками.

Городъ вообще грязенъ и похожъ на деревню; улицы узки и пыльны; базары защищены отъ солнца и дождя деревянными навѣсами и соломенными цыновками. Мужчины ходятъ голыми или полуголыми; мальчишки совсѣмъ голешенькими, а дѣвочки въ красныхъ рубашонкахъ; головы же и ноги голы. Взрослыя женщины, которыя здѣсь рѣдко носятъ чадры, часто сидятъ передъ своими лавками на базарахъ или съ корзинками плодовъ прямо на открытыхъ площадяхъ. Типъ ихъ красотою не отличается; густые черные волосы онѣ, какъ и женщины другихъ областей Восточнаго Туркестана, носятъ заплетенными въ двѣ косы.

Китайскій городъ, который называется также Янги-шаромъ (новый городъ) расположенъ рядомъ съ магометанскимъ и защищенъ высокой зубчатой стѣной съ башнями и рвами. Здѣсь находится „яменъ“ амбаня; антуражемъ служатъ длиннокосые китайцы въ длинныхъ бѣлыхъ кофтахъ и широкихъ голубыхъ шароварахъ.

Индусскій караванъ-сарай, гдѣ мы остановились, окайменъ галлереей со столбами, внутри-же находится небольшой четыреугольный дворъ; здѣсь проживаютъ десять индусовъ изъ Шикарпура, которые занимаются ввозомъ матерій изъ Индіи черезъ Ле, Каракорумъ, Шахъ-и-дулахъ и Яркендъ. Главное-же занятіе ихъ ростовщичество, и они такъ ловко обдѣлываютъ свои беззаконныя дѣла, что забрали все населеніе въ свои руки, и большая часть доходовъ съ полей остается въ ихъ карманахъ.

Медлить въ Янги-гиссарѣ намъ было некогда; вѣтеръ съ горъ тянулъ насъ въ путь, и много предстояло намъ еще сдѣлать, прежде чѣмъ опять расположиться на отдыхъ. Хозяинъ нашъ, Оди изъ Шикарпура, ни за что не хотѣлъ брать платы за свое гостепріимство, но я выпутался изъ затрудненія, подаривъ ему присланные амбанемъ барана и топливо, да перочинный ножъ въ придачу. До канала Манчинъ-устэнъ (8 куб. м. мутной воды въ секунду) насъ сопровождалъ бекъ Касимъ; тутъ онъ соскочилъ съ коня и простился съ нами, а другой бекъ Ніязъ сопровождалъ насъ весь путь.

Около 6 часовъ вечера насъ захватилъ сильный ураганъ съ NW., поднявшій густые облака пыли и песку и заволокшій ими всю окрестность. Въ какія нибудь пять минутъ набѣжала туча и обдала насъ ливнемъ. Мы промокли порядкомъ, пока нашли защиту въ лачужкѣ около дороги. Зато песокъ и пыль были примяты этимъ ливнемъ, и воздухъ очистился.

Отъ города Кара-баша (черная голова) мы направились прямо на югъ, оставивъ дорогу на Яркендъ влѣво. Отсюда и далеко на востокъ тянутся песчаные, глинистые и конгломератовые холмы; но наша дорога, отличная для ѣзды, вела черезъ покрытую рѣдкими кочками равнину. Послѣ двухчасового отдыха въ Сугетѣ (ива) мы отправились дальше ночью; было такъ темно, что мы и не выбрались-бы изъ лабиринта городскихъ улицъ безъ проводника съ фонаремъ. Около двухъ часовъ ночи добрались до кышлака Игизъ-яръ (высокая терраса), гдѣ и расположились во дворѣ, красиво лежащемъ на высотѣ 1,736 м. надъ уровнемъ моря.

25 іюня бекъ Эминъ, посланный въ горы на развѣдки амбанемъ, вернулся съ извѣстіемъ, что горныя рѣчки и ручьи дѣйствительно сильно разлились въ послѣднее время, но караванъ всетаки пройти можно. Въ награду за хорошія вѣсти его пригласили на чашку чая и, къ его большому удовольствію, угостили аріей на шарманкѣ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей сыгралъ на цитрѣ, а мулла, окруженный правовѣрной толпою, прочелъ вслухъ изъ корана.

На одинъ „ташъ“ (8 килом.) къ югу отъ города находится рудникъ Кокъ-буйнакъ, гдѣ добывается желѣзная руда, которая затѣмъ отвозится въ Игизъ-яръ для разработки по весьма примитивному способу. Въ сараѣ, изъ высушенной на солнцѣ глины и досокъ, сложена печь, имѣющая въ вышину два метра, а въ діаметрѣ едва одинъ метръ. Печь до половины наполняется углемъ. Для тяги въ нижней части ея продѣланы шесть отверстій, передъ которыми день деньской сидятъ шесть человѣкъ, дѣйствуя мѣхами изъ козьихъ шкуръ. Поверхъ угля кладется слой руды въ двѣ ладони шириною, и къ вечеру желѣзо, расплавляясь, начинаетъ стекать внизъ подъ угли. Просовывая въ небольшое боковое отверзтіе желѣзный прутъ, удостовѣряются въ томъ, какъ идетъ плавленіе. Послѣ каждой топки печь должна быть очищена отъ шлака и золы.

Добытое такимъ способомъ желѣзо, разумѣется, плохого качества, не годится для ковки и идетъ только на выдѣлки самыхъ простыхъ земледѣльческихъ орудій, для подковъ-же, напримѣръ, не годно. Нужно очень много руды, чтобы получить 5 чэрекъ (1 чэрекъ = 12 гинь; 1 гинь = $1^1/_2$ русск. фунта), стоящихъ въ Янги-гиссарѣ 30 тенегъ. Владѣлецъ печи, игизъярскій юзъ-баши (сотникъ, городской голова), самъ ведетъ дѣло, слѣдитъ за рабочими и платитъ каждому изъ своихъ семерыхъ рабочихъ всего по 6 „да-цянь“ (китайская монета изъ сплава мѣди, цинка и олова), стоимостью меньше эре*).

Славно было выступать изъ Игизъ-яра раннимъ утромъ 26 іюня; передъ нами открывался трубообразный входъ въ долину Тазгунъ. У подошвы горъ, неясно рисовавшихся въ насыщенномъ пылью воздухѣ, виднѣлись еще нѣсколько кышлаковъ съ зеленѣющими рощицами. Мало по малу горы вырисовывались яснѣе и скучивались все тѣснѣе; около входа въ самую долину скалы образуютъ такой узкій проходъ, что для защиты его достаточно маленькой крѣпостцы Игизъяръ-караулъ съ гарнизономъ въ 24 человѣка. За этимъ пунктомъ проживаютъ одни только киргизы кочевники, и небольшія боковыя долины, открывающіяся въ Тазгунъ, ведутъ къ ихъ лѣтнимъ кочевьямъ. Въ глубинѣ одной такой долины Махмудъ-терекъ-джилга (долина тополя Махмуда) виднѣлись горы съ блестящими горными вершинами. Впивая чистый мягкій вечерній воздухъ, отдохнули мы въ небольшой пещеркѣ около сіэнитовыхъ скалъ урочища Тукай-баши.

Здѣсь соединяются двѣ долины Кэптиколъ и Кинколъ; обѣ онѣ почти одинаково глубоки, и мы поэтому, вступивъ въ долину Кинколъ, избавились отъ половины водъ долины Тазгунъ и безъ труда перешли рѣку Кинколъ. Долина сильно суживается, но тамъ и сямъ попадаются всетаки небольшія луговины и пастбища, гдѣ разбиваютъ лѣтомъ свои кибитки кипчакъ-киргизы; зимою-же они уходятъ дальше къ устью долины. Попадаются еще тополя, и вообще растительность здѣсь не бѣдна. Скалы, состоящія изъ сіэнита, порфира и чернаго сланца сильно изъѣдены; дно долины во многихъ мѣ-

*) Эре — шведская, датская и норвежская монетная единица = $^1/_2$ коп. *Примѣч. перев.*

стахъ совсѣмъ засыпано продуктами вывѣтриванья; вообще-же грунтъ здѣсь мягкій.

Абдулъ Магометъ, аксакалъ (сѣдая борода, т. е. старшина) аула Кинколъ (широкая долина) пріютилъ насъ въ своей большой юртѣ, гдѣ мы, спасаясь отъ упорнаго ливня, и провели весь день 29 іюня. Въ аулѣ было около 20 жител., проводящихъ здѣсь ежегодно три лѣтнихъ мѣсяца. Каждый вечеръ овецъ и козъ пригоняютъ въ аулъ доить, а на ночь загоняютъ въ обширные загоны, гдѣ ихъ охраняютъ отъ водящихся въ этой мѣстности въ изобиліи волковъ злыя длинношерстыя собаки. Какъ только ночью подымется лай, кто-нибудь изъ людей бѣжитъ къ опасному мѣсту и дикимъ крикомъ обращаетъ волковъ въ бѣгство. Лежалъ аулъ на высотѣ 3,369 м.

Около полудня въ аулъ явилась цѣлая толпа разряженныхъ мужчинъ и женщинъ, отправлявшихся въ ниже лежащій аулъ, гдѣ должно было состояться погребеніе около ближняго мазара одного мальчика. Нѣкоторымъ показалось, что веселѣе будетъ остаться съ нами, что они и сдѣлали, а остальные отправились дальше. Въ нашу большую юрту набралось гостей — двѣнадцать мужчинъ, восемь женщинъ, и шестеро ребятъ, и всетаки не стало особенно тѣсно.

Зрѣлище было самое пріятное. Одинъ изъ мужчинъ игралъ на „дутарѣ“ (двухструнный инструментъ), другіе болтали, разбившись на кучки; нѣкоторыя женщины въ колоссальныхъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ ѣли хлѣбъ съ молокомъ изъ большихъ деревянныхъ мисокъ, дѣти прыгали и рѣзвились кругомъ, а наша хозяйка, наклонясь надъ колыбелью, гдѣ лежалъ ея мѣсячный ребенокъ, кормила его грудью. Самъ хозяинъ, старый Абдулъ Магометъ, повидимому, одинъ исполнялъ постановленія религіи, точно соблюдая часы молитвы въ то время, какъ другіе продолжали болтать. Посреди юрты горѣлъ обычный костеръ.

Около аула Кинколъ наблюдаются значительные покровы растительной земли, одѣтой сочной травой. Кибитки расположены по правому берегу рѣки, а на другомъ берегу, какъ разъ противъ аула, скалистые выступы сланца, перемежающагося твердыми кристаллическими горными породами. Рѣчка была теперь совсѣмъ ничтожнымъ ручейкомъ; вода въ ней

текла чистая, холодная и вкусная. Послѣ послѣдняго дождя ожидалась значительная прибыль воды. Собственно время дождей приходится здѣсь на май и іюнь; снѣгъ-же въ этой мѣстности выпадаетъ только въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ.

По мѣрѣ продолженія пути, ландшафты становились все

Дѣвушка-киргизка.
(Съ рисунка автора).

разнообразнѣе, а горная природа все болѣе дикой. Намъ предстояло оставить долину Кинкола и направиться по долинѣ Чаарлина одного изъ притоковъ Яркендъ-дарьи. Раздѣляющій рѣки Кинколъ и Чаарлинъ перевалъ называется, какъ и оба вытекающіе оттуда ручья, Кашка-су (пестрый ручей).

Маленькая долина, ведущая къ перевалу, очень узка, и

подъемъ, чѣмъ дальше, становится круче. По причинѣ измѣнчивости почвы мнѣ время отъ времени приходилось измѣрять базисъ, чтобы получить единицу времени для опредѣленія скорости нашего передвиженія и пройденнаго разстоянія. Въ долинѣ Кашка-су вьючныя лошади проходили въ $4^1/_2$ минуты 400 метр.; обыкновенная-же наша скорость была 20—30 килом. въ день.

По обѣимъ сторонамъ перевала выступаетъ наружу черный сланецъ, но на самомъ гребнѣ нѣтъ и слѣдовъ рѣзкихъ его выступовъ. Гребень, напротивъ, округленъ, покрытъ землей и частью поросъ сочной травой, на которой паслись принадлежавшіе сартскимъ купцамъ въ Яркендѣ большіе табуны лошадей. Видъ открывается отсюда великолѣпный: глубоко врѣзавшіяся долины по обѣимъ сторонамъ, а вдали снѣжные гребни горъ. Борьба изъ-за водораздѣла идетъ здѣсь энергичная, — обѣ рѣки равны силами. Ручьи, сліяніемъ которыхъ образуются эти рѣки, глубоко врѣзались въ стѣны горъ; послѣднія, поэтому, изобилуютъ вѣерообразными выемками. Абсолютная высота водораздѣла равняется здѣсь 3,972 м.

По ту сторону перевала идетъ крутой спускъ прямо на югъ, къ состоящему изъ 6 юртъ аулу Кой-джолы (овечья дорога) и дальше къ Чегиль-гумбезу (караулъ сорока куполовъ), гдѣ раскинулись нѣсколько каменныхъ и глиняныхъ хижинъ, сараевъ и юртъ, да кладбище съ маленькими украшенными куполами башенками. Жителей всего 13 ч., принадлежащихъ, какъ и въ Кинколѣ и Чаарлинѣ къ роду кипчакъ-киргизовъ. Такъ какъ здѣсь узелъ трехъ путей: изъ Яркенда, Кинкола и Тагармы, то мимо Чегиль-гумбеза часто проходятъ купеческіе караваны. Говорятъ, что обыкновенно около караула останавливается за день на отдыхъ человѣкъ десять путниковъ.

1-го іюля намъ предстояло еще перейти черезъ перевалъ Теръ-артъ (кожанный перевалъ); формой онъ напоминаетъ Кашка-су, но имѣетъ болѣе крутые скаты и достигаетъ 4,040 м. высоты. По сторонамъ гребня сланецъ торчитъ почти отвѣсными, острыми, причудливыми зубцами, плитами и глыбами; пространство между ними часто заполнено кучами щебня. Спускъ по ту сторону перевала идетъ по крайне дикой и причудливой горной долинѣ, гдѣ журчала вода. Долина тянется

между голыми стѣнами изъ сланца, а дно состоитъ изъ размытыхъ ручьями глыбъ конгломерата, сланца и бѣлаго, крупнозернистаго сіэнита, связанныхъ цементомъ желтой глины и песку.

Отъ боковой долины Борумзалъ ручей принимаетъ притокъ, который значительно увеличиваетъ его. Между глыбами сіэнита ростутъ кусты и трава. Долина опять расширяется, но мѣстами суживается среди мощныхъ конгломератовыхъ террасъ. Около трехъ часовъ дня юго-западный вѣтеръ нагналъ легкій туманъ, который постепенно сгущался и къ вечеру перешелъ въ мелкій, частый дождикъ. Мы были поэтому очень рады, что попали подъ крышу въ аулѣ Пасъ-рабатъ (низкій постоялый дворъ), въ которомъ насчитывается всего три юрты съ 13 жителями изъ рода kessek (кисякъ?)-киргизовъ. Здѣсь мы опять спустились до 2,884 м. высоты.

Пасъ-рабатъ имѣетъ значеніе только потому, что черезъ него проходитъ путь, связующій Кашгаръ, Янги-гиссаръ и Яркендъ съ главнѣйшею китайскою крѣпостью въ восточномъ Памирѣ Ташъ-курганомъ. Поэтому и здѣсь воздвигнута крѣпостца. Ручей около Пасъ-рабата впадаетъ въ Тагдумбашъ-су, притокъ Яркендъ-дарьи.

Ночью насъ нѣсколько разъ будилъ сильный дождь, весело хлеставшій по крышѣ юрты, а иногда и пробиравшійся къ намъ въ видѣ мелкихъ брызгъ. На слѣдующее утро окрестность опять укуталась въ густой туманъ.

Произошло оживленное совѣщаніе съ киргизами — ждать или выступать. Они совѣтовали идти, такъ какъ боялись, что дождь разойдется на цѣлый день, и тогда рѣку нельзя будетъ перейти. Нашъ караванъ-баши находилъ, однако, что уже поздно выступать сегодня, если хотимъ за день добраться до слѣдующей стоянки, да и къ броду подойдемъ только, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ.

Мы рѣшились переждать, и я воспользовался временемъ, чтобы произвести измѣренія въ рѣкѣ. Вода въ ней, по случаю дождя, сильно прибыла и изъ хрустально-прозрачной стала мутно-сѣрой, дико несущейся между камнями. Ширина рѣки доходила до 16 м., максимальная глубина до 55 метр.; притокъ воды до 7 куб. м. въ секунду, а температура ея равнялась около полудня 10.5° С.

Чтобы показать въ какой зависимости находятся эти горныя рѣки отъ атмосферныхъ осадковъ и температуры воздуха, я отмѣчу рядъ измѣненій, произошедшихъ въ этой рѣчкѣ за день. Около трехъ часовъ дня уровень воды понизился на 1.5 сантим.,—источники рѣки, находящіеся въ горахъ, замерзли за ночь,—а въ 5 часовъ дня повысилась на 3.5 сантим., такъ какъ только къ этому времени достигла Пасъ-рабата вода отъ дождя, выпавшаго въ горахъ поутру. Въ 7 часовъ вечера уровень воды повысился на 16 сантим. противъ цифры первоначальнаго измѣренія въ полдень; ширина-же рѣки по причинѣ почти отвѣсныхъ крутыхъ береговъ увеличилась только на 1 метръ.

Журчанье этой мутной водной массы отдавалось глухо, такъ какъ глыбы и камни, высовывшіеся поутру изъ воды, были теперь совершенно покрыты ею. Притокъ воды увеличился вдвое съ того времени, какъ вода отъ дождя, выпавшаго въ горахъ, достигла мѣста нашей стоянки, и превышалъ теперь 14 куб. м. въ сек., а температура воды равнялась 9.7°. Въ 8 ч. вечера уровень воды повысился еще на 2 сантим., а температура понизилась до 9.7°. Черезъ часъ уровень воды повысился еще на 1 сантим., а температура ея понизилась до 9.4, изъ чего видно, что чѣмъ больше прибыль воды, тѣмъ медленнѣе согрѣвается водная масса въ умѣренномъ воздухѣ долинъ. На слѣдующее утро въ 7 часовъ вода держалась почти на томъ-же уровнѣ, какъ и при первомъ измѣреніи, но температура упала за ночь до 7.5°.

Въ этотъ день 3 іюня выдался особенно трудный переходъ. Въ началѣ долина довольно широка и обильна пастбищами, кустарникомъ и ивами. Тамъ и сямъ выдавались изъ высокихъ почти отвѣсныхъ скатовъ горъ конгломератовыя массы, угрожая обвалами, образуя стѣны и валы съ трещинами, провалами, выемками и пещерами. За вилкообразной долиной Ямбулакъ (пещерный источникъ) проходъ еще болѣе сузился, дно оказалось заваленнымъ продуктами вывѣтриванья, и воды въ рѣкѣ, послѣ того, какъ нѣсколько изъ ея притоковъ остались ниже, позади насъ, поубавилось.

За Ямбулакомъ, гдѣ у дороги пріютилась лачуга и гдѣ взоръ ласкаютъ кусты свѣжаго зеленаго шиповника, съ бѣлыми цвѣтами, долина носитъ многозначительное названіе Тенги-

таръ; „тенги“ обозначаетъ „узкій проходъ“ и „таръ“ также „узкій“, т. е. „узкій — узкій проходъ“. И, дѣйствительно, прозвище это вполнѣ оправдывается. Здѣсь снова появляются грубо-кристалическія горныя породы, и внутри района ихъ мѣстонахожденія пластика измѣняется, — возвышенности становятся болѣе округленными куполообразными, острые гребни и вершины, которыя мы видѣли въ областяхъ мѣстонахожденія сланца, исчезаютъ. Хотя проходъ сильно загроможденъ продуктами распада горныхъ породъ, растительность здѣсь не бѣдна; особенно часто попадаются березы, шиповникъ и боярышникъ.

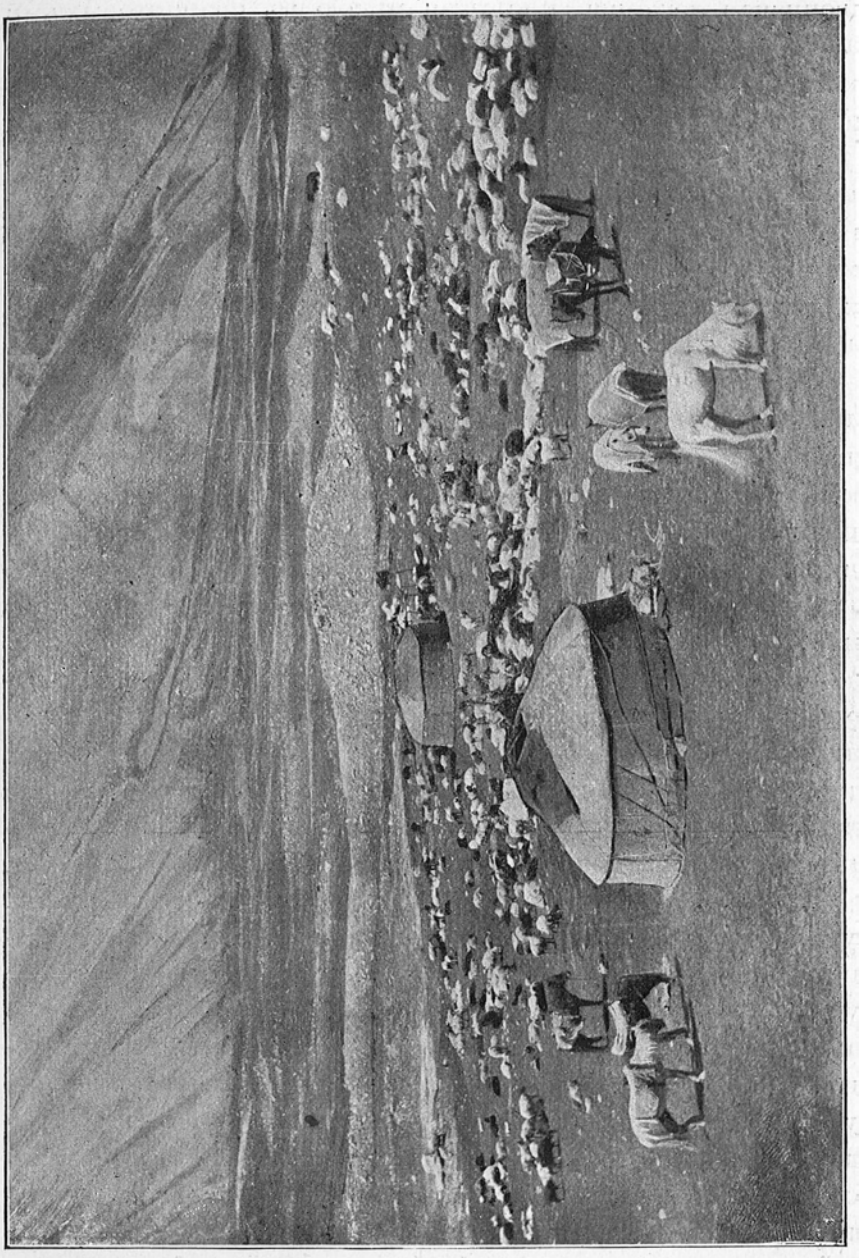
Затѣмъ долина суживается въ настоящій корридоръ съ клинообразнымъ разрѣзомъ. Дорога становится все болѣе непроходимой, мы дѣлаемъ безконечныя зигзаги, пробираясь между обрушившимися глыбами и безпрестанно должны переходить черезъ рѣку, которая теперь опять стала свѣтлою и прозрачною.

Дальше ущелье Тенги-таръ замыкается гнейсовыми скалами, которыя мѣстами прикрыты конгломератомъ. Изъ нихъ бьютъ около Исыкъ-булака, какъ показываетъ самое названіе, горячіе ключи. Тремя брызжущими, но не особенно обильными струями бьетъ богатая сѣрой вода изъ подъ большой конгломератовой глыбы. Вода издаетъ непріятный запахъ и окрашиваетъ окружающіе камни въ желтый и коричневый цвѣтъ; чуть подальше уже идетъ богатая растительность. Отъ струй источника подымаются горячіе пары; температура струй у самаго выхода изъ-подъ земли 52.8°. Мѣстечко это находится всего въ семи метрахъ разстоянія отъ берега рѣки.

Вода въ рѣкѣ, въ 10 м. выше истока горячихъ ключей, имѣла 12.5°, а въ 10 м. ниже 19°. Въ двухъ минутахъ ходьбы вверхъ по рѣкѣ находится другой подобный-же горячій источникъ, значительно поменьше и съ температурой 51.7°. Выше его температура воды была 12.2°. Я привожу эти сами по себѣ мало значущія цифры, чтобы связать съ ними тотъ фактъ, что ниже истока ключей и до самого Ямбулака рѣка даже въ самыя холодныя зимы никогда не замерзаетъ, тогда какъ выше ключей наоборотъ.

За ключами ущелье имѣетъ всего нѣсколько метровъ ширины, образуя длинный прохладный корридоръ; на порогѣ

его лежалъ лошадиный остовъ, предрекая нашимъ лошадямъ такую-же участь. Рѣка, сдавленная между отвѣсными скалами



Аулъ Кара-джилга.
(Съ фотографіи автора).

и имѣющая значительный уголъ паденія, сильно пѣнится, пробираясь между рухнувшими глыбами, и образуетъ маленькіе водопады.

Природа здѣсь дикая и величественная. Надъ нами виднѣется узенькая полоска неба. Впереди вьется оригинальная живописная ложбина, прорытая рѣкою въ кварцитовыхъ и гранитныхъ скалахъ. Часто кажется, что горы впереди смыкаются и заграждаютъ намъ путь; но это означаетъ лишь новый поворотъ, и отъ угла его открывается новая перспектива.

Не легко было благополучно провести нашихъ тяжело навьюченныхъ лошадей черезъ этотъ узкій, трудно проходимый корридоръ. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ навалены камни и глыбы, образующія импровизированные мосты и переходы; все время приходится ѣхать по самой водѣ и за бѣлой пѣной не видно, куда ступаетъ лошадь.

Переходы эти очень опасны, такъ какъ вода размыла тонкій цементъ, скрѣпляющій глыбы, и между ними зіяютъ теперь огромныя отверстія, въ которыя лошади часто попадаютъ ногами и рискуютъ сломать ихъ. Случалось, что лошади наши падали, и людямъ приходилось входить въ воду, чтобы поднять ихъ и спасти вьюки. Душа уходитъ въ пятки,—того и гляди, что лошадь вмѣстѣ съ тобой угодитъ въ холодную ванну.

Я живо помню одно особенно непріятное мѣсто, гдѣ нѣсколько большихъ, круглыхъ валуновъ съ гладкими скользкими боками образовывали порогъ, лежавшій поперекъ ложа рѣки. Двумъ изъ моихъ людей пришлось взобраться на два валуна и съ обѣихъ сторонъ поддерживать вьюки проходившихъ между ними лошадей, чтобы онѣ не потеряли равновѣсія.

Наконецъ, дорога измѣнилась къ лучшему. Горный отрогъ, идущій отъ лѣваго склона долины и называемый Тарнынъ-баши-муйнакъ, у подножія котораго рѣка образуетъ такую глубокую стремнину, что ея нельзя перейти вбродъ, является границей между двумя совершенно различными типами долинъ. Послѣ того, какъ лошади съ трудомъ вскарабкались на крутой и голый гребень отрога, передъ нами открылся чудный видъ и вверхъ и внизъ по долинѣ. Позади насъ лежалъ узкій проходъ, а впереди разстилалась широкая ровная долина съ отлогими боками горъ, округленными возвышенностями, богатой растительностью и удобной тропинкой по берегу рѣки.

По лѣвую сторону идутъ стѣны мощнаго конгломерата, по правую сіэнитовыя, такъ гладко отполированныя,

что невольно наводило на мысль о дѣятельности воды или глетчернаго льда. Налѣво, на югъ отъ гребня, возвышается гора съ двумя вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, называющаяся Кара-джилга-баши (макушка черной долины). Около аула Кара-джилга абсолютная высота равняется 4,175 метр.

Начиная съ Тарнынъ-баши-муйнака долина носитъ названіе Тарбаши (начало узкаго прохода), показывающее какъ зорко подмѣчаютъ киргизы измѣненія рельефа.

Бекъ Тогдасынъ.
(Съ рисунка автора).

Теперь уже недалеко было до мѣста дневного бивуака, Булакъ-баши (начало ключей). Мѣстный юзъ-баши, старый бекъ, принялъ насъ очень любезно, и тотчасъ же отвелъ намъ удобную юрту.

Въ рѣкѣ Тарбаши въ $3^1/_2$ часа мы наблюдали довольно оригинальное явленіе. Вода стояла низко и была прозрачна, но вотъ послышался отдаленный шумъ и грохотъ, вода прибыла (отъ таянія снѣговъ и льда въ высшихъ поясахъ и отъ дождя въ нижнихъ), пѣнясь, быстро переполнила русло и разлилась по долинѣ. Счастье, что мы какъ разъ успѣли выбраться изъ долины, не то насъ, пожалуй, смыло-бы и унесло водой. Вотъ чего такъ боялись киргизы, около Чаарлина.

XI.

Черезъ Тагарму въ Су-баши.—Киргизскія „байги“.

Направляясь отъ Игизъ-яра, мы пересѣкли обширные, восточные склоны хребта Мусъ-тагъ, настоящій лабиринтъ гребней, вершинъ и долинъ. Изъ долины Кинкола мы попали въ долину Чаарлина, изъ послѣдней прошли къ Пасъ-рабату, переваливъ черезъ два небольшихъ гребня.

Тамъ, гдѣ одинъ изъ истоковъ послѣдней изъ названныхъ рѣкъ, подъ названіемъ Тенги-таръ, прокладываетъ себѣ русло въ кристаллическихъ горныхъ породахъ, мы нашли дикую, глубокую долину, которая живо напомнила типъ периферической области. За маленькимъ переваломъ долина расширялась, и горы становились болѣе отлогими, а относительныя высоты понижались, — въ маломъ масштабѣ переходная область.

Итакъ, въ природѣ нагорья уже замѣчались перемѣны. Мы констатировали, что уровень воды въ руслахъ обыкновенно повышался къ четыремъ часамъ дня и продолжалъ повышаться до вечера; это показывало, что воды, получающіяся при таяніи горныхъ снѣговъ отъ полуденнаго солнца, достигаютъ этихъ долинъ, только спустя нѣсколько часовъ. Около полудня уровень воды въ рѣкахъ поэтому самый низкій; самый же высокій бываетъ ночью. Прибыль воды идетъ, впрочемъ, не всегда одинаково правильно; колебанія обусловливаются выпаденіемъ дождя. Эти-то бурные разливы и являются настоящими причинами размыва горныхъ породъ, отъ чего въ свою очередь зависитъ мутность самыхъ потоковъ. Днемъ вода отстаивается по мѣрѣ того, какъ продукты размыва осѣдаютъ на дно.

Около Булакъ-баши мы нашли шесть юртъ съ тридцатью жителями изъ рода kessek-киргизовъ. Они обязаны жить здѣсь круглый годъ и нести караульную службу, т. е. помогать и давать пріютъ проѣзжимъ китайцамъ, а также перевозить китайскую почту. И здѣсь, какъ въ Пасъ-рабатѣ, есть три почтовыхъ чиновника, которые за свои труды получаютъ всѣ трое

25 чэрекъ пшеницы изъ Янги-гиссара и 20 чэрекъ изъ Ташъ-кургана. По дорогѣ отъ Янги-гиссара мы миновали шесть карауловъ: Игизъ-яръ, Тукай-баши, Кашка-су-баши, Чегиль-гумбезъ, Пасъ-рабатъ и Булакъ-баши.

Двое изъ киргизовъ, проживавшихъ въ аулѣ, считались „баями“, т. е. богатыми людьми, такъ какъ они имѣли по 100 головъ овецъ, 200 козъ, 100 яковъ, 30 лошадей и 30 верблюдовъ. Зимы, говорятъ, въ этой мѣстности бываютъ очень холодныя, и рѣки повсюду, какъ только источники ихъ въ горахъ замерзнутъ, изсыхаютъ. Снѣгъ выпадаетъ здѣсь въ теченіе 5 мѣсяцевъ, но рѣдко бываетъ выше колѣна. Въ серединѣ мая наступаетъ настоящее время дождей, но и въ теченіе всего лѣта и осени выпадаютъ осадки.

5 іюля выдался одинъ изъ тяжелыхъ дней, такъ какъ предстояло перевалить черезъ главный гребень Мусъ-тага. Ночь была тихая и свѣтлая, температура пала ниже нуля, и еще утромъ по краямъ ручьевъ виднѣлись ледяныя каемки и застывшая вода. Чѣмъ выше, тѣмъ долина становилась шире, ближайшіе отроги главнаго хребта становились все болѣе плоскими и лишь изрѣдка попадались рѣзко очерченныя гнейсовыя скалы.

Словно среди кулисъ, журча, текутъ съ боковъ въ главную долину ручейки. Въ глубинѣ большинства маленькихъ боковыхъ долинъ виднѣется главный гребень съ блестящею шапкой вѣчнаго снѣга; въ ближнихъ-же горахъ снѣгъ покрываетъ только склоны, обращенные къ N, NO и NW. Дно долины частью усѣяно щебнемъ и небольшими валунами, частью покрыто сочнымъ дерномъ, на которомъ пасутся стада яковъ.

Скоро мы очутились въ овальной котловинѣ, окруженной горами; нѣкоторыя изъ нихъ были покрыты снѣгами. Передъ нами возвышался порядочной величины кряжъ, и тутъ-же къ сѣверу виднѣлся перевалъ Янги-даванъ (новый перевалъ), черезъ который ведетъ дорога въ Ямбулакъ; пользуются этимъ путемъ, однако, лишь въ тѣхъ случаяхъ, если путь на Тенги-таръ непроходимъ. Посреди этой ровной котлообразной долины находятся два небольшихъ озера, около 500 м. въ длину каждое. Они образовались изъ воды, получающейся отъ таянія снѣговъ на примыкающихъ ледяныхъ поляхъ. Изъ этихъ хрустально-прозрачныхъ озеръ вытекаетъ

рѣчка Чичикликъ-су, впадающая (черезъ долину Шинди и Пасъ-рабатъ) въ Яркендъ-дарью. То-же названіе Чичикликъ носитъ и низкій перевалъ-порогъ, служащій водораздѣломъ долинъ Тарбаши и Чичикликъ.

Подъемъ отъ этого мѣста идетъ не особенно круто къ перевалу Кичикъ-кокъ-муйнакъ (маленькій зеленый перевалъ) высотою въ 4,593 м. Какъ этотъ послѣдній, такъ и расположенный немного подальше Катта-кокъ-муйнакъ (большой зеленый перевалъ) въ 4,738 м. высотою, не представляетъ затрудненій для перехода. Между ними развертывается вѣеромъ долина, въ которой изъ нѣсколькихъ мелкихъ ручьевъ образуется рѣчка, притокъ Чичиклика-су. Оба перевала представляютъ округленныя формы и покрыты зеленью; только кругомъ разбросаны голыя гнейсовыя глыбы.

Къ западу отъ послѣдняго названнаго перевала спускъ идетъ довольно круто вдоль ручейка, который подобно Тенгитару прорѣзываетъ скалистое ущелье; мы пробирались черезъ него цѣлый часъ. Въ наиболѣе защищенныхъ отъ солнца мѣстахъ еще бѣлѣли небольшіе клоки льда и снѣга, по которымъ мы и ѣхали. Мало-по-малу долина, называющаяся здѣсь Доршатъ, стала пошире и, наконецъ, мы увидѣли находящіяся въ ея устьѣ горныя ворота, открывающіяся въ равнину; вдали, на заднемъ планѣ ея рисовались голубовато-бѣлыя горы — хребетъ Мусъ-тагъ.

Послѣ того, какъ мы пересѣкли небольшой, почти отдѣльно лежащій холмъ, мы очутились въ большой долинѣ Тагарма, утопавшей въ нѣжной зелени и въ лучахъ заходящаго солнца. На право виднѣлась китайская крѣпость Бэшъ-курганъ (пять крѣпостей), стѣны которой образовывали четыреугольникъ. Гарнизонъ ея, говорили, состоитъ изъ 120 человѣкъ. По ту сторону рѣки Тагармы насъ встрѣтили беки и юзъ-баши, учтиво привѣтствовавшіе насъ и сообщившіе, что они получили отъ дао-тая письменный приказъ быть къ моимъ услугамъ.

Долина Тагарма—горная равнина, одѣтая сочной травой, окруженная мощными хребтами и прекрасно орошенная. Ручьи, стекающіе съ окружающихъ снѣжныхъ горъ, прорѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ и соединяются въ порядочную рѣку Кара-су (черная вода) или Тагарма-су (вода ябло-

новой горы), которая повыше Ташъ-кургана достигаетъ Яркендъ-дарьи. Въ этой долинѣ встрѣчается также много киргизовъ; у нихъ здѣсь превосходные „яйлаки“.

6 іюля было посвящено отдыху. Жара около полудня стояла удушливая, температура доходила въ палаткѣ до 32°, а на открытомъ воздухѣ, на песчаномъ полѣ до 53°; инсоляціонный термометръ показывалъ 71.3°. Обширная равнина поглощаетъ огромное количество тепла; склонъ ея обращенъ къ югу. Около нашей стоянки гипсотермометръ далъ 3,236 м. высоты. Небо было совершенно ясно, лишь нѣсколько легкихъ облачковъ плыли надъ горами; въ воздухѣ не шелохнулось, только стоялъ легкій паръ, подымавшійся отъ раскаленной почвы. Условія выпаденія осадковъ здѣсь совершенно иныя, нежели въ окраинныхъ горныхъ долинахъ. Дождя выпадаетъ въ долинѣ Тагармы мало; больше двухъ, трехъ часовъ подрядъ дождь не продолжается; дождливое время — весна. Снѣгу также бываетъ немного, и выпадаетъ онъ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ мѣсяцевъ. Зимы стоятъ очень холодныя, но снѣгъ таетъ весьма быстро въ сухомъ чистомъ воздухѣ.

Благодаря огромной инсоляціи и обильному орошенію, равнина представляетъ прекраснѣйшія пастбища; густая сочная трава, зеленыя влажныя кочки видны всюду, а между ними журчатъ ручьи и ключи. Стада яковъ и овецъ оживляютъ ландшафтъ; тамъ и сямъ виднѣются маленькіе, уютные, киргизскіе аулы. Въ долинахъ, подальше на востокъ, по ночамъ часто бывалъ морозъ, но здѣсь воздухъ и ночью былъ тепелъ. Стояла полная тишина, изъ лагеря не слышно было даже журчанья ручьевъ, но комары долго не давали намъ заснуть.

Киргизы, обитающіе въ долинѣ Тагармы живутъ здѣсь и лѣто и зиму; у нихъ насчитывается 80 юртъ, изъ которыхъ 50 принадлежатъ kessek, а 30 теитъ-киргизамъ. Въ каждой юртѣ живетъ среднимъ числомъ 4 чел. Около Бэшъ-кургана и Саралы поселились еще 20 семействъ таджиковъ.

Большинство здѣшнихъ киргизовъ, однако, бѣдны, владѣя въ общей сложности только 2,000 головъ овецъ и 200 яковъ; у многихъ вовсе нѣтъ, или очень мало домашняго скота. Таджики въ сравненіи съ киргизами богаты. Они осѣдлы, живутъ въ глиняныхъ мазанкахъ, занимаются, обыкновенно,

земледѣліемъ (сѣютъ, главнымъ образомъ пшеницу и ячмень), но также и скотоводствомъ и имѣютъ нерѣдко по 1,000 головъ овецъ.

Киргизы объясняли, что лѣтъ двадцать тому назадъ, при Якубъ-бекѣ, имъ жилось гораздо лучше, такъ какъ они пользовались большею свободою и могли, по желанію, переходить со стадами къ западу на пастбища Памира, а теперь китайцы строго воспретили имъ переходить русскую границу. Нашъ хозяинъ Магометъ-Юсуфъ былъ бекомъ надъ всѣми киргизами Тагармы.

Животное царство здѣсь очень богато; тутъ встрѣчаются дикія козы, зайцы и другіе мелкіе грызуны, волки, лисицы, куропатки, гуси и утки и много разныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ, которыя останавливаются здѣсь во время перелета.

7 іюля мы продолжали путь на западъ и сѣверо-западъ, вдоль подошвы группы Мустагъ-аты, имѣя вправо отъ себя ту часть ея, которая называется Кара-корумъ (черный каменистый путь). Мы слѣдовали по теченію Кара-су, питаемой ледниковыми ручьями и ключами, и дальше сливающейся съ водами долины Тагармы, чтобы впасть въ Яркендъ-дарью. Мы шли вдоль краевъ старыхъ моренъ и видѣли много эрратическихъ гнейсовыхъ глыбъ, которыя говорили объ обширныхъ передвиженіяхъ льда въ былыя времена.

На проѣзжей дорогѣ, въ мѣстности, называемой Гыджакъ (скрипка), возвышается живописный „ту“ (tu), или жертвенный холмъ, состоящій изъ кучи камней, въ середину которой воткнута большая вѣтвь березы, обвѣшанная черепами и рогами дикихъ барановъ, хвостами лошадей и яковъ и бѣлыми лоскутьями. Кромѣ большой вѣтви, между камнями укрѣплены нѣсколько меньшихъ березовыхъ вѣтвей и палокъ, а вокругъ разложены черепа лошадей и антилопъ. Передъ кучей камней лежала небольшая гнейсовая глыба съ углубленіемъ, сдѣланнымъ водой или льдомъ; углубленіе было покрыто копотью, и мнѣ разсказывали, что тутъ обыкновенно зажигаютъ жертвенный огонь (свѣтильники съ масломъ) паломники.

Какъ разъ около этого мѣста впадаетъ въ долину идущая съ запада маленькая боковая долина Каинды-мазаръ (святая могила подъ березками). Названіе свое она получила отъ на-

ходящейся здѣсь могилы святого, осѣненной березками. Извѣстностью своей мазаръ обязанъ легендѣ, что здѣсь отдыхалъ послѣ одного изъ своихъ походовъ храбрый ханъ Ходжа. Мазаръ представляетъ поэтому одно изъ почетнѣйшихъ киргизскихъ кладбищъ. Упомянутый выше „ту“ и воздвигнутъ посреди проѣзжей дороги для напоминанія, что неподалеку находится мазаръ. О томъ, что какъ разъ напротивъ находится гигантскій мазаръ — Мустагъ-ата, напоминать нѣтъ надобности.

Направо намъ впервые открылись на горныхъ склонахъ ледники, съ которыми намъ предстояло такъ близко познакомиться этимъ лѣтомъ.

8 іюля намъ остался всего день пути до Су-баши, причемъ надо было перейти черезъ небольшой удобный перевалъ Улугъ-рабатъ, находящійся посреди долины Сары-колъ, дѣля ее на двѣ части: сѣверную, воды которой стекаютъ въ р. Гезъ, и нижнюю, воды которой стекаютъ въ Яркендъ-дарью. День выдался чудесный. Вершины горъ направо отчетливо рисовались на ясномъ, чистомъ, свѣтло-голубомъ небѣ рѣзкими контурами, обведенными ослѣпительно-бѣлымъ снѣгомъ. Только на югѣ виднѣлись легкія перистыя облачка. Словомъ, природа была въ праздничномъ настроеніи, и я залюбовался съ сѣдла окрестностью.

Мы достигли перевала около 1 часу дня и, взобравшись на небольшую кучку камней, обозрѣвали мѣстность съ высоты 4,230 м. Мощные ледники, идущіе радіусами отъ центральной снѣговой области, высовывали къ западу свои бѣлоснѣжные или голубоватые въ изломахъ и обрывахъ языки, а между ними возвышались дикія отвѣсныя скалы, кажущіяся среди снѣговъ и льда почти черными. Мы были слишкомъ близко, чтобы вершина горы производила на насъ впечатлѣніе высокаго правильнаго купола; лишь издали, съ запада, напримѣръ, съ Мургаба, ея благородные контуры видны ясно и отчетливо.

На сѣверъ также открывалась чудная панорама. Долина Сары-колъ слегка заворачиваетъ здѣсь къ NW, и поэтому фономъ картины служитъ хребетъ Мусъ-тагъ. На западъ и на югъ рисовался хребетъ Сары-колъ, который дѣлаетъ здѣсь поворотъ къ Памиру. Хребетъ на всемъ протяженіи черенъ: почва волнистыхъ, мягко очерченныхъ холмовъ состоитъ по

большей части изъ песку, щебня и глины; зеленѣющія кочки виднѣются лишь изрѣдка.

На первомъ планѣ на сѣверѣ разстилается сравнительно ровная мѣстность Су-баши, въ верхней части которой находится караулъ Эрикъ-якъ; семь киргизовъ охраняютъ здѣсь ведущіе въ русскій Памиръ перевалы Мусъ-куру и Тохъ-терекъ. Къ послѣднему ведутъ два подъема; посреди одного, называемаго Кара-тохъ-терекъ, возвышается небольшой отдѣльный кряжъ, состоящій изъ мелкозернистаго, спрессованнаго гранита съ флюидальной структурой и пегматитовыми жилами. Вытекающій изъ ледниковъ ручей, впадающій въ рѣчку Тохъ-терекъ, очень мутенъ, неся продукты перетиранія горныхъ породъ, и гораздо обильнѣе водою, нежели р. Тохъ-терекъ, воды которой не ледниковаго происхожденія, чисты и прозрачны.

У подошвы сѣвернаго склона Улугъ-рабата расположенъ аулъ изъ девяти юртъ, а невдалекѣ и другой изъ пяти; оба находятся на берегу рѣки; вокругъ пасутся большіе стада. Въ первомъ привѣтливо встрѣтилъ меня бекъ Тогдасынъ и проводилъ въ свой аулъ, гдѣ старая юрта стояла на прежнемъ мѣстѣ и была убрана, какъ и въ первый разъ. Въ нее тотчасъ-же набралось одиннадцать грязныхъ китайскимъ солдатъ, которые долго пялили на меня глаза, кричали, хохотали, показывали пальцами на мои вещи и страшно воняли. Затѣмъ явился секретарь коменданта Ши-дарына и попросилъ позволенія посмотрѣть мой паспортъ. Содержаніе послѣдняго удовлетворило его; я пригласилъ его на чашку чаю, и онъ въ общемъ оставилъ по себѣ сравнительно пріятное впечатлѣніе.

Бекъ Тогдасынъ предполагалъ, что гарнизонъ крѣпости состоитъ изъ 66 человѣкъ, но я сомнѣваюсь, чтобы тамъ было больше дюжины. По крайней мѣрѣ, я больше не видалъ, а они ужь, навѣрное, всѣ побывали въ моей юртѣ, чтобы удовлетворить свое любопытство. Бекъ сосчиталъ только лошадей и полагалъ, что столько-же должно быть и людей. Китайцы же въ этой области примѣняютъ довольно своеобразный пріемъ при счисленіи своихъ войскъ: они не довольствуются опредѣленіемъ числа самыхъ солдатъ, но включаютъ въ общій счетъ и число лошадей, ружей, башмаковъ, панталонъ и проч., такъ что итогъ получается въ нѣсколько разъ большій, чѣмъ слѣ-

довало-бы. По ихъ разсужденію, ружье по крайней мѣрѣ такъ-же важно, какъ самъ солдатъ, и послѣдній кромѣ того не можетъ идти на войну пѣшкомъ, или голымъ, такъ вотъ и считаютъ все огуломъ.

Такимъ путемъ китайцы думаютъ внушить легковѣрнымъ киргизамъ, живущимъ по обѣ стороны границы, а также русскимъ преувеличенное представленіе о численности и силѣ своихъ гарнизоновъ. Но горе киргизу, который бы вздумалъ сосчитать китайскихъ солдатъ попросту, какъ считаетъ своихъ овецъ! Одинъ киргизскій юзъ-баши, прибывъ недавно въ Ташъ-курганъ, былъ спрошенъ тамошнимъ комендантомъ Ми- дарынъ, сколько солдатъ въ гарнизонѣ Су-баши и отвѣтилъ: тридцать. Ми-дарынъ обратился къ своему коллегѣ Ши-дарыну съ письменнымъ запросомъ о вѣрности сообщенія юзъ-баши. Ши-дарынъ призвалъ къ себѣ послѣдняго и задалъ ему трепку, спрашивая, какъ могъ онъ вообще осмѣлиться считать или вообще думать что-либо о численности гарнизона!

Вооруженіе гарнизона Су-баши состоитъ изъ полдюжины англійскихъ и столькихъ-же русскихъ ружей и затѣмъ изъ луковъ и пикъ. Съ европейскимъ оружіемъ солдаты обращаются дурно, и оно обыкновенно въ плохомъ состояніи. Я видѣлъ, какъ двое солдатъ, перепрыгивая черезъ ручей, опирались на свои ружья, воткнутыя дулами въ грязное мѣсиво. Хорошихъ лошадей наберется какой-нибудь десятокъ; остальныя просто караванныя клячи. Ученье, стрѣльба въ цѣль и проч. почти никогда не производятся, и бекъ Тогдасынъ говорилъ мнѣ, что, какъ самъ комендантъ, такъ и весь гарнизонъ, день деньской ровно ничего не дѣлаютъ, только курятъ опіумъ, играютъ на деньги, ѣдятъ, пьютъ и спятъ.

Гарнизоны время отъ времени смѣняются новыми изъ Кашгара, Яркенда и Янги-гиссара; изъ этихъ-же городовъ присылается раза 4—5 въ годъ продовольствіе въ китайскій Памиръ. Киргизы здѣсь свободны отъ подати, но аулъ обязанъ доставлять полдюжины барановъ въ мѣсяцъ, за которыхъ китайцы уплачиваютъ только половину или даже треть стоимости.

Къ киргизамъ я мало-по-малу сталъ питать большую симпатію. Я жилъ между ними четыре мѣсяца и, хотя былъ тутъ единственнымъ европейцемъ, не испытывалъ бремени

одиночества, такъ какъ они проявляли по отношенію ко мнѣ неизмѣнную дружбу и гостепріимство.

Они съ удовольствіемъ дѣлили мою скитальческую жизнь; нѣкоторые сопровождали меня во всякую погоду и участвовали во всѣхъ экскурсіяхъ, странствіяхъ по ледникамъ и восхожденіяхъ на горы. Постепенно я пріобрѣлъ въ долинѣ Сары-колъ извѣстную популярность. Въ лагерь ко мнѣ пріѣзжали и ближніе и дальніе киргизы, дарили мнѣ барановъ, утокъ, куропатокъ, хлѣбъ, яковое молоко и сливки; въ аулахъ меня вездѣ встрѣчали верховые киргизы и провожали въ юрту бека, гдѣ отводили мнѣ почетное мѣсто у огня и предлагали мнѣ дастарханъ.

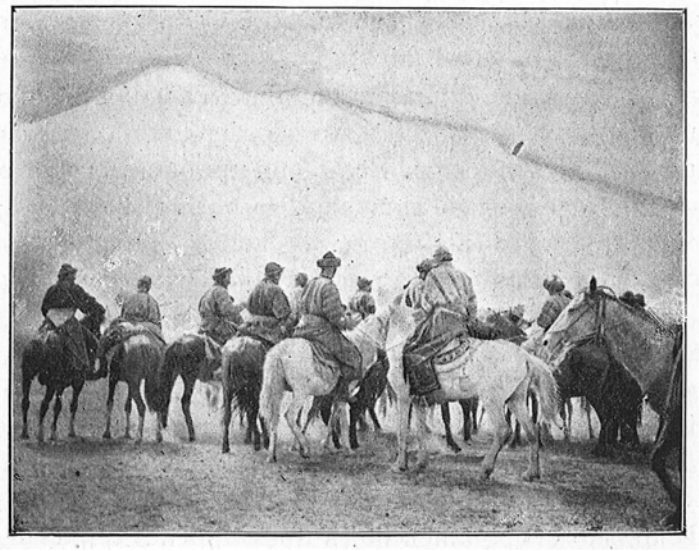
Особенно забавляли меня дѣти; многіе изъ нихъ были такъ милы, прыгая вокругъ меня въ своихъ разноцвѣтныхъ шапочкахъ на головахъ, но безъ всякаго признака другой одежды на тѣлѣ, кромѣ развѣ огромныхъ отцовскихъ кожанныхъ туфель, что съ трудомъ можно было оторваться отъ нихъ. При первомъ взглядѣ на странное существо съ очками на носу, въ необыкновенномъ одѣяніи, малыши чаще всего обращались въ бѣгство, прятались за юбки матерей или по угламъ юрты, но довольно было кусочка сахара, чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе.

Киргизы скоро увидали, что и я смотрю на нихъ, какъ на друзей, и чувствую себя хорошо между ними. Я жилъ въ ихъ юртахъ, ѣлъ ихъ пищу, ѣздилъ на якахъ, кочевалъ съ ними съ мѣста на мѣсто, словомъ, сталъ подъ конецъ совершеннымъ киргизомъ. И они часто льстили мнѣ словами: „сызъ инды кыргызъ болдынызъ“ — „теперь вы стали киргизомъ“.

Какъ я и могъ ожидать послѣ первой дружелюбной встрѣчи три мѣсяца тому назадъ, бекъ Тогдасынъ, старшина сары-кольскихъ киргизовъ и представитель и заступникъ ихъ передъ Джанъ-дарыномъ, комендантомъ Булюнъ-куля, принялъ меня, когда я вторично прибѣгъ къ его гостепріимству, какъ стараго знакомаго, осыпалъ меня всевозможными киргизскими любезностями и убѣдилъ меня въ необходимости отдохнуть дня два въ его юртѣ, прежде чѣмъ отправиться къ его сосѣду Мустагъ-атѣ, старшинѣ, обитавшему въ болѣе высокой юртѣ и начальствующему надъ болѣе рослымъ племенемъ.

Я тѣмъ охотнѣе принялъ его приглашеніе, что мнѣ какъ разъ нужно было заняться наемомъ на лѣто киргизовъ и яковъ. 11 іюля хозяинъ мой приготовилъ мнѣ пріятный сюрпризъ: желая показать мнѣ весь аулъ Су-баши и яйлаки киргизовъ въ полномъ блескѣ, онъ приказалъ устроить „байгу“ или игрище, зрѣлище, которое хоть и ничтожно въ сравненіи съ „царскимъ парадомъ“, превосходитъ его своей невѣроятно эффектной сказочной обстановкой.

Утромъ весь цвѣтъ мѣстной молодежи мчался кучками къ югу, гдѣ около верхнихъ ауловъ, на площадкѣ Эрикъ-якъ



Киргизская байга.
(Съ фотографіи автора).

должна была состояться дикая забава. Около полудня отправился и я, въ сопровожденіи сорока двухъ киргизовъ въ лучшихъ халатахъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, въ пестрыхъ кушакахъ, съ кинжалами, ножами и бряцающими перевязями, на которыхъ были нанизаны огниво, шило, кисетъ съ табакомъ, и проч. и въ шапкахъ разныхъ фасоновъ, между которыми, однако, въ это время года преобладали маленькія круглыя шапочки съ красной, желтой и голубой вышивкой. Находясь въ центрѣ такой пестро разряженной толпы, я, въ своемъ простомъ сѣромъ дорожномъ костюмѣ, невольно чувствовалъ

себя чѣмъ-то вродѣ нищенствующаго дервиша между богатыми людьми.

Самыми первыми между ними, и по сану и по одѣянію, были бекъ Тогдасынъ, въ ярко-желтомъ, отороченномъ золотой парчой парадномъ халатѣ изъ Кашгара, полученномъ отъ меня наканунѣ, и бекъ Тогда-Магометъ, старшина киргизовъ, живущихъ къ востоку отъ Мустагъ-аты. Одѣяніе послѣдняго представляло самое смѣлое сочетаніе цвѣтовъ, которые, конечно, только благодаря случайности могли столкнуться на одѣяніи одного человѣка: длинный синій халатъ съ широкимъ ярко голубымъ кушакомъ и высокая лиловая остроконечная шапка съ желтыми лентами. Самъ обладатель этого костюма былъ типичный киргизъ съ косыми, узенькими глазками, выдающимися скулами, жиденькой черной бородкой и растрепанными усами; ѣхалъ онъ на громадной вороной лошади, не туземной породы. Если еще прибавить къ этому кривую саблю въ черныхъ ножнахъ, то вотъ передъ вами и настоящій азіатскій Донъ-Кихотъ.

Толпы всадниковъ становились все гуще, что указывало на близость мѣста игрища, и, наконецъ, мы остановились на особомъ, отведенномъ намъ мѣстѣ, посреди открытаго поля. Тутъ поджидалъ насъ 111 лѣтній старецъ, бекъ Хоатъ, окруженный пятью сыновьями, тоже сѣдовласыми стариками, и десяткомъ — двумя другихъ всадниковъ; въ сѣдлѣ онъ держался замѣчательно прямо, молодецки, даромъ что спина у него нѣсколько сгорбилась подъ бременемъ лѣтъ. Одежда его состояла изъ мѣхового лиловаго халата, коричневыхъ сафьяновыхъ сапогъ и коричневаго тюрбана. Борода у него была сѣдая, короткая, носъ орлиный, и глубоко сидящіе сѣрые глаза, которые, казалось, жили больше воспоминаніями прошедшаго.

Всѣ оказывали ему большой почетъ, и даже беки спѣшили слѣзть съ коней, чтобы поклониться ему, а онъ принималъ всеобщее поклоненіе спокойно, словно какое-то божество. Прежде старецъ былъ чонъ-бекомъ, т. е. главнымъ старшиной надъ всѣми сары-кольскими киргизами; достоинство это переходило въ его родѣ отъ отца къ сыну въ семи поколѣніяхъ — и во время владычества чужеземцевъ и въ періодъ независимости киргизовъ. Когда онъ не былъ погруженъ въ

свои думы, то оказывался очень словоохотливымъ и, видимо, съ удовольствіемъ дѣлился своими воспоминаніями и разсказывалъ о своей семьѣ.

Дѣтей у него было двѣнадцать человѣкъ: семь сыновей и пять дочерей; внучатъ сорокъ три человѣка, и правнуковъ шестнадцать. Почти всѣ они жили вмѣстѣ, въ большомъ аулѣ, который лѣтомъ разбивалъ свои кибитки около Кара-куля, а зимою около Басыкъ-куля. Самый старшій изъ его сыновей бекъ Ошуръ, который мало-по-малу сталъ однимъ изъ „моихъ“, большой шутникъ, сообщалъ мнѣ, что отецъ его въ теченіе своей жизни имѣлъ сорокъ женъ-киргизокъ, двѣ изъ которыхъ, девяностолѣтнія старухи, живы еще, и кромѣ того около ста сартянокъ-наложницъ, которыхъ онъ время отъ времени покупалъ въ Кашгарѣ, а затѣмъ увольнялъ въ отставку.

Бекъ Хоатъ пришелъ въ такой восторгъ отъ моихъ очковъ, что сталъ просить ихъ у меня, но у меня не было съ собой другихъ, и я сказалъ ему, что если онъ обходился до ста одиннадцати лѣтъ безъ очковъ, то лучше такъ и продолжать. Потомъ я подарилъ ему разныхъ матерій, шапокъ и платковъ. Осенью старикъ съ однимъ изъ сыновей отправился въ Янги-гиссаръ, черезъ перевалъ всего на сто метровъ ниже Монблана. У него въ Янги-гиссарѣ была земля, и онъ хотѣлъ немножко развлечься въ городѣ передъ долгой зимней спячкой.

Передъ нашими рядами былъ проведенъ баранъ, затѣмъ одинъ изъ киргизовъ однимъ взмахомъ отрѣзалъ ему голову и далъ стечь крови. Баранья туша должна была явиться предметомъ состязанія, — кто отобьетъ ее у всѣхъ другихъ.

Одинъ изъ всадниковъ взялъ тушу на сѣдло и умчался. Мы ждали нѣсколько минутъ, потомъ вдали показалась цѣлая толпа всадниковъ, несущихся къ намъ бѣшеннымъ галопомъ; восемьдесятъ лошадей громыхали копытами по твердому полю, — трава была до чиста объѣдена пасшимися здѣсь стадами овецъ. Топотъ становился все оглушительнѣе, къ нему примѣшивался гулъ дикихъ криковъ и бряцаніе стремянъ. Всадники промчались мимо насъ въ облакѣ пыли. Передовой бросилъ баранью тушу къ переднимъ ногамъ моей лошади. Словно дикіе гунны или опустошающая разбойничья шайка, пронеслись киргизы, описывая кругъ по полю, чтобы вернуться къ намъ черезъ минуту. Тотъ, кому оказана честь бросаніемъ

къ его ногамъ бараньей туши, обязанъ отвѣтить на нее приглашеніемъ на достарханъ, что обыкновенно и дѣлаютъ киргизы, или горстью серебра, какъ сдѣлалъ я.

Едва успѣли мы нѣсколько податься назадъ, какъ дикая ватага вновь поровнялась съ нами и набросилась на тушу бѣднаго барана, еще не успѣвшую остыть. Завязалась борьба изъ-за обладанія этой тушей, словно изъ-за мѣшка съ золотомъ; люди, лошади, все смѣшалось въ кучу въ густомъ облакѣ пыли. Нѣкоторые изъ переднихъ лошадей упали, другіе взвились на дыбы или пятились отъ страха. Всадники, продолжая крѣпко держаться въ сѣдлѣ, сразмаха перегибались туловищемъ къ землѣ, стараясь схватить добычу. Нѣкоторые сваливались совсѣмъ и рисковали очутиться подъ копытами лошадей; другіе, свѣшиваясь съ сѣделъ, подгибались подъ брюхо лошади, и всѣ одинаково барахтались и боролись въ этой общей свалкѣ, чтобы ухватиться за шерсть туши.

Отставшіе или вновь прибывшіе всадники въ карьеръ неслись къ толпѣ, врѣзывались въ нее, точно намѣреваясь проѣхаться по этой кучѣ лошадей и людей, копошащихся въ пыли и издающихъ дикіе крики. Маленькія уловки были позволены. Норовя пробиться поближе къ тушѣ, состязующіеся схватывали чужихъ лошадей за узду, или били ихъ по мордѣ ручкой кнута, чтобы заставить ихъ подняться на дыбы и попятиться, или старались выбить другъ друга изъ сѣдла.

Двое борцовъ, верхомъ на якахъ съ острыми рогами, еще увеличивали смятеніе. Яки, попавъ въ свалку, щекотали лошадей рогами, тѣ лягались и еще сильнѣе раздражали яковъ, такъ что игра стала чѣмъ-то вродѣ боя быковъ. Наконецъ, одному удалось крѣпко ухватить тушу и прижать ее правой ногой къ сѣдлу; вслѣдъ затѣмъ онъ опрометью кинулся изъ толпы и вихремъ помчался по полю, преслѣдуемый остальными. Всѣ исчезли вдали, но минуты черезъ двѣ опять возвратились. Снова послышался топотъ копытъ по полю. Всадники неслись прямо на насъ, не разбирая дороги; еще минута, и — мы были-бы смяты; своротить намъ было некуда. Но вотъ, въ разстояніи всего двухъ шаговъ, они съ еще большею стремительностью кинулись въ сторону, опять бросивъ къ нашимъ ногамъ тушу, представлявшую уже безформенную массу. Затѣмъ борьба изъ-за нея возобновилась снова и такъ разъ за разомъ.

Я сказалъ беку Хоату, что съ насъ, пожалуй, и довольно этой забавы, — стары ужь мы для нея; онъ расхохотался и сказалъ, что былъ такъ старъ, какъ я, лѣтъ сто тому назадъ; на самомъ дѣлѣ онъ оказался старше меня только вчетверо.

А бека Тогдасына эта свалка такъ раззадорила, что онъ самъ кинулся въ нее и успѣлъ одинъ разъ отбить добычу, но, кувыркнувшись съ лошади и получивъ нѣсколько красныхъ китайскихъ іероглифовъ на лбу и на носу, присмирѣлъ и остался съ нами.

Во время игры многіе поснимали съ себя халаты, нѣкоторые даже раздѣлись совсѣмъ до пояса. И мало, кто выбрался цѣлымъ и невредимымъ; многіе съ окровавленными физіономіями отправились къ ближайшему ручью умываться; не мало оказалось и хромающихъ лошадей. Поле было усѣяно шапками и кнутами; владѣльцы подбирали ихъ. Меня очень удивляло, что никто не былъ изувѣченъ, но, конечно, это объясняется тѣмъ, что киргизы съ пеленокъ выростаютъ въ сѣдлѣ. Когда опасная игра была окончена, почетныхъ гостей пригласили на дастарханъ въ ближайшую кибитку бека, гдѣ насъ увеселяли музыкою мѣстные музыканты.

Тотчасъ послѣ прибытія въ Су-баши, мнѣ пришлось уволить моего китайскаго толмача, таранчу Даода, такъ какъ онъ оказался слишкомъ „вольнымъ“ переводчикомъ, а теперь, чтобы увеличить списокъ своихъ заслугъ, началъ играть въ азартныя игры съ китайцами, и въ одинъ прекрасный день проигралъ 40 тенегъ. Такъ какъ нанятый въ Кашгарѣ караванъ-баши отправлялся теперь обратно со своими лошадьми, то Даодъ и присоединился къ нему. Изъ людей, бывшихъ со мной въ Кашгарѣ, остался у меня лишь вѣрный мой Исламъ-бай. Мы наняли поэтому на лѣто двухъ надежныхъ киргизовъ, Іехимъ-бая и Молла Ислама, которые отлично служили мнѣ во время моихъ лѣтнихъ странствованій, и еще нѣсколькихъ на болѣе короткіе сроки. Они-же должны были снабжать насъ лошадьми.

XII.

Вокругъ Малаго Кара-куля.

Я избралъ исходною точкой для всѣхъ мѣстныхъ экскурсій и съемочныхъ рекогносцировокъ озеро Малый Кара-куль и 12 іюля отправился туда, чтобы занять юрту, разбитую киргизами, согласно уговору, на южномъ берегу озера.

По пути мы присутствовали еще на одной байгѣ, устроенной двумя меньшими аулами, и послѣдняя байга оказалась, пожалуй, еще болѣе дикой, чѣмъ первая. Всадникъ вихремъ пронесся мимо насъ съ живымъ бараномъ на сѣдлѣ, однимъ ударомъ отрубилъ ему голову и началъ съ окровавленной тушей, перекинутой черезъ сѣдло, бѣшенную скачку вокругъ ауловъ. Остальные неслись за нимъ въ погоню, но у него была великолѣпная лошадь, и догонявшіе настигли его только на третьемъ кругѣ, отняли у него тушу и бросили ее къ моимъ ногамъ, такъ что пыль взвилась столбомъ. И тутъ пошло головоломное кувырканіе съ лошадей; одинъ бекъ раскровянилъ себѣ все лицо, но продолжалъ скачку и борьбу, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда мы послѣ дастархана продолжали путь къ озеру, дикая толпа сопровождала насъ, все еще продолжая игру. Мы были очень довольны, когда они, наконецъ, оставили насъ, и мы спокойно могли разобраться въ своей одинокой кибиткѣ.

Разбита она была на самомъ берегу, и передъ нами разстилалось уходящее въ туманъ голубое озеро. Сопровождавшіе насъ бекъ Тогдасынъ и еще нѣкоторые изъ моихъ друзей были приглашены на чашку чая и оставались съ нами до самыхъ сумерекъ. Веселью немало способствовалъ музыкантъ со своимъ „кобусомъ“ (или кобызомъ). Побѣдитель въ байгѣ явился съ визитомъ и преподнесъ мнѣ въ мѣдномъ кувшинѣ кумысъ, холодный, кисловатый и очень вкусный. Единственнымъ недостаткомъ нашей стоянки было то, что здѣсь водились миріады комаровъ, тучею носившіяся надъ песчаной равниной, усѣянной озерками и ручейками, вытекающими изъ ледниковъ.

13 іюля было первымъ рабочимъ днемъ на озерѣ. Найдя, что южный берегъ, изобилующій стоячими водами, представляетъ не особенно здоровое мѣсто для продолжительной стоянки, мы рѣшили перебраться на восточный берегъ, и люди съ утра стали собирать наши пожитки и перетаскивать ихъ.

Я-же, вооружившись станкомъ и діоптромъ, отправился съ двумя киргизами производить съемку береговой линіи вплоть до мѣста новой стоянки. По дорогѣ я заглянулъ къ старому беку Хоату, у котораго было тутъ шесть кибитокъ.

Около юго-восточнаго края озера мы нашли Сары-Тумшукъ—мазаръ (святая могила на желтой косѣ); въ разсѣлинѣ скалы развѣвались хвосты яковъ и лоскутья. У подошвы, между отвѣсными сланцевыми скалами пробиваются прозрачные ключи, имѣющіе температуру + 8.4°.

Тропинка пошла по берегу около самаго озера, и тамъ, гдѣ вывѣтрѣлыя сланцевыя скалы отвѣсно спускались прямо въ озеро, намъ приходилось ѣхать по водѣ. Налѣво разстилалась отливающая голубовато-зелеными тонами водная равнина, на которой видны были кое-гдѣ грязно-желтыя полосы, обозначавшія мели изъ ила, нанесеннаго сюда ручьями. На западномъ берегу возвышался мощной стѣной хребетъ Сарыколъ съ отрогами, теперь едва видными въ туманномъ воздухѣ.

Когда мы добрались до новаго лагеря, тамъ все было уже въ порядкѣ, кибитка разбита у самаго берега на небольшой, поросшей сочной травой горной лужайкѣ, гдѣ нашимъ лошадямъ было вдоволь корму.

Джолдашъ (дорожный товарищъ), жалкая киргизская собака, приставшая къ намъ недавно, какъ прежде Джолчи (потерявшаяся въ Кашгарѣ), была тутъ уже какъ дома и сторожила кибитку. Мы встрѣтили эту собаку въ одинъ прекрасный день въ обществѣ нѣсколькихъ всадниковъ-китайцевъ, которые, повидимому, прилагали всѣ старанія, чтобы заморить ее голодомъ. Увидавъ нашъ караванъ, животное, вѣроятно, сообразило, что кто бы мы ни были, мы, навѣрно, окажемся лучше китайцевъ, и увязалось за нами.

Бѣдняга смотрѣла такой худой, жалкой, что я хотѣлъ прогнать ее, но люди мои вступились за новаго товарища, и онъ былъ оставленъ. У насъ собакѣ жилось хорошо, ѣсть ей

давали вволю; всѣ объѣдки поступали въ ея полное, безраздѣльное владѣніе. Она скоро поправилась и стала очень красивымъ, славнымъ животнымъ, отличнымъ сторожемъ и чуднѣйшимъ товарищемъ; когда мы потомъ посѣтили русскій Памиръ, Джолдашъ своей рѣзвостью и веселостью привлекъ общее вниманіе офицеровъ. Я скоро не могъ обходиться безъ его общества, и грустно мнѣ было потерять его, почти годъ спустя, — онъ околѣлъ отъ жажды въ пустынѣ Гоби.

Мы купили барана, котораго теперь зарѣзали, и скоро былъ готовъ солидный обѣдъ: Исламъ-бай изжарилъ шашлыкъ, киргизы снабдили насъ яковымъ молокомъ, рисъ и чай у насъ были, — чего еще лучше?

Заходъ солнца былъ величественный и бросалъ своеобразный отблескъ на облака и горы на западѣ, которыя и представляли всевозможные оттѣнки отъ сѣраго до желтаго. Вѣтеръ сначала дулъ сѣверный, а къ вечеру смѣнился восточнымъ; по волнамъ прыгали зайчики. Волны съ мелодическимъ убаюкивающимъ плескомъ ударялись о прибрежные камни. Взошедшій мѣсяцъ озарилъ прелестную картину, температура была пріятная, теплая (17°), и мы отъ души наслаждались нашей новой стоянкой у озера, названной Яны-кой.

Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько дословныхъ выдержекъ изъ дневника.

14 іюля. День начался метеорологическими наблюденіями, затѣмъ была совершена ботаническая экскурсія по окрестностямъ, во время которой собрали въ маленькихъ береговыхъ лагунахъ по близости много водорослей.

Около часу дня надъ мѣстностью пронеслась грозовая туча, сопровождавшаяся сильными порывами вѣтра и непродолжительнымъ дождемъ. По озеру пошли ходить высокія, бѣлыя, пѣнящіяся волны, весело разбивавшіяся о берега. Скоро все небо покрылось тяжелыми дождевыми облаками, бѣгущими къ югу. Утромъ горы были окутаны въ обычный густой туманъ, но дождь очистилъ воздухъ, и между прорвавшимися облаками выглянула во всей своей красѣ бѣлоснѣжная сіяющая вершина Мустагъ-аты.

Поверхность озера представляла своеобразные переливы красокъ; около западнаго и восточнаго берега оно отливало такимъ свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ, какого не осмѣлился-бы

изобразить на полотнѣ самый дерзкій мазилка. Дальше, къ серединѣ, на водѣ виднѣлись фіолетовыя полосы, а около восточнаго берега озеро было темно-синяго цвѣта. Мрачно стояли на стражѣ у береговъ сѣрые, угрюмые горные великаны, между мощными гребнями которыхъ было, словно зеркало, вправлено маленькое озеро. Южный берегъ представлялъ пологое превосходное пастбище. На нашемъ берегу была только одна небольшая лужайка, на которой мы и разбили нашъ лагерь; кругомъ-же повсюду тянулись горы или моренныя гряды.

Только къ вечеру погода позволила предпринять небольшую экскурсію къ сѣверо-востоку съ топографическими цѣлями; мы, впрочемъ, нѣсколько разъ попали подъ сильный, но непродолжительный дождь, и слышали грохотавшій въ ущельяхъ громъ. Мы бродили по типичнымъ моренамъ; вся окрестность была усѣяна кучами щебня и валунами всѣхъ величинъ, но представлявшихъ почти исключительно гнейсовыя и сланцевыя (большею частью слюдяный сланецъ) породы.

Эти массы щебня образовывали или непрерывныя гряды, или отдѣльные конусы, или цирки, въ 50—200 метр. въ діаметрѣ, то замкнутые, то имѣющіе проходы съ конусомъ или впадиною посреди. Многіе валуны были гладко отполированы или изпещрены царапинами и шрамами; все указывало на то, что мы находимся въ области, гдѣ въ древнія времена громоздились ледники.

Одинъ изъ такихъ валуновъ обращалъ на себя особенное вниманіе и былъ въ силу своего господствующаго положенія избранъ нами точкой опоры. Онъ имѣлъ ровную, гладкую поверхность въ 2 метра длиною и 1 метръ шириною, и на ней виднѣлись шесть примитивныхъ, обрисованныхъ всего нѣсколькими смѣлыми штрихами, но характерныхъ изображеній дикихъ козъ. Изображенія были выцарапаны острымъ камнемъ или какимъ-нибудь другимъ орудіемъ и представляли на бурой поверхности гнейсовой глыбы матово-сѣрые штрихи. Киргизы ничего не могли сказать объ этихъ изображеніяхъ кромѣ того, что они были очень древняго происхожденія.

Мы нашли, что сѣверный край этой мощной моренной гряды круто спускается въ довольно порядочную рѣку, питаемую почти исключительно ледниками и нагорными снѣгами.

Называется она Ики-бель-су (рѣка двухъ переваловъ); протекая по сѣверной части долины Сары-колъ, она прорываетъ южнѣе хребетъ Мусъ-тагъ и подъ именемъ рѣки Гезъ достигаетъ равнинъ около Кашгара, какъ и было упомянуто въ предыдущей главѣ.

Съ гребня морены открылся чудесный видъ на верхнее теченіе рѣки, гдѣ водная масса прорывается словно въ ворота между высокими одѣтыми снѣгомъ скалами. Далѣе она извивается по долинѣ то узкимъ, бурливымъ потокомъ, то широкой, спокойной рѣкой, между поросшими травой берегами, на которыхъ раскинулось нѣсколько ауловъ. Съ высотъ стекаютъ нѣсколько притоковъ ея, также питаемыхъ ледниками.

Когда мы другимъ путемъ вернулись къ стоянкѣ, оказалось, что киргизы доставили намъ еще юрту, въ которой слуги мои и возились съ кухонными принадлежностями.

По близости, на SO отъ лагеря, возвышалась гора Каракыръ (черный пикъ), изъ чернаго сланца, и такъ какъ съ вершины ея долженъ былъ открываться видъ на всю окрестность, въ центрѣ которой былъ разбитъ нашъ лагерь, то мы, торопясь воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и поднялись на скалу 15 іюля.

Панорама, развернувшаяся передъ нами, превзошла самыя смѣлыя ожиданія. Гряда моренъ, съ цѣлымъ лабиринтомъ конусовъ и кучъ щебня казалась отсюда, съ высоты, ничтожнымъ валомъ; Ики-бель-су извивалась ленточкой съ зелеными каемками по грязно-сѣрой почвѣ; Мустагъ-ата, господствующая надо всѣмъ кругомъ, сіяла въ полномъ блескѣ; ни единое облачко не бросало тѣни на ея сѣдовласую макушку.

Изъ подъ снѣгового покрова выглядывали черныя, причудливой формы скалы, доходившія иногда до 20,000 ф. высоты, но надъ ними возвышался чистый, безъ единаго пятнышка куполъ. Обращенный къ востоку склонъ горы спускался круто и неровно; видно было по самой формѣ его, что онъ не годится для подъема. Сѣверный склонъ представлялъ настоящій лабиринтъ скалъ, фирновыхъ полей и ледниковъ. Напротивъ, западный склонъ предлагалъ замѣчательно ровный подъемъ; уголъ его паденія равнялся всего 22°, тогда какъ уголъ паденія восточнаго 30—48°.

Тегерменъ-ташъ-су (мельничный ручей), впадающій въ Ики-бель-су пятью рукавами, образующими дельту, протекаетъ въ нижнемъ своемъ теченіи по весьма ровной мѣстности, покрытой щебнемъ или иломъ, принесеннымъ отчасти самимъ-же ручьемъ изъ ледниковъ.

На SW виднѣлась ровная, широкая долина Су-баши съ горной рѣкой, устье которой также образуетъ дельту съ болотами и безчисленными маленькими озерами, похожими на разсыпанныя по ковру жемчужинки.

На западъ также открывалась величественная панорама. Тамъ, между массивными горными кряжами, блестѣла зеркальная поверхность Малаго Кара-куля, казавшагося такимъ крошечнымъ въ сравненіи съ окружающими его громадами.

Озеро развертывалось внизу, какъ на ладони; его свѣтло-зеленая вода рѣзко выступала въ рамкѣ сѣрыхъ горъ и темно-зеленыхъ прибрежныхъ луговъ, которые мѣстами перемежались моренами, мѣстами расширялись и уходили дальше вглубь долины; шире всего была луговая полоса около южнаго берега. Легкія облачка отражались въ водѣ, и тѣни ихъ тихо скользили по ней. Желто-бурая вода рѣки Су-баши, впадающей въ озеро, вилась по его южному берегу грязной лентой.

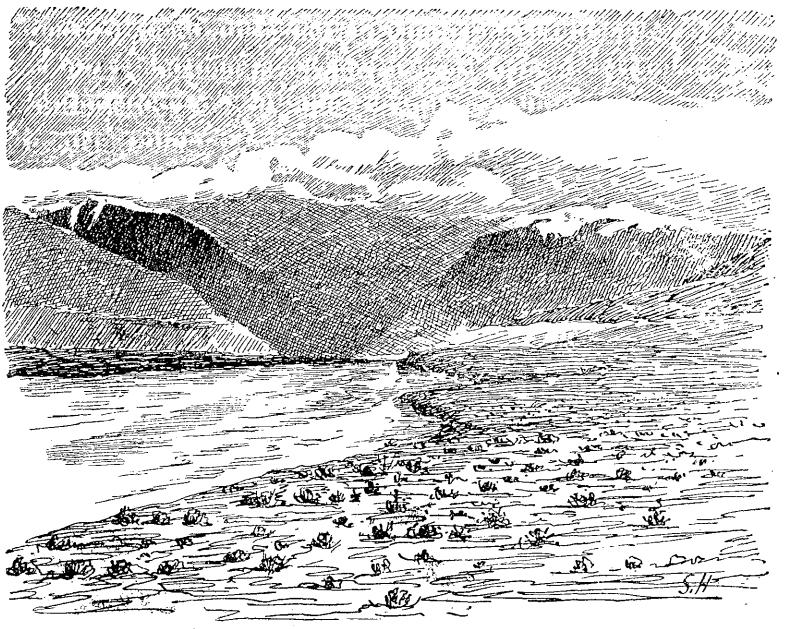
Около западнаго берега, какъ разъ передъ нами, лежалъ островокъ, единственный на Маломъ Кара-кулѣ, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ островковъ, отрѣзанныхъ водой отъ прибрежныхъ луговъ на югѣ и еще поросшихъ травою. А по другую сторону озера возвышался хребетъ Сары-колъ, ограждающій озеро съ сѣвера и юга.

Сѣверный берегъ образованъ моренной грядой, составляющей продолженіе описанной выше. Береговая линія здѣсь поэтому очень капризна. Морены прорѣзываются вытекающимъ изъ озера ручейкомъ, рѣзко выступающимъ между зелеными луговыми берегами и сливающимся ниже съ Ики-бель-су. За Кара-кулемъ, на NW, виднѣлись оба озера Басыкъ-куль. Около полудня опять набѣжала небольшая туча съ ливнемъ и градомъ, но мы продолжали экскурсію, пока, наконецъ, насъ не погналъ домой настоящій дождь.

Теперь я вполнѣ оріентировался и составилъ себѣ планъ — по какому направленію и какъ надо изслѣдовать мѣстность.

По наступленіи сумерекъ у меня каждый вечеръ бывалъ большой пріемъ. Изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ являлись гости-киргизы, всегда съ желанными дарами въ видѣ овецъ, куропатокъ, свѣже-испеченнаго хлѣба, яковыхъ сливокъ и молока. Я отдаривалъ деньгами или матеріями, шапками, ножами и проч., которыя привезъ съ собой для этой цѣли изъ Ташкента. Скоро у насъ образовался цѣлый кружокъ друзей, и мы чувствовали себя здѣсь совсѣмъ какъ дома.

Во время нашихъ экскурсій мы всегда заходили въ ле-



р. Ики-бель-су. Видъ на юго-востокъ.
(Съ рисунка автора).

жащіе на пути аулы и обыкновенно встрѣчали тамъ одного, или нѣсколькихъ изъ своихъ киргизскихъ знакомцевъ. Самымъ близкимъ нашимъ другомъ и покровителемъ оставался, однако, бекъ Тогдасынъ, который часто навѣщалъ насъ и распоряжался доставкой намъ всего нужнаго: яковъ, лошадей, палатокъ и проч.

Весь день 16 іюля стоялъ густой туманъ; утромъ озеро представляло оригинальную картину: противоположнаго берега совсѣмъ не было видно, и казалось, что стоишь на берегу безграничнаго океана.

Двое изъ моихъ киргизовъ раздѣлись и вошли въ мелкую воду собирать водоросли, полосой росшія у берега. Кстати они захватили съ собой Джолдаша, котораго основательно и выкупали, въ чемъ онъ очень нуждался. Вода была какъ разъ пріятной для купанья температуры. Въ часъ дня температура равнялась 17.6°, но за ночь значительно понижалась. Такъ въ 7 часовъ утра въ тотъ-же день въ водѣ было 11.8°. Въ ясные дни вода согрѣвалась въ мелкихъ мѣстахъ очень быстро; но, конечно, нагрѣвались лишь верхніе слои ея. Около полудня 16 іюля инсоляціонный термометръ показывалъ 59°, хотя погода и не была ясная; вода-же, на глубинѣ одного дециметра

Нижній Басыкъ-куль и хребетъ Мусъ-тагъ. Видъ на сѣверо-востокъ.
(Съ рисунка автора).

имѣла всего + 28°, что показываетъ, какимъ плохимъ проводникомъ солнечнаго тепла является даже такой тонкій слой воды.

Мы предприняли экскурсію къ мѣсту сліянія вытекающей изъ Кара-куля рѣки съ Ики-бель-су. Около сѣвернаго края озера мы нашли большую серпообразную мелководную бухту, съ луговыми берегами; въ разстояніи 50—100 метр. отъ берега шли, однако, морены. Около устья рѣчки луга были шире и сочнѣе. Надъ ними тучами носились комары и никоимъ образомъ не услаждали нашего пребыванія здѣсь.

Рѣка Кара-куль вытекаетъ изъ озера изъ воронкообразной бухты, загроможденной эрратическими глыбами, высовывающимися изъ воды. Вскорѣ рѣка расширяется въ маленькое

озерко, называющееся Су-карагай-куль (вода — сосна — озеро). Къ сѣверу находится другое озеро побольше, называющееся Ангыръ-куль (утиное озеро), которое, однако, не имѣетъ стока въ рѣку. Вокругъ озеръ раскинулись луга и болота, направляясь вдоль моренъ, между которыми прорыла себѣ русло рѣка.

Немного подальше, паденіе рѣчной долины становится сразу такъ круто, что рѣка образуетъ водопадъ, съ пѣной прыгающій по каменному руслу между кучами щебня. По берегамъ-же всетаки попадаются небольшія узенькія лужайки. Бурля и пѣнясь, бѣжитъ рѣка дальше по все болѣе рѣзко очерченному ложу и изливается въ Ики-бель-су; ея хрустальныя, пѣнистыя, темносинія воды сразу исчезаютъ въ мутной отъ ледниковаго ила главной рѣкѣ, которая, пожалуй, разъ въ двадцать обильнѣе водой. Русло ея глубоко, энергично врѣзалось между высокими (отъ 50 до 100 м.) стѣнами конгломерата; перейти вбродъ черезъ Ики-бель-су въ этомъ мѣстѣ невозможно. Я опредѣлилъ ширину ея въ 25 м., а скорость теченія 1.7 м. въ секунду.

Оглушительный грохотъ громко отдается между отвѣсными стѣнами; волны, встрѣчая на пути каменныя глыбы, вскидываются на высоту цѣлаго метра, сыплютъ брызги, но пѣны почти не видно, такъ какъ она такого же грязно-мутнаго цвѣта, какъ и вся вода.

Около лѣваго берега, на метръ ниже впаденія въ Ики-бель-су рѣчки Кара-куля, ясныя голубыя струи послѣдней совсѣмъ поглощаются первою, успѣвая окрасить въ голубой цвѣтъ только небольшое пространство воды, а бѣлая пѣна пропадаетъ сразу. Мощная водная масса Ики-бель-су прорываетъ себѣ русло съ такой силой, что чувствуешь, какъ почва дрожитъ подъ твоими ногами. Воды р. Кара-куля, паденіе русла которой здѣсь гораздо круче, притиснуты къ лѣвому берегу. Около самого устья скорость теченія сразу уменьшается, точно послѣднему дали вдругъ мощный обратный толчокъ.

Температура въ р. Кара-куль равнялась 16.6°, въ Ики-бель-су 14.4°, т. е. воды, вытекающія непосредственно изъ ледниковъ, на 2° холоднѣе водъ, протекающихъ черезъ озеро, имѣющее, слѣдовательно, болѣе высокую температуру, хотя оно и принимаетъ такіе холодные притоки. Воды р. Кара-куля

кромѣ того совершенно прозрачны, такъ какъ отложили свой ледниковый илъ въ озерѣ.

Морены выдвигаются между руслами обѣихъ рѣкъ въ видѣ косы. Конусы громоздятся одинъ возлѣ другого, то параллельными рядами, то кругами, полукругами и цирками. Это конечныя морены, которыя указываютъ, какъ далеко заходилъ прежде исчезнувшій теперь мысъ ледника Ики-бель-су.

Когда мы вернулись въ лагерь, насъ посѣтилъ бекъ Ошуръ, сынъ бека Хоата; онъ принесъ мнѣ пару живыхъ дикихъ гусей, пойманныхъ около Басыкъ-куля, хлѣба, молока и масла.

17 іюля. Утромъ дулъ южный вѣтеръ, и поэтому вода около нашего берега не совсѣмъ чиста, — волны нанесли илъ изъ устья рѣки. Берега бухты носятъ явные слѣды вліянія южнаго вѣтра. Бухта имѣетъ совершенно правильную, округленную береговую линію, окаймленную невысокимъ песчанымъ уваломъ; берега усѣяны выброшенными волнами водорослями. Мы предприняли экскурсію, но были застигнуты бурей съ NNW, такъ что пришлось вернуться. Мѣстность эта извѣстна своими постоянными вѣтрами; сильнѣе всего бываютъ сѣверные и южные, такъ какъ не встрѣчаютъ никакихъ препятствій вдоль меридіональной долины. Восточные крайне непостоянны, вслѣдствіе конфигураціи мѣстности. Съ запада, изъ Памира вѣтеръ дуетъ рѣдко.

Да, вѣтеръ часто испытывалъ наше терпѣніе, прерывая или совсѣмъ разстраивая намѣченныя экскурсіи. Словомъ, мы все лѣто были въ полной зависимости отъ капризовъ погоды. Въ неблагопріятную погоду мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сидѣть смирно въ своей юртѣ и писать, или разрабатывать наброски картъ. Шумъ волнъ, плескавшихся о берега, дѣйствовалъ, однако, на душу освѣжающе. И сегодня озеро было взволновано, большіе бѣлые зайцы такъ и бѣгали по озеру вкось. Волны выбрасывали на берегъ песокъ и водоросли, и вода, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, десяти метровъ отъ берега, была грязнаго, мутнаго цвѣта; только за этой полосой волны отливали обычнымъ зеленовато-голубымъ цвѣтомъ.

Озеро понемногу окутывалось густымъ туманомъ; скоро на виду остались только двѣ косы около нашей бухты; онѣ казались, однако, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ были на са-

момъ дѣлѣ. Волны съ бѣлыми гребнями выкатывались одна за другою изъ тумана, и невольно казалось, что стоишь около открытаго моря.

Неподалеку отъ нашего лагеря находились двѣ небольшія лагуны, одна внутри другой. Наружная соединялась съ озеромъ узкимъ, глубокимъ протокомъ, въ который каждымъ порывомъ вѣтра вгоняло воду. Внутренняя лагуна отдѣлялась отъ наружной полосой суши въ шесть метровъ ширины, прорѣзанной глубокимъ узкимъ проливомъ, такъ что уровень воды и въ этой лагунѣ зависѣлъ отъ вѣтра. Отдѣлялась наружная лагуна отъ озера покрытымъ дерномъ уваломъ въ метръ вышины, истрескавшимся, подмытымъ водой и угрожающимъ рухнуть; ясно видно, что въ былыя времена озеро занимало и лужайку, на которой разбитъ нашъ лагерь. Дно лагуны было покрыто мелкимъ пескомъ и водорослями; въ спокойной, защищенной отъ волненій водѣ лагунъ водились головастики и водяные пауки.

Послѣ обѣда шелъ сильный дождь, но около шести часовъ погода сразу стихла. Потомъ вдругъ послышался вой, словно отъ приближающагося съ NW урагана. На противоположномъ краю пока еще спокойнаго, свѣтлаго озера показалась темная полоса, которая приближалась къ нашему берегу. Надъ водой слышался свистъ и шумъ, и въ слѣдующую минуту надъ окрестностью разразился градъ, длившійся всего нѣсколько минутъ; градины въ 4—5 мм. въ діаметрѣ, усыпавшія землю бѣлой крупой, скоро растаяли подъ сильнымъ ливнемъ.

Не особенно много времени надо было, чтобы вполнѣ уяснить себѣ геологическое образованіе о. Кара-куль. Скоро мнѣ стало ясно, что оно обязано своимъ происхожденіемъ моренамъ, заградившимъ въ долинѣ путь ледянымъ потокамъ ледника Ики-бель-су; теперь остатки этихъ моренъ, прорѣзывались рѣкой, вытекающей изъ озера. Загражденная ими долина образовала бассейнъ ледниковыхъ и ключевыхъ водъ. Воды, питаемыя ледниками, приносятъ массы ила, который вмѣстѣ съ летучимъ пескомъ способствуетъ обмеленію озера. Когда нибудь, безъ сомнѣнія, оно и перестанетъ существовать, а р. Кара-куль потечетъ по долинѣ непрерывнымъ потокомъ.

Озеро, вѣроятно, было прежде гораздо обширнѣе, когда

рѣка разливалась поверхъ гребня морены, еще не успѣвъ вырыть русла. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные валуны, которые еще лежатъ въ воронкообразномъ устьѣ и въ самомъ руслѣ рѣки, являясь остатками средней части прежней морены; только что упомянутыя лагуны свидѣтельствуютъ о томъ-же. Подтвержденіе того, что вся долина была нѣкогда загромождена исчезнувшимъ нынѣ ледникомъ, мы находимъ въ кучахъ щебня, увалахъ и валунахъ, разсѣянныхъ по всей мѣстности.

Мѣстныя горныя породы — мелкозернистый, кристаллическій сланецъ, слюдяный сланецъ, прекрасный сѣрый гнейсъ, крупнозернистый очковый гнейсъ и его красныя разновидности — тѣ-же самыя, что я находилъ въ верхнихъ поясахъ Мустагъ-аты. Гнейсовые валуны, которыми мѣстность изобилуетъ, и должны быть принесены оттуда, а перенести ихъ сюда могъ только глетчерный ледъ. Онѣ и носятъ явные слѣды этого, представляя округленныя формы, котловидныя углубленія, ледниковые шрамы, или гладко отполированныя поверхности.

18 іюля. Мы закончили работы на восточномъ берегу Кара-куля и рѣшили сегодня перенести стоянку на другое мѣсто. Людямъ приказано было перенести подъ присмотромъ Исламъ-бая юрту и всѣ вещи на удобное мѣстечко на берегу Басыкъ-куля. Я же, въ сопровожденіи одного киргиза, долженъ былъ отправиться на съемку, а вечеромъ вернуться въ новый лагерь.

Мы пересѣкли гряду моренъ повыше, чѣмъ въ послѣдній разъ, и затѣмъ спустились въ аулъ Кенъ-шеберъ, состоявшій изъ четырехъ юртъ, разбитыхъ на лѣвомъ берегу Ики-бель-су; кругомъ разстилались прекрасныя пастбища. Въ аулѣ проживало нѣсколько нашихъ друзей, которые и приняли насъ очень радушно. По обычаю, насъ встрѣтилъ старѣйшій изъ жителей, привѣтствовалъ насъ, прижимая обѣ руки ко лбу, и проводилъ въ свою юрту, которая быстро была прибрана, какъ слѣдуетъ. На почетное мѣсто постелили небольшой коверъ, положили нѣсколько подушекъ и предложили мнѣ сѣсть у огня.

Одинъ за другимъ прибывали остальные обитатели аула и располагались вокругъ огня, надъ которымъ кипѣлъ въ желѣзномъ котелкѣ чай. Гостей угощаютъ изъ деревянныхъ, или

китайскихъ фарфоровыхъ чашекъ чаемъ и молокомъ съ хлѣбомъ, и скоро завязывается оживленная бесѣда. Жены въ своихъ высокихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ и молодыя дѣвушки также присутствуютъ въ юртѣ, но не вмѣшиваются въ разговоръ. Онѣ только важно возсѣдаютъ около огня, поддерживаемаго высушеннымъ яковымъ навозомъ, или хлопочутъ по хозяйству. Такія посѣщенія всегда доставляли мнѣ удовольствіе и помогали добывать интересныя свѣдѣнія о дорогахъ и тропинкахъ, о мѣстномъ климатѣ, о кочевкахъ киргизовъ, ихъ образѣ жизни и т. п.

Хозяева наши проводили около Кенъ-шебера только лѣто; зимою-же, когда мѣстность эта подвергается сильнымъ вѣтрамъ и снѣжнымъ заносамъ, они уходятъ въ кышлаки Шувешта, расположенные выше и болѣе защищенные отъ вѣтра и непогоды.

Рѣка Ики-бель-су имѣетъ около аула совершенно другой характеръ, нежели около устья рѣки Кара-куль. Здѣсь Ики-бель-су достигаетъ въ ширину 60 м., а скорость ея теченія едва равняется одному метру въ секунду. Я послалъ одного изъ киргизовъ вбродъ черезъ нее, и максимальная глубина рѣки оказалась 1.15 м.; почти тотъ-же максимумъ глубины рѣка сохраняетъ и на всемъ остальномъ протяженіи своего правильнаго, ровнаго русла. Притокъ воды равнялся 69 куб. м. въ секунду, что довольно много для рѣки, питаемой главнымъ образомъ ледниками (см. рисунокъ на стр. 216).

Около 4 ч. дня уровень воды въ рѣкѣ, говорятъ, бываетъ самый низкій; къ вечеру онъ повышается, такъ какъ растаявшіе за день ледяные потоки не успѣваютъ ранѣе достигнуть рѣки. Въ руслѣ попадается много низкихъ, болѣе или менѣе поросшихъ травою островковъ, одинъ изъ которыхъ дѣлитъ рѣку на два рукава. Зимою рѣка почти пересыхаетъ; уже въ августѣ убыль воды настолько значительна, что можно безъ опаски переѣзжать ее вбродъ во многихъ мѣстахъ.

Неподалеку отъ аула, пониже, гряда моренъ заставляетъ рѣку сдѣлать крутой поворотъ направо. На самомъ загибѣ рѣка образуетъ озеровидное расширеніе, на которомъ наблюдается водоворотъ, но затѣмъ рѣка вновь быстро течетъ по своему глубокому руслу и съ грохотомъ, слышнымъ издалека, прорываетъ старыя морены.

Какъ разъ напротивъ Кенъ-шебера, на правомъ берегу, находится другой аулъ изъ семи юртъ. Обитатели его пасли днемъ свои стада на лѣвомъ берегу и теперь, по наступленіи вечера, должны были отправиться со стадами обратно. Вотъ возня-то пошла! Смотрѣть было забавно. Всадники брали къ себѣ на сѣдло по двѣ овцы и длинной вереницей переѣзжали черезъ рѣку. Овецъ было много, и такая переправа длилась, вѣрно, долго, пока все стадо не очутилось на своемъ берегу.

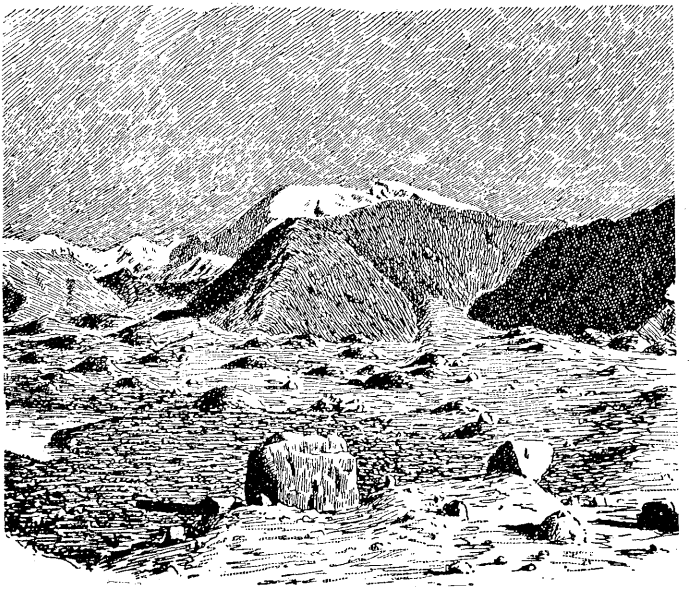
Пора и намъ было подумать о возвращеніи въ лагерь, такъ какъ въ сумерки заниматься съемкой трудно. Мы и направили нашъ путь черезъ морену, гдѣ опять нашли много красивыхъ цирковъ съ лужайками посреди. Трава растетъ здѣсь сравнительно хорошо, если принять во вниманіе, что дугообразныя морены задерживаютъ дождевую воду. Переправившись черезъ Ангыръ-куль, мы достигли мѣста нашей новой стоянки на нижнемъ Басыкъ-кулѣ, посреди котораго высовывается островокъ съ мореннымъ холмомъ. Обѣ наши юрты были разбиты на лугу; кругомъ открывалось обширное новое поле для изслѣдованій.

Первый-же день на Басыкъ-кулѣ вышелъ, однако, неудачнымъ; съ утра до вечера лилъ дождь, и дулъ сильный вѣтеръ; капли такъ и барабанили по крышѣ юрты. На вольномъ воздухѣ никакой работы нельзя было предпринять, но у меня, къ счастью, накопилось столько „кабинетной“, что такой невольный домашній арестъ былъ совсѣмъ не лишнимъ. Явился съ визитомъ бекъ Тогдасынъ; я угостилъ его чаемъ и китайской водкой, которою запасся спеціально для этой цѣли, а также музыкой на шарманкѣ, не перестававшей повергать киргизовъ въ безпредѣльный восторгъ и удивленіе. Больше всего, однако, поражали ихъ наши ружья. Киргизы находили механизмъ ружей до того сложнымъ, что, по ихъ мнѣнію, подобное оружіе не могло быть дѣломъ рукъ человѣческихъ, но самого Бога.

Бекъ Тогдасынъ сообщилъ, что китайскіе гарнизоны въ долинѣ Сары-колъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдятъ за всѣми моими дѣйствіями и черезъ посредство киргизскихъ шпіоновъ ежедневно узнаютъ обо всемъ, что я дѣлаю и гдѣ бываю. Они все добивались узнать, кто я: урусъ (русскій) или ференги (европеецъ), долго-ли намѣреваюсь оставаться тутъ,

какая собственно цѣль моихъ топографическихъ съемокъ и для чего я откалываю куски горныхъ породъ. Въ самомъ дѣлѣ, они были поставлены тутъ, чтобы стеречь границу русскаго Памира, и вдругъ является какой-то чужеземецъ, по ихъ мнѣнію, русскій, и безпрепятственно высматриваетъ расположеніе страны! Но, благодаря паспорту, полученному мною отъ дао-тая, они не осмѣливались безпокоить меня.

Тяжелыя сизыя дождевыя тучи висѣли и вечеромъ надъ маленькими поперечными горными долинами, идущими отъ



Гнейсовыя глыбы между верхнимъ и нижнимъ Басыкъ-кулемъ.
На заднемъ планѣ Мустагъ-ата.
(Съ рисунка автора).

хребта Сары-колъ къ открытой равнинѣ, посреди которой находятся оба озера Басыкъ-куль. Вся окрестность была окутана въ густой туманъ или сѣтку дождя, которая омрачала столь величественный вообще ландшафтъ. Только изрѣдка изъ тумана, стлавшагося по землѣ и подвигавшагося къ югу, проглядывалъ какой нибудь ледникъ, или черная группа горъ.

Киргизы увѣряли, что такой продолжительный дождь, какъ сегодня, рѣдкое явленіе.

Лугъ, на которомъ былъ разбитъ нашъ лагерь, превратился въ болото, и намъ пришлось обкопать юрту глубокими

канавами и отвести воду въ озеро, чтобы въ юртѣ не было сырости. Къ вечеру прояснилось, и вѣтеръ стихъ. Озера ле-

Верхній Басыкъ-куль; видъ на юго-западъ; на первомъ планѣ старыя морены. (Съ рисунка автора).

жали словно темныя зеркала, въ которыхъ отражались причудливые уступы горъ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней была изслѣдована мѣстность вокругъ новаго лагеря, и нанесенъ на карту лѣвый берегъ Кара-куля.

Сначала мы слѣдовали по береговой линіи до того мѣста, гдѣ скалы круто спускаются въ озеро, и гдѣ надо ѣхать по водѣ, по террасѣ, образовавшейся у ихъ подошвы изъ продуктовъ вывѣтриванья. Затѣмъ мы сдѣлали нѣсколько небольшихъ экскурсій въ ближайшія горы, гдѣ намъ попалось много крайне неудобныхъ проходовъ. Съ одного возвышеннаго пункта можно было съ помощью бинокля основательно разсмотрѣть эту своеобразную и красивую альпійскую область.

Отсюда ясно виднѣлись всѣ ледники Мусъ-тага, отчетливо обрисовывающіеся при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. На самомъ гребнѣ кое-гдѣ выступали черные скалистые пики; вообще-же горы покрыты ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно въ нижнихъ поясахъ, на снѣгу замѣчается грязно-желтый налетъ пыли (см. рисунокъ на стр. 217).

На гребнѣ фирнъ образуетъ плотный, тщательно обрисовывающій рельефъ мѣстности, покровъ съ изорванными краями тамъ, гдѣ снѣгъ обрушился съ обрывовъ. Вообще-же снѣговой покровъ стремится собраться въ одномъ общемъ углубленіи въ видѣ фирноваго поля, чтобы потомъ понемногу стечь ледяными потоками. Послѣдніе бываютъ узкими и компактными, или выпуклыми, широкими и тонкими, но всегда одинаково несутъ массы щебня и валуновъ, которые иногда застреваютъ въ поперечныхъ трещинахъ и испещряютъ ледникъ полосами.

Нѣкоторые изъ ледяныхъ потоковъ такъ загромождены моренами, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ окружающихъ породъ.

Изслѣдованіе мѣстности между обоими маленькими озерами открыло намъ, что послѣднія отдѣляются другъ отъ друга обрушившеюся и часто прерывающеюся грядою моренъ, въ которой мы нашли эрратическія красиво обточенныя гнейсовыя глыбы, толщиною до 1,000 куб. м. Ясно, что мы наткнулись тутъ на старыя конечныя морены бывшаго ледника Икибель-су.

Однажды, вернувшись, послѣ одной изъ такихъ экскур-

сій въ лагерь, мы замѣтили, что несшій топографическіе приборы Іехимъ-бай потерялъ мѣдный діоптръ. Киргизу было внушено, что если онъ не найдетъ потеряннаго, то навсегда утратитъ мое благоволеніе, и онъ тотчасъ отправился на поиски. Наконецъ, онъ узналъ отъ одного знакомаго киргиза, что странная металлическая штука найдена на дорогѣ и отправлена къ коменданту китайской крѣпости Булюнъ-куль Джанъ-дарыну, который полагалъ, что сыграетъ со мной штуку, удержавъ у себя эту вещь. Я послалъ къ Джанъ-дарыну гонца сказать, что если онъ не вернетъ мнѣ находки, то будетъ имѣть дѣло съ дао-таемъ. Діоптръ былъ возвращенъ мнѣ немедленно.

Цѣлый день пошелъ на изслѣдованіе мѣстности между нижнимъ Басыкъ-кулемъ и Ики-бель-су. Изъ озера вытекалъ ручеекъ, орошавшій довольно сочныя лужайки, на которыхъ, однако, находились кое-гдѣ остатки моренъ. Впадалъ ручеекъ въ Ики-бель-су немножко сѣвернѣе р. Кара-куль. По причинѣ низкой температуры, державшейся въ послѣдніе дни, воды въ Ики-бель-су значительно убыло; тѣмъ не менѣе она съ силой низвергалась здѣсь между отвѣсными или очень крутыми стѣнами конгломерата, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ грозили оторваться и обрушиться въ рѣку большія, круглыя гнейсовыя глыбы.

24 іюля былъ изслѣдованъ и верхній Басыкъ-куль. Почти у самой середины южнаго берега въ озеро вдается мысомъ уступъ горы, довольно круто спускающійся въ воду, такъ что низомъ по косогору можно пробраться только пѣшкомъ, а намъ, ѣхавшимъ верхомъ, пришлось подняться на гребень уступа.

Небольшой перевалъ этотъ, Басыкъ-куль-кіазы-дабанъ (горная-тропинка-проходъ), лежитъ всего сотни на двѣ футовъ выше уровня озера, но склоны его круты, и съ вершины его открывается видъ далеко кругомъ. Подъ нами во всѣ три стороны отъ мыса разстилалось маленькое озеро, намъ были видны его островки и дно, подводныя морены и эрратическія глыбы, которыя высовывались изъ воды до половины, и небольшія дельты, образованныя устьями текущихъ по западнымъ долинамъ ручьевъ, впадающихъ въ озеро.

На мысѣ между обоими озерами возвышается гряда мо-

ренъ, мѣстами прерывающаяся; надъ уровнемъ озера она возвышается въ средней своей части всего на 2—3 м.; посреди моренъ находится болото. Несмотря на то, что мысъ только чуть подымается надъ уровнемъ воды, не существуетъ никакого явнаго сообщенія между столь близко лежащими озерами. Киргизы говорятъ, что, хотя притокъ водъ изъ западныхъ долинъ весной и лѣтомъ бываетъ иногда очень значителенъ, уровень верхняго озера никогда не повышается особенно замѣтно, и въ нижнее озеро воды не переливается.

При бѣгломъ обзорѣ получается такимъ образомъ впечатлѣніе, что верхнее озеро не имѣетъ стока, и поэтому можно было-бы ожидать найти въ немъ соленую воду. Между тѣмъ оно содержитъ совершенно прѣсную и чистую воду. Стоитъ, однако, взглянуть на карту, чтобы понять это обстоятельство. Нижнее озеро не принимаетъ никакого видимаго притока, но изъ него вытекаетъ ручеекъ. Такимъ образомъ озеро должно принимать въ себя какой-то невидимый притокъ, разумѣется, вытекающій изъ верхняго озера, излишекъ воды котораго, вѣроятно, просачивается подъ мореннымъ мысомъ. Абсолютная высота Басыкъ-куля 3,726 м., а Кара-куля 3,720 м.

Отъ главнаго гребня хребта Сары-колъ идутъ прямо на востокъ нѣсколько значительныхъ отроговъ, и ихъ джилги, или поперечныя долины, всѣ открываются по направленію къ озеру. Главнѣйшія изъ нихъ: Кара-джилга (черная долина), Яланъ (голая) и Хамалды (сизая); послѣдняя имѣетъ собственный ручей, изливающійся въ бухту, между тѣмъ какъ ручейки двухъ первыхъ долинъ соединяются съ другими ручейками въ одинъ, который неподалеку отъ озера дѣлится на два рукава, образующихъ дельту. Илъ, приносимый этими водами, образовалъ много длинныхъ узкихъ косъ и островковъ, а за ними лежитъ группа моренныхъ холмовъ.

Въ трехъ названныхъ долинахъ находятся болѣе или менѣе хорошія пастбища; лучшія отводятся подъ овецъ, поплоше подъ яковъ. Аулъ бека Хоата, населенный родомъ найманъ-киргизовъ, проводитъ здѣсь три зимнихъ холодныхъ мѣсяца. Черезъ Кара-джилгу идетъ подъемъ на перевалъ Кокъ-ала-чокуръ (зелено-пестрый-глубокій); здѣсь, однако, можно подняться только на якахъ или пѣшкомъ. Ведетъ перевалъ къ Рангъ-кулю; пользуются имъ рѣдко; главнымъ обра-

зомъ киргизы, отправляющіеся въ русскій Памиръ безъ разрѣшенія китайскихъ властей.

Въ 4 часа дня и сегодня начался дождь при сѣверномъ вѣтрѣ. Мы повернули назадъ къ западному берегу озера, держась теченія ручья Кара-джилги, теперь почти пересохшаго и обозначеннаго кое-гдѣ только лужицами.

Спустя полтора часа, мы наблюдали поистинѣ рѣдкое явленіе. По теченію ручья пронесся слабый шумъ, и понеслись бурыя волны, бурля между камнями русла и наполняя углубленія. Скоро между сильно подмытыми крутыми берегами, окаймленными слабой растительностью, несся цѣлый потокъ. Явленіе это повторяется въ это время года регулярно каждый вечеръ; вода, образующаяся при таяніи снѣговъ въ горахъ хребта Сары-колъ, только къ вечеру достигаетъ озера.

25 іюля мы снялись съ привала и отправились въ Кенъ-шеберъ, откуда намѣревались начать изслѣдованіе области Мустагъ-аты. На южномъ берегу Басыкъ-куля мы прошли необычайно красивую, расположенную циркомъ морену, имѣвшую около 100 м. въ діаметрѣ. Посреди находилось маленькое круглое озерко, охваченное кольцомъ бѣлыхъ отложеній соли, въ свою очередь окруженнымъ кольцомъ растительности; самое-же наружное кольцо образовывалъ увалъ съ проходомъ по направленію къ озеру. Хотя озерко лежитъ на уровнѣ озера и непосредственно на самомъ его берегу, такъ что съ полнымъ основаніемъ можно было-бы предполагать подземное соединеніе водъ, вода въ озеркѣ горько-соленая, откуда и названіе его Шоръ-куль (соленое озеро). Киргизы увѣряютъ, что стоитъ овцамъ напиться этой воды, какъ у нихъ дѣлаются судороги, и онѣ околѣваютъ.

Около Тамга-таша мы встрѣтили бека Тогдасына, желавшаго сдѣлать мнѣ сюрпризъ и поднесшаго барана и кринку яковаго молока. Онъ проводилъ насъ до Кенъ-шебера, гдѣ провелъ съ нами ночь. Вечеромъ барана зарѣзали, и всѣ обитатели аула были собраны на пиръ. Въ это время налетѣлъ страшный вихрь, который угрожалъ снести нашу юрту. Всѣ люди повыбѣжали, одни ухватились за остовъ кибитки, а другіе принялись укрѣплять ее веревками и подпирать шестами.

XIII.

Странствованія по ледникамъ.

На слѣдующій день мы отправились вверхъ по сѣверному склону Мустагъ-аты и пересѣкли мощный гребень морены на лѣвомъ берегу Ики-бель-су. Подъемъ былъ очень крутъ, пока мы не добрались до волнистаго нагорья. Почва была здѣсь покрыта пескомъ, щебнемъ, гальками и небольшими валунами; кое-гдѣ попадались зеленѣющія кочки и росли ранункулы.

По ту сторону гребня морены мы снова попали въ область бассейна озера Кара-куль; по неглубокой широкой долинѣ протекалъ крошечный холодный ручеекъ, который, вытекая изъ долины Контой, впадаетъ въ озеро Кара-куль. Около этого ручейка раскинулся на высотѣ 4,124 м. яйлакъ Кошъ-Кортюсъ, избранный нами исходнымъ пунктомъ для странствованій по ледникамъ.

Киргизы этого аула прибыли сюда три мѣсяца тому назадъ и располагали пробыть еще три. Зимніе-же шесть мѣсяцевъ они проводятъ въ Контой-джилгѣ. У киргизовъ каждая семья или родъ имѣетъ свои традиціонные кышлаки и яйлаки, и отступленія отъ традицій допускаются лишь съ общаго согласія.

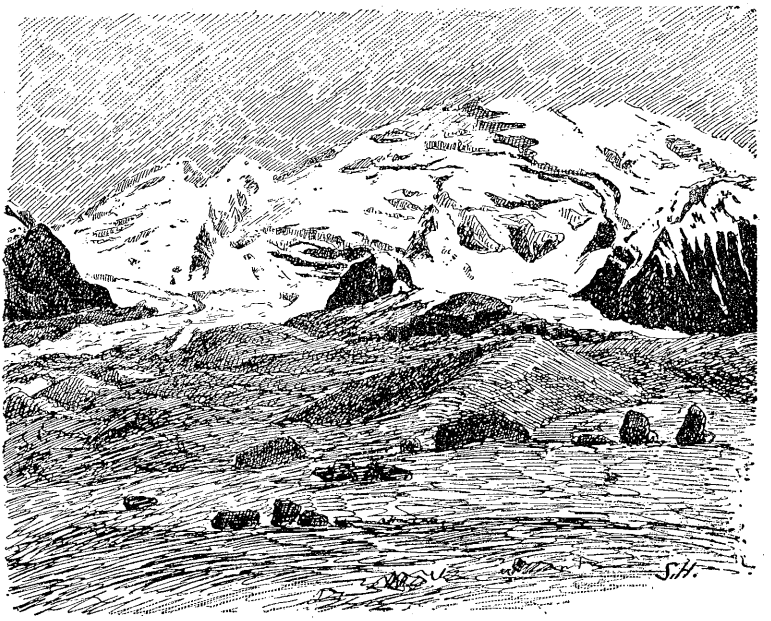
Обитатели этого мѣстечка принадлежатъ, какъ и большинство киргизовъ, обитающихъ въ долинѣ Сары-колъ, къ роду кара-теитъ. Аксакалъ ихъ, Тугулъ-бай, былъ 96 лѣтній живой, симпатичный старикъ, владѣющій всѣми умственными способностями. Подвижная жизнь и постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ укрѣпляютъ здоровье киргизовъ, такъ что они, обыкновенно, достигаютъ глубокой старости.

И сегодня опять лилъ дождь, а въ горахъ грохоталъ громъ. Вскорѣ затѣмъ со склона донесся сильный шумъ. Хозяева наши пояснили, что послѣ сильнаго дождя всегда бываетъ такой шумъ, — потоки дождевой воды стремятся внизъ по крутизнамъ.

Первымъ нашимъ дѣломъ здѣсь было уволить обоихъ киргизовъ Нуръ-Магомета и Палевана, которые хоть и были

хорошими слугами, но не знали ледниковъ и не имѣли яковъ. Вмѣсто нихъ мы наняли двухъ мѣстныхъ киргизовъ и вечеромъ занялись осмотромъ ихъ яковъ, единственныхъ животныхъ, которыя могутъ пробираться по этимъ крутизнамъ, загроможденнымъ моренами.

Верхомъ на чудесномъ черномъ якѣ, отправился я 27 іюля въ сопровожденіи двухъ киргизовъ, знающихъ всѣ ходы и выходы въ ледникахъ, на востокъ къ первому леднику Горумды, который предстояло изслѣдовать. Мы ѣхали себѣ по-



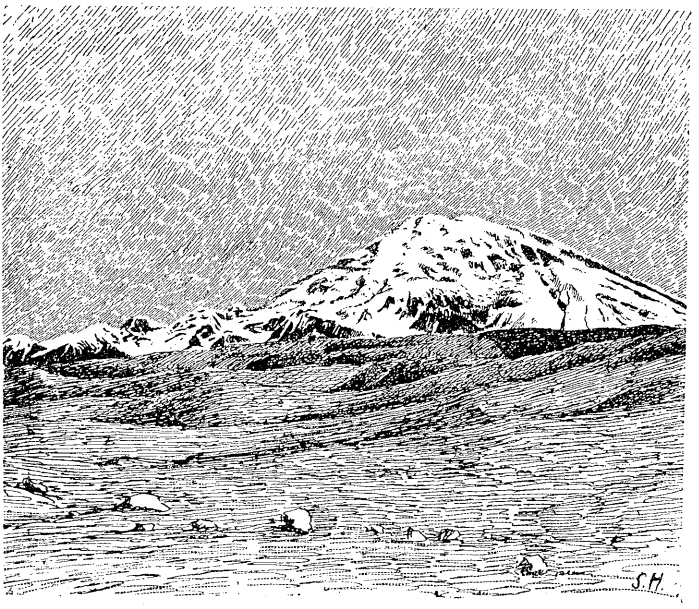
Ледники Большой и Малый Горумды; видъ на югъ.
(Съ рисунка автора).

тихоньку, благодушествуя, по горному склону, спускающемуся къ сѣверу, и прорѣзанному тремя небольшими ледяными потоками. Направо осталась рѣзко очерченная группа скалъ — отрогъ Мустагъ-аты, а за нею виднѣлся небольшой ледникъ, имѣющій въ верхней своей части очень крутое паденіе; истокомъ служило незначительное фирновое поле.

Дальше на востокъ виднѣлось много подобныхъ скалистыхъ отроговъ, гигантскихъ дикихъ горныхъ массивовъ, между которыми прорѣзываются ледники, словно указывая на сѣверъ пальцами. Самый большой изъ нихъ называется Го-

румды-баши (голова каменистаго пути); питаемый имъ ручей, принимающій также воды изъ остальныхъ ледниковъ, протекаетъ по рѣзко очерченному руслу и соединяется дальше съ Ики-бель-су.

Въ теченіе дня мы нанесли на карту западныя боковыя морены ледника Горумды. При съемкѣ мѣстности я прибѣгалъ только къ компасу, разстоянія-же измѣрялъ шагами яка, предварительно установивъ, сколько ихъ приходится, — глядя по наклону мѣстности, — на каждые 100 м.



Видъ на Мустагъ-ату съ сѣвера.
(Съ рисунка автора).

Большой ледникъ Горумды такъ изобилуетъ въ нижнемъ своемъ теченіи щебнемъ и вообще продуктами вывѣтриванья, что во многихъ мѣстахъ его съ трудомъ можно отличить отъ окружающихъ породъ. О крутизнѣ его паденія можно судить потому, что даже въ устьѣ уголъ его паденія равняется 9°. Затѣмъ же долина становится отлогою, и обильная водой рѣчка, вытекающая изъ подъ конечныхъ моренъ ледника, течетъ довольно ровно, спокойно, не образовывая водопадовъ.

Ледникъ Малый Горумды развѣтвляется, благодаря острову-скалѣ, на два рукава; изъ нихъ лѣвый окаймленъ

8—10 болѣе или менѣе параллельными боковыми моренами Между крайнею изъ послѣднихъ, достигающей 10—15 м. высоты, и мягкимъ поросшимъ травою уваломъ, по которому мы ѣхали, бѣжалъ ручей, протекающій выше черезъ небольшое треугольное озерко, пріютившееся между уваломъ, моренами и ближайшими скалами Мустагъ-аты.

Высокая, скалистая стѣна, граничащая съ ледникомъ Малымъ Горумды на западѣ, увѣнчана значительными снѣжными полями, которыя время отъ времени сползаютъ внизъ къ ея подошвѣ и образуютъ миніатюрные ледники. Послѣдніе нагромоздили вдоль подошвы скалы огромную конечную морену высотою до 40 м.; изъ подъ нея струится ручеекъ, пробивающійся по сѣверному склону горъ къ Кара-кулю.

На обратномъ пути насъ во многихъ мѣстахъ поражало богатство красокъ альпійской флоры. Цвѣты, произраставшія зачастую между безплодными моренами, отличались почти кричащею роскошью красокъ. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ ярче онѣ становились; нѣтъ сомнѣнія, что малое поглощеніе атмосферою свѣтовыхъ лучей на этой значительной высотѣ имѣетъ непосредственное благотворное вліяніе на растительное царство.

Еще одинъ день былъ посвященъ Большому Горумды. Съ поросшаго травой увала мы пустились верхомъ на якахъ вверхъ по бугристымъ моренамъ, по ужасно тяжелой дорогѣ: глыбы громоздились одна возлѣ другой, и яки то и дѣло оступались въ ямы, но всетаки не падали.

На каждомъ шагу представлялся случай удивляться умѣнію этихъ животныхъ прокладывать себѣ путь. Надобно имѣть, однако, нѣкоторую привычку, чтобы чувствовать себя вполнѣ спокойно въ сѣдлѣ. Тяжеловѣсное животное то балансируетъ по острому краю какой нибудь глыбы, то ловко перепрыгиваетъ черезъ черную зіяющую яму, тотчасъ-же твердо упираясь ногами въ слѣдующую глыбу, то съѣзжаетъ, осѣдая на заднихъ ногахъ, съ крутого щебневаго увала, откуда двуногое существо непремѣнно полетѣло-бы кувыркомъ.

Единственное, что испытываетъ ваше терпѣніе при ѣздѣ на якахъ, это флегматичность и лѣнь животнаго, слишкомъ часто находящаго излишнимъ продолжать путь; тогда приходится напоминать ему объ его обязанностяхъ палкою. Къ

кнуту якъ совершенно нечувствителенъ, принимая удары имъ за ласку, на которую отвѣчаетъ дружелюбнымъ сопѣніемъ. Только основательная затрещина палкой въ состояніи убѣдить яка, что мы выѣхали не для забавы, и заставить его съ глухимъ хрюканьемъ потрусить дальше.

Оказалось, что поясъ моренъ съ лѣвой стороны большого ледника былъ гораздо шире, чѣмъ мы полагали; мы ѣхали, поднимаясь съ одного гребня морены на другой, часа два. Наконецъ, мы достигли небольшого мореннаго озера съ мутно-зеленой водой; въ него впадала дѣлящаяся на нѣсколько рукавовъ, весело пѣнящаяся рѣчка, которая перепрыгивала по камнямъ поверхъ одной изъ крайнихъ моренъ; изъ нанесеннаго ею ила образовался цѣлый конусъ, который и раздѣлялъ теченіе рѣчки на рукава.

Происхожденіемъ своимъ рѣчка обязана, вѣроятно, маленькимъ ледникамъ, но не смотря на то, что притокъ воды въ ней равнялся 2 — 3 куб. метр. въ секунду, озерко не имѣло, повидимому, стока, и въ то же время уровень воды въ немъ не повышался противъ извѣстной нормы, такъ какъ бѣгущая изъ подъ моренъ вода стекаетъ дальше въ общій бассейнъ ледника.

Причиной образованія озера между грядами моренъ, состоящими изъ такого грубаго матеріала, послужилъ нанесенный рѣчкой илъ, который образовалъ родъ плотины.

Отъ озерка мы направились къ югу между двумя колоссальными грядами моренъ. Долина между ними расширилась мало-по-малу въ поросшую рѣдкими кочками, дикимъ ревенемъ и другими злаками равнину, которую справедливо называютъ Гульча-яйлакъ (пастбище дикихъ барановъ), такъ какъ и здѣсь и дальше по леднику мы находили пометъ дикихъ барановъ.

Такъ какъ дальше морены становились все непроходимѣе, представляя циклопическія стѣны, сложенныя изъ глыбъ, то мы слѣзли съ яковъ и пѣшкомъ отправились по леднику. Миновавъ послѣднюю боковую морену, которая находится еще въ періодѣ образованія, мы вступили въ область компактнаго твердаго льда, который, однако, въ началѣ почти всюду покрытъ валунами и щебнемъ, и лишь кое-гдѣ выступаетъ прозрачными ледяными пирамидами. Боковая морена ледника,

имѣетъ здѣсь въ ширину 450 м. и круто обрывается, открывая бѣлый ледъ края ледника.

Ледъ на этомъ краю представляетъ здѣсь настоящій хаосъ пирамидъ и конусовъ, не имѣющихъ, однако, острыхъ очертаній, а скорѣе округленныя; верхній слой образующаго ихъ льда — пористый, влажный ледъ, цвѣтомъ напоминающій мѣлъ и похожій въ общемъ на снѣгъ. Происходитъ это, разумѣется, отъ разъѣдающаго вліянія на ледъ атмосферы и тепла; всюду слышится журчанье водъ, получающихся при таяніи льда и снѣга, пробирающихся струйками между камнями и валунами и стекающихъ въ трещины или маленькія лужи на поверхности льда. Въ ледникѣ слышится трескъ и грохотъ, то тутъ, то тамъ съ шумомъ скатываются въ зіяющіе провалы гальки и щебень, а издали слышится грохотъ паденія ручья, который, пока грѣетъ солнце, получаетъ обильное питаніе со всѣхъ сторонъ.

Уносимые съ горъ продукты распада горныхъ породъ состоятъ большею частью изъ того-же самаго сѣраго гнейса, который мы находили около озеръ. Такихъ гигантскихъ глыбъ, какъ около Басыкъ-куля, здѣсь, однако, не попадалось. Маленькіе камни, вслѣдствіе своей большой способности поглощать теплоту, очутились въ ямахъ, наполненныхъ водой. Большіе валуны, напротивъ, служатъ лежащему подъ ними льду защитою отъ таянія и образуютъ ледниковые столы, покоящіеся на ледяной ножкѣ.

Если взглянуть къ сѣверу, т. е. вдоль ледника, то налѣво окажется сѣрая гряда боковой морены, которая лишь кое-гдѣ открываетъ ледъ, а направо голая бѣлая бугристая поверхность ледника съ двумя срединными моренами, постепенно сливающимися въ одну, самую огромную изъ видѣнныхъ мною на ледникахъ Мустагъ-аты. Внизу виднѣлась глубокая впадина, обозначавшая продолженіе ледниковой долины, по которой ледникъ Горумды, вѣроятно, стремился прежде къ леднику Ики-бель-су; теперь старыя конечныя морены смыты ледниковыми ручьями.

Наконецъ, мы отправились внизъ осматривать окрестность раздвоеннаго ледниковаго языка, который охватываетъ маленькое свѣтлое озерко.

Поднявшись на самый ледникъ, мы достигли 4,481 м. вы-

соты. На югѣ виднѣлось колоссальное фирновое поле, служащее общимъ бассейномъ, въ который сползаетъ съ крутизнъ, образуя уступы, снѣгъ.

29 іюля мы рѣшили перенести лагерь на новое мѣсто, откуда ближе было къ ледникамъ, идущимъ на западъ, которые намъ предстояло изслѣдовать.

Затѣмъ мы отправились на SSW, взбираясь по крутизнамъ, поросшимъ травою; погода стояла холодная, туманная; временами подымалась вьюга. Наконецъ, мы достигли перевала Сарымеха (желтый самострѣлъ), который играетъ важную роль въ рельефѣ мѣстности, образуя проходъ черезъ мощный гребень отрога, идущаго отъ Мустагъ-аты на NW и отдѣляющаго ледники и ручьи сѣверныхъ склоновъ отъ западныхъ. Перевалъ былъ покрытъ щебнемъ и гальками, а на южномъ склонѣ гребня находилась скала изъ чрезвычайно плотнаго, темнаго кристаллическаго сланца, уголъ паденія котораго равнялся 38°.

Если бросить съ перевала взглядъ на мощную группу Мустагъ-аты, то передъ вами развертываются справа налѣво слѣдующія картины. На первомъ планѣ скалистые отроги съ небольшимъ, покрытымъ снѣгомъ ледникомъ; затѣмъ идетъ между двумя, частью покрытыми снѣгомъ, отрогами горъ еще меньшій ледникъ, который въ верхней своей части очень чистъ, но въ нижней запруженъ темно-сѣрымъ, мелкимъ щебнемъ, такъ что голубой ледъ проглядываетъ только въ изломахъ трещинъ. Въ среднемъ теченіи преобладаютъ поперечныя трещины, въ нижнемъ — продольныя. Языкъ ледника опоясанъ колоссальными моренами съ множествомъ гребней.

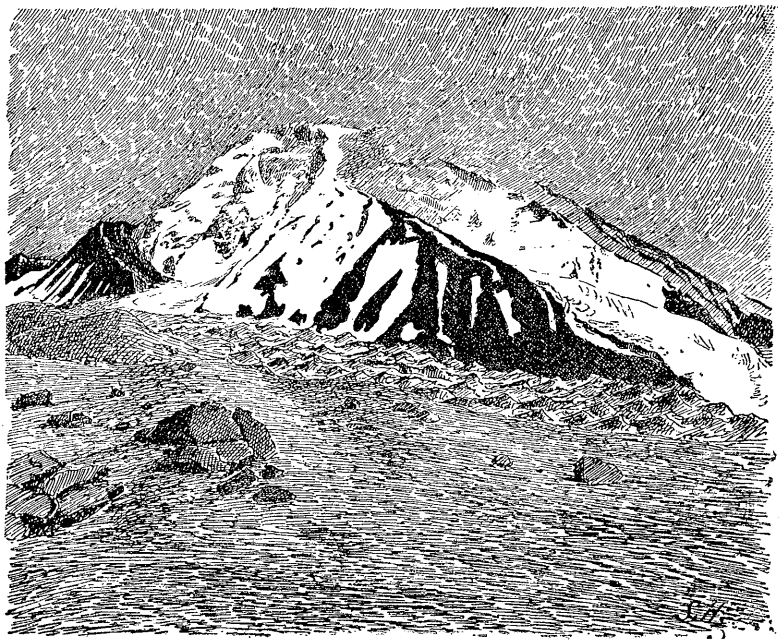
Между третьимъ отрогомъ скалъ и той областью Мустагъ-аты, по которой мы странствовали въ апрѣлѣ, врѣзывается глубокая, рѣзко очерченная впадина. По ней движутся ледники Сарымехъ и Кемпиръ-кышлакъ, раздѣляющіеся мощной одѣтой снѣгомъ стѣной скалъ. Первый изъ названныхъ ледниковъ загроможденъ моренами, второй чистъ.

Наконецъ, на югѣ виднѣется перевалъ Улугъ-рабатъ, а на западѣ хребетъ Сары-колъ съ рѣдкими снѣжными полями и пятнами, частью окутанный красивыми, бѣлыми облаками, рѣзко выступающими на фонѣ сине-стального холоднаго неба Памира.

Склонъ перевала очень крутъ, и мы ѣхали по руслу ручья,

питаемаго ледникомъ Сарымехъ и весело прыгающаго, образуя водопады, по своему каменистому ложу.

Покинувъ величественныя конечныя морены и перебравшись черезъ ручей, мы очутились на небольшомъ болотистомъ лугу, гдѣ набрали нѣсколько новыхъ растеній. При нашемъ появленіи мирно пасшееся стадо дикихъ козъ или „кіиковъ“ бѣжало въ горы. Затѣмъ мы перешли еще черезъ пять ручейковъ, питаемыхъ тающимъ снѣгомъ, между которыми шли къ



Видъ съ перевала Сарымехъ на ледники Сарымехъ и Кемпиръ-кышлакъ.
(Съ рисунка автора).

долинѣ Сары-колъ длинные, низкіе увалы, продолженіе горныхъ отроговъ, расходящихся подобно радіусамъ и раздѣляющихъ русла ледниковъ. Двое изъ людей, отправившихся впередъ съ караваномъ, уже разбили новый лагерь, нѣсколько пониже того мѣста, гдѣ мы стояли въ апрѣлѣ, на сочномъ, хорошо орошенномъ лугу, представлявшемъ отличное пастбище для нашихъ яковъ.

Вечеромъ пошелъ сильный снѣгъ, и на слѣдующее утро горы были одѣты тонкимъ снѣжнымъ покровомъ. Киргизы

сказали, что зима уже вступила въ горы, и что теперь со дня на день будетъ холоднѣе.

30 іюля и настала настоящая зима. Весь день шелъ снѣгъ; время отъ времени вьюга окутывала всю окрестность густыми облаками мелкой снѣжной пыли, такъ что не видно было и признака горъ или лежащей въ глубинѣ долины. Было темно, холодно и непріятно, словомъ у Ямбулака-баши природа встрѣтила насъ такъ-же негостепріимно, какъ и въ апрѣлѣ. Нечего было и думать предпринимать въ этотъ день какія либо экскурсіи, — въ нѣсколькихъ шагахъ все уже было застлано снѣжной мглой. Пришлось прибѣгнуть къ зимнему облаченію, достать изъ тюковъ тулупы, мѣховыя куртки, шапки и валенки.

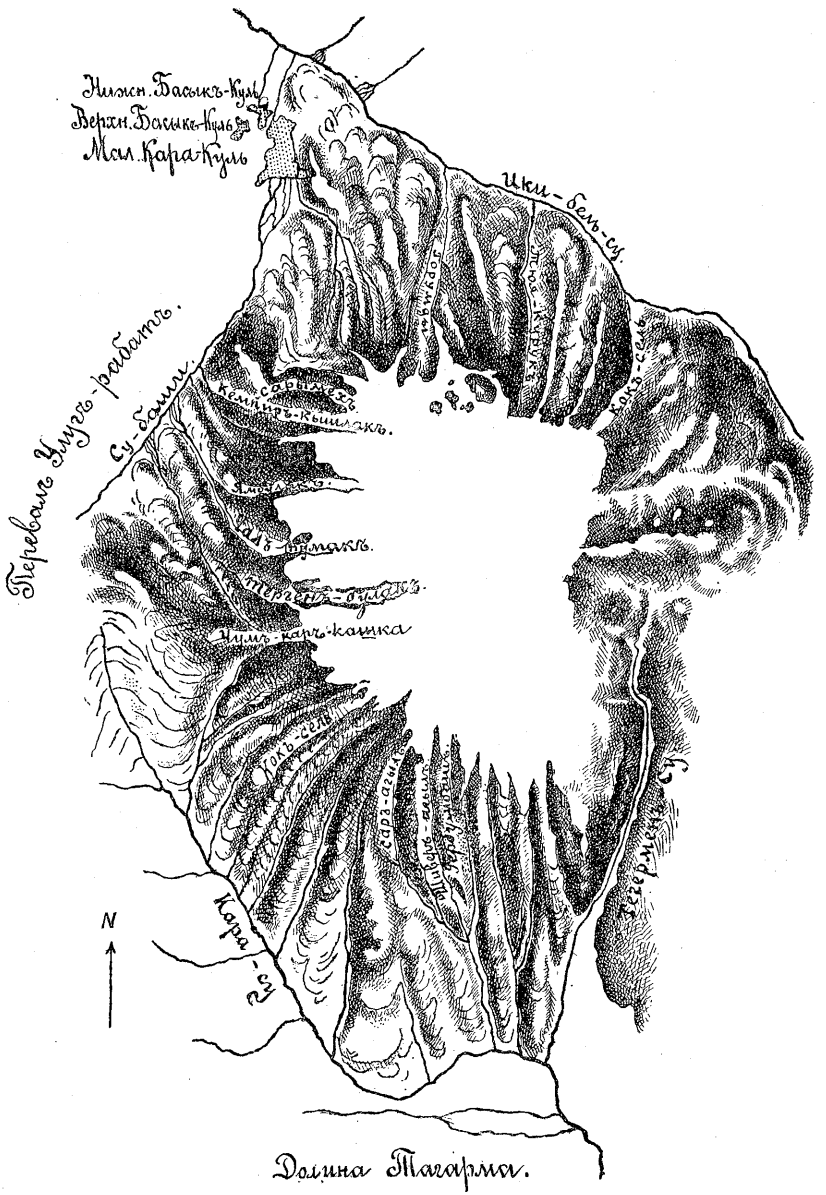
Чтобы избавиться отъ лишней возни, мы захватили съ собой лишь маленькую юрту, гдѣ я и провелъ весь день, за черченіемъ и писаньемъ, согрѣваясь время отъ времени стаканомъ чаю, люди-же, укутавшись въ тулупы, сидѣли на корточкахъ, въ защитѣ отъ вѣтра, около ближайшей гнейсовой глыбы, и слушали Моллу Ислама, читавшаго вслухъ изъ старой книжки со сказками. Когда вьюга усилилась, я впустилъ ихъ въ юрту, и чтеніе продолжалось.

Къ вечеру вьюга прекратилась, но тяжелыя сѣрыя облака неслись надъ долинами, осаждая на склонахъ снѣгъ.

Вечеромъ посѣтилъ насъ аксакалъ аула Ямбулакъ и съ полдюжины другихъ киргизовъ, которые явились привѣтствовать насъ въ своихъ мѣстахъ и поднесли намъ барана. Всѣмъ, по обычаю, предложили хлѣба и чаю, и гости были вознаграждены за барана. Погода прояснилась, и горы засіяли снѣжнымъ блескомъ, — насъ окружалъ настоящій зимній ландшафтъ.

Бѣлый покровъ, однако, не дохватывалъ до дна долины Сары-колъ, гдѣ атмосферные осадки въ это время года падаютъ еще въ видѣ дождя.

31 іюля погода была сносная, и мы могли предпринять экскурсію на ледникъ Ямбулакъ. Поверхность его теперь вся бѣлѣла отъ покрывавшаго ее рыхлаго влажнаго снѣга; по льду уже весело журчали ручейки, имѣвшіе температуру 0.29°. Мы отправились на SO по неровной ледяной поверхности, вдоль правой боковой морены, имѣвшей мощность отъ 1 до 2 метр.;



Группа Мустагъ-ата.
(Съ наброска автора).

отъ нея къ центральной области ледника идутъ длинные отроги въ видѣ заплетенныхъ косъ. Намъ попались два ледниковыхъ стола (ледяныя ножки имѣли въ высоту до $3^1/_2$ децим.)

и широкая и глубокая (2 м. ширины и 9.65 м. глубины) поперечная трещина; она чуть было не преградила намъ дальнѣйшаго пути, да, къ счастью, мѣстами была достаточно узка, такъ что можно было перейти черезъ нее. Въ бокахъ трещины ледъ отливалъ чистѣйшею лазурью, а на днѣ ея сугробами лежалъ снѣгъ.

Вообще ледъ повсюду былъ покрытъ тонкимъ слоемъ рыхлаго, влажнаго снѣжка, настоящею снѣжною слякотью, образовавшеюся частью изъ свѣжевыпавшаго снѣга, частью изъ стараго, подвергнувшагося разъѣдающему вліянію атмосферы. Только въ изломахъ трещинъ, да на проталинахъ, по которымъ бѣжали ручейки, проглядывалъ чистый голубой ледъ. Эти весело журчащіе, хрустально-прозрачные ручейки никогда не принимаютъ большихъ размѣровъ, такъ какъ ихъ обыкновенно скоро поглощаютъ зіяющія трещины.

Когда мы прошли по леднику 400 м., что по нашимъ опредѣленіямъ составляло третью часть всей его ширины, намъ преградило путь непроходимое мѣсто, настоящій хаосъ ледяныхъ конусовъ, пирамидъ, трещинъ и ручейковъ, которые размывали себѣ глубокія русла подъ коварными ледяными сводами.

Если взглянуть съ этого пункта вверхъ на ворота, образуемыя отвѣсными стѣнами скалъ, т. е. на востокъ, то окажется, что ледникъ замкнутъ съ трехъ сторонъ, а именно съ сѣвера, съ юга и запада, — спереди и съ обоихъ боковъ. Тотчасъ по выходѣ изъ ущелья, онъ спускается съ значительной высоты, затѣмъ ползетъ по сильно выпуклой поверхности и поэтому въ нижнемъ своемъ теченіи весь перекорябленъ и изрѣзанъ безчисленными поперечными трещинами. Правая боковая морена доходитъ, однако, сюда. Состоитъ она изъ гнейсовыхъ и сланцевыхъ породъ, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. И тутъ мы видѣли нѣсколько ледниковыхъ столовъ; самый высокій покоился на ледяной ножкѣ въ 1.2 м. высоты, и былъ сильно наклоненъ къ юго-западу, — съ этой стороны ледяная ножка всего сильнѣе подвергалась дѣйствію солнечныхъ лучей. Видѣли также ледяной колодезь съ очень узкимъ отверстіемъ, черезъ которое стекалъ внизъ ручеекъ; глубина колодца равнялась 16.3 метр., на днѣ его глухо журчала вода.

На обратномъ пути къ боковой моренѣ, гдѣ мы оставили яковъ, привязанными къ большому валуну, мы миновали мѣсто, гдѣ морена прерывается и открывается бокъ ледника. Образуя уголъ паденія въ 64°, бокъ этотъ имѣлъ высоту 12 м., и по его блестящей поверхности низвергалось множество рѣзвыхъ ручейковъ, сливавшихся около Ямбулакъ-баши. Нѣсколько маленькихъ моренныхъ лужицъ около края ледника отличались сѣровато-зеленымъ цвѣтомъ воды, имѣвшей температуру 0.46°.

Выступленіе ледника Ямбулакъ изъ ущелья. Видъ на востокъ.
(Съ рисунка автора).

Видъ ледника былъ на этотъ разъ совершенно иной, нежели въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Трещины казались не такъ глубоки, такъ какъ отчасти были наполнены обрушившимися продуктами вывѣтриванья, края ихъ не такъ остры, а линіи изломовъ въ общемъ болѣе мягки и округленны. Словомъ, ясно было, что ледникъ находится въ періодѣ усиленной дѣятельности, причемъ обычные факторы — атмосфера и вода стремились сгладить рѣзкія формы и заполнить углубленія.

Мы направились вдоль правой береговой морены къ мысу ледника, но не успѣли дойти туда, какъ поднялся сильный

вѣтеръ съ юга, и разразился хлеставшій намъ прямо въ лицо градъ, который принудилъ насъ искать убѣжища подъ нависшей глыбой. Градъ, какъ обыкновенно, сопровождался ливнемъ, и только, спустя часъ, удалось намъ продолжать путь.

Непосредственно передъ самою оконечностью мыса ледника мы сдѣлали привалъ. Тутъ въ безпорядкѣ громоздились одна возлѣ другой сильно вывѣтрѣлыя ледяныя пирамиды, увалы и глыбы. Впередъ были выдвинуты четыре настоящихъ горы изо льда — двѣ большія посреди и двѣ поменьше по бокамъ — испещренныя трещинами и словно нарочно выставленныя на съѣденіе солнцу, посылающему на нихъ съ юго-запада самые сильные лучи. Справа, черезъ ледниковыя ворота, всего въ 60 сант. высоты, кажущіяся поэтому лишь узкой щелью между основной мореной и льдомъ, течетъ ручеекъ; вода въ немъ мутно-сѣроватаго цвѣта отъ продуктовъ перетиранія горныхъ породъ.

Масса маленькихъ ручейковъ журчитъ и звенитъ повсюду около устья ледника и между моренами; всѣ они сливаются въ рѣчку; прозрачно-хрустальныя струйки, едва въ палецъ толщиной, брызжутъ фонтанами и бѣгутъ каскадами съ вершины мыса ледника. О томъ, что ледникъ съ апрѣля мѣсяца, когда мы были здѣсь, подвинулся впередъ, свидѣтельствовала маленькая конечная морена, появившаяся около устья ледяной рѣки.

Вечеромъ сильный градъ принялся хлестать горные склоны; градъ такъ барабанилъ по кровлѣ юрты, что принудилъ насъ заткнуть дымовое отверстіе и загасить костеръ. Градины имѣли около 7 милим. въ діаметрѣ; градъ сопровождался снѣгомъ, падавшимъ густыми, большими хлопьями и снова покрывшимъ морены и склоны горъ холоднымъ бѣлымъ ковромъ. Джолдашъ, неусыпно стороживший входъ въ юрту, жалобно вылъ на морозѣ. Непогода неунималась и весь слѣдующій день 1-го августа, но большую часть дня шелъ дождь, и снѣжный покровъ исчезъ; выйти, однако, такъ и не удалось, и я цѣлый день просидѣлъ дома, работая надъ картами.

2 августа посвятили ледникамъ Кемпиръ-кышлакъ. Меньшій изъ нихъ прерывается на значительной высотѣ. Конечная морена его достигаетъ 250—300 м. высоты и скорѣе является щебневымъ конусомъ, такъ какъ продукты вывѣтриванья по-

немногу обрушиваются или сползаютъ внизъ по крутымъ здѣсь склонамъ горы. Склонъ мореннаго конуса падаетъ подъ угломъ $35^1/_2°$.

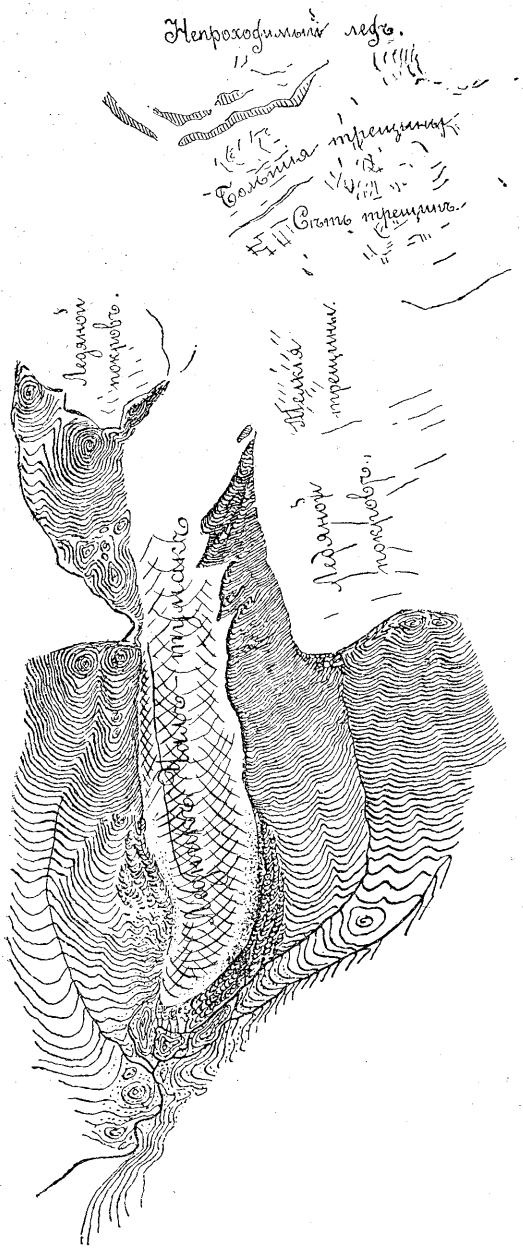
Предстояло взобраться на большой ледникъ Кемпиръ-кышлакъ. Мы направились по моренамъ, идущимъ вдоль лѣваго его берега. Подъемъ былъ такъ крутъ, что пришлось сойти съ яковъ и продолжать путь пѣшкомъ; такъ мы достигли скалы изъ кристаллическаго сланца, находящейся у лѣваго края ледниковыхъ воротъ. Небо было все затянуто облаками; опять пошелъ градъ, но ему не удалось выбѣлить почву, такъ какъ градины съ трескомъ скатывались въ безчисленныя трещины и впадины въ моренѣ; когда-же градъ прекратился, мокрые камни быстро высохли въ сухомъ воздухѣ.

Мысъ ледника, вдающійся въ долину, напоминаетъ формой длинную, узкую, плоскую ложку, повернутую ручкой книзу и всюду окаймленную моренами. Поверхность ледника на всемъ его протяженіи въ общемъ довольно ровная, плосковолнистая. Здѣсь не видно было поперечныхъ трещинъ, но, напротивъ, нѣсколько очень длинныхъ и узкихъ продольныхъ, тянувшихся по срединѣ мыса, весь-же лѣвый берегъ ледника былъ точно въ зазубринахъ отъ краевыхъ трещинъ. Сойдя на ледъ, мы могли воочію убѣдиться въ томъ, какъ образуются боковыя морены. Стоило сдѣлать одинъ шагъ, чтобы скатиться на двадцать по рыхлымъ продуктамъ вывѣтриванья, которые образуютъ здѣсь оползни.

Какъ только мы миновали краевыя трещины, открылся удобный путь по льду, покрытому толстымъ слоемъ снѣга. Послѣдній зато скрывалъ продольныя трещины, которыхъ мы и остерегались, ощупывая путь палками. Массивная гнейсовая глыба, въ 4 куб. м., тяжестью своей вдавилась въ ледъ вмѣсто того, чтобы образовать ледниковый столъ. Было пройдено 600 м., когда путь намъ преградила трещина въ 4 м. шир. и 13.6 м. глуб.; стѣны ея отливали темно-голубымъ цвѣтомъ и были украшены длинными ледяными сталактитами. Самъ ледникъ имѣлъ въ ширину $1^1/_5$ километра.

3 августа мы снова отправились на ледникъ Ямбулакъ, чтобы поставить измѣрительные шесты, по которымъ мы, спустя извѣстный срокъ, могли опредѣлить скорость поступательнаго движенія ледника. Нелегко было добыть

шесты, годные для такой цѣли. Во всей Сары-кольской долинѣ не было другихъ деревьевъ, кромѣ купы кривыхъ чахлыхъ березокъ, около Каинды-мазара, которыхъ къ тому-же, разумѣется, нельзя было трогать, такъ какъ онѣ осѣняли могилу святого. Наконецъ, Іехимъ-баю удалось добыть связку жердей, какія употребляются для остова кровли юрты.

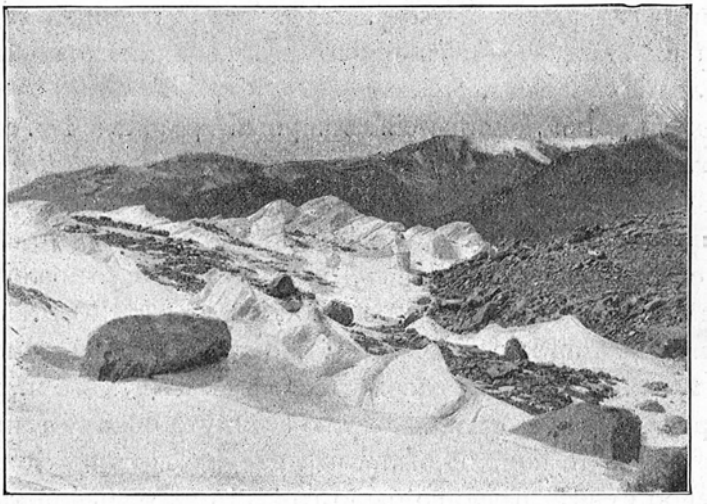


Ледникъ Чалъ-тумакъ.
(Съ наброска автора).

На этотъ разъ мы прошли по льду 529 м. и вбили 9 жердей, частью между камнями моренъ, частью въ самый ледъ; мѣстонахожденіе жердей было обозначено на картѣ (масштабъ 1 : 4,480). Установить ихъ цѣпью поперекъ теченія ледника, какъ мы хотѣли, оказалось невозможнымъ, такъ какъ вся лѣвая половина ледяного потока была совершенно непроходима и образовывала горбъ сравнительно съ

правой. Причина этого въ томъ, что лѣвая половина ледника на всемъ протяженіи между вертикальными стѣнами скалъ находится въ тѣни выступовъ лѣвой стѣны, не позволяющихъ ни единому лучу солнца озарить и согрѣть эту часть ледяной рѣки, пока она не выйдетъ изъ горъ.

Правая половина, напротивъ, вся на солнцѣ, и таяніе льда идетъ здѣсь несравненно быстрѣе, что ясно и отражается на формѣ ледника даже послѣ того, какъ онъ выступаетъ изъ ущелья: правая половина ледниковаго потока заходитъ въ долину почти на 40 м. дальше лѣвой. По выступленіи изъ воротъ ледяная рѣка становится вдвое, втрое шире и во столько-



Правая боковая морена ледника Ямбулакъ.
(Съ фотографіи автора).

же разъ тоньше. Площадь таянія такимъ образомъ еще увеличивается, и ледяной потокъ быстро суживается опять, такъ что оконечность ледниковаго мыса очень узка. Абсолютная высота равнялась здѣсь 4,690 м.

Обычный градъ разразился около 4-хъ часовъ дня. Сначала гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ легкія облачка неслись, словно паръ, надъ долиной, глубоко подъ нашими ногами, затѣмъ они быстро поднялись по склонамъ горъ и сразу окутали насъ густою пеленою. Стало холодно и темно, градъ хлесталъ о ледъ; оставалось только искать защиты отъ вѣтра за высо-

кой ледяной пирамидой и пережидать. Поздно, усталые и замерзшіе вернулись мы въ лагерь.

Слѣдующій день, для разнообразія, подарилъ насъ прекрасной погодой, и мы совершили чудесную экскурсію на ледникъ Кемпиръ-кышлакъ,—намъ осталось еще изслѣдовать его правый берегъ. Оказалось, что отъ ледника отдѣляется мощный рукавъ, который почти достигаетъ лѣвой береговой морены ледника Сарымеха, а кромѣ того образуетъ высокій (30 м.), почти отвѣсный ледяной утесъ, отличающійся чистотой и прозрачностью. Сколько нибудь значительныхъ конечныхъ моренъ здѣсь нѣтъ; кое-гдѣ только разбросаны глыбы гнейса и блестящаго сланца; мощность самой большой изъ нихъ равнялась 24 куб. метр. Эта зачаточная конечная морена складывается изъ рѣдко разбросанныхъ по поверхности ледника глыбъ.

Около устья ледника зіялъ черный гротъ въ 4 м. высотой и 3 м. глубиной; происхожденіемъ онъ былъ, вѣроятно, обязанъ болѣе быстрому нагрѣванію здѣсь поверхности. Съ края ледника низвергались четыре ручейка изъ растаявшаго снѣга, и множество мелкихъ струекъ, разсыпавшихся прелестными каскадами. Самый крупный изъ нихъ имѣлъ 20 м. высоты, причемъ такъ врѣзался въ ледъ, что падалъ не съ самой вершины мыса. Другой врѣзался въ ледъ на цѣлыхъ 6 м., и, такъ какъ русло его во льду было уже затянуто сверху тонкой ледяною корой, то похоже было, что струя бьетъ изъ отверстія въ ровной стѣнѣ. Красиво было глядѣть на большой каскадъ, стекавшій точно по какому-то жолобу во льду и затѣмъ разсыпавшійся на тысячи жемчужныхъ брызгъ, блестѣвшихъ на солнцѣ.

Ледъ здѣсь повсюду былъ пористый, какъ губка, и очень пластичный; изъ него можно было скатывать колобки, точно изъ снѣга. Со всѣхъ сторонъ слышалось журчанье, со всѣхъ сторонъ бѣжали, извивались, брызгали струйки. Ледъ шелъ навстрѣчу своей гибели, спускаясь въ пояса, климата которыхъ не выдерживаетъ. Внизу, около устья ледника, лежали большія, разбившіяся ледяныя глыбы и кучи обломковъ обрушившагося крайне пористаго и быстро тающаго льда. Когда упомянутый выше гротъ будетъ углубленъ достаточно, и покоящіяся надъ сводомъ его ледяныя массы окажутся слишкомъ

тяжелыми для послѣдняго, сводъ обрушится вмѣстѣ съ ними и ускоритъ уничтоженіе оконечности мыса ледника.

Мы обогнули ледниковый мысъ и стали подыматься по правому его берегу. Не далеко отъ мѣста, гдѣ одинъ изъ каскадовъ съ шумомъ ниспадалъ въ лужу, образованную имъ-же самимъ около подошвы ледника, Кемпиръ-кышлакъ подходитъ такъ близко къ моренѣ своего сосѣда, Сарымеха, что еле можно пробраться сквозь отдѣляющій ихъ другъ отъ друга узкій проходъ.

Ледникъ спускается здѣсь подъ угломъ въ $25^1/_2°$, т. е. необычайно крутъ въ сравненіи съ альпійскими глетчерами, уголъ паденія которыхъ въ нижнихъ поясахъ часто не достигаетъ 1°.

Оба сосѣда ледника сходятся подъ прямымъ угломъ, между ними бѣжитъ съ горъ, раздѣляющихъ ихъ фирновыя области, ручей; послѣдній заноситъ пространство между ними щебнемъ и иломъ, поростающимъ травой и образующимъ пастбища для дикихъ козъ.

И у ледника Кемпиръ-кышлакъ, какъ у ледника Ямбулакъ, лѣвая половина ледяного потока оказалась гораздо выше правой и была окаймлена колоссальными моренами, тогда какъ правая почти не имѣла морены. Такое соотношеніе ясно доказываетъ, что ледяной потокъ жмется ближе къ лѣвому скалистому берегу, съ силой надавливаетъ на подножье горы и уноситъ продукты распада. На лѣвой сторонѣ такимъ образомъ ледъ лежитъ подъ мореной, а на правой морены подо льдомъ.

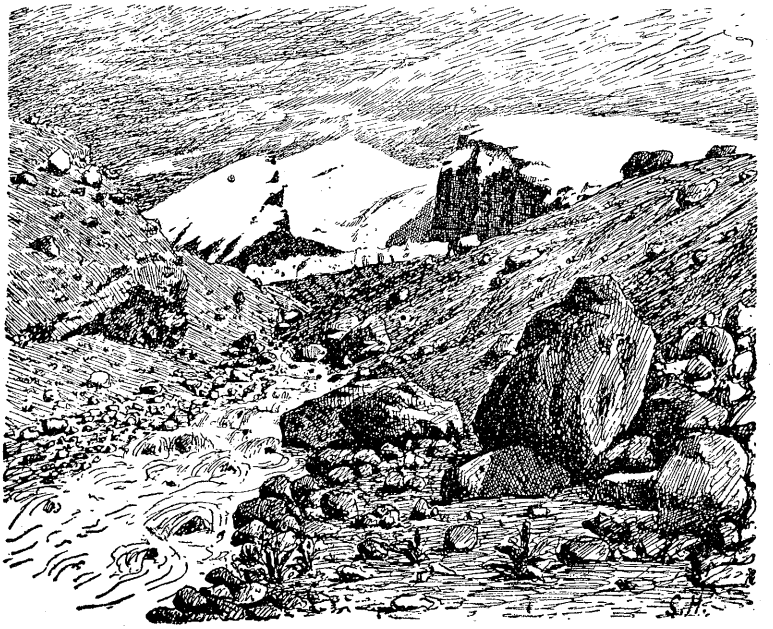
XIV.

Восхожденія на Мустагъ-ату.

Во время пребыванія на этой значительной высотѣ, уступавшей немногимъ изъ альпійскихъ вершинъ, мы все время стерегли удобный случай поймать Мустагъ-ату врасплохъ и взобраться на нее. Но погода все ставила намъ препятствія. То шелъ снѣгъ, то градъ, то дулъ пронизывающій сѣверный вѣтеръ, отнимавшій всякую охоту стремиться въ высшія сферы, гдѣ вѣтеръ взвивалъ снѣгъ столбомъ.

Бывало, что солнце улыбалось на минуту съ яснаго неба, но въ слѣдующую погода портилась и разстраивала всѣ наши планы. Бывало нѣсколько разъ, что мы уже навьючивали яковъ, дѣлили ручной багажъ между носильщиками и готовились выступать, какъ вдругъ начинался вѣтеръ и позволялъ намъ совершить, чтобы день не совсѣмъ пропалъ даромъ, лишь небольшую экскурсію на ледники.

Такъ продолжалось до 5-го августа. Мы уже успѣли убѣдиться, что на этой высотѣ зима — ранній гость и что вре-



Мустагъ-ата, ледникъ Ямбулакъ и вытекающій изъ него ручей.
Видъ на востокъ.
(Съ рисунка автора).

мени у насъ въ запасѣ немного, и поэтому рѣшили на слѣдующій день быть готовыми во что-бы то ни стало отправиться въ походъ. 5-го августа посвятили отдыху, и въ юртѣ царствовала торжественная тишина. Наши яки за послѣднее время сильно изнурились и пришлось отправить ихъ вмѣстѣ съ ихъ хозяевами обратно, а Исламъ добылъ нѣсколькихъ свѣжихъ отличныхъ животныхъ. Сѣдла, палки съ желѣзными наконечниками, канаты, веревки, продовольствіе, приборы—все было приготовлено съ вечера.

Погода весь день стояла хорошая, но въ сумерки начался обычный градъ и вѣтеръ. Вершина Мустагъ-аты, только что ослѣпительно сіявшая своимъ снѣжнымъ вѣнцомъ, окуталась густыми облаками, а вечеромъ духи вѣтра начали бѣшенный хороводъ вокругъ одного изъ высочайшихъ троновъ божества вѣтра.

Оставивъ Исламъ-бая сторожить лагерь, я выступилъ 6 августа въ $6^1/_2$ ч. утра съ Іехимъ-баемъ, Молла Исламомъ, тремя другими киргизами и семью превосходными яками.

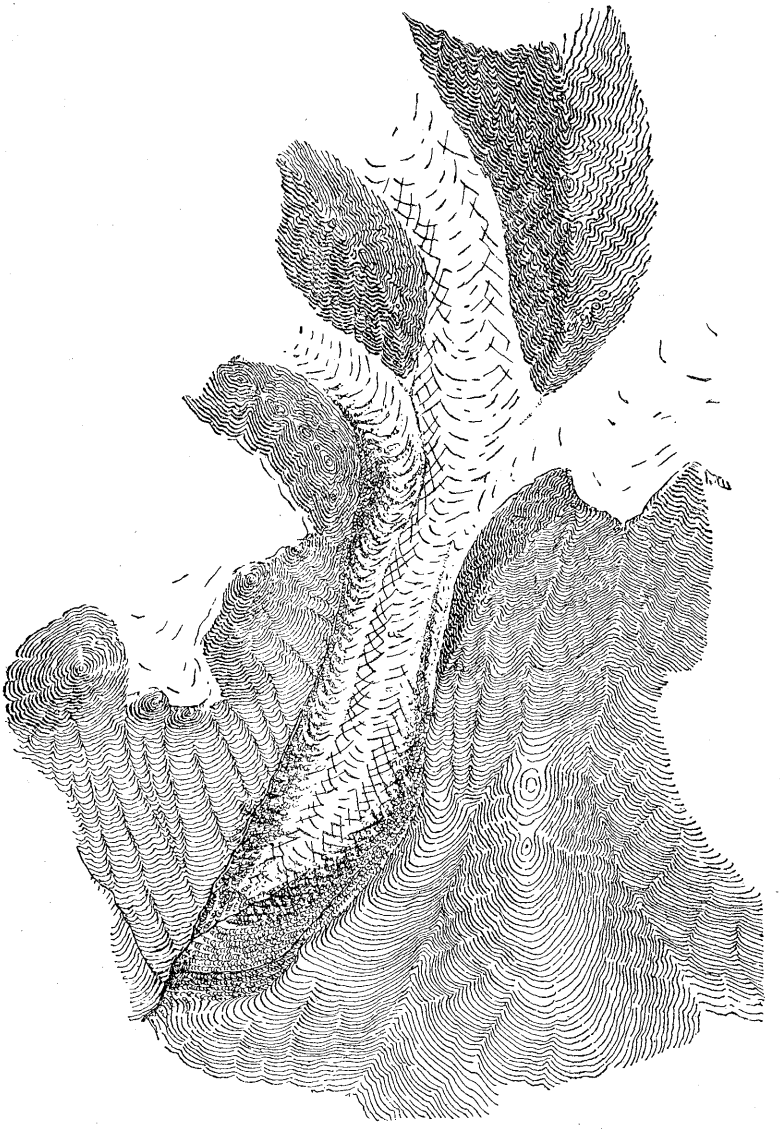
День выдался чудесный, совершенно ясный, такъ что отъ самой подошвы видны были всѣ очертанія Мустагъ-аты, до мельчайшихъ подробностей, а самая вершина казалась близехонько; склоны заслоняли выступы и отроги, что и вводило въ заблужденіе. Въ воздухѣ не шелохнулось, на небѣ не было ни единаго облачка.

Мы отправились сначала черезъ Ямбулакъ-баши, медленно подымаясь по склону подъ лучами восходящаго солнца, потомъ дорога пошла по крутизнамъ въ тѣни до тѣхъ поръ, пока солнце не поднялось такъ высоко, что стало свѣтить намъ прямо въ лицо.

Подвигались впередъ пока еще быстро, и въ 7 ч. 10 м. достигли высоты 4,500 м. Крутые склоны были всюду покрыты продуктами вывѣтриванья горныхъ породъ, которыя выше мы находили in situ. Щебень былъ насыпанъ такъ густо, что убивалъ всякую растительность. Тутъ пришлось оставить двухъ яковъ, которые безпрестанно останавливались и задерживали насъ. Ѣхавшіе на нихъ киргизы пошли пѣшкомъ, по очереди ведя моего большого, чудеснаго яка, который безъ усилія пробирался между кучами щебня.

Въ 8 ч. мы были на высотѣ Монблана и, немного спустя, достигли на высотѣ 4,950 м. снѣговой линіи. Вначалѣ снѣгъ попадался небольшими клоками между кучами щебня, затѣмъ разостлался сплошнымъ ковромъ, изъ подъ котораго кое-гдѣ проглядывали отдѣльные камни. Снѣгъ былъ мелкозернистый и плотный, но безъ наста. Только, когда мы поднялись еще метровъ на 200 выше, снѣговой покровъ оказался покрытымъ тонкой, твердой корой; мягкая кожаная обувь моихъ людей не оставляла на ней никакихъ слѣдовъ; настъ только слегка похрустывалъ, но животныя ни разу не поскользнулись.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ снѣгъ становился глубже, но особенно большихъ сугробовъ еще не встрѣчалось.

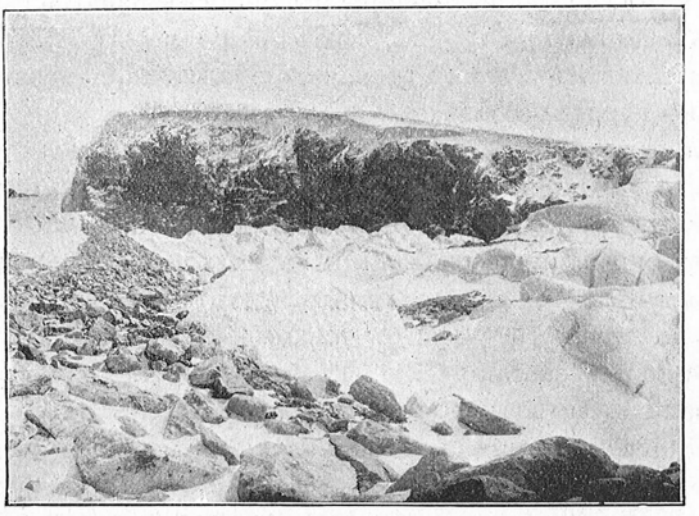


Ледникъ Тергенъ-булакъ.
(Съ рисунка автора).

Толщина снѣговаго покрова отъ нѣсколькихъ сантиметровъ возросла до одного дециметра, а на самой высшей, достигнутой пока нами, точкѣ пала опять до 35 сантим. Причинами, мѣшаю-

щими образованію большихъ сугробовъ являются обычный здѣсь сильный вѣтеръ, усиленное испареніе и легко обнажающаяся вѣтрами куполовидная форма рельефа. Снѣгъ сверкалъ на солнцѣ тысячами искръ и я, несмотря на консервы съ двойными стеклами, сильно страдалъ отъ этого блеска, разлитаго повсюду кругомъ. Люди мои, у которыхъ совсѣмъ не было очковъ, жаловались, что у нихъ все вертится, а временами и совсѣмъ темнѣетъ въ глазахъ.

Приходилось все чаще и чаще дѣлать передышку. Я, пользуясь остановками, дѣлалъ наброски, производилъ измѣре-



Лѣвая (южная) скалистая стѣна ледника Ямбулакъ.
На заднемъ планѣ боковая морена.
(Съ фотографіи автора).

нія съ компасомъ и оріентировался. Мы слѣдовали непосредственно по краю высокой скалистой стѣны, откуда намъ открывался чудный видъ на весь ледникъ въ глубинѣ. Выше, въ ущельѣ, гдѣ оба его скалистые бока постепенно понижаются (по сравненію съ поверхностью ледника), нѣсколько расходятся, и въ концѣ концовъ сливаются съ округленнымъ гребнемъ, соединяющимъ обѣ высочайшія вершины группы Мустагъ-ата, ясно виднѣлось фирновое поле.

По серединѣ теченія ледяной рѣки преобладаютъ продольныя трещины. Самыя большія идутъ въ ущельѣ, между скалистыми стѣнами, и доходятъ до оконечности ледяного мыса.

Продольныя трещины часто пересѣкаются поперечными, которыхъ особенно много въ трехъ пунктахъ, гдѣ ледъ сползаетъ по уступамъ, вслѣдствіе чего поверхность льда разбивается на цѣлую систему прямоугольниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещины образуютъ расходящіяся линіи, постепенно суживаясь отъ центра къ краямъ.

Ширина ледника въ ущельѣ, пожалуй, едва равняется 1 килом. и вообще на всемъ протяженіи сохраняетъ приблизительно одну и ту-же среднюю ширину. Онъ кажется гораздо круче, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; объясняется этотъ обманъ зрѣнія тѣмъ, что фирновое поле мы видимъ высоко надъ собою, а мысъ ледника въ глубинѣ, и разстояніе между этими двумя точками кажется совсѣмъ незначительнымъ въ ясномъ и прозрачномъ горномъ воздухѣ.

На отвѣсныхъ стѣнахъ скалъ, вздымающихся надъ поверхностью ледника почти на 400 м., нѣтъ никакихъ царапинъ или слѣдовъ стачиванья камней. Это и не удивительно, — если-бы они и существовали прежде, то давно могли быть сглажены процессомъ вывѣтриванья, который въ этихъ областяхъ по причинѣ рѣзкихъ перемѣнъ температуры, идетъ энергично и безостановочно. Та часть горы, по которой мы пробирались, имѣла зубчатый, точно весь въ зазубринахъ, край; выступы и выемки чередовались другъ съ другомъ, но движеніе льда было ни при чемъ въ ихъ образованіи, которымъ они обязаны исключительно процессу вывѣтриванья.

Склонъ горы спускается къ равнинѣ Су-баши подъ угломъ въ 22°, поэтому подъемъ сильно давалъ себя чувствовать въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ. Снѣгъ становился какъ будто все чище и ослѣпительнѣе; настъ весело похрустывалъ подъ ногами. Мы тихо подвигались впередъ, минуя одинъ уступъ за другимъ, строго слѣдуя за контурами края скалистой стѣны; передъ нами все развертывались новыя перспективы такихъ-же скалъ и уступовъ.

На высотѣ 5,100 м. Молла Исламъ и двое другихъ киргизовъ оставили своихъ яковъ, увѣряя, что лучше идти пѣшкомъ. Они не прошли, однако, болѣе 200 м., какъ въ изнеможеніи, жалуясь на сильную головную боль, упали на снѣгъ и заснули мертвымъ сномъ.

Я продолжалъ путь съ двумя остальными киргизами и

двумя яками. Моего яка постоянно велъ одинъ изъ людей, которые чередовались между собой; свободный изъ нихъ ѣхалъ на другомъ якѣ. Они также жаловались на страшную головную боль и почти задыхались. Я чувствовалъ себя хорошо, если не считать ломоты въ головѣ, которая все усиливалась по мѣрѣ подъема; одышку-же я чувствовалъ только, когда слѣзалъ съ яка и принимался за наблюденія. Когда надо было опять влѣзть на сѣдло, я готовъ былъ задохнуться отъ этого небольшого усилія, и у меня начиналось сильнѣйшее сердцебіеніе. Зато движенія яка, становившагося все упрямѣе и подвигавшагося все съ большими усиліями, не причиняли мнѣ никакихъ непріятныхъ ощущеній.

На менѣе значительныхъ высотахъ Демавенда я страдалъ гораздо больше, но туда я взбирался пѣшкомъ, а все дѣло въ томъ, чтобы по возможности меньше утомлять себя и ѣхать верхомъ. Если это возможно, то даже очень значительныя высоты достигаются безъ особенно болѣзненныхъ ощущеній. Вотъ и теперь, всѣ киргизы чувствовали себя плохо, нѣкоторые заявляли даже, что того и гляди умрутъ, я же все время чувствовалъ себя сравнительно бодрымъ. Люди мои не послушались моего совѣта, оставили своихъ яковъ и утомили себя карабканьемъ по крутизнамъ, такъ что уже не въ силахъ были бороться съ разслабляющимъ вліяніемъ разрѣженнаго воздуха.

Между тѣмъ поднялся свѣжій вѣтеръ съ SW, мелкій снѣгъ закрутило вихрями, небо покрылось тучами. Мы всѣ такъ утомились, что рѣшили сдѣлать привалъ. Достали хлѣбъ, чай, топливо, чтобы развести костеръ, но стоило намъ взглянуть на ѣду, чтобы насъ затошнило; такъ никто ничего и не взялъ въ ротъ. Насъ только мучила жажда, и мы все глотали снѣгъ; даже яки проглатывали большіе комки.

Видъ съ высоты 6,300 м. былъ поистинѣ восхитительнымъ и величественнымъ. Намъ открывалось, черезъ хребетъ Сары-колъ, все пространство до самаго Заалайскаго хребта и живописныхъ снѣговыхъ горъ Мургаба. Изъ ближайшихъ частей хребта Сары-колъ, повидимому, только нѣсколько вершинъ превышаютъ высоту 5,000 м., но въ хребтѣ Мусъ-тагъ, сѣверномъ продолженіи Мустагъ-аты, есть нѣсколько вершинъ, которыя мало уступаютъ самому „отцу ледяныхъ горъ“.

Долина Сары-колъ развертывалась внизу, какъ на ладони.

Видно было все пространство отъ Улугъ-рабата до Булюнъ-куля. Всѣ озера, кромѣ верхняго Басыкъ-куля, заслоненнаго группой скалъ, сіяли голубовато-зелеными стеклами въ сѣрой оправѣ моренъ, но казались отсюда крошечными лужицами. Ямбулакъ указывалъ своимъ ледянымъ пальцемъ на долину, а далеко впереди него виднѣлись полукружія его старыхъ конечныхъ моренъ.

Ниоткуда также не могли быть лучше видны ледяные потоки и выпаханныя ими глубокія борозды въ горныхъ склонахъ. Мощные потоки ледниковъ Ямбулака и Чумъ-каръ-кашки, идутъ параллельно до самаго ложа долины, покрытаго стальносѣрыми отложеніями этихъ потоковъ.

Вверху виднѣлись еще четыре отрога скалъ, а за ними сѣверная вершина Мустагъ-ата, казавшаяся намъ совсѣмъ близехонько и охваченная до самой высшей точки фирновымъ кольцомъ, представлявшимся намъ въ перспективѣ плоскимъ.

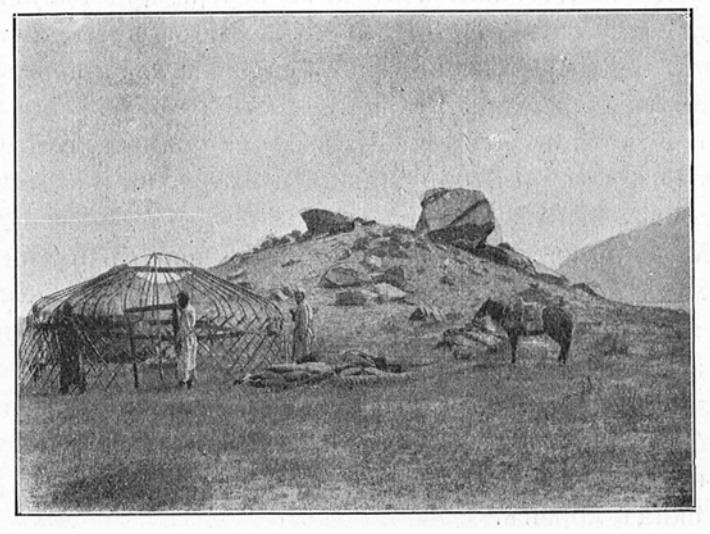
Мы стали держать военный совѣтъ. День клонился къ концу, и становилось холодно (+ 0.7° въ 4 ч. дня); киргизы были такъ изнурены, что не могли идти дальше; яки пыхтѣли, высунувъ языки; мы находились какъ разъ у подошвы куполовидной возвышенности, которая постепенно переходитъ въ плоскую макушку вершины. На склонахъ ея снѣгъ лежалъ еще болѣе толстыми плотными слоями, а трещины и оползни указывали на возможность образованія лавинъ.

Киргизы предостерегали отъ восхожденія по этимъ крутымъ, готовымъ обрушиться снѣжнымъ склонамъ, гдѣ яки своей тяжестью легко могли произвести обвалъ, и мы тогда, скорѣе, чѣмъ желательно, очутились бы внизу, но въ довольно жалкомъ видѣ. Люди мои говорили, что внизу изъ долины видали иногда такіе обвалы на этихъ склонахъ.

На высотѣ, на которой находились мы, снѣговой покровъ прикрываетъ большею частью скалистую почву и щебень, который часто показывался въ слѣдахъ, оставляемыхъ яками. Только вдоль самаго края скалы подъ снѣгомъ шелъ ледъ, и съ обрыва свѣшивались надъ поверхностью ледника длинные, ледяные сталактиты. На вершинѣ противоположной южной стѣны скалъ, напротивъ, подъ снѣгомъ повсюду былъ толстый голубой чистый ледъ, облекавшій гору словно броней, плотно заполняя всѣ углубленія.

Съ грустью рѣшился я вернуться, и мы быстро заскользили внизъ по старымъ своимъ слѣдамъ, переходя все въ болѣе теплые и мягкіе слои воздуха, подобравъ по пути отставшихъ людей и яковъ, которые такъ и не двигались съ того мѣста, гдѣ мы ихъ оставили, и благополучно достигли лагеря около семи часовъ вечера. Въ лагерѣ уже ожидало насъ нѣсколько друзей-киргизовъ съ приношеніями съѣстныхъ припасовъ.

Помимо того, что эта экскурсія помогла намъ отлично оріентироваться, дала возможность произвести много наблю-



Наша юрта около Ямбулакъ-баши.
(Съ фотографіи автора).

деній, она научила насъ, что вслѣдствіе значительности самаго разстоянія, отдѣляющаго насъ отъ сѣверной вершины группы Мустагъ-аты, однодневный срокъ оказывается недостаточнымъ для ея достиженія, и что единственно вѣрнымъ средствомъ будетъ раздѣлить экскурсію на два дневныхъ перехода, переночевать въ юртѣ первую ночь на значительной высотѣ, а на слѣдующее утро съ свѣжими яками и легкимъ багажомъ продолжать путь до вершины. Киргизы и Исламъ-бай вполнѣ одобрили этотъ планъ и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлать такую попытку.

Намъ, однако, предстояло еще изслѣдовать три боль-

шихъ ледника дальше къ югу, и мы 8 августа перенесли стоянку къ Тергенъ-булаку.

Я съ Исламъ-баемъ сдѣлалъ обходъ вдоль лѣваго края подошвы горы. Мы хотѣли сначала видѣть русло питаемой ледникомъ Ямбулака горной рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ она принимаетъ всѣ свои притоки. Тамъ, гдѣ мы перешли черезъ нее, она имѣла 10.3 м. ширины и 0.35 м. глубины (максимумъ); скорость ея теченія равнялась 2.2 м. въ секунду, а температура 5.7°.

По обоимъ берегамъ возвышались колоссальныя морены, состоящія частью изъ глыбъ гнейса и кристаллическаго сланца, величиною отъ 140 куб. м., частью изъ мелкихъ обломковъ, цементомъ въ которыхъ служила ледниковая глина, не отличавшаяся однако, слоистостью.

Своимъ быстрымъ теченіемъ рѣчка подмыла самыя большія глыбы, которыя, обрушившись въ русло, и заставляютъ рѣчку образовывать водопады.

Нелегко поэтому перейти черезъ нее съ яками; вода такая мутная, что не видно, куда ступаютъ животныя, и часто, когда якъ попадетъ ногами между двумя большими глыбами, кажется, что онъ вотъ-вотъ исчезнетъ съ тобой въ этой клокочущей пѣнѣ. Поэтому чувствуешь большое облегченіе очутившись на другомъ берегу. На востокѣ открылся чудесный видъ на бѣлый мысъ ледника, врѣзавшійся между грядами гигантскихъ моренъ.

Отъ оконечности мыса мы поднялись по лѣвой боковой моренѣ до того мѣста, гдѣ ледникъ выступаетъ изъ ущелья. Здѣсь боковая морена состоитъ исключительно изъ колоссальныхъ гнейсовыхъ валуновъ; большинство изъ нихъ величиною около 100 куб. м. Стѣна скалъ, напротивъ, состоитъ изъ твердаго, темнаго, кристаллическаго сланца; уголъ его паденія равняется 21° NNO. Такимъ образомъ морена образовалась изъ породъ, находящихся въ высшихъ поясахъ. О томъ, что нижнія скалы ни при чемъ въ образованіи морены, свидѣтельствуетъ кромѣ того находящаяся между скалами и мореной впадина, съ боками, усыпанными щебнемъ, которая мѣшаетъ льду придти съ соприкосновеніе со стѣной.

Пробираться по этому лабиринту валуновъ было не легко; яки совсѣмъ не могли пройти тутъ, и Моллѣ Исламу при-

шлось отправиться съ ними окольной дорогой, чтобы встрѣтить меня у подошвы морены.

Одинъ съ вѣрнымъ Джолдашемъ продолжалъ я путь, то ползкомъ, то пѣшкомъ, балансируя по краямъ глыбъ, между которыми шли темные, узкіе проходы, скорѣе просто щели; въ глубинѣ ихъ журчали ручейки изъ тающихъ снѣговъ. Разъ таки я скатился съ глыбы и завязъ въ такой щели ногой, такъ что пришлось разуться, чтобы вытащить сапогъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я предпочиталъ шлепать по водѣ между глыбами. Немудрено, что я почувствовалъ большое облегченіе, выбравшись, наконецъ, изъ этого мрачнаго и опаснаго лабиринта, въ которомъ безъ компаса легко заблудиться.

Но, когда я, послѣ многихъ приключеній, очутился на холмѣ около подножья морены, оказалось, что Джолдашъ остался на огромной глыбѣ и жалобно выл, не рѣшаясь двинуться ни взадъ, ни впередъ. Наконецъ, онъ всетаки исчезъ за глыбой, и я услышалъ плескъ и барахтанье въ водѣ. Затѣмъ, онъ присоединился ко мнѣ, прихрамывая на одну ногу, видимо довольный тѣмъ, что выбрался, и въ то же время обиженный, что я заманилъ его въ такія мѣста.

Послѣ небольшого перехода по луговому склону, прорѣзанному холоднымъ ручейкомъ, мы достигли мыса ледника Чалъ-тумака, спускающагося подъ угломъ 24.9°. Поверхность его черна отъ щебня, изъ котораго торчатъ отдѣльныя бѣлыя пирамиды льда; край-же ледника блеститъ сталью.

Въ сумерки мы достигли новаго нашего лагеря, гдѣ все уже было въ порядкѣ; по близости находился агылъ (аулъ или кочевье) изъ четырехъ юртъ. Старшина, бекъ Тогда-бай, славный таджикъ, важнаго вида, тотчасъ-же явился съ визитомъ и сообщилъ, между прочимъ, что аулъ имѣетъ всего 25 жителей, что одна юрта принадлежитъ семейству таджиковъ (арійское племя, говорящее на персидскомъ языкѣ), а три остальныя найманъ-киргизамъ, и что они круглый годъ проводятъ въ этой мѣстности, лишь мѣняя яйлаки,—гдѣ поживутъ мѣсяцъ, гдѣ два. Зимою здѣсь бываетъ ужасно холодно, снѣгу выпадаетъ много, и овцамъ трудно бываетъ находить подножный кормъ. Послѣ продолжительнаго снѣга, накопившіеся громадные запасы его сползаютъ по бокамъ горъ въ видѣ лавинъ, увлекая за собой камни и щебень.

Симпатичный старикъ принесъ намъ барана и кувшинъ молока и выразилъ полную готовность доставить намъ все нужное, жалѣя лишь о томъ, что по причинѣ своихъ преклонныхъ лѣтъ, не можетъ сопровождать насъ въ нашихъ экскурсіяхъ въ горы. Онъ тоже разсказалъ намъ старинное преданіе о восходившемъ на Мустагъ-ату шейхѣ, видѣвшемъ тамъ бѣлобородаго старца и бѣлаго верблюда и принесшемъ оттуда большой желѣзный котелъ, который теперь хранится въ мазарѣ въ долинѣ Шинди. Мы долго бесѣдовали о предполагавшихся новыхъ экскурсіяхъ, и старикъ отправился въ обратный путь, въ свое одинокое жилище среди моренъ, только поздно вечеромъ.

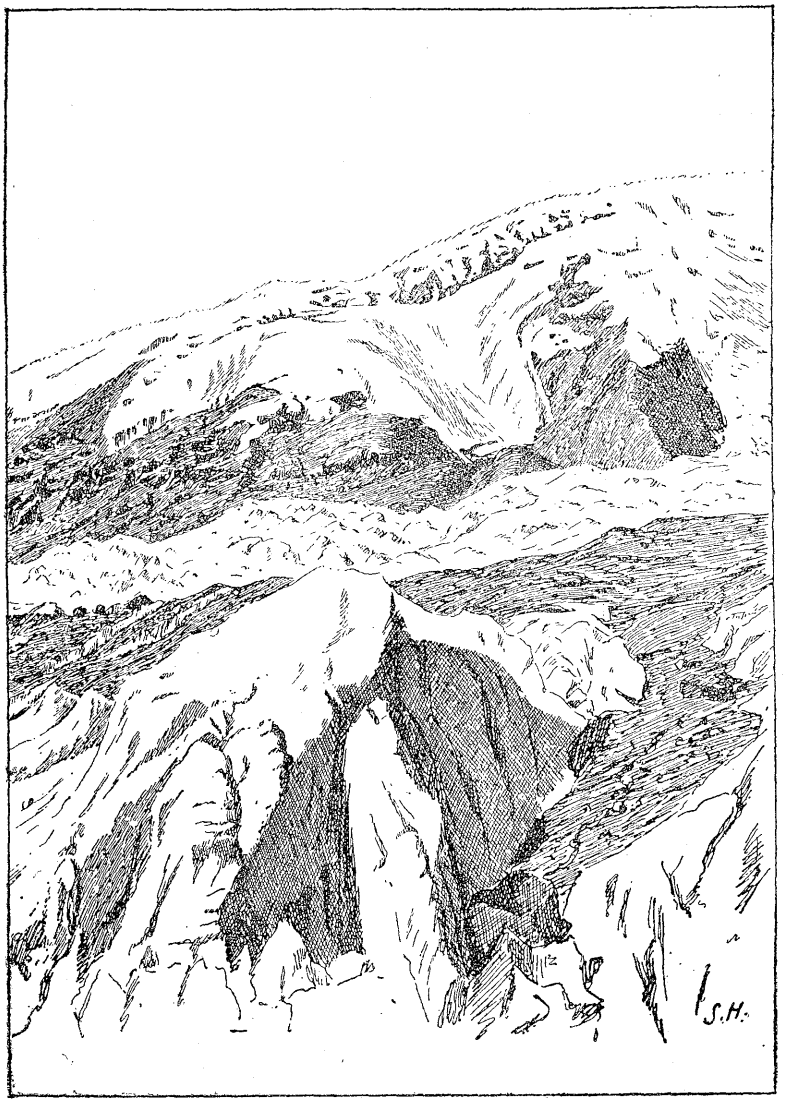
Погода выдалась теплѣе обыкновеннаго, тихая и ясная; при лунномъ свѣтѣ снѣга сіяли молочной бѣлизной. Моренные бугры бросали темныя тѣни; долина подъ нами словно уходила въ темную бездну. Вдали слышалось время отъ времени блеяніе овецъ и журчанье ручейка.

9 августа мы изслѣдовали лѣвую сторону ледника Чалътумака. Поднявшись по моренамъ, мы достигли мѣстечка на склонѣ горы, откуда открылся чудесный видъ на правильную структуру ледника. Онъ весь покрытъ сѣтью трещинъ, частью поперечныхъ, частью продольныхъ, образовавшихъ цѣлую систему ледяныхъ пирамидъ. Моренные камни и глыбы падаютъ въ трещины, которыя походятъ на черныя канавки и дѣлаютъ ледникъ похожимъ на рѣшето.

Гнейсовыя плиты кругомъ были словно отполированы льдомъ, такъ какъ прежде здѣсь спускался ледяной потокъ изъ области, одѣтой теперь льдомъ, какъ броней. Въ область эту входятъ громадныя пространства на склонахъ Мустагъ-аты. Ледъ одѣваетъ тѣло великана-горы точно плащомъ, полы котораго спускаются складками и зубцами съ обрывовъ; края этого толстаго ледяного покрова зачастую обрываются очень круто, и голубовато-зеленый, блестящій ледъ въ изломѣ производитъ ослѣпительный эффектъ рядомъ съ бѣлымъ снѣговымъ покровомъ.

Подобныя ледниковыя образованія, напоминающія вообще норвежскіе глетчеры, имѣютъ, конечно, мѣсто только на выпуклостяхъ Мустагъ-аты; впадины-же представляютъ обычныя альпійскія формы ледниковъ съ фирновымъ полемъ и глубокимъ узкимъ русломъ ледника.

Назадъ мы пробирались по ложбинѣ между ледяными пирамидами и боковой мореной; по ложбинѣ текла, словно



Ледникъ Чалъ-тумакъ. Видъ на сѣверъ.
(Съ рисунка автора).

масло по намыленному металлическому жолобу, горная рѣчка, подмывая основанія нѣкоторыхъ пирамидъ, которыя и угрожаютъ ежеминутно рухнуть.

Въ заключеніе нашей экскурсіи мы посѣтили бека Тогдабая, который созвалъ почетнѣйшихъ обитателей аула и предложилъ намъ дастарханъ. Аулъ былъ расположенъ на берегу ледниковой рѣчки; кругомъ разстилались луга, гдѣ паслись яки, верблюды и лошади бека. Женщины доили овецъ. Нѣкоторыя изъ таджикскихъ женщинъ были очень красивы и имѣли бойкій, веселый видъ; одѣты онѣ были очень живописно, но небрежно, и частенько подходили къ юртѣ поглядѣть въ щелочку на чужестранца.

Видъ на востокъ открывался самый величественный, какой только можно представить себѣ. Передъ нами возвышался колоссальный массивъ горы, подымаясь на головокружительную высоту, гдѣ фирнъ прядетъ ткани, которыя затѣмъ подносятся у подошвы горы въ даръ пожирающему ихъ солнцу, гдѣ кружатся на просторѣ вѣтры и гдѣ царствуютъ покой смерти и холодъ.

Ледникъ выступаетъ изъ ущелья спокойно и величаво, словно король изъ воротъ своего дворца, а морены возвышаются вокругъ этого неприступнаго дворца, словно крѣпостные валы. Мутный ледниковый ручей, весело прыгавшій между камнями, рѣзвый и шаловливый, какъ школьникъ во время каникулъ, счастливый, что вырвался изъ ледяной тюрьмы и можетъ бѣжать въ теплыя плодородныя области, ярко блестѣлъ на солнцѣ.

10-го августа мы отправились вверхъ по ручью, на берегу котораго былъ разбитъ нашъ лагерь. Ручей привелъ насъ къ близъ находящемуся правому боку ледника Тергенъ-булака, изъ котораго ручей беретъ большую часть своихъ водъ; кромѣ того ручей питаютъ многочисленные потоки, вытекающіе изъ подъ ледяного покрова. Ручей сильно размываетъ окружающія горныя породы, и русло его переполнено гальками. Въ 1 часъ дня притокъ воды въ ручьѣ равнялся 6 куб. м. въ секунду.

Правая береговая морена имѣетъ около 30 м. высоты и закрываетъ бокъ ледника, который лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдвигаетъ надъ мореной высокія (въ 15 м.) блестящія ледяныя пирамиды.

Яки осторожно и лѣниво подвигались по глубокой ложбинѣ ручья между моренами и колоссальнымъ уваломъ изъ

щебня, образовавшимся около подножья находящейся къ сѣверу отъ него отвѣсной стѣны скалы. На вершинѣ ея лежалъ массивною бронею ледъ, который мѣстами спускался съ нея, образуя круто обрывавшійся край съ бахрамой сталактитовъ, длиною до 10 м.

Непосредственно изъ подъ самого ледяного покрова сбѣгаютъ съ остраго выступа скалы четыре большихъ и нѣсколько маленькихъ каскадовъ; эти хрустально прозрачныя, сверкающія струи падаютъ съ такой высоты, что силою вѣтра обращаются въ мелкую густую водяную пыль, отливающую на солнцѣ цвѣтами радуги. Болѣе сильными порывами вѣтра пыль прибивается къ стѣнѣ скалы, по которой вода и стекаетъ внизъ, а затѣмъ частью по щебневому увалу, частью подъ нимъ пробирается тысячью струекъ въ рѣку.

Ледникъ Тергенъ-булакъ спускается тремя потоками. Средній потокъ гораздо больше и толще двухъ боковыхъ и господствуетъ надъ мѣстностью. Справа впадаетъ въ него потокъ поменьше, который вырылъ себѣ такое глубокое ложе, что ледяныя массы главнаго потока значительно возвышаются надъ нимъ.

Между этими двумя потоками находится мощный кряжъ, и въ углу, образованномъ ими, подъ крайнимъ скалистымъ выступомъ этого кряжа находится воронкообразное углубленіе, на подобіе наблюдаемыхъ въ рѣчныхъ руслахъ за мостовыми быками.

Слѣва отъ ледяного покрова отдѣляется небольшой отрогъ изъ свѣтлаго, чистаго льда, втиснутый узкимъ клиномъ между стѣной скалы и главнымъ потокомъ.

Въ ледяныхъ массахъ слышится трескъ и грохотъ, камни и глыбы съ шумомъ проваливаются въ трещины. Повсюду слышится журчаніе струекъ; верхній слой льда пористъ и хрупокъ, — все говоритъ, что и этотъ ледникъ находится въ періодѣ живѣйшей дѣятельности.

Спускаясь съ горы, мы видѣли двухъ большихъ сѣрыхъ волковъ, кинувшихся бѣжать по моренамъ. Волки здѣсь обычное явленіе, и иногда рѣжутъ молодыхъ яковъ. Бекъ Тогда-бай умно поэтому сдѣлалъ, приставивъ къ своимъ стадамъ стаю злыхъ собакъ.

Въ тотъ-же вечеръ этотъ почтенный старикъ доставилъ

намъ маленькую походную юрту и другія необходимыя вещи для двухдневной экспедиціи на Мустагъ-ату, на которую мы намѣревались взойти 11 августа.

Раннимъ утромъ, когда мы снова готовились взять великана приступомъ, Мустагъ-ата была еще окутана ночнымъ туманомъ; минимальный термометръ показывалъ — 4.8°. По берегамъ сверкали льдинки, о которыя съ шумомъ плескалась вода. Кромѣ того, вслѣдствіе холода, ручей сжался въ узенькую струйку, еще болѣе мутную, чѣмъ обыкновенно, — свѣтлые ручейки, сбѣгавшіе съ высотъ, изъ подъ ледяного покрова, вѣроятно, всѣ замерзли. Погода выдалась замѣчательно благопріятная: на небѣ не было ни единаго облачка, и слабый вѣтерокъ скоро улегся совсѣмъ. Намъ предстояло подняться на высоту приблизительно 6,000 метр., ночевать тамъ, а на слѣдующій день продолжать подъемъ и достигнуть возможно большей высоты. Поэтому мы брали съ собой маленькую юрту, четыре большихъ связки терескена для топлива, шесты, веревки, топоры, тулупы и продовольствіе; все это было навьючено на 9-ть сильныхъ яковъ.

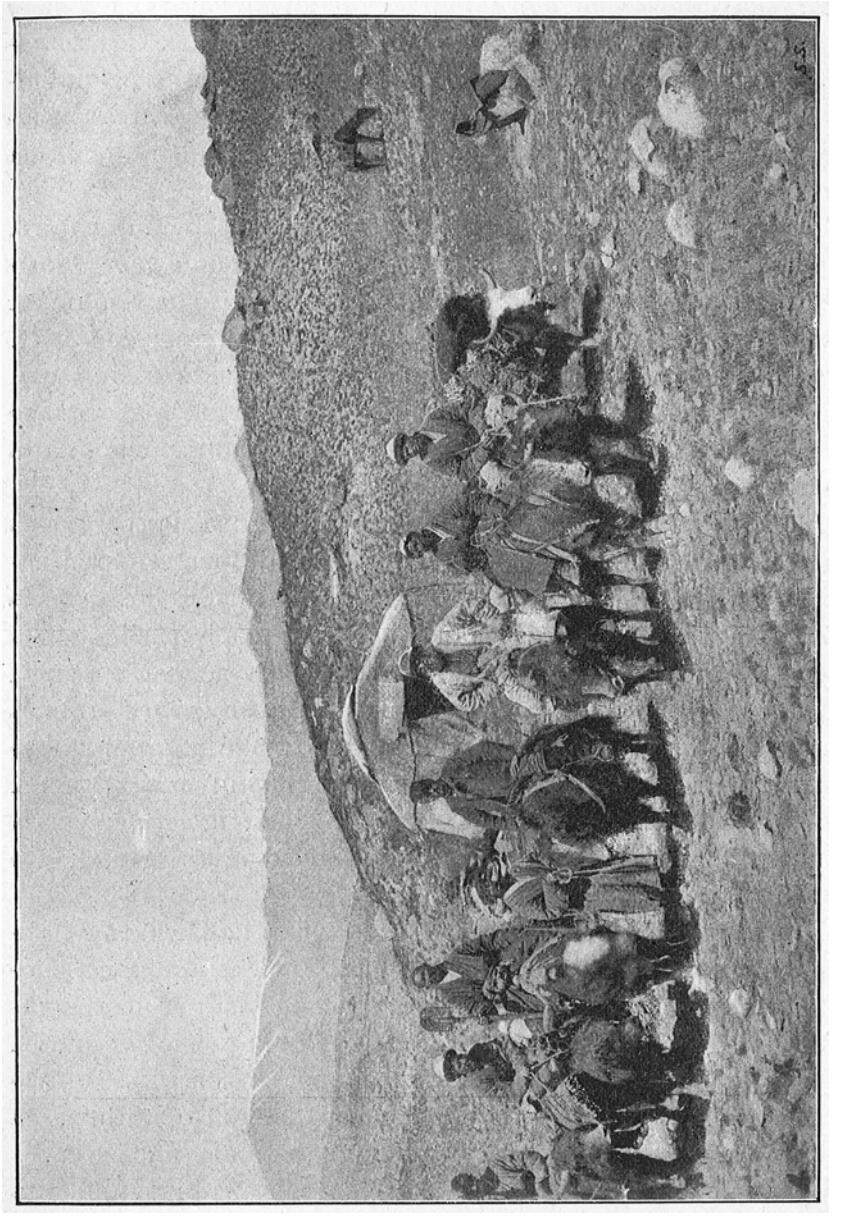
„Бисмиллахъ!“ (Съ Богомъ!) раздался возгласъ шести мусульманъ-киргизовъ, когда все было готово, и мы медленно двинулись въ гору. Я рѣшилъ какъ можно меньше утомлять себя, чтобы сберечь свои силы къ слѣдующему дню, когда предстоялъ настоящій подъемъ съ легкимъ багажомъ и всего съ тремя людьми.

Поэтому, я съ самаго начала сталъ изображать собою какъ-бы вьюкъ на моемъ якѣ: одинъ изъ киргизовъ, верхомъ или пѣшкомъ, все время тащилъ его впередъ за веревку, продѣтую въ ноздри, а другой понукалъ его сзади палкой всякій разъ, какъ животное находило мои стремленія слишкомъ высокими и останавливалось, чтобы поразмыслить — къ чему собственно ведетъ это вѣчное карабканье.

Такимъ образомъ я не тратилъ силъ даже на понуканье яка, что вообще довольно таки утомительно. Я сидѣлъ себѣ спокойно, заложивъ руки въ карманы, и только время отъ времени поглядывалъ на анероиды, стрѣлки которыхъ, въ эти два дня нашихъ тщетныхъ стремленій взобраться на отца ледяныхъ горъ, не много оставались въ покоѣ.

Нашъ маленькій караванъ медленно, упорно подымался

вверхъ, дѣлая сотни извилинъ по склону горы вдоль лѣваго бока ледника Чалъ-тумакъ; склонъ этотъ былъ не слишкомъ крутъ. Яки пыхтѣли и сопѣли, высунувъ свои синіе языки.



Передъ восхожденіемъ на Мустагъ-ату 11 августа 1894. Авторъ, слуги его — киргизы и бекъ Тогда-бай. (Съ фотографіи автора).

Это былъ тотъ-же самый покрытый щебнемъ кряжъ, по которому мы шли 9-го августа, и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы

тогда остановились, мы сдѣлали теперь первый роздыхъ. Сейчасъ къ югу отъ этого мѣста ледяной покровъ образуетъ выступъ съ крутыми боками; у подножія его обрушившіеся куски льда смерзлись въ длинную ледяную глыбу. Къ часу дня мы достигли приблизительно 5,200 м. высоты. Снѣгъ лежалъ въ ущельяхъ небольшими клоками и только въ широкихъ впадинахъ и углубленіяхъ между скалами скоплялся въ большихъ массахъ. Снѣгъ былъ рыхлый, мокрый, таявшій на солнцѣ, такъ что почва мѣстами была сыра.

Наконецъ, голый кряжъ сузился въ настоящій клинъ, уходившій подъ ледяной покровъ. Послѣдній не обрывается здѣсь круто, и самый край его настолько тонокъ, что мы безъ труда взобрались на него и двинулись по льду, запорошенному снѣгомъ. Яки сначала скользили и спотыкались, но скоро верхній снѣговой покровъ сталъ настолько толстъ, что они шли по нему такъ-же твердо и ровно, какъ недавно по щебню.

Вдругъ, справа, съ другой стороны ледника Чалъ-тумакъ послышался оглушительный грохотъ. Это оторвалась отъ нависшаго здѣсь края ледяного покрова глыба и покатилась внизъ. Громадная голубоватая ледяная глыба разбилась о выступъ скалы въ мелкій бѣлый порошокъ и, какъ мукой, обсыпала поверхность ледника. Въ воздухѣ долго стоялъ гулъ, словно послѣ удара близкаго грома; эхо повторяло его на сотни голосовъ между отвѣсными стѣнами скалъ, пока, наконецъ, не замерли послѣдніе отголоски и не наступила обычная тишина. Но легкая, ледяная игольчатая пыль долго еще носилась въ воздухѣ.

Намъ представился прекрасный случай наблюдать за дѣятельностью этого маленькаго ледника. Тяжелый ледяной покровъ сползаетъ съ краевъ скалъ, раскалывается по трещинамъ, и мощныя глыбы время отъ времени рушатся внизъ, чтобы, какъ мы сейчасъ видѣли, превратиться въ ледяную пыль и посыпать поверхность главнаго ледяного потока, на которомъ, такимъ образомъ, возникаетъ ледникъ-паразитъ.

Съ этой значительной высоты мы видѣли также вполнѣ ясно фирновое поле ледника Чалъ-тумака, принимающее со всѣхъ сторонъ отроги ледяного покрова.

Тамъ, гдѣ небольшія кучки мелкаго щебня были еще

Привалъ на склонѣ Мустагъ-аты.
Съ рисунка автора).

покрыты снѣгомъ, послѣдній таялъ на солнцѣ; инсоляціонный термометръ показывалъ въ полдень до 44.9°; воздухъ былъ чистъ, небо ясно. Когда щебень прекратился, склонъ оказался одѣтымъ снѣжнымъ покровомъ въ 9 — 14 сант. толщины. Яки поэтому шли ровно, не спотыкаясь, хотя уголъ паденія склона и равнялся 24°.

Напали на слѣды четырехъ дикихъ козъ, которыя направлялись вверхъ къ двумъ голубымъ ледянымъ выступамъ; въ одномъ мѣстѣ изъ снѣга выглядывалъ скелетъ дикой козы.

Передъ нами и надъ нами разстилалась пустынная, ослѣпительно бѣлая ледяная поверхность. Мы знали, что ледяная кора насъ сдержитъ, но всетаки было жутко вступать въ эту невѣдомую, никогда не знавшую человѣческихъ слѣдовъ область, гдѣ, можетъ быть, ожидало насъ много опасностей, свойственныхъ этому царству льда.

Скоро мы и наткнулись на цѣлую систему поперечныхъ трещинъ; ширина ихъ, большею частью, однако, не превышала 1 фута. Иной разъ мы давали крюку, чтобы обойти ихъ, — обыкновенно онѣ суживались клиномъ въ обѣ стороны, иногда-же переходили черезъ нихъ по снѣжнымъ мостамъ, а иногда яки прямо переступали черезъ нихъ. Киргизы настаивали, чтобы мы шли по слѣдамъ козъ; мы такъ и сдѣлали; часто снѣжные мосты выдерживали, но часто также снѣгъ, выдержавшій легкихъ, быстроногихъ козъ, проваливался подъ тяжелой ступней яка.

Дальше мы съ часъ шли по области, изрѣзанной поперечными трещинами, представлявшими непріятные провалы и крутые обрывы. Въ большинствѣ случаевъ надо было сказать спасибо якамъ за то, что съ нами не случилось бѣды. Якъ, ступая передней ногой въ снѣгъ, скрывающій трещину, упирается носомъ въ другой ея край и такимъ образомъ выкарабкивается.

Ледъ былъ покрытъ здѣсь снѣгомъ въ 20 сант. глубины; скоро затѣмъ онъ достигъ глубины 40 — 50 сантим., и яки шлепали и подпрыгивали, пробираясь по сугробамъ. Трещины зато стали порѣже. Мы долго шли по довольно ровной мѣстности, видя надъ собой округленную макушку горы и, расчитывая найти проходъ между высокими ледяными выступами, съ

голубоватыми блестящими краями и увѣнчанными снѣгомъ верхушками.

Ледяной покровъ былъ весь въ буграхъ и холмахъ, образуя волнистую поверхность. Мы то и дѣло то спускались, то подымались, и вотъ какъ разъ, когда мы находились на сравнительно плоской макушкѣ одного такого холма, якъ Моллы-Ислама, котораго послѣдній велъ во главѣ каравана, вдругъ упалъ и провалился. Изъ подъ снѣга торчали только правая задняя нога, рога и связка терескена.

Якъ провалился въ совершенно занесенную сверху снѣгомъ трещину въ метръ ширины и висѣлъ надъ зіяющей пропастью, сопя и жалобно мыча; полная неподвижность его показывала, что онъ вполнѣ сознавалъ опасность своего положенія, такъ какъ шевельнись онъ только, онъ-бы ушелъ совсѣмъ въ суживавшуюся книзу трещину.

Произошла долгая остановка. Съ величайшими предосторожностями киргизы обмотали вокругъ роговъ и туловища яка веревки, привязали ихъ къ остальнымъ якамъ, затѣмъ люди ухватились за веревки и принялись тянуть изо всѣхъ силъ; едва-едва удалось вытащить тяжелое животное. Немного дальше повторилось то же самое съ тою лишь разницею, что яку удалось во время удержаться и выкарабкаться самому. Затѣмъ провалился одинъ изъ киргизовъ и повисъ надъ трещиной на рукахъ. Тутъ ужъ мы сочли за лучшее остановиться и произвести предварительно рекогносцировку по этому изрѣзанному предательскими трещинами льду.

Оказалось, что вся макушка холма, на которой мы находились, была покрыта цѣлой сѣтью трещинъ, идущихъ по всѣмъ направленіямъ и преграждающимъ намъ путь на всѣ стороны. Хуже всего было то, что мы открыли трещину въ 3—4 м. шириной и 6 м. глубиной; на днѣ ея были нагромождены большіе сугробы снѣга. Мы осторожно заглянули вглубь трещины и увидали, что она идетъ въ обѣ стороны, подобно громадному рву, на сѣверѣ достигаетъ ложа ледника Чалътумака, а на востокѣ подошвы одного изъ высочайшихъ ледяныхъ выступовъ. Перейти черезъ нее или обойти ее было невозможно. Мы остановились и стали держать совѣтъ.

Снѣжный покровъ на льду достигалъ здѣсь 20 сант.

толщины и прикрывалъ трещины, словно туго натянутымъ брезентомъ; только надъ нѣкоторыми болѣе широкими онъ обрывался, или проваливался. Провалы, оставленные яками, представлялись зіяющими черными ямами, безъ дна. Но, вглядѣвшись въ эту тьму, можно было различить слабое голубоватое мерцаніе по бокамъ и бѣлый снѣгъ на днѣ; стѣны трещины состояли изъ прозрачнаго голубого льда; вода, образующаяся изъ тающаго снѣжнаго покрова, стекая внизъ, замерзала длинными ледяными иглами и сосульками, нависавшими надъ отверстіемъ. Самыя глубокія изъ этихъ трещинъ имѣли до 6.8 м. глубины.

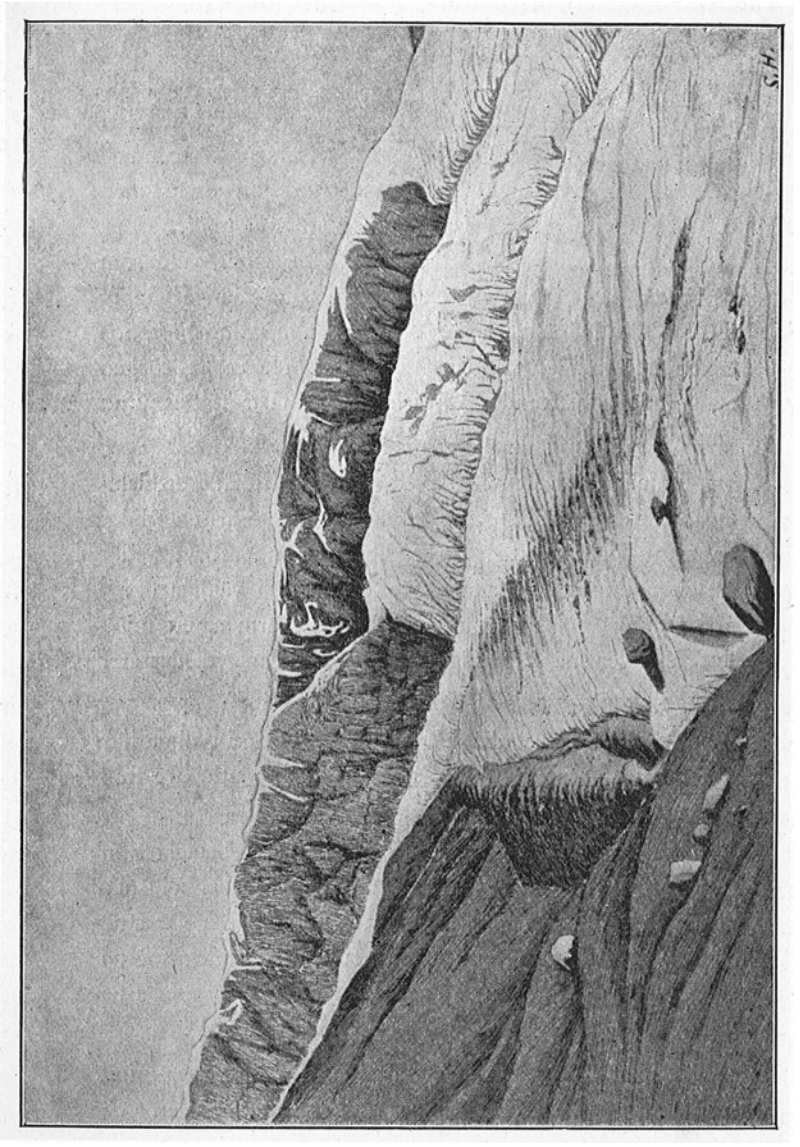
День клонился къ вечеру, и я еще разъ долженъ былъ рѣшиться отступить. Пытаться совершить на другой день отъ этого мѣста подъемъ на Мустагъ-ату было очевидно невозможно безъ особыхъ вспомогательныхъ снарядовъ, а ихъ-то у насъ и не имѣлось. Надъ нами высилась высочайшая изъ вершинъ горной группы, по крутымъ склонамъ которой сползалъ фирнъ, частью, чтобы образовать общее поле, питающее ледники, частью, чтобъ нагромоздиться на уступахъ и неровностяхъ настоящими торосами, стѣнами, башнями и кубами прозрачнаго льда. Пробраться черезъ этотъ хаосъ не было, какъ казалось, никакой возможности.

Оба подъема, совершонные нами по правой стѣнѣ ущелья ледника Ямбулака, вели насъ по несравненно болѣе удобопроходимымъ мѣстамъ, поэтому мы и рѣшили попытаться еще разъ начать подъемъ оттуда, прежде чѣмъ оставить горнаго великана въ покоѣ.

Такимъ образомъ на этотъ разъ мы достигли только 5,820 м. абс. высоты, тѣмъ не менѣе восхожденіе наше дало важные результаты для картографіи. Отсюда намъ были превосходно видны высшіе пояса, округленный куполъ горы и ледяной покровъ, который трудно разглядѣть снизу; отсюда мы могли прослѣдить отношенія этого ледяного покрова къ ледникамъ. Послѣдніе, являющіеся на самомъ дѣлѣ колоссальными ледяными потоками, кажутся съ этихъ высотъ ничтожными бѣлыми полосками.

Воскресенье 12 августа мы посвятили отдыху. Я, по обыкновенію, прочелъ утромъ главу изъ евангелія, а затѣмъ штудировалъ „Gletscherkunde“ (ледниковѣдѣніе) Гейма. По-

года мало располагала къ экскурсіямъ; въ воздухѣ стоялъ туманъ, дулъ сильный вѣтеръ, и гора была окутана густыми облаками. Всѣхъ своихъ людей я отпустилъ въ гости къ



Мѣсто сліянія трехъ рукавовъ ледника Тергенъ-булака.
(Съ рисунка автора).

беку Тогда-бай. Дома оставались только я съ Джолдашемъ, наслаждаясь нашимъ мирнымъ отдыхомъ, который кажется еще слаще, когда за дверями юрты воетъ буря и вѣтеръ свиститъ между глыбами моренъ. Среди этихъ пустынныхъ ледниковъ

гдѣ одинъ день въ общемъ былъ похожъ на другой, я никогда, однако, не страдалъ отъ одиночества.

Да и некогда было думать объ этомъ; я былъ занятъ по горло, и единственное, что мучило меня, была мысль, что лѣто быстро уходитъ и что я едва-ли успѣю выполнить всю намѣченную программу. Дни казались мнѣ слишкомъ короткими.

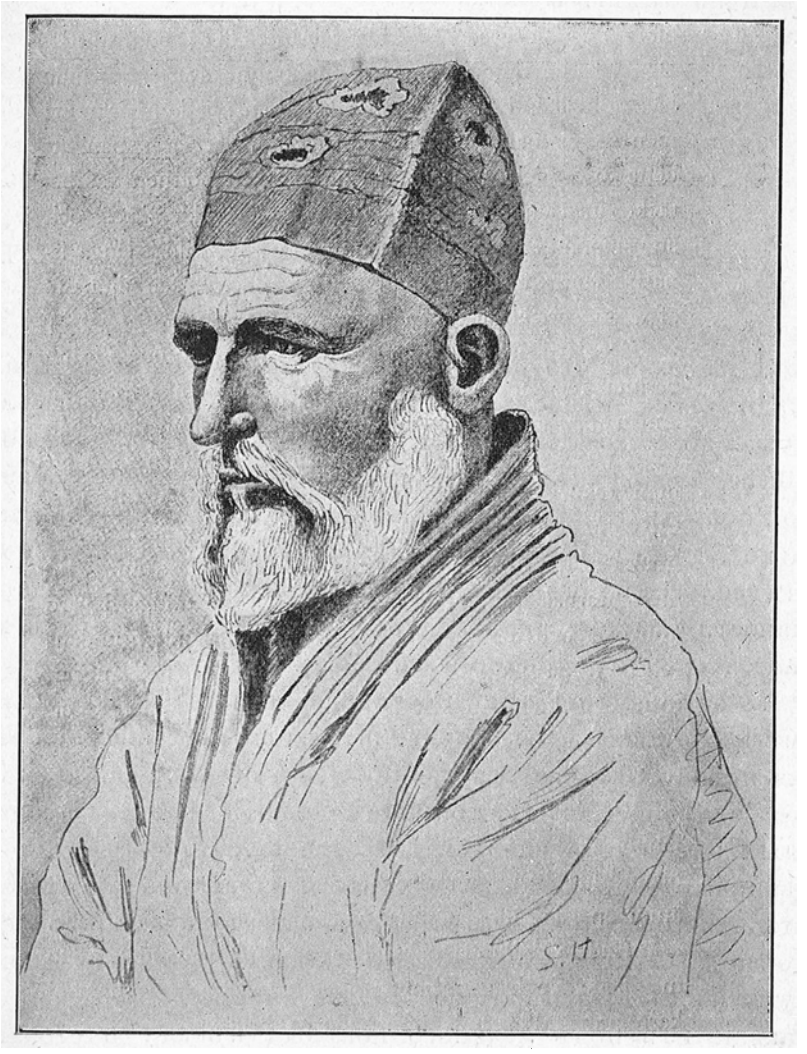
Вставъ поутру и одѣвшись, я прежде всего провѣрялъ метеорологическіе приборы, а Исламъ-бай въ это время приготовлялъ подносъ съ утреннимъ завтракомъ, который обыкновенно состоялъ все изъ однихъ и тѣхъ-же изысканныхъ блюдъ: „шашлыка“, рисоваго пуддинга и хлѣба; послѣдній мы или доставали у киргизовъ, или пекли сами. Шашлыкъ мнѣ вскорѣ до того надоѣлъ, что мнѣ глядѣть на него было тошно, и я питался однимъ рисомъ, да хлѣбомъ. Такимъ меню предстояло мнѣ довольствоваться еще два съ половиною года, вплоть до того, какъ я добрался до Пекина.

Иногда я вскрывалъ какую нибудь коробку съ консервами, но запасъ ихъ былъ у меня незначителенъ, а времени оставалось еще много, почему и приходилось расходовать эти деликатесы поэкономнѣе. Къ счастью рисъ и чай мнѣ не надоѣдали, и я чувствовалъ себя отлично на этой простой діэтѣ Чай всегда подавался съ яковымъ молокомъ или сливками, на которыя, къ нашему благополучію, нечего было скупиться. Табаку у меня былъ взятъ изъ Ташкента обильный запасъ; сигары составляли наименьшую его часть; главнымъ образомъ взятъ былъ табакъ для набиванья трубокъ и папиросъ. Признаюсь, я плохо-бы чувствовалъ себя, не будь со мной во время странствованій по ледникамъ моей вѣрной спутницы-трубочки.

Въ тѣ дни, когда погода не выпускала насъ изъ дому, у меня всегда находилось довольно домашней работы надъ картами, набросками, записками и проч.

Юрта внутри была такъ уютна, что я чувствовалъ себя совершенно „въ своемъ углу“. Посреди горѣлъ прямо на полу небольшой костеръ изъ терескена и яковаго помета; остальная часть пола была устлана войлоками. Противъ входа стояла моя постель, состоящая изъ двухъ палокъ, прикрѣпленныхъ концами къ ременнымъ ушкамъ ягдановъ, и натянутой между палками парусины. Вдоль стѣнъ былъ разстав-

ленъ остальной багажъ: ящики, мѣшки съ продовольствіемъ, посуда, оружіе, сѣдла, приборы и проч. Ѣлъ я только два раза въ день. Вечеромъ подавалось то же самое, что и утромъ.



Бекъ Тогда-бай.
(Съ рисунка автора).

Улегшись въ постель, я обыкновенно читалъ еще нѣсколько времени при свѣтѣ стеариновой свѣчи какой нибудь нумеръ шведской газеты, старой, престарой и, тѣмъ не менѣе,

казавшейся мнѣ въ высшей степени интересной. Каждый столбецъ въ ней приковывалъ мое вниманіе. Затѣмъ, я засыпалъ и спалъ, словно убитый, — какъ-бы тамъ ни бушевалъ вѣтеръ и ни вылъ по волкамъ Джолдашъ — вплоть до утра, когда меня будилъ Исламъ-бай.

XV.

Лунная ночь на высотѣ 6,300 м. надъ уровнемъ моря.

Я надѣюсь, что не слишкомъ утомляю читателя этимъ, можетъ быть, нѣсколько однообразнымъ описаніемъ ледниковъ. Мнѣ казалось, что я обязанъ развить эту тему поподробнѣе, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь о совершенно неизвѣстной области, гдѣ каждый шагъ открывалъ что-нибудь новое. Только ледникъ Ямбулакъ былъ однажды въ 1889 г. посѣщенъ геологомъ Богдановичемъ. Мнѣ-же хотѣлось изслѣдовать и нанести на карту всѣ ледники Мустагъ-аты. Теперь мнѣ остается упомянуть еще о нѣсколькихъ.

13-ое августа было посвящено изслѣдованію ледника Чумъ-каръ-кашка. Мы отправились вдоль огромныхъ береговыхъ и конечныхъ моренъ ледника Тергенъ-булака, по сильно пересѣченной, частью покрытой слабой растительностью, частью заваленной щебнемъ мѣстности. По сосѣдству отъ названнаго выше ледника мѣстность начинаетъ повышаться, постепенно переходя въ перевалъ Улугъ-рабатъ и образуя водораздѣлъ. Ручьи, питаемые ледникомъ Чумъ-каръ-кашка, текутъ на сѣверъ въ озеро Малый Кара-куль, а ручьи, вытекающіе изъ подъ ледяного покрова, къ югу и стекаютъ въ маленькое озеро Гальчотокъ, а оттуда дальше къ югу въ Яркендъ-дарью. Около озера расположенъ аулъ изъ шести юртъ, подвластныхъ бекамъ Тагармы.

Ледникъ Чумъ-каръ-кашка походитъ на ледникъ Кемпиръ-кышлакъ и, подобно послѣднему, имѣетъ уклонъ направо. Правая береговая морена ничтожныхъ размѣровъ, лѣвая

значительныхъ. Мысъ ледника представляетъ ровный холмъ безъ особенно большихъ трещинъ; только краевыя трещины довольно значительны. По направленію этихъ трещинъ, обыкновенно впадая въ нихъ, струится множество прозрачныхъ ручейковъ изъ растаявшаго снѣга. Самый большой изъ нихъ имѣлъ цѣлыхъ 90 сантим. ширины и 23 сантим. глубины, температура его равнялась 0.02°. Ледяное русло его, по которому вода течетъ безъ всякаго шума, имѣетъ гладко отполированные бока чуднаго голубого цвѣта. Въ общемъ поверхность ледника отличается пористостью и рыхлостью; камни глубоко всасываются въ нее, образовывая на ней зіяющія ямы. Для ходьбы-же эта ледяная поверхность, представляющая настоящій хаосъ торчащихъ иголъ или бугорковъ, очень удобна; идешь, какъ по снѣгу.

Взбираться вверхъ по леднику было поэтому не трудно, зато спускаться внизъ по лѣвому его боку — дѣло другое, такъ какъ послѣдній приподнятъ на значительную высоту, рѣзко очерченъ и образуетъ крутые высокіе уступы. Кромѣ того на льду здѣсь множество лужъ, достигающихъ метра въ діаметрѣ, имѣющихъ нѣсколько дециметровъ глубины и даже днемъ затянутыхъ тонкою ледяною корой. Въ этихъ лужахъ легко поэтому принять ножную ванну во время прогулки по леднику. Мы поставили здѣсь измѣрительные шесты, чтобы опредѣлить со временемъ скорость поступательнаго движенія ледника.

14 августа мы двинулись вверхъ вдоль лѣвой береговой морены ледника Тергенъ-булака, а затѣмъ по несомой ледникомъ боковой моренѣ, по которой потомъ и спустились обратно къ конечной. Обѣ боковыя морены громадныхъ размѣровъ, но начинаются только въ нижнемъ теченіи ледяной рѣки, гдѣ онѣ выступаютъ сначала узкими черными клиньями, постепенно расширяющимися и, наконецъ, около оконечности ледяного мыса становятся грядой колоссальныхъ глыбъ и камней.

Тергенъ-булакъ работалъ во всю и трещалъ по всѣмъ швамъ. Трескъ и выстрѣлы не умолкали, большія глыбы съ страшнымъ грохотомъ обрушивались въ трещины, время отъ времени образовывались новыя расщелины, а между ледникомъ и боковыми моренами бѣжали, пѣнясь, рѣзвые, обильные водой ручейки. Лѣвая изъ боковыхъ моренъ имѣла въ нижнемъ

теченіи ледяного потока около 400 м. ширины и вначалѣ была удивительно ровна и удобна для перехода.

Постепенно эта гряда камней и глыбъ достигаетъ значительной высоты по сравненію съ поверхностью ледника; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ морена представляетъ еще тонкій слой камней, ледъ проглядываетъ между ними въ видѣ иголъ, клинковъ и пикъ. Дѣло въ томъ, что камни всосались въ ледъ, который только и виденъ въ промежуткахъ между ними; это обстоятельство и придаетъ мѣстности кочковатый, бугристый характеръ.

Мы прямо запутались въ этомъ лабиринтѣ моренныхъ уваловъ, ледяныхъ пирамидъ и ущелій. Пересѣкши морену, мы должны были пересѣчь среднее теченіе ледника, и началось полное приключеній странствованіе въ сумеркахъ, быстро смѣнившихся темнотой. Дорога стала такая тяжелая, что мы предпочли спѣшиться и принялись перепрыгивать черезъ трещины и ручьи. Киргизы гнали яковъ передъ собой, и любо было смотрѣть, съ какой ловкостью тѣ карабкались по крутымъ ледянымъ уступамъ, высотою въ метръ; намъ, чтобы взобраться на нихъ, приходилось вырубать во льду ступеньки.

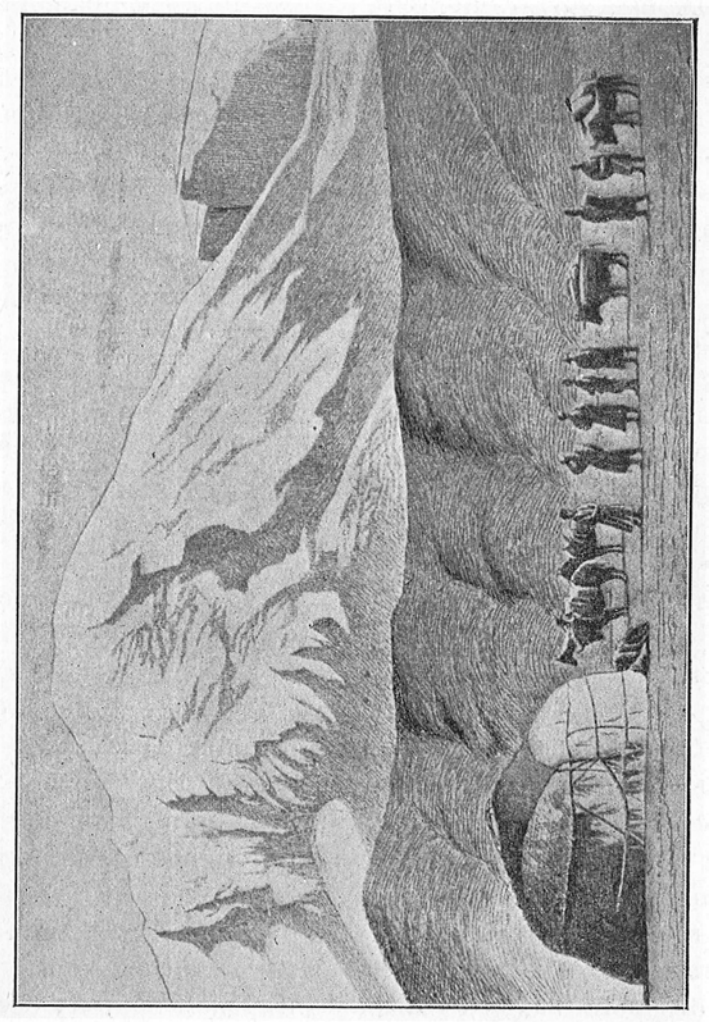
Наконецъ, мы достигли правой боковой морены; тутъ мы нашли на льду много маленькихъ озеръ. Обѣ боковыя морены заходятъ за середину ледяного потока, такъ какъ прикрываемый ими ледъ, защищенный отъ растопляющихъ лучей солнца, дольше не таетъ. Внизу у края ледника намъ предстояло пересѣчь цѣлый рядъ старыхъ конечныхъ моренъ, напоминающихъ крѣпостные валы и прорѣзанныхъ рѣкой.

Стало темно, и мнѣ приходилось слѣдовать по пятамъ за однимъ изъ киргизовъ, чтобы видѣть, куда ступаю. Другой киргизъ подгонялъ яковъ, а третій розыскивалъ одного изъ нихъ, отставшаго и заблудившагося между моренами; нашли его, однако, только на слѣдующій день. Послѣ многихъ мытарствъ и усилій мы таки счастливо добрались до лагеря.

Между прочимъ, въ лѣтнюю программу входила и экскурсія на Памиръ, и такъ какъ теперь нѣкоторые продукты продовольствія, главнымъ образомъ, чай и сахаръ подходили къ концу, то мы и рѣшили соединить научную экскурсію съ фуражировкой и заглянуть на Памирскій постъ. На такую экскурсію должно было пойти не меньше мѣсяца, такъ что раньше

осени намъ не удалось-бы вернуться назадъ къ Мустагъ-атѣ, поэтому мы и задумали предварительно сдѣлать еще одну попытку достигнуть вершины въ два дневныхъ перехода.

15 августа мы отправились по хорошо знакомому пути



Высочайшая вершина Мустагъ-аты; видъ съ запада.
(Съ рисунка автора).

къ мѣсту старой нашей стоянки и, прибывъ туда, несмотря на сильный градъ и вѣтеръ, занялись приготовленіями къ выступленію на слѣдующее утро.

Взявъ съ собою все нужное на два дня, десять яковъ и шестерыхъ киргизовъ, не считая моего вѣрнаго Исламъ-бая, я

16 августа въ четвертый разъ попытался взойти на Мустагъ-ату, по тому-же склону, по которому мы поднимались 18 апрѣля и 6 августа. Достигнувъ снѣговой линіи, мы отправились по старымъ нашимъ слѣдамъ, служившимъ намъ нѣкоторой гарантіей противъ несчастныхъ случаевъ. Тропу было ясно видно. Она шла зигзагами круто вверхъ, по краю правой стѣны ледниковаго ущелья.

Такъ какъ снѣговой покровъ былъ вначалѣ тонокъ, то наши старые слѣды обратились въ круглыя проталины, въ которыхъ проглядывалъ щебень. Повыше, каждый слѣдъ былъ затянутъ голубовато-зеленымъ ледкомъ, а еще выше послѣдній былъ запорошенъ снѣжною пылью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тропа оказывалась заметенной, но различить ее всетаки было можно. Во всѣ эти десять дней снѣгу здѣсь, слѣдовательно, не выпадало.

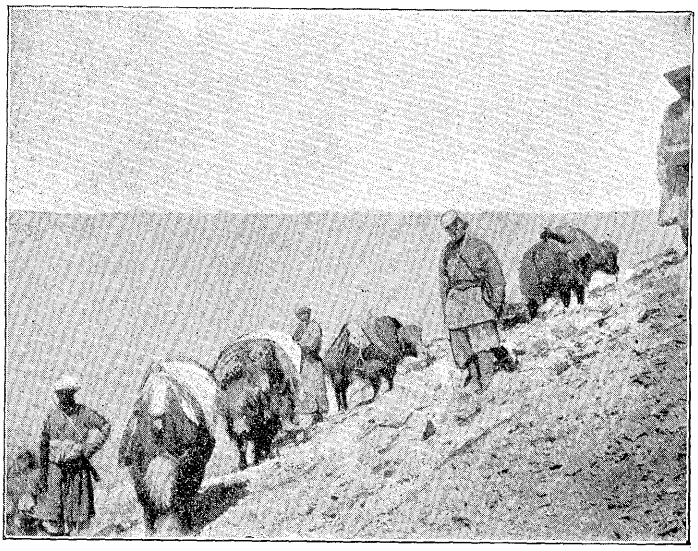
Съ Исламъ-баемъ и однимъ изъ киргизовъ достигъ я того мѣста, гдѣ мы остановились 6-го августа. Остальные потихоньку тащились сзади съ Іехимъ-баемъ во главѣ. Когда всѣ были въ сборѣ, мы посовѣтовались и рѣшили заночевать тутъ, около выглядывавшихъ изъ снѣгу небольшихъ камени-стыхъ островковъ. Яковъ привязали къ сланцевымъ глыбамъ и затѣмъ киргизы расчистили, насколько было возможно, отъ щебня, повсюду покрытаго снѣгомъ, мѣстечко для юрты. Послѣдняя была очень миніатюрна; мѣста для спанья въ ней хватало всего на троихъ, дымоваго отверстія вовсе не было, конусообразный остовъ ея состоялъ попросту изъ жердей, связанныхъ верхними концами вмѣстѣ.

Какъ мы ни старались уравнять лопатами почву, юрта всетаки очутилась на покатости, и ее пришлось прикрѣпить арканами къ двумъ глыбамъ сланца. Вечеромъ въ теченіе часа дулъ слабый вѣтеръ, время отъ времени обдававшій юрту облаками крутящейся снѣжной пыли, набивавшейся во всѣ щели и отверстія нашего убѣжища. Киргизы поэтому обнесли юрту валомъ изъ снѣга.

Сначала мы чувствовали себя хорошо; мы развели большой костеръ изъ терескена и яковаго помета; огонь отлично согрѣлъ насъ, и наши застывшіе члены отошли. Зато юрта наполнилась удушливымъ дымомъ, который ѣлъ глаза и очень медленно выходилъ въ открытое входное отверстіе. Снѣгъ на

полу въ юртѣ растаялъ, но когда костеръ погасъ, все покрылось ледяной корой.

Киргизы начали жаловаться на головную боль, и двое стали проситься назадъ; я разрѣшилъ имъ это тѣмъ охотнѣе, что они, очевидно, не годились для дальнѣйшаго труднаго странствованія. Изъ другихъ болѣзненныхъ симптомовъ, надо отмѣтить неумолчный звонъ въ ушахъ, нѣкоторую глухоту, ускоренный пульсъ, пониженіе температуры тѣла, полную безсонницу (вызванную, вѣроятно, головной болью, которая подъ утро стала нестерпимой) и, наконецъ, приступы одышки.



Отдыхъ яковъ при восхожденіи на Мустагъ-ату.
(Съ фотографіи автора).

Киргизы стонали всю ночь. Тулупы казались страшно тяжелыми, дышать въ лежачемъ положеніи становилось затруднительно, сердце билось неровными сильными толчками. На чай и хлѣбъ охотниковъ не нашлось, и когда насъ сразу охватилъ мракъ ночи, въ киргизахъ стало замѣтно глухое неудовольствіе. Они, вѣдь, не больше моего привыкли проводить ночи на высотѣ 20,000 ф., въ 21 разъ превосходящей высоту Эйфелевой башни.

Болѣе величественнаго мѣста стоянки у меня, однако, никогда не было; мы находились на покрытомъ снѣгомъ склонѣ одной изъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ, у подножія

которой лежали окутанные покрываломъ ночи ледниковые мысы, ручьи и озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ на порогѣ одного изъ самыхъ фантастическихъ ледяныхъ царствъ. Стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы свалиться въ зіяющую голубую ледяную пропасть, глубиною въ 400 м.

Я ожидалъ живописнаго заката солнца, но онъ не представилъ ничего особеннаго. Солнце сѣло въ облакахъ, озаренныхъ оранжевымъ сіяньемъ, которое горѣло и долго спустя послѣ захода солнца; на этомъ фонѣ горы Памира рисовались рѣзкими темными тѣнями. Вся долина Сары-колъ давно лежала окутанная тѣнями, когда солнце еще обливало прощальными лучами вершину Мустагъ-аты.

Скоро и нашъ лагерь погрузился въ темноту; вершина горы еще горѣла съ минуту, словно огненный конусъ вулкана, затѣмъ померкла и она.

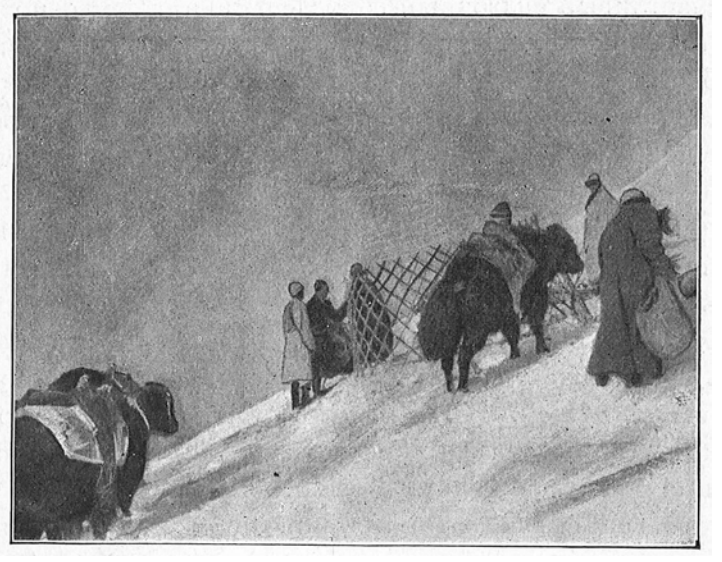
Я вышелъ ночью изъ юрты прогуляться и полюбоваться восхожденіемъ полной луны. Мы были недалеко отъ царства безконечнаго простора, начинающагося за вершинами высочайшихъ горъ, и царица ночи сіяла здѣсь такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что съ трудомъ можно было глядѣть на нее. Тихо, величественно плыла она надъ темными крутыми уступами скалъ на противоположномъ берегу ледника. Послѣдній лежалъ въ тѣни, глубоко въ пропасти. Время отъ времени слышался словно глухой выстрѣлъ трескавшагося льда или грохотъ оторвавшейся отъ края ледяного покрова глыбы.

Луна лила серебряный свѣтъ на нашъ лагерь и производила чисто фантастическій эффектъ. Черные силуэты яковъ, съ понуренными головами, рѣзко выдѣлялись на бѣломъ снѣгу, неподвижные и молчаливые, какъ тѣ камни, къ которымъ они были привязаны; время отъ времени слышался только лязгъ ихъ челюстей, или хрустъ снѣга подъ ихъ копытами. Трое киргизовъ, которымъ не хватило мѣста въ юртѣ, развели себѣ огонь между большими глыбами, а, когда онъ погасъ, завернулись въ тулупы и прикурнули вокругъ, подогнувъ колѣни и уткнувъ голову въ снѣгъ, напоминая летучихъ мышей въ зимнее время.

Не смотря на яркій лунный свѣтъ, оріентироваться и различить мѣста въ долинѣ Сары-колъ было не легко. Съ трудомъ разглядѣлъ я темные яйлаки: Кемпиръ-кышлакъ, Ямбу-

лакъ и Су-баши, ихъ орошенные ледниковыми ручьями луга и слабо очерченные контуры озера Малаго Кара-куля. Все остальное вплоть до вершинъ горъ Памира сливалось въ общій хаосъ, въ которомъ нельзя было различить ничего.

Самая красивая картина рисовалась въ той сторонѣ, откуда свѣтила луна. Очарованный ею, я стоялъ, какъ прикованный. Никакое перо или кисть не въ состояніи изобразить этой волшебной картины. Самый рельефъ окружающей мѣстности дѣлаетъ ее своего рода архитектурнымъ шедевромъ. Здѣсь тянется ущемленный между покрытыми снѣгомъ и льдомъ ска-



Нашъ лагерь на самой высшей точкѣ — 6,300 м. надъ уровнемъ моря.
(Съ фотографіи автора).

лами голубоватый ледникъ, тамъ вздымается къ небу пятиглавый великанъ-гора. Скалистыя стѣны прямо передъ нами окутаны такимъ мракомъ, что съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается свѣтлый ледяной покровъ, одѣвающій ея вершину, и гдѣ выступаютъ черныя скалы.

Налѣво, на нѣсколько сотъ метровъ выше нашего лагеря, купается въ лунномъ свѣтѣ фирновое кольцо ледника. По его темному гребню на юго-востокѣ прыгаютъ окутанныя въ бѣлую дымку горныя рѣчки. Легкія облачка, гонимыя слабымъ южнымъ вѣтромъ, группируются около луны кольцами, отли-

вающими цвѣтами радуги, вѣнцами и другими быстро смѣняющими другъ друга фигурами.

Фантазіи не трудно превратить эти облака въ какіе угодно образы: въ призраки въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, гонящіе другъ друга, въ танцующихъ эльфовъ, играющихъ горныхъ троллей, въ свадебную процессію горныхъ духовъ, въ души умершихъ, уносящіяся съ земли въ лучшіе міры. Вотъ какъ будто показался тотъ самый бѣлый верблюдъ, который, по преданію, унесъ дервиша съ вершины Мустагъ-аты, а вотъ сорокъ всадниковъ, помогавшихъ хану Ходжѣ въ битвѣ съ китайцами, вотъ счастливый сказочный городъ Джанайдаръ, основанный на вершинѣ горы еще въ золотой вѣкъ, когда люди не знавали никакого горя.

Забывая о холодѣ, стоишь, не въ силахъ оторваться отъ этой чудной фантастической вереницы мелькающихъ, смѣняющихъ одинъ другой воздушныхъ образовъ.

Кругомъ тишина, эхо не откликается между скалистыми стѣнами по ту сторону. Рѣдкій воздухъ не шелохнется, нуженъ обвалъ лавины, чтобы привести его въ сотрясеніе. Виденъ паръ отъ дыханія яковъ, но самаго дыханія не слышно. Они стоятъ неподвижно, не издавая ни звука. Странное ощущеніе овладѣваетъ душой. Какъ-то трудно усвоить себѣ, что подъ твоими ногами лежатъ четыре части свѣта и, что, если-бы провести прямую линію вокругъ земного шара черезъ ту точку, на которой находишься ты, то линія эта срѣзала-бы лишь нѣкоторыя изъ высочайшихъ вершинъ Азіи и Южной Америки. Здѣсь было предверіе безмолвнаго, холоднаго, безграничнаго мірового воздушнаго океана!

Когда я вошелъ въ юрту, Исламъ-бай и Іехимъ-бай молча сидѣли, закутанные въ тулупы, возлѣ тлѣющаго костра. Мы всѣ трое стучали зубами отъ холода, снова развели костеръ, и юрта опять наполнилась ѣдкимъ дымомъ. Когда вечернія наблюденія были закончены, мы закутались въ тулупы и войлочные ковры, огонь погасъ, и только луна любопытно заглядывала во всѣ щели юрты.

Казалось, конца не будетъ этой долгой, тяжелой ночи. Какъ мы ни ежились, упираясь колѣнами въ самый подбородокъ, невозможно было сохранить теплоту тѣла. Холодъ становился все чувствительнѣе, тѣмъ болѣе, что юго-за-

падный вѣтеръ съ часу на часъ усиливался. Никто глазъ не сомкнулъ во всю ночь. Только уже подъ утро я какъ будто впалъ въ дремоту, но то и дѣло пробуждался отъ недостатка воздуха и дѣлалъ судорожныя вдыханія. Люди мои стонали, точно на ложѣ пытки, и не столько отъ холода, сколько отъ все усиливавшейся головной боли.

Наконецъ, взошло солнце, но озаренный имъ новый день оказался для насъ крайне неудачнымъ. Юго-западный вѣтеръ перешелъ почти въ ураганъ, взвивалъ густыя облака мелкаго

Фирновое поле ледника Ямбулакъ.
(Съ рисунка автора).

снѣга. Киргизы, проведшіе ночь внѣ юрты, чуть не окоченѣли совсѣмъ и еле втащились въ юрту, гдѣ былъ разведенъ большой костеръ. Всѣ были больны, унылы, никто не говорилъ, никто не ѣлъ. Я даже едва дотронулся до чаю, котораго такъ и не удалось сдѣлать горячимъ. Яки не двигались, точно застыли на своихъ мѣстахъ съ вечера.

Вершина горы была окутана непроницаемой пеленой снѣжныхъ вихрей. Нечего было и думать продолжать сегодня подъемъ; это значило-бы искушать Бога. Намъ пришлось-бы пробираться въ ужасный буранъ по невѣдомой мѣстности,

можетъ быть, усѣянной трещинами, и, чего добраго, заблудиться и погибнуть. Я сразу убѣдился въ невозможности покорить на этотъ разъ горнаго великана, но, всетаки, хотѣлъ испытать своихъ людей, велѣвъ имъ готовиться къ подъему. Никто не вымолвилъ слова, всѣ разомъ встали и начали приготовленія, но, видимо, были очень обрадованы, когда я отмѣнилъ приказъ.

Стоило кому нибудь высунуть носъ изъ юрты, чтобы тотчасъ-же живо спрятать его опять. Въ юртѣ, по крайней мѣрѣ, мы были защищены отъ вѣтра, который пронизывалъ до костей сквозь всѣ тулупы, мѣховыя шапки и валенки. Я, однако, крѣпко надѣялся, что вьюга уляжется къ полудню, и можно будетъ продолжать подъемъ. Увы! она все усиливалась, и въ полдень стало ясно, что день пропалъ. Три киргиза должны были заняться уборкой палатки и навьючиваньемъ яковъ, а я, Исламъ и Іехимъ, напяливъ на себя все, что только нашлось подъ рукой, сѣли на яковъ и быстро покатили внизъ по сугробамъ. Яки неслись по крутизнамъ прямо безъ оглядки, ныряли, точно выдры въ сугробахъ, и, не смотря на всю свою тяжеловѣсность, ни разу не поскользнулись, не упали.

Сидя верхомъ на якѣ, чувствуешь себя ѣдущимъ въ сильныя волны въ валкой ладьѣ, и надо ужъ пенять на себя, коли не твердъ въ колѣняхъ. Часто приходится совсѣмъ опрокидываться назадъ, спиною на спину яка, и балансировать всѣмъ корпусомъ въ тактъ неожиданнымъ, но всегда ловкимъ, увѣреннымъ движеньямъ животнаго.

Какъ пріятно было, оставивъ за собою послѣднія сугробы снѣга, снова завидѣть нашъ лагерь, лежавшій внизу въ глубинѣ. Тамъ ждали насъ давно желанный обѣдъ и горячій чай, вернувшіе жизнь нашимъ членамъ; затѣмъ мы улеглись каждый въ своемъ углу и заснули крѣпкимъ сномъ. Весь слѣдующій день мы, однако, чувствовали себя, точно выздоравливающіе послѣ продолжительной болѣзни.

Итакъ, я четыре раза неудачно пытался взойти на вершину Мустагъ-аты, но не могу сказать, чтобы это было абсолютно невозможно. Совершить этотъ подъемъ съ того склона, съ котораго пытались мы 11 августа, дѣйствительно невозможно безъ особыхъ приспособленій. Но за крутымъ выступомъ, котораго мы достигли 18 апрѣля, 6 и 16 августа,

не виднѣлось — насколько я могъ различить въ бинокль — никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ подъему. Оттуда, имѣя здоровыя легкія, можно добраться до сѣверной вершины, однако, не самой высокой въ группѣ Мустагъ-аты, но соединяющейся съ таковой отлогимъ гребнемъ. Между этими вершинами и подъ ними простирается огромное фирновое поле ледника Ямбулака. Насколько доступна для перехода эта область — другой вопросъ. По всей вѣроятности, она изрѣзана трещинами, а самый фирнъ образуетъ такой мощный покровъ, что переходъ черезъ него занялъ-бы нѣсколько дней. Счастливые обитатели сказочнаго Джанайдара отгородились отъ остальнаго міра неприступными укрѣпленіями.

Чтобы прослѣдить вліяніе разрѣженнаго воздуха на функціи человѣческаго организма, я измѣрялъ на различныхъ высотахъ температуру тѣла и пульсъ у самого себя (29 лѣтъ отъ роду), у сарта Исламъ-бая (43 года) и у кипчакъ-киргиза Іехимъ-бая (40 лѣтъ). Вотъ нѣкоторые результаты этихъ измѣреній:

		Температура.	Пульсъ.	
28 іюня, въ 10 ч. вечера.	я	36°C.	98	4,100 м.
	Исламъ.	36.4°	92	
	Іехимъ .	35.6°	66	
29 іюня, въ 10 ч. вечера.	я	35.5°	88	4,400 м.
	Исламъ.	36.3°	92	
	Іехимъ .	35.3°	74	
5 августа, въ 9 ч. вечера.	я	36°	88	4,400 м.
	Исламъ.	36.4°	90	
	Іехимъ .	36.6°	84	
6 августа, въ 12 ч. пополудни	я	35.5°	86	5,300 м.
	Іехимъ .	35.6°	82	
11 августа, въ 2 ч. пополудни	я	36.2°	94	5,700 м.
	Исламъ.	35.6°	86	
	Іехимъ .	35.9°	84	
16 августа, въ 8 ч. вечера.	я	35.35°	106	6,300 м.
	Исламъ.	36.62°	98	
	Іехимъ .	36.65°	116	
17 августа, въ 9 ч. вечера.	я	36.12°	102	4,400 м.
	Исламъ.	36.6°	82	
	Іехимъ .	36.72°	84	

Хотя таблица эта страдаетъ неполнотой, можно принять за правило, что температура тѣла падаетъ, а пульсъ усиливается по мѣрѣ подъема. Усталость дѣйствуетъ, однако, такъ, что и по переходѣ изъ высшихъ поясовъ въ низшіе пульсъ нѣкоторое время продолжаетъ биться ускоренно.

У меня колебанья температуры тѣла не превышали обыкновенно $\frac{1}{2}$ °C, а пульсъ продолжалъ биться довольно ровно; вѣроятно, зависѣло это отъ того, что я тщательно избѣгалъ всякаго лишняго усилія. Люди-же мои, напротивъ, шли иногда пѣшкомъ. Самыя сильныя колебанія замѣчались у киргиза Іехимъ-бая. На высотѣ 4,100 м. число ударовъ пульса достигало у него 66, на высотѣ 6,300 м. 116, т. е. на 2,200 м. разницы въ высотѣ явилась разница въ 50 ударовъ.

Неправильные скачки въ таблицѣ объясняются многими побочными обстоятельствами, какъ-то: болѣе или менѣе усиленными движеніями, большею или меньшею чувствительностью къ разрѣженности воздуха, случайнымъ нездоровьемъ и т. п. Я, впрочемъ, всегда производилъ измѣренія послѣ довольно продолжительнаго отдыха, когда одышка, усиленное выдѣленіе пота, ускоренное дыханье и сердцебіеніе, а также усталость уже имѣли время улечься.

Опытъ научилъ насъ, что невозможно въ одинъ день совершить подъемъ на вершину, но мы убѣдились также и въ томъ, что крайне непрактично ночевать на высотѣ 20,000 ф.— такая ночь сильно отзывается на физическомъ и нравственномъ самочувствіи.

Лучшимъ средствомъ достигнуть вершины было бы, безъ сомнѣнія, отправиться яснымъ тихимъ утромъ въ началѣ іюля изъ лагеря на 5,000 м. высоты и совершить подъемъ въ одинъ день. Яками слѣдуетъ пользоваться до послѣдней возможности, а, когда они откажутся идти, продолжать путь пѣшкомъ. Къ сожалѣнію, я не могъ больше повторять своихъ попытокъ отчасти изъ-за поздняго времени года, отчасти изъ-за дурной погоды.

Во всякомъ случаѣ, если хотятъ удачи, подъемъ долженъ начаться изъ долины Сары-колъ отъ западной подошвы горы, т. е. съ высоты 12,000—13,000 футовъ; этотъ склонъ не такъ крутъ. Напротивъ, съ востока, юга и сѣвера гора прямо неприступна.

Если-бы на подъемъ отважился бывалый и хорошо подготовленный альпинистъ въ сопровожденіи закаленныхъ и опытныхъ проводниковъ-швейцарцевъ, онъ навѣрное достигъ-бы очень значительной высоты, а, можетъ быть, и сѣверной вершины. Но даже и проводникъ швейцарецъ, какъ-бы онъ ни былъ опытенъ, очутится здѣсь совершенно въ неизвѣстныхъ для него условіяхъ, такъ какъ вершина Мустагъ-аты на 9,000 ф. выше высочайшихъ вершинъ Европы.

Итакъ, прощай, отецъ ледяныхъ горъ, мощный властелинъ великановъ Памира, являющійся узломъ высочайшихъ хребтовъ свѣта и шпицемъ на „крышѣ міра“, точкой, гдѣ Кунь-лунь, Кара-корумъ, Гинду-ку и Тянь-шань протягиваютъ другъ другу руки. Продолжай сіять маякомъ для блуждающихъ по пустынѣ. Посылай освѣжающее вѣяніе съ своихъ снѣжныхъ вершинъ изнывающему отъ лѣтняго зноя въ пустынѣ страннику, и пусть оживляющіе источники, рождающіеся въ твоемъ лонѣ, журчанье которыхъ я слышу сейчасъ, продолжаютъ тысячелѣтія свою отчаянную борьбу съ все душащимъ пескомъ!

XVI.

Новое путешествіе по Памиру.

18 августа послѣдній разъ побывали на ледникѣ Ямбулакъ. Надо было провѣрить положеніе шестовъ, водруженныхъ нами въ ледъ 3 августа.

Оказалось, что они едва едва подвинулись за эти двѣ недѣли. Чѣмъ ближе къ серединѣ ледника, тѣмъ, однако, передвиженіе ихъ сказывалось замѣтнѣе, доходя даже до 0.304 м. въ день.

Интересное наблюденіе было сдѣлано по близости береговой морены. Ледникъ здѣсь расширяется, а во льду, поближе къ берегу, образуется встрѣчный потокъ, который по происхожденію и дѣятельности походитъ на прибрежный рѣчной водоворотъ; срокъ времени, нужный вообще для кон-

статированья движенія этого встрѣчнаго потока, является въ сравненіи съ его величиной, однако, очень продолжительнымъ, и нагроможденіе льда, которое должно было-бы явиться слѣдствіемъ водоворота, успѣваетъ отчасти парализоваться разрушающимъ дѣйствіемъ атмосферы.

Внѣшній видъ льда сильно измѣнился. Въ послѣднее наше посѣщеніе ледникъ былъ покрытъ снѣгомъ и крупой; теперь онъ былъ обнаженъ и выставлялъ наружу острыя ребра, глубокія впадины, просверленныя всосавшимися въ ледъ камнями; идти по леднику было поэтому очень скользко и затруднительно.

На обратномъ пути мы наблюдали явленіе, котораго до сихъ поръ не замѣчали. Около правой береговой морены ледника Ямбулакъ находится глубокая разсѣлина, образовавшаяся отъ землетрясенія и простирающаяся отъ мыса ледника Большого Кемпиръ-кышлака почти до того мѣста, гдѣ были произведены нами измѣренія. Разсѣлина мѣстами ординарная, мѣстами двойная, напоминаетъ формой ровъ; глубина ея доходитъ почти до 5 м., а ширина 15—20 м. Дно разсѣлины усѣяно щебнемъ, пескомъ и землистыми частицами, обрушившимися туда съ теченіемъ времени.

Оба края разсѣлины постоянно имѣютъ одинаковый уровень. Правая-же береговая морена ледника Ямбулакъ обнаруживаетъ рѣзкое пониженіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта разсѣлина проходитъ подъ ней. Киргизы сообщали, что разсѣлина образовалась послѣ сильнаго землетрясенія, бывшаго 18 лѣтъ тому назадъ, еще при жизни Якубъ-бека. Землетрясеніе разразилось въ области Тагармы, Турбулюна и всей западной части группы Мустагъ-ата, но не было замѣтно около Су-баши или Кара-ташъ-давана. Въ береговой моренѣ не произошло, такимъ образомъ, никакихъ измѣненій за всѣ 18 лѣтъ.

То обстоятельство, что землетрясеніе не было замѣтно въ Су-баши, т. е. всего въ 2 часахъ разстоянія, доказываетъ, что землетрясеніе имѣло чисто мѣстный характеръ. Насколько оно отразилось на самомъ ледникѣ, киргизы не могли сказать. На самой поверхности ледника, конечно, не было замѣтно разщелинъ, такъ какъ таковыя, если и были когда, давно уже снова заполнились льдомъ. Между тѣмъ такія трещины

могли-бы доставить отличный случай для изслѣдованія толщины и структуры льда. Землетрясенія не представляютъ обычнаго явленія въ области Мустагъ-аты; лишь разъ въ 3—5 лѣтъ замѣчаются слабые толчки.

Выступая изъ Кашгара въ іюнѣ, я располагалъ посвятить изслѣдованію Мустагъ-аты только 2 мѣсяца. Такого срока оказалось, однако, недостаточно, и я наполовину не успѣлъ закончить своихъ работъ, да и продовольственныхъ запасовъ не хватило. Приходилось ѣхать въ Памирскій постъ добывать все нужное.

Зная, что китайцы зорко слѣдятъ за мной, чуть-ли не считая меня шпіономъ, я не хотѣлъ давать лишней пищи ихъ подозрѣніямъ и рѣшился перейти границу тайкомъ, ночью, въ необерегаемомъ карауломъ пунктѣ и такимъ-же путемъ вернуться обратно. Сопровождать меня должны были только Исламъ-бай, да двое киргизовъ: всѣхъ остальныхъ я отпустилъ. Съ помощью бека Тогдасына мы распространили слухъ, что я направился къ Кара-коруму, южному склону группы Мустагъ-аты.

Вечеромъ 19 августа я отправилъ всѣ свои вещи и колекціи къ одному изъ моихъ киргизскихъ друзей, старику Іехимъ-баю, который отлично спряталъ ихъ подъ коврами и кошмами. По возвращеніи изъ Памирскаго поста мы узнали, что китайцы, удивленные моимъ исчезновеніемъ, производили развѣдки по всей мѣстности. Умный Іехимъ-бай счелъ за лучшее препроводить весь мой багажъ въ болѣе надежное укромное мѣстечко и скрылъ его подъ большой глыбой въ конечной моренѣ ледника Кемпиръ-кышлака, предварительно хорошенько окутавъ сундуки войлоками, чтобы предохранить отъ сырости.

Въ кибиткѣ Іехимъ-бая мы сдѣлали всѣ приготовленія къ бѣгству. Добыли четверку хорошихъ лошадей, упаковали всѣ нужные приборы, кошмы и ковры и продовольствіе на три дня, такъ какъ намъ предстояло ѣхать по совершенно неизвѣстной мѣстности 130 верстъ.

Часа два мы сидѣли возлѣ огня, болтая, распивая чай съ яковыми сливками и закусывая бараниной. Потомъ, на восходѣ луны, люди навьючили лошадей, и въ 11 часовъ вечера мы, хорошенько закутавшись, такъ какъ дулъ сильный вѣтеръ,

отправились гуськомъ между грядами старыхъ моренъ Мустагъ-аты.

Часа черезъ два мы спустились въ долину Сары-колъ. Отсюда дорога вилась вверхъ, черезъ долину Мусъ-куру, къ перевалу того-же имени, находящемуся въ Сары-кольскомъ хребтѣ, ограничивающемъ Памирское плато съ востока. Какъ разъ тутъ-то внизу, въ долинѣ, намъ и предстояло миновать

Мальчики-киргизы.
(Съ рисунка автора).

опаснѣйшее мѣсто; здѣсь расположенъ китайскій караулъ оберегающій русско-китайскую границу.

Мы ѣхали тихо и медленно и проѣхали такъ близко отъ караула, что киргизы своими соколиными глазами видѣли юрты, но никто не окликнулъ насъ, даже собаки не залаяли, хотя съ нами былъ Джолдашъ. Люди мои сильно трусили и ободрились только, когда мы оставили караулъ далеко позади, — они знали, что если-бы насъ захватили, имъ пришлось-бы отвѣдать китайскихъ бамбуковыхъ палокъ.

Около 4 ч. утра 20 августа мы счастливо достигли перевала Мусъ-куру, гдѣ были сдѣланы нѣкоторыя наблюденія, во время которыхъ насъ захватила вьюга. Отсюда мѣстность медленно понижается къ западу. Мы ѣхали по широкой долинѣ Нагара-кумъ (барабанный песокъ). Дно ея усыпано большей частью мелкимъ желтымъ летучимъ пескомъ, который около склоновъ горъ образуетъ красивыя дюны. Песокъ наносится сюда западными и югозападными вѣтрами, которые почти постоянно бушуютъ надъ Памиромъ. Но они не могутъ переступить порога, образуемаго хребтомъ Сары-колъ, и поэтому песокъ накопляется у подошвы хребта.

Область эта совершенно безводна и поэтому необитаема лѣтомъ, но зимою, когда снѣгъ доставляетъ достаточное количество воды, киргизы заходятъ и сюда. Лишь около Сары-булака (желтый источникъ) изъ почвы просачивалось немного воды, благодаря которой здѣсь и образовалась лужайка съ довольно хорошимъ подножнымъ кормомъ. Мы и сдѣлали тутъ привалъ съ 10 до 1 часу.

Къ вечеру добрались до обширныхъ равнинъ Кошъ-агыла, гдѣ почва ровная и твердая, какъ полъ. Росли здѣсь только рѣдкіе кусты терескена, бросавшіе при лучахъ заходящаго солнца длинныя черныя тѣни. Здѣсь мы вступили въ область характернаго плато восточнаго Памира съ его широкими, ровными безводными долинами и низкими, округленными, сильно вывѣтрѣлыми хребтами и кряжами.

Въ сумерки достигли Мургаба, который въ эту пору являлся величественной рѣкой; привалъ сдѣлали на маленькой лужайкѣ на правомъ берегу рѣки, гдѣ и провели ночь прямо подъ открытымъ небомъ.

Нѣсколько словъ о моемъ вѣрномъ Джолдашѣ! Онъ былъ моимъ дорожнымъ товарищемъ и въ этомъ путешествіи по Памиру, переносилъ самыя тяжелыя лишенія безъ ропота, неуклонно несъ при насъ ночную сторожевую службу и при этомъ всегда былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Когда мы, бывало, по пути приближались къ какому-нибудь аулу, онъ стрѣлой мчался впередъ и тотчасъ заводилъ драку съ собаками аула. Не смотря на всю его ловкость и увертливость, ему, разумѣется всегда задавали трепку, и тѣмъ не менѣе онъ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго страха

передъ непріятелемъ, хоть-бы послѣдній и былъ вдесятеро сильнѣе его.

Во время этого форсированнаго марша на Памирскій постъ Джолдашъ стеръ себѣ заднія лапы. Люди и сшили ему кожанные чулки, въ которыхъ онъ сталъ похожъ на „Кота въ сапогахъ". Презабавно было смотрѣть, съ какою осторожностью онъ испытывалъ это диковинное приспособленіе. Сначала онъ перебиралъ только передними лапами, тащась на обѣихъ заднихъ въ присѣстъ. Потомъ заковылялъ на трехъ ногахъ, поперемѣнно пуская въ ходъ то ту, то другую изъ заднихъ лапъ, и въ концѣ концовъ вполнѣ убѣдился въ цѣлесообразности обуви, защищавшей заднія лапы отъ новыхъ пораненій.

На слѣдующее утро мы перебрались на лѣвый берегъ Мургаба и продолжали путь вдоль по рѣкѣ къ западу. Наконецъ, мы перешли кулисообразныя скалистыя высоты, которыя выступаютъ въ долину, и тутъ передъ нами вдругъ открылось расширеніе долины, гдѣ впадаетъ въ Мургабъ Акъ-байталъ и гдѣ расположенъ Памирскій постъ.

Мы ѣхали цѣлый день форсированной рысью. Около 5 ч. дня на фонѣ темныхъ горъ обрисовался голубоватый дымокъ, а, спустя часъ, мы въѣзжали во дворъ укрѣпленія.

Все было тихо и безмолвно; не было видно ни одного офицера; только часовой крикнулъ: „кто идетъ?" Оказалось, что вчера пріѣхалъ въ крѣпость молодой офицеръ изъ Петербурга, и крѣпостные офицеры устроили сегодня въ честь его пикникъ гдѣ-то неподалеку.

Общество, впрочемъ, скоро вернулось съ моимъ старымъ другомъ капитаномъ Зайцевымъ во главѣ. Зато изъ молодыхъ офицеровъ, служившихъ прошлою зимою подъ его начальствомъ, не осталось никого; всѣ ушли съ генераломъ Іоновымъ въ походъ въ Шугнанъ на афганцевъ. Ихъ смѣнили другіе, которымъ предстояло служить подъ командой капитана генеральнаго штаба Скерскаго. Еще, со времени моего пребыванія, въ укрѣпленіи произошли двѣ перемѣны. Въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ, которое одинъ изъ моихъ ферганскихъ друзей назвалъ райскимъ уголкомъ, потому что тутъ нѣтъ женщинъ, появилась теперь молодая супруга новаго коменданта, нѣмка по происхожденію, очень симпатичная дама, самымъ любезнымъ образомъ исполнявшая роль хозяйки за столомъ. Конечно, у

всякаго свой вкусъ, но, по моему, теперь крѣпость болѣе заслуживала названія рая, чѣмъ прежде. Затасканные военные сюртуки и нечищенные сапоги уступили мѣсто болѣе тщательному туалету. Смягчающее облагораживающее вліяніе женщины сказывалось во всемъ.

Затѣмъ, въ крѣпости появился оркестръ изъ 12 человѣкъ, который игралъ ежедневно во время обѣда подъ окномъ „офицерскаго собранія“, или „клуба“, какъ называлась теперь зала казино, стѣны котораго были увѣшаны картами Памира и планами крѣпости.

Къ югу отъ Памирскаго поста тянется въ широтномъ направленіи горная цѣпь, отдѣляющая долину Мургаба отъ Аличуръ-Памира и называющаяся Базаръ-дере. Какъ разъ здѣсь горы дѣлаютъ изгибъ къ югу, и Мургабъ жмется къ скаламъ, также образуя почти правильную дугу; теченіе его здѣсь очень быстрое.

Однажды мы съ капитаномъ Зайцевымъ совершили по рѣкѣ прогулку въ лодкѣ, сдѣланной казаками изъ пропитанной масломъ парусины и деревянныхъ планокъ. Мы сѣли въ нее, пройдя предварительно порядочный конецъ вверхъ по рѣкѣ, и тихонько поплыли внизъ, причемъ приходилось стараться держаться середины теченія, чтобы избѣгнуть предательскихъ мелей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ вода сжата въ узкій глубокій протокъ, лодка неслась съ страшной быстротой.

Множество излучинъ, которыя дѣлаетъ рѣка, обусловливаютъ постоянную смѣну панорамъ. То и дѣло впадаешь въ комическое заблужденіе: кажется, что лодка скользитъ прямехонько, а горизонтъ извивается изъ стороны въ сторону. Крѣпость то видна съ правой стороны, то оказывается на лѣвой; въ концѣ концовъ голова идетъ кругомъ.

Вода течетъ около береговъ съ еле слышнымъ журчаньемъ; вообще водная масса течетъ по руслу словно масло, и увлекаетъ лодку, точно скорлупку. Послѣ часовой веселой прогулки мы пристали къ берегу мокрые, какъ лягушки, проплывъ порядочный конецъ внизъ по рѣкѣ, до того мѣста, гдѣ рѣка снова расширяется на небольшомъ протяженіи.

Недалеко отъ Ша-джана, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было возведено первое русское укрѣпленіе, и въ четырехъ

верстахъ отъ нынѣшней крѣпости, долина Мургаба сужи-вается, рѣка также, становясь зато глубже и быстрѣе. Здѣсь расположенъ киргизскій аулъ изъ шести юртъ. Здѣсь-же на-ходится послѣдній безопасный бродъ черезъ рѣку, которымъ пользуются всѣ, кому нужно въ западный Памиръ.

27 августа я отправился на Яшиль-куль; меня любезно сопровождали весь первый день (40 верстъ) капитанъ Зайцевъ и молодой поручикъ. Къ несчастью, киргизы около Ша-джана дали намъ дурной совѣтъ перейти черезъ рѣку въ 10 верстахъ ниже, такъ какъ, по ихъ словамъ, тамъ правый берегъ былъ удобнѣе для ѣзды, и воды въ рѣкѣ было значительно меньше. Когда мы добрались до указаннаго мѣста, одинъ изъ кирги-зовъ отправился впередъ показать самый бродъ. Посреди рѣки вода, однако, дошла до 120 сантим. глубины; лошадь потеряла опору подъ ногами, и теченіемъ ее понесло внизъ по рѣкѣ. Къ счастью, ей опять удалось попасть на мелкое мѣсто, и она вышла на другой берегъ съ мокрымъ до пояса всадникомъ.

Послѣ того, какъ бродъ перешли еще двое киргизовъ, капитанъ Зайцевъ тоже бросился съ лошадью въ воду и до-стигъ другого берега, но до того вымокъ при этомъ, что счелъ за лучшее стащить съ себя полные воды сапоги и высушить ихъ и нижнее платье на солнышкѣ. У меня не было никакой охоты искупаться, поэтому я дождался трехъ верблюдовъ, навьюченныхъ нашими пожитками, взобрался на самаго высо-каго изъ нихъ и перебрался сухимъ.

Затѣмъ, мы продолжали путь и въ сумерки достигли устья долины Агалхаръ, гдѣ разбили лагерь въ защитѣ торчащей изъ земли скалы. Зайцевъ захватилъ съ собой полный обѣдъ и пару бутылокъ краснаго вина, и мы весело поужинали при свѣтѣ пестрыхъ китайскихъ фонарей и ярко горящаго костра. Было произнесено много болѣе или менѣе подходящихъ къ случаю рѣчей, спѣто, хоть не совсѣмъ вѣрно, множество пѣсенъ и даже цѣлыхъ оперъ, будившихъ, однако, крайне негармоничное эхо между скалъ. Къ счастью, другихъ слушателей, кромѣ насъ самихъ, да киргизовъ, не было; послѣдніе стояли вокругъ и глядѣли на насъ съ изумленіемъ, вѣроятно, опасаясь — не повыскочили-ли у насъ въ пути изъ головъ кое-какіе винтики. Лишь далеко за полночь пѣніе уступило мѣсто пріятнымъ сновидѣніямъ.

На слѣдующій день мы остановились въ Агалхарѣ, гдѣ капитанъ Зайцевъ съ успѣхомъ сѣялъ ячмень, пшеницу и сажалъ рѣпу и редиску, не смотря на то, что мѣсто это находится на высотѣ 11,000 ф. Въ теченіе дня я нанесъ на карту часть теченія рѣки къ западу. Проведя вмѣстѣ еще одинъ веселый вечеръ, мы разстались рано утромъ 2 августа; мои русскіе друзья вернулись на Памирскій постъ, а я съ моими людьми продолжалъ путь по долинѣ Агалхаръ.

Въ теченіе двухъ дней мы перевалили черезъ хребетъ Базаръ-дере, въ которомъ открыли новый перевалъ на высотѣ 4,869 м. и назвали его переваломъ Зайцева. Значенія большого онъ не имѣетъ, такъ какъ труднопроходимъ: подъемъ очень крутъ, и оба склона покрыты мелкимъ сланцевымъ щебнемъ, по которому лошадямъ трудно ѣхать. Едва замѣтная тропинка черезъ перевалъ свидѣтельствовала, что имъ пользуются только дикія козы, да архары.

По южную сторону хребта мѣстность медленно понижается, переходитъ въ Мусъ-джилгу и затѣмъ въ широкую продольную долину Аличуръ, лежащую почти на 2,000 ф. выше долины Мургаба. Въ ней разбросано 120 киргизскихъ кибитокъ. Еще два дня пути, и мы были въ Сюме на восточномъ берегу Яшиль-куля. По дорогѣ перешли черезъ р. Акъ-балыкъ (бѣлая рыба), иначе называемую Балыкъ-мазаръ (рыбная святыня); около сѣвернаго берега долины изъ земли бьютъ ключи, образующіе бассейнъ въ три метра глубины и едва въ 20 м. въ діаметрѣ; въ темно-синей, прозрачной водѣ, имѣющей температуру 4° С, водится множество большихъ (1 ф. длиною) жирныхъ рыбъ съ черной спиной.

Онѣ живо заинтересовали насъ съ кулинарной точки зрѣнія, и мы сдѣлали долгій привалъ у бассейна, чтобы наловить ихъ. То обстоятельство, что у насъ не было съ собою никакихъ рыболовныхъ снарядовъ, разумѣется, мало смущало насъ. Съ помощью бичевки, крючка отъ часовой цѣпочки и кусочка баранины мы скоро выловили три рыбы. На ночевкѣ въ Босалѣ киргизы поджарили ихъ на яковомъ маслѣ, и у насъ заранѣе текли слюнки. Но рыбы оказались несъѣдобными, имѣли противный терпкій вкусъ. Одному Джолдашу онѣ пришлись по вкусу, но ему пришлось раскаяться въ своей жадности, — должно быть, разстроилъ себѣ желудокъ и вылъ всю ночь.

На лѣвомъ берегу р. Аличуръ намъ попалась одинокая могила, обнесенная каменной оградой. Здѣсь погребены семь афганскихъ солдатъ, павшихъ два года тому назадъ въ бою съ русскими. Тутъ-же валялись лохмотья кошмъ и шесты отъ кибитокъ, въ которыхъ они жили. Шесты пополнили нашъ запасъ топлива, хотя Іехимъ и протестовалъ противъ ограбленія могилы.

Ночь на 2 сентября мы провели въ рабатѣ Сюме, который представляетъ три гумбеза (башенки ульеобразной формы), возведенные ханомъ Абдуллахомъ, а на слѣдующее утро мы побывали на бившемъ неподалеку горячемъ сѣрномъ источникѣ температуры 60.6°, а также прошли взглянуть на „тамга-ташъ“ (камень-печать), говорившій, что было время, когда китайцы считали себя господами Памира. На верхней сторонѣ камня есть углубленіе, въ которое была прежде вставлена каменная плита съ надписью, увезенная въ Петербургъ.

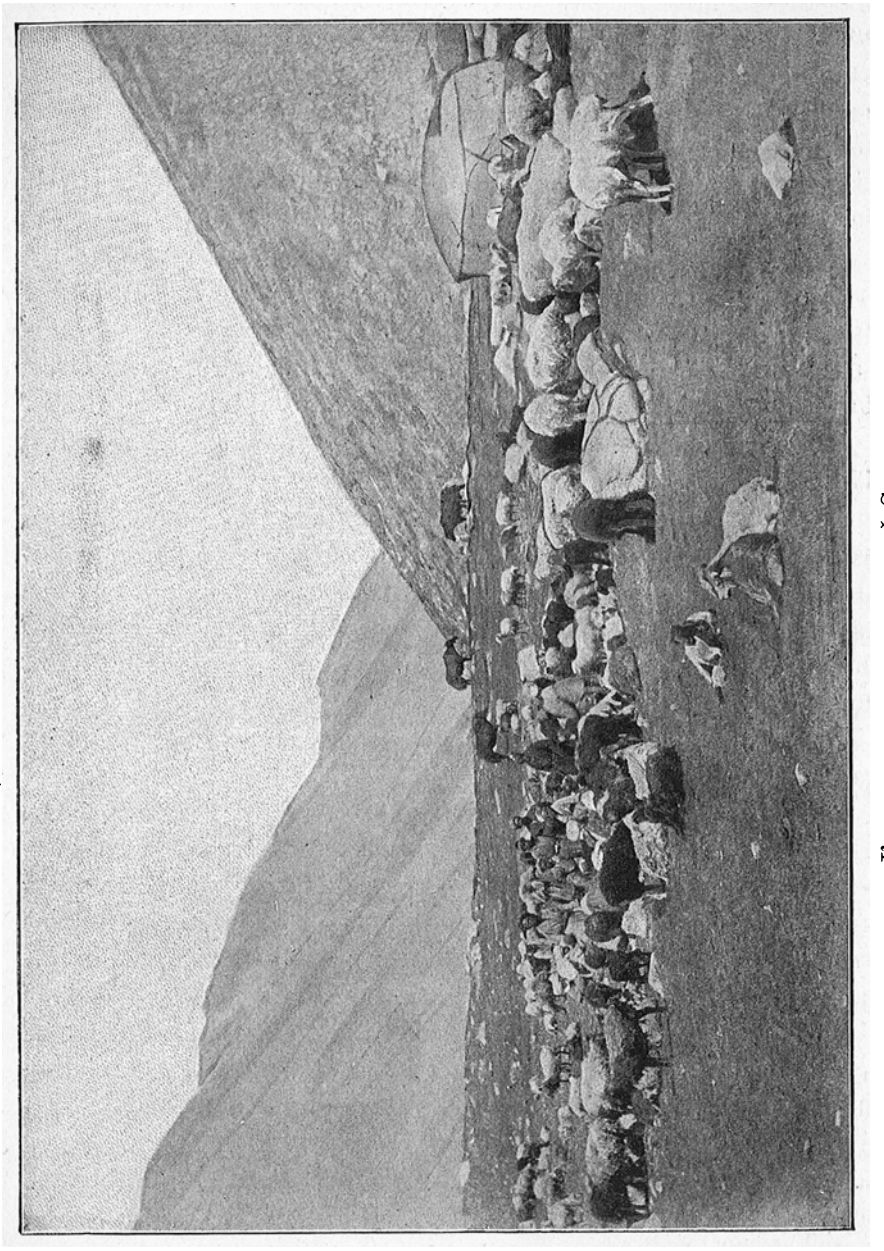
Затѣмъ мы отправились на западъ по сѣверному берегу Яшиль-куля, расположенному на высотѣ 3,799 м. Долина Аличуръ суживается здѣсь такъ, что ширина озера не превышаетъ 3 килом., длина-же его равняется 23 килом. Вода въ немъ голубовато-зеленая, но не такая прозрачная, какъ въ Маломъ Кара-кулѣ; температура ея равнялась 18°. Мы ѣхали по самому берегу, сложенному изъ сильно вывѣтрѣлаго гранита; изъ осыпающагося щебня образовался около озера мощный увалъ, уголъ паденія котораго равнялся 33°.

По обѣимъ берегамъ идутъ поперечныя долины съ рѣками. Самая большая долина Чонъ-Марджанай съ рѣкой тогоже имени, притокъ воды въ которой равнялся 3 куб. м. въ секунду; впадала она въ озеро нѣсколькими рукавами, образующими дельту.

На небольшой низкой косѣ Кемпиръ-чокъ мы сдѣлали привалъ. Разостлавъ кошмы на землѣ между густыми, но уже высохшими и потерявшими листву кустами, мы сварили себѣ чаю и принялись за свой простой ужинъ. Громадный костеръ изъ вѣтвей кустарника далеко освѣщалъ окрестность. Я занесъ въ дневникъ событія дня, огонь сталъ потухать, и мы, завернувшись въ тулупы, заснули подъ монотонный плескъ озера.

3 и 4 сентября былъ изслѣдованъ западный берегъ Яшилькуля, въ высшей степени интересная мѣстность. На южномъ

берегу возвышался отрогъ мощной горной цѣпи, отдѣляющей Яшиль-куль отъ Шугнана и носящей здѣсь общее названіе



Киргизское кочевье въ долинѣ Сары-коль.
(Съ фотографіи автора).

Кара-корума. Гребень хребта на западномъ берегу озера, гдѣ вытекаетъ изъ него рѣка Гунтъ, покрытъ снѣгомъ. Здѣсь

замѣтны слѣды бывшаго тутъ нѣкогда мощнаго ледника, который и загородилъ долину своими моренами.

Яшиль-куль оказывается, слѣдовательно, одинаковаго происхожденія съ Малымъ Кара-кулемъ. Воды долины Аличуръ собираются въ этотъ водоемъ прежде, чѣмъ перейти черезъ порогъ моренъ, и затѣмъ подъ именемъ Гунта прорѣзываютъ узкую крутую и дикую долину и впадаютъ въ р. Пянджъ. Морены состоятъ изъ мощныхъ глыбъ гранита, и переходъ черезъ нихъ очень труденъ.

Я сначала очень удивился увидавъ, что притокъ воды въ Гунтѣ, слывущемъ такой-же большой рѣкой, какъ Мургабъ, равняется всего 8 куб. м. въ секунду, но скоро нашелъ объясненіе этому явленію. Главная часть водной массы просачивается подъ самой мореной, подъ которой ясно и слышно ея журчанье.

Черезъ Аличурскій Памиръ и перевалъ Найза-ташъ (4,155 м.) я вернулся еще разъ на Памирскій постъ. Сюда дошелъ слухъ, что бекъ Тогдасынъ получилъ 300 ударовъ за то, что не донесъ Джанъ-дарыну о моемъ переходѣ черезъ границу, и что бекъ лежитъ теперь при смерти. Опасаясь, что китайцы секвеструютъ оставленныя мною вещи и коллекціи, я поспѣшилъ, сердечно распростившись съ гостепріимными русскими офицерами, черезъ перевалъ Сары-ташъ (4,434 м.) къ Мустагъ-атѣ, и 16 сентября мы благополучно достигли ея западнаго склона.

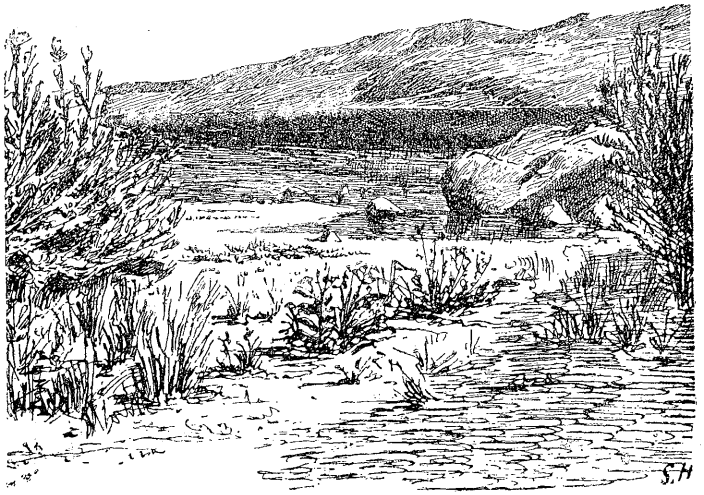
Тутъ мы узнали, что слухъ насчетъ бека Тогдасына былъ невѣренъ. Старикъ былъ здоровъ и веселъ и въ тотъ же вечеръ навѣстилъ насъ. Насчетъ моихъ вещей китайцы такъ ничего и не узнали, несмотря на всѣ свои развѣдки у киргизовъ, бывшихъ у меня въ услуженіи; вещи были хорошо припрятаны въ скалахъ подъ глыбами.

За время нашего отсутствія зима подвинулась гигантскими шагами. Снѣговой покровъ горъ значительно спустился внизъ; весь Сарыкольскій хребетъ былъ покрытъ тонкой бѣлой пеленой; горныя рѣчки сузились въ крохотные ручейки, и вся природа точно готовилась погрузиться въ долгій зимній сонъ. Мустагъ-ата вздымалась надъ нами ледяная, холодная, грозная, и у насъ пропала уже всякая охота атаковать великана.

Вмѣсто того, мы направились на югъ, вдоль подошвы горы, съ цѣлью закончить лѣтнія картографическія работы.

20 сентября мы предприняли новую экскурсію по леднику Чумъ-каръ-кашка, чтобы отыскать жерди, водруженныя нами 13 августа. Измѣненіе ихъ положенія указывало на крайне незначительное поступательное движеніе ледника. Наиболѣе замѣтно сказывалось оно посрединѣ ледяного потока (0,043 м. въ день). Вѣроятно, такая медленность есть общее свойство ледниковъ Мустагъ-аты и зависитъ главнымъ образомъ отъ долгой зимы, значительной инсоляціи и сильнаго испаренія.

Ледникъ Чумъ-каръ-кашка является характернымъ пунктомъ границы. Питаемая имъ рѣка течетъ въ озеро М. Кара-куль и въ Кашгаръ, тогда какъ всѣ воды, вытекающія южнѣе, на-



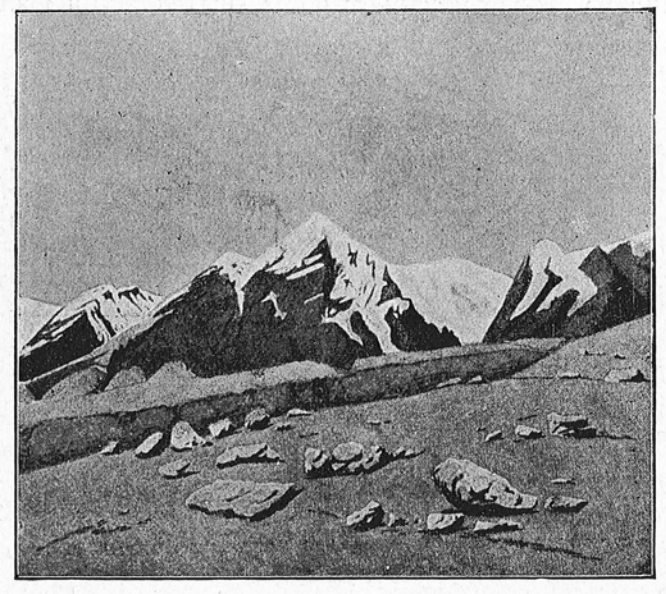
Западная часть о. Яшиль-куль.
(Съ рисунка автора).

правляются въ Яркендъ-дарью. Всѣ эти рѣчки и ручьи, которые мы переѣзжали во время нашего дальнѣйшаго движенія, вырыли себѣ довольно глубокія русла въ нижнихъ округленныхъ склонахъ группы Мустагъ-аты, покрытыхъ продуктами процесса вывѣтриванья и старыми моренами, и усѣянныхъ отдѣльными гнейсовыми глыбами; лужайки же здѣсь встрѣчаются лишь изрѣдка.

На западѣ изъ подъ щебня во многихъ мѣстахъ выступаютъ острые верхушки скалъ и изъ огромнаго ущелья выходитъ ледникъ Кокъ-сель. Конечная морена его громадныхъ размѣровъ, и вытекающая изъ него рѣка принимаетъ притоки со всѣхъ сторонъ. Мы замѣтили, что чѣмъ дальше мы подви-

гаемся къ югу, тѣмъ меньше становятся самые ледники и тѣмъ больше старыя морены, что могло зависѣть отъ того, что идущіе къ югу ледяные потоки проявляли прежде болѣе усиленную дѣятельность, нежели идущіе къ сѣверу.

21 сентября мы описали большой кругъ вдоль подошвы группы Мустагъ-аты къ OSO и на востокъ къ леднику Саръ-агылъ, а 22 сентября дальше мимо ледниковъ Шиверъ-агылъ и Гердумбашъ; оба они недоступны вслѣдствіе непроходимости окружающихъ ихъ моренныхъ грядъ, по которымъ не перебраться даже якамъ. Массивъ горы съ этой стороны предста-



Кара-корумъ, южная часть группы Мустагъ-аты.
(Съ рисунка автора).

вляется какъ-бы разорваннымъ, — весь въ зубцахъ, скалы и выступы на каждомъ шагу. Ледники здѣсь имѣютъ короткое протяженіе, часто обрываясь еще раньше, чѣмъ успѣютъ выступить изъ ущелья; нижніе склоны Мустагъ-аты носятъ характеръ давняго мореннаго ландшафта, съ цирками, уступами, валунами и озерками. Еще ниже они мало-по-малу переходятъ въ равнину Тагарма.

Два слѣдующихъ ущелья называются Кара-корумъ. Въ нихъ нѣтъ ледниковъ, но у подошвы много старыхъ моренъ, сильно изрытыхъ водами; вся мѣстность усѣяна гигантскими

валунами прекраснаго сѣраго гнейса и небольшими камнями кристаллическаго сланца; между ними держится множество зайцевъ. Вся эта мѣстность носитъ названіе Каракорума и оправдываетъ свое прозвище.

Подъ конецъ мы направились къ NO, вступили въ долину р. Тегерменъ-су и сдѣлали привалъ на берегу рѣки, гдѣ нашлось прекрасное мѣстечко на травѣ, между кустами. Здѣсь мы пробыли до 23 сентября. Минимальный термометръ далъ за ночь + 5°, показывая, что мы спустились въ нижніе пояса. Притокъ воды въ рѣкѣ равнялся въ 4 ч. дня 2 куб. метр. въ секунду; температура воды + 8.3°; самая вода была прозрачна, чиста и свѣтла.

Моимъ намѣреніемъ было обойти вокругъ Мустагъ-аты, слѣдуя около самой ея подошвы, а затѣмъ отъ Тегерменъ-су продолжать путь къ сѣверу и сѣверо-западу, назадъ къ озеру М. Кара-куль. Къ сожалѣнію, по словамъ киргизовъ, это было невозможно, такъ какъ восточные склоны, представляющіе хаосъ крутыхъ и зубчатыхъ гребней, были непроходимыми даже для пѣшеходовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я предпринялъ развѣдочную экскурсію до истоковъ рѣки и убѣдился, что киргизы правы.

Оставалось поэтому одно — обогнуть горную группу по старому пути черезъ Гыджакъ и Улугъ-рабатъ. 30 сентября мы и очутились снова на хорошо знакомомъ восточномъ берегу Малаго Кара-куля.

XVII.

На Маломъ Кара-кулѣ.

На этотъ разъ мы пробыли на Маломъ Кара-кулѣ съ конца сентября до 9 октября. Намъ нужно было отдохнуть, да и нечего было спѣшить съ этой значительной высоты въ долины; кромѣ того, я хотѣлъ путемъ промѣра глубины провѣрить свои выводы относительно образованія озера, сдѣланные мной въ первое посѣщеніе этой мѣстности.

Неподалеку находился аулъ изъ 6 кибитокъ. Я и привлекъ къ совѣщанію относительно способа промѣра глубины озера всѣхъ мужскихъ обитателей аула, бека Тогдасына и еще нѣсколькихъ изъ нашихъ киргизскихъ друзей. Лодки, разумѣется, негдѣ было достать; да и понятіе-то о лодкѣ вообще имѣлъ только одинъ изъ всѣхъ киргизовъ, видѣвшій таковую на верховьяхъ Аму-дарьи. Другіе-же и не знали вовсе, что это за штука такая и какъ ее сдѣлать. Матеріала для лодки также негдѣ было взять, — во всей долинѣ Сарыколъ ростутъ только шесть тощихъ березокъ около Каиндымазара, да и тѣхъ нельзя было трогать, не совершивъ святотатства. До ближайшей-же рощи было около 15 миль пути.

Единственнымъ матеріаломъ подъ рукой являлись слегка выгнутыя жерди, служащія для остова юртъ, да шкуры животныхъ. Но какъ смастерить изъ этого лодку, не могъ придумать и умнѣйшій изъ киргизовъ. Тогда я сдѣлалъ изъ палочекъ и промасленнаго холста небольшую модель лодки съ парусомъ, рулемъ и килемъ; модель эта, къ большому удовольствію киргизовъ, отлично плавала по озеру.

Но бекъ Тогдасынъ заявилъ, что если смастерить такую лодку въ большихъ размѣрахъ, то прогулка въ ней навѣрняка будетъ стоить мнѣ жизни, и совѣтовалъ лучше подождать заморозковъ, когда озеро станетъ, чего надо было ожидать, по его словамъ, недѣль черезъ шесть. Уже теперь температура падала ночью до — 10°, и маленькія береговыя лагуны каждое утро подергивались тонкимъ ледкомъ, который таялъ къ полудню. На Кара-кулѣ же сильное волненіе не давало водѣ застыть, и кромѣ того въ теченіе всѣхъ девяти дней нашего пребыванія на озерѣ съ утра до вечера дулъ по направленію къ Булюнъ-кулю сильный южный вѣтеръ. Но мы не унывали: я уже слыхалъ и раньше шумъ волнъ и предпочиталъ потягаться съ богомъ вѣтровъ, чѣмъ дожидаться, пока озеро замерзнетъ.

Я велѣлъ разбить юрту всего въ 2 метрахъ разстоянія отъ самаго берега, чтобы поближе слышать музыку волнъ, а рядомъ съ юртой устроилъ и верфь, на которой мы стали сооружать лодку. Гибкія жерди связывались и переплетались крѣпкими бичевками, и черезъ нѣсколько часовъ остовъ

лодки былъ готовъ; въ длину онъ равнялся всего двумъ метрамъ, а въ ширину 1 метру.

Лошадь, околѣвшая наканунѣ, да одна овца ссудили насъ шкурами для обтяжки остова. Воздвигнута была и мачта съ краснымъ, какъ огонь, парусомъ; затѣмъ съ каждой стороны около бортовъ прикрѣпили по два надутыхъ козьихъ бурдюка, да около кормы одинъ,—корма уже начала было подозрительно погружаться. Весла соорудили тоже изъ жердей, расщепленныхъ на одномъ концѣ на подобіе двузубыхъ вилъ; между зубьями-же натянули козью кожу.

Рулемъ служила попросту укрѣпленная на кормѣ лопата.

3 октября эта своеобразная лодка была спущена. По правдѣ сказать, она не дѣлала чести шведскому судостроительству; судну нашему совершенно недоставало правильной округленности формъ, чѣмъ такъ славятся наши катера. Своими кривыми, косыми боками оно напоминало скорѣе поломанную коробку изъ подъ сардинокъ; когда-же его спустили на воду, и оно закачалось около берега на своихъ надутыхъ бурдюкахъ, то походило на какое-то допотопное животное.

Бекъ Тогдасынъ прибылъ раннимъ утромъ поглядѣть на чудовище. Остановившись въ почтительномъ разстояніи, онъ скорчилъ невыразимо комичную гримасу, обозначавшую, должно быть: „Такъ вотъ какія бываютъ лодки! Не ожидалъ!“ Ироническая-же улыбка, смѣнившая затѣмъ удивленное выраженіе, выражала, вѣроятно, слѣдующую мысль: „А, по моему, такъ это прескверный паромъ!“ Но онъ тактично промолчалъ, а я кусалъ губы, чтобы не разсмѣяться. Позже я пригласилъ его прокатиться вмѣстѣ, онъ согласился послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, и на дѣлѣ оказалось, что онъ далеко не такъ боялся воды, какъ всѣ его сородичи.

Въ день спуска судна къ намъ съѣхались и ближніе и дальніе киргизы, а за мореннымъ увaломъ укрылось съ десятокъ киргизокъ въ большихъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ. Я спросилъ стариковъ, какъ они думаютъ, удержался ли бы отъ смѣху самъ Джанъ-дарынъ, если бы мы погрузили его на наше судно и покатали по озеру, и старики чуть не лопнули со смѣху.

Однимъ словомъ, событіе это явилось поистинѣ сенса-

ціоннымъ, самымъ необычайнымъ „тамаша“, и слухъ о немъ быстро распространился по всему восточному Памиру. На обратномъ пути, далеко отъ Кара-куля, насъ не разъ спрашивали въ киргизскихъ аулахъ, гдѣ мы останавливались ночевать, правда-ли, что одинъ чужеземецъ, у котораго были крылья, взлеталъ на самую Мустагъ-ату и потомъ леталъ черезъ озеро. Молла Исламъ понемногу сложилъ по этимъ разсказамъ цѣлую пѣсню и распѣвалъ ее по вечерамъ подъ аккомпаниментъ „гыджека“ (скрипки), и, пожалуй, пѣснѣ этой суждено по правамъ легенды, перейти въ грядущія поколѣнія.

„Бываютъ въ жизни минуты“ — увѣряютъ нѣкоторые остроумные писатели; и мнѣ представился случай убѣдиться въ этомъ: для меня дѣйствительно „настала минута“, когда наше судно было спущено на воду. Киргизы слѣдили, затаивъ дыханье, за всѣми его движеніями и не мало дивились моей храбрости, когда я сѣлъ въ лодку и прокатился по озеру, несмотря на сильный вѣтеръ. Но опасности не было никакой, судно прочно держалось на бурдюкахъ, и бекъ Тогдасынъ такъ разошелся, глядя на меня, что составилъ мнѣ компанію на слѣдующій пробный рейсъ.

Никогда чистыя, голубыя волны не плескались о борта болѣе жалкаго судна, которое чувствовало себя на водѣ въ своей стихіи не больше кошки или курицы. Оно нисколько не гордилось тѣмъ, что было первымъ судномъ на Кара-кулѣ и на такой значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Напротивъ, оно боязливо качалось на рѣзвыхъ волнахъ, которыя словно играли съ нимъ, и, хотя остовъ его былъ обтянутъ лошадиной, овечьей и козьей шкурами, дѣлало самыя неуклюжіе повороты, притомъ именно тогда, когда меньше всего ожидали этого.

Да, это былъ настоящій „Свенъ Дуфва*)“ между лодками, „бравшій и направо и налѣво, но всегда наперекоръ командѣ“ и совершенно невѣдавшій, что такое лавировать.

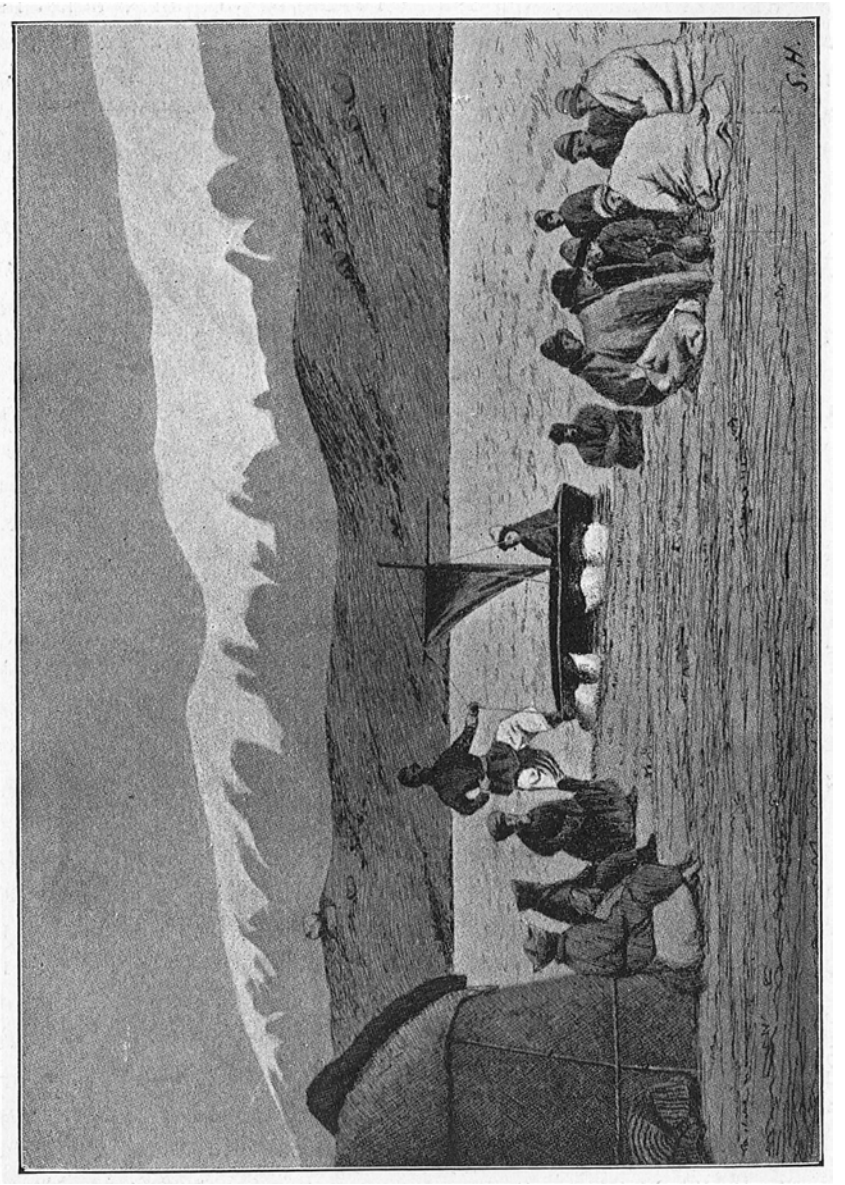
Лодка наша соглашалась идти и на сѣверъ и на югъ, но только съ попутнымъ вѣтромъ, иначе преспокойно поверты-

*) Герой одной изъ пѣсенъ Рунеберга.

Примѣч. перев.

вала туда, куда дулъ вѣтеръ, словомъ, была настоящимъ якомъ по упрямству.

И такъ какъ все время дулъ южный вѣтеръ, то намъ



Нашъ лагерь и лодка на берегу Малаго Кара-куля.
(Съ рисунка автора).

оставалось только каждый разъ перетаскивать лодку на южный берегъ и затѣмъ уже, плывя по вѣтру, производить промѣръ. Впервые этотъ способъ былъ примѣненъ 4 октября;

лодку на лошади перевезли по мелкой водѣ на южный берегъ; тамъ я усѣлся въ нее съ Магометомъ Турды. Вѣтеръ былъ не сильный, но холодный, и я поэтому надѣлъ тулупъ.

Мы были еще не особенно далеко отъ берега, какъ налетѣлъ шквалъ и развелъ сильное волненіе. Мы убрали парусъ и крѣпко схватились за борта, такъ какъ лодка прыгала, словно взбѣсившаяся лошадь. Положеніе было критическое, лодка быстро очутилась на серединѣ озера, и до обоихъ береговъ было далеко.

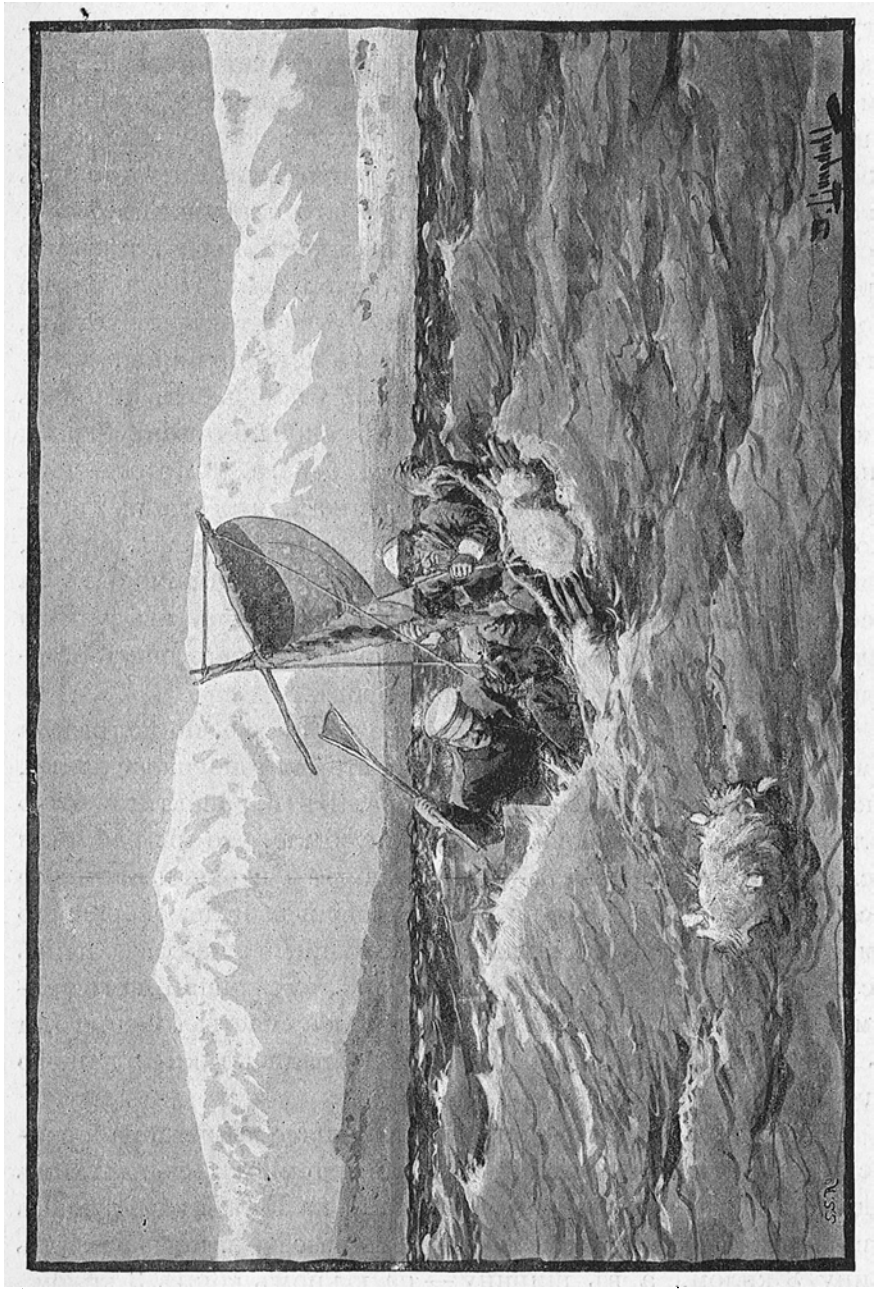
Я правилъ „рулемъ“; вдругъ корма нырнула въ волны, вода наполовину наполнила лодку и основательно вымочила насъ. Оказалось, что бурдюкъ, поддерживавшій корму, оторвался и поплылъ себѣ по волнамъ одинъ. Каждая новая волна, настигавшая насъ, обдавала насъ новымъ душемъ, хотя я и старался лопатой разрѣзать волны, а киргизъ изо всѣхъ силъ вычерпывалъ воду.

Положеніе становилось серьезнымъ, особенно въ виду того, что оба остальные бурдюка быстро худѣли, — воздухъ выходилъ изъ нихъ со свистомъ. Лодка накренялась на бокъ. Волны лѣзли въ нее со всѣхъ сторонъ, словно бѣшенные морскіе тролли въ бѣлыхъ шапкахъ.

Я сильно опасался, какъ-бы и остальные четыре бурдюка не оторвались и не уплыли, или какъ-бы изъ нихъ не вышелъ весь воздухъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ добраться до берега, и я уже измѣрялъ глазами разстояніе, соображая, смогу-ли я проплыть его.

Настроеніе наше, конечно, не выигрывало отъ того, что Магометъ Турды началъ испытывать приступы морской болѣзни. Онъ былъ блѣденъ, я бы сказалъ, какъ полотно, не будь онъ такъ желтъ отъ загара. Бѣднякъ раньше понятія не имѣлъ о томъ, что такое кататься въ лодкѣ и что такое морская болѣзнь, и поэтому не въ шутку воображалъ теперь, что пришелъ его послѣдній часъ.

Киргизы, и пѣшіе и конные, собрались на ближайшемъ къ намъ берегу и ждали съ минуты на минуту, что лодка потонетъ. Намъ, однако, посчастливилось продержаться съ нею на водѣ и добраться до мелкаго мѣста у берега. Тутъ у насъ гора свалилась съ плечъ. Промокшіе насквозь, но здравые и невредимые мы, наконецъ, очутились на берегу, поспѣшили



Опасное плаваніе по Малому Кара-кулю.
(Съ рисунка Л. Люндаля).

въ лагерь и велѣли развести большой костеръ, чтобы высушиться.

Итакъ, первая-же научная экскурсія на лодкѣ потерпѣла

фіаско. Единственнымъ ея результатомъ было открытіе, что летучій песокъ, пожалуй, въ неменьшей степени, нежели ледниковый илъ, способствуетъ обмеленію бассейна озера. Илъ наносится ручьями, вытекающими изъ ледниковъ, лишь въ теченіе лѣта, а вѣтры, наносящіе песокъ, дуютъ круглый годъ; песокъ, наносимый зимою на ледъ, впрочемъ, сметается съ него безслѣдно. Во время нашего перваго плаванія по озеру, насъ окутывало иногда цѣлыми облаками песку, такъ что береговъ почти не было видно. Къ вечеру вѣтеръ улегся, но вода все еще была мутная, и на зубахъ у насъ такъ и хрустѣло, когда мы ѣли за ужиномъ вѣчный супъ изъ баранины.

Въ теченіе слѣдующихъ дней, намъ удалось безъ особыхъ приключеній провести три хорошія промѣрныя линіи. 8-го мы отплыли отъ западной части южнаго берега. Въ этотъ день мы нарочно выѣхали попозднѣе, выжидая, чтобы вѣтеръ немного утихъ, и медленно поплыли по озеру, не ставя паруса, чтобы не помѣшать точности промѣра. Часъ проходилъ за часомъ, стало смеркаться и уже стемнѣло, пока мы успѣли выгрести на мелкое мѣсто; до сѣвернаго берега намъ оставалось какихъ нибудь сотни двѣ метровъ.

На мгновеніе наступило полное безвѣтріе, но вслѣдъ за тѣмъ съ силой задулъ сѣверный вѣтеръ и погналъ лодку, какъ скорлупку, на середину озера. Въ перспективѣ было цѣлое озеро и цѣлая ночь. Мало толку было, что мы работали веслами изо всѣхъ силъ, — вѣтеръ бралъ верхъ и насъ все несло на середину. Пока не взошелъ мѣсяцъ, было совершенно темно; на берегу Исламъ-бай, обезпокоенный нашимъ долгимъ отсутствіемъ, развелъ большой костеръ, служившій намъ маякомъ. Сѣверный вѣтеръ продолжался, къ счастью, недолго, и къ полуночи мы съ помощью веселъ добрались таки до нашего лагеря.

Большимъ преимуществомъ здѣшняго фарватера являлась невозможность столкновенія въ темнотѣ съ другимъ судномъ. Мы были полными хозяевами на Кара-кулѣ, и лодкѣ нашей открывался полный просторъ на озерѣ, имѣвшемъ въ длину 3 килом., а въ ширину — на южномъ концѣ 3 килом., на сѣверномъ 1 кил. и на серединѣ $1^1/_2$ килом.

Посмѣявшись надъ нашимъ славнымъ судномъ, надо всетаки и похвалить его. Меня очень огорчило, что, по окон-

чаніи навигаціи за выполненіемъ всѣхъ работъ и наступленіемъ неблагопріятной погоды, пришлось разобрать нашу увеселительную яхту на части и вернуть матеріалы по принадлежности вмѣсто того, чтобы цѣликомъ доставить ее въ Сѣверный музей, гдѣ она, безъ сомнѣнія, привлекла-бы общее вниманіе. Какъ-бы то ни было, наша лодка научила киргизовъ, что за штука такая лодка, хотя и не внушила особенно высокаго понятія о шведскомъ навигаторскомъ искусствѣ.

Итакъ, мы составили себѣ полное представленіе о глубинѣ Кара-куля, произведя 103 промѣра; кривыя глубинъ и были нанесены на карту. Максимумъ глубины оказался въ южной половинѣ бассейна, а именно 24 м.; въ средней части глубина колебалась между 15—20 м. Вдоль всего южнаго берега, гдѣ впадаютъ въ озеро ледниковые ручьи, послѣдними нанесенъ круто спускающійся въ озеро конусъ изъ ила, тогда какъ гряды моренъ сѣвернаго берега имѣютъ пологій скатъ.

Въ сѣверо-западномъ углу озера, гдѣ находится верховье рѣки Кара-куля, изъ воды высовываются небольшія эрратическія гнейсовыя глыбы. Линія, соотвѣтствущая глубинѣ 1 метра, вьется всего въ двухъ метрахъ разстоянія отъ юго-западнаго берега, хотя на немъ высятся крутыя скалы, тогда какъ вдоль всего сѣвернаго берега линія эта убѣгаетъ на 200 — 400 метр. въ озеро. Близехонько отъ середины западнаго берега лежитъ островокъ Киндикъ-мазаръ, гдѣ высиживаютъ весной яйца массы дикихъ гусей. Тутъ мы нашли также двѣ небольшія мелководныя бухты и нѣсколько подводныхъ песчаныхъ мелей, образовавшихся съ завѣтренной стороны выступающихъ въ озеро группъ скалъ.

Что-же до цвѣта озера, то мы замѣтили, что въ глубокихъ мѣстахъ оно отливаетъ темносинимъ цвѣтомъ, въ мелкихъ свѣтло-зеленымъ, а въ мѣстахъ, покрытыхъ водорослями, темно-фіолетовымъ.

Киргизы увѣряли, что въ озерѣ не водится никакой рыбы, и въ самомъ дѣлѣ я нашелъ всего одну маленькую мертвую, плававшую поверхъ воды. Рыбка принадлежала къ той-же породѣ, какъ и сохраненный мною экземпляръ изъ близъ лежащаго Басыкъ-куля, и была, вѣроятно, занесена сюда какой нибудь птицей.

Вода въ Кара-кулѣ прѣсная и годится для питья; темпе-

ратура ея во время нашего пребыванія колебалась около берега между 12—13 градусами тепла, а на серединѣ озера, на днѣ, имѣла 8°.

Въ озеро впадаетъ множество прозрачныхъ ручейковъ, и вблизи ихъ устьевъ на льду озера почти всю зиму бываютъ полыньи. Кара-куль замерзаетъ въ серединѣ ноября, а трогается ледъ въ серединѣ апрѣля.

Киргизы говорили, что ледъ на озерѣ бываетъ гладкій, блестящій, какъ зеркало, — вѣтеръ сметаетъ съ него каждую порошинку снѣга. Кромѣ того они увѣряли, что сквозь ледъ видны „лѣса и луга“ (водоросли) на днѣ озера и что отраженія звѣздъ горятъ зимними ночами во льду такъ-же ярко, какъ сами звѣзды на сводѣ небесномъ.

За работой жизнь наша текла мирно, спокойно, какъ и въ предыдущее наше посѣщеніе. По окончаніи трудового дня, я иногда въ бурную погоду ходилъ на берегъ, садился на камень и старался вообразить себѣ, что это родныя волны ударяютъ о родные берега, и во мнѣ пробуждались тысячи воспоминаній о родинѣ. Я, словно пилигримъ, сидѣлъ тогда въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ храмовъ, воздвигнутыхъ самой природой; у порога этого храма стояли на стражѣ одѣтые снѣгами горные великаны. У ногъ ихъ лежало дивное озеро, заключенное въ оправу горъ, какъ драгоцѣнный камень чистѣйшей воды.

Несправедливо было-бы назвать Кара-куль безжизненнымъ озеромъ. Во время моихъ топографическихъ работъ на берегахъ, я часто вспугивалъ цѣлыя семейства почтенныхъ дикихъ гусей или утокъ, которые мирно покрякивали въ прибрежномъ тростникѣ, а при нашемъ приближеніи подымались и улетали на озеро. По ночамъ мы часто слышали крикъ дикихъ гусей, сзывавшихъ гусенятъ, или летавшихъ надъ нашей юртой. Нѣкоторымъ семействамъ приходилось дѣлиться съ нами своими членами, чтобы внести нѣкоторую перемѣну въ наше черезчуръ однообразное меню.

Самыя-же красивыя картины представляло отраженіе въ волнахъ Кара-куля перемѣнъ, происходившихъ въ атмосферѣ. Картины эти приковывали взоръ, были такъ богаты красками и столь разнообразны, что можно было воображать себя переносимымъ изъ одной части свѣта въ другую въ теченіе ка-

кихъ нибудь двухъ-трехъ минутъ. Встанетъ, напримѣръ, солнце на чистѣйшемъ лазурномъ небѣ, въ воздухѣ стоитъ тишина, Мустагъ-ата вырисовывается ясно и отчетливо всѣми

Хаза-Гюль, молодая замужняя женщина-киргизка.
(Съ рисунка автора).

своими контурами, голубые тона снѣжнаго покрова выступаютъ съ неподражаемой красотой, темные склоны прибрежныхъ горъ отражаются въ прозрачной зеркальной поверх-

ности озера, и на всей природѣ лежитъ отпечатокъ праздничнаго, торжественнаго спокойствія. Вдругъ съ сѣвера приносятся сначала бѣлыя, потомъ темныя облака, небо Памира пріобрѣтаетъ стальной зимній цвѣтъ, и въ одно мгновеніе весь небесный сводъ заволакивается; подымается вѣтеръ, сначала дующій порывами, потомъ непрерывно, бѣшенно; озеро у береговъ становится зеленаго морского цвѣта, а дальше темно-фіолетоваго, по краямъ же окаймляется бѣлыми полосами пѣны, и волны яростно бьются о берега.

Черезъ часъ буря унимается, но за ней слѣдуетъ градъ, а затѣмъ ливень; вѣтеръ стихаетъ совсѣмъ, озеро становится сѣрымъ отъ дождевыхъ брызгъ, теряя свои свѣжіе яркіе цвѣта; дождь тяжело барабанитъ по туго натянутой крышѣ юрты. Обыкновенно, такая буря проходитъ быстро и безслѣдно, но почти регулярно каждый вечеръ черезъ перевалъ Караташъ и долину рѣки Ики-бель-су проносится восточный вѣтеръ и окутываетъ ландшафтъ густымъ туманомъ, въ которомъ скрывается изъ глазъ все, кромѣ самыхъ ближайшихъ предметовъ.

Разъ мы возвращались съ экскурсіи на Ики-бель-су, и вдругъ рѣчная долина стала наполняться густымъ туманомъ. Мустагъ-ата мало-по-малу заволакивалась и, наконецъ, исчезла совсѣмъ. Туманъ стоялъ сначала низко, и конусъ Мустагъ-аты сіялъ надъ верхнимъ слоемъ тумана ослѣпительнымъ блескомъ, словно облитый электрическимъ свѣтомъ. Солнце сѣло, стало смеркаться, туманъ расплывался все шире и шире, но верхніе пояса горной группы, обыкновенно сіяющіе серебромъ, еще горѣли пурпурными и желто-огненными тонами.

Мало-по-малу освѣщенныя солнцемъ мѣста все уменьшались, тѣни съ завидной легкостью взбирались по крутизнамъ; одно мгновенье горѣла надъ темнымъ моремъ тумана одна послѣдняя вершина, затѣмъ погасла и она; еще нѣсколько минутъ конусъ горы рисовался на темномъ фонѣ свѣтлымъ силуэтомъ, потомъ тоже погрузился во мракъ.

Ночь рисовала новыя картины. Когда туманъ снова рѣдѣлъ, на темно-синемъ небѣ, усѣянномъ блестящими звѣздами, всплывалъ блѣдный холодный мѣсяцъ и отбрасывалъ отъ склоновъ горъ длинныя тѣни, выступавшія тѣмъ рѣзче, что съ ними чередовались ярко свѣтлыя мѣста и выступы. Могильная

тишина овладѣвала окрестностью; прислушаться, такъ можно было, кажется, различить біеніе собственнаго сердца.

Не безъ грусти покинулъ я это маленькое прекрасное горное озеро, на которое привыкъ смотрѣть почти, какъ на свою собственность, за время своего пребыванія на его гостепріимныхъ берегахъ; мы провели здѣсь много мирныхъ, обильныхъ наблюденіями дней! Покинули мы его 9 октября. Вылъ бѣшенный южный вѣтеръ; волны пѣли свою обычную грустную, убаюкивающую пѣсню, которую никогда не устанешь слушать, но скоро она замерла вдали, а мы еще разъ направили свой путь къ ледяному царству Мустагъ-аты.

XVIII.

Среди киргизовъ. Возвращеніе въ Кашгаръ.

Прежде, чѣмъ повѣствовать о возвращеніи съ Памирскаго нагорья въ Кашгаръ, позволю себѣ посвятить нѣсколько словъ киргизамъ, среди которыхъ я прожилъ столько времени.

Я уже далъ описаніе „байгъ“, играющихъ такую важную роль въ ихъ однообразной жизни. Вообще же интересы жизни киргизовъ сосредоточиваются на скотоводствѣ, да на связанныхъ съ этимъ перекочевкахъ съ мѣста на мѣсто. Лѣто киргизы проводятъ въ яйлакахъ (лѣтнія кочевья), расположенныхъ на склонахъ Мустагъ-аты и горъ Памира; въ кышлаки-же, или зимнія стоянки, расположенныя въ долинахъ, они возвращаются, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ и становится холодно.

Каждый аулъ состоитъ большею частью изъ семействъ, принадлежащихъ къ одному роду, и у каждаго аула есть свои опредѣленные яйлаки и кышлаки, на которые никакой другой аулъ уже не имѣетъ права посягнуть безъ общаго на то согласія.

На другой день послѣ рожденія ребенка всѣ родственники являются съ поздравленіемъ. Закалываютъ барана, сзываютъ

гостей и совершаютъ моленіе. На третій день мулла даетъ ребенку соотвѣтствующее дню его рожденія имя, беря его изъ книги, въ которой каждый день отмѣченъ особымъ именемъ. Къ этому имени прибавляется имя отца ребенка и слово „оглы", т. е. сынъ, напр. Кенче-Сатовалды-оглы.

Когда молодой киргизъ захочетъ жениться, родители высматриваютъ ему подходящую невѣсту, которую онъ и долженъ волей-неволей взять. Послѣдняя, напротивъ, можетъ отказаться отъ брака, если женихъ ей не понравился, хотя и тутъ въ большинствѣ случаевъ дѣло вполнѣ въ рукахъ родителей. Если-же женихъ сирота, онъ самъ выбираетъ себѣ невѣсту. Каждый женихъ обязанъ внести родителямъ невѣсты „калымъ", или выкупъ. Богатые киргизы платятъ до 10—12 ямбъ (1 кит. ямба стоитъ 80—90 рублей), бѣдные пару лошадей, или яковъ. Родители поэтому всегда ищутъ для дочерей „баевъ", т. е. богатыхъ жениховъ, а для сыновей некрасивыхъ и бѣдныхъ невѣстъ, за которыхъ не потребуютъ большого калыма. За красивыхъ, молодыхъ дѣвушекъ берется всегда очень большой калымъ.

Въ области Мустагъ-аты проживала въ 1894 г. одна замѣчательная красавица киргизка Неврa Ханъ, къ которой сваталось множество жениховъ изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ. Но отецъ ея требовалъ такой несообразный калымъ, что она все еще сидѣла въ дѣвкахъ, хотя ей и было уже 25 лѣтъ. Одинъ молодой киргизъ, смертельно влюбленный въ нее, просилъ меня ссудить его требуемой суммой, родители жениха и невѣсты тоже пытались склонить меня къ этому, но, конечно, напрасно.

Когда дѣло слажено, самая помолвка можетъ быть отложена на неопредѣленное время, пока не будетъ выплаченъ весь калымъ сполна. Какъ только это сдѣлано, сооружаютъ новую юрту и сзываютъ гостей на свадьбу. Гостей угощаютъ бараниной, рисомъ и чаемъ; мулла читаетъ жениху и невѣстѣ наставленіе о ихъ взаимныхъ обязанностяхъ, устраивается байга, всѣ надѣваютъ лучшіе свои халаты, невѣсту тоже разряжаютъ въ пухъ и прахъ. Если женихъ изъ другого аула, свадьбу играютъ въ аулѣ невѣсты, откуда затѣмъ всѣ гости провожаютъ новобрачныхъ въ ихъ новое жилище.

Когда киргизъ умираетъ, тѣло его омываютъ, облекаютъ

въ чистыя бѣлыя одежды, обвертываютъ холстомъ и войлоками и, какъ можно скорѣе, относятъ на кладбище. Яма выкапывается въ метръ глубины; отъ нея идетъ въ бокъ горизонтальный ходъ, въ который тѣло и всовывается. Затѣмъ могила закапывается и прикрывается камнемъ, или небольшимъ куполомъ на четыреугольной подставкѣ, если погребенный былъ „баемъ“, т. е. богатымъ человѣкомъ. Родственники навѣщаютъ могилу до сороковаго дня.

Имущество киргизской семьи обыкновенно не велико, и при перекочевкахъ для перенесенія его достаточно нѣсколькихъ яковъ. Наиболѣе громоздкой частью его является самая юрта—деревянный остовъ ея и толстыя кошмы — сѣдла и попоны, постельныя принадлежности и ковры. Затѣмъ идетъ хозяйственная утварь: главнѣйшій предметъ — „казанъ“, т. е. большой желѣзный котелъ, фарфоровыя чашки (чине и піале), плоскія деревянныя блюда (табакъ), желѣзные или мѣдные кувшины и котелки съ ручками и крышками (кунганы и чугуны), деревянныя чашки (чечукъ) и крынки (челекъ). Кромѣ того, въ зажиточной юртѣ нѣтъ недостатка и въ прочихъ предметахъ домашняго обихода, какъ-то ткацкихъ станкахъ, корытахъ, ситахъ, топорахъ, мѣшкахъ для зерна и муки, колыбеляхъ, музыкальныхъ инструментахъ, треножникахъ для котла, щипцахъ и проч.

Большая часть этихъ предметовъ покупается въ Кашгарѣ, Янги-гиссарѣ, или Яркендѣ; кромѣ того, среди киргизовъ водятся и свои кузнецы и столяры. Древесный матеріалъ для юрты привозятъ изъ долинъ, граничащихъ съ восточными склонами Мустагъ-аты, такъ какъ въ самой сарыкольской области нѣтъ деревьевъ.

Въ каждой кибиткѣ существуетъ особое отгороженное отдѣленіе, „ашъ-хана“ (кладовая), гдѣ хранятся молоко, сливки и другіе съѣстные припасы. Любимый напитокъ киргизовъ — „айранъ“ вскипяченое молоко съ водой, которому даютъ скиснуть; питье это, особенно лѣтомъ, дѣйствуетъ освѣжающе. „Каймакъ“ густыя прѣсныя яковыя сливки превосходнаго качества, желтаго цвѣта и миндальнаго вкуса; „сютъ“ — обыкновенное молоко. Всѣ молочные продукты сохраняются въ козьихъ бурдюкахъ.

Питаются киргизы главнымъ образомъ яковымъ моло-

комъ и бараниной. Разъ или два въ недѣлю закалываютъ барана, и все населеніе аула плотно наѣдается. Всѣ собираются въ юрту и усаживаются вокругъ огня, надъ которымъ варится въ котлѣ мясо; затѣмъ куски дѣлятся между присутствующими. Каждый вынимаетъ ножъ и срѣзаетъ съ своей порціи куски мяса до самой кости. Послѣднюю затѣмъ раздробляютъ, чтобы добраться до мозга, считающагося самымъ лучшимъ лакомствомъ. Какъ передъ трапезой, такъ и послѣ происходитъ омовеніе рукъ. По окончаніи ея всѣ проводятъ рукой по бородамъ и въ одинъ голосъ восклицаютъ: „Аллаху экберъ!“ (Господь великъ!) Пять установленныхъ кораномъ ежедневныхъ молитвъ аккуратно читаются старшиною въ каждомъ аулѣ.

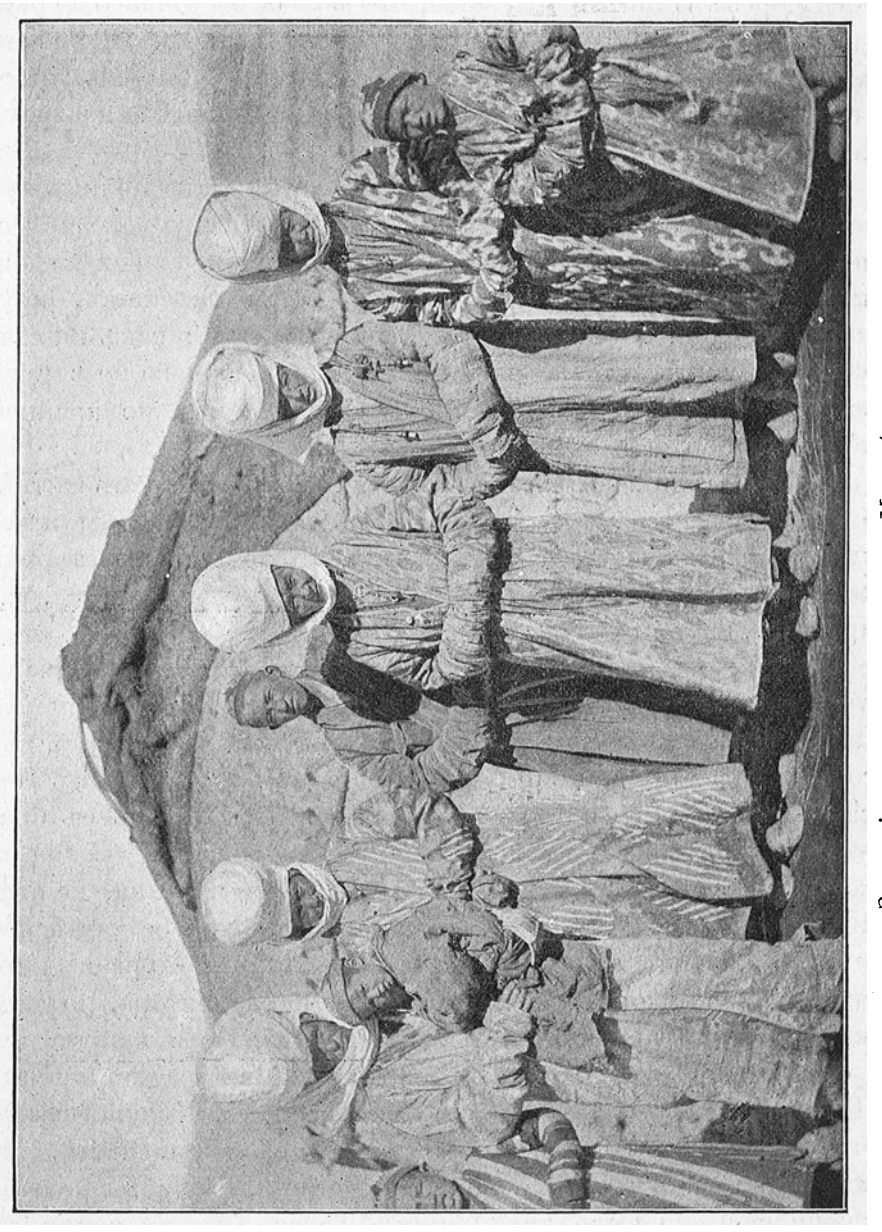
Въ ежедневномъ обиходѣ самый тяжелый трудъ выпадаетъ на долю женщинъ. Онѣ ставятъ и снимаютъ кибитку, ткутъ ковры и ленты, вьютъ веревки, сучатъ нитки, доятъ коровъ-яковъ и козъ, ходятъ за овцами, за дѣтьми и ведутъ все хозяйство. Стада стерегутъ необыкновенно большія, злыя собаки, питающіяся отбросами.

Мужчины въ сущности ничего не дѣлаютъ; сидятъ большею частью день деньской вокругъ огня, или много, много пригонятъ яковъ съ горныхъ пастбищъ; часто ѣздятъ въ гости къ сосѣдямъ, покупать и мѣнять скотъ. Зимою-же почти съ утра до вечера сидятъ и бесѣдуютъ вокругъ костра изъ яковаго навоза въ то время, какъ снаружи снѣгъ крутитъ вокругъ юрты и воетъ буря.

Такъ мирно и однообразно протекаетъ жизнь киргизовъ; одинъ годъ похожъ на другой, проходитъ въ тѣхъ же занятіяхъ и перекочевкахъ. Старится киргизъ только подъ бременемъ годовъ, видитъ, какъ дѣти его уходятъ и основываютъ свои семьи, видитъ, какъ сѣдѣетъ его борода, и, наконецъ, отправляется на вѣчный покой возлѣ ближайшей могилы святого, у подножія покрытыхъ снѣгами горъ, въ области которыхъ онъ и его родичи прожили свою бѣдную радостями, но и безпечальную жизнь.

Мое долгое пребываніе въ ихъ средѣ было поэтому интереснымъ перерывомъ однообразія ихъ жизни. Имъ еще никогда не случалось раньше видѣть такъ близко „ференги“ (европейца), сопутствовать ему, наблюдать за всѣми его не-

понятными работами. Они въ толкъ не могли взять, зачѣмъ мнѣ непремѣнно нужно было посѣтить каждый ледникъ, за-



Замужнія женщины-киргизки изъ Мургабскаго аула.
(Съ фотографіи автора).

чѣмъ я все срисовывалъ, а иногда даже выламывалъ камни изъ горъ и пряталъ себѣ въ ящики; имъ все окружающее казалось такимъ простымъ, естественнымъ и неинтереснымъ!

Понятія ихъ о внѣшнемъ мірѣ очень скудны. Они знаютъ только, зато превосходно, область, въ которой кочуютъ, дороги черезъ Памиръ и въ западные города восточнаго Туркестана; весь остальной міръ для нихъ — хаосъ. О Россіи, Англіи, Китаѣ, Персіи, Канджутѣ, Кашмирѣ, Тибетѣ, Индостанѣ, Большомъ Кара-кулѣ, Лобъ-норѣ и Пекинѣ они знаютъ по наслышкѣ.

Только отъ странствующихъ купцовъ или изъ ближнихъ городовъ доходятъ до нихъ иногда новости шумнаго свѣта, но мало интересуютъ ихъ, не затрагивая непосредственно ихъ самихъ и ихъ жизни. Для нихъ земля — плоскость, окруженная водой, и солнце ходитъ вокругъ земли; какъ ни старайся внушить имъ истинныя понятія, они ничего не могутъ взять въ толкъ и преспокойно отвѣчаютъ, что, по крайней мѣрѣ, ихъ область стоитъ неподвижно.

Старые киргизы часто разсказывали мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, и разсказы ихъ всегда были очень интересны и поучительны, даже по самому языку. Жизнь одного старика киргиза бека Булата изъ области Рангъ-куль, является, напримѣръ, настоящею эпопеею.

Во время правленія Якубъ-бека онъ 12 лѣтъ занималъ въ Тагармѣ должность юзъ-баши (сотникъ). Послѣ смерти Якубъ-бека въ 1878 г. Кашгаромъ овладѣли китайцы, а, два года спустя, пришелъ изъ Маргелана въ Ташъ-курганъ Хакимъ-ханъ-Тюря съ тысячью людей, и бекъ Булатъ съ братомъ и 500 сарыкольцами примкнули къ нему. Несмотря на недѣльную осаду, таджики, обитатели Ташъ-кургана, не сдались. На подавленіе возстанія двинулось большое китайское войско, и Хакимъ-ханъ-Тюря послалъ въ Ташъ-курганъ киргиза Абдуррахмана-датху въ качествѣ парламентера, но таджики умертвили его. Тогда Хакимъ-ханъ-Тюря направился со своими людьми къ Чакыръ-агылу у начала долины Гезъ. Пока они стояли тамъ, къ брату бека Булата, Куруши-датхѣ былъ присланъ гонецъ отъ китайцевъ съ извѣщеніемъ, что всѣ киргизы, участвовавшіе въ возстаніи, будутъ преданы казни, если не выдадутъ Хакима. Тогда Куруши покинулъ своего предводителя и ушелъ на Малый Кара-куль. Здѣсь онъ получилъ приказъ присоединиться къ китайцамъ и напасть на Хакима около Мужи. Послѣдній, преслѣдуемый

китайцами, бѣжалъ черезъ Кызылъ-артъ, потерявъ много людей.

Предводителемъ уцѣлѣвшихъ киргизовъ сталъ бекъ Булатъ; когда-же и эти остатки были разсѣяны, онъ отправился къ Рангъ-кулю, братъ-же его былъ взятъ китайцами въ плѣнъ и обезглавленъ въ Кашгарѣ. Опасаясь такой-же участи, бекъ Булатъ бѣжалъ къ Акъ-байталу, гдѣ его нагнали и взяли въ плѣнъ 50 преслѣдовавшихъ его китайцевъ, которые затѣмъ отправили его съ семействомъ въ Турфанъ. Тамъ онъ жилъ въ изгнаніи 9 лѣтъ.

Бекъ Турфанскій, магометанинъ, предоставилъ ему, однако, свободу и возможность безпрепятственно заниматься торговлей. Затѣмъ, въ виду того, что онъ все время велъ себя смирно, китайскія власти разрѣшили ему вернуться на родину. Кромѣ того, китайцы, оцѣнившіе его дѣловитость, предложили ему бекство въ восточномъ Памирѣ, но онъ отказался, говоря, что не хочетъ служить людямъ, убившимъ его брата. Послѣ того, въ Памиръ вступили русскіе, и старый бекъ Булатъ живетъ теперь въ бѣдности и не у дѣлъ около Рангъ-куля.

Мы часто бесѣдовали съ нимъ далеко за полночь, при свѣтѣ голубыхъ огоньковъ, перебѣгавшихъ по углямъ костра, слабо освѣщавшаго внутренность юрты, едва позволяя различать рѣзкія черты сидящихъ на кошмахъ киргизовъ.

Не знаю, скучали-ли обо мнѣ киргизы, когда мы разстались; сердца у нихъ жесткія, невоспріимчивыя къ сердечнымъ чувствамъ. Суровая, бѣдная, скупая природа, окружающая ихъ и доставляющая имъ впечатлѣнія, не способна воспитать въ нихъ подобныя чувства. Но вслѣдъ мнѣ раздавалось много дружескихъ „хошъ“ (прощай), „худа іолъ версунъ“ (съ Богомъ!) и „Аллаху экберъ“, и долго стояли киргизы на берегу Кара-куля, провожая удивленными взглядами мой караванъ. Пожалуй, многіе задавали себѣ вопросы: „Откуда онъ явился къ намъ, куда отправился и что̀ ему нужно было здѣсь?“

9 октября мы отправились въ аулъ Тюя-курукъ (3,884 м.), а на слѣдующій день черезъ долину Ики-бель-су, притокъ воды въ которой упалъ до 2 куб. м. и которая мало напоминала теперь пѣнящуюся рѣку, видѣнную нами лѣтомъ.

Около мощнаго ледника Кокъ-сель мы направились къ

западу; дорога пошла зигзагами въ гору по правой сторонѣ долины. Вечеромъ мы остановились въ аулѣ Турбулюнъ, жители котораго собирались въ скоромъ времени отправиться на зимовку къ Малому Кара-кулю. Около Турбулюна зима бываетъ очень суровая, бураны обычное явленіе, и постоян-

Дѣвочка-киргизка изъ Сары-кола.
(Съ рисунка автора).

ными обитателями являются здѣсь только волки, лисицы да медвѣди.

11 октября, когда мы были въ аулѣ, разбушевался страшный вѣтеръ, и киргизы жгли факелъ за факеломъ, подымая ихъ къ дымовому отверстію и восклицая „Аллаху экберъ!“, чтобы отвратить вѣтеръ. При особенно сильныхъ порывахъ вѣтра они всѣ вскакивали и крѣпко схватывались за юрту, которая была кромѣ того укрѣплена веревками и шестами.

Мы всетаки сдѣлали экскурсію на Кара-джилгу, гдѣ разстилались сочныя пастбища и гдѣ водились горныя козы, и архары. Исламъ-бай застрѣлилъ на ледникѣ одного архара, но, къ сожалѣнію, животное упало въ трещину и достать его не удалось.

12 октября мы перебрались черезъ пользующійся дурной славой перевалъ Мерки-бель. Западный склонъ, по которому мы подымались, былъ не особенно крутъ, но снѣговой покровъ достигалъ 40 сантим. глубины. Это очень своеобразный перевалъ. Самый гребень его очень широкъ, куполообразенъ и покрытъ тонкимъ ледянымъ покровомъ, по которому мы проѣхали 2 километра. Примыкающія къ нему горы относительно низки; по правую сторону (на югъ) сплошь покрыты льдомъ, по лѣвую же (на сѣверъ) вздымаются оголенныя, или покрытыя рѣдкими клоками снѣга, черныя кристаллическія породы.

Восточный склонъ перевала необычайно крутъ, и покрытъ мореной, состоящей изъ громадныхъ отторженцевъ и сланцевыхъ плитъ съ острыми углами и краями. Лошади тутъ безпрестанно спотыкались, и мы предпочли идти пѣшкомъ. Къ счастью, у насъ были на этотъ разъ наняты вьючные яки. Мало-по-малу склонъ сталъ болѣе отлогимъ, и мы благополучно достигли долины Мерки, гдѣ расположились въ одинокой юртѣ на высотѣ 3,593 метровъ.

Въ теченіи слѣдующихъ дней мы быстро подвигались къ равнинамъ Туркестана. Въ долинахъ восточныхъ склоновъ шелъ снѣгъ, а 13-го дулъ также сильный вѣтеръ, и мы весь день ѣхали въ облакахъ крутящагося снѣга. Рѣка долины Мерке, принимающая цѣлую серію притоковъ изъ маленькихъ боковыхъ долинъ, энергично пролагаетъ себѣ путь въ конгломератахъ, по которымъ намъ часто приходилось ѣхать. Самое дно рѣки загромождено гнейсовыми и сланцевыми глыбами. Около Сугета (3,015 м.), гдѣ мы разбили лагерь, ростутъ ивы; отсюда и названіе мѣстности (сугетъ—ива). Тутъ, среди снѣжнаго моря, разбито нѣсколько юртъ; старшина аула, Тогда-Магометъ-бай, принялъ насъ очень любезно.

14-го мы двинулись въ аулъ бека Магомета-Тогда около Чата; бекъ — старшина восточныхъ киргизовъ. По пути мы миновали Кара-ташъ-джилгу съ рѣкой, текущей съ перевала Кара-ташъ. На слѣдующій день мы перевалили черезъ

незначительный перевалъ Гыджакъ-бель (3,975 м.) съ округленными мягкими формами, сложенный изъ желтой скользкой глины, или мелкаго сланцеваго щебня. Мѣсто нашей дневной стоянки носило оригинальное названіе Сарыкъ-кызъ (желтая дѣвушка).

Оставивъ 16-го устье долины Кинколъ направо, мы снова очутились на знакомомъ трактѣ и вечеромъ остановились въ Игизъ-ярѣ въ томъ-же караванъ-сараѣ, въ которомъ останавливались въ первый разъ. То-то славно было освободиться отъ всѣхъ своихъ неудобныхъ, тяжелыхъ зимнихъ одѣяній, ставшихъ излишними въ этомъ тепломъ воздухѣ, и отвѣдать за обѣдомъ плодовъ, кашгарскаго хлѣба и яицъ.

19 октября я опять сидѣлъ въ своей комнатѣ въ домѣ консула Петровскаго въ Кашгарѣ, гдѣ накопились для меня за лѣто цѣлыя горы писемъ и газетъ.

Наступило время желаннаго отдыха, которому я и отдался, пользуясь обществомъ моего благороднаго друга, консула. Долгими осенними вечерами мы бесѣдовали съ нимъ, какъ и прежде, обсуждая различные важные азіатскіе вопросы и задачи.

Я не стану долго задерживать вниманіе читателя на моихъ Кашгарскихъ воспоминаніяхъ, хочу только привести нѣсколько изъ нихъ. Первой моей работой было разобрать собранные мною на Мустагъ-атѣ образцы горныхъ породъ и снабдить ихъ ярлычками, а также привести въ порядокъ фотографическіе снимки. Затѣмъ, я написалъ нѣсколько научныхъ сообщеній о лѣтнихъ работахъ.

Въ началѣ ноября мы получили новости изъ Европы. Тайный совѣтникъ Кобеко, инспектировавшій русскій Туркестанъ, продолжилъ свой маршрутъ къ намъ. Это былъ очень симпатичный и начитанный человѣкъ, и недѣля, проведенная въ его обществѣ, промелькнула незамѣтно.

Я никогда не забуду вечера 6 ноября, когда мы сидѣли за чаемъ вокругъ большого стола, бесѣдуя подъ аккомпаниментъ шумящаго самовара о политикѣ и о будущемъ восточнаго Туркестана. Вдругъ вбѣжалъ безъ доклада запыхавшійся курьеръ-казакъ и подалъ Кобеко телеграмму съ послѣдней телеграфной станціи Гульча. Телеграмма принесла вѣсть о смерти государя Александра III.

Всѣ встали и перекрестились; на глазахъ выступили слезы, и могильная тишина долго не нарушалась никѣмъ. Конечно, было извѣстно, что здоровье Государя въ послѣднее время было неудовлетворительно, но никто не подозрѣвалъ, чтобы положеніе его было такъ серьезно и кончина такъ близка. Поэтому горестная вѣсть поразила всѣхъ, какъ громомъ. Въ какіе нибудь 5 дней она проникла въ сердце Азіи.

По закону солдаты тотчасъ-же должны были принести присягу новому Государю, но въ Кашгарѣ не было православнаго священника, и потому сочли за лучшее дождаться приказа отъ ближайшихъ властей. Кобеко только прочелъ вслухъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ передъ 58 казаками самую телеграмму; казаки выслушали ее съ опущенными, обнаженными головами. На слѣдующій день къ консулу явились даотай и цзянь-далой засвидѣтельствовать свое соболѣзнованіе. Ихъ пестрыя парадныя одѣянія, гонгонги, барабаны, зонтики и флаги — вся пышность ихъ шумнаго появленія составила такой рѣзкій контрастъ съ царствовавшей въ консульствѣ тихой скорбью.

Рѣзкіе, климатическіе переходы, которымъ я подвергался въ этой кочевой жизни, наградили меня лихорадкой, разыгравшейся въ ноябрѣ мѣсяцѣ настолько серьезно, что я слегъ на мѣсяцъ въ постель. Другую бѣду навлекло на меня посѣщеніе русской бани, куда меня проводили двое казаковъ и Исламъ-бай.

Я уже пробылъ тамъ довольно долго, когда казаки рѣшили, что будетъ съ меня, вошли и нашли меня безъ чувствъ. Въ печкѣ лопнула какая-то труба, и я угорѣлъ. Меня немедленно перенесли въ мою комнату, гдѣ я понемногу пришелъ въ себя, но голова болѣла страшно еще дня два.

Вотъ и Рождество пришло. Рождество! сколько грусти, воспоминаній, тоски и надеждъ связано съ однимъ этимъ словомъ! Въ сочельникъ шелъ легкій снѣгъ, тотчасъ-же таявшій и испарявшійся въ сухомъ воздухѣ, не успѣвая даже выбѣлить землю. На улицахъ и площадяхъ слышался звукъ колокольчиковъ, но это были караванные колокольчики, которые звонятъ тутъ круглый годъ. И здѣсь на небѣ горѣли звѣзды, но не тѣмъ волшебнымъ блескомъ, какимъ горятъ на нашемъ

сѣверномъ зимнемъ небѣ. Въ окнахъ жилищъ виднѣлись кое-гдѣ огоньки, но это были не елочныя свѣчки, а свѣтильники съ кунжутнымъ масломъ, столь-же примитивные, какъ и во времена Спасителя.

Можно-ли было выбрать болѣе подходящее время для визита шведскому миссіонеру Гёгбергу, прибывшему съ семьей въ Кашгаръ этимъ лѣтомъ? Я и отправился къ нему послѣ обѣда въ сопровожденіи англійскаго агента Мэкэртнея и патера Гендрикса, захвативъ съ собою маленькіе подарки дочкѣ хозяина. Были прочитаны тексты изъ евангелія, пропѣты рождественскіе псалмы подъ аккомпаниментъ органа, а вечеромъ я и Гендриксъ отправились къ Мэкэртнею, гдѣ ждалъ насъ пуншъ и другое рождественское угощеніе. Незадолго до полночи патеръ ушелъ: онъ спѣшилъ въ свое одинокое жилище, чтобы встрѣтить полночь за обѣдней, служимой въ одиночествѣ. Вѣчно, вѣчно одинокъ!

5 января 1895 г. въ Кашгаръ прибылъ англичанинъ Георгъ Литледэль въ сопровожденіи своей отважной супруги и родственника г. Флетчера. Мы провели въ ихъ обществѣ много пріятныхъ часовъ. Литледэль необычайно симпатичный человѣкъ, мужественный, но безъ всякой претенціозности; меня особенно радовало, что въ лицѣ его я познакомился съ однимъ изъ отважнѣйшихъ и умнѣйшихъ путешественниковъ по Азіи. Самъ онъ смотрѣлъ на свои путешествія весьма критически, отличаясь большой скромностью. Онъ чистосердечно признавался, что путешествуетъ ради удовольствія, охоты, спорта, предпочитая богатую разнообразіемъ жизнь путешественника лондонскимъ обѣдамъ и ужинамъ. Тѣмъ не менѣе путешествіемъ своимъ, начатымъ въ 1895 г. онъ неизгладимыми буквами вписалъ свое имя въ списокъ путешественниковъ-піонеровъ, рядомъ съ именами своихъ знаменитыхъ соотечественниковъ Юнгусбэнда и Боуэра.

Въ серединѣ января, англичане покинули Кашгаръ; поѣздъ ихъ, состоявшій изъ четырехъ большихъ, убранныхъ коврами арбъ, представлялъ очень живописную картину. Въ Черченѣ Литледэль снарядилъ большой караванъ, съ которымъ и прошелъ Тибетъ съ сѣвера на югъ.

Въ это-же время узнали мы о печальной судьбѣ Дютрейля де Рина, убитаго минувшимъ лѣтомъ около Тамъ-будды.

Четверо изъ его людей вернулись въ Кашгаръ и привезли вѣсть о его смерти.

Наступило и русское Рождество, 12 днями позже нашего, и консульство снова ожило. Казаки утромъ въ первый день

Дѣвочка-киргизка изъ Турбулюна.
(Съ рисунка автора).

праздника разбудили меня заунывнымъ пѣніемъ, а у консула состоялся большой вечеръ.

Для меня было большой радостью найти въ этотъ пріѣздъ въ Кашгарѣ земляковъ. Миссіонеръ Гёгбергъ прибылъ сюда съ женой, маленькой дочкой, одной шведской миссіонерш ей и крещенымъ персомъ, мирзой Жозефомъ. Со стороны миссіонера

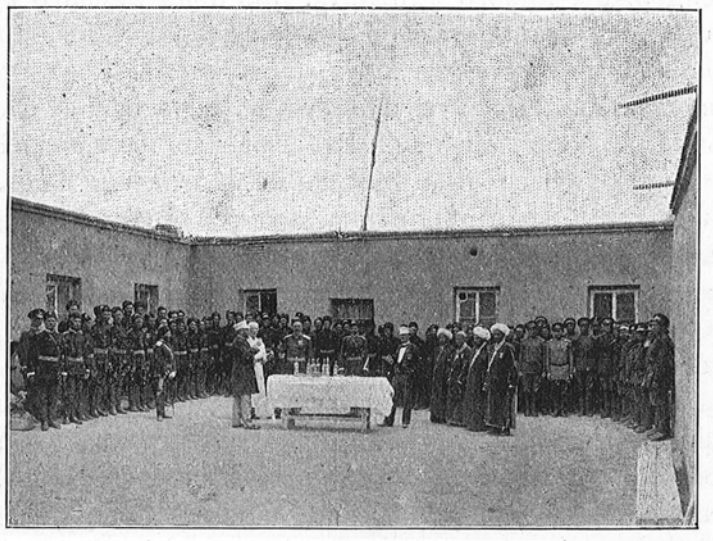
было рисковано пріѣхать съ двумя дамами, такъ какъ магометане приняли ихъ за его женъ, и то обстоятельство, что мирза Жозефъ женился затѣмъ на шведкѣ-миссіонершѣ, сильно и надолго повредило успѣху миссіи Гёгберга. Въ глазахъ кашгарцевъ мирза Жозефъ все оставался магометаниномъ, а магометанамъ, по закону пророка, запрещается жениться на невѣрныхъ.

Я охотно обошелъ-бы молчаніемъ всѣ толки и неудовольствіе, возбужденные этимъ бракомъ, если-бы случай этотъ не служилъ печальнымъ примѣромъ того, какъ легко представители миссіонерскаго общества иногда относятся къ возложенной на нихъ отвѣтственности. Въ заключеніе, нѣсколько словъ о самомъ миссіонерствѣ. Репрессаліи европейскихъ государствъ въ отвѣтъ на убійство въ Китаѣ миссіонеровъ, по моему, большая несправедливость, потому что разъ миссіонеры отваживаются на такое рискованное дѣло, они сами и должны нести за то отвѣтственность и быть готовыми на всѣ случайности. И развѣ возможно распространять христіанство съ помощью казней и кровопролитія? Враги христіанства, еще со временъ Нерона, старались подобными средствами противиться распространенію христіанства и то тщетно, само-же христіанство никогда не нуждалось въ помощи насилія. Правда, что за смерть миссіонеровъ мстятъ не какъ за смерть христіанъ, а только какъ за смерть европейцевъ, но насиліе и кровопролитіе во всякомъ случаѣ отзовутся неблагопріятно на результатахъ дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. Народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, имѣютъ и различныя религіозныя потребности, и кто-же можетъ утверждать, что китайцы или магометане созрѣли теперь для христіанства?

А вотъ этого-то обстоятельства многіе изъ современныхъ, часто мало образованныхъ миссіонеровъ и не могутъ понять. Не имѣя серьезной научной подготовки, не ознакомившись съ сущностью религіи народа, среди котораго хотятъ дѣйствовать, не сообразивъ, что народъ этотъ, какъ часто бываетъ, старше по происхожденію ихъ собственнаго и болѣе успѣлъ закоренѣть въ своихъ обычаяхъ и нравахъ, такіе миссіонеры легкомысленно бросаются въ неизвѣстную страну, берутся за дѣло, о трудностяхъ котораго не имѣютъ и понятія. Между

тѣмъ, если не взвѣсить предварительно всѣхъ трудностей и препятствій, то никакое благочестіе и никакая вѣра въ дѣло не спасутъ отъ бѣды.

Беря за образецъ перваго миссіонера, апостола Павла, они не раздумываютъ, что онъ трудился на почвѣ, богато воздѣланной наукой и искусствомъ, гдѣ человѣческій духъ уже созрѣлъ для воспринятія высшей религіи, такъ какъ наиболѣе развитые классы общества уже стали сомнѣваться въ старыхъ богахъ. И, если посравнить съ результатами дѣятельности Павла результаты дѣятельности сотни тысячъ миссіонеровъ



Консулъ Петровскій, Адамъ Игнатьевичъ, казаки и ихъ офицеры, авторъ и туземецъ-переводчикъ при консульствѣ.

(Съ фотографіи г. Лючша, секретаря консульства).

на протяженіи новѣйшаго времени, то первая возсіяетъ еще бо́льшимъ блескомъ.

Причина громадной разницы между дѣятельностью Павла и современныхъ миссіонеровъ лежитъ, конечно, и въ самомъ образѣ дѣйствій апостола. Онъ странствовалъ съ мѣста на мѣсто, подобно дервишамъ востока, жилъ своимъ трудомъ, оставался неимущимъ и неженатымъ, что облегчало ему непосредственныя сношенія съ народомъ и изученіе чужихъ языковъ, а также дѣлало его независимымъ отъ всякихъ миссіонерскихъ обществъ, отъ доброхотныхъ пожертвованій и проч.

Кромѣ того, онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ репрессаліямъ противъ гонителей христіанства.

Я еще ни разу не слыхалъ ни объ одномъ миссіонерѣ, который-бы въ наше время слѣдовалъ принципамъ жизни апостола Павла. Для этого нужна большая любовь къ дѣлу, истинное безкорыстіе, готовность пожертвовать всѣми благами цивилизаціи и комфорта.

Но, даже если-бы они и шли по стопамъ апостола, дѣло ихъ не могло-бы увѣнчаться такимъ-же успѣхомъ, по причинѣ упомянутыхъ религіозныхъ и соціальныхъ препятствій, которые не должны никого удивлять. Для правовѣрнаго мусульманина посягательство на его вѣру со стороны самодовольнаго чужеземца представляется несправедливымъ, какъ посягательство на самое дорогое наслѣдство, перешедшее къ нему, мусульманину, отъ родителей. Главныя азіатскія религіозныя ученія не поддаются уничтоженію. Духовныя и соціальныя теченія имѣютъ въ исторіи свое время и мѣсто, и отклонить ихъ, или остановить нельзя, какъ нельзя остановить приливъ въ морѣ. Худы, или хороши они, они непремѣнно возьмутъ свое.

Миссіонерство слишкомъ отвѣтственное и важное дѣло, чтобы закрывать глаза на его слабыя стороны. Со всѣмъ уваженіемъ къ миссіонерамъ, которые безъ страха дѣйствуютъ въ простотѣ душевной, какъ христіане временъ Павла, каждую минуту ожидавшіе пришествія Христова, нельзя не замѣтить непрактичности и неустойчивости ихъ дѣятельности, разъ она не основывается на благоразуміи.

Что до нашихъ шведскихъ миссіонеровъ въ Кашгарѣ, я скажу, что всѣ они необычайно солидные и достойные люди, съ которыми очень пріятно встрѣчаться, что, къ сожалѣнію, бывало не часто, такъ какъ они жили за городомъ въ жилищахъ, практически устроенныхъ по азіатскому образцу. Гёгбергъ умно разсудилъ, что было-бы опасно немедленно начать миссіонерскую проповѣдь, и вмѣсто того занялся изготовленіемъ разныхъ полезныхъ предметовъ домашняго обихода и ремеслами, полезными для кашгарцевъ. Такъ онъ сдѣлалъ чудесную машину для обработки сырца, изготовлялъ прялки, мѣхи и т. д. къ большому удивленію и восхищенію населенія.

Встрѣчи съ Гёгбергомъ и его женою всегда были мнѣ

пріятны, такъ какъ и они, подобно другимъ миссіонерамъ, съ которыми я сталкивался, были очень любезны и гостепріимны и смотрѣли въ будущее свѣтлымъ взоромъ. Нельзя не питать уваженія къ людямъ, которые убѣжденно борятся за торжество своей вѣры.

XIX.

Въ Маралъ-баши и Лайлыкъ.

Въ 11 час. утра, 17 февраля, я въ сопровожденіи Исламъ-бая, миссіонера Іоганна и Хашимъ-ахуна, выступилъ изъ Кашгара и направился на востокъ, въ Маралъ-баши. Караванъ нашъ состоялъ изъ двухъ большихъ арбъ, на высокихъ колесахъ съ желѣзными шинами; каждую арбу тащила четверка лошадей. Первая арба, въ которой ѣхалъ я съ Іоганномъ, имѣла соломенный верхъ, а внутри была выложена кошмами; заднее отверстіе тунелеобразнаго кузова мы также завѣсили кошмой, чтобы, по возможности, уберечься отъ дорожной пыли. На дно арбы мы набросали ковровъ, подушекъ и тулуповъ, такъ что сидѣть было мягко и удобно, хотя экипажъ нашъ и кидало по неровной дорогѣ изъ стороны въ сторону, точно лодку въ бурю, а грохотъ раздавался такой, что впору было оглохнуть.

Владѣльцы арбъ также ѣхали съ нами, и каждый экипажъ имѣлъ такимъ образомъ своего возницу, который то шелъ пѣшкомъ рядомъ съ лошадьми, то примащивался на передкѣ съ своимъ длиннымъ кнутомъ въ рукахъ и посвистывалъ. Въ другой арбѣ ѣхали Исламъ-бай и Хашимъ; въ ней-же помѣщался весь мой багажъ. Обѣ собаки наши, Джолдашъ и Хамра, были привязаны сзади моей арбы.

Съ грохотомъ и скрипомъ повлекли насъ арбы по большой дорогѣ, вдоль лѣвой стѣны города, къ „Песочнымъ воротамъ“ — Кумъ-дервазе, откуда намъ осталось еще почти два часа пути до Янги-шара, китайскаго Кашгара. Тамъ приключился съ нами комическій эпизодъ. Какой-то китайскій

солдатъ кинулся къ намъ и остановилъ лошадей утверждая, что Хамра его собака. Насъ вмигъ окружила цѣлая толпа зѣвакъ. Я велѣлъ возницѣ ѣхать дальше, но китаецъ кричалъ, жестикулировалъ и бросался плашмя передъ колесами арбы, требуя свою собаку.

Пришлось пойти на компромисъ. Порѣшили, что, если Хамра пойдетъ за китайцемъ, значитъ она его, а если за нами — наша. Едва собаку отвязали, она стрѣлой кинулась по дорогѣ впередъ и исчезла въ облакѣ пыли. Храбрый китаецъ остался съ носомъ, и наградой за хлопоты былъ ему только всеобщій смѣхъ.

День выдался сѣрый, пасмурный, небо хмурилось, вѣтра не было, но въ воздухѣ висѣла туманная мгла, застилавшая видъ. Между ивами, окаймлявшими дорогу, кромѣ того клубилась пыль, подымаемая конными и пѣшими; трактъ этотъ очень бойкій.

Въ Кызылъ-су почти не было воды, да и та, что была, замерзла. Мы свернули на востокъ, и рѣка оказалась у насъ по лѣвую руку. Лишь къ 9 часамъ вечера, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды въ потьмахъ, достигли мы селенія Яманъ-іеръ (дурное мѣсто). Мы четверо помѣстились на постояломъ дворѣ, а возницамъ предоставили ночевать въ арбахъ, чтобы стеречь багажъ отъ воровъ.

18 февраля, миновавъ нѣсколько мѣстечекъ, достигли мы Файзабада (обитель благодати), самаго значительнаго пункта на трактѣ между Кашгаромъ и Маралъ-баши. День пришелся какъ разъ базарный, и узкія улицы, наполненныя пестрой, суетливой толпой, отличались необычайнымъ оживленіемъ.

Сюда стекались жители всѣхъ окрестныхъ селеній, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ на цѣлую недѣлю.

По дорогѣ мы также встрѣчали и нагоняли множество пѣшихъ и конныхъ людей съ разными продуктами сельскаго хозяйства, съ овцами, козами, курами, плодами, сѣномъ, топливомъ, разной утварью и проч. На длинной базарной улицѣ стоялъ шумъ и гамъ, толкотня и брань, слышались громкіе выкрики торговцевъ. Тамъ и сямъ мелькали женщины въ большихъ бѣлыхъ тюрбанахъ съ бѣлыми чадрами, виднѣлись китайцы въ голубыхъ кофтахъ, пробивались сквозь толпу караваны ословъ, — настоящій муравейникъ.

Файзабадскій базаръ замыкается на обоихъ концахъ деревянными воротами, но самое мѣстечко стѣнами не обнесено. Всего въ немъ, если считать и разбросанные кругомъ дворы, дворовъ 700 — 800. Большая часть населенія принадлежитъ къ сартскому племени (джагатай-тюркскому); кромѣ того здѣсь много дунганъ и небольшое число китайскихъ поселенцевъ. Мѣстечко производитъ хлопокъ, рисъ, пшеницу и проч., яблоки, груши, виноградъ, дыни, огурцы и разные другіе овощи.

19 февраля. Вокругъ насъ разстилается ровная сѣровато-желтая безконечная равнина, покрытая толстымъ слоемъ сухой, мелкой пыли (лёса), которая взвивается столбомъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка и набивается повсюду, даже въ шубы, въ мѣшки, находящіеся внутри арбъ, и слоями осѣдаетъ на ихъ крышахъ. Чтобы защититься отъ нея, мы накрыли арбу парусиной отъ палатки; полы ея были спущены спереди настолько, чтобы не закрывать намъ вида. Ѣхать по этой мягкой настилкѣ мягко, точно по перинѣ; колеса арбъ такъ и тонутъ въ ней. Поэтому подвигаемся въ нашихъ тяжело нагруженныхъ экипажахъ очень медленно.

Если идти пѣшкомъ, ноги тоже тонутъ въ пыли, и только кучки ея отмѣчаютъ слѣды. Бѣдныя лошади выбивались изъ силъ; бока ихъ лоснились отъ пота. Пыль выкрасила ихъ всѣхъ подъ одну масть — грязно-сѣрую. Одна лошадь впрягается въ оглобли, а три остальныя бѣгутъ впереди въ длинныхъ постромкахъ. Первая лошадь поддерживаетъ равновѣсіе арбы, и, чтобы не слишкомъ обременять животное, арба должна быть хорошо уравновѣшена кладью. Случись лошади упасть — дѣло будетъ плохо.

Вскорѣ послѣ полудня, мы сдѣлали четырехчасовой привалъ въ караванъ-сараѣ Янги-абада (новое мѣсто). Во дворѣ стояло множество арбъ, нагруженныхъ топливомъ, нарубленнымъ въ ближайшемъ дженгелѣ (лѣсу). Затѣмъ, мы ѣхали въ потьмахъ всю ночь отъ 5 ч. вечера до 5 ч. утра. Качка арбы скоро убаюкиваетъ, и мы спали себѣ, зарывшись въ подушки, тулупы и войлока.

20 февраля. Ночью мы сбились съ пути, такъ какъ и возницы ухитрялись временами вздремнуть. Послѣ шумныхъ поисковъ дороги, гиканья, тпруканья, едва-едва не перевер-

нувшись вмѣстѣ съ арбами, мы выѣхали на настоящую дорогу. Около города Кара-юлгунъ (черный тамарискъ) мы переѣхали по деревянному мосту черезъ Кашгаръ-дарью. Городъ Яй-булакъ (лѣтній источникъ) получилъ свое названіе отъ того, что рѣка здѣсь выходитъ лѣтомъ изъ своихъ ровныхъ, низкихъ береговъ и заливаетъ ихъ на далекое пространство. И теперь, на равнинѣ виднѣлись густо обросшія камышомъ замерзшія болота.

Въ теплое время года большая проѣзжая дорога и дѣлаетъ значительный крюкъ, во избѣжаніе затопленныхъ мѣстъ. Около пяти часовъ пополудни мы доѣхали до мѣста, гдѣ дорога пересѣкалась такимъ замерзшимъ разливомъ рѣки. Лошади бѣжали во всю прыть, выѣхали на ледъ, и онъ затрещалъ и подломился подъ нашей арбой, а сама послѣдняя завязла по ступицы. Выпрягли лошадей изъ другой арбы, припрягли ихъ сзади арбы и послѣ долгихъ усилій удалось таки вытащить ее на сушу.

Попробовали затѣмъ перебраться по льду въ другомъ мѣстѣ, и моя арба переѣхала благополучно, но другая врѣзалась въ ледъ однимъ колесомъ. Пришлось вытаскивать изъ нея весь багажъ и переносить его на рукахъ на другой берегъ. Погода была холодная, непріятная, и Исламъ-бай развелъ для меня на другомъ берегу большой костеръ, у котораго я и грѣлся, пока остальные возились еще съ часъ съ арбою. Въ два часа утра мы добрались до мѣстечка Урдаклика, гдѣ и остановились.

21 февраля. Сейчасъ за станціей начинается рѣденькій тополевый лѣсокъ, который дальше понемногу становился чаще. Дорога мѣстами глубоко врѣзалась въ лёсъ, мѣстами вьется между низкими конусовидными холмами, поросшими тамарискомъ и другими кустарниками. Дунганъ-мазаръ (могила дунганъ) — лянгаръ т. е. постоялый дворъ, съ дворомъ, окруженнымъ навѣсомъ изъ вѣтвей кустарниковъ. Самая могила отмѣчена „тугомъ“, увѣшаннымъ тряпьемъ. Мѣсто нашего дневного привала, Кара-курчинъ, находилось уже въ значительномъ разстояніи отъ рѣки.

22 февраля. Весь день ѣхали лѣсомъ, слывущимъ за убѣжище тигровъ, волковъ, лисицъ, оленей, антилопъ и зайцевъ. Рабатъ Тшурга находится приблизительно въ 7 километрахъ отъ Кашгаръ-дарьи.

Станціонные дворы съ кучами топлива и сѣна, сараями и арбами часто бываютъ очень живописны. Рогатый скотъ, овцы, кошки, собаки и куры очень оживляютъ ихъ; яйца, молоко и хлѣбъ можно достать вездѣ. На этомъ трактѣ преобладаютъ караваныословъ, перевозящихъ между Кашгаромъ и Акъ-су хлопокъ, чай, ковры, кожи и пр. Разстояніе между этими двумя городами достигаетъ почти 550 верстъ, раздѣленныхъ на 18 „эртенговъ"—станцій или дневныхъ перегоновъ. Караванъ или арба не можетъ за день сдѣлать больше одного эртенга. Китайская почта, если везетъ важныя депеши, проѣзжаетъ, однако, весь этотъ путь въ $3^1/_2$ дня.

На каждой станціи есть китаецъ смотритель, завѣдующій почтой, и три магометанина курьера; одинъ изъ нихъ обыкновенно исполняетъ обязанности слуги при смотрителѣ, а два другихъ несутъ почтовую службу. Почтовая сумка доставляется только до ближайшей станціи, откуда ее тотчасъ-же отправляютъ съ новымъ курьеромъ до слѣдующей и т. д. На каждой станціи держатъ болѣе 10 лошадей, и вообще почта отличается быстротой и аккуратностью.

Почтовое сообщеніе между Кашгаромъ и Акъ-су, а также между этимъ послѣднимъ, Карашаромъ и Урумчи, Хами, Сачжоу и Лянь-чжоу-фу, однако, потеряло свое значеніе съ проведеніемъ китайскимъ правительствомъ, по требованію Англіи, телеграфной линіи. И странно видѣть вытянутые правильной линіей телеграфные столбы въ этой азіатской глуши. Когда китайцы проводили линію, ихъ сопровождали цѣлые обозы; сарты снабжали работающихъ и продовольствіемъ и орудіями.

23 февраля. Лѣсъ прерывается на значительномъ разстояніи отъ Маралъ-баши, и дорога портится, а ландшафтъ оголяется и теряетъ всякую живописность. Еще разъ переѣхавъ сухое теперь русло Кашгаръ-дарьи по узкому деревянному мосту, мы миновали китайскую крѣпость Маралъ-баши, обнесенную зубчатою стѣною изъ обожженнаго кирпича, съ башенками по угламъ; гарнизонъ крѣпости состоитъ, говорятъ, изъ 300 чел. Главная базарная улица идетъ съ запада на востокъ, очень длинна, пряма и грязна. По обѣ стороны ея тянутся китайскія и сартскія лавки и ворота караванъ-сараевъ. Мы нашли пристанище себѣ и своимъ мѣшкамъ въ какой-то жалкой лачугѣ.

24 февраля. Въ Маралъ-баши вмѣстѣ съ окрестными кышлаками насчитывается до тысячи дворовъ. Мѣсто это называется иначе Долонъ, и на южныхъ трактахъ, напр. въ Яркендѣ, это названіе въ общемъ употребленіи. Обозначаетъ оно: „дикій лѣсной трактъ“ т. е. область, лишенная городовъ, и примѣняется, слѣдовательно, въ отличіе отъ Кашгара и Акъ-су. Жители гордятся тѣмъ, что они „долоны“ *), но, по языку, обычаямъ и религіи это тѣ же восточные туркестанцы, хотя типомъ отъ послѣднихъ и отличаются, обнаруживая свое чисто уйгурское происхожденіе.

Я прогулялся по этому ничтожному городку, который, подобно Файзабаду, имѣетъ двое маленькихъ воротъ, тоже находящихся на обоихъ концахъ базара; одни ворота называются Кашгаръ-дервазе, другія Акъ-су-дервазе. Обѣ главныя мечети имѣютъ простые глиняные фасады и деревянныя галлереи, обращенныя во дворъ; называются мечети одна Долонъ, другая Музафиръ. Долонъ расположена вблизи воротъ Акъ-су-дервазе, за которыми находится кладбище (габристанъ). Тутъ-же оказалась и Кашгаръ-дарья; воды въ ней было очень мало, и та почти стоячая. Изъ нея выведено нѣсколько арыковъ, приводящихъ въ движеніе мельницы.

Мы посѣтили одну изъ нихъ. Это былъ по просту соломенный навѣсъ на столбахъ. Въ одномъ углу его мололось зерно, между горизонтальными жерновами, привезенными изъ Кашгара и стоившими 100 тенегъ (1 теньга = 20 эре = 10 к.); теперь мололи маисъ (конакъ) и пшеницу (богдай). Мельникъ получаетъ за помолъ $^1/_{16}$ смолотой муки, а смолоть можетъ отъ 32 до 40 чэрекъ въ день.

Въ другомъ углу обдирали рисъ (шалы — сырой рисъ съ шелухой; гручъ — очищенный, бѣлый рисъ безъ мякины). Водяное колесо на горизонтальной оси приводитъ въ движеніе деревянные молотки, ударяющіе въ косо поставленные жолоба, куда кладется рисъ; безпрерывнымъ постукиваніемъ молотками рисъ и очищается отъ шелухи. Просѣявъ рисъ, его опять кладутъ въ жолоба и такъ до трехъ разъ, пока вся мякина не будетъ выброшена. Мельникъ за обдирку получаетъ одну десятую очищеннаго риса и можетъ заработать до 15 чэрекъ въ

*) У Пржевальскаго „дуланы“. *Прим. перев.*

день. Чэрекъ рису стоилъ въ Маралъ-баши четыре теньги, такъ что мельникъ зарабатываетъ 6 тенегъ. Въ этой мѣстности воздѣлываютъ много рису, маису и пшеницы.

Утромъ насъ посѣтилъ китайскій чиновникъ и четыре бека, привѣтствовавшіе меня отъ имени амбаня. Беки были очень учтивы, разговорчивы и нашли мой планъ пересѣчь пустыню Такла-маканъ выполнимымъ. Они разсказали, что нѣкогда въ пустынѣ между Яркендъ-дарьей и Хотанъ-дарьей былъ большой городъ Такла-маканъ, но уже давно засыпанъ песками. Теперь всю пустыню называютъ его именемъ, сокращенно-же иногда по просту Таканъ.

Кромѣ того они сообщили, что въ пустынѣ по слухамъ „не чисто“, и что тамъ есть башни, стѣны и дома, въ которыхъ навалены слитки золота и серебра. Но кто отправится туда съ караваномъ и навьючитъ верблюдовъ золотомъ, никогда не выберется изъ пустыни,—духи пустыни не выпустятъ. Только побросавъ все золото, можно еще спастись. Беки полагали, что, запасшись водой и слѣдуя, сколько можно, вдоль Мазаръ-тага, удастся пересѣчь пустыню; но лошади скоро околѣютъ.

25 февраля. Изъ Маралъ-баши я сдѣлалъ экскурсію на лежащій въ днѣ пути къ востоку отдѣльный кряжъ Мазаръ-тагъ. Сопровождали меня только возница мой, Исламъ-бай и Джолдашъ, и легко нагруженная арба быстро мчала насъ по дорогѣ. Часа черезъ два, сквозь густой, пыльный туманъ стала мелькать темная масса съ зазубреннымъ гребнемъ. Мы свернули съ большой дороги, ведущей въ Акъ-су, направо по степи, покрытой рѣдкими кочками, а затѣмъ дорога пошла между двумя отрогами кряжа, изъ которыхъ правый — дикій, сильно разрушенный вывѣтриваньемъ и размывомъ кряжъ, изъ свѣтлозеленыхъ кристалическихъ сланцевъ, гораздо массивнѣй лѣваго. У подошвъ отроговъ видна кое какая растительность, и тамъ и сямъ разбросаны маленькіе кышлаки.

Неподалеку отъ сѣверо-восточнаго подножія кряжа находится Улугъ-мазаръ (большая могила), окруженный сѣрой стѣной изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича. Сначала попадаешь на большой четыреугольный дворъ; посреди растетъ кустъ, а вокругъ него рядъ воткнутыхъ въ землю шестовъ. Какъ послѣдніе, такъ и кустъ, увѣшаны маленькими флагами

— красными, голубыми, бѣлыми съ красными каемками, вырѣзанными зубцами и фестонами и проч.

Черезъ ворота входишь въ „ханка“ или „домъ молитвы“ устланный половиками. Въ глубинѣ его деревянная перегородка, и за нею самая могила — обыкновенный могильный камень посреди четыреугольнаго темнаго помѣщенія, украшеннаго тугами, флагами, рогами оленей и дикихъ барановъ. Самое зданіе, увѣнчанное куполомъ, возведено изъ обожженнаго кирпича; каждую пятницу его посѣщаютъ благочестивые пилигриммы. На наружномъ дворѣ находится ашпазъ-хана или кухня, гдѣ пилигриммы трапезуютъ.

Мы нашли пріютъ въ одномъ гостепріимномъ домѣ въ кышлакѣ Мазаръ-алды (передъ святой могилой), гдѣ насъ посѣтили мѣстные жители, отъ которыхъ мы получили много важныхъ свѣдѣній. Они сообщили, что Яркендъ-дарья дѣлится здѣсь на два рукава и что по близости есть три большихъ богатыхъ рыбой озера, которыя сильно разливаются во время половодья.

Особенно заинтересовало насъ сообщеніе, что отъ Мазаръ-тага идетъ отрогъ на юго-востокъ черезъ песчаную пустыню къ самой Хотанъ-дарьѣ.

Положиться на это сообщеніе, однако, было трудно, такъ какъ ни одинъ изъ разсказчиковъ самъ не видалъ, какъ далеко заходитъ отрогъ въ пустыню. Одни изъ нихъ называли пустыню Деккенъ-декка, такъ какъ по преданію тамъ погребены подъ пескомъ „тысяча и одинъ“ городъ; золота и серебра тамъ множество. Пробраться по пустынѣ можно на верблюдахъ; воду, можетъ быть, удастся найти въ ложбинахъ и впадинахъ.

26 февраля. Надо было составить себѣ понятіе объ этомъ кряжѣ, и мы отправились въ своей арбѣ съ проводникомъ вдоль восточнаго его подножія. На лѣво у насъ было болото, по берегу котораго шли безплодныя, песчаныя дюны. Черезъ три часа мы добрались до Кудай-дарьи (Лебединая рѣка) сѣвернаго рукава Яркендъ-дарьи, шириной около 110 метр. Хрупкій ледъ могъ сдержать пѣшехода, но ломался подъ арбой. Во льду обмерзла лодка; долоны пользуются ею, когда вода бываетъ высока. Во время лѣтняго половодья оба рукава несутъ огромное количество воды, сливаются, образуя родъ

озера, и затопляютъ большіе участки лѣсовъ, расположенныхъ по правому берегу Яркендъ-дарьи.

На правомъ берегу Кудай-дарьи находилось нѣсколько лачужекъ. Въ началѣ апрѣля нѣкоторые долоны приходятъ сюда со своими стадами и проводятъ здѣсь половину года въ хижинахъ изъ камыша, построенныхъ на мѣстахъ, не подвергающихся затопленію. Эти лѣтніе поселки называются у нихъ яйлаками. Такимъ образомъ это полукочевой народъ.

Дальше проѣхать съ арбой было невозможно, и я продолжалъ путь на лошади съ однимъ спутникомъ. Мы перебрались черезъ Мазаръ-тагъ по довольно затруднительному для проѣзда перевалу, а затѣмъ обогнули кряжъ вдоль западнаго его подножія; тутъ находится озеро Шоръ-куль, т. е. „Соленое“; вода въ немъ, однако, совершенно прѣсная; озеро изобилуетъ тростникомъ и гусями. Самый кряжъ сложенъ здѣсь изъ грубозернистой эруптивной породы, а подошва его окаймлена большими отторженцами самыхъ причудливыхъ формъ.

Шоръ-куль — типичная лагуна — находится на лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи. Дно рѣчного ложа постепенно подымается вслѣдствіе наноса ила и пр. матеріала, уровень воды повышается и, при всякой прибыли воды, ближайшіе береговые участки затопляются. Вернулись мы назадъ черезъ Улугъ-мазаръ. Мазаръ-тагъ сложенъ вообще изъ кристаллическихъ сланцевъ, порфира и сіэнито-подобной горной породы. Возвышается онъ на площади между сливающимися здѣсь Кашгаръ-дарьей и Яркендъ-дарьей и видомъ напоминаетъ развалины мазара.

27 февраля. Направляясь къ NNO, мы вернулись на ведущую въ Акъ-су большую дорогу около Чаръ-бага (четыре сада). Дорога опять пересѣкала Кашгаръ-дарью, развѣтвляющуюся здѣсь на нѣсколько рукавовъ, черезъ которые были перекинуты деревянные мостики. Изъ пыльной мглы, застилавшей видъ, скоро проглянулъ на лѣво небольшой отдѣльный кряжъ Оку-мазаръ-тагъ. На одной изъ его вершинъ возвышается мазаръ Хазретъ-Али. Утромъ было вѣтряно, а къ полудню восточный вѣтеръ разыгрался еще больше; все заволокло непроницаемыми клубами пыли, подымаемой и вѣтромъ и нашими арбами и лошадьми. Изрѣдка мелькали въ этой пыльной мглѣ деревья, кусты дома или мѣстечки. Всѣ

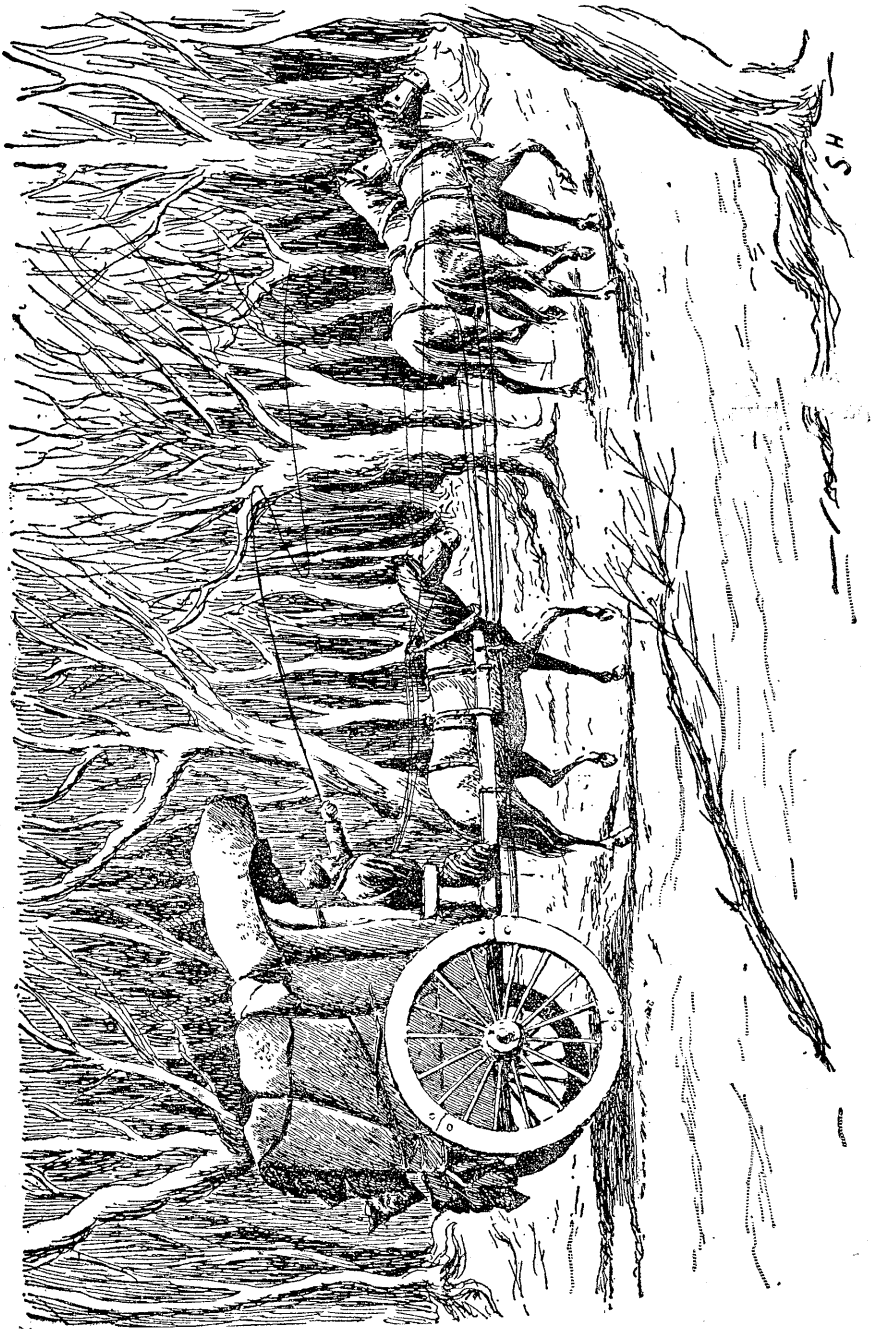
предметы виднѣлись словно сквозь мутную воду. Въ такую погоду въ дорогу, какъ видно, пускались немногіе.

Направо выступилъ кряжъ Тумшукъ (коса) съ четырьмя скалистыми отрогами, обращенными на сѣверъ. Здѣсь много развалинъ домовъ и стѣнъ, расположенныхъ амфитеатромъ; онѣ лѣпились по уступамъ, не превышавшимъ, однако, высотою 20—25 м., словно ласточкины гнѣзда. Ясно можно было различить, что постройки эти принадлежали къ двумъ различнымъ періодамъ. Старѣйшія постройки были возведены изъ обожженнаго краснаго кирпича, а позднѣйшія изъ высушенной на солнцѣ глины. Въ равнинѣ внизу также много различныхъ развалинъ. Это остатки древняго города; на горѣ же, вѣроятно, была воздвигнута для защиты его цитадель. Мѣстность эта теперь безплодна и необитаема; причиной, должно быть, измѣненіе теченія Кашгаръ-дарьи.

28 февраля. Въ часѣ ѣзды къ сѣверо-западу отъ станціи Тумшукъ также находятся развалины, извѣстныя подъ названіемъ Эски-шаръ (старый городъ); мы посѣтили и ихъ. Лучше всего сохранилось какое-то четыреугольное зданіе; каждая изъ его стѣнъ, обращенныхъ одна къ сѣверу, другая къ югу, третья къ востоку и четвертая къ западу, имѣла въ ширину 10 метр.; въ стѣнѣ, обращенной на югъ, были ворота. Матеріаломъ для этой постройки, должно быть, мечети, послужилъ обожженный твердый кирпичъ. Внутренніе углы были украшены лѣпными орнаментами, а ворота орнаментами, высѣченными на кирпичѣ и бывшими, вѣроятно, въ былое время покрытыми эмалью.

Отъ небольшого кряжа по близости идутъ два параллельныхъ отрога на сѣверо-востокъ. Здѣсь мы также нашли развалины кирпичныхъ стѣнъ. Стиль этихъ магометанскихъ построекъ обличаетъ, что давность ихъ не превышаетъ 1150 г.

Буря продолжалась весь день. Около полудня солнце померкло, точно передъ грозой; песокъ и пыль подымались столбомъ и неслись по дорогѣ. Мы поэтому поторопились повернуть назадъ въ Чаръ-багъ. Пренепріятное было возвращеніе: съ каждымъ вдыханьемъ въ ротъ набивалось удушливой пыли; временами даже лошадей впереди арбы не было видно; мы были буквально облѣплены пылью, когда вернулись къ себѣ.



Одна изъ моихъ арбъ въ Кашгарѣ-дарьинскихъ лѣсахъ.
(Съ рисунка автора).

1 марта. Буря улеглась, и мы въ прекрасную погоду вернулись въ Маралъ-баши, гдѣ ожидала меня радость —

кореспонденція съ родины. Моимъ почтовымъ курьеромъ былъ Магометъ Якубъ, старый сартъ изъ Ошa; я видѣлъ его на Мургабѣ и взялъ пока къ себѣ на службу.

Одинъ 80-тилѣтній старикъ, услыхавъ, что мы собираемся отправиться въ пустыню Такла-маканъ, явился ко мнѣ сообщить, что знавалъ въ молодости одного человѣка, который дорогой изъ Хотана въ Акъ-су сбился съ пути, углубился въ пустыню и набрелъ на древній городъ; въ развалинахъ домовъ онъ нашелъ безчисленное множество китайскихъ башмаковъ, но какъ только дотрогивался до нихъ, они разсыпались прахомъ.

Другой путникъ отправился изъ Аксакъ-марала въ пустыню и тоже набрелъ на развалины города, гдѣ и нашелъ много слитковъ серебра. Онъ набилъ ими карманы и мѣшокъ, но, когда хотѣлъ направиться въ обратный путь, откуда ни возьмись, выскочила цѣлая стая дикихъ кошекъ и такъ перепугала его, что онъ побросалъ все и убѣжалъ. Когда страхъ его прошелъ, онъ хотѣлъ опять попытать счастья, но уже не могъ найти того мѣста: песокъ снова поглотилъ таинственный городъ. Мулла изъ Хотана оказался счастливѣе. Онъ запутался въ долгахъ и отправился въ пустыню искать смерти. Вмѣсто того онъ нашелъ тамъ золото и серебро и сталъ богатымъ человѣкомъ. Безчисленное множество людей отправлялись съ тою-же цѣлью въ пустыню и больше не возвращались. Старецъ увѣрялъ, что прежде нужно отогнать злыхъ духовъ и тогда только искать скрытыхъ сокровищъ, теперь-же злые духи околдовываютъ несчастныхъ смѣльчаковъ: голова у нихъ начинаетъ кружиться, и они, сами того не зная, бродятъ все вокругъ одного мѣста, по своимъ слѣдамъ. Такъ они ходятъ, ходятъ, пока не выбьются изъ силъ и не умрутъ отъ жажды.

По окраинамъ пустыни шляется много разнаго безпутнаго люда въ надеждѣ рано или поздно добраться до скрытыхъ сокровищъ. Всѣ эти искатели золота очень подозрительный народъ, котораго надо остерегаться. Обыкновенно это лѣнтяи, надѣющіеся сразу поймать счастье за крылья, а пока промышляющіе воровствомъ и грабежомъ и являющіеся настоящимъ бичомъ мирныхъ окрестныхъ жителей.

Но откуда же берутся такія легенды? Чѣмъ объяснить эти согласныя указанія на погребенные въ пустынѣ города и на

большой древній городъ Такла-маканъ? Случай-ли создалъ эти сказанія, переходящія изъ устъ въ уста по всей области отъ Хотана — черезъ Яркендъ и Маралъ-баши — до Акъ-су? Безъ всякихъ-ли основаній всѣ называютъ древній городъ этотъ однимъ и тѣмъ-же именемъ? Что побуждаетъ туземцевъ съ такими подробностями описывать видѣнныя ими развалины домовъ, увѣрять, что прежде въ глубинѣ пустыни были большіе лѣса, гдѣ водились мускусныя кабарги и другія животныя? Одно желаніе заинтриговать чужестранцевъ?

Не думаю, чтобы всѣ разсказы были игрой случая; они должны имѣть основаніе и источникъ. За ними, гдѣ-то далеко, навѣрно, скрыта истина, служащая имъ основаніемъ, и нельзя пренебрегать ими.

Я заслушивался этихъ легендарныхъ разсказовъ, какъ ребенокъ; они придавали все большую и большую заманчивость опасному путешествію, на которое я рѣшился. Они гипнотизировали меня, я сталъ глухъ и слѣпъ ко всѣмъ опасностямъ, я былъ околдованъ духами пустыни! Даже песчаные вихри, бравшіе начало въ глубинѣ пустыни, казались мнѣ величественными, очаровательными.

Тамъ, на горизонтѣ, рисовались красивыя, мягкія формы песчаныхъ грядъ; я не уставалъ любоваться ими; за ними покоилась мертвенно-тихая невѣдомая, волшебная страна, о существованіи которой ничего не могли сказать самые древніе источники, и я хотѣлъ быть первымъ, вступившимъ въ нее.

2 марта, уладивъ всѣ дѣла, я покинулъ Маралъ-баши и направился на юго-западъ въ селеніе Хамалъ (вѣтеръ), расположенный на лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи. Дорога шла по слегка пересѣченной мѣстности, покрытой травой, кочками и рѣдкимъ кустарникомъ. Въ Хамалѣ живутъ 30 семей, которыя воздѣлываютъ пшеницу и маисъ; орошаются поля арыками. Во время лѣтняго половодья вода затопляетъ большіе участки на берегахъ. Весенняя прибыль воды, вызываемая таяніемъ зимняго льда на рѣкѣ, также способствуетъ значительному переполненію русла, въ чемъ мы могли убѣждаться ежедневно.

3 марта. Наши скрипучіе экипажи уносили насъ все дальше и дальше вдоль лѣваго берега Яркендъ-дарьи, между чащами кустарниковъ и тростника, по тополевымъ рощицамъ,

по песку и болотамъ, ледъ на которыхъ готовился разойтись. Въ чащахъ водятся дикіе кабаны, производящіе большія опустошенія на окрестныхъ поляхъ. Чтобы защищать жатву отъ потравъ, туземцы строятъ около полей караульные шалашики, въ которыхъ и поселяются, когда подходитъ время жатвы.

Маралъ-башинскій амбань заранѣе распорядился, чтобы онъ-баши (десятники) разныхъ мѣстечекъ и городовъ встрѣчали меня на всемъ пути подобающимъ образомъ. Такъ и было. Всюду, гдѣ мы останавливались, намъ отводили помѣщеніе и снабжали всѣмъ необходимымъ.

Въ Аксакъ-маралѣ (хромой олень) 30 домовъ, обитаемыхъ по большей части долонами; они держатъ рогатый скотъ и овецъ, воздѣлываютъ пшеницу и маисъ. Зимы здѣсь холодныя, но снѣгу выпадаетъ немного; весною дуютъ сильные вѣтры, дожди выпадаютъ вообще въ небольшомъ количествѣ и какъ разъ осенью въ пору жатвы, такъ что часто вредятъ послѣдней.

Ночью, когда въ воздухѣ тихо и холодно, атмосфера становится чище. Такъ было и сегодня. Небо было пепельно-сѣрое; вечеромъ, однако, проглянулъ мѣсяцъ; дальше-же, на горизонтѣ все казалось подернутымъ дымкой. Утромъ чистое голубое небо тоже виднѣлось лишь прямо надъ головой, а дальше переходило въ сѣрое.

4 марта. Путь шелъ по обширному болоту, по которому китайскія власти лѣтъ семь тому назадъ велѣли проложить дорогу. Матеріаломъ для гати послужили сваи, брусья, прутья и земля. Словно узкая лента вьется дорога по болоту. Мѣстами гать прерывается, и дорога идетъ по деревяннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ протоки, поддерживающіе сообщеніе водой. Иногда, въ іюнѣ, въ іюлѣ и въ августѣ дорогу всетаки заливаетъ, и тогда ѣдутъ черезъ Кашгаръ. Болото является, въ сущности, мелкою лагуною, и никто не запомнитъ даже, когда оно образовалось. Называется оно Чирайлыкъ-тогрaктасы-куль (красивое озеро съ тополями).

Слѣдующая станція Ала-айгыръ (пѣгая кобыла) — кышлакъ, обитаемый 25 семьями долоновъ. Тотъ-же климатъ, тѣ же условія жизни, что и въ предыдущихъ поселкахъ; и

здѣсь весною дуетъ сильный вѣтеръ съ востока. Вообще трактъ между Маралъ-баши и Яркендомъ очень оживленъ; здѣсь ходятъ китайская почта, караваныословъ, скрипятъ арбы; верблюдовъ же здѣсь рѣдко увидишь.

Ала-айгыръ расположенъ въ километрѣ разстоянія отъ Яркендъ-дарьи; во время лѣтняго половодья вода, однако, подходитъ къ самому кышлаку. Два года тому назадъ береговая линія рѣки и зимою шла подъ самымъ городомъ; съ тѣхъ поръ рѣка обнаружила уклоненіе къ востоку.

5 марта. Сегодня ѣхали 10 часовъ по крайне неудобной дорогѣ, мѣстами залитой водой; колеса арбъ глубоко вязли въ пескѣ и илѣ. Миновали три селенія, а въ четвертомъ, Майнетѣ, остановились въ необычайно опрятномъ лянгарѣ (постоялый дворъ). На стѣнѣ было вывѣшено крупныхъ размѣровъ объявленіе на китайскомъ и тюркскомъ языкахъ слѣдующаго содержанія: „Я (императоръ) слышалъ, что нѣкоторые беки обложили народъ непомѣрными налогами, захватили въ свои руки рыбную ловлю, и желаю, чтобы на такія превышенія власти жаловались ближайшему дао-таю. Если-же послѣдній не внемлетъ жалобамъ, пусть народъ обратится прямо ко мнѣ. Куангъ-Тси.“

Бѣдный императоръ! Онъ никогда не слыхалъ о кышлакѣ Майнетѣ, и мало ему нужды до рыбной ловли въ Яркендъ-дарьѣ.

Въ Майнетѣ 15 домовъ. Поясъ лѣсной растительности, имѣющій здѣсь въ ширину всего нѣсколько километровъ, переходитъ затѣмъ въ пустыню. Волковъ здѣсь много, и они очень вредятъ стадамъ. Тигры въ этой области, напротивъ, повывелись вотъ уже много лѣтъ; только около Ала-айгыра держался одинъ два года тому назадъ.

6 марта. Сначала мы ѣхали нѣсколько километровъ по довольно большому тополевому лѣсу, затѣмъ выѣхали прямо на рѣку, текущую здѣсь двумя большими и нѣсколькими маленькими рукавами. Она была покрыта рыхлымъ льдомъ; только около береговъ виднѣлась открытая вода.

Лайлыкъ (грязное, глинистое мѣстечко) — цѣль сегодняшняго дня — послѣднее селеніе на этомъ трактѣ, подчиненное власти Маралъ-башинскаго амбаня, и граничитъ на югѣ съ Яркендской областью. Здѣсь проживаютъ 15 долонскихъ семей. Въ рѣкѣ водится рыба; максимумъ глубины рѣки въ

половодье превышаетъ, говорятъ, человѣческій ростъ въ 4 раза. Скорость теченія также въ эту пору велика, однако „не догонитъ коннаго“. Конному нужно всего 4 дня, чтобы добраться отсюда до Маралъ-баши, а теченію цѣлыхъ 10.

7 марта. Лайлыкъ сталъ съ нѣкотораго времени нашею главною квартирою, такъ какъ намъ предстояло сдѣлать разныя приготовленія къ предстоявшему путешествію по пустынѣ. Главною нашею заботою было обезпечить себѣ верблюдовъ. Кашгарскіе купцы надули насъ, увѣряя, что въ Маралъ-баши легче всего найти хорошихъ верблюдовъ, — мы во всемъ городѣ едва-ли видѣли одного верблюда. Оставалось попытаться добыть верблюдовъ въ Кашгарѣ, что я и поручилъ Магометъ-Якубу, котораго все равно надо было послать въ Кашгаръ отвезти мои письма и привезти оттуда корреспонденцію на мое имя. Въ Яркендѣ верблюдъ средняго достоинства стоилъ объ эту пору 500 тенегъ, а въ Кашгарѣ 400. Якубъ повезъ письма консулу и аксакалу консульства съ просьбой помочь въ закупкѣ нужныхъ мнѣ верблюдовъ. Черезъ 10 дней Якубъ долженъ былъ вернуться обратно въ Лайлыкъ съ 8 верблюдами и 2 людьми.

Наши возницы съ арбами были отпущены, получивъ за провозъ 200 тенегъ. Они собирались въ Яркендъ, искать заработковъ, и хотѣли по пути нагрузить въ послѣднемъ лѣсномъ участкѣ свои арбы топливомъ. Въ Яркендѣ вязанка топлива, которая составляетъ обычный вьюкъ осла, стоитъ 3 теньги, а въ арбу входитъ 10 такихъ вязанокъ, такъ что каждый возница разсчитывалъ заработать по 60 тенегъ.

Исламъ-баю я поручилъ съѣздить въ Яркендъ закупить разныхъ нужныхъ предметовъ: желѣзныхъ резервуаровъ для воды, хлѣба, рису, веревокъ, разныхъ инструментовъ, какъ напримѣръ кирокъ, топоровъ, затѣмъ кунжутнаго масла, и кунжутныхъ отжимокъ. Масло это идетъ на кормъ верблюдамъ въ пустынѣ. Если давать верблюду въ день по $\frac{1}{2}$ литра масла, онъ мѣсяцъ можетъ обходиться безъ другой пищи. Но еще лучше, разумѣется, если по пути найдется подножный кормъ, на которомъ животныя могли-бы немного подкрѣпиться. Кромѣ того, именно въ мартѣ и въ апрѣлѣ верблюды неохотно идутъ безъ воды долѣе трехъ дней; зимою-же, да по ровной мѣстности, идутъ и шесть и семь дней, если нужно.

Свиту мою, такимъ образомъ, словно вѣтромъ развѣяло; остался одинъ миссіонеръ Іоганнъ.

8 марта я отправился лѣскомъ къ рѣкѣ, чтобы произвести кое-какія наблюденія. Тутъ устроена переправа на паромѣ; отталкиваясь шестами, переправляются на другой берегъ въ 70 секундъ. Подымаетъ паромъ 7 лошадей, 60 ословъ и 20 человѣкъ.

Берега не похожи одинъ на другой. Лѣвый отлогій, ровный, голый, изобилуетъ песчаными отмелями; правый крутой, размытый теченіемъ, богатъ лѣсной растительностью; корни тополей и тамариска высовываются изъ тонкаго аллювіальнаго матеріала. Рѣка сильно размываетъ и напираетъ на правый берегъ. Водная масса, впрочемъ, дѣлаетъ безпрестанно изгибы и повороты, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильнѣе размытъ лѣвый берегъ, но въ общемъ все-же меньше праваго.

Поясъ лѣсной растительности на правомъ берегу приподнятъ надъ водой на 1.84 м. и всетаки вода затопляетъ его въ іюлѣ. Ширина рѣки доходитъ до 61.4 м., максимальная глубина до 1.9 м., скорость теченія до 80.6 сантим. въ сек., а притокъ воды равняется 86.6 куб. метр. въ сек., что является крайне незначительнымъ количествомъ въ сравненіи съ той массой воды, которая несется въ Лобъ-норъ лѣтомъ. Температура равнялась 8.3°; льду не было видно, и вода была прозрачна всего до глубины 5 сант.

XX.

Паломничество.

9 марта. Желая съ пользой употребить время, пока мои люди были въ отсутствіи, я рѣшилъ предпринять съ опытнымъ проводникомъ экскурсію на мазаръ Урданъ-Падишахъ, находящійся въ песчаной пустынѣ въ двухъ дняхъ пути на западъ отъ Лайлыка.

Въ 8 ч. мы сѣли на лошадей и рысью пустились на WNW, сначала по лѣсу, который мало по малу рѣдѣлъ и смѣнился кустарникомъ, затѣмъ по степи, которая въ свою очередь пе-

решла въ песчаную пустыню. Песокъ здѣсь, однако, еще не глубокъ, барханы незначительной высоты; крутые склоны ихъ обращены на западъ, что указываетъ на господство здѣсь въ это время года восточныхъ вѣтровъ.

Было очень интересно проѣхаться по тракту, на который еще не ступала нога европейца. Оставивъ большое селеніе Моголъ (монголъ) вправо, мы сдѣлали привалъ въ Таримѣ; мѣстный бекъ предоставилъ въ наше распоряженіе свое жилище. Мѣста намъ, впрочемъ, не много было надо, такъ какъ мы взяли съ собою въ путь лишь самое необходимое да пару лошадей. Селенія Таримъ и Моголъ имѣютъ каждое по 200 дворовъ; управляются бекомъ и 8 онъ-баши; кромѣ того въ одномъ изъ нихъ проживаетъ китайскій сборщикъ податей. „Таримъ“ означаетъ „пашня“, т. е. воздѣланное мѣсто, и жители говорятъ, что въ былыя времена мѣстность эта дѣйствительно славилась богатыми жатвами и обильнымъ орошеніемъ. Сюда со всѣхъ сторонъ стекались люди для закупки зерна. Измѣненіе этихъ условій, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ измѣненіемъ теченія рѣки. Нынѣ мѣстность орошается большимъ арыкомъ „Ханъ-арыкъ“, который, словно артерія, несетъ живительную влагу изъ рѣки Гезъ и, оросивъ селенія Тазгунъ и Ханъ-арыкъ, простираетъ концы своихъ отпрысковъ сюда.

Притокъ воды, однако, недостаточенъ, неравномѣренъ и непостояненъ, что часто и вызываетъ недородъ. Китайскія власти строго соблюдаютъ правила относительно пользованія Ханъ-арыкомъ, и каждому селенію предоставляется отводить изъ него воду лишь во время извѣстнаго срока. Таримъ уже пользовался своимъ правомъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; черезъ 12 дней воду должны были запрудить, и жителямъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ предстояло обходиться водою изъ колодцевъ. Въ концѣ-же лѣта имъ опять на 34 дня предоставлялось получить свою долю живительной влаги.

10 марта въ 8 часовъ утра мы покинули Таримъ и направились дальше къ западу, по степи, пустырямъ или болотамъ. Я открылъ здѣсь четыре большихъ высохшихъ русла въ 80—100 метр. ширины каждое; направленіе ихъ было NNO. Это могли быть только прежнія русла Яркендъ-дарьи.

Бай-ханъ-куль (озеро богатаго хана) мелководно, содер-

житъ соленую воду и имѣетъ топкіе, поросшіе камышемъ берега; мы то и дѣло увязали здѣсь съ лошадьми. Сюда достигаетъ вода изъ арыковъ Янги-гиссара. Зимою озеро, покрытое льдомъ, имѣетъ наибольшіе размѣры, тогда какъ лѣтомъ почти пересыхаетъ.

На трактѣ Кызылъ-джи мы переѣхали по мосту еще черезъ одинъ рукавъ Янги-гиссарскихъ арыковъ. По близости находится могила святого, называемая Кызылъ-джи-ханымъ. Названіе это возбуждаетъ интересъ, такъ какъ встрѣчается у Эдризи*. Около того мѣста, гдѣ собственно начинается песчаная пустыня, и барханы имѣютъ уже около 8 метр. высоты, находится незначительное селеніе Лянгаръ. Здѣсь проживаетъ во время большихъ годовыхъ праздниковъ дервишъ, который беретъ подъ свой присмотръ лошадей пилигримовъ. Кромѣ того онъ продаетъ путникамъ маисъ и доставляетъ топливо на могилу Урдана.

Отсюда барханы идутъ уже непрерывными грядами, вытянутыми въ направленіи SSW — NNO. Намъ надо было на SSW, поэтому мы часто пользовались промежутками между ними, гдѣ была обнажена твердая глинистая почва.

Въ часѣ пути отъ мазара мы обогнали партію въ 45 пилигримовъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, шедшихъ изъ Лянгара на поклоненіе святынѣ. Пятнадцать мужчинъ несли „туги“ — длинные шесты съ разноцвѣтными и бѣлыми лоскутьями въ видѣ знаменъ. Во главѣ ѣхалъ музыкантъ, игравшій на флейтѣ, а по сторонамъ его шли два барабанщика, изо всѣхъ силъ колотившіе по своимъ инструментамъ. Время отъ времени, всѣ пилигримы разомъ восклицали во все горло: „Алла!“ Дойдя затѣмъ до мѣста, они съ тѣми-же дикими возгласами: „Алла!“ поклонились шейху, а несшіе „туги“ столпились около самаго мазара и стали исполнять религіозный танецъ. Въ сумерки мы добрались до „ханка“ (домъ молитвы). Тутъ-же находилось селеніе, обитаемое 25 семействами, большинство изъ которыхъ, однако, проживаетъ здѣсь лишь временно; только четыре семьи живутъ здѣсь круглый годъ для присмотра за могилой. Главный шейхъ, въ вѣдѣніи котораго находится также могила Хазретъ Бегамъ, былъ въ настоящее время

*) Арабскій географъ XII вѣка. *Прим. перев.*

въ Янги-гиссарѣ. Такъ какъ онъ долженъ постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, то въ каждомъ пунктѣ и имѣетъ по женѣ.

Одинъ изъ постоянныхъ здѣшнихъ жителей говорилъ мнѣ, что за зиму на могилѣ перебываетъ 10,000 — 12,000 пилигримовъ, лѣтомъ-же только тысячъ 5, что объясняется лѣтними жарами и недостаткомъ воды. Пилигримы, пришедшіе съ нами изъ Лянгара, принесли пару мѣшковъ маиса, который и былъ высыпанъ въ большой котелъ, находящійся въ особомъ помѣщеніи при молельнѣ. Маисъ пошелъ затѣмъ на обѣдъ сторожамъ и пилигримамъ, но самый актъ этого жертвоприношенія долженъ былъ обезпечить пилигримамъ урожайный годъ.

Въ селеніи 8 домовъ, расположенныхъ двумя рядами; между ними пролегаетъ по направленію съ востока на западъ улица. Къ сѣверу выглядываютъ еще нѣсколько домовъ изъ бархановъ, которые угрожаютъ и самому селенію.

Мнѣ отвели необычайно уютную комнатку въ верхнемъ этажѣ страннопріимнаго дома. Въ комнатѣ было окно съ деревянной рѣшеткой, изъ котораго открывался видъ на югъ, на песчаное море. Всю ночь на улицѣ шла невѣроятная суетня и шумъ. Пилигримы расхаживали въ торжественной процессіи взадъ и впередъ, играли на флейтахъ, распѣвали, били въ барабаны и размахивали руками. Шумъ, впрочемъ, мало безпокоилъ меня. Я спалъ хорошо и только утромъ меня разбудилъ бѣшенный песчаный вихрь, влетѣвшій ко мнѣ сквозь рѣшетку окна и закрутившійся по комнатѣ.

11 марта посвящено было ближайшему ознакомленію съ этимъ оригинальнымъ пунктомъ паломничества, который былъ посѣщенъ лишь однажды майоромъ Белью (въ апрѣлѣ, 1874 г.). Онъ прибылъ сюда съ запада, я съ востока, и такимъ образомъ наши изслѣдованія взаимно дополняютъ одно другое.

Кромѣ главнаго шейха постоянный персоналъ священнаго мѣста составляютъ имамъ, мутеваллій и двадцать супи, или слугъ. Содержатся они исключительно на счетъ пилигримовъ. Послѣдніе жертвуютъ по мѣрѣ силъ и средствъ: лошадей, овецъ, коровъ, куръ, яйца, хлѣбъ, плоды, халаты и другія полезныя вещи. Всѣ пожертвованія, исключая живот-

ныхъ, кладутся въ самый большой жертвенный котелъ, называемый Алтынъ-дашъ, или „Золотой камень“.

Всѣхъ-же жертвенныхъ котловъ 5; они вмазаны въ глиняный шестокъ въ „Казанъ-хана“ или „Котельномъ домѣ“. Алтынъ-дашъ изъ бронзы и имѣетъ полметра въ діаметрѣ. Говорятъ, что онъ сохраняется со временъ самого Урдана-Падишаха. Затѣмъ идетъ красивый мѣдный котелъ, 1 метра въ діаметрѣ, пожертвованный на могилу Якубъ-бекомъ, который самъ являлся сюда на поклоненіе три раза. Остальные котлы поменьше и разной величины.

При значительномъ стеченіи пилигримовъ „ашъ“ или „палау“ (рисовая каша) варится заразъ для всѣхъ въ самомъ большомъ изъ котловъ. При меньшемъ стеченіи народу, кушанье варится въ котлахъ поменьше, глядя по числу ртовъ. Котельный домъ выстроенъ два года тому назадъ; старый-же наполовину засыпанъ пескомъ надвинувшагося бархана, серповидный рогъ котораго находится всего въ 4 метрахъ отъ новаго дома и грозитъ и ему. Вѣтры, обусловливающіе направленіе бархановъ, дуютъ съ сѣверо-запада.

На навѣтренной сторонѣ ближайшаго бархана, изъ песку выглядываетъ до половины могильный холмъ съ тугами. Говорятъ, что холмъ этотъ существуетъ 710 лѣтъ и скрываетъ прахъ шаха Якубъ-шейха. Судя по тому направленію, по которому движутся барханы, могила скоро должна выступить изъ подъ нихъ совсѣмъ. Барханы имѣютъ въ ширину самое большее 120 метр., а въ высоту 5 м., и такимъ образомъ превышаютъ кровли всѣхъ домовъ въ мѣстечкѣ. Промежутокъ между подвѣтренной стороной этого бархана и юговосточнымъ сосѣдомъ равняется 155 метр. Промежутокъ этотъ представляетъ полосу глины, свободной отъ песку; на ней и возведенъ небольшой поселокъ. Въ сильную бурю песокъ переносится надъ нимъ съ одной гряды барханов на другую. Ханка или домъ молитвы заключаетъ залъ для молитвы съ обращенной на востокъ галлереей о шестнадцати колоннахъ. Около сѣверной окраины селенія бьетъ прѣсный ключъ Джевадъ-ханымъ, образующій довольно чистый водоемъ, обнесенный деревянною загородкой. Разъ въ годъ водоемъ очищается отъ песку. Ключъ бьетъ слабой струею, и при большомъ стеченіи народа въ праздники воды не хватаетъ; приходится прибѣгать къ находяще-

муся въ десяти минутахъ ходьбы дальше солоноватому источнику Чешме (персидское слово, обозначающее источникъ).

Въ двадцати минутахъ дальше на сѣверо-западъ возвышается самый мазаръ, высокое, оригинальное сооруженіе. Это въ сущности частоколъ изъ нѣсколькихъ тысячъ „туговъ“ съ флагами, имѣющій форму Эйфелевой башни и стремящійся къ небу. Видно его издалека, такъ какъ онъ стоитъ на гребнѣ песчанаго холма, въ 12 метр. высоты. Холмъ этотъ попытались закрѣпить, натыкавъ въ песокъ вокругъ мазара вязанокъ камыша; попытка эта удалась лишь до нѣкоторой степени, такъ какъ та часть холма, на которой находится мазаръ, образуетъ на сѣверо-западѣ, т. е. съ навѣтренной стороны, выступъ, которому, теперь угрожаетъ ближайшій сосѣдній барханъ.

Песчаный вихрь все продолжался, и тысячи флаговъ на „тугахъ“ развѣвались и хлопали такъ, что трескъ стоялъ. Туги приносятся сюда пилигримами, и частоколъ все растетъ, да растетъ. Чтобы его не повыдергало вѣтромъ, онъ закрѣпленъ поперечными перекладинами. Частоколъ изъ тугъ поменьше образуетъ вокругъ могилы наружную четыреугольную ограду, высотою въ 30 метровъ.

Имамъ сообщилъ, что Урданъ-Падишахъ, настоящее имя котораго султанъ Али-Арсланъ-ханъ, воевалъ 800 лѣтъ тому назадъ съ народомъ Тогда-рашидъ-Нокта-рашидъ, желая обратить его въ исламъ. Въ самый разгаръ битвы „кара-буранъ“ или черный песчаный ураганъ похоронилъ его и все его войско. Въ исторіи восточно-туркестанскихъ сказочныхъ героевъ Урданъ и донынѣ играетъ большую роль.

Вечеромъ мы отправились черезъ селенія Достъ-булакъ (источникъ друга), Хорасанъ и Псэнъ прямо на сѣверъ въ Ачикъ (горькій). Тамошній юзъ-баши принялъ насъ очень ласково и сообщилъ мнѣ много свѣдѣній относительно климата и дорогъ.

12 марта. До Тарима оставалось ѣхать 8 часовъ. Мы сѣли на коней рано утромъ и двинулись, несмотря на сильный сѣверо-западный вѣтеръ. Мѣстность между этими двумя селеніями носитъ степной характеръ. Тамъ и сямъ попадаются густыя заросли тамариска, репейника и травяныя кочки; послѣднія, высохнувъ вырываются часто вѣтромъ, скатываются имъ въ шары, и въ такомъ видѣ носятся по землѣ.

Верхній, почвенный слой представляетъ тонкій сухой подвижный матеріалъ; вѣтеръ подымаетъ его и гонитъ, какъ дымъ. Часто приходилось также ѣхать по топи, образованной застоявшимися арычными водами, а иногда и дѣлать объѣзды, чтобы не завязнуть въ болотѣ. Нѣсколько разъ сбивались съ пути, но опять выбирались на дорогу, благодаря указаніямъ пастуховъ, пасшихъ овецъ и козъ.

Солнце такъ и не показывалось; небо было желто-огненнаго цвѣта, переходившаго мѣстами въ пепельный. Миновавъ поселокъ Кёттекликъ (мертвый лѣсъ), мы, наконецъ, достигли Тарима; какъ мы, такъ и лошади наши, были совершенно сѣры отъ насѣвшей на насъ пыли.

13 марта. Буря все продолжается, но вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, перешелъ сначала въ сѣверный, потомъ въ сѣверо-восточный. Это былъ, слѣдовательно, трехдневный, такъ называемый сарыкъ-буранъ (желтый вихрь), заволакивающій небо желтой мглой.

Изъ Тарима мы направились къ юго-востоку въ селеніе Терекъ-лянгаръ (тополевый заѣзжій дворъ) на Яркендъ-дарьѣ. Пришлось ѣхать рысью девять часовъ по „ала-куму", т. е. по мѣстности, гдѣ степные участки перемежаются песчаными. Неподалеку отъ рѣки, мы переѣхали по мосту черезъ большой Ханды-арыкъ, выведенный изъ Яркендъ-дарьи въ одномъ дневномъ переходѣ отсюда и снабжающій водой много селеній. Девять лѣтъ назадъ онъ былъ исправленъ по приказанію китайскихъ властей; говорятъ, надъ нимъ работало одиннадцать тысячъ человѣкъ.

Сооруженіе этого гигантскаго канала, вѣроятно, было значительно облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ проложенъ по одному изъ прежнихъ руслъ Яркендъ-дарьи. Между арыкомъ и рѣкой ясно видно нѣсколько старыхъ береговыхъ линій, и здѣшніе жители увѣряли меня, что рѣка прежде текла подлѣ самого города, находящагося теперь въ разстояніи трехъ километровъ отъ нея. Они, впрочемъ, очень довольны такимъ капризомъ рѣки, такъ какъ могутъ расширить свои поля за счетъ аллювіальныхъ рѣчныхъ наносовъ.

14 марта песчаный буранъ стихъ немного, такъ какъ вѣтеръ перешелъ въ восточный. Я часто замѣчалъ, что бураны начинаются съ запада, затѣмъ завертываютъ чрезъ сѣ-

веръ къ востоку. Мы повернули на сѣверо-востокъ, къ Лайлыку и долго ѣхали вдоль рѣки по самому берегу, который мѣстами сильно размытъ, возвышается отвѣсной стѣной, имѣющей высоту до 4 метр. и обнаруживающей горизонтальные слои тонкаго желтаго матеріала — пыли, песку и аллювія, закрѣпленные безчисленными корнями растеній, свѣшивающихся иногда въ самую воду.

Первая половина пути лежала черезъ цѣлый рядъ селеній. Затѣмъ, мѣстность приняла пустынный характеръ, сохранявшійся до самаго лѣса около Лайлыка, куда мы прибыли тотчасъ послѣ полудня и нашли все въ наилучшемъ порядкѣ подъ присмотромъ Іоганна.

Дервишъ изъ Восточнаго Туркестана.
(Съ рисунка автора).

15 марта. Настало время долгаго испытывающаго терпѣніе ожиданія. День проходилъ за днемъ, а о верблюдахъ не было ни слуха, ни духа. Я могъ-бы совершенно обойти эти 25 дней молчаніемъ, но нахожу въ своемъ дневникѣ нѣсколько записей, не лишенныхъ интереса.

Пользуясь временемъ, мы собирали всевозможныя свѣдѣнія о пустынѣ, находящейся на востокъ. И вотъ, однажды, намъ разсказали о двухъ жителяхъ селенія Янтакъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ отправились по правому берегу рѣки прямо на востокъ, захвативъ съ собою продовольствія на 12 дней. На третій день они пришли къ очень глубокому, каменистому рѣчному ложу, черезъ которое былъ перекинутъ полуразрушившійся деревянный мостъ. Переходъ по мосту былъ невозможенъ, и они сперва порѣшили идти вверхъ по руслу, но, не найдя въ этомъ направленіи воды, повернули и пошли внизъ по руслу; по пути они

видѣли много залежей нефрита и черезъ семь дней тяжелаго пути добрались до кряжа Мазаръ-тага, гдѣ росъ камышъ и можно было дорыться до грунтовой воды.

Въ легендахъ живетъ еще одинъ таинственный городъ Шаръ-и-катакъ, или по просту Ктакъ, также волнующій фантазію мѣстныхъ жителей. Мѣстоположеніе его указывается различно. Въ Лайлыкѣ утверждали, что онъ лежитъ въ разстояніи 5 потаевъ (потаи — собственно путевые знаки, отстоящіе другъ отъ друга приблизительно на 4 версты) на западъ отъ селенія, и что одинъ человѣкъ много лѣтъ тому назадъ видѣлъ тамъ его развалины; съ тѣхъ-же поръ, сколько его ни искали, все тщетно. По разсказамъ лайлыкскихъ жителей только одинъ Аллахъ можетъ указать путь къ этому городу; иначе его не найти и во вѣки вѣковъ.

Затѣмъ, мнѣ сообщили, что какъ разъ на этихъ дняхъ намѣревалась выступить изъ Яркенда въ пустыню партія изъ 12 человѣкъ на поиски золота. Для такихъ экскурсій вообще выбираютъ весеннее время, полагая, что весенніе песчаные вихри обнажаютъ золото. Мѣсяцъ тому назадъ, отправился туда еще одинъ человѣкъ, но до сихъ поръ не вернулся. Въ Яркендѣ разсказываютъ, что путники время отъ времени слышатъ въ пустынѣ голоса, зовущіе ихъ по имени, но стоитъ пойти на такой голосъ, чтобы заблудиться и погибнуть отъ жажды.

Интересно сравнить эти разсказы съ тѣмъ, что говоритъ о великой пустынѣ Лобъ венеціанецъ Марко Поло. „Объ этой пустынѣ разсказываютъ диковинныя вещи, напр., что, если кому изъ путниковъ случится ночью отстать или заснуть и т. п., то, догоняя затѣмъ товарищей, онъ слышитъ голоса духовъ, разговаривающихъ голосами его товарищей. Иногда духи называютъ его по имени, и путникъ, сбитый ими съ толку, часто совсѣмъ теряетъ слѣды товарищей. Такимъ образомъ погибаютъ многіе“.

Вернулся изъ Яркенда Исламъ-бай и привезъ четыре челека (желѣзныя водохранилища), шесть бурдюковъ, масла и кунжутныхъ отжимокъ для верблюдовъ, керосина, хлѣба, талкана (поджаренная мука), гомана (макароны), меда, мѣшковъ, лопатъ, кирокъ, кнутовъ, уздечекъ, посуду — все въ надлежащемъ количествѣ.

18 марта. Я имѣлъ за это время достаточно случаевъ убѣдиться въ зависимости инсоляціи отъ большей или меньшей насыщенности атмосферы пылью. Такъ, когда воздухъ былъ почти чистъ, инсоляція доходила до 46°, а послѣ сильнаго песчанаго бурана понизилась до 20.6° (16 марта), затѣмъ воздухъ мало-по-малу снова прочистился, и 17 марта инсоляція дошла уже до 27.6°, а на слѣдующій день до 36.6°.

Въ то же время минимальный термометръ понижается за ночь послѣ прекращенія бурана и проясненія атмосферы. До бурана минимальный термометръ показывалъ напр. —6°, послѣдній день бурана обнаружилъ повышеніе —0.4°, а по прекращеніи упалъ опять до —2°, а затѣмъ до —3.5°. Иными словами, лучеиспусканіе увеличивается по мѣрѣ того, какъ пыль осѣдаетъ на землю или уносится вѣтромъ. Точно такъ же температура воздуха въ полдень въ тѣни обнаруживаетъ повышеніе, соотвѣтственно проясненію атмосферы. Такъ 16, 17 и 18 марта она съ 5.4° поднялась до 7.4° и до 11°. Атмосферная пыль оказываетъ, слѣдовательно, значительное вліяніе на показаніе метеорологическихъ приборовъ.

19 марта мы собрались въ большое селеніе Меркетъ на правомъ берегу Яркендъ-дарьи, откуда предполагали выступить съ караваномъ въ пустыню. Утромъ и явилась цѣлая толпа жителей Меркета, чтобы проводить насъ въ свое селеніе. Самъ бекъ Магометъ-Ніазъ явился съ дарами — курицей, яйцами и дастарханомъ. Это былъ высокій человѣкъ, съ жиденькой бѣлой бородой и строгимъ энергичнымъ взглядомъ. Для перевозки нашего багажа были взяты вьючные лошади, и, щедро расплатившись и деньгами и подарками съ Лайлыкскимъ онъ-баши и его славной женой, которые оба оказывали мнѣ всякое вниманіе во время моего пребыванія въ ихъ гостепріимномъ домѣ, мы направились къ парому, который и перевезъ насъ съ нашей многочисленной свитой и багажомъ въ четыре пріема.

На югѣ таяніе льда явно прекратилось, такъ какъ уровень воды въ рѣкѣ понизился съ 8 марта на 28 сант. и продолжалъ понижаться.

Черезъ четверть часа ѣзды въ юговосточномъ направле-

ніи, мы миновали селеніе Ангытлыкъ, орошаемое восточнымъ рукавомъ Яркендъ-дарьи. Черезъ часъ мы были въ селеніи Чамгырлыкъ, а еще черезъ три четверти часа прибыли въ Меркетъ. Мѣстный бекъ предоставилъ въ наше распоряженіе свой домъ, и мы расположились по домашнему въ большомъ, удобномъ, устланномъ коврами покоѣ съ нишами въ стѣнахъ.

Меркетъ вмѣстѣ съ окрестными кышлаками насчитываетъ тысячу дворовъ; 260 изъ нихъ расположены вблизи базара. Въ селеніи Янтакъ, лежащемъ неподалеку, 300 дворовъ. Вмѣстѣ съ Ангытлыкомъ и Чамгырлыкомъ Янтакъ составляетъ бекство, тогда какъ Меркетъ имѣетъ своего отдѣльнаго бека.

Въ Меркетѣ живутъ два сборщика податей, десять китайскихъ купцовъ и четыре индусскихъ ростовщика изъ Шикарпура. Область эта плодородна; здѣсь хорошо родятся пшеница, маисъ, овесъ, бобы, рѣпа, огурцы, дыни, свекла, виноградъ, абрикосы, персики, тутовыя ягоды, яблоки, груши и хлопокъ. Въ урожайные годы большое количество зерна всякаго рода вывозится въ Кашгаръ и Яркендъ, зато въ неурожайный приходится привозить хлѣбъ изъ Яркенда.

Меркетъ, хотя и лежитъ такъ близко отъ Яркендъ-дарьи, не пользуется для орошенія своихъ полей и каплей воды изъ нея, получая всю нужную влагу изъ рѣки Тызнапа, текущей параллельно Яркендъ-дарьѣ. Когда притокъ воды незначителенъ, рѣка эта доходитъ только до Янтака, въ другое-же время она течетъ далеко на сѣверъ и образуетъ два небольшихъ озера, которыя лишь въ половодье наполняются водой. По правому берегу тянется полоса лѣса шириною самое большее въ 20 килом.

Зимы здѣсь холодныя и малоснѣжныя; снѣгъ быстро таетъ; лѣто бываетъ очень жаркое. Дожди выпадаютъ равномѣрно въ теплое время года и иногда размываютъ плоскія крыши домовъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ обычное явленіе. Бури длятся отъ двухъ до четырехъ дней и всегда сопровождаются пыльными туманами и осадками, которые покрываютъ растительность словно сѣро-желтымъ пухомъ.

Замѣчательно, что Меркета до сихъ поръ никогда не посѣщалъ ни одинъ европеецъ. Самое названіе его впервые

встрѣчается въ описаніи путешествія генерала Пѣвцова *) (онъ пишетъ „Мекетъ"), который, однако, не могъ пробраться туда по случаю высокой воды. Китайцамъ-же это мѣсто давно извѣстно; оно упоминается въ изданномъ въ 1823 г. трудѣ „Сиюй-шуй-дао-цзи, подъ именемъ Май-ге-те. По китайской транскрипціи Янтакъ (или Янтаклыкъ) становится Янъ-ва-ли-ке, а Тызнапъ — Тинъ-цза-бу. Авторъ китайскаго труда сообщаетъ, что рѣка эта (Тызнапъ) соединяется съ Яркендъ-дарьей. Такъ оно и должно было-бы быть, если-бы воды ея не отводились арыками и не терялись въ маленькихъ озерахъ. 80 же лѣтъ тому назадъ описаніе китайцевъ и могло соотвѣтство-вать истинѣ.

И тутъ есть золотоискатели. Одинъ человѣкъ разсказывалъ, что онъ вмѣстѣ съ другими цѣлыхъ 20 дней бродилъ пескамъ. Они взяли съ собой провизіи и воды на ослахъ. Послѣ по семи дней пути на ONO по мощнымъ дюнамъ, они достигли обширнаго кряжа. Кое-гдѣ они видѣли кусты тамариска и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могли докопаться до воды. Человѣкъ этотъ, какъ и многіе другіе, каждый годъ отправлялся въ пустыню попытать счастья, но пока еще не находилъ ничего. Тутъ называли пустыню „Такла-маканъ" и полагали, что съ хорошими, сильными верблюдами мы навѣрно пройдемъ ее поперекъ до Хотанъ-дарьи.

Вечеромъ у насъ былъ общій пріемъ. Бекъ Ніазъ и онъ-баши изъ Ангытлыка, Тогда-ходжа, подарили намъ по барану, а индусы щедро снабдили насъ картофелемъ и масломъ, особенно желанными для насъ продуктами. Кромѣ того насъ угостили музыкой, меланхолическими звуками цитры и „калына" (родъ гусель).

20 марта. Тогда-ходжа, славный почтенный человѣкъ, навѣщалъ меня очень часто и засиживался въ бесѣдѣ со мной цѣлыми часами. Когда я, все не слыша ничего о верблюдахъ, начиналъ терять терпѣніе, онъ успокаивалъ меня, повторяя самымъ спокойнымъ и убѣжденнымъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій: „келхеды, келхеды" (придутъ, придутъ). Но они все не приходили, а дорогое время уходило. Я съ горечью предчувствовалъ, что мы такимъ образомъ сами накликаемъ бѣду на свои головы, такъ какъ весна все болѣе

*) „Труды Тибетской Экспедиціи", изд. Русскаго Географическаго Общества, т. I, стр. 77.

и болѣе вступала въ свои права, а въ жаркое время пустыня становится раскаленной печью.

Тогда-ходжа снабжалъ меня тѣмъ временемъ цѣнными свѣдѣніями. Такъ однажды онъ сообщилъ мнѣ, что жители Меркета долоны и, какъ по языку, такъ и по типу, тѣ-же кашгарцы; лишь нѣкоторыя слова у нихъ различны. Но зато Тогда-ходжа находилъ, что жители Меркета очень непохожи на своихъ сосѣдей нравомъ. Они жестоки, холодны и такъ злопамятны, что какая нибудь пустячная ссора выростаетъ съ годами въ настоящую вражду.

Религіозныя постановленія ислама соблюдаются строго. Такъ одинъ человѣкъ въ послѣдній базарный день, пришедшійся въ серединѣ поста, поѣлъ до захода солнца. Его тотчасъ же арестовали, наказали палками и, затѣмъ, со связанными руками, на веревкѣ провели по всему базару, чтобы всѣ могли смѣяться и глумиться надъ нимъ вдоволь. На каждомъ углу базара ему предлагали вопросы: Ты ѣлъ? — Да! — А ты будешь еще такъ дѣлать? — Никогда! — Иногда такому грѣшнику еще вымазываютъ сажей все лицо, прежде чѣмъ вести его по улицамъ.

21 марта я посѣтилъ базаръ. Онъ очень обширенъ, каждому товару отведено свое мѣсто. Разъ въ недѣлю, въ базарный день, прилавки и лотки съ товарами выносятъ изъ домовъ и разставляютъ на площадяхъ передъ ними. На площадкахъ сидятъ также массы женщинъ и шьютъ. Женщины ходятъ здѣсь безъ покрывалъ, обыкновенно съ непокрытыми головами, и носятъ свои длинные густые черные волосы заплетенными въ двѣ косы; иногда надѣваютъ также маленькія круглыя шапочки. Особенно любимое занятіе ихъ — искать другъ у друга въ головѣ, и часто видишь, какъ то одна, то другая уткнется головой въ колѣни товарки.

Около самого города тянется съ SSW на NNO барханъ, высотою отъ 8 до 10 метр., такой правильной формы, точно искусственная насыпь. Съ вершины его, гдѣ возвышается мазаръ Чимъ-дере, открывается великолѣпный видъ на весь городъ, на его покрытые плоскими кровлями дома, обнесенные небольшими четыреугольными дворами.

22 марта, наконецъ, вернулся изъ Кашгара Магометъ-Якубъ съ объемистой почтой, но безъ верблюдовъ. Итакъ,

мы не подвинулись ни на шагъ съ начала мѣсяца. Тутъ ужъ вступился въ дѣло мой славный Исламъ-бай. На слѣдующій-же день онъ отправился въ Яркендъ, рѣшивъ, что не вернется безъ верблюдовъ. Счастье еще, что метеорологическія и астрономическія наблюденія, привезенная почта и старый Тогда-ходжа помогали мнѣ коротать время.

Миссіонеръ Іоганнъ, напротивъ, доставлялъ мнѣ мало радости. Онъ принадлежалъ къ числу современныхъ болѣзненно религіозныхъ людей, которые не допускаютъ, чтобы истинное христіанство могло уживаться съ жизнерадостностью и хорошимъ настроеніемъ духа. Вѣроятно, причиной такихъ взглядовъ являлось отчасти то обстоятельство, что онъ былъ обращенный въ христіанство магометанинъ; такіе прозелиты часто становятся куда нетерпимѣе своихъ учителей. Вообще-же онъ былъ малый услужливый, но, повидимому, очень скучалъ.

Нѣсколько дней спустя, у меня сдѣлалась мучительная опухоль въ горлѣ—„горкакъ“, обычная здѣсь болѣзнь. Полосканье, по совѣту бека, теплымъ молокомъ не помогало, и бекъ предложилъ мнѣ прибѣгнуть къ содѣйствію заклинателей—„пери-бакши“. Я сказалъ, что не вѣрю въ такіе фокусы-покусы, но что во всякомъ случаѣ готовъ принять „пери-бакши“.

Въ сумеркахъ, когда комната моя освѣщалась только свѣтомъ углей на шесткѣ, ко мнѣ вошли трое высокихъ бородатыхъ мужчинъ въ длинныхъ бѣлыхъ покрывалахъ. У каждаго было по барабану („дуффъ“), обтянутому крѣпкой телячьей кожей. Они выбивали на барабанахъ дробь пальцами, ударяли по нимъ ладонью плашмя и колотили кулаками, производя въ общемъ такой шумъ, что, я думаю, за версту было слышно.

Они обрабатывали свои барабаны съ необычайной быстротой, притомъ удивительно дружно. Такъ, послѣ нѣкотораго перебиранья пальцами, они всѣ разомъ хлопали ладонью, а затѣмъ нѣсколько разъ равномѣрно ударяли кулаками, опять перебирали пальцами и т. д. безъ малѣйшаго перерыва, не сбиваясь съ лада. При этомъ они то сидѣли, то вдругъ, воодушевляясь своей своеобразной музыкой, вскакивали и пускались въ плясъ, то подбрасывали барабаны кверху и съ трескомъ ловили ихъ. Каждый такой пріемъ продолжался пять минутъ, и слѣдовали они въ извѣстномъ порядкѣ, что и обусловливало стройность исполненія. Для того-же, чтобы обратить въ бѣг-

ство злого духа, надо проиграть весь мотивъ девять разъ, и, разъ заклинаніе началось, невозможно остановить заклинателей прежде, чѣмъ они доведутъ его до конца.

Услугами заклинателей пользуются, главнымъ образомъ, больныя женщины и родильницы, такъ какъ женщины куда суевѣрнѣе мужчинъ. Заклинатель, входя въ помѣщеніе, гдѣ находится больная, внимательно вглядывается въ пламя свѣтильника, по которому, какъ онъ говоритъ, онъ узнаетъ, одержима-ли женщина злымъ духомъ. Затѣмъ онъ начинаетъ обрабатывать свой барабанъ въ присутствіи родныхъ и друзей больной, толпящихся въ помѣщеніи и за дверями.

Церемонія этимъ не кончается. Послѣ того, какъ отбитъ послѣдній тактъ, заклинатель остается наединѣ съ больной и накрѣпко вгоняетъ въ земляной полъ палку, верхушка которой обмотана привязанной къ потолку крѣпкой веревкой. Больная изо всѣхъ силъ тянетъ за веревку, а заклинатель продолжаетъ барабанить. Наконецъ, ей удается оборвать веревку, и, значитъ, злой духъ выгнанъ.

Такую-же силу приписываютъ соколамъ, почему и называютъ ихъ „кушъ-бакши“ (соколъ-заклинатель). „Пери“, или злые духи, боятся его. Разсказываютъ, что женщина во время родовъ видитъ, какъ вокругъ нея вьются злые духи, причиняющіе ей мученія; другой-же никто не можетъ видѣть ихъ кромѣ сокола; его поэтому впускаютъ въ комнату, и онъ сразу изгоняетъ ихъ. Дѣло, вѣроятно, по-просту въ томъ, что какъ соколъ, такъ и барабаны и веревка съ палкой, отвлекаютъ вниманіе больной отъ ея страданій, и она до нѣкоторой степени забываетъ о нихъ.

26 марта. Бекъ Ніазъ держитъ на дворѣ судъ и расправу, и иногда довольно громко. Самъ онъ сидитъ около столба, подпирающаго крышу галлереи, и ведетъ допросъ съ ужасно строгимъ видомъ. Рядомъ, на площадкѣ, сидитъ его „мирза“ и записываетъ показанія, вокругъ стоятъ слуги и исполнители правосудія съ длинными прутьями, а передъ бекомъ сами преступники.

Сегодня разбиралось нѣсколько своеобразныхъ дѣлъ. У одного человѣка было пять женъ. Самая младшая, молодая, красивая, крѣпко сложенная женщина взяла, да бѣжала отъ мужа въ Кашгаръ съ другимъ. Бекъ увѣдомилъ кашгарскія

власти, женщину задержали и отправили обратно въ Меркетъ. Послѣ того, какъ женщина призналась въ нарушеніи супружеской вѣрности, бекъ далъ ей двѣ пощечины, и женщина принялась вопить. Въ оправданіе свое она могла сказать одно, что ей не въ мочь было уживаться съ четырьмя другими женами. У нея былъ при себѣ ножъ, и бекъ спросилъ для чего она его носитъ; на это женщина отвѣтила, что рѣшила умертвить себя, если ее принудятъ вернуться къ мужу. Въ наказаніе ее отправили на нѣкоторое время къ муллѣ для исправленія, а потомъ пусть съ миромъ вернется домой.

Затѣмъ, была приведена молодая женщина съ окровавленнымъ, исцарапаннымъ лицомъ; ее сопровождалъ мужъ. И эта бѣжала отъ мужа, но онъ самъ поймалъ ее и жестоко расправился съ нею. Многіе свидѣтели утверждали, что у него при этомъ была въ рукахъ бритва, но онъ отрицалъ это. Чтобы заставить его признаться, бекъ приказалъ связать ему руки за спиною и подвѣсить за руки къ вѣткѣ дерева. Виновный не замедлилъ сознаться. Тогда его сняли и угостили 40 ударами по мягкимъ частямъ. Но такъ какъ онъ утверждалъ, что и жена била его по спинѣ, то его раздѣли и, не найдя знаковъ, прибавили еще порцію.

Вообще правосудіе въ этомъ глухомъ углу вещь очень растяжимая. Если обвиняемый можетъ хорошо заплатить, то онъ избѣгаетъ наказанія, а бекъ во всякомъ случаѣ получаетъ нѣсколько тенегъ за труды. Если жалобщикъ не доволенъ судомъ, онъ можетъ прибѣгнуть къ высшей инстанціи — ближайшему китайскому мандарину, которому бекъ и долженъ дать отчетъ. Китайцы вообще поступаютъ умно, предоставляя туземцамъ самоуправленіе по мѣстнымъ законамъ и обычаямъ, установившимся еще въ правленіе Якубъ-бека.

Нарушенія супружеской вѣрности, однако, не рѣдки, и не особенно строго наказываются. Обыкновенно женщинѣ вымазываютъ сажей все лицо, сажаютъ на ослицу, лицомъ къ хвосту, связываютъ ей на спинѣ руки и провозятъ по всѣмъ улицамъ и базарамъ. Одноженство вообще правило; многоженство — рѣдкое исключеніе. Женщина, вступившая въ бракъ съ китайцемъ или европейцемъ, считается оскверненной, и по смерти ее не хоронятъ на общемъ кладбищѣ: трупъ жившей съ тѣмъ, кто „ѣлъ свинину“, можетъ осквернить другія могилы.

„Калымъ“ здѣсь такъ-же узаконенъ обычаемъ, какъ и у киргизовъ. Размѣры его зависятъ отъ средствъ и положенія жениха; уплачиваютъ его родителямъ невѣсты. Богатый женихъ платитъ 2 ямбы (около 180 рублей). Бѣдный женихъ отдѣлывается угощеніемъ и платьями невѣстѣ. Размѣръ калыма опредѣляютъ родители невѣсты по своему усмотрѣнію; красота и другія физическія достоинства невѣсты играютъ меньшую роль, нежели у киргизовъ. Если молодые люди полюбили другъ друга и хотятъ жениться, а родители не даютъ согласія, то парочка часто перебирается въ другое селеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они, однако, въ большинствѣ случаевъ возвращаются къ родителямъ и приглашаютъ ихъ къ себѣ въ гости, послѣ чего все улаживается къ общему удовольствію.

Въ другой разъ беку пришлось судить двухъ людей, игравшихъ на деньги. У одного изъ нихъ была глубокая рана около уха, и лицо все въ крови. Оказалось, что онъ проигралъ другому семь тенегъ и обѣщалъ добыть деньги на базарѣ, но выигравшій требовалъ ихъ немедленно. Тогда проигравшій выхватилъ ножъ и ударилъ себя въ ухо, крича: „Вотъ тебѣ вмѣсто денегъ!“ Бекъ присудилъ выигравшаго къ хорошей публичной поркѣ; другого-же порка ожидала послѣ того, какъ заживетъ рана. Выигрышъ, разумѣется, пошелъ въ пользу бека.

XXI.

Въ пустыню.

8 апрѣля, наконецъ, вернулись Исламъ и Якубъ. Большихъ хлопотъ и торговъ стоило имъ купить въ Каргалыкѣ восемь отличныхъ, тщательно выбранныхъ верблюдовъ по 120 кронъ (около 60 рублей) за голову. Мѣстные жители узнали о томъ, что верблюды намъ необходимы, и подняли цѣны вдвое, втрое, что очень и затруднило покупку.

Кромѣ того требовались именно верблюды, привычные ходить по пустынѣ, по песку, по жарѣ, безъ воды и корма.

Поэтому люди мои не столько обращали вниманіе на наружный видъ и общія достоинства верблюдовъ, сколько именно на указанныя спеціальныя качества. Утромъ я далъ верблюдамъ имена и измѣрилъ ихъ, опоясавъ туловище между горбами, чтобы знать потомъ, какъ отзовется на нихъ странствованіе по пустынѣ. Вотъ перечень ихъ:

	Возрастъ.	Объемъ туловища.
Акъ-тюя (бѣлый верблюдъ)	8 лѣтъ	2.37
Богра (верблюдъ двугорбый)	4 „	2.35
Нэръ (самецъ)	2 „	2.25
Баба (старикъ)	15 „	2.28
Чонъ-кара (большой черный)	3 „	2.23
Кичикъ-кара (маленькій черный)	2 „	2.22
Чонъ-сарыкъ (большой желтый)	2 „	2.30
Кичикъ-сарыкъ (маленькій желтый) . .	$1\frac{1}{2}$ „	2.14

Мало подозрѣвали мы тогда, что лишь одинъ верблюдъ Чонъ-кара переживетъ это путешествіе. Правда, и Акъ-тюя прошелъ черезъ пустыню, но околѣлъ отъ изнуренія. Это былъ славный бѣлый верблюдъ, выступавшій во главѣ каравана, позванивая колокольчикомъ, съ большимъ тяжелымъ желѣзнымъ языкомъ. Богра, мой верховой верблюдъ, былъ удивительно статенъ, выносливъ и кротокъ. Нэръ былъ забіяка, порывавшійся укусить или лягнуть каждаго, кто подходилъ къ нему. Баба, самый старый изъ верблюдовъ, сѣрой масти, палъ первымъ. Остальные три верблюда были молодыя рѣзвыя животныя, которыя долго отдыхали и теперь, видимо, охотно пользовались случаемъ поразмяться.

Всѣ верблюды находились какъ разъ въ періодѣ линянія; густая теплая шуба сваливалась съ нихъ большими клоками, что очень безобразило ихъ. Всѣ были осѣдланы большими, мягкими вьючными сѣдлами, набитыми сѣномъ и соломой. Исламъ-бай купилъ также цѣлую связку аркановъ (веревки изъ верблюжьей шерсти) для перевязыванья вьюковъ и три большихъ караванныхъ колокольчика.

Верблюды стояли на привязи во дворѣ бека и отъѣдались — въ послѣдній разъ въ жизни — сочнымъ сѣномъ. Пріятно было смотрѣть на своихъ собственныхъ чудесныхъ верблюдовъ, жевавшихъ душистое сѣно, и видѣть въ ихъ большихъ

черныхъ глазахъ выраженіе полнѣйшаго благополучія. Собаки наши, Джолдашъ и Хамра, были, однако, другого мнѣнія. Онѣ, въ особенности Джолдашъ, терпѣть не могли верблюдовъ. Послѣдній лаялъ на нихъ до хрипоты, кидался на нихъ и былъ, повидимому, очень доволенъ самимъ собой, если ему удавалось выхватить у нихъ клокъ шерсти.

Въ Яркендѣ Исламъ-бай нанялъ двухъ надежныхъ людей. Одинъ былъ Магометъ-шахъ, 55 лѣтній старикъ, съ сѣдой бородой, опытный вожакъ верблюдовъ; его одного только неукротимый Нэръ и подпускалъ къ себѣ, не кусая. У него были въ Яркендѣ жена и дѣти; пустыни онъ не боялся ничуть, и вообще былъ отличный, надежный человѣкъ. Я, какъ сейчасъ, вижу его передъ собою. Чисто философское спокойствіе не оставляло его никогда; онъ продолжалъ сохранять свое хорошее расположеніе духа и какую-то добродушную усмѣшку вокругъ рта и тогда, когда надъ нашимъ умирающимъ караваномъ спустились грозовыя тучи несчастья. Даже, когда онъ лежалъ въ предсмертномъ бреду, глаза его свѣтились тѣмъ-же неземнымъ спокойствіемъ, а отъ высохшаго коричневаго лица вѣяло миромъ.

Другой—Касимъ-ахунъ, 48 лѣтъ, неженатый, уроженецъ Акъ-су, проживавшій въ Яркендѣ, караванъ-баши по ремеслу. На немъ лежала обязанность помогать въ уходѣ за верблюдами. Роста онъ былъ средняго, крѣпкаго сложенія, съ черной бородой, серьезный, никогда не смѣялся, въ обращеніи былъ ласковъ и задушевенъ, но нерѣдко нуждался въ напоминаніи о своихъ обязанностяхъ.

Намъ, однако, нуженъ былъ еще одинъ человѣкъ, и бекъ Ніазъ нашелъ намъ Касима-ахуна изъ Янги-гиссара. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ Магометъ-шахомъ и шесть лѣтъ подъ рядъ хаживалъ весною дней на 10—14 въ пустыню искать золота. Всякій разъ онъ бралъ съ собою хлѣба на вьючномъ ослѣ и не заходилъ въ пустыню дальше такихъ мѣстъ, гдѣ еще можно было дорыться до грунтовой воды. Звали мы его то Джолчи, то Кумчи (пустынножитель) въ отличіе отъ другого Касима. Въ Меркетѣ, куда онъ переселился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у него были жена и взрослые дѣти.

Ему отчасти были мы обязаны тѣмъ, что съ нами случилось. Онъ былъ грубъ, горячъ, и остальные товарищи, кото-

рыми онъ пытался командовать, скоро не взлюбили его. Въ силу своего знанія пустыни онъ принялъ властный тонъ и особенно не жаловалъ Исламъ-бая за то, что тотъ считался „караванъ баши“, или предводителемъ каравана, а другіе должны были подчиняться ему. Многіе изъ жителей Меркета предостерегали насъ насчетъ этого человѣка, говоря, что онъ нѣсколько разъ былъ наказанъ за воровство. Но было уже поздно; мы кромѣ того, нуждались въ немъ, такъ какъ онъ одинъ во всемъ селеніи зналъ пустыню по опыту.

Кромѣ верблюдовъ и собакъ, мы брали съ собой трехъ овецъ, десять куръ и пѣтуха, который будилъ насъ по утрамъ. Въ первые дни мы всегда находили по одному, по два яйца въ куриной клѣткѣ, возвышавшейся на одномъ изъ вьючныхъ верблюдовъ, но когда у насъ оказался недостатокъ въ водѣ, куры перестали нестись. Пѣтухъ былъ большой живчикъ и весельчакъ; ему не нравилась ѣзда на верблюдѣ, и онъ во время пути всегда ухитрялся высвободиться изъ клѣтки. Постоявъ съ минуту, раскачиваясь на верхушкѣ, онъ съ громкимъ крикомъ слеталъ на землю. На бивуакахъ куръ всегда выпускали погулять, и онѣ очень оживляли нашъ лагерь въ пустынѣ, разыскивая въ пескѣ брошенныя имъ зерна.

Верблюдъ въ зимней шубѣ и съ вьючнымъ сѣдломъ.
(Съ рисунка автора).

9 апрѣля были сдѣланы послѣднія приготовленія. Пара мѣшковъ съ заказаннымъ заранѣе хлѣбомъ были увязаны, четыре желѣзныхъ резервуара наполнены свѣжей, рѣчной водой. Въ нихъ входило: 80, 86, 87 и 122 литра, да въ бурдюки 80 литровъ, итого 455 литровъ, которыхъ должно было хватить на 25 дней пути. Эти продолговатые четыреугольные резервуары, употребляющіеся для перевозки меда изъ Индіи въ Яркендъ, помѣщаются въ крѣпкихъ деревянныхъ рѣшетчатыхъ ящикахъ, чтобы предохранить тонкое

листовое желѣзо отъ пробоинъ. Въ ящики люди насовали травы и тростника, чтобы вода не такъ скоро согрѣвалась на солнцѣ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о самомъ планѣ путешествія. Пржевальскій, Кэри и Дальглейшъ были первыми европейцами, видѣвшими (1885 г.) кряжъ Мазаръ-тагъ на лѣвомъ берегу Хотанъ-дарьи. Первый пишетъ объ этомъ такъ: „Черезъ три небольшихъ перехода (отъ Тавекъ-кэля) внизъ по Хотанъ-дарьѣ мы достигли того мѣста, гдѣ въ восточный берегъ описываемой рѣки упирается обрывистымъ мысомъ невысокій хребетъ, или правильнѣе, горная гряда, извѣстная туземцамъ подъ именемъ Мазаръ-тага. Эта гряда, въ восточной части имѣетъ не болѣе $1\frac{1}{2}$—2 верстъ въ ширину, при высотѣ около 500 фут. надъ окрестностями, и состоитъ изъ двухъ параллельныхъ рѣзко по цвѣту между собою различающихся слоевъ: южный—красная глина съ частыми прослойками гипса, сѣверный — бѣлый алебастръ. Въ тѣхъ-же горахъ, верстахъ въ 25 отъ Хотанъ-дарьи добываютъ, какъ намъ говорили, кремень, который и вывозится на продажу въ Хотанъ. Описываемая двухцвѣтная гряда уходитъ изъ глазъ въ песчаную пустыню, заворачивая притомъ къ сѣверо-западу и повышаясь немного къ срединѣ, и тянется, по словамъ туземцевъ, до укрѣпленія Маралъ-баши, на рѣкѣ Кашгарской. Растительности въ Мазаръ-тагѣ нѣтъ вовсе; притомъ горы эти снизу засыпаны до половины пескомъ; обнаженная-же ихъ часть, въ особенности красная глина, сильно разрушается“

Голова верблюда-самца.
(Съ рисунка автора).

Сообщенія туземцевъ дали Пржевальскому поводъ на-

нести на свою карту хребетъ горъ, тянущихся наискось поперекъ пустыни. Ошибка эта вполнѣ естественна, такъ какъ Пржевальскій слышалъ, что около Маралъ-баши тоже находится кряжъ Мазаръ-тагъ, вслѣдствіе чего и могъ предположить, что этотъ кряжъ является продолженіемъ Хотанъ-дарьинскаго Мазаръ тага. Кэри осторожнѣе; онъ нанесъ на свою карту Мазаръ-тагъ лишь на такомъ протяженіи, на какомъ его видно съ рѣки.

Я и полагалъ, что если мы изъ Меркета направимся къ востоку или къ ONO, то рано или поздно наткнемся на Мазаръ-тагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я раздѣлялъ мнѣніе туземцевъ, что мы найдемъ у подошвы кряжа подвѣтренную сторону, гдѣ песокъ не накопляется и гдѣ намъ удастся дѣлать ежедневно большіе концы по твердому и голому грунту, найдемъ источники и растительность, а также, быть можетъ, слѣды древней цивилизаціи.

Путь по прямой линіи черезъ пустыню занимаетъ, согласно имѣющимся картамъ, протяженіе въ 287 килом. или около 290 в. и, если-бы мы могли проходить хотя-бы по 20 верстъ въ день, на всю экспедицію пошло-бы не болѣе 15 дней. Такимъ образомъ мы брали съ собой воды болѣе, чѣмъ достаточно.

Такіе расчеты очень подбодряли насъ, и мы смотрѣли на всю экспедицію, какъ на пустячное дѣло. Въ дѣйствительности путешествіе заняло 26 дней; путь оказался вдвое длиннѣе.

10 апрѣля. Еще задолго до восхода солнца на дворѣ начались суетня и движеніе. Люди повытащили весь нашъ багажъ и ящики съ продовольствіемъ, чтобы приготовить равные по вѣсу парные вьюки для верблюдовъ и перевязать веревками. Затѣмъ вьюки были разставлены попарно въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы между ними прошелъ верблюдъ. Послѣднихъ заставляли ложиться между двумя вьюками, и вьюки крѣпко привязывались съ обѣихъ сторонъ къ вьючному сѣдлу. Послѣ того, какъ верблюдъ вставалъ, вьюки, ради осторожности, перехватывали еще веревкой, обвивавшей накрестъ туловище животнаго, и закручивали узелъ, вставляя въ него палку.

Снаряженіе наше было очень сложное; продовольствія

мы брали на нѣсколько мѣсяцевъ, особенно риса и хлѣба, консервовъ, сахару, чаю, зелени, муки и проч. Затѣмъ взяты были зимнія одежды, тулупы, войлока, такъ какъ у меня было намѣреніе отъ Хотанъ-дарьи направиться въ Тибетъ. Кромѣ того я бралъ съ собой всѣ свои приборы, два фотографическихъ аппарата, около тысячи пластинокъ, нѣсколько книгъ, нумера шведской газеты за цѣлый годъ, — я каждый вечеръ намѣревался прочитывать по одному нумеру — походную кухню, посуду, и металическую и глиняную, три ружья, шесть револьверовъ, боевые припасы въ двухъ ящикахъ, и много разныхъ мелочей. Такъ какъ мы взяли еще запасъ воды на 25 дней, то верблюды наши были навьючены довольно тяжело.

Во время вьюченья я опредѣлилъ первый базисъ для измѣренія разстоянія: 400 метровъ мой Богра проходилъ въ $5^1/_2$ минутъ. Опредѣлять базисъ приходилось ежедневно снова, такъ какъ грунтъ то и дѣло мѣнялся, а одинъ и тотъ-же конецъ по болѣе или менѣе глубокому песку бралъ различное время.

10 апрѣля явилось знаменательнымъ днемъ въ лѣтописяхъ Меркета. Весь нашъ дворъ, сосѣднія улицы и заборъ, были усѣяны народомъ, желавшимъ присутствовать при нашемъ выступленіи въ путь. „Не вернуться имъ больше!“ „Верблюды слишкомъ тяжело навьючены, имъ не пробраться по глубокому песку!“ — раздавались голоса.

Такія зловѣщія предсказанія, однако, ничуть не пугали меня. Я сгоралъ желаніемъ поскорѣе выступить, и впечатлѣніе отъ дурныхъ пророчествъ изгладилось совершенно, когда индусы въ самую минуту выступленія бросили мнѣ черезъ голову нѣсколько горстей „да-цянь“ (китайская бронзовая монета), крича: „Счастливый путь!“.

Верблюды были связаны по четыре вмѣстѣ веревкой, которая была привязана однимъ концомъ къ палочкѣ, продѣтой сквозь носовой хрящъ одного верблюда, а затѣмъ завязана узломъ на хвостѣ шедшаго впереди верблюда такъ, что если животное падало, узелъ развязывался самъ собой. На другомъ концѣ палочки, продѣтой въ носовой хрящъ животнаго, находится шарикъ, чтобы она не выскочила.

Четыре молодыхъ верблюда открывали шествіе, затѣмъ

ѣхалъ я на Богрѣ, за нами шли Баба, Акъ-тюя и Нэръ. Богру все время велъ Магометъ-шахъ, такъ что мнѣ нечего было заботиться о томъ, какъ идетъ животное, и я могъ сосредоточить все свое вниманіе на компасѣ, часахъ и на наблюденіяхъ за измѣненіями грунта и рельефа.

Исламъ-бай отлично приладилъ вьюкъ на моемъ верховомъ верблюдѣ. Богра несъ оба ящика съ наиболѣе хрупкими приборами и вещами, которыя мнѣ надо было имѣть подъ рукой на каждомъ бивуакѣ. Между горбами и поверхъ обоихъ ящиковъ были настланы кошмы, ковры и подушки, и я сидѣлъ точно въ креслѣ, спустивъ ноги по обѣ стороны передняго горба.

Когда все было готово, я простился съ бекомъ Ніазомъ, щедро вознаградивъ его за гостепріимство, съ миссіонеромъ Іоганномъ и Хашимомъ. Миссіонеръ еще въ Лайлыкѣ поговаривалъ, что боится слѣдовать за мной въ пустыню; тутъ-же, въ виду послѣднихъ приготовленій, мужество окончательно покинуло его, и онъ во второй разъ оставилъ меня, въ самую серьезную минуту. Со всей своей показной благочестивостью, онъ очевидно страдалъ недостаткомъ истинной вѣры, безъ колебаній поручающей себя Богу. Какая разница въ сравненіи съ Исламъ-баемъ, идеаломъ самоотверженія и преданности! Этотъ за все время ни разу не поколебался послѣдовать за мной куда-бы-то ни было, даже, когда я кидался въ опасности, которыхъ благоразуміе совѣтовало-бы избѣгать.

Признаки вступавшей въ свои права весны давали себя знать за послѣдніе дни все больше и больше. Температура медленно, но правильно подымалась съ каждымъ днемъ, и минимальная температура держалась куда выше нуля. Днемъ солнце припекало сильно, весенніе вѣтры такъ и шумѣли, поля были засѣяны и затоплены, мухи и другія насѣкомыя жужжали въ воздухѣ. И вотъ, въ это роскошное въ Азіи время года, время надеждъ, мы выступили въ походъ въ область, гдѣ жизнь окована тысячелѣтнимъ сномъ, гдѣ каждый барханъ является могильнымъ курганомъ; въ сравненіи съ царящею тамъ жарою, самая жестокая зима могла-бы казаться намъ улыбающейся весной.

Спокойно, величественно, съ высокоподнятыми головами выступали наши верблюды длинной вереницей по узкимъ

улицамъ селенія, между густыми толпами народа. Торжественное настроеніе охватило всѣхъ, и толпа молчала, словно на похоронахъ. Вспоминая теперь наше выступленіе, я и не могу сравнить его ни съ чѣмъ инымъ, какъ именно съ погребальнымъ шествіемъ. Я, какъ сейчасъ, слышу мѣрный, глухой, зловѣщій звонъ караванныхъ колокольцевъ — настоящій похоронный звонъ. И въ самомъ дѣлѣ смерть ожидала большинство участниковъ нашего похода, смерть въ далекой пустынѣ, тихая безмолвная могила въ вѣчныхъ пескахъ!

Мѣстность была ровная. Дома селенія разбѣжались между многочисленными тополями, хлѣбными полями, рощами, садами и арыками. Шли мы спокойно съ полчаса, какъ вдругъ случилось происшествіе. Два самыхъ молодыхъ верблюда точно взбѣсились, разорвали веревки, сбросили съ себя вьюки и бѣшено понеслись по полю, подымая пыль столбомъ. На одномъ изъ верблюдовъ были навьючены два резервуара съ водой, и одинъ далъ течь, но у самой крышки, такъ что бѣду легко было поправить. Бѣглецовъ скоро изловили и навьючили снова. Ихъ повели затѣмъ отдѣльно, — въ услужливыхъ рукахъ недостатка не было, такъ какъ до окраины селенія насъ сопровождало до сотни всадниковъ.

Немного погодя, вырвалось два другихъ верблюда; часть вещей разсыпалась, ящикъ съ порохомъ съѣхалъ на бокъ. Магометъ-шахъ сказалъ мнѣ, что верблюды послѣ долгаго отдыха всегда немного бѣсятся, а послѣ нѣсколькихъ дней форсированнаго марша опять присмирѣютъ, какъ ягнята. Ради осторожности мы и рѣшили, что пока каждаго верблюда поведетъ одинъ изъ людей.

Какъ и всегда, въ первый день пути случилось немало разныхъ непредвидѣнныхъ задержекъ. То оказывалось, что лѣвая половина вьюка перевѣшиваетъ правую, и приходилось ее облегчить, то замѣчали, что какой нибудь мѣшокъ съ рисомъ грозитъ выскользнуть изъ-подъ веревки, и надо было перевязать вьюкъ, и т. д. Но на другой день, когда, пользуясь опытомъ предыдущаго дня, уравновѣсили всѣ вьюки, навьючили наиболѣе дорогіе предметы и, главное, резервуары съ водой на самыхъ смирныхъ изъ верблюдовъ, все пошло, какъ по маслу.

Мнѣ, возсѣдавшему на значительной высотѣ надъ уров-

немъ почвы, открывался чудесный видъ во всѣ стороны. Сначала отъ ѣзды на верблюдѣ кружится голова, но затѣмъ скоро свыкаешься съ этимъ равномѣрнымъ покачиваньемъ и колыханьемъ. На меня они не дѣйствовали, но человѣку, подверженному морской болѣзни, они, навѣрное, показались-бы очень непріятными.

Оставивъ за собою послѣдніе дома и поля, мы вступили въ ровную степь (дэштъ), покрытую густымъ косматымъ кустарникомъ, и кое-гдѣ тополевыми зарослями. Вѣтеръ дулъ порывами съ WNW и гналъ на востокъ высокіе, косые сѣро-желтые смерчи. Почва состояла сначала изъ тонкой, подвижной пыли, частью съ отложеніями соли, затѣмъ пошелъ одинъ песокъ, образовывавшій маленькіе низкіе барханы. Это была, какъ оказалось, лишь полоса песку, такъ какъ дальше опять пошла растительность — камышъ и тополя. Тутъ мы и сдѣлали привалъ на краю оврага.

Въ полчаса верблюды были развьючены и связаны въ кругъ, чтобы не дать имъ лечь, — иначе они становятся тяжелыми на подъемъ. Часа черезъ два ихъ пустили бродить на свободѣ въ густой заросли камыша. Бивуакъ нашъ вообще вышелъ очень живописнымъ.

Я обновилъ свою палатку, разбитую подъ тополемъ; это была красивая индійская офицерская палатка, которую подарилъ мнѣ мистеръ Мэкэртней. Въ этой палаткѣ умеръ молодой лейтенантъ Дэвисонъ на пути съ Памира въ Кашгаръ. Съ тѣхъ поръ она успѣла провѣтриться, да къ тому-же я не суевѣренъ. Земляной полъ въ палаткѣ былъ устланъ пестрымъ ковромъ. По стѣнамъ были разставлены мои сундуки, ящики съ приборами, фотографическіе аппараты и моя постель. Остальной багажъ, мѣшки и резервуары съ водой были размѣщены на волѣ.

Люди развели огонь, вокругъ котораго и усѣлись варить обѣдъ: рисовый пуддингъ и яйца; рису и яицъ было у насъ запасено вдоволь. Овецъ пустили пастись, а куры чувствовали себя, повидимому, совсѣмъ какъ дома, роясь въ отбросахъ у костра. Собаки получили по куску мяса и принялись гоняться другъ за другомъ. Словомъ, картина была самая оживленная.

Сейчасъ по прибытіи было приступлено къ изслѣдова-

нію оврага, тянувшагося съ сѣвера на югъ и образованнаго, вѣроятно, какимъ нибудь рукавомъ Тызнапа въ половодье. Ширина оврага равнялась 6 м., а глубина $1^1/_2$ м. Дно его было сухо; но когда стали рыть колодезь, земля скоро сдѣлалась влажной, и на глубинѣ 108 сантим. уже показалась вода, имѣвшая температуру 9.9° (температура воздуха въ это время, т. е. въ 2 ч. пополудни, равнялась 24.8°). На вкусъ вода была солоновато-горькая, но собаки и овцы пили ее съ жадностью. Верблюдамъ-же дали напиться только на слѣдующее утро, незадолго до выступленія. Этой-же водой воспользовались для варки яицъ, для стирки и мытья посуды; запасъ прѣсной воды съ самаго начала приходилось беречь, да беречь. Магометъ Якубъ, провожавшій насъ до этого перваго лагеря, сдѣлалъ намъ сюрпризъ — преподнесъ пару мѣдныхъ кувшиновъ съ рѣчной водой, такъ что всѣ люди могли напиться до сыта, не дотрагиваясь до нашего запаса.

День былъ теплый, но тотчасъ по заходѣ солнца стало свѣжо, и пришлось накинуть верхнюю одежду. Вечеръ былъ до того тихъ, что пламя свѣчи, несмотря на откинутую полу палатки, не шевелилось. Искатель золота громко и пространно повѣствовалъ о своихъ похожденіяхъ. Онъ совѣтовалъ намъ сначала держаться вблизи Яркендъ-дарьи; тогда мы придемъ къ горѣ Чакмакъ и большому озеру, соединяющемуся съ текущею къ сѣверу рѣкою. До этой рѣки идти 18 дней, а тамъ ужь останется всего день пути до Мазаръ-тага, высочайшей горы въ области. Оттуда-же на востокъ было недалеко и до Хотанъ-дарьи.

Къ сѣверу отъ горы Чакмакъ есть тропинка, по которой всегда ходятъ золотоискатели; ведетъ она къ „агачъ-нишану“ (путевой знакъ); дальше пустыня называется Кыркъ-кышлакъ (сорокъ селеній), и тамъ много развалинъ древнихъ селеній.

11 апрѣля. Подкрѣпившись продолжительнымъ, спокойнымъ сномъ, я проснулся на разсвѣтѣ. Погода оказалась неблагопріятной. Нордъ-остъ такъ и вылъ, воздухъ былъ насыщенъ пылью; изъ пыльнаго тумана выступали только ближайшіе предметы; остальное все тонуло въ сѣрой мглѣ.

Развьючиванье верблюдовъ и разбивка лагеря шли быстро, зато сборы въ походъ, включая и приготовленіе зав-

трака, требовали добрыхъ два часа времени. Верблюды артачились во время вьюченія, но потомъ шли все время хорошо. Растительность снова исчезла, и мы запутались въ лабиринтѣ бархановъ, высотой въ 5 — 6 м., неправильной формы; главное направленіе ихъ, однако, было NS.

Мы пытались по возможности обходить ихъ, но приходилось и перебираться черезъ нѣкоторыя вершины; взбираясь на одинъ изъ гребней, оба верблюда, несшіе резервуары съ водой, упали, но, къ счастью, удачно, на колѣни переднихъ ногъ. Пришлось всетаки развьючить ихъ и потомъ навьючить снова. Спускаются же они съ такихъ гребней, скользя и тормозя задними ногами.

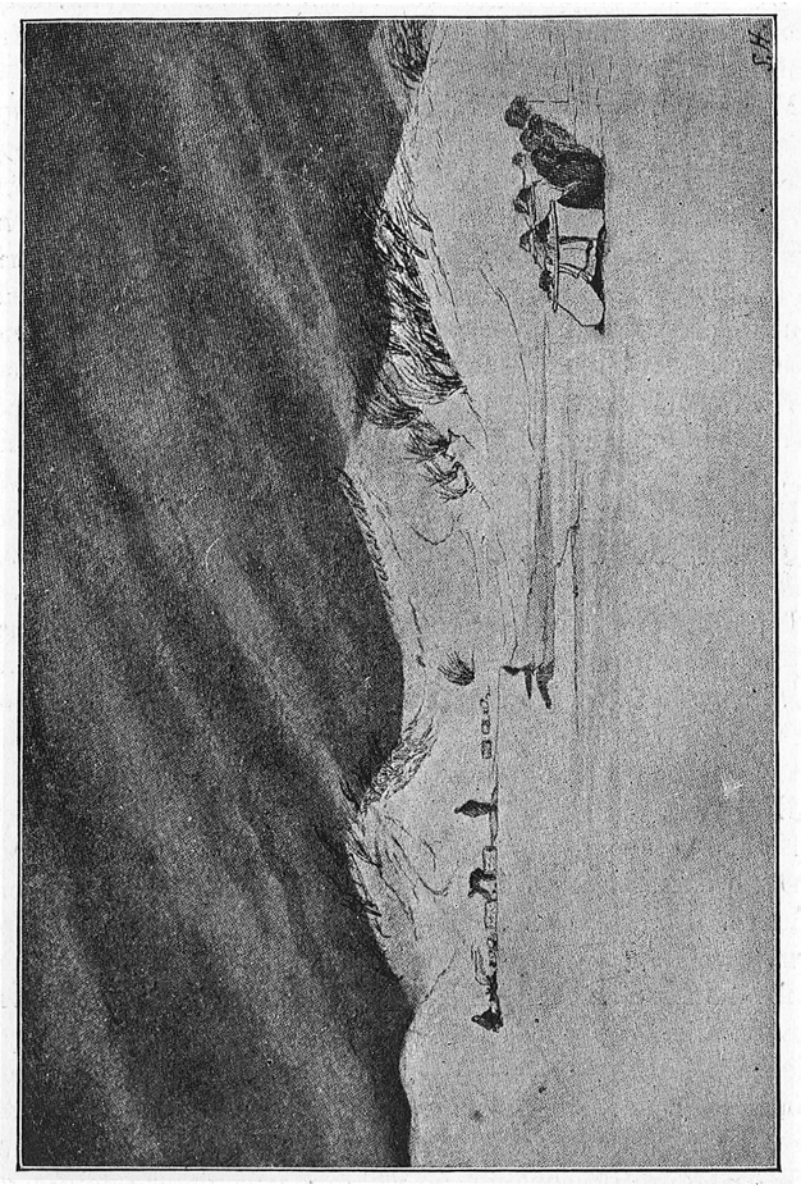
Около полудня мы заблудились между такими высокими барханами, что пришлось сдѣлать большой крюкъ къ сѣверу, чтобы изъ нихъ выбраться. Джолчи объяснилъ, что если-бы мы, пошли къ востоку, мы все равно принуждены были-бы вернуться назадъ, такъ какъ въ ту сторону тянется нескончаемый „чонъ-кумъ“ (большой, глубокій песокъ). Дневной переходъ и образовалъ извилистую дугообразную линію вдоль края „чонъ-кума“. Барханы опять понизились до 3 метр. высоты, и временами мы шли по довольно ровному, мягкому, пыльному грунту. Нерѣдко намъ встрѣчались на пути барханы, имѣвшіе форму полумѣсяца, и намъ приходилось обходить ихъ. Кое-гдѣ попадались одинокіе тополя и чахлый камышъ, который верблюды пощипывали на ходу.

Сѣверо-восточный вѣтеръ продолжался весь день, небо хмурилось, и въ воздухѣ чувствовалась сырость. Въ сумерки мы сдѣлали привалъ, пройдя за день 21.3 килом. Лагерь разбили на этотъ разъ на ровномъ, твердомъ барханѣ, на сухомъ чистомъ грунтѣ. По близости нашлись нѣсколько засохшихъ тополей, которые пошли на топливо, и чахлый камышъ, пригодившійся для верблюдовъ. Они вспотѣли отъ продолжительной ходьбы, и ихъ съ часъ водили взадъ и впередъ, чтобы они остыли понемногу и не простудились.

Колодезь вырыли на ровной площадкѣ, между барханами, гдѣ поверхность почвы была слегка влажная. Вода показалась на глубинѣ 62 сантим.; температура ея равнялась +9.5°; на вкусъ она была солоновата, какъ и вчерашняя.

12 апрѣля мы сдѣлали 23.7 килом. вдоль края „боль-

шого песка“, отпрыски котораго направлялись къ сѣверу. Временами песокъ перемежался узкими степными участками съ рѣдко разбросанными твердыми, какъ стекло, высохшими



Изъ-за бархановъ подымается песчаный буранъ.
(Съ рисунка автора).

травяными кочками, которыя съ какимъ-то звономъ разлетались въ дребезги, когда до нихъ дотрагивались.

Твердый, ровный, песчаный грунтъ удобнѣе всего для

ходьбы; но иногда такой грунтъ покрытъ слоемъ пыли, въ которой рѣзко отпечатываются слѣды верблюдовъ. Слой этотъ мягокъ, какъ хлопокъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ глубокъ, что верблюды тонутъ въ немъ по колѣни. Случалось также, что ровный песчаный грунтъ былъ покрытъ тонкой коркой соли, хрустѣвшей подъ ногами.

Медленно, важно, шествовали верблюды, вытягивая свои длинныя шеи, чтобы достать на ходу травяныя кочки; они точно предчувствовали, что имъ предстоитъ постъ. Когда былъ разбитъ третій по счету лагерь, двое изъ людей, по обыкновенію, немедленно принялись рыть колодезь. Вырыта была яма, глубиною въ 178 сантим., а воды все еще не было, и больше рыть они не могли. Часа черезъ два вода, однако, показалась сама собою, и на днѣ ямы образовалась небольшая лужица. Собаки и куры слѣдили за рытьемъ колодца съ особеннымъ вниманіемъ; имъ всегда очень хотѣлось пить, и они знали, въ чемъ тутъ дѣло.

Пока, слѣдовательно, все шло хорошо, и мы могли беречь свой запасъ воды. Запасъ корму для верблюдовъ тоже оставался нетронутымъ; верблюды обходились камышомъ и солоноватой водой изъ колодцевъ. Собакъ кормили хлѣбомъ, куръ зерномъ и яичной скорлупой. Въ первый день снесли яйца три курицы, во второй двѣ, въ третій одна. Потомъ яйца стали появляться все рѣже и рѣже, но у насъ былъ взятъ съ собой большой запасъ яицъ въ плетушкѣ съ рубленой соломой.

Во время дневного перехода мы пересѣкли тропу, проложенную оленями и антилопами по направленію SO. Джолчи сообщилъ, что въ томъ направленіи лежитъ большое озеро Яшиль-куль (зеленое озеро), котораго, однако, ни онъ самъ, ни товарищи его не видали, зная о немъ лишь по разсказамъ; поэтому къ самому указанію слѣдовало относиться съ осторожностью. Говорили, что озеро образовалось изъ ключей, такъ какъ въ него не впадаетъ никакого притока. Замѣчательно, что на старинныхъ картахъ дѣйствительно было показано озеро этого названія, но мѣстоположеніе его помѣчено не вѣрно. Озеро, должно было, по разсказамъ, приходиться къ SSW отъ нашего лагеря № 3.

13 апрѣля. Къ утру воды въ колодцѣ собралось столько,

что глубина ея равнялась 18 сант. Прошли сегодня 20.6 килом. Шли большею частью по непрерывнымъ барханамъ, имѣвшимъ форму полумѣсяцевъ и обращеннымъ выпуклостью къ востоку, а рогами и крутымъ склономъ къ западу или юго-западу, что указывало на преобладаніе здѣсь въ это время года восточныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтровъ.

Тополей сегодня попадалось много. На нѣкоторыхъ начинали развертываться молодыя почки, и свѣжая зелень такъ и дразнила нашихъ верблюдовъ. Въ большинствѣ случаевъ тополя, какъ-бы преграждали дорогу барханамъ, которые и обходили ихъ, окружая ихъ валомъ, словно кольцомъ. Деревья такимъ образомъ оказывались въ котловинкѣ, гдѣ и скоплялись, въ защитѣ отъ вѣтра, сухія вѣтви и пожелтѣвшая, опавшая листва.

День былъ теплый. Собаки тщетно искали воды, суясь носомъ въ каждую ямку или ложбинку, похожія на тѣ, въ которыхъ люди обыкновенно рыли колодцы. За неимѣніемъ лучшей защиты отъ солнечныхъ лучей, онѣ искали тѣни подъ каждымъ тополемъ, мимо котораго мы проходили, сгребали лапами верхній слой горячаго песку и растягивались на нижнемъ, еще сохранявшемъ прохладу съ ночи.

Исламъ-бай ѣхалъ на первомъ верблюдѣ, котораго велъ Джолчи, нашъ лоцманъ въ этомъ песчаномъ морѣ. Но такъ какъ Исламу-баю съ верблюда было виднѣе, то онъ часто и подавалъ первому совѣты и предлагалъ другое направленіе. Это сердило необузданнаго „сына пустыни“, и онъ нѣсколько разъ въ гнѣвѣ швырялъ поводъ, бросался ничкомъ на песокъ и говорилъ, что пусть въ такомъ случаѣ Исламъ и ведетъ караванъ.

На ночевкѣ между ними разыгралась серьезная ссора. Джолчи пришелъ ко мнѣ въ палатку и сказалъ, что хочетъ вернуться, такъ какъ Исламъ все „учитъ“ его, и кромѣ того скупится на хлѣбъ и на воду. Онъ, однако, опѣшилъ, когда я спокойно выразилъ свое согласіе, поставивъ лишь одно условіе — возвращеніе мѣсячнаго жалованья въ 100 тенегъ, полученнаго имъ впередъ. Золотоискатель принялся смиренно просить прощенія, и оно было ему дано на условіи во всемъ слушаться Ислама.

Я боялся, что такія ссоры чѣмъ дальше, тѣмъ будутъ

чаще, такъ какъ однообразіе и уединеніе портятъ настроеніе. Но все съ тѣхъ поръ обходилось мирно. Джолчи молчалъ, затаивъ злобу на Ислама, и злоба эта все росла втихомолку. Онъ шелъ всегда отдѣльно, не разговаривалъ съ другими людьми и даже спалъ одинъ въ отдаленіи отъ нихъ. Къ бивуачному костру онъ подкрадывался тогда лишь, когда другіе ложились отдыхать. Остальные люди подозрѣвали его въ томъ, что онъ нарочно велъ насъ по ложному пути. Въ такомъ случаѣ онъ и самъ попалъ въ яму, которую рылъ другимъ, такъ какъ и онъ погибъ отъ жажды въ пустынѣ.

Вода показалась на глубинѣ 1.15 м.; температура ея равнялась +10.4°. Собакамъ такъ страшно хотѣлось пить, что онѣ пытались было спуститься въ самый колодезь, и пришлось ихъ привязать.

Въ первый день Пасхи 14 апрѣля мы прошли только 18.5 кил. Въ одномъ мѣстѣ подвѣтренная сторона бархановъ была сѣро-стального цвѣта; оказалось, что песокъ здѣсь былъ покрытъ тонкимъ налетомъ слюды. Кромѣ того, мы убѣдились, что тополя могутъ расти только въ защитѣ бархановъ. Гдѣ исчезали эти послѣдніе, пропадали и тополя.

Затѣмъ мы достигли настоящей безплодной пустыни, съ плоскимъ, твердымъ, бурымъ грунтомъ и низкими барханами, торчащими, какъ чурбаны. Они казались желтыми на буромъ фонѣ грунта, часто усѣяннаго гальками.

Во время пути мы въ первый разъ наткнулись на слѣды дикаго верблюда. По крайней мѣрѣ, такъ утверждалъ Джолчи, но я не вполнѣ былъ увѣренъ въ этомъ. Дальше такіе слѣды попадались часто. Впрочемъ, мало вѣроятія было, чтобы заблудились въ пустынѣ домашнія животныя. Видѣли мы также лошадиные слѣды и пометъ, и Джолчи увѣрялъ, что въ этой части пустыни водятся дикія лошади. Мы остановились на вершинѣ одного бархана, чтобы разсмотрѣть въ бинокль стадо, пасшееся въ камышевой заросли къ сѣверу, но какъ только мы остановились, стадо скрылось по направленію къ сѣверу, не давъ намъ времени опредѣлить — лошади это или антилопы.

Небольшія терассы и увалы изъ сухой сѣрой глины иногда до того похожи на стѣны глиняныхъ сакль въ селе-

ніяхъ, что надо было подойти къ нимъ вплотную, чтобы убѣдиться въ ошибкѣ.

Сегодня собаки были очень безпокойны и бѣжали далеко впереди каравана. Разъ онѣ совсѣмъ пропали на четверть часа и вернулись мокрыми по брюхо, — видно нашли воду. Пройдя $18^1/_2$ килом., и мы наткнулись на лужу. Я попросилъ Касима попробовать, какова вода на вкусъ. „Сладкая, какъ медъ“, — отвѣтилъ онъ, хлебнувъ здоровый глотокъ. Мы и расположились тутъ бивуакомъ. Люди, собаки, овцы и куры — всѣ спѣшили утолить жажду, донимавшую всѣхъ въ такую жару.

Вода была ключевая, прозрачная, совершенно прѣсная, скоплявшаяся въ небольшой впадинѣ, 80 метр. въ длину и 4 м. въ ширину; глубина-же воды равнялась только 1 дециметру, а температура (въ 5 ч. пополудни при температурѣ воздуха 25.5°) 21.9°. Здѣсь водилось множество водяныхъ пауковъ и жуковъ. Послѣдніе кружились въ воздухѣ надъ водой, и куры устроили настоящую охоту за ними.

Сегодня зарѣзали съ обычными церемоніями первую овцу, и собаки поживились внутренностями и кровью. Вообще лагерь вышелъ прямо идиллическимъ уголкомъ въ этой пустынѣ. Солнце скрылось въ пыльной мглѣ задолго до заката, и жаръ началъ сразу спадать. Въ 9 ч. вечера температура ключевой воды понизилась уже до 15.2°, показывая тѣмъ свою зависимость отъ температуры воздуха.

Пріятное мѣстоположеніе лагеря манило отдохнуть здѣсь денекъ, въ чемъ нуждались и люди и животныя. Всѣ спали долго, а затѣмъ день прошелъ въ разныхъ дѣлахъ. Резервуары долили ключевой водой, бѣлье выстирали, сѣдла и упряжь привели въ порядокъ. День былъ теплый, песокъ нагрѣлся до 44.6°, но порывы вѣтра съ NNO пріятно прохлаждали, а воды мы могли пить, сколько душѣ хотѣлось, не чувствуя при этомъ никакихъ угрызеній совѣсти. Верблюды и собаки такъ усердствовали, что видно было, какъ бока у нихъ раздувались отъ воды. Куры снесли въ этотъ день отдыха четыре яйца.

Собаки лаяли всю ночь и кидались по тому направленію, откуда мы пришли и гдѣ видѣли слѣды дикихъ верблюдовъ. Вѣроятно, обитатели пустыни подходили ночью напиться, но

останавливались въ подобающемъ разстояніи, видя, что мѣсто занято.

16 апрѣля прошли 24.7 килом. Песчаные холмы въ 5 м. высоты часто смѣнялись высохшими степными участками, поросшими камышомъ. Тростникъ хрустѣлъ и распылялся подъ ногами верблюдовъ. Попадались и одиноко ростущіе кусты тамариска и тополя. Миновали два водоема, похожіе на первый. Всѣ три лежали на прямой линіи къ ONO и, должно быть, являлись остатками разливающагося въ половодье рукава Яркендъ-дарьи.

Мы все больше и больше углублялись въ невѣдомое песчаное море. Ни слѣда жизни, ни звука, кромѣ монотоннаго звона караванныхъ колокольчиковъ. Иногда, пріостанавливались ненадолго, чтобы обдумать направленіе; люди пользовались остановками для завтрака, состоявшаго изъ нѣсколькихъ горстей „талкана“ (поджареной муки), разболтанныхъ въ водѣ. Люди хлебали эту болтушку изъ деревянныхъ чашекъ. Я же всегда пропускалъ завтракъ, довольствуясь двумя трапезами въ день.

17 апрѣля. Сегодня дулъ свѣжій западный вѣтеръ, но небо оставалось совершенно чистымъ. Мы уже не разъ замѣчали, что только восточный и сѣверо-восточный вѣтеръ подымалъ пыльный туманъ, а при западномъ, какъ-бы онъ ни былъ силенъ, атмосфера оставалась чистой и прозрачной.

Пройдя небольшой конецъ, мы завидѣли на сѣверномъ горизонтѣ очертанія довольно высокой горы, рисовавшейся вдали тѣнью, похожей на облако. Часъ за часомъ ѣхали мы въ этомъ направленіи, а гора все какъ будто оставалась въ томъ-же разстояніи.

Барханы достигали 5 м. высоты и часто очень затрудняли движеніе; но между ними стали попадаться степные участки, поросшіе сочнымъ зеленымъ камышомъ, изъ чащи котораго выскакивали иногда зайцы, испуганные приближеніемъ каравана.

И сегодня миновали нѣсколько небольшихъ лужъ, но съ солоноватой водой и окруженныхъ бѣлымъ кольцомъ отложеній соли. По направленію ONO извивалось старое рѣчное русло, 40 метр. ширины и 2 м. глубины; дно было занесено

пескомъ, но мѣстами виднѣлись лужицы воды. Другое русло 20 м. ширины было, напротивъ, совершенно сухо.

На сѣверѣ виднѣлись небольшія темныя облачка, похожія на подымающійся дымъ.

Джолчи объяснилъ это явленіе такъ. Виднѣвшаяся вдали гора была юговосточнымъ продолженіемъ сѣвернаго отрога Мазаръ-тага и находилась на правомъ, т. е. южномъ берегу Яркендъ-дарьи. Оба русла-же были высохшими руслами рукавовъ Яркендъ-дарьи, несшихъ изъ нея воду въ лѣтнее половодье. Облака на сѣверѣ были водяные пары, подымавшіеся надъ Яркендъ-дарьей и ясно рисовавшіеся на чистомъ голубомъ небѣ. Джолчи, безъ сомнѣнія, былъ правъ; мы сами имѣли впослѣдствіи случай убѣдиться въ справедливости нѣкоторыхъ изъ его истолкованій.

Цѣлый часъ шли мы между двумя параллельными грядами бархановъ, вытянутыхъ по направленію N 15° O. Правая гряда имѣла 9.5 м. высоты; обѣ представляли округленныя формы. Между ними шла ровная, степная полоса, гдѣ росли тополя и репейникъ.

Затѣмъ, мы перевалили черезъ правую гряду и очутились въ новой, параллельной первой долинѣ между грядами бархановъ. Пройдя въ общемъ 28.4 килом., мы разбили лагерь № 7 въ тѣни двухъ густолиственныхъ тополей. Мы основательно разсудили, что рыть здѣсь колодца нѣтъ надобности, такъ какъ неподалеку должна была быть вода.

Къ сѣверу шелъ довольно густой тополевый лѣсокъ. Мошки, мухи и ночныя бабочки такъ и рѣяли въ воздухѣ. Бабочки вечеромъ сотнями вились около моей свѣчки.

XXII.

Райскій уголокъ.

18 апрѣля. День начался свѣжимъ сѣверовосточнымъ вѣтромъ; палатку снесло-бы, еслибъ ее еще ночью не укрѣпили веревками и кольями. Небо заволокло на цѣлый день, и мы избавились отъ полуденной жары. Мы рѣшили идти напря-

микъ къ горѣ, полагая достигнуть ея къ вечеру, но углубились въ лѣсъ, и гора исчезла въ пыльной мглѣ.

Этотъ частый лѣсъ выросъ между неправильно расположенными барханами; на землѣ лежали кучи сухой листвы и хвороста; характерные признаки пустыни исчезли совершенно. Караванъ шелъ извилинами, пробираясь между деревьями; то и дѣло приходилось уклоняться отъ вѣтвей.

Затѣмъ мы наткнулись на большое болото, поросшее частымъ камышомъ. По берегамъ его тополя были свѣжѣе и густолиственнѣе. Къ нашему удивленію, здѣсь оказались слѣды людей и лошадей, и остатки костра. Ясно было, что мы достигли тѣхъ мѣстъ, гдѣ долоны весною пасутъ свои стада, а жители Маралъ-баши берутъ топливо.

Скоро путь намъ преградилъ узкій длинный протокъ, вытекающій изъ болота, черезъ который намъ и надо было перебраться. Одинъ изъ людей разулся и пошелъ вбродъ, указывая дорогу. Дно было изъ твердой глины, сдерживавшей верблюдовъ. Дальше болото перешло въ длинное озеро, тянувшееся къ сѣверу. Мы пошли по берегу его. Довольно высокіе барханы круто спускались въ чистую голубую воду неглубокаго озера, изобиловавшаго гусями.

Лѣсъ былъ по прежнему частъ, и намъ иногда приходилось давать крюку, чтобы не завязнуть въ чащѣ и выбраться на болѣе просторное мѣсто. Бо́льшею частью мы, однако, придерживались берега, гдѣ открывались намъ между деревьями чудеснѣйшія панорамы. Свѣжая весенняя зелень рѣзко выдѣлялась на фонѣ голубого озера. Вдали ландшафтъ окутывался дымкой тумана.

Ширина озера, казалось, не превосходила нѣсколькихъ километровъ; къ сѣверу и къ югу оно еще суживалось, происхожденіемъ же, вѣроятно, было обязано какому нибудь рукаву Яркендъ-дарьи. Во время лѣтняго половодья оно, должно быть, переполняется водой. Зимой въ немъ также сохраняется порядочное количество воды, которая замерзаетъ. Весною ледъ таетъ, а лѣтомъ озеро получаетъ большой притокъ воды изъ рѣки. По прибрежнымъ барханамъ видно было, что прошлою весною уровень воды въ озерѣ былъ на цѣлый метръ выше, нежели теперь.

Оставивъ озеро по лѣвую руку, мы заѣхали въ чащу

камыша, въ человѣческій ростъ вышиной. Верблюды пролагали себѣ путь съ трескомъ и хрустомъ; только съ высоты верблюда и можно было видѣть кругомъ.

Потомъ опять попали въ лѣсъ, да такой частый, что меня нѣсколько разъ чуть не сбросило съ сѣдла вѣтвями тополей; пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ. Въ засохшемъ молодомъ лѣсочкѣ мы и совсѣмъ завязли. Люди должны были прорубить просѣку топорами. Съ большимъ трудомъ и потерею времени удалось намъ, наконецъ, выбраться на ровное открытое мѣсто, гдѣ мы и разбили лагерь на одинокомъ барханѣ, рога котораго указывали на югъ и на юго-западъ.

Чтобы узнать, нѣтъ-ли тутъ гдѣ неподалеку людей, отъ которыхъ можно было-бы получить свѣдѣнія, мы разложили у подошвы бархана большой костеръ изъ сухихъ тополевыхъ вѣтвей. Пламя бросало отсвѣтъ далеко вокругъ, но людей не приманило. Утомленные дневнымъ переходомъ (25.5 килом.) мы рано улеглись на покой. Верблюдамъ жилось пока, какъ нельзя лучше; ни одного дня не пришлось пробыть безъ свѣжаго корма и воды.

19 апрѣля. Снимаясь съ лагеря и разобравъ палатку, мы нашли подъ ковромъ скорпіона, четырехъ сант. въ длину, который отчаянно завилялъ хвостомъ, когда его потревожили. Люди были такъ изнурены трудными переходами послѣднихъ дней, что сборы шли очень медленно, и мы выступили въ путь позже 9 час. утра.

Теперь мы направили путь къ небольшому кряжу, ясно выступавшему на востокѣ; онъ все понижался по направленію къ юго-востоку и, наконецъ, исчезалъ въ туманѣ. На сѣверѣ тоже виднѣлась гора. Согласно моему маршруту, это былъ кряжъ около Мазара-алды. Между этими двумя кряжами вьется Яркендъ-дарья, но ея мы не видѣли отсюда.

Сегодня сдѣлали лишь 12.4 килом.; дорога шла по степной мѣстности, изобиловавшей оврагами и болотами. Кряжъ вырисовывался все яснѣе и оказался сильно разрушеннымъ вывѣтриваньемъ; на сѣверныхъ склонахъ возвышались песчаные барханы, довольно значительной высоты. У сѣверной подошвы лежало нѣсколько маленькихъ озеръ съ прѣсной водой, отдѣленныхъ другъ отъ друга длинными перешейками. Протокъ, впадавшій въ самое большое изъ нихъ, свидѣтельство-

валъ, что они питаются водой изъ рѣки, и лѣтомъ, по всей вѣроятности, сливаются въ одно большое озеро.

Сначала мы направились между озерами и кряжемъ къ востоку, потомъ къ сѣверо-востоку, обогнули отрогъ кряжа и разбили лагерь на берегу озера, подъ тѣнью густолиственныхъ тополей. Отрогъ этотъ лежалъ совершенно изолированно.

Закололи вторую овцу, и собаки, давно постившіяся на одномъ хлѣбѣ, опять полакомились кровью и внутренностями. Какой-то соколъ очень заинтересовался курами, но его спугнули неудачнымъ выстрѣломъ.

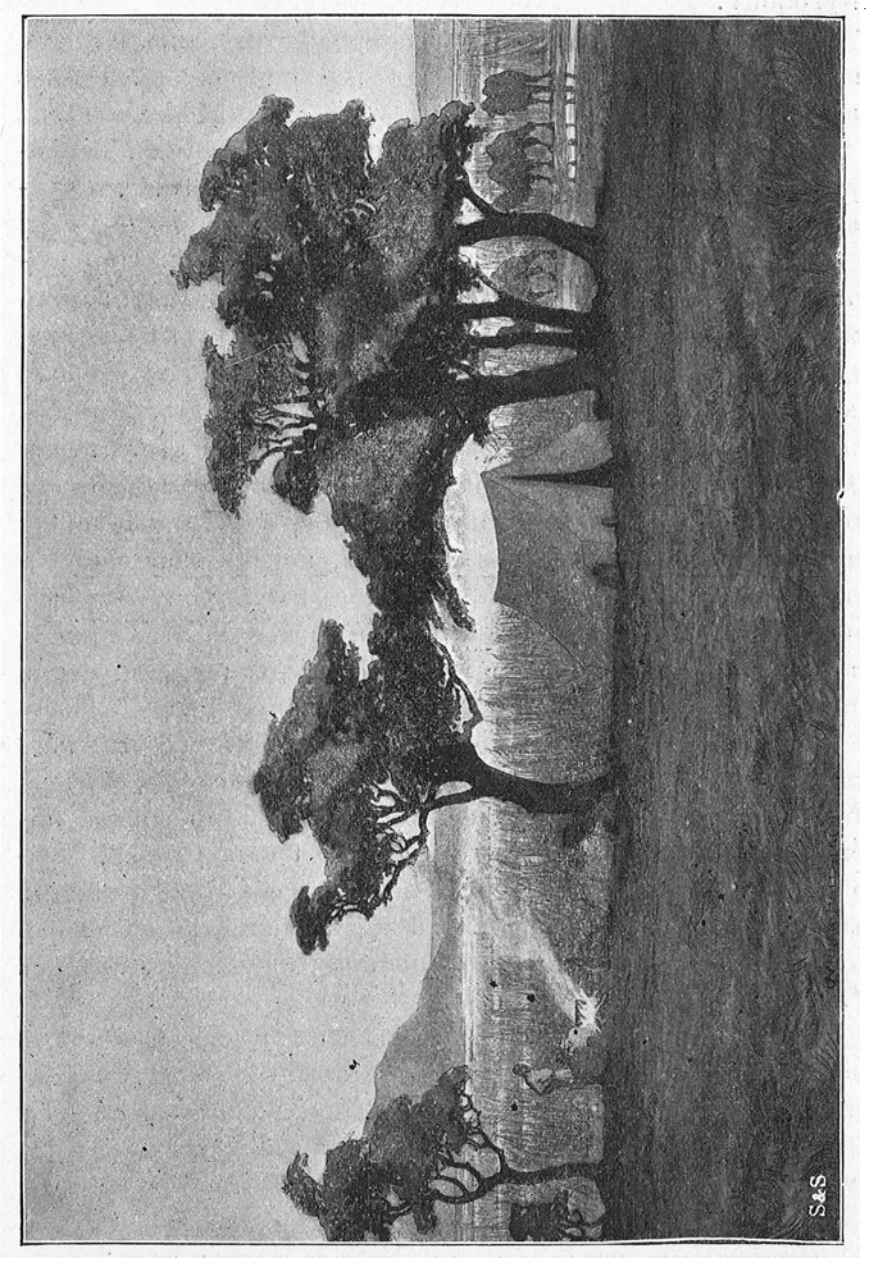
20 апрѣля. Мѣсто стоянки слишкомъ располагало къ отдыху, чтобы мы не разрѣшили себѣ пробыть здѣсь еще денекъ. Жара стояла ужасная, хотя всю ночь и все утро дулъ свѣжій вѣтеръ съ NO. Инсоляція доходила до 63.5°, и песокъ въ два часа пополудни нагрѣлся до температуры 52.7°. Жажда въ такую жару прямо непреодолима и пьешь черезъ каждые полчаса. Чтобы нѣсколько охладить воду въ желѣзныхъ кувшинахъ, ихъ обвертываютъ мокрой парусиной и вѣшаютъ на дерево противъ вѣтра.

Исламъ-бай пошелъ на охоту и убилъ на озерѣ пару гусей, но не могъ достать ихъ. Остальные люди спали. Я прогулялся на вершину ближайшаго холма, гдѣ жилы порфира прорѣзываютъ ту-же горную породу, что и въ массивѣ около Мазараалды. Видъ открывался великолѣпный. На WSW виднѣлись два озера, мимо которыхъ мы проходили вчера; въ ихъ спокойномъ лонѣ ясно отражались окружающія ихъ горы со склонами, одѣтыми пескомъ. На W 32% N рисовался кряжъ Мазаръ-алды, а между нимъ и нашимъ лагеремъ и дальше по направленію NO разстилалась сочная, сырая, болотистая равнина.

На востокѣ также виднѣлся кряжъ, а на югѣ цѣлый хаосъ небольшихъ вывѣтрѣлыхъ вершинъ кряжа, находившагося возлѣ нашего лагеря. Дальше къ сѣверу равнина отливала то желтымъ, то зеленымъ цвѣтомъ отъ тополей и камыша, самый холмъ — лиловымъ, а поверхность воды голубымъ.

Пока я сидѣлъ на вершинѣ холма, наслаждаясь вечернею прохладой и чудеснымъ видомъ, вѣтеръ понемногу улегся, солнце сѣло, и окрестность заволоклась дымкой тумана. Стояла полная тишина; слышалось только жужжаніе мошекъ и кома-

ровъ; изрѣдка квакали лягушки, да издали доносился крикъ гусей и позваниванье верблюжьихъ колокольчиковъ въ чащѣ



Нашъ бивуакъ около озеръ Мазаръ-тага.
(Съ рисунка Г. Гальстрёма).

камыша. Вообще, это былъ чудесный уголокъ, и я въ полномъ смыслѣ слова упивался жизнью. Какая разница въ сравненіи

съ тѣмъ, что ожидало насъ вскорѣ! Въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль это мѣстечко стояло въ моей памяти, какъ райскій уголокъ.

Но сумерки въ этихъ мѣстахъ непродолжительны, и время было вернуться въ лагерь. Люди все еще спали. Одинъ Исламъ-бай былъ на ногахъ, занятый приготовленіемъ обѣда для меня: супа изъ баранины, жареной картошки и чая. Термометръ показывалъ 20°, но за ночь понизился до 10.4°, и чувствовалась изрядная свѣжесть.

И около этихъ озеръ мы видѣли слѣды людей. По берегамъ были разбросаны покинутые шалаши изъ камыша, а, продолжая на слѣдующій день, 21 апрѣля, путь дальше къ востоку, между озерами и горнымъ кряжемъ, мы нашли по ту сторону барханов дорогу съ ясными слѣдами колесъ арбъ, которые вели черезъ рѣденькій тополевый лѣсокъ. Открытіе это удивило всѣхъ. Люди думали, что это просто на просто та самая дорога, которая, по разсказамъ, шла по лѣвому берегу Хотанъ-дарьи, но я полагалъ, что это какая-то новая, неизвѣстная еще дорога, ведущая вдоль хребта Мазаръ-тагъ къ упомянутой рѣкѣ. Чтобы удостовѣриться, мы рѣшили отправиться по этой дорогѣ, куда-бы она ни вела. Скоро, однако, слѣды исчезли, самая дорога также, и лѣсъ пресѣкся.

Мы продолжали путь на юго-востокъ между отдѣльно лежащимъ отрогомъ и кряжемъ, около котораго былъ вчера разбитъ нашъ лагерь. Идти по этой удивительно ровной поверхности съ твердымъ грунтомъ было очень удобно. Верблюды двигались мѣрно, въ тактъ позванивая колокольчиками. Около восточной подошвы кряжа лежало длинное, узкое озеро, на берегу котораго, къ нашему полному изумленію, паслись три лошади.

Надо было розыскать ихъ владѣльца, и двое изъ моихъ людей пошли по свѣжимъ слѣдамъ, которые вели между барханами къ западной подошвѣ горы. Скоро люди вернулись съ однимъ изъ жителей Маралъ-баши. Онъ разсказалъ намъ, что время отъ времени пріѣзжаетъ сюда добывать горную соль, которою изобилуетъ кряжъ. Соль эта отличнаго качества, и онъ продаетъ ее на базарѣ въ Маралъ-баши; такой промыселъ давалъ ему, повидимому, хорошіе барыши.

Мѣстоположеніе Маралъ-баши онъ указалъ на сѣверо-

западѣ, и сказалъ, что до него всего два неполныхъ дня пути. Гора, которую мы видѣли въ томъ направленіи, и оказалась, какъ мы предполагали, массивомъ Мазаръ-алды. О дорогѣ на SO и разстояніи до Хотанъ-дарьи онъ ничего не зналъ навѣрное, но слыхалъ, что къ югу идетъ сплошной песокъ, воды нѣтъ ни капли, и что пустыню эту называютъ Такла-маканъ.

Мы простились съ одинокимъ путникомъ и продолжали путь къ SSO по твердой безплодной, бездорожной равнинѣ. Кряжъ, бывшій у насъ по правую руку, понемногу все понижался къ югу и перешелъ въ гряду бархановъ, которые уходили въ пустыню. Такимъ образомъ оставалось только надѣяться, что восточный кряжъ протянется до Хотанъ-дарьинскаго Мазаръ-тага, какъ это полагалъ и изобразилъ на картѣ Пржевальскій.

Грунтъ былъ теперь глинистый, твердый и сухой, изрѣзанный безчисленными трещинами; лѣтомъ, какъ видно, его заливало. Мы все держались береговой линіи озера. Къ югу оно суживалось, затѣмъ образовывало значительное расширеніе—болото, которое и заставило насъ сдѣлать большой обходъ. Длинные узкіе заливы, словно пальцы, указывали на югъ, гдѣ небольшое поднятіе мѣстности ставило предѣлъ дальнѣйшему разлитію воды. Замѣчательно, что всѣ эти небольшія озера мы находили какъ разъ у подошвы кряжа. Остановились мы на восточномъ берегу озера.

Предвидя, что это будетъ послѣдняя наша стоянка со свѣжею прѣсной водой, мы рѣшили посвятить весь день 22 апрѣля отдыху. Верблюды и послѣдняя наша овца еще разъ полакомились камышомъ на берегу. Я прошелся на вершину холма, у подошвы которой лежало озеро, и оттуда мнѣ открылся видъ на всю окрестность.

Кряжъ простирался въ юго-восточномъ направленіи, врѣзываясь въ песчаное море пустыни длинной косой. Послѣднимъ же его отпрыскомъ вдали являлся совсѣмъ ничтожный скалистый холмъ, выглядывавшій изъ песку. Болѣе не было видно никакихъ возвышенностей. Мы находились, слѣдовательно, у самой юговосточной точки Маралъ-башинскаго Мазаръ-тага, и этотъ маленькій кряжъ не сливался съ Хотанъ-дарьинскимъ Мазаръ-тагомъ.

На SO, S и W разстилалась, насколько хваталъ взоръ, безбрежная, безплодная пустыня, и горизонтъ въ этихъ направленіяхъ обрисовывался ровною линіею. Подвигаясь въ теченіе слѣдующихъ дней на OSO и на O и не находя никакихъ горъ, мы могли, конечно, предполагать, что продолженіе Мазаръ-тага снова вынырнетъ дальше въ глубинѣ пустыни, или что мы оставили его вправо, но это было мало вѣроятно.

Въ теченіе этого дня отдыха мы и держали между собою совѣтъ. Джолчи увѣрялъ, что отсюда до Хотанъ-дарьи 4 дня пути на востокъ. По лучшимъ русскимъ картамъ, которыя у меня имѣлись, разстояніе это равнялось 120 верстамъ; дѣлая по 20 килом. въ день мы, слѣдовательно, могли пройти этотъ путь въ 6 дней, но уже въ разстояніи двухъ дней пути необходимо было-бы вырыть колодезь, какъ мы это дѣлали въ области Яркендъ-дарьи. Я и приказалъ людямъ запастись водой на 10 дней, т. е. наполнить наши резервуары только на половину, чтобы облегчить верблюдамъ путь по глубокому песку.

Съ такимъ запасомъ мы считали себя вполнѣ обезпеченными; его должно было хватить, чтобы напоить верблюдовъ два раза въ эти шесть дней. Всѣ расчеты казались такими простыми, ясными. Налить въ резервуары воды поручено было Джолчи и Касиму. Они занялись этимъ подъ вечеръ, и я слышалъ, какъ драгоцѣнная влага, булькая, лилась въ водохранилища. Вечеромъ-же привели въ порядокъ всѣ вьюки, чтобы утромъ можно было выступить пораньше.

23 апрѣля день выдался жаркій, но верблюды успѣли отдохнуть наканунѣ, и мы сдѣлали 27.5 килом. Сначала мы шли по равнинѣ, покрытой рѣдкой растительностью и простиравшейся на юго-востокъ отъ озера. Много попадалось глиняныхъ конусовъ и террасъ, похожихъ на развалины сакль. Часа черезъ полтора характеръ мѣстности измѣнился. Начали попадаться маленькіе барханы, а еще минутъ черезъ 10 они потянулись непрерывными неправильными грядами; главное направленіе ихъ было NO—SW, а крутыми склонами они были обращены къ S, SW и W.

Высота ихъ равнялась 6—7 метрамъ, и переходъ черезъ нихъ часто былъ крайне затруднителенъ. Люди мои давали этой области названіе „яманъ-кумъ“ (дурной песокъ), „чонъ-

кумъ“ (большой песокъ), или игизъ-кумъ (высокій песокъ), а гребни барханов назывались у нихъ „бель“ (перевалъ).

Стали также попадаться оригинальныя песчаныя образованія. Подобно тому, какъ волны, при встрѣчѣ двухъ теченій, громоздятся другъ на друга, и достигаютъ двойной высоты, такъ и встрѣчные барханы, образованные различными вѣтрами, скрещиваясь, громоздились въ пирамидальныя массы, превышавшія по высотѣ остальную часть барханов.

По направленію съ NNO къ SSW тянулся передъ нами увалъ изъ гигантскихъ барханов, нагроможденіе барханов, образовавшееся, можетъ быть, на болѣе высокихъ точкахъ первоначальной поверхности. Трудно было перевалить черезъ этотъ увалъ. Верблюды, однако, карабкались удивительно увѣренной, твердой поступью по крутымъ склонамъ, тогда какъ люди безпрестанно скатывались внизъ.

Хотя это нагроможденіе имѣло лишь незначительную относительную высоту, видъ съ вершины открывался широкій. И, если я не поблѣднѣлъ отъ страха, когда мой взоръ потонулъ въ этомъ безбрежномъ морѣ съ гигантскими волнами желтаго песку, то, пожалуй, потому лишь, что я слишкомъ вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, до сихъ поръ всегда ярко сіявшую надъ моей головой. Это песчаное море даже казалось мнѣ безконечно прекраснымъ; тишина и миръ, царствовавшія здѣсь, возвышали душу. Это было дивное величественное зрѣлище.

„Жажда неизвѣданнаго, неизвѣстнаго“ — вотъ имя той волшебной силы, которая непреодолимо влекла меня въ замокъ царя пустыни, гдѣ ждали меня великія открытія, легендарныя сокровища. „Qui ne risque, ne gagne“ — было всегда моимъ лозунгомъ. Впередъ, безъ страха и сомнѣнія! — шепталъ вѣтеръ пустыни; впередъ! — пѣли караванные колокольчики. Тысячи тысячъ медленныхъ шаговъ впередъ, къ цѣли, но не единаго назадъ!

Но скоро барханы стали еще выше, достигая 18—20 метр. надъ уровнемъ поверхности. Пробираться по нимъ становилось очень трудно. Верблюды спускались со скатовъ очень осторожно; разъ только упалъ одинъ изъ несшихъ резервуары съ водой; пришлось его развьючить. Иногда намъ преграждалъ дорогу черезчуръ крутой склонъ; приходилось

останавливаться, брать въ руки заступы и прокладывать дорожку со ступеньками для животныхъ.

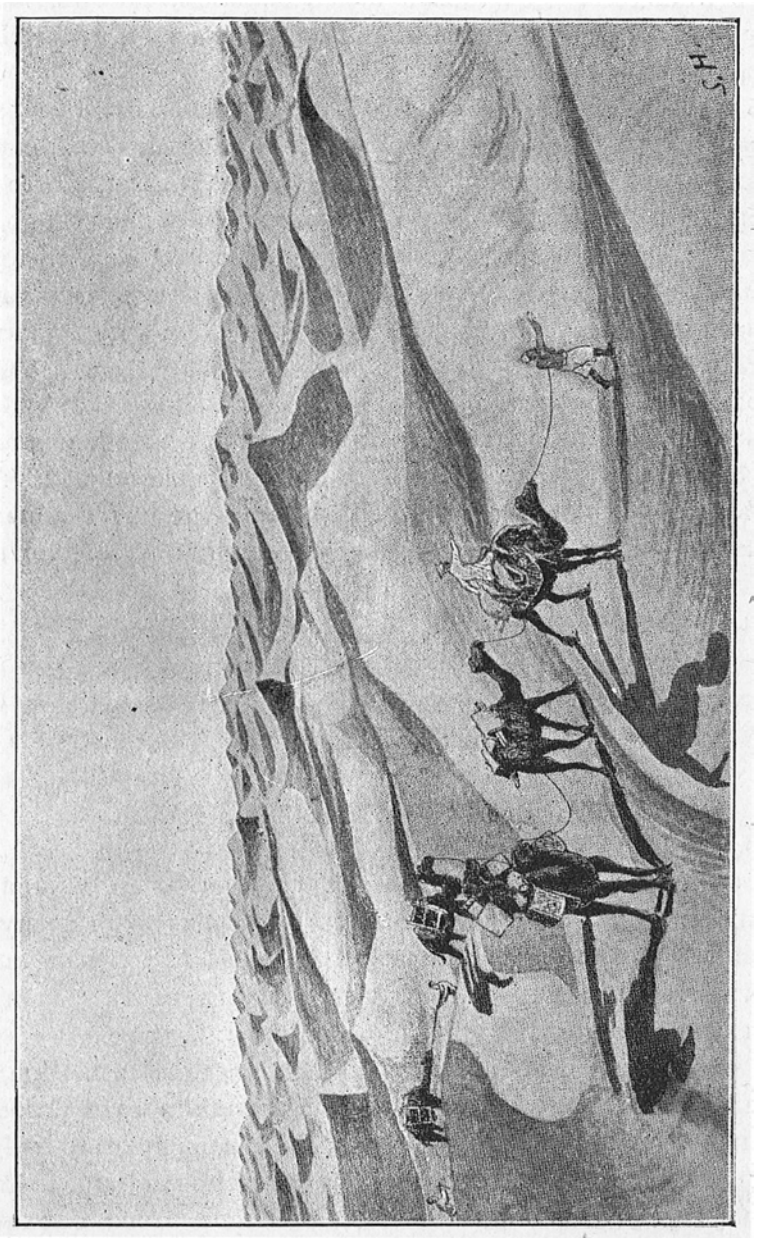
Высота барахановъ дошла, наконецъ, до 25—30 метр. Караванъ, проходившій по краю вершины такого бархана, казался, если глядѣть на него отъ подошвы, совсѣмъ крохотнымъ. Мы, по возможности, держались одной изогипсы, чтобы не спускаться въ котловины между барханами, почему, разумѣется, и шли зигзагами. Для переваловъ мы выбирали болѣе округленныя съ отлогими склонами вершины, но часто приходилось спускаться и съ крутого склона, котораго нельзя было обойти. Всѣ, не отрывая глазъ, слѣдили тогда за движеніями верблюдовъ, которые послѣ минутнаго колебанія начинали спускаться по глубокому рыхлому песку, такъ и осыпавшемуся вслѣдъ за ними, засыпая имъ ноги по колѣна.

Здѣсь уже не было тѣхъ площадокъ съ твердымъ глинистымъ грунтомъ, какія попадались намъ въ первые дни пути; кругомъ былъ одинъ песокъ. Скоро мы оставили за собою и послѣдніе кустики тамариска, еще противостоявшіе жаркому дыханію пустыни. Нигдѣ не виднѣлось ни былинки, ни листика,—одинъ песокъ, желтый, мелкій песокъ. Цѣлыя горы песку тянулись непрерывными грядами насколько хваталъ глазъ, вооруженный полевымъ биноклемъ. Птицы не оживляли болѣе воздушнаго пространства, слѣды газелей и антилопъ тоже исчезли. Временами крайній выступъ косы Мазаръ-тага исчезалъ въ насыщенномъ пылью воздухѣ.

Бѣдныя собаки больше всѣхъ страдали отъ жары въ своихъ теплыхъ шубахъ. Особенно выла, пищала и отставала Хамра. Мы уже съ часъ тщетно искали въ сумеркахъ удобнаго мѣста для привала, когда, наконецъ, увидали небольшую площадку съ твердымъ глинистымъ грунтомъ, на которой росли два послѣднихъ кустика тамариска. Верблюды живо общипали ихъ. Съ этихъ-же поръ животнымъ предстояло довольствоваться кунжутными масломъ и отжимками. Люди начали было рыть колодезь; вырыли яму, глубиною въ 70 сант., но земля все оставалась сухой, и рытье бросили.

Хватились Хамры; ея не было; стали звать, свистать, собака такъ и не явилась. Магометъ-шахъ сказалъ, что видѣлъ еще на полпути, какъ она вырыла себѣ ямку въ пескѣ, въ тѣни кусковъ тамариска, и улеглась тамъ. Люди и полагали, что

собака издохла отъ солнечнаго удара. А, можетъ быть, умное животное, соскучась бѣгать по песку, догадалось, что и впереди



Среди песчанаго моря.
(Съ рисунка автора).

хорошаго ждать нечего, и разсудило за лучшее повернуть назадъ къ послѣднему озеру, чтобы напиться и выкупаться тамъ,

а затѣмъ вернуться къ Маралъ-баши. Чтобы попасть туда, собакѣ, однако, предстояло переплыть Яркендъ-дарью. Прибывъ въ Кашгаръ, я наводилъ о ней справки, но она, какъ въ воду канула. Джолдашъ остался намъ вѣренъ и палъ жертвою своей преданности.

Съ какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ чувствомъ разбили мы нашъ первый лагерь въ самой пустынной, безплодной изъ всѣхъ пустынь свѣта. Люди мало разговаривали, никто не смѣялся; около огня, поддерживаемаго корнями тамариска, образовался необычайно молчаливый кружокъ. Верблюдовъ привязали на ночь въ самомъ лагерѣ, чтобы они не вздумали уйти назадъ къ озеру, гдѣ, знали, есть хорошій подножный кормъ.

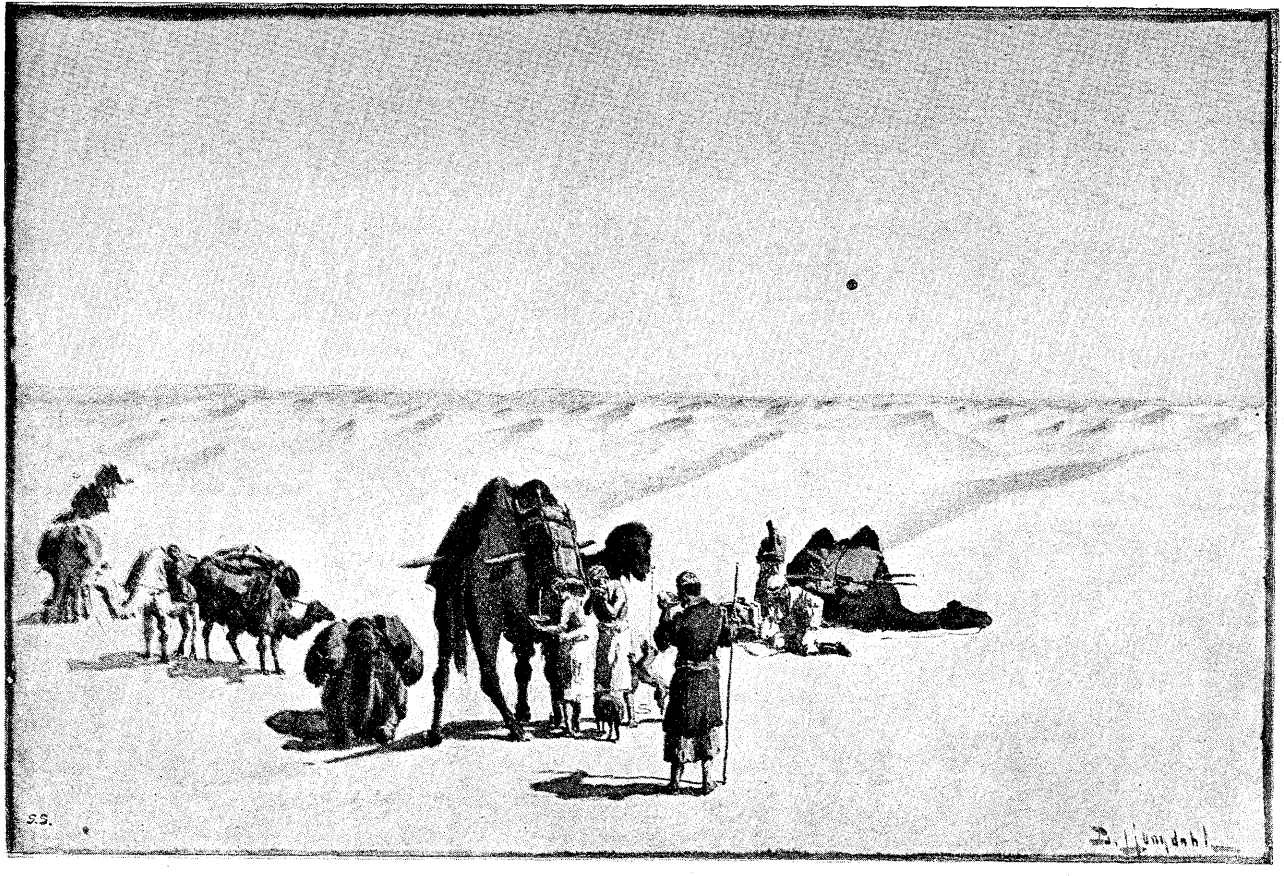
Могильная тишина царствовала кругомъ. Иногда замиралъ и звонъ колокольчиковъ, и слышалось только тяжелое медленное и мѣрное дыханье верблюдовъ. Вокругъ пламени свѣчки въ моей палаткѣ вилось еще нѣсколько заблудшихъ ночныхъ бабочекъ, вѣроятно, занесенныхъ сюда нашимъ караваномъ.

XXIII.

Царство могильной тишины.

24 апрѣля. Я проснулся въ $3^1/_2$ ч. утра отъ страшнаго западнаго урагана, гнавшаго въ палатку цѣлыя тучи песку и угрожавшаго снести самую палатку. Порывы вѣтра налетали со всѣхъ сторонъ, такъ какъ лагерь нашъ былъ разбитъ какъ-бы въ котловинѣ, окруженной барханами.

На сѣверѣ возвышался уходящій на востокъ и на западъ песчаный увалъ, южный склонъ котораго падалъ подъ угломъ 31°. Направленіе мелкой ряби на поверхности песку было N—S. Къ югу отъ лагеря возвышался барханъ почти параллельный увалу; уголъ паденія сѣвернаго склона этого бархана равнялся 10°. Крутые склоны вообще были обращены къ югу и къ западу; отлогіе же къ востоку и сѣверу, что, разумѣется, представляло крайне невыгодныя для насъ условія.



Полуденный отдыхъ въ пустынѣ.

(съ рисунка люнгдаля).

Несмотря на ураганъ, небо оставалось совершенно яснымъ; впрочемъ, это былъ западный вѣтеръ, а пыльнымъ туманомъ сопровождается лишь восточный. День стоялъ жаркій, но вѣтеръ нѣсколько прохлаждалъ. Вокругъ насъ крутились песчаные смерчи, иногда окутывая насъ сплошнымъ облакомъ. Высота ихъ вдвое превосходила человѣческій ростъ. Воздушная синева надъ головой сохраняла свой яркій цвѣтъ, и солнце пекло безпрепятственно; горизонтъ-же былъ окутанъ въ желтоогненный туманъ отъ летучаго песку, набивавшагося всюду, и въ ротъ, и въ носъ, и въ уши. Онъ проникалъ даже сквозь одежду, и въ тѣлѣ ощущался непріятный зудъ, къ которому, впрочемъ, скоро привыкаешь.

Туманъ, заволакивавшій горизонтъ, былъ для насъ совсѣмъ не кстати, такъ какъ часто ставилъ насъ въ затрудненіе относительно выбора направленія. Для насъ удобнѣе было-бы, еслибъ наоборотъ зенитъ тонулъ въ туманѣ, а горизонтъ оставался чистъ. На вершинахъ бархановъ мы могли наблюдать, какъ летучій песокъ подымался на самомъ краю, словно бородка пера, раздуваемая вѣтромъ, какъ мелкія песчинки плясали съ минуту по вѣтру и затѣмъ ложились на подвѣтренную сторону, образуя на поверхности бархана мелкую красивую рябь.

Тѣмъ непріятнѣе было, когда наши головы оказывались въ уровень съ этой песчаной мятелицей. Зажмуривъ глаза, плотно сжавъ губы, опустивъ голову, проѣзжаешь сквозь это облако песку, сыплющагося въ уши, и затѣмъ стряхиваешь съ себя песокъ, насколько возможно. У меня былъ съ собой большой запасъ очковъ-консервовъ съ темными предохранительными сѣтками, и они отлично пригодились намъ теперь, хотя самый мелкій песокъ и проникалъ сквозь сѣтки.

Западный вѣтеръ представляетъ здѣсь всетаки то преимущество, что способствуетъ уравненію поверхности, сглаживаетъ крутые склоны бархановъ, перебрасывая песокъ черезъ гребень на восточную сторону. Одинъ ураганъ, конечно, не могъ выполнить этой гигантской работы, но всетаки нѣсколько облегчилъ намъ путь.

Люди выступили сегодня въ путь, питая надежду набрести до вечера на мѣстечко, гдѣ барханы будутъ не такъ высоки, и гдѣ найдется грунтовая вода, а, можетъ быть, даже под-

ножный кормъ и топливо. Но вмѣсто того песокъ становился все глубже, и мы все больше и больше углублялись въ невѣдомую область. Только разъ барханы дѣйствительно обнаружили пониженіе, не превышая 12 — 15 метр., а между ними стали попадаться небольшіе ровные, голые участки, частью покрытые глиной, частью инкрустированные солью.

Первоначально намѣреніемъ моимъ было идти въ юго-восточномъ направленіи, чтобы попытаться узнать, какъ далеко въ пустынѣ вынырнетъ снова Мазаръ-тагъ. Но мы не видѣли до сихъ поръ и слѣда горъ, и поэтому стали забирать къ востоку, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ сокращали себѣ путь къ Хотанъ-дарьѣ.

Исламъ-бай сталъ нашимъ лоцманомъ и исполнялъ свою обязанность превосходно. Легкими шагами шелъ онъ далеко впереди каравана съ компасомъ въ рукахъ. Иногда онъ исчезалъ внизу за барханами, но затѣмъ опять показывался на вершинѣ. Караванъ медленно двигался по его слѣдамъ, которые шли зигзагами между вершинами, соединявшимися иногда посредствомъ небольшихъ поперечныхъ барханов, представлявшихъ довольно сносные переходы.

Всѣ падали духомъ, когда Исламъ вдругъ останавливался, всходилъ на пирамидальную вершину бархана и, приставивъ руку къ глазамъ, высматривалъ перевалъ или проходъ. Мы понимали тогда, что путь становится все труднѣе. Иногда Исламъ-бай уныло возвращался назадъ и кричалъ: „Хичъ йолъ йокъ! Херъ тарафъ яманъ кумъ (нѣтъ дороги; всюду дурной песокъ)!“ Или: „кумъ-тагъ (гора песку)!“ Тогда приходилось дѣлать большіе обходы къ сѣверу или югу, чтобы миновать непроходимое мѣсто.

Люди всѣ шли пѣшкомъ, босые, молчаливые, усталые, вялые отъ жары, мрачные, и часто останавливались, чтобы напиться. Вода имѣла температуру почти 30° отъ безпрерывнаго плесканья о раскаленныя стѣнки желѣзныхъ резервуаровъ, незащищенныхъ болѣе камышовой прокладкой между ними и переплетомъ ящиковъ. Камышъ давно былъ до чиста вытасканъ верблюдами. Но и такую воду пили съ жадностью, такъ какъ питье усиливало выдѣленіе пота, и вѣтеръ сильнѣе прохлаждалъ тогда тѣло.

Мы всѣ сбились въ кучу, и караванъ ползъ впередъ

точно улитка. Съ каждой возвышавшейся надъ прочими вершины мы осматривались кругомъ, но кромѣ безжизненнаго однообразнаго песку нигдѣ ничего не было видно. Барханы громоздились одинъ возлѣ другого. Это было безбрежное море, по которому шли настоящіе горные хребты изъ тонкаго желтаго песку.

Верблюды подвигались еще удивительно твердымъ шагомъ, то взбираясь на крутые склоны, то спускаясь съ нихъ; намъ, впрочемъ, часто приходилось прокладывать для нихъ дорожки заступами. Во время трудныхъ переходовъ черезъ „даванъ-кумы“ (песчаные перевалы), какъ выражались люди, настроеніе духа падало, но когда открывался добрый конецъ пути по ровной долинѣ—„дере“—между барханами, всѣ снова оживлялись, подбадривались и восклицали: „Худа каласа“! (Дастъ Богъ) „Иншалла!“ (съ Божьей помощью) и „Бисмила“! (Съ Богомъ). Къ сожалѣнію, скоро передъ нами вставали новыя гряды и тянулись вдаль, насколько хваталъ взоръ.

Мы сдѣлали продолжительный привалъ на высокомъ барханѣ, чтобы оглядѣться и напиться. Напоили и бѣднаго Джолдаша, и овцу, умиравшихъ отъ жажды. Джолдашъ просто съ ума сходитъ, когда дѣло коснется воды. Какъ только кто нибудь дотрагивается до резервуаровъ, онъ ужь тутъ, какъ тутъ, и умильно виляетъ хвостомъ. Послѣдняя овца идетъ за нами неотступно, терпѣливо, какъ собака. Люди очень къ ней привязались и говорятъ, что лучше умрутъ съ голоду, чѣмъ зарѣжутъ ее.

Между тѣмъ верблюды начали уставать, а трудные для перехода мѣста становились все чаще. Если животнымъ случалось упасть на крутыхъ склонахъ, они уже не могли подняться безъ помощи. Одного верблюда, который упалъ, немного не доходя до вершины, пришлось разъвьючить вплоть до сѣдла и общими силами скатить внизъ въ впадину между барханами, 20 м. глубины; лишь тамъ животному удалось встать на ноги.

Пройдя всего 13 килом., мы разбили лагерь на небольшой площадкѣ съ такимъ твердымъ сухимъ грунтомъ, что не стали и пытаться рыть колодезь. Теперь уже нигдѣ не было и слѣда человѣческой жизни. Вокругъ моей свѣчки больше не

порхали ночныя бабочки, ни одинъ оборванный вѣтромъ пожелтѣвшій листокъ не нарушалъ угнетающаго однообразія пустыни. Верблюды были привязаны и получили свой скудный ужинъ.

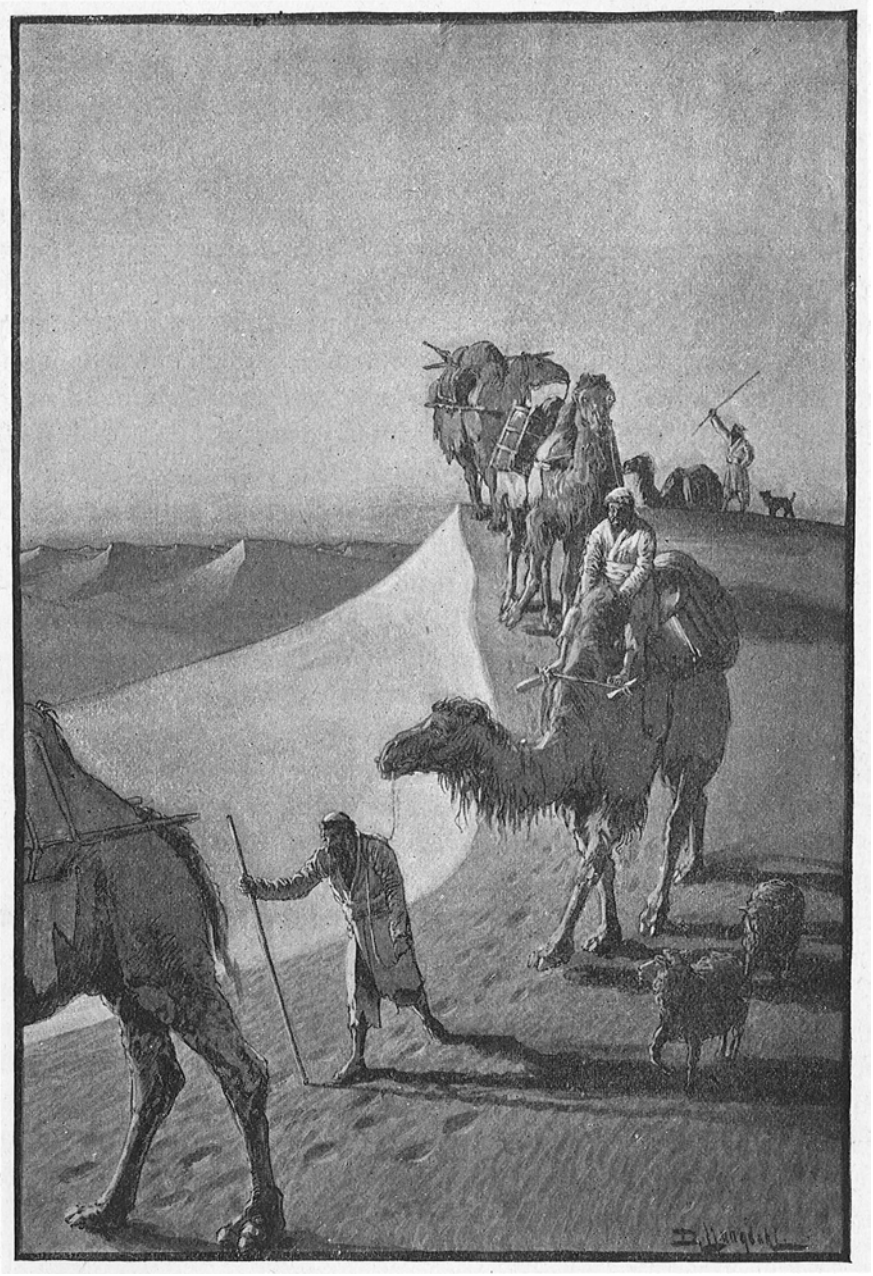
Покончивъ со всѣми хлопотами, люди усѣлись и стали разговаривать о событіяхъ дня и о томъ, что ожидало насъ завтра. Пріятно было слушать, какъ Исламъ-бай старался внушить мужество остальнымъ; онъ разсказывалъ имъ о нашихъ прежнихъ приключеніяхъ, о снѣжныхъ сугробахъ въ долинѣ Алая, которые куда хуже песчаныхъ, о ледникахъ Мустагъ-аты и о нашихъ подъемахъ на гору.

25 апрѣля. Вслѣдствіе ясности воздуха минимальный термометръ обнаружилъ пониженіе, давъ за ночь всего два градуса тепла. Утромъ дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и воздухъ опять пропитался пылью. Поэтому, температура воздуха весь день стояла необыкновенно низкая, и намъ даже въ полдень не пришлось жаловаться на жару. Густая пыльная мгла скрывала отъ глазъ даже ближайшіе барханы.

Терассообразные глинистые участки, между барханами, встрѣчавшіеся крайне рѣдко и избиравшіеся нами, по возможности, мѣстами приваловъ, представляютъ очень оригинальныя образованія. Верхній почвенный слой этихъ участковъ—крайне рыхлая, пористая глина, расположенная горизонтальными слоями и разсыпающаяся въ пыль, какъ только дотронешься до нея. Слои эти часто образуютъ уступы. На самыхъ участкахъ нѣтъ и слѣда песку или растительности.

Безъ сомнѣнія, слои глины представляютъ аллювіальныя отложенія. Быть можетъ, это послѣдніе слѣды высохшаго азіатскаго Средиземнаго моря; терассы указываютъ на различный уровень воды. Большинство площадокъ такихъ терассъ не превосходило палубы брига. Барханы въ своемъ неустанномъ странствованіи надвигаются на нихъ и покрываютъ ихъ пескомъ, сдвигаются и опять открываютъ ихъ, такъ что эти глинистые участки постоянно мѣняютъ свой видъ и положеніе.

Утромъ я сдѣлалъ печальное открытіе. Я замѣтилъ, что вода въ желѣзныхъ резервуарахъ плещется какъ-то подозрительно гулко, и вздумалъ осмотрѣть ихъ. Оказалось, что воды въ нихъ оставалось только на два дня. Я спросилъ людей, по-



Перевалъ черезъ гребень бархана.
(Съ рисунка Д. Люнгдаля).

чему они не исполнили моего приказанія запастись водой на 10 дней, и они отвѣтили, что Джолчи распоряжался заготов-

леніемъ воды. Я началъ его упрекать за такое важное упущеніе, но онъ сталъ успокаивать меня, увѣряя, что отъ послѣдняго озера всего 4 дня пути до мѣстности, гдѣ можно опять дорыться до грунтовой воды.

Его показанія совпадали съ указаніями картъ, и я повѣрилъ ему, тѣмъ болѣе, что всѣ его указанія до сихъ поръ оказывались вѣрными. Вообще, всѣ мы были увѣрены, что гдѣ нибудь неподалеку на востокѣ или на западѣ есть вода, поэтому никто и не заикнулся о возвращеніи къ послѣднему озеру. А между тѣмъ отъ сколькихъ страданій и горестей избавили-бы мы и самихъ себя и тѣхъ, кто безпокоился о нашей судьбѣ, если-бы мы вернулись назадъ!

Пока мы рѣшили расходовать воду возможно бережливѣе. Я поручилъ по секрету Исламъ-баю не выпускать изъ вида резервуаровъ, въ которыхъ еще оставалась драгоцѣнная влага. Верблюдамъ такъ и не удалось больше удовлетворить своей жажды.

Въ воздухѣ было прохладно, благодаря пыльному туману, въ которомъ смутно рисовались вершины бархановъ какими-то фантастическими тѣнями: желтыми дельфинами съ изогнутыми спинами, чудовищами, которыя словно смѣялись надъ нашей дерзостью. Туманъ вводилъ также въ заблужденіе относительно разстоянія. Часто, напримѣръ, мы нежданно-негаданно оказывались около самой подошвы высокаго бархана, который, благодаря неясности очертаній, казался намъ еще далеко.

Передъ нами возвышалась настоящая горная область съ песчаными плато и нагорьями. Наибольшее скопленіе барханов было на сѣверѣ и на югѣ, но самые высокіе шли на востокъ и на западъ. Теперь терассообразные глинистые участки, удостовѣрявшіе насъ хотя въ томъ, что у этого песчанаго моря есть дно, и подававшіе намъ надежду выбраться изъ него, исчезли окончательно.

Повсюду кругомъ виднѣлся песокъ, сплошной песокъ; дно каждой впадины было также покрыто слоемъ песку. Мы, видимо, находились въ самой худшей части пустыни, и намъ становилось какъ-то жутко.

Я весь день шелъ пѣшкомъ, частью, чтобы поберечь моего славнаго „Богру“, частью, чтобы подбодрить людей.

„Баба“ безпрестанно останавливался, обрывая веревку. Онъ какъ будто и не чувствовалъ боли въ губѣ. Наконецъ, онъ легъ и какъ его ни погоняли, не всталъ, пока его не развьючили. Шелъ онъ, однако, все медленнѣе, останавливался все чаще, и пришлось его вести за поводъ. Въ концѣ концовъ его вьюкъ раздѣлили между другими верблюдами, и онъ одиноко потащился далеко позади каравана. Видъ крушенія одного изъ кораблей пустыни, безъ которыхъ мы погибли, еще усиливалъ жуткое чувство.

Мы съ нетерпѣніемъ поглядывали на востокъ. Напрасно! Куда ни взгляни—горы песку. Но стоило взяться откуда-то весело жужжавшему около верблюдовъ оводу, чтобы всѣ воспрянули духомъ въ надеждѣ на близость „земли“. Но, вѣроятно, этотъ обманщикъ сопровождалъ насъ давно, притаившись въ шерсти котораго нибудь изъ верблюдовъ.

„Баба“ все задерживалъ насъ, и мы рѣшили остановиться на часокъ, чтобы дать ему передохнуть. Ему дали литръ воды и охапку сѣна изъ его собственнаго вьючнаго сѣдла; онъ проглотилъ все это съ жадностью. Когда сѣдло съ него сняли, на спинѣ у него оказалась открытая рана; больное пожелтѣвшее мясо терлось о неровности изнанки сѣдла. Кромѣ того животное хромало, и языкъ у него совсѣмъ побѣлѣлъ. Жаль было смотрѣть на бѣднягу. Караванъ продолжалъ путь, но Магометъ-шаху пришлось остаться съ „Бабой“, ревъ котораго долго доносился до насъ издали.

Самые высокіе изъ барханов, достигали здѣсь 50—60 м. высоты, но дальше они снова понизились до 30 — 35 м.

„Карга, карга!“ — закричалъ Исламъ-бай, показывая на ворону, которая, покружившись надъ караваномъ, исчезла. Ворона всѣхъ обрадовала; мы разсуждали, что такъ какъ она врядъ-ли изъ одного удовольствія залетитъ такъ далеко въ пустыню, то значитъ у нея гдѣ нибудь неподалеку гнѣздо, и, слѣдовательно, недалеко-же должна быть вода.

Мы прошли 20 килом., какъ вдругъ „Чонъ-кара“ отказался идти дальше, и пришлось разбить лагерь № 13. Верблюдамъ отдали остатки сѣдла „Бабы“. У насъ оставался еще запасъ сѣна и соломы въ сѣдлахъ остальныхъ шести верблюдовъ.

Мои обѣды становились все проще; я довольствовался

чаемъ, хлѣбомъ и консервами. Люди пили чай, ѣли хлѣбъ и „талканъ“. Насчетъ топлива было туговато; небольшой запасъ, взятый въ дорогу, истощился, и приходилось жертвовать нѣкоторыми менѣе нужными деревянными ящиками.

Вечеромъ составили совѣщаніе. Всѣ оказались того мнѣнія, что до Хотанъ-дарьи самое большее 3 дня пути; кромѣ того мы надѣялись, что еще раньше попадемъ въ полосу лѣса. Въ палаткѣ моей жужжали два комара; занесли-ли мы ихъ сами, или ихъ принесло вѣтромъ изъ близко-лежащаго лѣса?

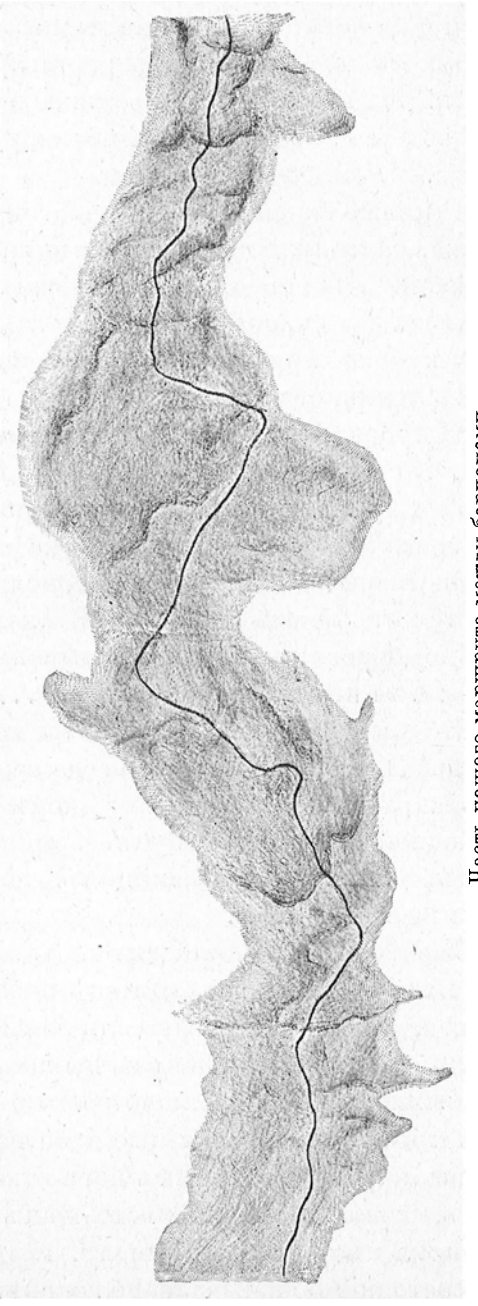
26 апрѣля. Пока люди были заняты приготовленіями къ выступленію, я на восходѣ солнца отправился пѣшкомъ одинъ къ востоку, чтобы намѣтить дорогу. Съ тѣхъ поръ я и продолжалъ весь путь до Хотанъ-дарьи пѣшкомъ, такъ что не могъ болѣе измѣрять разстоянія шагами верблюда, какъ дѣлалъ вначалѣ. Теперь я считалъ число собственныхъ шаговъ, и это занятіе приковывало мое вниманіе не меньше. Къ тому-же я смотрѣлъ на каждые пройденные 100 шаговъ, какъ на своего рода побѣду, и каждая пройденная тысяча шаговъ подкрѣпляла во мнѣ надежду на спасеніе.

Съ компасомъ и биноклемъ въ рукахъ, я торопливо шагалъ прямо на востокъ, такъ какъ въ этомъ направленіи скорѣе всего можно было ожидать встрѣтить рѣку. Скоро лагерь и верблюды исчезли за вершинами дюнъ. Одна муха, на которую я взиралъ съ необычною благосклонностью, составляла мнѣ компанію. Не будь ея, я былъ-бы окончательно одинокъ среди этой могильной тишины, этого желтаго моря съ песчаными волнами-барханами, очертанія которыхъ сглаживались и рѣдѣли по направленію къ востоку. Болѣе торжественнаго безмолвія и мира не могло царить даже въ воскресный день на кладбищѣ; для полнаго сходства съ послѣднимъ здѣсь не доставало только крестовъ.

Барханы стали какъ будто пониже. То переваливая черезъ вершины, то обходя ихъ, я старался, по возможности держаться одной изогипсы, зная, что по моимъ слѣдамъ тяжело поплетутся верблюды. Отъ NO по направленію къ SW и отъ W къ O тянулись тамъ и сямъ причудливыя, перекрещивающіяся гряды бархановъ.

Положеніе наше оказывалось отчаяннымъ. Барханы скоро

опять достигли высоты 40—50 м. Поглядѣть съ вершины такого гиганскаго бархана внизъ къ подошвѣ подвѣтреннаго склона его — голова кружилась. Эти барханы угрожали намъ медленной, но вѣрной смертью. Онѣ преграждали намъ путь, и намъ приходилось обходить ихъ — другого исхода не было.



Часть нашего маршрута между барханами.
(Съ рисунка автора).

Крутые склоны были теперь обращены на востокъ и юго-востокъ, указывая, что здѣсь въ послѣдніе дни господствовалъ юго-западный вѣтеръ. И теперь еще съ сѣверо-запада тянуло свѣжимъ вѣтеркомъ. Время отъ времени порывами вѣтра проносило какіе-то комки растительнаго пуха, а внизъ по склону барханов катились клубки сбитыхъ, сцѣпившихся, сухихъ репьевъ. Къ несчастью, всѣ эти слабые симптомы растительной жизни обязаны были своимъ проявленіемъ сѣверо-западному вѣтру, и, вѣроятно, исходили изъ областей, оставленныхъ нами позади.

Около полудня я былъ готовъ упасть отъ усталости и жажды; солнце жгло, какъ раскаленная печь. Я не въ силахъ

былъ идти дальше, но тутъ муха взлетѣла кверху съ такимъ веселымъ жужжаньемъ, что я воспрянулъ духомъ. „Попытайся пройти еще конецъ!“—шепталъ мнѣ внутренній голосъ. „Доберись хоть до ближайшей вершины, пройди еще хоть тысячу шаговъ! Ты всетаки будешь ближе къ Хотанъ- дарьѣ, свѣжія струи которой, стремясь съ Лобъ-нору, поютъ пѣснь о жизни, о веснѣ, о веснѣ жизни!“

Я прошелъ еще тысячу шаговъ и упалъ на вершинѣ бархана, растянулся на спинѣ и прикрылъ лицо своей бѣлой фуражкой. „Палящее солнце, спѣши лучше къ западу, растопить льды на склонахъ Мустагъ-аты, и принеси намъ хоть одинъ кубокъ хрустальной влаги, низвергающейся съ ея голубыхъ ледниковъ!“

Я прошелъ 13 килом. Хорошо было отдохнуть, тѣмъ болѣе, что на вершинѣ бархана было прохладнѣе отъ вѣтра. Я впалъ въ дремоту и забылъ все злополучіе нашего положенія. Мнѣ грезилось, что я отдыхаю на сочной лужайкѣ въ тѣни густолиственнаго серебристаго тополя, листочки котораго колеблются отъ легкаго вѣтерка. Я слышалъ журчанье и плескъ волнъ о берега; волны подкатывались къ самымъ корнямъ дерева; въ вѣтвяхъ его пѣла птица....

Это былъ чудный сонъ. Я-бы хотѣлъ наслаждаться имъ подольше, онъ уносилъ меня далеко, далеко.... Но глухой звонъ караванныхъ колокольчиковъ разомъ пробудилъ меня къ ужасной дѣйствительности. Я приподнялся и сѣлъ. Голова моя была словно налита свинцомъ, глаза слѣпило отъ горячаго блеска желтаго песку.

Верблюды подходили неровною заплетающеюся поступью; глаза ихъ были тусклы, взглядъ покорно равнодушенъ; они, казалось, уже и не помышляли больше о подножномъ кормѣ; дышали они тяжело, и запахъ дыханья ихъ былъ еще непріятнѣе обыкновеннаго. Пришло всего 6 верблюдовъ съ Исламъ-баемъ и Касимомъ; остальные двое людей остались съ „Бабой“ и „Чонъ-кара“, у которыхъ ноги отказались служить еще въ самомъ началѣ пути. Магометъ-шахъ и Джолчи должны были придти на мѣсто стоянки послѣ, глядя по тому, какъ позволитъ состояніе больныхъ верблюдовъ.

Теперь характеръ мѣстности снова измѣнился. Между барханами тамъ и сямъ пролегали плоскіе, ровные участки, по-

крытые мелкимъ подвижнымъ матеріаломъ, настоящею пылью, въ которой ноги наши тонули, какъ въ трясинѣ, почему и приходилось тщательно избѣгать такихъ мѣстъ. Въ другихъ мѣстахъ песокъ былъ усѣянъ мелкими остроребернымъ обломками кремня; кремень какъ будто оказывалъ на барханы такоеже дѣйствіе, какъ масло на волны морскія: дюны были здѣсь точно приплюснуты, округлены и лишены обычной мелкой ряби на поверхности.

Между двумя барханами мы наткнулись на крайне неожиданную находку: остатки скелета осла или, какъ полагали люди, дикой лошади. Сохранились только кости ногъ, бѣлыя, какъ снѣгъ, и настолько хрупкія, что разсыпались въ прахъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Копыта, сохранившіяся лучше всего, были слишкомъ велики, чтобы принадлежать ослу, и слишкомъ малы для обыкновенной лошади.

Зачѣмъ попало это животное въ пустыню и какъ давно лежитъ оно здѣсь? — Песокъ пустыни не давалъ на эти вопросы отвѣта. Пожалуй, скелетъ этотъ лежалъ тутъ тысячи лѣтъ, такъ какъ впослѣдствіи я убѣдился, что мелкій сухой песокъ обладаетъ несомнѣннымъ свойствомъ сохранять органическія тѣла. Такимъ образомъ и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что скелетъ этотъ былъ погребенъ подъ пескомъ въ теченіе вѣковъ и обнаженъ, вслѣдствіе передвиженія бархановъ, только недавно.

Всѣ изнемогали отъ усталости и жажды, а мы прошли еще только два съ половиной километра. Привалъ сдѣлали на небольшой твердой глинистой площадкѣ. И здѣсь мы нашли диковинки: бѣлыя, хрупкія раковинки маленькихъ улитокъ, нѣсколько мелкихъ галекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представлялись округленными и какъ бы полированными водой, кремней, обломокъ большой двустворчатой раковины и множество трубочекъ извести, подобныхъ известковымъ осадкамъ, образующимся вокругъ стебельковъ камыша.

Магометъ-шахъ и Джолчи добрели до лагеря только въ сумерки, усталые, истомившіеся отъ жажды, опираясь на посохи. Верблюдовъ они бросили на произволъ судьбы, такъ какъ тѣ отказались идти. Оживленныя ночной прохладой животныя, однако, дотащились до лагеря около полуночи. Я ужь послалъ было за ними одного изъ людей.

Въ лагерѣ въ этотъ вечеръ царило необычайное оживленіе: въ бинокль мы открыли, что къ востоку барханы становятся все ниже; кромѣ того около самого лагеря онѣ имѣли уже только 10—15 м. высоты. Мы могли, слѣдовательно, надѣяться, что завтра выйдемъ изъ полосы „чонъ-кума“ и, можетъ быть, даже разобьемъ лагерь въ лѣсахъ Хотанъ-дарьи! Эта радостная мысль оживила всѣхъ.

Моей палатки больше не разбивали. Намъ надо было беречь свои силы. Всѣ спали подъ открытымъ небомъ. Джолчи продолжалъ сторониться другихъ и говорилъ только, когда къ нему обращались съ прямымъ вопросомъ. Видъ у него былъ ехидный, и на душѣ становилось легче, когда онъ не попадался на глаза.

Чаще всего въ теченіе дня слышалось слово „яманъ“ (худо). Но иногда давалъ себя знать и юморъ—юморъ приговореннаго къ повѣшенію, какъ говорится на сѣверѣ. Такъ, напримѣръ, когда мы проходили по кремнямъ, кто-то изъ людей совѣтовалъ другимъ поискать золота. И вообще, какъ-бы ни приходилось худо днемъ, всѣ подбадривались, когда предстояло сдѣлать привалъ: ночь съ ея прохладой и отдыхомъ отъ трудовъ и разбитыхъ надеждъ дня всегда была желаннымъ другомъ, печалиться же о завтрашнемъ днѣ мало было толку.

Около шести часовъ вечера мнѣ вдругъ пришло въ голову—не попробовать-ли всетаки вырыть колодезь? Исламъ-бай и Касимъ изъявили живое сочувствіе моему плану, и, пока первый готовилъ мнѣ обѣдъ, второй немедленно взялся за дѣло. Онъ засучилъ рукава, поплевалъ на руки и принялся рыть „китменемъ“, сартскимъ заступомъ, сухую, скрипѣвшую подъ ударами глину, распѣвая пѣсню.

Когда къ намъ присоединились и остальные двое людей, всѣ трое стали рыть по очереди. Джолчи на мое обращеніе къ нему презрительно разсмѣялся и отвѣтилъ, что, конечно, вода тамъ внизу есть, но только на глубинѣ 30 кулачей (саженей). Его, однако, пристыдили, и онъ принялся работать съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что смѣшанная съ пескомъ глина стала на глубинѣ одного метра сыроватою.

Это открытіе оживило насъ всѣхъ. Я наскоро проглотилъ свой обѣдъ и поспѣшилъ съ Исламъ-баемъ къ колодцу. Теперь мы стали работать всѣ пятеро. Касимъ рылъ такъ, что заступъ

визжалъ. Скоро землекопъ скрылся въ ямѣ съ головой, и ему стало неудобно выбрасывать песокъ на поверхность. Привязали веревку къ ручкѣ ведра и спустили ведро въ яму. Одинъ изъ остальныхъ подымалъ и опоражнивалъ ведро по мѣрѣ надобности. По краямъ колодца образовался понемногу высокій валъ изъ вырытаго матеріала, и я старался разгрести его по поверхности, чтобы расчистить мѣсто пошире.

Работа началась въ 6 ч. Температура воздуха равнялась еще 28.6° Поверхность почвы была нагрѣта до 26.8. На глубинѣ 1.05 м. смѣшанная съ пескомъ глина имѣла температуру 16.6°, а на 1.54 м. 12.4° и оказывалась иногда съ примѣсью красновато-бурой желѣзистой примазки, должно быть остатками нѣкоторыхъ разновидностей сгнившихъ растеній. Камней-же не попадалось совсѣмъ.

Славно, прохладно было растянуться на вырытомъ пескѣ. Вода въ послѣднемъ желѣзномъ резервуарѣ сохраняла еще температуру 29.4°, но стоило закопать кувшинъ съ водой въ этотъ песокъ, и вода дѣлалась прохладной и освѣжающей.

Песокъ, хотя и медленно, становился все сырѣе. Джолчи полагалъ, однако, что до воды было еще далеко. На глубинѣ 2 метровъ вырытый матеріалъ оказывался уже настолько сырымъ, что изъ него можно было лѣпить колобки, и руки отъ прикосновенія къ нему становились влажными. Какъ пріятно было прижаться къ нему пылающимъ лбомъ!

Такъ прошло часа два. Люди устали. Потъ катился по ихъ обнаженнымъ спинамъ. Они все чаще и чаще дѣлали передышки и утоляли жажду глоткомъ воды. Въ этотъ вечеръ мы пили, не мучась угрызеніями совѣсти, въ надеждѣ на колодезь, который долженъ былъ пополнить наши пустые резервуары.

Тѣмъ временемъ стемнѣло; въ стѣнахъ колодца сдѣлали углубленія, и въ нихъ вставили огарки свѣчей. Инстинктъ привлекъ всѣхъ животныхъ къ краямъ колодца. Верблюды вытягивали шеи, чуя влажность песку, на которомъ распростерся Джолдашъ. Время отъ времени подходили навѣдаться и куры.

Съ отчаяннымъ напряженіемъ продолжали мы работать— ради спасенія нашей жизни. Надежда на спасеніе придавала намъ силы. Мы не хотѣли сдаваться и готовы были, коли на то пошло, оставаться здѣсь и рыть весь слѣдующій день.

Мы какъ разъ говорили объ этомъ, стоя вокругъ зіяющей ямы и глядя на Касима, который былъ на днѣ ея; его обнаженная до пояса фигура, слабо освѣщаемая свѣтомъ огарковъ, принимала какія-то фантастическія очертанія. Вдругъ онъ внезапно пересталъ рыть, выпустилъ заступъ изъ рукъ съ какимъ-то сдавленнымъ крикомъ и словно окаменѣлъ.

—Что такое? что случилось?—съ изумленіемъ спрашивали мы всѣ.

—Курукъ-кумъ (сухой песокъ)!—раздался голосъ, какъ будто выходившій изъ могилы...

Нѣсколько ударовъ заступомъ убѣдили насъ въ томъ, что песокъ дѣйствительно вдругъ сталъ сухимъ, какъ трутъ. Предательская влажность объяснялась, можетъ быть, ливнемъ, или растаявшимъ тутъ зимою снѣжнымъ сугробомъ. Настоящей причины ея мы не знали, песчаные барханы не выдали намъ своихъ тайнъ. Глубина вырытаго колодца достигала 3.13 м., температура въ ямѣ на этой глубинѣ равнялась 11.2°.

Только теперь почувствовали мы, что устали, и что понапрасну потратили столь нужныя намъ силы. У насъ просто руки опустились; всѣми овладѣло мрачное, тяжелое настроеніе. Избѣгая глядѣть другъ на друга, мы печально побрели каждый къ своему ложу, чтобы забыться тяжелымъ долгимъ сномъ отъ удручающихъ разочарованій дня.

Но прежде, чѣмъ лечь, я имѣлъ съ глазу на глазъ совѣщаніе съ Исламъ-баемъ. Мы не скрыли другъ отъ друга одолѣвавшихъ насъ заботъ, но условились до конца не падать духомъ и поддерживать бодрость духа въ остальныхъ. До Хотанъ-дарьи, согласно картамъ, было уже недалеко, но, тѣмъ не менѣе, намъ слѣдовало приготовиться ко всему худшему.

Трое остальныхъ уже спали, когда мы освидѣтельствовали послѣдній резервуаръ съ водою. Тамъ оставалось воды на одинъ день. Надо было беречь ее, какъ золото. Да, если-бы мы только могли купить воды еще на одинъ день, мы отдали-бы за нее весь нашъ запасъ китайскаго серебра.

Послѣдній остатокъ воды надо было раздѣлить на порціи по каплямъ. Тогда являлась возможность протянуть еще три дня. На каждаго приходилось въ такомъ случаѣ по два стакана въ день. На долю верблюдовъ, не получавшихъ въ тече-

ніе послѣднихъ трехъ дней ни капли воды, и нельзя было удѣлить ничего. Джолдашу и овцѣ до сихъ поръ выдавали по чашкѣ воды въ день, такъ что они были еще молодцами.

Наконецъ, улеглись и мы, а терпѣливые, кроткіе, какъ жертвенные ягнята, верблюды все стояли въ тщетномъ ожиданіи около зіяющаго пустого колодца.

XXIV.

Воды нѣтъ!

На восходѣ солнца 27 апрѣля для верблюдовъ было сдѣлано все, что только возможно было, чтобы поддержать въ нихъ силы еще хоть на короткое время. Изъ одного вьючнаго сѣдла было вытащено все сѣно и разложено передъ ними. Они съѣли сѣно съ жадностью и стали искать воды. Мы помочили имъ губы и дали по глотку промочить горло. На десертъ-же они получили цѣлый мѣшокъ стараго хлѣба съ кунжутнымъ масломъ. На мѣстѣ стоянки были брошены печка, моя походная кровать, коверъ и другіе менѣе важные предметы.

Наскоро выпивъ чаю, я поспѣшилъ отправиться впередъ, по тому же направленію на востокъ. Я сгоралъ отъ нетерпѣнія выбраться на ровную дорогу,—барханы стали ниже, достигая лишь 10 метр. высоты. Я, однако, замѣтилъ, что бурая подпочва, проглядывавшая тамъ и сямъ между барханами, обнаруживаетъ слабую неровность. Меньшая высота бархановъ, слѣдовательно, могла объясняться волнистостью первоначальной поверхности почвы,—песокъ меньше скоплялся на возвышенностяхъ, нежели вокругъ нихъ.

Предположенія мои сбылись. Черезъ часъ я опять былъ окруженъ высокими труднопроходимыми барханами. Крутые склоны обращены были къ востоку и югу; самые маленькіе барханы лежали на N и S или NO — SW. Самыя-же крупныя нагроможденія песку тянулись съ востока на западъ.

Ни слѣда жизни, ни кустика тамариска на горизонтѣ, ничего, что указывало бы на близость „земли“! У меня просто

голова кружилась среди этого пустыннаго моря песку. Вооружась биноклемъ, я напрягалъ зрѣніе и высматривалъ съ вершины каждаго высокаго бархана — не покажется-ли на горизонтѣ темная полоса лѣсовъ Хотанъ-дарьи; нѣтъ, ничего!

Спускаясь по одному склону, я увидалъ какой-то предметъ, похожій на корень. Я наклонился, чтобы ощупать его, но предметъ вдругъ побѣжалъ. Это оказалась ящерица одного цвѣта съ пескомъ. Она скрылась въ маленькомъ отверстіи въ утрамбованной поверхности бархана. Чѣмъ она жила тутъ? Неужели она никогда не нуждалась въ каплѣ воды?

День выдался прекрасный; небо было затянуто легкими облачками, и жара не особенно донимала, такъ что и выдѣленіе пота было менѣе обильно, чѣмъ обыкновенно. Черезъ три съ половиной часа меня нагналъ нашъ караванъ, который весь день шелъ бодро. Магометъ-шахъ съ двумя больными верблюдами опять отсталъ.

Завидѣли двухъ гусей, летѣвшихъ на значительной высотѣ по направленію къ сѣверо-западу. Они снова оживили наши надежды, такъ какъ мы рѣшили, что они летятъ съ Хотанъ-дарьи къ маленькому озерку у подошвы кряжа. Это былъ собственно самообманъ съ нашей стороны: если гуси летятъ высоко, то, значитъ, предприняли дальній перелетъ, да и что̀ для нихъ перелетѣть черезъ пустыню, въ 300 верстъ въ поперечникѣ?

Съ часъ я опять ѣхалъ на своемъ славномъ „Богрѣ“, безропотно принявшемъ такое увеличеніе своего груза. Я чувствовалъ ужасную усталость, но, когда замѣтилъ, что у верблюда дрожатъ колѣни, предпочелъ слѣзть и идти пѣшкомъ.

Барханы въ этотъ день достигли максимальной высоты — 60 метр. Измѣрялъ я высоту ихъ на глазомѣръ слѣдующимъ образомъ: я останавливался въ значительномъ разстояніи отъ крутого склона бархана, по гребню котораго проходилъ караванъ, измѣрялъ высоту верблюда, приставивъ къ глазу карандашъ, на которомъ были отмѣчены маленькія дѣленія, а затѣмъ такимъ-же путемъ измѣрялъ высоту бархана, высчитывая, во сколько разъ она больше высоты верблюда. Верблюды казались просто крошками въ сравненіи съ барханами, походившими на настоящія горы.

Подвигались мы по этимъ гигантскимъ волнамъ не бы-

стро, такъ какъ то и дѣло приходилось дѣлать большіе обходы. Иногда обходы эти вели къ западу, и такимъ образомъ мы теряли понапрасну много шаговъ.

Джолдашъ взвизгивалъ и выл, держась поближе къ резервуарамъ, гдѣ остатки воды булькали свою лебединую пѣснь. Когда мы останавливались въ нерѣшимости на нѣсколько минутъ, Джолдашъ начиналъ лаять, визжать и рыть лапами песокъ, какъ бы желая напомнить намъ, что ему страшно хочется пить и что пора-бы вырыть колодезь.

Когда я отдыхалъ, собака садилась передо мною и долго-долго глядѣла мнѣ прямо въ глаза, какъ-бы спрашивая, есть-ли еще надежда? Я ласкалъ ее, притворяясь спокойнымъ, и указывалъ рукою на востокъ, — тамъ-де есть вода. Джолдашъ навастривалъ уши, вскакивалъ и кидался по указанному направленію, но скоро возвращался унылый, словно обманутый.

На площадкѣ пирамидальнаго бархана, на вершину котораго вскарабкался съ трудомъ Исламъ-бай, мы сдѣлали долгій привалъ, чтобы дать Исламу время хорошенько изслѣдовать горизонтъ въ бинокль. Ни малѣйшей надежды не далъ намъ этотъ осмотръ. Всюду то-же море съ застывшими песчаными волнами! Куда ни погляди — вокругъ насъ разстилалась мертвая пустыня.

Тѣмъ не менѣе мы рѣшили продолжать путь, пока всѣ шесть верблюдовъ не остановятся, словно по уговору. Случилось это въ 6 ч. вечера на барханѣ, обращенномъ отлогимъ склономъ къ сѣверу, и мы разбили здѣсь лагерь № 15; кругомъ разстилалась все такая же трудно-проходимая мѣстность.

Вскорѣ явился и Магометъ-шахъ, сообщившій, что оба больные верблюда отказались идти еще въ самомъ началѣ пути, и онъ бросилъ ихъ. Одинъ изъ нихъ несъ два дорожныхъ резервуара изъ подъ воды, которые тоже были брошены, а другой шелъ порожнимъ. Будь я тамъ, я бы пристрѣлилъ животныхъ, такъ какъ, по мнѣнію Магомета-шаха, имъ оставалось жить много-много дня два. Онъ, однако, полагалъ, что еслибы мы нашли воду къ вечеру, ихъ еще можно было-бы спасти. Но воды не было и они, значитъ, были обречены на гибель. Можно было только пожелать, чтобы они не мучились слишкомъ долго, одинокіе, брошенные, напрасно ожидая помощи!

Извѣстіе, принесенное Магометомъ-шахомъ, произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Это была моя вина, что погибали невинныя животныя; я несъ отвѣтственность за всѣ ужасныя мгновенія, за всѣ страданія и муки и людей и животныхъ моего каравана! Я не присутствовалъ при оставленіи первыхъ верблюдовъ на произволъ бездушной песчаной пустыни, но сцена эта стояла передъ моими глазами, и я не могъ отдѣлаться отъ нея, она давила меня кошмаромъ по ночамъ, не давала спать.

„Бабу“ Магометъ-шахъ оставилъ уже лежащимъ, но черный верблюдъ еще держался на ослабѣвшихъ ногахъ и, вытягивая голову съ прорванными ноздрями, печально глядѣлъ блестящими глазами вслѣдъ уходившему каравану, который мало по малу скрылся изъ вида.

Я представлялъ себѣ, какъ „Чонъ-кара“ затѣмъ медленно повернулъ голову къ своему товарищу и улегся рядомъ съ нимъ. Потомъ они, вѣрно, вытянули шеи и легли головой на песокъ, полузакрывъ глаза и тяжело дыша. Мало-по-малу изнеможеніе все увеличивалось, и они легли на бокъ, вытянувъ ноги.

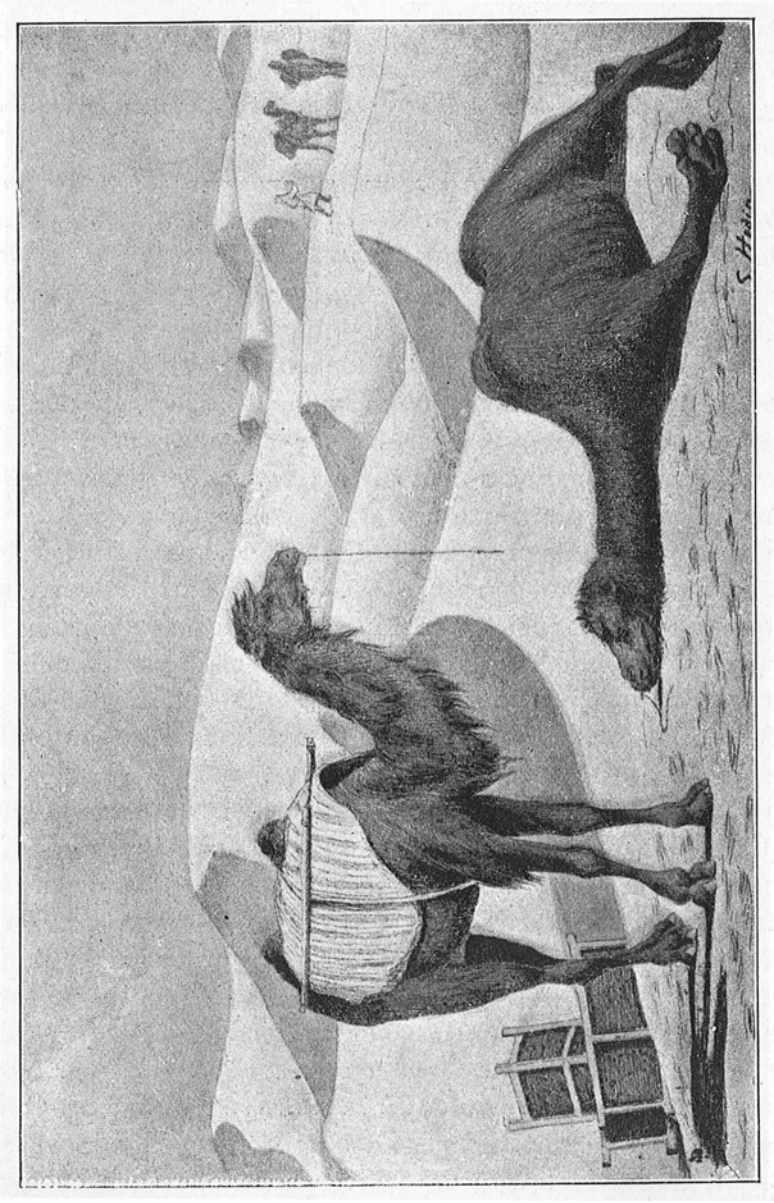
Кровь обращалась въ ихъ жилахъ все медленнѣе и медленнѣе, смертный сонъ овладѣвалъ всѣми членами... Можетъ быть, имъ грезились чудные часы, проведенные въ камышахъ около подошвы Мазаръ-тага! Промежутки между вздохами становились все продолжительнѣе и, наконецъ — дыханье прервалось совсѣмъ.

„Баба“, навѣрно, испустилъ духъ первымъ, — онъ былъ слабѣе. Но какъ долго всетаки тянулась агонія? Этого мы никогда не узнали. Я весь холодѣлъ отъ ужаса при мысли, что, они, пожалуй, прожили еще долго и были заживо погребены смерчемъ, разразившимся черезъ день. Теперь они спятъ вѣчнымъ сномъ подъ движущимися могильными холмами пустыни.

Поздно вечеромъ завидѣли мы на западѣ тяжелыя дождевыя тучи сине-стальнаго цвѣта. Тамъ была вода и жизнь — здѣсь жажда и смерть. Тучи росли и сгущались. Это зрѣлище точно гипнотизировало насъ, приковавъ къ себѣ все наше вниманіе.

Надежда на дождь все росла. Мы выставили пустые ре-

зервуары, растянули на пескѣ парусину отъ палатки, а люди приготовились схватиться за концы ея. Мы ждали дождя съ



Первые верблюды, брошенные на произволъ судьбы.
(Съ рисунка автора).

минуты на минуту, но тучи понемногу уплыли къ югу, не подаривъ намъ ни капли.

Исламъ-бай въ послѣдній разъ испекъ для меня хлѣба.

Магометъ-шахъ объявилъ, что мы стали жертвами злыхъ духовъ пустыни, т. е. заколдованы и теперь уже не выберемся изъ пустыни. Исламъ-бай съ удивительнымъ спокойствіемъ, точно это было самымъ естественнымъ дѣломъ въ свѣтѣ, замѣтилъ на это, что сперва падутъ одинъ за другимъ верблюды, а потомъ ужъ и мы. Я возразилъ ему, что, напротивъ, увѣренъ въ нашемъ спасеніи.

Джолчи глумился надъ моимъ компасомъ, который-де водилъ насъ за носъ вокругъ одного и того-же мѣста. По его мнѣнію, какіе-бы концы мы ни проходили, все равно дальше не уйдемъ, а только задаромъ будемъ истощать силы,—мы осуждены умереть черезъ нѣсколько дней отъ жажды.

Я попытался разсѣять его опасенія насчетъ компаса. Компасъ показывалъ направленіе вѣрно, и мы все время шли прямо къ востоку; Джолчи могъ самъ убѣдиться въ этомъ по восходу солнца. Тогда Джолчи отвѣтилъ, что пыльная мгла и „чары“ не позволяли даже положиться на солнце.

28 апрѣля мы проснулись при сильномъ ураганѣ съ NNO, взрывавшемъ и крутившемъ песокъ. Желтосѣрые смерчи въ дикой пляскѣ взбирались на барханы, опрометью сбѣгали на подвѣтренную сторону и продолжали тамъ свой дикій танецъ. Бросивъ на вѣтеръ нѣсколько клочковъ бумаги, можно было наблюдать, какъ и ихъ угоняло на подвѣтренную сторону, гдѣ они начинали метаться съ мѣста на мѣсто.

Атмосфера была до крайности насыщена пылью и пескомъ; не видно было даже ближайшихъ бархановъ. Сегодня дѣйствительно невозможно было руководиться солнцемъ: ни одинъ лучъ на небосклонѣ не указывалъ его мѣстонахожденія. Это былъ самый ужасный песчаный ураганъ за все наше странствованіе по пустынѣ, одинъ изъ тѣхъ „кара-бурановъ“, которые превращаютъ день въ ночь.

Мы спали подъ открытымъ небомъ. Ночь была свѣжая. Я лежалъ, завернувшись въ шубу и укутавъ голову башлыкомъ. Несмотря на то, утромъ я оказался буквально зарытымъ въ песокъ. На шеѣ и на груди песокъ лежалъ толстымъ слоемъ, и, когда я всталъ, онъ посыпался мнѣ за рубашку, такъ что пришлось раздѣваться и вытряхивать платье.

Шубы сравняло пескомъ съ поверхностью бархана. Всѣ остальные предметы были также засыпаны, и намъ

стоило немалыхъ трудовъ вырыть посохами погребенныя вещи.

Идти въ этотъ день было очень трудно,—не видно ни зги, неизвѣстно куда и идешь. Зато воздухъ былъ прохладенъ, и вѣтеръ помогалъ забывать жажду.

Сегодня я, разумѣется, не могъ идти впередъ,—слѣды тотчасъ-же заметало. Приходилось держаться вмѣстѣ; потерявъ другихъ изъ виду, невозможно было-бы дать знать о себѣ ни крикомъ, ни ружейнымъ выстрѣломъ,—шумъ урагана заглушалъ всѣ звуки. Различать можно было только самаго ближайшаго изъ верблюдовъ, остальные исчезали въ непроницаемой мглѣ. Лишь своеобразный свистъ и шумъ давали знать, что мимо несутся миріады песчинокъ.

Можетъ быть, этотъ-то шумъ и повліялъ на фантазію Марко Поло, заставивъ его описывать ужасы великой пустыни такимъ образомъ: „Иногда голоса духовъ слышны и днемъ; время отъ времени раздаются точно звуки множества различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, чаще всего звуки барабановъ. Поэтому путешественники обыкновенно держатся поближе другъ къ другу. Всѣмъ животнымъ-же вѣшаютъ на шеи колокольчики, чтобы они не такъ легко отбились. Передъ тѣмъ, какъ расположиться на ночлегъ, ставятъ значокъ, указывающій направленіе завтрашняго пути. Такимъ образомъ переходятъ пустыню“.

Да, тяжелый это былъ для насъ переходъ. Среди дня часто наступалъ полнѣйшій мракъ; большею-же частью вокругъ стоялъ оранжево-сѣрый туманъ. Часто мы чуть не задыхались отъ летѣвшаго намъ въ лицо песку. Иногда порывы урагана были такъ сильны, что мы принуждены были останавливаться. Мы прятали тогда лицо за верблюдами, которые тоже поворачивались къ вѣтру хвостомъ и опускали голову къ землѣ.

Барханы и не думали становиться ниже, попрежнему преграждая намъ дорогу; едва мы успѣвали перевалить черезъ одинъ гребень, какъ передъ нами вставалъ изъ тумана другой. Одинъ изъ молодыхъ верблюдовъ началъ сдаваться. Ясно видно, когда силамъ ихъ приходитъ конецъ. Поступь становится неровной, спотыкающеюся, глаза пріобрѣтаютъ стеклянный блескъ, нижняя губа отвисаетъ, ноздри расширяются.

Мы какъ разъ взбирались на вершину бархана, когда ураганъ налетѣлъ съ удвоенной яростью. Джолчи велъ умирающаго верблюда въ хвостѣ каравана. Восточный склонъ бархана спускался въ долину, гдѣ песокъ на небольшомъ разстояніи образовывалъ ровную поверхность. Тутъ присоединился къ намъ запыхавшійся Джолчи, боявшійся потерять насъ изъ виду. Верблюдъ-же не осилилъ подъема, упалъ, не дойдя до вершины, сразу легъ на бокъ и нельзя было заставить его подняться.

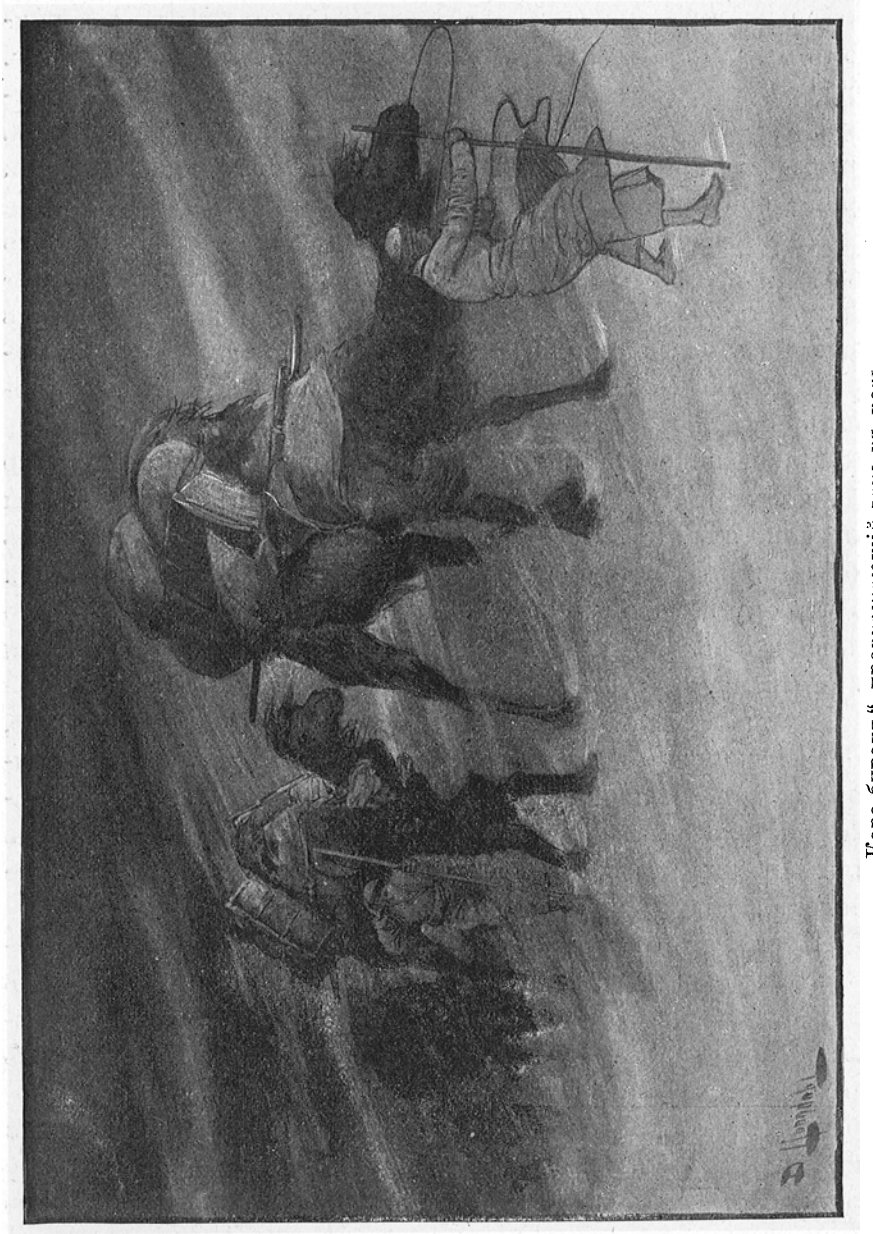
Я скомандовалъ привалъ и послалъ двухъ людей поглядѣть, что случилось съ верблюдомъ; они на нѣсколько минутъ скрылись въ туманѣ, но затѣмъ вернулись, говоря, что и слѣдовъ нашихъ уже не осталось и что они побоялись отбиться отъ каравана. Такимъ образомъ мы потеряли третьяго члена нашего каравана.

Мало-по-малу чувства наши притупились, и мы стали равнодушными къ такимъ потерямъ. Дѣло шло теперь о спасеніи нашей собственной жизни! И, выступая въ путь утромъ, я думалъ обыкновенно: чья-то очередь сегодня отправиться въ послѣдній путь?

Въ 6 ч. мы, пройдя 20.6 килом., сдѣлали привалъ. Послѣ краткаго совѣщанія, мы рѣшили бросить все, кромѣ самаго необходимаго, и я съ Исламомъ-баемъ пересмотрѣлъ весь нашъ багажъ. Запасъ провіанта на 3 мѣсяца: сахаръ, мука, медъ, рисъ, картошка, разная зелень, макароны, консервы—все было разобрано, и лишнее отложено въ сторону. Отложили также нѣсколько шубъ, войлоковъ, подушекъ, книги, большой тюкъ съ газетами, походную кухню, котелъ, фарфоровую посуду и мн. др.

Уложивъ всѣ эти предметы въ ящики, мы покрыли ихъ цыновками и поставили между двумя барханами; на ближайшей высокой вершинѣ, видной издалека, водрузили шестъ, а къ нему вмѣсто флага привязали нумеръ шведской газеты. Мы полагали вернуться сюда, если найдемъ воду, поэтому мы вечеромъ нащепали изъ крышки одного изъ ящиковъ десятка два лучинокъ, и къ каждой прикрѣпили по нумеру газеты, съ тѣмъ, чтобы втыкать ихъ по дорогѣ на вершинахъ бархановъ. Эти путевые знаки должны были указать намъ путь обратно къ лагерю № 17, гдѣ мы оставили наши ящики.

Запасаясь въ путь консервами, я выбиралъ преимущественно содержащія влагу, вродѣ шампиньоновъ, омаровъ,



„Кара-бурань“, превращающій день въ ночь.
(Съ рисунка Д. Лонгдала).

сардинъ. Люди мои, убѣдившись, что въ моихъ коробочкахъ нѣтъ свиного мяса, охотно лакомились этими деликатессами.

Остатокъ консервовъ и былъ взятъ нами изъ лагеря 17 и съѣденъ въ теченіе слѣдующихъ дней.

Остатокъ воды, около двухъ литровъ, сохранялся въ двухъ желѣзныхъ кувшинахъ. Послѣднюю пару желѣзныхъ резервуаровъ мы рѣшили взять съ собой на случай, если найдемъ воду. Верблюдовъ удовлетворили, пожертвовавъ еще однимъ сѣдломъ. Но они ѣли неохотно,—у нихъ пересохло въ горлѣ. Я въ послѣдній разъ напился чаю и закусилъ основательной порціей консервовъ.

29 апрѣля. На восходѣ солнца мы выступили въ путь съ 5-ью верблюдами, которые еще держались на ногахъ. Исламъ-бай грустно сообщилъ мнѣ новость: одинъ изъ желѣзныхъ кувшиновъ оказался пустымъ. Всѣ подозрѣвали Джолчи, который ночью ползалъ вокругъ и рылся въ темнотѣ. Но доказать его виновности нельзя было.

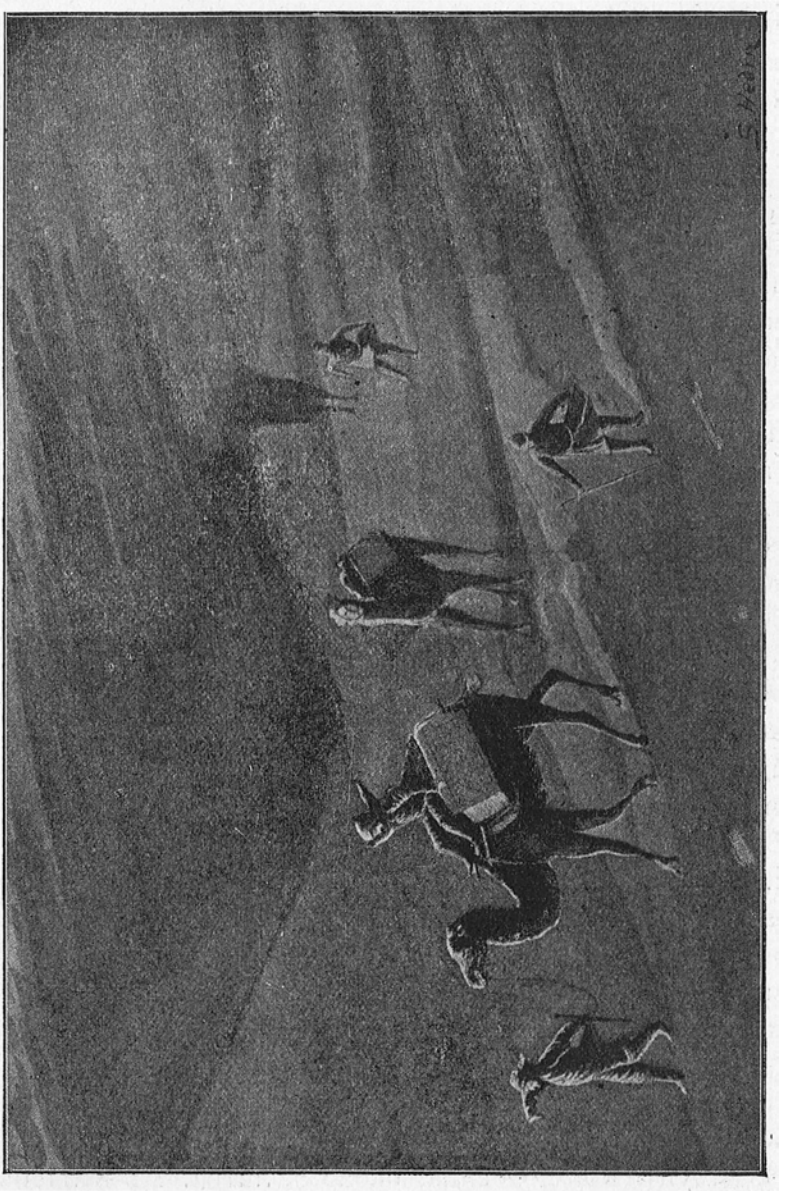
Наши подозрѣнія увеличились, когда онъ подползъ ко мнѣ, плача и жалуясь на боли въ груди и въ желудкѣ. Мы полагали, что онъ притворяется. Но на мнѣ лежало подавать добрый примѣръ и поддерживать въ другихъ мужество, и я отдалъ ему половину своей порціи. Затѣмъ мы потеряли его изъ вида и только на слѣдующее утро онъ опять присоединился къ каравану.

Путешествіе наше стало безнадежнымъ блужданьемъ, тщетнымъ высматриваньемъ „земли“. Не видно было и признака жизни. Песчаное море казалось не имѣло границъ. Барханы тянулись на сѣверъ и на югъ, а крутые склоны ихъ были обращены къ западу, что еще болѣе затрудняло наше движеніе.

Поглядѣть съ вершины высокаго бархана на востокъ—взоръ упирался въ эти крутые склоны, и казалось, что передъ тобой отлогая лѣстница. На западѣ взоръ, напротивъ, встрѣчалъ отлогіе навѣтренные склоны, и поверхность въ этомъ направленіи казалась почти ровною. Этотъ обманъ зрѣнія способенъ былъ привести въ отчаяніе: казалось, что впереди песокъ громоздится все выше и непроходимѣе. Подвѣтренные склоны барханов часто оказывались покрытыми блестящимъ налетомъ мельчайшихъ обломковъ слюдяного сланца, стально-сѣраго цвѣта.

Сегодня попались намъ на пути скелетъ полевой мыши и

старый засохшій стволъ тополя; находки эти оживили насъ на минуту, хотя и не доказывали еще близости воды. Мышь



Переходъ во время „кара-бурана".
(Съ рисунка автора).

могла быть занесена сюда птицей, а стволъ былъ безъ корня.

Весь день мы шли по глубокому песку. Подвигались тихо,

колокольчики звонили все медленнѣе. Верблюды изнемогали, но все еще сохраняли свою величественную, спокойную поступь. Пометъ ихъ состоялъ только изъ нѣсколькихъ соломинокъ, такъ какъ они жили теперь по большей части насчетъ запаса жира въ горбахъ и быстро тощали. Видъ ихъ былъ жалокъ; ребра такъ и ощелкнулись. На трехъ оставленныхъ верблюдовъ мы смотрѣли уже, какъ на погибшихъ; если-бы даже „земля“ и вода были теперь близки, ихъ уже нельзя было спасти.

Погода стояла весь день тихая, но воздухъ былъ еще насыщенъ пылью. Люди справедливо говорили, что это просто Божья благодать, что погода въ послѣдніе дни прохладная,— по крайней мѣрѣ мы не страдали отъ солнцепека, иначе верблюды-бы давно пали, да и мы находились-бы на краю смерти.

Я прошелъ подрядъ $12\frac{1}{2}$ часовъ, и мы въ этотъ день сдѣлали цѣлыхъ 27 килом. По прежнему не замѣчалось, чтобы барханы на востокѣ рѣдѣли; море песчаныхъ волнъ попрежнему сливалось на краю горизонта съ небомъ, взору не на чемъ было отдохнуть.

30 апрѣля. Минимальный термометръ упалъ за ночь до $+5.1^{\circ}$, и даже утромъ было довольно свѣжо. Тонкая пыль все еще носилась въ воздухѣ, но атмосфера всетаки прочистилась на столько, что свѣтлая полоса показывала высоту солнца. Верблюдамъ скормили еще одно сѣдло и весь запасъ масла, такъ что расчитывали поддержать ихъ силы еще на день.

Въ кувшинѣ оставалось всего два стакана воды. Въ то время, какъ другіе люди были заняты навьючиваньемъ верблюдовъ, Исламъ-бай поймалъ Джолчи, который, стоя спиной къ товарищамъ, приставилъ къ губамъ кувшинъ съ водой. Тутъ произошла одна изъ тѣхъ тяжелыхъ сценъ, которыя неизбѣжны въ такихъ случаяхъ. Исламъ-бай и Касимъ съ яростью бросились на Джолчи, повалили его, били по лицу, пинали ногами и убили-бы его до смерти, если-бъ мнѣ, наконецъ, не удалось остановить ихъ.

Воды уцѣлѣла половина, около $\frac{1}{6}$ литра. Въ полдень я позволилъ людямъ помочить губы, остатокъ-же мы должны были раздѣлить вечеромъ на 5 равныхъ частей. Мы соображали—сколько дней можемъ мы пробиться такимъ образомъ, и Магометъ-шахъ припомнилъ, что онъ много лѣтъ тому на-

задъ цѣлыхъ тринадцать дней то брелъ, шатаясь, то ползъ по безводной дорогѣ въ Тибетѣ.

Вотъ опять зазвенѣли колокольчики, и караванъ выступилъ въ путь по направленію къ востоку. Вначалѣ барханы имѣли только 8 метр. высоты, но скоро мы опять очутились среди „чонъ-кума“. Маленькая трясогузка, чирикая, взвилась надъ караваномъ и зажгла въ насъ новую искру надежды. Исламъ-бай такъ оживился, что просилъ позволить ему отправиться впередъ съ кувшинами, чтобы поскорѣе добыть воды и вернуться къ намъ. Но я не пустилъ его,—онъ былъ мнѣ теперь нужнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и мы двинулись всѣ вмѣстѣ.

Уже въ самомъ началѣ пути мы спохватились, что Джолчи нѣтъ съ нами. Люди полагали, что ему не подъ силу было идти дальше. Всѣ были озлоблены противъ него. Это онъ увѣрилъ, что нужно запастись у послѣдняго озера водой только на четыре дня и ручался, что мы найдемъ въ этотъ срокъ колодезную воду. Люди даже подозрѣвали, что онъ съ самаго начала составилъ себѣ планъ погубить насъ, нарочно завелъ насъ въ такую часть пустыни, гдѣ мы должны были погибнуть, и хотѣлъ еще украсть остатокъ воды, чтобы спасти себя самого, добраться до населенныхъ трактовъ, набрать тамъ шайку такихъ-же золотоискателей и вернуться ограбить оставленные нами сундуки. Нельзя было знать навѣрное, насколько такіе предположенія были основательны, дѣло такъ никогда и не выяснилось.

Я все еще каждый вечеръ дѣлалъ чернилами нужныя отмѣтки въ моемъ дневникѣ, и эти записи и послужили основой для подробнаго описанія этого ужаснаго путешествія. Послѣднія строки, которыя могли буквально стать „послѣдними“, были написаны вечеромъ 30-го апрѣля. Привожу ихъ здѣсь.

„Остановились на вершинѣ высокаго бархана, гдѣ верблюды упали въ изнеможеніи. Мы изслѣдовали въ бинокль всю мѣстность къ востоку: горы песку всюду, нигдѣ ни былинки, ни признака жизни. О Джолчи ни слуха, ни духа. Люди думаютъ, что онъ вернулся къ оставленному нами багажу, чтобы тамъ, питаясь консервами, дождаться помощи. Исламъ считалъ его погибшимъ.

Утромъ осталось еще около стакана воды. Половину от-

дѣлили, чтобы помочить губы около полудня. Вечеромъ, когда хотѣли раздѣлить послѣдній остатокъ между всѣми, оказалось, что Касимъ и Магометъ-шахъ, которые вели караванъ, выпили его. Всѣ мы, и люди и верблюды слабы до крайности. Боже, помоги намъ!“

Въ теченіе слѣдующихъ дней я набрасывалъ только самыя краткія замѣтки чернильнымъ карандашомъ на сложенномъ листѣ бумагѣ. Но я ни разу не упустилъ записать показанія компаса и число пройденныхъ шаговъ. И первой моей заботой, когда я оправился на берегу Хотанъ-дарьи отъ испытаній послѣднихъ дней, было дополнить на свѣжую память эти краткія замѣтки.

XXV.

Караванъ распадается и гибнетъ.

1 мая. Ночь была холодная; минимальная температура оказалась +2.2°, т. е. самая низкая за все время нашего странствованія по пустынѣ. Воздухъ былъ чистъ, звѣзды сверкали удивительно ярко. Утро обѣщало чудную, ясную и тихую погоду; на небѣ не было ни облачка; ни малѣйшаго вѣянья не проносилось надъ барханами. Вскорѣ по восходѣ солнца стало жарко.

Первое мая! Сколько радости, веселья и прежде всего какое море влаги связано съ представленіемъ о первомъ маѣ! Я старался надѣяться, что этотъ день будетъ праздникомъ и въ отдаленнѣйшей пустынѣ востока. Вѣдь, въ этотъ самый день, годъ тому назадъ, я прибылъ въ Кашгаръ, гдѣ нашелъ отдыхъ и уходъ, въ которыхъ такъ нуждался тогда, страдая воспаленіемъ глазъ. Вотъ я и надѣялся, что и нынѣшній годъ 1-ое мая принесетъ съ собой переворотъ въ нашей судьбѣ. И дѣйствительно!

Рано утромъ явился въ лагерь считавшійся погибшимъ Джолчи. Онъ опять ожилъ и не постѣснился увѣрять, что сегодня мы непремѣнно найдемъ воду. Остальные не хотѣли и го-

ворить съ нимъ. Всѣ сидѣли молчаливые, печальные и ѣли старый хлѣбъ, облитый остатками кунжутнаго масла, взятаго для верблюдовъ.

Меня страшно мучила жажда, — наканунѣ я не имѣлъ во рту ни капли воды—я и выпилъ рюмку отвратительной китайской водки, употреблявшейся собственно для аппарата Примусъ. Она обжигала горло, словно сѣрная кислота, но что изъ этого! Все таки въ организмъ было введено немного влаги.

Джолдашъ, увидя, что я пью, подошелъ ко мнѣ и завилялъ хвостомъ. Когда я убѣдилъ его, что это не вода, онъ отошелъ, повѣсивъ хвостъ и жалобно взвизгивая. Люди, къ счастью, не захотѣли отвѣдать водки, и я съ отвращеніемъ швырнулъ бутылку въ песокъ.

Караванъ медленно двинулся въ путь, къ востоку. Силы, между тѣмъ, совершенно покидали меня, и ноги отказывались служить. Звонъ колокольчиковъ раздавался сегодня въ чистомъ, неподвижномъ воздухѣ яснѣе обыкновеннаго. Мы оставили позади себя уже три могилы; сколько воздвигнется ихъ еще на нашемъ пути?

Исламъ-бай шелъ впереди съ компасомъ въ рукахъ. Верблюдовъ вели Магометъ-шахъ и Касимъ. Джолчи шелъ за послѣднимъ верблюдомъ, погоняя его. Я, полумертвый отъ жгучей жажды, шатаясь, плелся далеко позади каравана. Онъ исчезалъ то за однимъ барханомъ, то за другимъ, потомъ опять показывался на вершинѣ. Колокольчики звучали все слабѣе и медленнѣе, наконецъ, звонъ ихъ замеръ вдали....

Я тащился шагъ за шагомъ, падалъ, опять вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять падалъ. Стояла полная тишина; колокольчиковъ не было слышно, но слѣды каравана виднѣлись ясно, и я шелъ по нимъ, все продолжая считать свои шаги. Наконецъ, я завидѣлъ караванъ на привалѣ передъ новой грядой барханов. Всѣ пять верблюдовъ легли, истощивъ послѣднія силы. Старый Магометъ-шахъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ песокъ, шепча молитвы и призывая на помощь Аллаха. Касимъ сидѣлъ въ тѣни одного изъ верблюдовъ, закрывъ лицо руками и прерывисто дыша. Онъ сказалъ, что старикъ Магометъ свалился и не можетъ больше сдѣлать ни шагу. Всю дорогу онъ бредилъ, говорилъ о водѣ.

Исламъ-бай ушелъ далеко впередъ. Мы позвали его. Онъ

чувствовалъ себя крѣпче насъ всѣхъ и опять предложилъ поспѣшить впередъ съ кувшинами за водой. Онъ полагалъ, что за ночь можетъ сдѣлать 50 верстъ. Но, увидавъ мою слабость, онъ замолчалъ.

Мы отдохнули съ часъ, и Исламъ сдѣлалъ другое предложеніе: поискать площадки съ обнаженнымъ твердымъ глинистымъ грунтомъ и, собравши остатки силъ, попытаться вырыть колодезь.

Съ помощью Ислама, я съ трудомъ взобрался на бѣлаго верблюда, съ котораго сбросили его вьюкъ: ящики съ боевыми припасами, два европейскихъ сѣдла и коверъ. Но верблюдъ отказался встать.

Намъ стало ясно, что продолжать по солнцепеку это безнадежное блужданіе невозможно. Магометъ-шахъ все бредилъ: то смѣялся, то плакалъ, говорилъ несообразныя вещи и игралъ съ пескомъ, пропуская его между пальцами. Идти онъ не могъ и нельзя-же было бросить его.

Рѣшили оставаться здѣсь, пока жаръ не спадетъ, а затѣмъ продолжать путь, пользуясь вечернею и ночною прохладою. Верблюдовъ оставили лежать, гдѣ они сами расположились, и только освободили ихъ отъ вьюковъ.

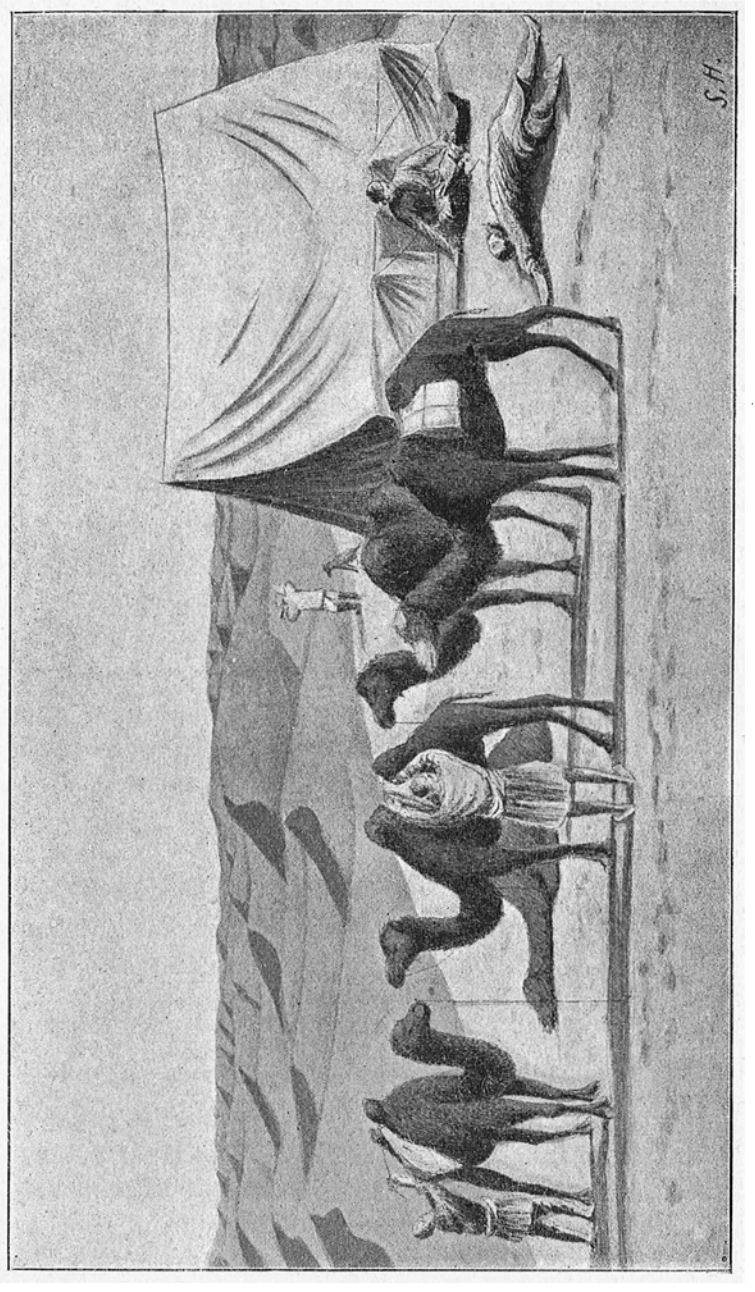
Исламъ и Касимъ еще разъ разбили палатку, внутри которой мы могли найти хоть какую-нибудь тѣнь. Разостлали въ палаткѣ послѣдній нашъ коверъ, пару войлоковъ и положили мѣшокъ вмѣсто подушки. Я въ буквальномъ смыслѣ слова вползъ въ палатку, раздѣлся до нага и растянулся на этомъ ложѣ.

Исламъ и Касимъ послѣдовали моему примѣру; Джолдашъ и овца тоже укрылись въ палаткѣ, Джолчи помѣстился въ тѣни ея у входа, но Магометъ-шахъ остался тамъ, гдѣ лежалъ.

Только куры не падали духомъ, бродили себѣ по солнцепеку, поклевывая вьючныя сѣдла и мѣшки съ провіантомъ.

Мы прошли только $4^1/_2$ килом. Было всего $9^1/_2$ часовъ утра, и передъ нами былъ еще весь безконечно долгій день. Никто никогда не ожидалъ солнечнаго заката съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели мы, перваго мая 1895 г.

Я совсѣмъ изнемогъ и едва былъ въ состояніи повернуться на своемъ ложѣ. Только теперь на минуту—ни раньше, ни



Послѣдній лагерь.
(Съ рисунка автора).

позже—овладѣло мною отчаяніе. Вся минувшая жизнь промелькнула въ моей памяти, какъ сонъ.

Мнѣ чудилось, что земля и весь шумный, внѣшній міръ

уплываютъ куда-то, а передо мною разверзаются врата вѣчности...

Вспомнился мнѣ родной домъ на сѣверѣ, и сердце мое мучительно сжалось при мысли о той тревогѣ, которая скоро охватитъ всѣхъ моихъ близкихъ, если мы не выберемся изъ пустыни. Они будутъ изъ года въ годъ ждать, ждать и все тщетно. До нихъ не дойдетъ никакихъ извѣстій о нашей судьбѣ, мы сгинемъ безслѣдно.

Правда, консулъ Петровскій, навѣрное, пошлетъ людей на розыски. Въ Меркетѣ они узнаютъ, что мы 10 апрѣля выступили по направленію къ востоку, но слѣды наши давно уже будутъ заметены пескомъ, и нельзя будетъ узнать, куда именно мы направились. Да къ тому времени, быть можетъ, мы и сами-то уже цѣлые мѣсяцы будемъ лежать погребенными подъ пескомъ!

Затѣмъ, въ моей памяти стали проноситься картины изъ моихъ прежнихъ путешествій. Я много лѣтъ странствовалъ по Азіи, словно дервишъ. Въ первое путешествіе, десять лѣтъ тому назадъ, я восторгался дворцомъ „Сорока колоннъ“ въ Испагани, прислушивался къ плеску волнъ о мраморные столбы мостовъ Шаха Абасса, вдыхалъ прохладный воздухъ въ усыпальницѣ Кира, познавалъ въ храмахъ и галлереяхъ Ксеркса и Дарія въ Персеполѣ истину словъ пѣвца: „Все прекрасное на землѣ — добыча тлѣна“.

Какъ прекрасны тѣнистыя финиковыя пальмы Басры! О, хоть бы нѣсколько капель изъ мутныхъ водъ Тигра! Чего-бы я теперь ни далъ тому водовозу, который за грошъ привозилъ по тѣснымъ улицамъ Багдада цѣлый боченокъ живительной влаги!

Мнѣ вспоминались приключенія, пережитыя въ этой странѣ, гдѣ сказки „Тысячи и одной ночи“ ежедневно становятся дѣйствительностью. Я выѣхалъ изъ Багдада съ караваномъ арабскихъ купцовъ и пилигримовъ, направлявшихся въ Мекку. Въ карманѣ у меня было только 50 франковъ, которыхъ должно было хватить до Тегерана. Однообразіе и медленность путешествія подвергли мое терпѣніе слишкомъ большому испытанію, и я въ одну темную ночь бѣжалъ отъ каравана въ компаніи съ однимъ арабомъ, получившимъ остатки моего капитала.

Усталыя лошади, наконецъ, примчали насъ въ Керман-

шахъ, гдѣ проживалъ одинъ богатый арабскій купецъ, ага Магометъ Гассанъ. Я еще помню, какъ заблестѣли его глаза, когда я сообщилъ, что я изъ страны Карла XII. Онъ готовъ былъ удержать меня у себя въ гостяхъ хоть полгода, но я могъ остаться всего нѣсколько дней. Зато, въ теченіе этихъ дней, я велъ жизнь Нурредина-Али изъ „Тысячи и одной ночи". Передъ домомъ былъ разбитъ очаровательный садикъ, гдѣ росло множество кустовъ цвѣтущей сирени и благоухающихъ розъ. Дорожки были выложены мраморными плитами, а посреди садика красовался бѣлый мраморный бассейнъ съ хрустальной водой; она била высоко въ воздухъ тонкой струей, блестѣвшей на солнцѣ, какъ нить паутинки. Когда-же я прощался со всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, хозяинъ мой сунулъ мнѣ въ руки кошелекъ, набитый серебряной монетой.

Потомъ, какъ живой, всталъ передъ моимъ взоромъ благородный и умный шахъ Насръ-Эддинъ въ осыпанномъ драгоцѣнностями нарядѣ, въ которомъ онъ принялъ меня, посланца короля, въ своемъ дворцѣ въ Тегеранѣ.

Такъ лежалъ я весь день съ открытыми глазами, поднятыми къ бѣлому потолку палатки, съ блуждающимъ въ пространствѣ взоромъ. Только временами взоръ мой мутился, мысли путались, и я погружался въ полузабытье. Тогда мнѣ опять грезилась свѣжая, зеленая лужайка, осѣненная серебристыми тополями. Какъ горько было всякій разъ очнуться!

Кто-то умретъ изъ насъ первымъ, кто, несчастный, останется послѣднимъ? Только-бы ужь все кончилось поскорѣе, не пришлось бы слишкомъ долго переживать всѣ эти нравственныя и физическія муки! Время шло страшно медленно. Я часто смотрѣлъ на часы, каждый часъ казался мнѣ вѣчностью.

Но что это! Пріятною, ласкающею прохладой повѣяло на мое тѣло! Подъ слегка приподнятыя полы палатки потянуло около полудня вѣтеркомъ. Этого было довольно, чтобы произвести свое дѣйствіе на изнывавшее отъ жары тѣло. Вѣтерокъ все усиливался, и около трехъ часовъ дня стало такъ свѣжо, что я набросилъ на себя кошму.

Тутъ случилось нѣчто похожее на чудо. Силы стали возвращаться ко мнѣ по мѣрѣ того, какъ солнце закатывалось, и къ тому времени, когда оно, похожее на раскаленное пушечное ядро, остановилось надъ вершиной песчанаго холма на западѣ,

я успѣлъ вполнѣ оправиться. Тѣло мое обрѣло прежнюю гибкость, я почувствовалъ себя готовымъ идти пѣшкомъ день и ночь, и сгоралъ нетерпѣніемъ отправиться въ путь,—*я не хотѣлъ* умирать.

Я рѣшилъ напрягать въ теченіе слѣдующихъ дней свои силы до послѣдней крайности, идти, тащиться, ползти все прямо на востокъ, еслибы даже всѣ остальные давно погибли. Когда устанешь до смерти, отдыхъ покажется такимъ сладкимъ. Скоро впадешь въ дремоту и уснешь безболѣзненно долгимъ вѣчнымъ сномъ. Одна мысль объ этой дремотѣ искусительна, но теперь она потеряла надо мной всякую власть,—я вспомнилъ о своихъ близкихъ.

Касимъ и Исламъ-бай также оживились съ наступленіемъ вечерней прохлады. Я сообщилъ имъ свое рѣшеніе, и они согласились со мной. Магометъ-шахъ все лежалъ на томъ-же мѣстѣ; Джолчи тоже лежалъ на спинѣ; оба бредили, ни одинъ изъ нихъ не отозвался на наши вопросы. Только въ сумерки Джолчи пришелъ въ себя. Вмѣстѣ съ сознаніемъ проснулся въ немъ дикій звѣрь. Онъ подползъ ко мнѣ, сжалъ кулаки и закричалъ глухимъ, свистящимъ и угрожающимъ голосомъ:—Воды, воды, дай намъ воды, господинъ!—Потомъ онъ началъ плакать, упалъ на колѣни и сталъ молить о каплѣ воды.

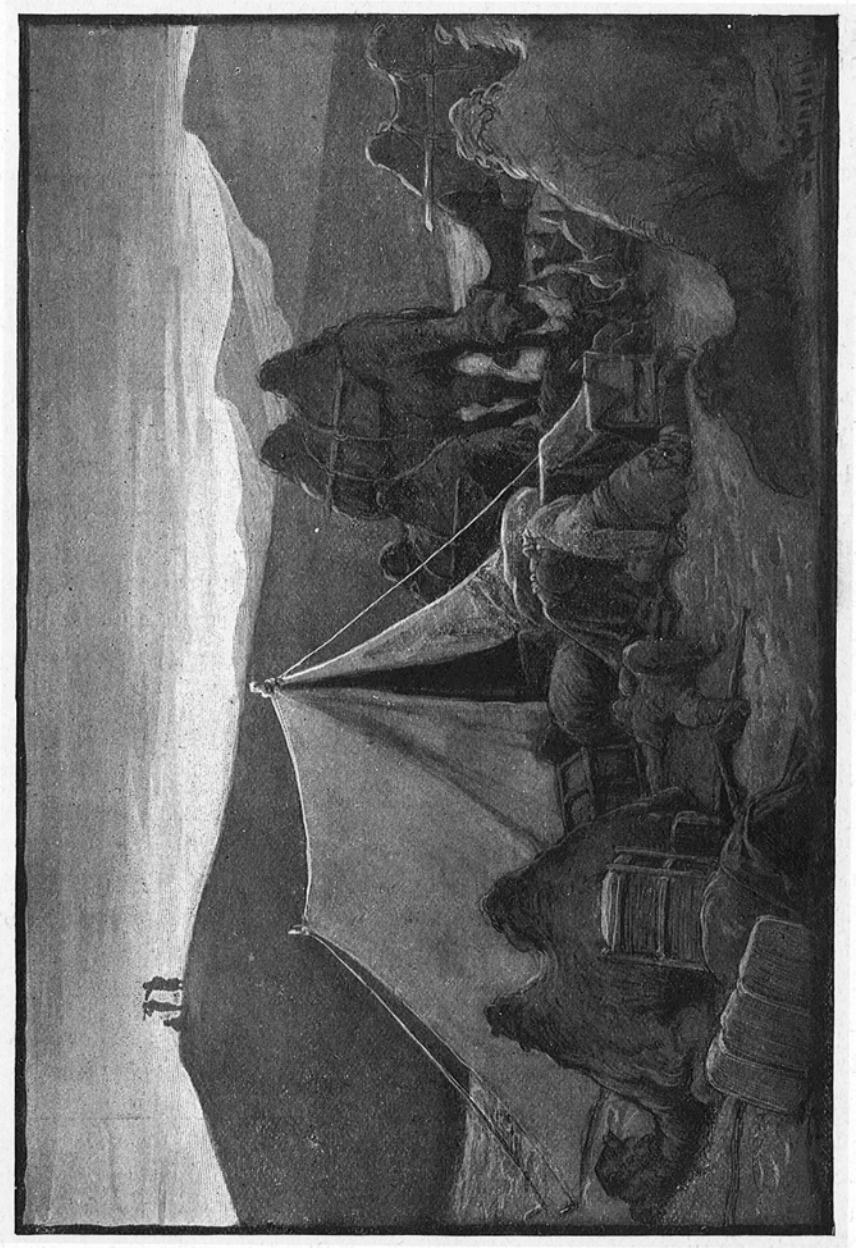
Что могъ я отвѣтить ему? Я напомнилъ ему, что онъ самъ укралъ послѣднія капли, что онъ пилъ послѣднимъ и получилъ воды больше всѣхъ, а потому дольше всѣхъ и долженъ-бы теперь крѣпиться. Глухо всхлипывая, отползъ онъ прочь.

Неужели нельзя было, прежде чѣмъ оставить это злополучное мѣсто, подкрѣпиться хоть каплей влаги? Мы невыносимо страдали отъ жажды, люди еще куда больше, чѣмъ я.

Тутъ попался мнѣ на глаза пѣтухъ, важно разгуливавшій между курами. Можно напиться его крови! Взмахъ ножа перерѣзалъ ему глотку, и оттуда медленно засочилась кровь.

Но ея было слишкомъ мало. Надо было добыть побольше. Приходилось пожертвовать еще однимъ невиннымъ существомъ—овцой. Люди долго колебались, жалѣя нашу вѣрную спутницу, бѣжавшую за нами, какъ собачка, дѣлившую съ нами всѣ невзгоды. Но я сказалъ имъ, что теперь дѣло идетъ о нашей собственной жизни, которую можно поддержать кровью животнаго.

Съ болью въ сердцѣ Исламъ отвелъ овцу на нѣсколько шаговъ, повернулъ ее головой къ Меккѣ, взялъ въ руки ножъ



„Лагерь смерти", 1 мая 1895 г.
(Съ рисунка Л. Люнгдала).

и, когда Касимъ опуталъ бѣдняжкѣ ноги веревкой, сильнымъ ударомъ вонзилъ ей ножъ въ глотку до самыхъ позвонковъ.

Кровь полилась широкой темнокрасной струей въ ведро, гдѣ почти сейчасъ-же и запеклась. Она еще была теплою, когда мы стали черпать ее ложками и ножами. Мы осторожно попробовали ея—какой отвратительный вкусъ и какой ужасный запахъ!

Съ трудомъ проглотилъ я чайную ложку и больше не могъ; люди тоже оказались не въ состояніи ея пить и отдали Джолдашу. Тотъ лизнулъ разъ и отошелъ. Мы стали каяться, что задаромъ загубили нашего вѣрнаго товарища, да поздно.

Тутъ пришлось мнѣ убѣдиться, что жажда дѣлаетъ людей просто невмѣняемыми. Исламъ и другіе собирали въ кастрюлю урину верблюдовъ, густую, оранжеваго цвѣта и отвратительнаго запаха жидкость и теперь, переливъ ее въ желѣзный кубъ, положили туда сахару и уксусу, зажали себѣ носы и выпили эту омерзительную смѣсь. Они предлагали и мнѣ, но меня тошнило отъ одного запаха. Касимъ тоже не сталъ пить и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ у другихъ черезъ часъ сдѣлалась страшная рвота, истощившая въ конецъ ихъ силы.

Джолчи исхудавшій, съ безумно вытаращенными глазами, усѣлся около палатки и принялся жевать сырыя легкія убитой овцы. Руки и лицо у него были запачканы кровью; видъ его былъ ужасенъ.

Только я, да Касимъ годились еще на что-нибудь. Исламъ, впрочемъ, послѣ рвоты немного оправился, и мы съ нимъ стали въ послѣдній разъ осматривать нашъ багажъ. Теперь надо было бросить большую часть его. Самъ я отобралъ то, что считалъ самымъ необходимымъ: мои наброски, съемки маршрутовъ, образцы горныхъ породъ, песку, карты, приборы, перья, бумагу и др. мелочь, библію и книгу шведскихъ псалмовъ.

Исламу я предоставилъ отобрать то, что онъ считалъ наиболѣе необходимымъ: провіантъ на три дня — муку, чай, сахаръ, хлѣбъ и нѣсколько коробочекъ съ консервами. Я хотѣлъ бросить здѣсь весь нашъ запасъ китайскаго серебра, составлявшій половину обычнаго верблюжьяго вьюка, цѣнностью-же равнявшійся почти 2,500 р. Мнѣ казалось, что теперь впору было только заботиться о спасеніи нашей жизни. Къ тому-же, еслибъ мы нашли воду, то могли-бы вернуться сюда и взять мѣшки.

Но Исламъ непремѣнно хотѣлъ захватить мѣшки съ се-

ребромъ съ собою, и впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ правъ. Онъ отстоялъ также два мѣшка съ сигарами и папиросами, нѣсколько горшковъ, взятыхъ изъ лагеря XVII, оружіе, небольшой запасъ патроновъ и кое-какую мелочь, вродѣ фонаря, свѣчей, ведра, заступа, веревокъ и проч.

Въ числѣ оставляемыхъ предметовъ находились: два тяжелыхъ ящика съ боевыми припасами, палатка съ послѣднимъ ковромъ и постелью, нѣсколько ящиковъ съ разной мелочью, матеріи, шапки и халаты, взятые для подарковъ туземцамъ, нѣсколько справочныхъ книгъ, оба фотографическихъ аппарата съ тысячью пластинокъ съ лишкомъ, изъ которыхъ до сотни было проявленныхъ, затѣмъ сѣдла, дорожная аптечка, рисовальныя принадлежности, чистыя записныя книжки, запасъ моего платья, валенки, шапки, рукавицы и проч.

Всѣ вещи были уложены въ восемь сундуковъ, и послѣдніе поставлены въ палатку, причемъ концы ея полъ были подсунуты подъ сундуки, чтобы палатку не опрокинуло вѣтромъ. Мы разсчитывали, что, если вернемся въ эти мѣста, то бѣлая палатка, возвышающаяся на вершинѣ бархана и видная издалека, послужитъ намъ маякомъ.

Необходимыя-же вещи мы запаковали въ пять маленькихъ „курчинъ“—переметныхъ сумъ изъ парусины и перекинули ихъ на спины верблюдовъ, освобожденныхъ отъ вьючныхъ сѣделъ. Одинъ изъ верблюдовъ несъ большой вьюкъ: ружья, заступы и т. п., завернутые въ кошму и перевязанные веревками.

Мы вскрыли еще пару коробочекъ съ консервами, но, хотя послѣдніе и содержали влагу, мы съ трудомъ могли пропустить ихъ въ пересохшее горло.

Въ теченіе всего дня верблюды лежали на томъ мѣстѣ, гдѣ легли утромъ; только ихъ прерывистое тяжелое дыханіе и нарушало могильную тишину. Видъ у нихъ былъ равнодушно-покорный; широкія пасти ихъ посинѣли и пересохли. Съ большимъ трудомъ удалось заставить животныхъ подняться на ноги.

Въ 7 ч. вечера колокольчики зазвенѣли въ послѣдній разъ. Чтобы поберечь свои силы, я ѣхалъ на бѣломъ верблюдѣ, который былъ бодрѣе прочихъ. Исламъ-бай, ослабѣвшій отъ рвоты, медленно велъ караванъ между барханами. Касимъ шелъ сзади и понукалъ верблюдовъ. И вотъ, мы направились

отъ лагеря смерти къ востоку, прямо къ востоку, гдѣ катила свои воды между лѣсистыми берегами Хотанъ-дарья.

Когда мы покидали это ужасное мѣсто, Джолчи заползъ въ палатку и завладѣлъ моимъ ложемъ. Онъ все жевалъ легкія овцы, съ жадностью высасывая изъ нихъ весь сокъ.

Старый Магометъ-шахъ лежалъ на томъ-же мѣстѣ. Прежде чѣмъ уѣхать, я подошелъ къ нему, провелъ рукой по его лбу и назвалъ по имени. Онъ поглядѣлъ на меня широко-раскрытыми мутными, блуждающими глазами; на лицѣ его отражалось неземное спокойствіе и какое-то просвѣтлѣніе, какъ будто онъ уже видѣлъ передъ собой раскрытыя райскія врата.

Магометанскій „Бехиштъ“ (рай), о радостяхъ котораго онъ столько разъ читалъ въ коранѣ, можетъ быть, манилъ его уже нѣсколько дней, и мысль о немъ, безъ сомнѣнія, облегчала минуты освобожденія духа изъ тѣла. Старикъ какъ будто легъ отдохнуть послѣ тяжелыхъ трудовъ; теперь ему не надо было больше возиться съ верблюдами, не надо на старости лѣтъ ходить съ караванами изъ города въ городъ. Онъ смотрѣлъ такимъ изнуреннымъ, разбитымъ, весь какъ-то съежился, сталъ такимъ маленькимъ, только лицо по прежнему сохраняло свой яркій бронзовый оттѣнокъ.

Дышалъ онъ тяжело; изрѣдка въ горлѣ слышалось предсмертное хрипѣніе и клокотанье. Я еще разъ провелъ рукой по его морщинистому сухому лбу, уложилъ его голову поудобнѣе и, по возможности умѣряя свое волненіе, сказалъ, что мы хотимъ поспѣшить на востокъ, чтобы поскорѣе найти воды, и затѣмъ тотчасъ-же вернемся сюда съ полными кувшинами; онъ-же пусть лежитъ тутъ, пока не оправится немножко, а тогда подвигается впередъ по нашимъ слѣдамъ, чтобы сократить разстояніе.

Онъ попытался поднять одну руку и что-то пробормоталъ. Я разобралъ только одно слово: Аллахъ. Я, однако, отлично понялъ, да и онъ, вѣрно, тоже, что намъ больше не свидѣться въ этой жизни. Едва-ли ему оставалось жить больше нѣсколькихъ часовъ. Взоръ его все тускнѣлъ, дремота скоро должна была перейти въ смертное забытье, и затѣмъ его ожидалъ вѣчный сонъ среди этого величественнаго безмолвія пустыни, гдѣ совершаютъ свое загадочное странствованіе къ невѣдомой

цѣли барханы. Съ сердцемъ, обливающимся кровью, терзаемый угрызеніями совѣсти, упрекавшей меня за смерть этого человѣка, оставилъ я умирающаго.

Затѣмъ, я простился и съ Джолчи, уговаривая его идти по нашимъ слѣдамъ, такъ какъ это было для него единственнымъ средствомъ къ спасенію.

Шесть куръ, продолжавшихъ оживленно кудахтать, съ видимымъ удовольствіемъ расклевывая внутренности убитой овцы, производили и грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ комичное впечатлѣніе.

„Почему вы не умертвили этихъ бѣдныхъ созданій?“— спроситъ, пожалуй, какая нибудь сердобольная читательница. Да, почему? А почему мы не умертвили за одно обоихъ умиравшихъ людей, чтобы избавить ихъ отъ лишнихъ страданій? Бываютъ положенія, которыя трудно обсуждать со стороны. Я убѣдился, что въ минуты общей смертельной опасности мы менѣе чувствительны къ страданіямъ ближнихъ, нежели при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Всѣ мы давно были на краю смерти, и весьма естественно, что слабѣйшіе падали первыми. Каждая новая смерть уже не поражала насъ, а только возбуждала вопросъ: чья очередь теперь?

Умерщвленіе же человѣка, даже умирающаго, всетаки убійство. Покидая верблюдовъ, мы всякій разъ питали слабую надежду скоро вернуться къ нимъ съ водой и спасти ихъ. Что-же до куръ, то я расчитывалъ, что онѣ сослужатъ намъ службу, если мы вернемся отыскивать палатку, и полагалъ, что онѣ могутъ прожить еще долго, питаясь убитой овцой. Предположеніе мое и подтвердилось, годъ спустя. Но не буду забѣгать впередъ.

Мы медленно двинулись въ путь. Вѣрный Джолдашъ худой, какъ скелетъ, слѣдовалъ за нами. На вершинѣ перваго бархана я обернулся назадъ, чтобы бросить прощальный взглядъ на лагерь, гдѣ остались умирать два нашихъ товарища. Палатка рѣзко вырисовывалась треугольникомъ на фонѣ яснаго неба. Я почувствовалъ невольное облегченіе, когда она, наконецъ, скрылась отъ нашихъ взоровъ за барханами, и больше уже не оборачивался назадъ. Впереди была тьма, въ которой тонуло коварное песчаное море. Но я чувствовалъ приливъ силъ и желаніе жить. Я *не хотѣлъ* умереть въ пустынѣ, я былъ

слишкомъ молодъ, мнѣ казалось, что я слишкомъ много теряю съ жизнью, она еще сулила мнѣ впереди такъ много!.. Никогда не цѣнилъ я жизни такъ, какъ именно теперь!

Не такъ должно было кончиться мое путешествіе по Азіи. Я хотѣлъ пересѣчь весь материкъ, рѣшить много проблеммъ, прежде чѣмъ достигну конечной цѣли — Пекина. Никогда жизненныя силы не достигали во мнѣ такого напряженія, и я рѣшилъ бороться за жизнь до послѣдней крайности, хотя-бы пришлось ползти по песку, какъ червяку.

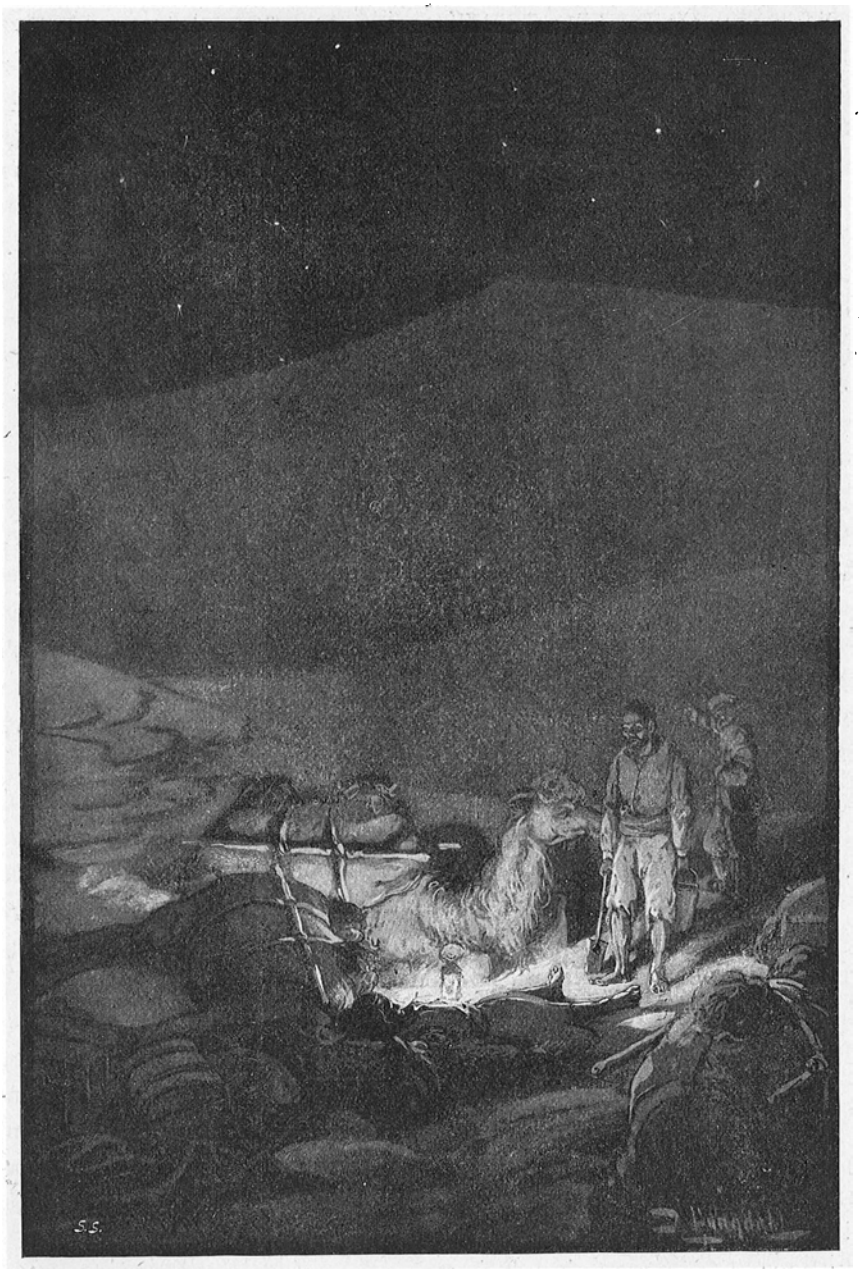
Подвигались мы медленно, отчаянно медленно, но все-таки оставили за собой нѣсколько высокихъ песчаныхъ грядъ. На одной изъ нихъ упалъ одинъ изъ нашихъ пяти верблюдовъ и тотчасъ-же принялъ положеніе умирающаго, вытянувъ ноги и шею. Сумки, которыя онъ несъ, перекинули черезъ спину Акъ-тюи, который смотрѣлъ бодрѣе другихъ. Веревку, связывавшую упавшаго верблюда съ переднимъ, развязали, но оставили умирающему его шейный колокольчикъ. Покинувъ бѣднягу въ тьмѣ одного, мы продолжали путь съ остальными четырьмя верблюдами.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Звѣзды, правда, сіяли ярко, но свѣтъ ихъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы мы могли различать неровности поверхности, и мы то и дѣло натыкались на стѣны песку.

Силы верблюдовъ подходили къ концу. Даже прохлада ночи не освѣжала ихъ. Они ежеминутно останавливались, то одинъ, то другой отставалъ отъ каравана. Мы не замѣчали иногда, какъ веревка развязывалась, и, только пройдя уже порядочный конецъ, спохватывались отставшихъ. Приходилось останавливаться, поджидать ихъ, или идти за ними назадъ.

Исламъ-бай совсѣмъ изнемогалъ, жалобно стоналъ и часто останавливался, схваченный припадкомъ жестокаго кашля, который ослаблялъ его тѣмъ больше, что желудокъ у него былъ пустъ. Ужасныя боли заставляли иногда бѣднягу кидаться на песокъ и извиваться какъ червь.

Такъ мы ползли въ темнотѣ, словно улитки. Ясно было, что брести такимъ образомъ почти наугадъ между исполинскими барханами мало толку. Я слѣзъ съ верблюда, зажегъ фонарь и пошелъ впередъ отыскивать болѣе удобные переходы. Компасъ указывалъ мнѣ, гдѣ востокъ, а слабый свѣтъ фонаря



Авторъ и Касимъ покидаютъ послѣдніе остатки каравана.
(Съ рисунка Д. Люнгдаля).

позволялъ различать крутизны и неровности. Но мнѣ безпрестанно приходилось останавливаться и поджидать другихъ;

звонъ колокольчика послѣдняго верблюда доносился все глуше и глуше.

Около 1 часу онъ замеръ совсѣмъ, къ непроглядной тьмѣ прибавилась могильная тишина вокругъ. Я поставилъ фонарь на вершинѣ бархана и прилегъ отдохнуть, но сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Затаивъ дыханье, я прислушивался — не раздастся-ли какой нибудь звукъ вдали, напряженно вглядывался въ тьму по направленію къ востоку — не мелькнетъ-ли огонь пастушьяго костра на берегахъ Хотанъ-дарьи. Нѣтъ! Тьма и безмолвіе, ни признака жизни. Въ этой тишинѣ я могъ слышать біеніе собственнаго сердца.

Наконецъ, опять послышался звонъ колокольчика. Удары его языка раздавались все рѣже, но все ближе. Когда-же караванъ подошелъ къ вершинѣ бархана, Исламъ-бай, шатаясь, добрелъ до фонаря и упалъ, прохрипѣвъ, что больше не можетъ сдѣлать шагу. Силы окончательно оставили его.

Я понялъ, что насталъ послѣдній актъ этой страшной драмы въ пустынѣ, что это начало конца, и рѣшилъ бросить все, чтобы спѣшить къ востоку, пока хватитъ силъ. Исламъ едва слышно прошепталъ, что не можетъ идти со мной. Онъ хотѣлъ остаться съ верблюдами и умереть тутъ, гдѣ легъ.

Я простился съ нимъ, ободряя его, увѣряя, что силы вернутся къ нему, когда онъ отдохнетъ часа два, и *приказывая* ему тогда бросить верблюдовъ и весь багажъ и одному идти по моимъ слѣдамъ. Онъ уже не отвѣчалъ, лежа, раскинувшись на спинѣ, и глядя въ пространство блуждающимъ взоромъ. Мнѣ сдавалось, что жизнь готова была погаснуть въ немъ.

Касимъ былъ еще бодръ, такъ какъ благоразумно воздержался отъ омерзительнаго напитка, который отравилъ Исламъ-бая. Я взялъ съ собою только 2 хронометра, колокольчикъ, компасъ, перочинный ножъ, карандашъ, листъ бумаги, коробку спичекъ, носовой платокъ, коробочку консервированныхъ омаровъ, круглую жестянку съ шоколадомъ и — скорѣе машинально, чѣмъ сознательно — сунулъ въ карманъ десятокъ папиросъ.

Касимъ несъ заступъ, ведро и веревку — все, что нужно для рытья колодца. Въ ведрѣ у него лежалъ курдюкъ убитой овцы, немножко хлѣба и кусокъ запекшейся овечьей крови. Но въ потьмахъ онъ забылъ шапку, и я отдалъ ему свой но-

совой платокъ, которымъ онъ повязалъ голову, чтобы не подвергнуться солнечному удару.

Отъ съѣстныхъ припасовъ мало было толку: слизистая оболочка рта и глотки пересохла такъ, что глотанье сдѣлалось невозможнымъ. Если мы пытались съѣсть что-нибудь, кусокъ останавливался въ горлѣ и душилъ. Приходилось торопиться выбросить его назадъ. Чувство голода вообще совсѣмъ заглушается чувствомъ жажды, которая, особенно въ первые дни, такъ мучительна, что доводитъ почти до изступленія. Но затѣмъ, когда тѣло перестаетъ испускать испарину, или когда испареніе во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе сгущенія крови, дѣлается почти незамѣтнымъ, наступаетъ постепенно увеличивающаяся слабость, которая и приводитъ къ концу.

Ровно въ полночь, мы съ Касимомъ покинули послѣдніе остатки нашего, недавно столь великолѣпнаго каравана. Мы, словно потерпѣвшіе крушеніе среди моря, бросили обломки нашего корабля, чтобы попытаться вплавь достигнуть береговъ, но мы даже не знали, какъ далеко находится берегъ.

Четыре послѣднихъ верблюда лежали все съ тѣмъ-же терпѣливо-покорнымъ видомъ, тихіе, смиренные, какъ жертвенные ягнята. Они тяжело дышали, вытянувъ шеи на пескѣ. Исламъ-бай и не взглянулъ намъ вслѣдъ, но Джолдашъ проводилъ насъ удивленнымъ взглядомъ. Онъ, вѣрно, думалъ, что мы скоро вернемся; быть можетъ, съ водой, такъ какъ караванъ, вѣдь, оставался на мѣстѣ, а мы вообще никогда не отдѣлялись отъ каравана. Съ тѣхъ поръ я больше не видалъ своей вѣрной собаки и долго тосковалъ по ней.

Фонарь остался горѣть около Ислама, и нѣкоторое время служилъ намъ маякомъ, помогая опредѣлять пройденное разстояніе и контролировать наше направленіе. Но вотъ, слабый свѣтъ его погасъ за гребнями бархановъ, и насъ со всѣхъ сторонъ обняла темная ночь.

XXVI.

Пять сутокъ пѣшкомъ по безконечнымъ пескамъ. Вода. Спасены.

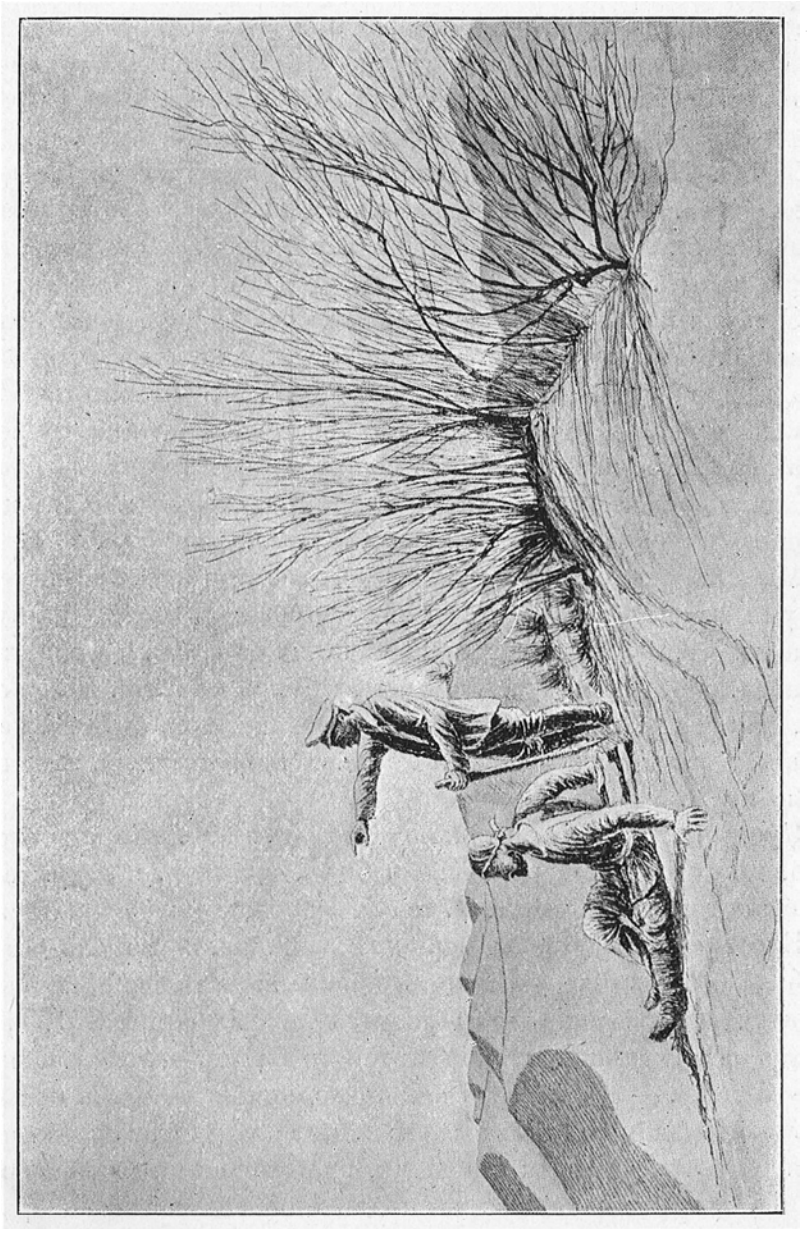
2 мая. Покинувъ умирающій караванъ, я сталъ свободнѣе, ничто не стѣсняло, не задерживало теперь моего движенія, и все дѣло было теперь въ томъ, чтобы идти, идти, по возможности, по прямому направленію. Мы съ Касимомъ и шагали безостановочно два часа. Наконецъ, ходьба по глубокому песку такъ изморила насъ, что мы прилегли. Одѣты мы были легко. Касимъ въ одной курткѣ, въ бѣлыхъ шароварахъ и сапогахъ; я въ шерстяныхъ исподнихъ, въ костюмѣ изъ тонкой бѣлой бумажной матеріи, въ русской фуражкѣ съ козырькомъ и въ высокихъ непромокаемыхъ сапогахъ. Ночная свѣжесть поэтому скоро подняла насъ на ноги и гнала впередъ, пока мы не согрѣлись и не устали до того, что буквально свалились съ ногъ и тотчасъ-же заснули.

Въ 4 ч. утра холодъ заставилъ насъ очнуться; мы чуть не закоченѣли совсѣмъ. Быстрымъ маршемъ продолжали мы путь и шли пять часовъ безъ остановки. Въ 9 ч. мы присѣли отдохнуть на часъ.

Поднялся свѣжій вѣтеръ съ запада и, благодаря навѣваемой имъ прохладѣ, мы могли пройти еще конецъ. Но въ половинѣ двѣнадцатаго жара стала невыносимой; у насъ просто темнѣло въ глазахъ. Въ изнеможеніи упали мы на песокъ и цѣлый день провели на обращенномъ къ сѣверу крутомъ склонѣ бархана, гдѣ песокъ не успѣлъ еще особенно нагрѣться.

Съ помощью заступа Касимъ вырылъ яму подъ самымъ гребнемъ бархана и накопалъ охладившагося за ночь песку. Мы раздѣлись до нага, зарылись въ этотъ песокъ, воткнули заступъ у себя въ головахъ и повѣсили на него наши платья, устроивъ такимъ образомъ подобіе ширмъ для защиты отъ солнца. Теперь стало хорошо, прохладно. Но понемногу песокъ согрѣлся отъ теплоты нашего тѣла и отъ воздуха. Тогда мы сбросили съ себя этотъ слой песку, и Касимъ, накопавъ свѣжаго, посыпалъ имъ мое тѣло. Какая прохлада! Я какъ

будто принялъ холодный душъ въ этой раскаленной атмосферѣ. Мы опять совсѣмъ зарылись въ песокъ, изъ котораго торчали



Первые кусты тамариска.
(Съ рисунка автора).

только наши головы, которыя мы тщательно прятали въ тѣнь, чтобы не получить солнечнаго удара. Комаръ и двѣ мухи со-

ставили намъ компанію; вѣроятно, ихъ принесло вѣтромъ издалека.

Такъ мы лежали весь день молча, но заснуть не могли. Въ 6 ч. вечера мы встали, одѣлись и еле поплелись дальше, безъ сомнѣнія, разслабленные этой сухой песочной ванной. Тѣмъ не менѣе мы шли съ маленькими остановками до 1 часу ночи, когда опять свалились въ изнеможеніи и заснули.

3 мая. Подкрѣпившись сномъ, мы двинулись снова въ $4^1/_2$ часа утра. Утро до восхода солнца вообще самое лучшее время для ходьбы: прохладно и можно, не отдыхая, дѣлать большіе концы.

Сегодня наша угасающая надежда оживилась, и мы подбодрились. Касимъ вдругъ остановился, схватилъ меня за плечо и молча указалъ рукой на востокъ. Я, сколько ни напрягалъ зрѣніе, не видѣлъ въ томъ направленіи ничего необычайнаго. Касимъ-же своимъ соколинымъ взоромъ разглядѣлъ на горизонтѣ зеленый кустарникъ тамариска. На немъ сосредоточились теперь всѣ наши упованія.

Мы направили курсъ прямо на кустарникъ, ни на минуту не теряя его изъ виду. Когда мы спускались въ котловину, онъ исчезалъ, но, поднявшись на вершину бархана, мы видѣли его снова. Мало-по-малу мы все подвигались къ нему. Добравшись, наконецъ, до кустарника, мы возблагодарили Бога, набросились на свѣжую зелень и стали, точно животныя, жевать сочныя иглы.

Кустарникъ дѣйствительно былъ *живымъ!* Корни его, видно, достигали до грунтовыхъ водъ, значитъ, и открытая вода была теперь не за горами, до нея возможно было добраться.

Кустарникъ росъ на вершинѣ бархана, и по близости нигдѣ не было видно участковъ обнаженной твердой почвы. Удивительное растеніе — тамарискъ (Tamarix elongata)! Онъ купаетъ свои крѣпкіе гибкіе вѣтви и стволъ — высотою не болѣе 2 метр. — въ лучахъ палящаго солнца, а корни посылаетъ въ невѣдомую глубь высасывать влагу грунтовыхъ водъ. Корни служатъ какъ-бы насосами, снабжающими влагою все растеніе, которое покоится на подвижной волнистой поверхности песчанаго моря, словно кувшинка на поверхности водъ.

Одинъ видъ этого кустарника приводилъ насъ въ восхищеніе. А что за наслажденіе было растянуться на часокъ въ

его скудной тѣни! Онъ явился для насъ масличною вѣтвью, свидѣтельствовавшею, что это море песку имѣетъ таки границы, свои „крайнія шкеры“, которыя подаютъ потерпѣвшему крушеніе мореплавателю надежду на близость береговъ! Я взялъ съ собой нѣсколько вѣтокъ тамариска и съ наслажденіемъ вдыхалъ ихъ свѣжій ароматъ. Надежда на спасеніе была во мнѣ теперь сильнѣе, чѣмъ когда либо, и мы съ новымъ подъемомъ мужества продолжали путь къ востоку. Барханы стали пониже, едва достигая 10 метр., а въ промежуткѣ между двумя изъ нихъ мы нашли два небольшихъ жиденькихъ пучка *дырису* или *чія* (Lasiagrostis splendens*) и принялись жевать стебельки. Надежда не обманула насъ: въ $9^1/_2$ час. вечера мы увидѣли еще кустъ тамариска, а дальше къ востоку ихъ виднѣлось много.

Но силы наши были парализованы жарой, и мы просто свалились на песокъ подъ тѣнью тамариска, а затѣмъ, по вчерашнему, раздѣлись до нага и зарылись въ холодный песокъ.

Цѣлыхъ 9 часовъ лежали мы, какъ мертвые; Касимъ съ трудомъ могъ набросать на меня свѣжаго песку. Въ 7 ч. вечера мы, шатаясь, двинулись дальше. Черезъ три часа — Касимъ снова остановился и воскликнулъ: Тогракъ (тополь)! Что-то темное рисовалось за ближайшими барханами. Оказалось, что это дѣйствительно были три великолѣпныхъ тополя (Populus diversifolia) съ сочной листвой. Листья эти, однако, такъ горьки, что не очень то тянетъ жевать ихъ; но мы натирали ими кожу, пока она не становилась влажной.

Совершенно разбитые усталостью мы лежали часа два, прежде чѣмъ собрались съ силами изслѣдовать мѣстность. Мы начали было рыть колодезь около корней дерева, но силъ нашихъ не хватило: заступъ буквально валился у насъ изъ рукъ. Песокъ оказался только слегка влажнымъ, и до воды, видно, было еще далеко. Мы, впрочемъ, не упали духомъ и принялись рыть прямо голыми руками, но скоро должны были отказаться отъ попытокъ дорыться до грунтовой воды.

Вмѣсто того мы собрали въ кучу всѣ сухія вѣтви, разбросанныя кругомъ, и зажгли громадный костеръ, бросавшій

*) Одна изъ многихъ разновидностей ковыля. *Примѣч. перев.*

отблескъ далеко кругомъ. Окружающіе барханы выступали изъ мрака, словно зловѣщіе призраки.

Огонь долженъ былъ послужить сигналомъ для Исламъ-бая, если онъ еще оставался въ живыхъ, въ чемъ я сильно сомнѣвался. Кромѣ того, мы надѣялись привлечь этимъ сигналомъ вниманіе людей въ случаѣ, если кто нибудь ѣхалъ вдоль лѣваго берега Хотанъ-дарьи по дорогѣ, соединяющей Хотанъ съ Акъ-су. Въ виду этой важной цѣли, мы выбиваясь, изъ силъ, поддерживали огонь въ теченіе 2 часовъ.

Касимъ поджарилъ на огнѣ кусочекъ курдюка овцы, который и проглотилъ съ большими усиліями; для меня оказалось не легче справиться съ омарами. Остатки „провіанта“ мы бросили; незачѣмъ было понапрасну таскать ихъ съ собой. Но пустую жестянку изъ подъ шоколада я рѣшилъ сохранить: изъ нея я могъ напиться воды, зачерпнутой въ Хотанъ-дарьѣ! Послѣ того мы заснули около тлѣющаго костра, умѣрявшаго своей теплотой ночной холодъ.

4 мая. Въ 3 часа утра мы проснулись, въ 4 выступили въ путь, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу. Тащились до 9 ч. утра. Тутъ снова разверзлась передъ нами песчаная пучина, какъ будто съ злорадствомъ ожидая момента, когда можно будетъ окончательно поглотить насъ.

Тополей больше не попадалось, а кустарники тамариска были разбросаны такъ рѣдко, что ихъ и не видно было другъ отъ друга. Мы сильно упали духомъ, опасаясь, что попали просто въ впадину, а теперь опять пойдетъ безконечный песокъ. Въ 9 ч. мы пластомъ упали у корней тамариска и цѣлыхъ 10 часовъ лежали на солнцепекѣ.

Касимъ былъ такъ изнуренъ, что уже не могъ выкопать ямы, или посыпать меня холоднымъ пескомъ, и я страшно страдалъ отъ жары. Весь день мы не перемолвились словомъ, да и о чемъ было говорить? Думали мы оба объ одномъ и томъ-же, боялись одного и того-же. Да мы и не въ состояніи были говорить, а только хрипѣли, или шептали.

Куда дѣвались песчаные вихри, которые недѣлю тому назадъ дарили насъ такой густой тѣнью? Тщетно высматривали мы — не покажется-ли на горизонтѣ черной полосы густыхъ облаковъ, которые могли защитить насъ отъ палящаго солнца. Солнце и пустыня словно сговорились погубить насъ.

Но и этотъ тяжелый день подошелъ къ концу; солнце еще разъ приблизилось къ западному горизонту. Напрягая послѣднія силы, я всталъ, стряхнулъ песокъ съ тѣла, которое вмѣсто кожи, было, казалось, обтянуто коричневымъ пергаментомъ, одѣлся и позвалъ Касима. Онъ прохрипѣлъ, что не можетъ двинуться съ мѣста, и жестомъ, полнымъ безнадежнаго отчаянія, далъ мнѣ понять, что, по его мнѣнію, все кончено.

Я двинулся одинъ. Стояла могильная тишина; тѣни отъ бархановъ казались чернѣе обыкновеннаго. Иногда я отдыхалъ на барханахъ. Теперь только я окончательно остался одинокъ, наединѣ съ своей совѣстью и звѣздами, которыя горѣли, словно электрическія лампочки. Только онѣ однѣ составляли мнѣ компанію, только ихъ я еще узнавалъ, только онѣ убѣждали меня въ томъ, что я еще не въ царствѣ мертвыхъ. Прохладный воздухъ не шелохнулся, малѣйшій звукъ былъ-бы слышенъ издалека. Я приложился ухомъ къ песку и прислушался, но кромѣ тиканья хронометровъ, да слабаго медленнаго біенія собственнаго сердца, ничего не услышалъ.

Тутъ я отвелъ душу, закуривъ послѣднюю папироску. Остальныя мы выкурили въ предыдущіе дни; куренье до нѣкоторой степени притупляло муки жажды. Я всегда начиналъ первый, выкуривалъ половину папироски, а доканчивать отдавалъ Касиму. Тотъ долго наслаждался ею, выкуривая даже часть мундштука гильзы и говорилъ, что отъ папироски и на душѣ становится какъ-то легче. Въ этотъ вечеръ мнѣ пришлось самому докурить папироску.

5 мая. Я шелъ ночью до $12^1/_2$ часовъ, когда свалился около куста тамариска. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ развести костеръ, я заснулъ.

Но что это? Песокъ захрустѣлъ подъ чьими-то шагами, и въ темнотѣ вырисовался темный силуэтъ мужской фигуры. —Это ты, Касимъ?—спросилъ я.—Я, господинъ,—отвѣтилъ онъ. Ночная прохлада немножко подкрѣпила его, и онъ притащился по моимъ слѣдамъ. Встрѣча подбодрила насъ обоихъ, и мы съ часъ еще шли въ темнотѣ, борясь съ усталостью и одолѣвавшимъ насъ сномъ. Крутые склоны барханов были теперь преимущественно обращены къ востоку. Каждый разъ, спустившись съ такого ската, я затѣмъ долго ползъ на четве-

ренькахъ. Мы оба были разбиты усталостью и какъ-то вяло-равнодушны, но все еще боролись за жизнь.

Можно представить себѣ наше изумленіе, когда мы на отлогомъ склонѣ одного бархана нашли слѣды человѣческихъ ногъ! Мы припали къ нимъ и стали разглядывать ихъ. Ясно было, что тутъ проходили люди и, что мы, слѣдовательно, были недалеко отъ рѣки. Съ какой стати въ самомъ дѣлѣ забрались бы люди вглубь пустыни? Въ одно мгновенье сонъ и усталость съ насъ какъ рукой сняло. — А, вѣдь, слѣды-то какъ будто свѣжіе! съ удивленіемъ замѣтилъ Касимъ. Меня-же это не удивило, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было вѣтра. А, можетъ быть, эти слѣды были оставлены какимъ нибудь пастухомъ, который, увидавъ вчера огонь нашего костра, сдѣлалъ крюкъ, забравъ отъ дороги въ пустыню, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Мы поднялись по слѣдамъ на песчаную гряду, гдѣ песокъ былъ плотно спресованъ, и гдѣ слѣды отпечатались отчетливѣе. Припавъ къ слѣдамъ, Касимъ вдругъ едва слышнымъ голосомъ промолвилъ: — Это наши собственные слѣды!

Я всмотрѣлся и убѣдился въ справедливости его словъ. На пескѣ явственно отпечатались подошвы нашихъ сапогъ, а тамъ и сямъ виднѣлись и ямки отъ заступа, на который Касимъ опирался при ходьбѣ. Печальное открытіе! Сколько-же времени мы такъ кружили? Должно быть, не особенно долго, такъ какъ я лишь въ теченіе послѣдняго часа, одолѣваемый усталостью, забылъ про компасъ. Это соображеніе нѣсколько успокоило насъ, но вообще съ насъ довольно было на этотъ разъ, и мы улеглись и заснули около нашихъ слѣдовъ. Было $2^1/_2$ ч. утра.

На зарѣ мы проснулись и въ 4 ч. 10 м. потащились дальше. На Касима страшно было взглянуть: распухшій, совершенно сухой и бѣлый языкъ, посинѣвшія губы, ввалившіяся щеки и какіе-то стеклянные глаза. Его мучила похожая на предсмертную судорожная икота, отъ которой содрогалось все его тѣло; онъ съ трудомъ держался на ногахъ, но всетаки тащился за мной.

Горло у насъ горѣло отъ жажды невыносимо. Намъ чудилось, что у насъ скрипятъ всѣ суставы, какъ будто готовые загорѣться; глаза наши были такъ сухи, что мы съ трудомъ могли подымать и опускать вѣки.

Около 5 ч. мы достигли „дере“ (собственно долина) — впадины въ пескѣ, и я скоро убѣдился, что это старое рѣчное русло. На днѣ его въ изобиліи росли тополя; слѣдовательно, грунтовыя воды не могли находиться на особенно большой глубинѣ. Еще разъ попытались мы пустить въ дѣло заступъ, но силъ опять не хватило, и мы поплелись дальше къ востоку.

Когда солнце взошло, на восточномъ горизонтѣ явственно обозначилась горизонтальная полоска, съ едва замѣтными неровностями. Мы даже вздрогнули при видѣ ея вмѣсто обычной зубчатой линіи, образуемой безконечными грядами бархановъ. Черезъ нѣкоторое время мы открыли на горизонтѣ черную полосу. Какая радость, какое счастье! Эта полоса обозначала лѣсъ на берегу Хотанъ-дарьи, которая, наконецъ, перестала убѣгать отъ насъ! Пройдя узкую полосу неглубокаго безплоднаго песку, мы въ $5\frac{1}{2}$ ч. утра, вступили въ частый, сплошной лѣсъ, гдѣ подъ густолиственными вершинами деревьевъ, стоявшихъ въ свѣжемъ весеннемъ уборѣ, царила тѣнь и прохлада.

Схватившись рукой за лобъ, я стоялъ, точно очарованный этимъ чуднымъ зрѣлищемъ. Я старался собраться съ мыслями, какъ будто только что пробудившись отъ ужаснаго мучительнаго кошмара. Вѣдь, мы только что цѣлыя недѣли медленно умирали среди раскаленныхъ песковъ, тащились по долинѣ мертвыхъ, а теперь — !

Куда ни взгляни кругомъ — жизнь, весна, птицы, цвѣты, зелень всѣхъ оттѣнковъ, тѣнь, а дальше, между безчисленными стволами деревьевъ, слѣды звѣрей и дичи: тигровъ, волковъ, лисицъ, оленей, антилопъ, газелей и зайцевъ! Въ воздухѣ жужжали мухи и комары, гудѣли, проносясь стрѣлой, жуки, звучали утреннія пѣсенки птицъ!

Лѣсъ становился все чаще; тамъ и сямъ стволы тополей были обвиты ліанами. Иногда намъ преграждали путь непроходимыя баррикады изъ упавшихъ деревьевъ, сухого валежника и кучъ хвороста.

Въ 7 ч. 10 м. мы замѣтили, что лѣсъ порѣдѣлъ; между деревьями ясно виднѣлись слѣды людей и лошадей, лошадиный пометъ. Опредѣлить ихъ давность, однако, было невозможно,— въ чащѣ лѣса они были защищены отъ песчаныхъ бурановъ и могли сохраняться очень долго. Но какая радость, какое счастье! Теперь ясно было, что мы спасены.

Я предложилъ Касиму пройти весь лѣсъ насквозь и продолжать путь къ востоку, такъ какъ рѣка должна была находиться въ этомъ направленіи неподалеку. Но Касимъ полагалъ, что слѣды, безъ сомнѣнія, указываютъ дорогу и могутъ скорѣе привести насъ къ рѣкѣ. Такъ какъ тропинка, по которой шли слѣды, была удобна и, слѣдуя по ней, мы все время могли оставаться въ тѣни, то я и согласился съ Касимомъ.

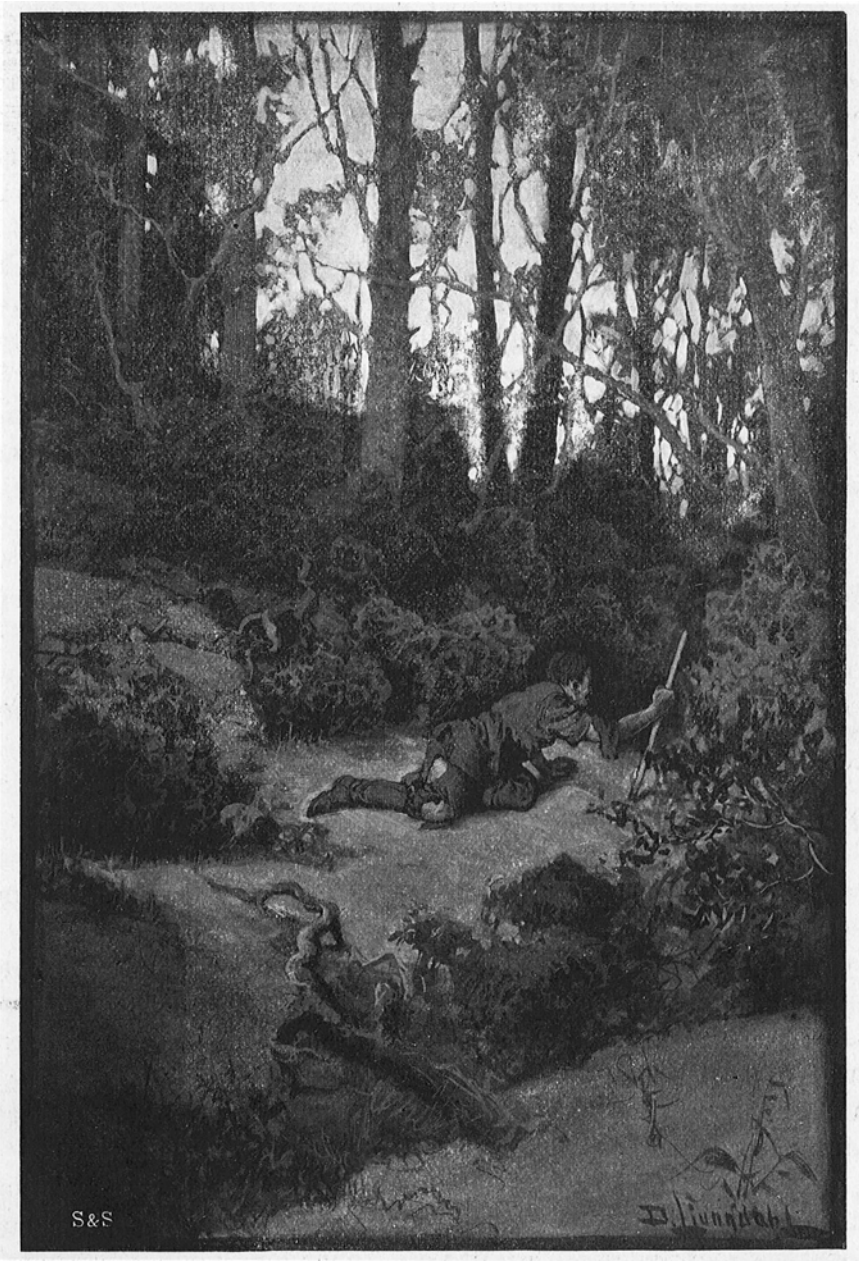
Спотыкаясь, пошатываясь, побрели мы по этой тропинкѣ къ югу, но уже въ 9 ч. утра тропическая жара сломила наши силы, и мы легли въ тѣни тополей. Руками вырылъ я себѣ яму между корнями и цѣлый день пролежалъ въ ней, ворочаясь отъ жары съ боку на бокъ; заснуть мнѣ такъ и не удалось ни на минуту. Касимъ лежалъ неподвижно на спинѣ, широко раскрывъ глаза и ротъ, и бредилъ, что-то бормоталъ, стоналъ и не отвѣчалъ мнѣ, какъ я ни трясъ его.

День показался мнѣ безконечнымъ; я изнывалъ отъ нетерпѣнія. Я чувствовалъ, что рѣка гдѣ нибудь тутъ, совсѣмъ близко, и томился по водѣ.

Только въ 7 ч. вечера я былъ въ состояніи одѣться и позвалъ Касима идти за водой. Но онъ только замоталъ головой и жестами далъ мнѣ понять, чтобы я шелъ одинъ, напился и скорѣе вернулся къ нему съ водой, не то онъ умретъ, гдѣ лежитъ.

Тогда я взялъ заступъ и снялъ желѣзный налопатникъ съ древка: послѣднее должно было послужить мнѣ посохомъ и орудіемъ для защиты, а налопатникъ я повѣсилъ на вѣтку, свѣшивавшуюся надъ тропинкой, чтобы мнѣ легче было потомъ найти это мѣсто. Въ то-же время во мнѣ вновь пробудилась надежда, что намъ удастся спасти и оставленныя въ пустынѣ вещи, если мы съ этого мѣста отправимся назадъ по прямому направленію на западъ. Трехъ оставленныхъ нами людей я, напротивъ, считалъ погибшими.

Я двинулся по лѣсу по направленію къ востоку; лѣсъ не рѣдѣлъ, и я нѣсколько разъ чуть не завязъ въ чащѣ, изорвалъ въ клочья одежду, исцарапалъ руки. Упадокъ силъ заставлялъ меня безпрестанно присаживаться отдохнуть то на пень, то на стволъ свалившагося дерева. Стало смеркаться, потомъ стемнѣло, и я еле преодолѣвалъ сонливость, пробираясь то пѣшкомъ, то ползкомъ.



Авторъ пробирается ползкомъ по лѣсу, въ поискахъ за водою.
(Съ рисунка Д. Люнгдаля).

Вдругъ лѣсъ разомъ пресѣкся, точно обрѣзанный лѣснымъ пожаромъ, и къ востоку протянулась равнина, покрытая

плотно спресованнымъ пескомъ и глиной. Такъ какъ равнина лежала приблизительно на 2 метра ниже полосы лѣса, и на ней не было и слѣда бархановъ, то я сразу понялъ, что это ни что иное, какъ русло Хотанъ-дарьи.

Я убѣждался въ этомъ еще больше, находя тамъ и сямъ высохшіе тополевые стволы или вѣтви, до половины высовывавшіяся изъ почвы, а также борозды — глубиной до 1 фута — съ острыми краями, видимо, проложенныя потоками воды. Но песокъ здѣсь былъ такой-же сухой, какъ и въ пустынѣ, — рѣчное русло было сухо, въ ожиданіи лѣтняго притока водъ съ горъ.

Я, однако, не могъ допустить, чтобы мнѣ суждено было умереть отъ жажды около самого русла рѣки и, раскидывая умомъ и соображая свое положеніе, припомнилъ уклоненіе Яркендъ-дарьи къ востоку, а также старое рѣчное русло, которое мы перешли прежде, чѣмъ достигли полосы лѣса. Можетъ быть, и тутъ были однородныя условія, можетъ быть, и Хотанъ-дарья льнетъ больше къ правому берегу, около котораго я, слѣдовательно, могу ожидать найти наиболѣе глубокія мѣста русла. Я и рѣшился поэтому пересѣчь равнину прежде, чѣмъ отчаиваться.

Теперь я направился прямо къ юго-востоку. Почему же не къ востоку, какъ до сихъ поръ? Не знаю. Можетъ быть, меня загипнотизировала луна, узенькій серпъ которой блестѣлъ на юго-востокѣ, разливая блѣдный, голубоватый свѣтъ по безмолвной окрестности.

Твердой поступью, подпираясь древкомъ, шелъ я по прямой линіи къ юго-востоку, какъ будто меня вела чья-то невидимая рука. Временами меня одолѣвало искушеніе заснуть, отдохнуть. Пульсъ бился слабо, еле замѣтно, я напрягалъ всѣ силы, чтобы не поддаться сну. Я боялся, что онъ будетъ слишкомъ крѣпокъ, и я уже не проснусь больше.

Я не сводилъ глазъ съ мѣсяца, ожидая — не заблеститъ-ли подъ нимъ серебристая полоска воды. Но ничего такого не показывалось; востокъ тонулъ въ холодномъ ночномъ туманѣ.

Пройдя $2^1/_2$ килом., я различилъ темную линію лѣса, окаймлявшаго другой берегъ. По мѣрѣ моего приближенія къ ней, опушка лѣса выступала все яснѣе; тутъ оказалась густая заросль кустовъ и камыша; полусвалившійся тополь накло-

нился надъ углубленіемъ въ рѣчномъ ложѣ. Мнѣ оставалось всего нѣсколько шаговъ до самаго берега, какъ вдругъ передо мной съ шумомъ взлетѣла испуганная утка. Я услышалъ всплескъ и въ слѣдующее мгновенье стоялъ на краю небольшой, всего 20 м. въ длину, лужи съ свѣжей, чистой восхитительной водой!

Напрасно было-бы пытаться описать мои чувства въ этотъ моментъ. Но, куда я обратилъ свои мысли, передъ тѣмъ какъ напиться, читатель самъ догадается. Я сосчиталъ число ударовъ моего пульса: 49, а затѣмъ вынулъ изъ кармана жестянку изъ подъ шоколада, зачерпнулъ воды и сталъ пить. О томъ, какъ вкусна можетъ быть вода, никто, не умиравшій отъ жажды, не имѣетъ и понятія. Я тихонько подносилъ сосудъ ко рту и — пилъ, пилъ, пилъ! Какое наслажденіе, какое блаженство! Никакое вино, даже самъ нектаръ боговъ не могли быть вкуснѣе! Итакъ, надежда не обманула меня: моя счастливая звѣзда продолжала ярко сіять надъ моей головой.

Я не боюсь преувеличить, говоря, что въ теченіе 10 минутъ выпилъ 3 литра. Въ жестянку входилъ не совсѣмъ полный стаканъ, а я опорожнилъ ее 21 разъ. Въ тѣ минуты я и не думалъ о томъ, что, пожалуй, вредно пить такъ много послѣ столь продолжительнаго воздержанія. Но я и не чувствовалъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Напротивъ, вмѣстѣ съ этой холодной, свѣжей, прозрачной водой въ меня какъ будто вливалась жизнь, влага словно проникала во всѣ сосуды и ткани тѣла, впитывавшаго ее въ себя, какъ высохшая губка.

Пульсъ забился сильнѣе, и черезъ нѣсколько минутъ число ударовъ достигло 56. Кровь, за минуту передъ тѣмъ такая сгущенная, съ трудомъ обращавшаяся въ сосудахъ, заструилась съ прежней живостью! Сморщенныя, высохшія, жесткія руки стали разбухать. Кожа, походившая на пергаментъ, стала опять влажной, упругой, и на лбу скоро появилась благодѣтельная испарина. Словомъ, я ощущалъ, какъ все тѣло мое оживляется, обрѣтаетъ новыя силы; это были захватывающія минуты!

Никогда жизнь не казалась мнѣ прекраснѣе, богаче, дороже! Будущее было залито моремъ свѣта! Жить на свѣтѣ *стоило*. Всѣ толки о томъ, что земля юдоль печали, казались мнѣ пустой басней. Словомъ, я былъ въ восторженномъ состояніи, и мнѣ чудилось, что какое-то небесное существо провело меня среди ночнаго мрака къ этой лужицѣ; я какъ будто еще слышалъ надъ собой шумъ его крылъ.

Когда я напился и пришелъ понемногу въ болѣе нормальное состояніе, мысли мои вернулись къ дѣйствительности, а вниманіе устремилось на ближайшіе предметы. Лужа эта уцѣлѣла съ прошлаго года въ глубокой бороздѣ, проложенной теченіемъ вдоль отмели праваго берега. Вода скопилась въ небольшомъ углубленіи въ этой бороздѣ, поэтому я и не могъ замѣтить ея раньше, нежели подошелъ къ углубленію вплотную.

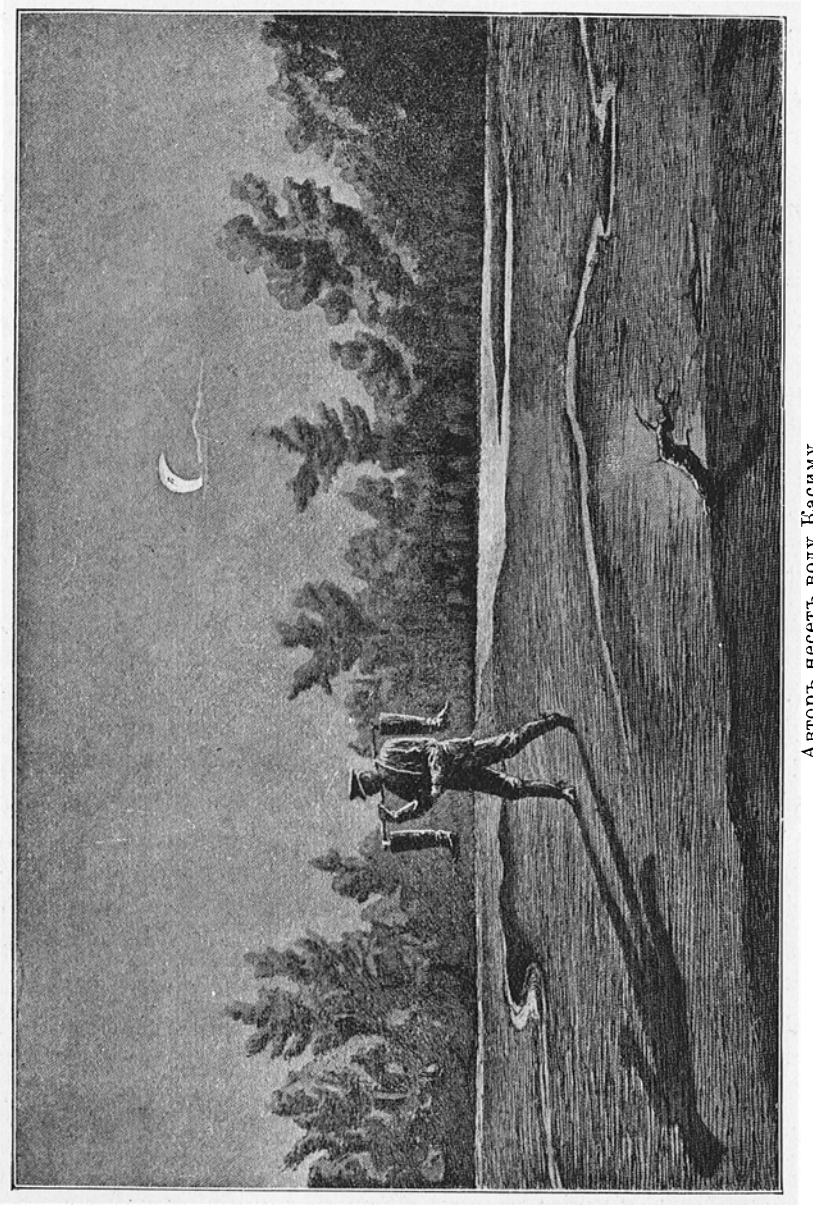
Пройди я отъ него шагахъ въ 50 вправо, или влѣво, я бы никогда не нашелъ его, а до ближайшихъ лужъ въ обѣ стороны было, какъ я убѣдился впослѣдствіи, довольно далеко. Купцы, проходящіе весною съ караванами по дорогѣ между Хотаномъ и Акъ-су, знаютъ каждую лужицу и всегда останавливаются около нихъ на ночевки. Не наткнись я на эту лужу, я, пожалуй, заблудился-бы, а, можетъ быть, у меня и силъ не хватило-бы дойти до слѣдующей.

На восточномъ берегу виднѣлась густая заросль сухого, пожелтѣвшаго прошлогодняго камыша; между старыми стеблями пробивались и зеленые молоденькіе отпрыски. За камышевой опушкой грозно вставалъ темный лѣсъ; серпъ мѣсяца точно повисъ, зацѣпившись за верхушку тополя. Я сидѣлъ около самой лужи, блестящая зеркальная поверхность которой казалась совсѣмъ черной отъ тѣни, наводимой на нее темнымъ лѣсомъ.

Вдругъ въ камышевой заросли послышался шорохъ и шуршанье. Это могъ быть тигръ, но меня теперь и страхъ не бралъ, — недаромъ-же мнѣ была вторично дарована жизнь! Я даже радъ былъ-бы увидѣть высунувшуюся изъ чащи голову тигра съ горящими глазами. Я-бы посмотрѣлъ ему прямо въ эти глаза и спросилъ: посмѣетъ-ли онъ взять мою такою дорогою цѣною купленную жизнь!

Шорохъ и хрустъ сухихъ стеблей камыша, однако, пре-

кратились. Тигръ или какое другое животное, пробиравшееся къ лужѣ напиться, повидимому, сочло за лучшее держаться



Авторъ несетъ воду Касиму.
(Съ рисунка автора).

въ почтительномъ разстояніи, пока мѣсто было занято человѣкомъ.

Тутъ я вспомнилъ объ умиравшемъ въ лѣсу Касимѣ;

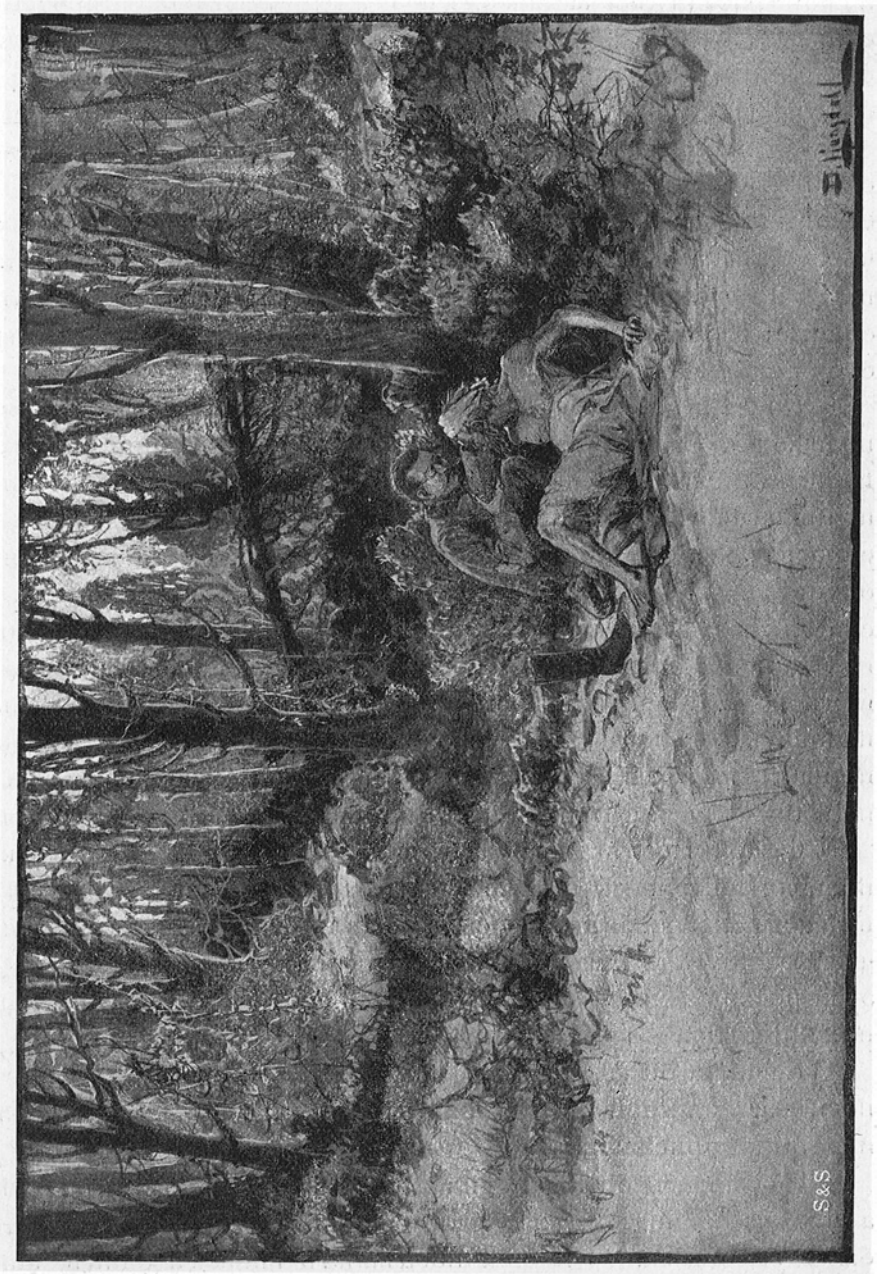
онъ не въ силахъ былъ двинуться съ мѣста, не то что идти цѣлыхъ три часа до воды. Ему нужна была скорая помощь. Но жестянка была слишкомъ мала; принесенной въ ней воды хватило-бы ему только помочить губы. Какъ-же быть? Въ чемъ снести ему воды?

Сапоги! Разумѣется, въ моихъ высокихъ, непромокаемыхъ шведскихъ сапогахъ! Какого сосуда еще лучше, практичнѣе? Съ бульканьемъ погрузились сапоги въ воду, затѣмъ я продѣлъ въ ушки ручку заступа, перекинулъ послѣднюю черезъ плечо, какъ коромысло, и быстрыми шагами направился назадъ по собственнымъ слѣдамъ. Сапоги были до краевъ полны драгоцѣнной влагой, которая должна была вернуть Касима къ жизни. Во время моей быстрой ходьбы часть воды расплескалась, но сквозь кожу не просочилось ни капли. Стокгольмскому сапожному мастеру Шенстрёму врядъ-ли когда прежде приходилось выпускать въ свѣтъ сапоги, которые не только должны были спасти жизнь человѣку, но еще исколесить всю Азію вдоль и поперекъ. Зато они и пріобрѣли нѣкоторую извѣстность.

Мѣсяцъ все еще бросалъ слабый свѣтъ на рѣчную долину, и я легко могъ держаться своихъ слѣдовъ. Идти было также не трудно: усталость мою, какъ рукой сняло, я почти летѣлъ къ лѣсу, окаймлявшему лѣвый берегъ. По лѣсу пробираться стало труднѣе. Чулки на мнѣ были очень тонкія, и мнѣ въ ноги то и дѣло вонзались иглы и щепочки. Но хуже всего было то, что мѣсяцъ заволокло тучами, въ лѣсу стало темно, и я потерялъ свои слѣды. Я чиркнулъ спичку, попытался прибѣгнуть къ помощи компаса, но напрасно; крикнулъ: Касимъ! но окликъ мой замеръ въ чащѣ, и я не получилъ никакого отвѣта. Нѣкоторое время я шелъ почти наугадъ, продолжая звать моего слугу изо всѣхъ силъ. Наконецъ, я понялъ всю безполезность этого блужданья во тьмѣ—я только все болѣе и болѣе запутывался въ чащѣ лѣса — и рѣшилъ остановиться и дождаться зари.

Наткнувшись на цѣлую баррикаду изъ вѣтвей и упавшихъ стволовъ, я поджегъ ее и образовался огромный костеръ. Сухой хворостъ и валежникъ такъ и трещали; снизу отлично поддувало, и пламя такъ и свистѣло, подымаясь столбомъ кверху и облизывая стволы тополей. Стало свѣтло, какъ

днемъ; какой-то зловѣщій, багровый отсвѣтъ озарилъ темную до того чащу лѣса.



Авторъ поитъ Касима
(Съ рисунка Д. Люндаля).

По моимъ предположеніямъ, Касимъ не могъ не видѣть пламени и не слышать треска огня, такъ какъ долженъ былъ

находиться неподалеку. Я опять принялся звать своего слугу и искать своихъ слѣдовъ при свѣтѣ костра, но опять тщетно, и скоро растянулся на мягкомъ пескѣ. Полюбовавшись яростью огня, я заснулъ и спалъ спокойно часа два въ такомъ разстояніи отъ костра, чтобы огонь не досталъ до меня, но и не позволилъ подойти ко мнѣ какому нибудь звѣрю.

Занималась заря, когда я проснулся; огонь значительно ослабѣлъ, остановленный свѣжими тополями, полными соковъ; стволы деревьевъ, однако, почернѣли и обуглились, и густой черный дымъ стлался надъ лѣсомъ. Изъ сапоговъ, прислоненныхъ къ дереву, не вытекло ни капли, земля подъ ними была суха. Я глотнулъ воды, снова принялся искать свои слѣды и скоро нашелъ ихъ.

Когда я добрался до Касима, онъ лежалъ все въ томъ-же положеніи. Сначала онъ смотрѣлъ на меня безумно вытаращенными глазами, но, когда узналъ меня, сдѣлалъ усиліе подползти ко мнѣ и прошепталъ:—Умираю!—Хочешь воды?—спросилъ я спокойно. Онъ только качнулъ головой и безсильно опустился на землю. Онъ и не подозрѣвалъ, что́ было въ сапогахъ. Я взялъ одинъ сапогъ и, наклоняя его изъ стороны въ сторону, далъ Касиму послушать, какъ переливается въ немъ вода. Касимъ вздрогнулъ, испустилъ нечленораздѣльный звукъ, а, когда я поднесъ къ его губамъ край голенищи, припалъ къ водѣ и однимъ духомъ выпилъ всю сначала изъ перваго сапога, а потомъ и изъ второго.

6 мая. Послѣ того, какъ и Касимъ подвергся тому-же превращенію, какъ я наканунѣ вечеромъ, и снова пришелъ въ себя, мы посовѣтовались и рѣшили отправиться къ лужѣ, чтобы отдохнуть тамъ, какъ слѣдуетъ, напиться и вымыться,—этой роскоши мы не могли позволять себѣ въ теченіе послѣднихъ недѣль.

Касимъ былъ, однако, еще такъ слабъ, что не могъ поспѣвать за мной, шелъ, пошатываясь, какъ пьяный, и безпрестанно присаживался.

Такъ какъ онъ находился на вѣрной дорогѣ къ водѣ, а я пока не могъ сдѣлать для него ничего больше того, что было уже сдѣлано, то я и поспѣшилъ впередъ одинъ, еще разъ напился воды, выкупался и ждалъ Касима съ часъ. О немъ все не было ни слуха, ни духа.

Тутъ далъ себя знать голодъ. Теперь важнѣе всего было отыскать людей; во первыхъ можно было раздобыть у нихъ пищи, а во вторыхъ попытаться съ ихъ помощью вернуться въ пустыню и спасти Ислама и наши пожитки. Я и предоставилъ пока Касима самому себѣ, а самъ быстрыми шагами поспѣшилъ вдоль праваго берега русла прямо на югъ. Сапоги мои были такъ мокры, что я не могъ надѣть ихъ и шелъ босой.

Въ 9 ч. поднялась сильная буря съ запада, подымавшая пыль и песокъ столбомъ, затемняя солнце. На жару поэтому жаловаться не приходилось, зато густая пыльная мгла застилала видъ во всѣ стороны, и лѣса не было видно ни направо, ни налѣво.

Послѣ трехчасовой, безостановочной ходьбы, опять меня начала мучить жажда. Отъ горячаго летучаго песку и вѣтра просто духъ захватывало, и я вошелъ въ лѣсъ, росшій на правомъ берегу, чтобы отдохнуть въ чащѣ и поразмыслить о своемъ положеніи. Тутъ пришло мнѣ въ голову, что до ближайшей лужи, пожалуй, нѣсколько дней пути, и что съ моей стороны неблагоразумно было покинуть первую, найденную мною столь чудеснымъ образомъ. Къ тому-же лучше было-бы соединиться съ Касимомъ,—вдвоемъ веселѣе.

Итакъ, я повернулъ назадъ и пошелъ по берегу къ сѣверу, но не прошло и получаса, какъ случай привелъ меня къ новой лужѣ, едва въ метръ въ окружности; вода въ ней оказалась мутная, чуть солоноватая. Я съ жадностью напился. Усталость одолѣвала меня, и я не зналъ хорошенько на что рѣшиться. Воду я нашелъ, а безъ Касима могу пока и обойтись. Продолжать путь къ югу я былъ не въ силахъ. Самое лучшее было подождать тутъ, пока буря уляжется, а тогда развести костеръ: по лѣсной тропинкѣ, по лѣвому берегу могутъ проходить люди, огонь и привлечетъ ихъ.

Я и отыскалъ около лужи чащу, въ которой можно было отлично укрыться отъ бури. Тутъ я улегся, подложилъ подъ голову вмѣсто подушки фуражку и сапоги и заснулъ крѣпкимъ долгимъ сномъ — въ первый разъ съ 1-го мая. Когда я проснулся, было уже темно, но вѣтеръ все еще выл въ лѣсу. Было 8 ч. вечера. Напившись воды изъ лужи, я развелъ большой костеръ, и долго просидѣлъ, глядя на пламя.

Голодъ опять началъ мучить меня. Я нарвалъ немножко травы, молодыхъ побѣговъ камыша и наловилъ въ лужѣ головастиковъ, чтобы обмануть голодъ. Головастики были горьки, но я глоталъ ихъ цѣликомъ. Послѣ такого „ужина" я набралъ цѣлую охапку хвороста, чтобы поддерживать огонь ночью.

Будь со мной мой Джолдашъ! А, можетъ быть, онъ живъ еще и пробрался къ рѣкѣ по нашимъ слѣдамъ? Я принялся пронзительно свистать, но Джолдашъ такъ и не явился, и я, наконецъ, опять заснулъ.

7 мая. Буря стихла, но воздухъ все еще насыщенъ пылью. Этотъ „черный буранъ" навѣялъ на меня тяжелыя, мрачныя мысли. Это былъ первый буранъ, разразившійся послѣ гибели каравана. Онъ набросалъ теперь первыя горсти праха на тѣла моихъ слугъ и верблюдовъ! Онъ замелъ всѣ наши слѣды, и Исламъ-бай, если онъ живъ еще, ни за что не найдетъ насъ даже съ помощью компаса. Да и намъ, если мы найдемъ людей, которые согласятся отправиться съ нами въ пустыню на розыски палатки, будетъ стоить большихъ трудовъ найти ее, такъ какъ и мы не можемъ болѣе руководиться нашими слѣдами.

Потомъ мнѣ пришло въ голову другое. Эта мѣстность казалась совершенно безлюдною. Можетъ быть, этой дорогой вовсе и не пользуются въ жаркое время года? Дожидаясь тутъ помощи, я, пожалуй, успѣю умереть съ голоду! Когда я въ послѣдній разъ смотрѣлъ на карту Пржевальскаго, я высчиталъ, что мы достигнемъ рѣки около Буксама, расположеннаго въ 250 верстахъ отъ Хотана. Отправиться развѣ въ Хотанъ? Я могу пройти это разстояніе въ 6 дней.

Рѣшено и приведено въ исполненіе. Въ $4^1/_2$ часа утра я отправился въ путь и зашагалъ, держась, по возможности, прямой линіи, посрединѣ рѣчного русла, которое почти не дѣлало изгибовъ. Ширина его колебалась между 1 — 3 килом. На всякій случай я взялъ съ собой запасъ воды въ сапогахъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы ноги у меня просто онѣмѣли и покрылись пузырями. Я обвернулъ ступни сложенными вдвое чулками и привязалъ послѣдніе длинными бинтами, изорвавъ для этого рубашку.

Въ слѣдующей попавшейся мнѣ лужѣ вода опять ока-

залась прѣсной, и я замѣнилъ ею взятую съ собой солоноватую. Затѣмъ я сталъ придерживаться лѣваго берега и къ своей величайшей радости набрелъ на обнесенный плетнемъ загонъ для овецъ. Я тщательно осмотрѣлъ его и убѣдился, что онъ давно въ забросѣ. Пониже, въ самомъ рѣчномъ ложѣ, виднѣлись слѣды колодца.

Полуденная жара и усталость загнали меня въ $11^1/_2$ ч. опять въ лѣсъ. Тутъ я сдѣлалъ привалъ, насобиралъ молодыхъ побѣговъ камыша и травы, искрошилъ ихъ ножомъ и смѣшалъ съ водой. Это былъ мой завтракъ.

Когда полуденная жара спала, я опять двинулся дальше, и шелъ часъ за часомъ до 8 ч. вечера, когда усталость принудила меня сдѣлать привалъ. Разведя, по обыкновенію, костеръ, я улегся спать.

8 мая я поднялся еще до восхода солнца и двинулся дальше, опять держась лѣваго берега, убѣгавшаго къ SSW. Странно! Людей все не попадалось! Но, можетъ быть, дорога шла лѣсомъ, и я могъ такимъ образомъ разминуться съ путниками?

Чтобы оріентироваться, я пересѣкъ лѣсъ въ западномъ направленіи. Ширина его оказалась всего въ 1 килом., и за его опушкой предо мной предстало зловѣщее желтое песчаное море, столь хорошо мнѣ знакомое, и заставило меня въ ужасѣ отступить. Въ часѣ ходьбы дальше барханы, вытянутые съ NNW къ SSO, стали подступать къ самому краю рѣчного русла.

Тамъ и сямъ росли одинокіе тополи, и я, изнуренный жарой, легъ подъ тѣнью одного изъ нихъ. По пути мнѣ попалось что-то около 8 маленькихъ лужицъ; большинство содержало солоноватую воду.

Отдохнувъ часа два, я продолжалъ свое одинокое путешествіе къ югу. Если дорога дѣйствительно существовала, она, ясное дѣло, не могла идти по лѣвому берегу, такъ какъ по песчанымъ грядамъ никто по доброй волѣ не пойдетъ и не поѣдетъ. Итакъ, надо было изслѣдовать лѣсъ на правомъ берегу. Ширина рѣчного русла равнялась здѣсь 2 килом. Но и на правомъ берегу я не нашелъ дороги. Я поэтому опять пошелъ по руслу, придерживаясь берега и опушки лѣса.

Приблизительно въ 300 м. дальше, на сухомъ песчаномъ

ложѣ рѣки показались два островка, покрытые кустарникомъ и тополями. Между южнымъ островкомъ и берегомъ я открылъ незадолго до солнечнаго заката слѣды двухъ босыхъ людей и четырехъословъ; слѣды вели въ противоположную сторону, т. е. къ сѣверу!

Человѣческіе слѣды! Я ожилъ. Значитъ, я болѣе не одинокъ въ этой пустынной мѣстности! Слѣды были такъ свѣжи, такъ отчетливы, что, очевидно, прошелъ самое большее день съ тѣхъ поръ, какъ люди эти проходили здѣсь. Странно, какимъ образомъ я не встрѣтилъ ихъ, разъ мы шли по противоположному направленію; но, можетъ быть, они шли ночью, а днемъ отдыхали.

Откуда и куда они шли? Гдѣ они въ послѣдній разъ дѣлали привалъ? Можетъ быть, около человѣческаго жилья? Или только около какой нибудь лужи? Возвращаться назадъ по ихъ слѣдамъ не стоило,—они, конечно, успѣли уже уйти такъ далеко, что мнѣ не догнать ихъ. Оставалось только идти туда, откуда шли слѣды, что я и сдѣлалъ, продолжая съ любопытствомъ разглядывать эти отпечатки человѣческихъ ногъ. Руководимый ими, я, слѣдовательно, шелъ все къ югу, вдоль праваго берега Хотанъ-дарьи.

XXVII.

Двѣ недѣли въ бесѣдкѣ. Исламъ-бай спасенъ.

Начинало уже смеркаться, когда мнѣ около края выдающейся мысомъ части лѣса послышался звукъ, заставившій меня остановиться и прислушаться, затаивъ дыханье. Звукъ не повторялся, и я подумалъ, что это былъ дроздъ, или какая нибудь другая птица, которыя не разъ заставляли меня вздрагивать и останавливаться. Но нѣтъ! Въ слѣдующую минуту я уже ясно услышалъ крикъ и мычанье коровы. Звуки эти въ данную минуту показались мнѣ слаще самаго чарующаго пѣнія примадонны.

Поспѣшно надѣлъ я на себя мокрые сапоги, чтобы не походить на какого-то полоумнаго, и въ сильнѣйшемъ волненіи поспѣшилъ на звуки, продираясь сквозь чащу, перепрыгивая черезъ поваленные стволы, спотыкаясь и падая. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе слышался людской говоръ и мычанье коровъ; наконецъ, черезъ просѣку въ чащѣ я увидѣлъ на полянѣ пасущееся стадо и пастуха съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ. Онъ былъ не мало пораженъ при видѣ появившагося изъ чащи человѣка въ лохмотьяхъ и синихъ очкахъ.

Пожалуй, онъ принялъ меня за лѣсного тролля, или за одного изъ злыхъ духовъ пустыни, заблудившагося въ лѣсу; по крайней мѣрѣ, онъ какъ будто окаменѣлъ отъ испуга и только таращился на меня. Я привѣтствовалъ его дружескимъ: „селямъ алейкумъ!“ (миръ вамъ) и вкратцѣ объяснилъ ему, какъ попалъ сюда. Но тутъ пастухъ мой вдругъ бросилъ стадо, кинулся бѣжать и исчезъ въ чащѣ.

Вскорѣ, однако, онъ вернулся съ другимъ пастухомъ, постарше, который оказался разсудительнѣе. Я встрѣтилъ и этого тѣмъ-же привѣтомъ и сталъ подробно разсказывать о нашихъ приключеніяхъ. Услыхавъ, что я недѣлю не ѣлъ и прошу немного хлѣба, пастухи повели меня въ низенькій шалашъ изъ вѣтвей, находившійся неподалеку.

Тутъ я расположился на рваной кошмѣ, и младшій пастухъ поднесъ мнѣ деревянный лотокъ со свѣжимъ маисовымъ листовымъ хлѣбомъ. Я поблагодарилъ, отломилъ кусокъ и сталъ ѣсть; съѣвъ небольшой ломтикъ, я почувствовалъ, что уже сытъ. Пастухи предложили мнѣ еще овечьяго молока, которое я выпилъ съ удовольствіемъ. Послѣ того оба пастуха куда-то исчезли, а со мною остались только двѣ большія собаки, которыя все время лаяли на меня.

Когда уже стемнѣло, пастухи вернулись, приведя съ собой въ шалашъ еще третьяго. По близости отъ шалаша находился загонъ, куда и загнали стадо на ночь, чтобы оно было въ безопасности отъ нападенія тигровъ и волковъ; мы же, разведя большой костеръ, заснули всѣ четверо прямо подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ я былъ спасенъ отъ смерти, отъ голода и жажды.

9 мая. На разсвѣтѣ пастухи ушли со своими стадами, и я опять остался одинъ. Шалашъ былъ расположенъ на холмѣ

около опушки лѣса, и между деревьями открывался видъ на русло Хотанъ-дарьи. Неподалеку отъ шалаша рѣка образовывала заливчикъ, и въ немъ находилась лужа съ прозрачной водой; чтобы обезпечить себя запасомъ свѣжей холодной воды, пастухи кромѣ того вырыли въ рѣчномъ ложѣ колодезь.

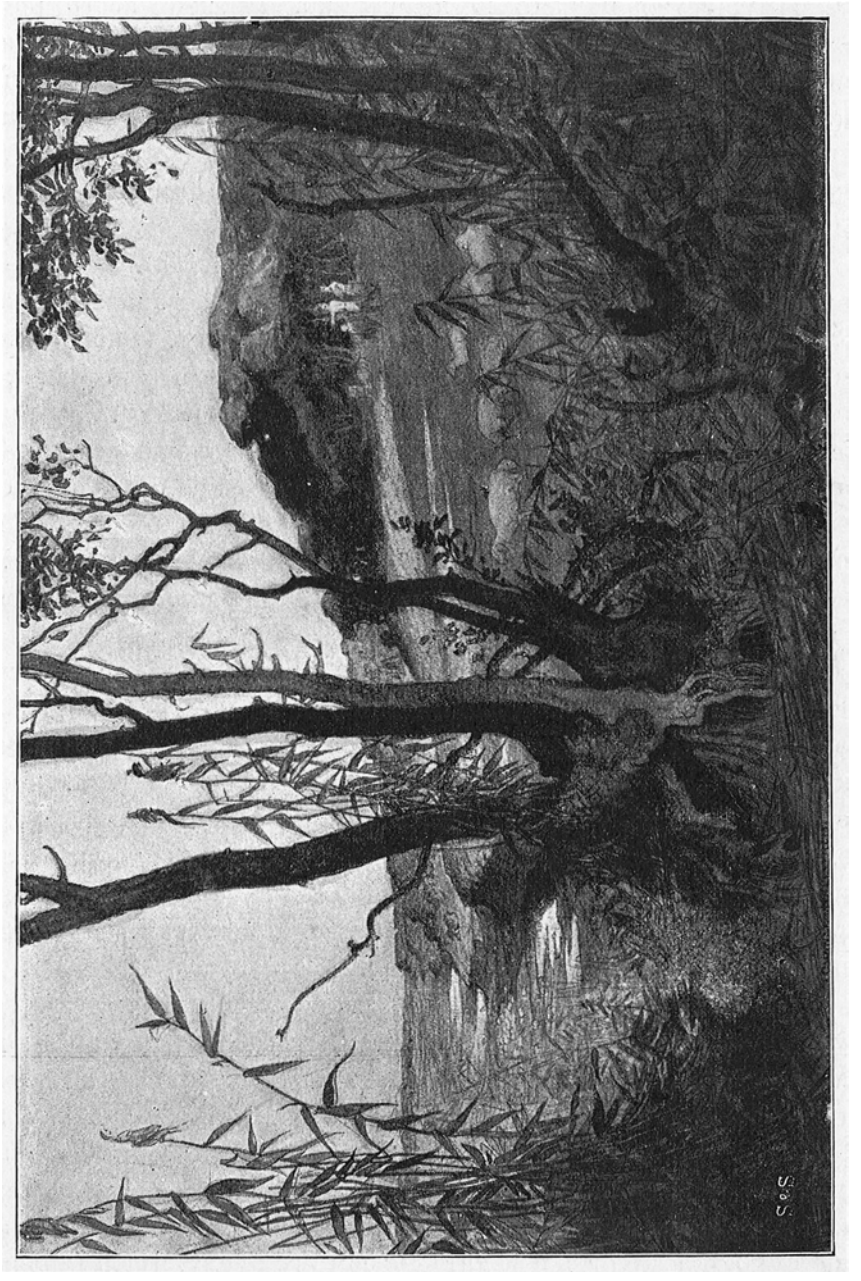
Около полудня они вернулись, чтобы провести со стадами жаркую пору дня около колодца. Во время этого полуденнаго отдыха я и имѣлъ случай поближе свести знакомство съ моими хозяевами. Одного изъ нихъ звали Юсуфъ-бай, другого Тогда-бай и третьяго Паси-ахунъ; пасли-же они 170 овецъ и козъ и 60 коровъ, принадлежавшихъ одному хотанскому баю.

Проводили они тутъ въ лѣсу и лѣто и зиму и получали за свой однообразный трудъ всѣ вмѣстѣ 20 тенегъ (около 4 рублей) въ мѣсяцъ, да извѣстное количество маисовой муки для хлѣба. Когда подножный кормъ на одномъ мѣстѣ истощался, они переходили на другое, и возводили себѣ новый шалашикъ, если тамъ не оставалось стараго съ прежнихъ лѣтъ. Здѣсь, гдѣ я нашелъ ихъ, они стояли уже пять дней и скоро должны были перекочевать на другое мѣсто. Лѣсная область эта называлась Буксамъ (частый лѣсъ, чаща).

Хотя жизнь они вели, повидимому, крайне однообразную и бѣдную радостями, видъ у нихъ былъ веселый и довольный. Тогда-бай былъ женатъ, но жена его оставалась въ Хотанѣ. Я спросилъ его, почему онъ не беретъ ея съ собой въ лѣсъ, и онъ сказалъ, что проѣзжіе китайцы не даютъ спуска туземнымъ женщинамъ, и поэтому пастухи предпочитаютъ жить бобылями. Раза два въ годъ ему удается навѣстить жену въ городѣ.

Мое появленіе внесло нѣкоторую перемѣну въ ихъ однообразное житье-бытье, но они все еще дичились меня и, видно, считали меня подозрительнымъ субъектомъ. То обстоятельство, что я говорю на ихъ языкѣ, впрочемъ, нѣсколько успокаивало ихъ, и бесѣда у насъ шла хорошо. Питались они исключительно маисовымъ хлѣбомъ, водой и чаемъ, сильно отзывавшимся перцемъ. Два раза въ день они пекли себѣ по большому хлѣбу, который дѣлили между собою. Хлѣбъ этотъ дѣлался изъ прѣснаго тѣста, замѣшаннаго прямо на водѣ; прибавивъ въ тѣсто немного соли, они валяли на деревянномъ лоткѣ

круглую лепешку, затѣмъ клали ее прямо на горячіе уголья, а сверху прикрывали теплой золой. Черезъ три часа хлѣбъ



Лѣсъ на правомъ берегу Хотанъ-Дарьи.
(Съ рисунка Г. Гальстрёма).

былъ готовъ и выходилъ очень вкуснымъ. Я ѣлъ его съ наслажденіемъ, и хозяева мои не скупились на угощеніе, хоть

и видѣли, что у меня нѣтъ ни гроша, чтобы заплатить имъ за гостепріимство.

Имущество ихъ было не велико. Прежде всего надо упомянуть надѣтое на нихъ платье: на плечахъ рваный „чапанъ“—халатъ, на головѣ „тельпекъ“, т. е. косматая баранья шапка, вокругъ таліи „бельбагъ“, или поясъ, въ которомъ запрятанъ запасъ чая, и на ногахъ, вмѣсто сапогъ, лоскутья овечьей шкуры, прикрѣпленныя ремешками, а вмѣсто чулокъ онучи.

Остальное добро заключалось въ большой деревянной чашкѣ—„казанъ“, средней „аягъ“ и маленькой „джамъ“, котелкѣ, тыквенной бутылкѣ для воды—„кабакъ“, ковшѣ—или „чумичкѣ“, грубо выдолбленномъ изъ тополеваго корня, кошмы—„кигизъ“ и трехструнной гитары—„джевабъ“. Самымъ же важнымъ предметомъ изъ всего хозяйственнаго скарба считался топоръ — „балта“, топорище котораго образуетъ съ лезвіемъ прямой уголъ; этимъ орудіемъ они рубятъ себѣ шалаши, топливо, прорубаютъ просѣки въ чащѣ и обчищаютъ весной съ деревьевъ молодые вѣтви и побѣги на кормъ овцамъ и козамъ.

Необходимой вещью въ ихъ быту является также огниво, — „чакмакъ“. Разведя по прибытіи на мѣсто костеръ, который поддерживаютъ между прочимъ сухимъ пометомъ скота, они ужъ не даютъ ему погаснуть все время, пока остаются на этомъ мѣстѣ. Утромъ они прикрываютъ угли золою, а вечеромъ, подложивъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ, снова раздуваютъ уголья. Мѣшокъ съ маисовой мукой они прячутъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами на крышѣ шалаша, чтобы не стащили собаки.

Пастухи разсказывали мнѣ, что по лѣсному тракту, ведущему къ Хотану по обоимъ берегамъ рѣки, кочуетъ много пастуховъ со стадами, и чѣмъ выше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ стойбища пастуховъ попадаются чаще. Вблизи-же самого Хотана нѣтъ пастбищъ, и „баи“, владѣльцы большихъ овечьихъ отаръ, оставляютъ свои стада круглый годъ въ лѣсахъ около Хотанъ-дарьи. Въ это время года, когда русло рѣки еще сухо, всѣ ходятъ и ѣздятъ по самому руслу, представляющему ровную, твердую дорогу, но когда оно наполняется водой, приходится держаться лѣсной дороги.

Послѣ обѣда пастухи подняли стада и ушли въ лѣсъ. Въ это время мимо прошелъ изъ Хотана въ Акъ-су караванъ, состоявшій по крайней мѣрѣ изъ сотни навьюченныхъ рисомъословъ. Караванъ-баши проѣхалъ мимо, не замѣтивъ меня, но когда караванъ нагналъ пастуховъ, Паси-ахунъ поговорилъ съ купцами насчетъ меня.

Я только что ушелъ въ шалашъ, чтобы отдохнуть, какъ услыхалъ чужіе голоса и бряцанье уздечекъ и стремянъ и поспѣшилъ выйти. Со стороны Акъ-су ѣхали на отличныхъ коняхъ трое зажиточныхъ съ виду купцовъ.

Они быстро неслись по лѣсу прямо къ шалашу и тутъ, соскочивъ съ коней и учтиво поклонившись, безъ малѣйшаго колебанья направились прямо ко мнѣ, точно меня-то именно и искали.

Я пригласилъ ихъ сѣсть, и одинъ изъ нихъ, хорошо одѣтый, чернобородый человѣкъ, вступилъ со мной въ разговоръ и сообщилъ крайне радостное извѣстіе. Въ разстояніи одного дня пути къ сѣверу отъ Буксама, на лѣвомъ берегу рѣки, они наткнулись вчера на человѣка, скорѣе мертваго, чѣмъ живого, лежащаго около бѣлаго верблюда, который усердно щипалъ траву на опушкѣ лѣса.

Они, какъ евангельскій самарянинъ, остановились и спросили человѣка, что съ нимъ. Тотъ въ отвѣтъ прохрипѣлъ: „Су, су!“ (воды, воды). Они тотчасъ послали верховаго съ кунганомъ къ ближайшей лужѣ, и умиравшій отъ жажды человѣкъ (въ которомъ я сразу узналъ Исламъ-бая) выпилъ воду однимъ духомъ. Послѣ того ему дали орѣховъ, изюму и хлѣба, онъ поѣлъ, оправился и сообщилъ, какъ попалъ туда.

Въ заключеніе онъ попросилъ ихъ поискать меня,—хотя и не зналъ, живъ-ли я еще, такъ какъ вотъ уже два дня потерялъ мои слѣды, — и въ случаѣ, если найдутъ, дать мнѣ одну изъ ихъ лошадей, чтобы я могъ добраться до Хотана. Купцы все и искали меня, пока, наконецъ, не нашли.

Они предложили мнѣ сѣсть на одну изъ ихъ лошадей и ѣхать съ ними въ Хотанъ, но я, не колеблясь ни минуты, рѣшилъ, что мнѣ слѣдуетъ дождаться Ислама-бая. Если ему посчастливилось добраться съ однимъ изъ верблюдовъ до рѣки, то, пожалуй, удалось и спасти кое-что изъ нашихъ пожитковъ, — быть можетъ, мои записныя книжки и съемки марш-

рута по пустынѣ. Слѣдовательно, можетъ статься, намъ удастся вновь организовать караванъ.

Будущее опять прояснилось передо мною. Еще утромъ я раздумывалъ о крушеніи нашего каравана и ломалъ себѣ голову, какъ-бы закончить мое путешествіе съ возможно большими результатами, насколько позволятъ обстоятельства. Я и полагалъ пристать попутчикомъ къ первому проѣзжему купцу, направлявшемуся въ Хотанъ, а изъ Хотана добраться до Кашгара и оттуда уже телеграфировать въ Европу о высылкѣ мнѣ новыхъ приборовъ и прочихъ предметовъ снаряженія. По полученіи ихъ я могъ на остатокъ моего капитала, уцѣлѣвшій въ Кашгарѣ, побывать на Лобъ-норѣ и черезъ Сибирь вернуться на родину.

Теперь же узнавъ, что Исламъ-бай живъ и даже спасся одинъ изъ верблюдовъ, я былъ увѣренъ, что намъ удастся разыскать и палатку и весь багажъ погибшаго каравана. Такимъ образомъ, я вмѣсто того, чтобы сузить свой планъ, могъ еще расширить его.

Трое купцовъ отправились дальше, снабдивъ меня изрядным количествомъ бѣлаго хлѣба и давъ мнѣ въ займы 18 серебряныхъ тенегъ. Въ Хотанѣ, гдѣ мы условились встрѣтиться, я могъ расплатиться съ ними. Теперь пастухи вполнѣ увѣрились въ истинѣ моихъ разсказовъ и получили также надежду, что не останутся безъ награды за оказанныя мнѣ услуги.

10 мая. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ поднялъ густую пыль, и я весь день пролежалъ и проспалъ въ шалашѣ. Физическая усталость, которую я столько времени превозмогалъ въ концѣ нашего путешествія, теперь взяла свое, и я чувствовалъ себя, словно выздоравливающій послѣ долгой тяжелой болѣзни.

На закатѣ солнца меня разбудилъ ревъ верблюда, и я поспѣшно выскочилъ изъ шалаша. Паси-ахунъ велъ Акъ-тюю, а за ними шли Исламъ-бай и Касимъ. Славный мой Исламъ-бай бросился, рыдая, къ моимъ ногамъ и сталъ обнимать ихъ. Я поспѣшилъ поднять и успокоить его. Да, онъ такъ же, какъ и я, почти потерялъ надежду, что мы свидимся снова.

Вьюкъ бѣлаго верблюда состоялъ изъ двухъ перемѣтныхъ сумъ; въ одной находилась большая часть моихъ при-

боровъ, мои замѣтки, съемки маршрута, бумага, перья и пр., а въ другой, нашъ запасъ китайскаго серебра, фонарь, чайникъ, папиросы и пр. Оба ружья, завернутыя въ кошму, тоже оказались цѣлы.

Успокоившись и съѣвъ кусокъ хлѣба, Исламъ разсказалъ слѣдующее. Оставленный нами въ ночь на 2-е мая, онъ лежалъ на мѣстѣ нѣсколько часовъ, но потомъ потихоньку потащился по нашимъ слѣдамъ, ведя четырехъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ, которые, впрочемъ, шли впередъ очень неохотно. Поздно вечеромъ 3 мая онъ видѣлъ нашъ большой сигнальный костеръ около 3 тополей: это очень его ободрило: значитъ, мы были живы и добрались до опушки лѣса, а, можетъ быть, даже нашли воду.

4 мая, послѣ полудня, онъ достигъ мѣста нашего привала и видѣлъ слѣды нашей попытки вырыть колодезь. Такъ какъ день былъ страшно жаркій, то Исламъ и остановился въ тѣни тополей. Глубоко вонзивъ въ одинъ изъ тополей топоръ, онъ собралъ изъ дерева цѣлую чашку сока, выпилъ его, и такимъ образомъ подкрѣпилъ свои силы. Здѣсь пришлось ему бросить вьюкъ одного изъ верблюдовъ.

5 мая онъ продолжалъ путь по нашимъ слѣдамъ и на слѣдующій день достигъ стараго пересохшаго русла рѣки, гдѣ нашелъ слѣды нашей новой попытки вырыть колодезь; тутъ отъ него убѣжалъ освобожденный отъ вьюка верблюдъ, который и направился на собственный страхъ прямо на востокъ. Здѣсь-же исчезъ Джолдашъ, до сихъ поръ неотступно тащившійся за Исламомъ; послѣдній полагалъ поэтому, что собака околѣла.

7 мая свалился мой „Богра“, а вскорѣ и „Нэръ“, несшій приборы для измѣренія абсолютной высоты, сигары, чай, сахаръ, свѣчи и макароны. Исламъ съ однимъ бѣлымъ верблюдомъ дошелъ до берега рѣки, но найдя русло сухимъ, окончательно впалъ въ отчаяніе, легъ и сталъ ждать смерти.

Было это утромъ 8 мая, а около полудня, словно чудо какое послало на его путь трехъ купцовъ, которые и спасли его. Вскорѣ затѣмъ онъ встрѣтился съ Касимомъ, который сообщилъ ему, что я живехонекъ, но куда направился неизвѣстно. Честный Касимъ въ простотѣ душевной полагалъ даже, что я отправился пѣшкомъ къ сѣверу, въ Акъ-су. Къ

счастью, Исламъ оказался умнѣе и рѣшилъ искать меня на дорогѣ къ Хотану. Паси-ахунъ, котораго я послалъ ему на встрѣчу, далъ ему вѣрныя свѣдѣнія, и вотъ онъ добрался сюда.

Исламъ-бай такимъ образомъ совершилъ настоящій подвигъ. Въ противоположность Касиму и мнѣ, онъ не думалъ только о самомъ себѣ, но приложилъ всѣ старанія спасти и часть багажа, которую считалъ наиболѣе цѣнной, перегружая вещи съ другихъ верблюдовъ на бѣлаго, болѣе бодраго, чѣмъ остальные. Итакъ, я могъ продолжать свои научныя работы.

Вечеромъ мы устроили около пастушьяго костра настоящій пиръ. Послѣ многихъ отговорокъ Паси-ахунъ согласился продать намъ за 32 теньги овцу, которую сейчасъ же и закололи. Я угостился почками, поджаренными на угольяхъ, а другіе сварили себѣ лакомые куски въ котелкѣ. Теперь пульсъ мой дѣлалъ 60 ударовъ въ минуту, а черезъ три дня отдыха и полнаго благополучія уже 82.

11 мая. Подножный кормъ былъ съѣденъ кругомъ до чиста, и пастухамъ предстояло перекочевать на другое мѣсто, расположенное въ 10 верстахъ дальше, внизъ по рѣкѣ, на правомъ ея берегу. Мы и отправились всѣ вмѣстѣ пѣшкомъ, опять навьючивъ на Акъ-тюю всѣ наши пожитки.

Мѣстомъ стоянки былъ выбранъ маленькій холмъ, окруженный густой порослью камыша и поросшій тополями. Между двумя деревьями люди устроили мнѣ живую бесѣдку изъ густыхъ вѣтвей, дававшую отличную тѣнь. Грунтъ въ бесѣдкѣ уравняли и покрыли войлокомъ. Вмѣсто изголовья должна была служить мнѣ холщевая денежная сумка, а вмѣсто стола ящикъ съ папиросами. Около одного изъ стволовъ были разложены въ порядкѣ приборы, карты, записныя книжки и письменныя принадлежности. При настоящихъ обстоятельствахъ, нельзя было и желать лучшаго; я устроился въ своей бесѣдкѣ очень уютно, не хуже чѣмъ у себя въ кабинетѣ въ Стокгольмѣ.

Исламъ и Касимъ расположились около третьяго тополя, гдѣ поддерживали „неугасимый огонь“. Пастухи со своими стадами стояли неподалеку въ камышахъ. Два раза въ день Паси-ахунъ доставлялъ мнѣ крынку густого овечьяго молока

и свѣжій маисовый хлѣбъ, табаку у меня былъ теперь запасъ на нѣсколько недѣль, — чего же еще? Самый завзятый эпикуреецъ не могъ-бы наслаждаться жизнью больше, чѣмъ я въ эти дни, даромъ что наше уединенное житье-бытье въ лѣсу и напоминало примитивное житье-бытье Робинзона.

12 мая. Во второмъ часу дня завидѣли мы вдали небольшой караванъ, подвигавшійся съ сѣвера по рѣчному руслу, и съ нетерпѣніемъ стали поджидать его приближенія къ намъ. Исламъ и Касимъ поспѣшили сойти съ холма, чтобы окликнуть купцовъ и позвать ко мнѣ. Оказалось, что это были четверо хотанскихъ купцовъ, которые тринадцать дней тому назадъ оставили городъ Куча, куда они передъ тѣмъ привезли виноградъ изъ Хотана, и гдѣ взамѣнъ пріобрѣли 10 лошадей, нѣсколько ословъ и корову, которыхъ и вели теперь на продажу въ Хотанъ, — тамъ животныя были въ цѣнѣ.

Купцы сообщили, что Яркендъ-дарья около Зиля, т. е. тамъ, гдѣ въ нее впадаетъ Хотанъ-дарья, была уже такъ переполнена, что вода доходила всаднику до пояса. Слѣдуя по руслу Хотанъ-дарьи, можно было ежедневно останавливаться на привалъ около небольшихъ лужъ или, въ крайнемъ случаѣ, вырыть колодезь. Въ началѣ или серединѣ іюня надо было ожидать новаго притока водъ; самый же разгаръ половодья ожидался не раньше, какъ еще черезъ полтора-два мѣсяца.

Мы налетѣли на этихъ купцовъ, какъ коршуны, и въ полчаса сторговали у нихъ за 750 тенегъ трехъ отличныхъ лошадей, стоившихъ въ Кашгарѣ 600 тенегъ. (Хотанская теньга = 2 кашгарскимъ теньгамъ = приблизительно 20 коп.). Кромѣ того, мы купили три вьючныхъ сѣдла, уздечки, мѣшокъ маиса для корма лошадямъ и мѣшокъ пшеничной муки для насъ самихъ, сапоги Исламу, который съ послѣдняго нашего лагеря ходилъ босикомъ, небольшое количество чая, кунганъ и пару фарфоровыхъ чашекъ — все за 65 тенегъ. Теперь можно было обойтись и безъ помощи изъ Хотана; мы полагали, что съ тремя лошадьми и однимъ верблюдомъ намъ удастся спасти вьюки послѣднихъ павшихъ верблюдовъ.

Вечеромъ къ намъ явилось двое молодыхъ охотниковъ съ длинными ружьями, снабженными трезубцемъ. Они недавно пришли въ лѣса Буксама стрѣлять мараловъ, рога которыхъ

китайцы охотно покупаютъ для приготовленія изъ нихъ лекарства. Мы немедленно завербовали охотниковъ на службу; они отлично знали всю мѣстность, и я рѣшилъ, что они отправятся съ Исламомъ и Касимомъ розыскивать послѣдній нашъ роковой лагерь.

13 мая купцы продолжали путь въ Хотанъ. Оба охотника скрылись въ лѣсу и черезъ часъ вернулись съ оленемъ (маралъ, „богу"), котораго застрѣлили вечеромъ наканунѣ. Оленя освѣжевали, и Исламъ сварилъ изъ его нѣжнаго, вкуснаго мяса отличный супъ.

Одинъ изъ охотниковъ, Касимъ-ахунъ, сообщилъ, что и въ той части пустыни, которая находится между Хотанъ-дарьей и Керіей-дарьей, песокъ представляетъ мощныя толщи, но что въ первые дни пути можно дорыться до грунтовой воды. Но время теперь уже ушло, и я отказался отъ первоначальнаго плана пересѣчь и эту часть пустыни.

Сегодня пришелъ отецъ обоихъ молодыхъ охотниковъ, Ахметъ Мергенъ (т. е. охотникъ), типичный туземецъ, съ крупнымъ носомъ, бородой клиномъ, высокій, стройный и широкоплечій. Онъ оказался очень обходительнымъ человѣкомъ, заинтересовался нашей судьбой и принялъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ „спасательной экспедиціи". Для насъ онъ былъ настоящей находкой; никто лучше его не могъ пригодиться намъ въ данномъ случаѣ. Онъ припомнилъ, между прочимъ, что увлекшись однажды охотой, забрался очень далеко въ пустыню и видѣлъ тѣ три одинокихъ тополя, возлѣ которыхъ мы съ Касимомъ жгли сигнальный костеръ.

Утромъ сборы были закончены, и въ 1 часъ дня „экспедиція" выступила. Отправились: Исламъ-бай, Касимъ, Ахметъ Мергенъ и одинъ изъ его сыновей. Караванъ состоялъ изъ трехъ лошадей и верблюда. Изъ запасовъ были взяты: хлѣбъ, мука, мясо, три „кабака" (тыквенныя бутылки) и „мишь" (козій бурдюкъ) съ водой.

Передъ выступленіемъ Ахметъ посовѣтовалъ мнѣ лучше перебраться на островъ, находившійся въ самомъ руслѣ рѣки, такъ какъ тутъ, гдѣ я расположился, водились скорпіоны. Онъ былъ правъ; я потомъ часто видѣлъ этихъ паукообразныхъ, оставляющихъ на пескѣ слѣды, похожіе на тонко-

сплетенное кружево. Но мнѣ было такъ хорошо въ моей бесѣдкѣ, перетаскиванье на новое мѣсто казалось такимъ хлопотливымъ, что я рѣшилъ махнуть рукой на скорпіоновъ.

Трое изъ членовъ „экспедиціи“ ѣхали на лошадяхъ, Ахметъ-же, со своимъ длиннымъ ружьемъ на плечѣ, пошелъ пѣшкомъ. Пріятно было смотрѣть, какъ онъ, словно мощный Немврод, гибкой, быстрой походкой, почти бѣгомъ, пробирался между кустами. Къ вечеру „экспедиція“ полагала добраться до того мѣста, гдѣ я повѣсилъ въ качествѣ примѣты желѣзный налопатникъ заступа.

И вотъ, я опять остался одинъ съ тремя пастухами и долженъ былъ терпѣливо ждать, пожалуй, цѣлую недѣлю. Стойбище моихъ друзей-пастуховъ находилось отсюда въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, но Паси-ахунъ условился ночевать около моей бесѣдки, чтобы поддерживать огонь. Днемъ онъ три раза доставлялъ мнѣ хлѣбъ и молоко; воду-же я бралъ въ колодцѣ.

14 мая я проснулся въ 5 ч. утра. Стоялъ густой туманъ, небо все было въ облакахъ; затѣмъ прыснулъ мелкій, непродолжительный дождичекъ, не успѣвшій даже замѣтно смочить почву, но все-же освѣжившій воздухъ и растительность. Рѣдкое и въ высшей степени пріятное явленіе въ это время года! Въ 7 ч. я всталъ. Дѣла у меня было въ эти скучные дни одиночества порядочно; я занялся разработкой моихъ путевыхъ набросковъ за послѣднее время и снялъ нѣсколько плановъ расположенія барханов. Въ часы отдыха я лежалъ на своемъ ложѣ и читалъ или библію или книгу псалмовъ, въ которой нашелъ не мало истинныхъ перловъ шведской поэзіи.

Сегодня по войлоку, служившему мнѣ подстилкой, проползъ большой желтый скорпіонъ, который яростно защищался, когда я напалъ на него съ цѣлью убить. Удивительно, какъ это во время моего одинокаго блужданья по лѣсу, когда я спалъ въ чащѣ, прямо на землѣ, меня ни разу не побезпокоили эти насѣкомыя. Въ томъ состояніи полнаго ослабленія, въ которомъ я тогда находился, я-бы, пожалуй, не отдѣлался въ случаѣ ужаленія, обычною злокачественною опухолью.

Сегодня-же проѣхали въ Акъ-су 10 купцовъ съ караваномъ изъ 40 ословъ, навьюченныхъ изюмомъ и коринкой.

Я купилъ у нихъ цѣлый мѣшокъ изюму для подкрѣпленія своихъ запасовъ; теперь и пастухи могли вдоволь полакомиться.

Относительно Мазаръ-тага купцы сообщили, что хребетъ этотъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ уваловъ, которые, однако, не заходятъ въ пустыню въ сѣверо-западномъ направленіи особенно далеко. Вблизи Мазаръ-тага нѣтъ высокихъ барханові, но преимущественно голый твердый грунтъ. Вся мѣстность вообще неплодородна и пустынна. Названіе происходитъ отъ „мазара“, мѣстоположеніе котораго указывается „тугами“. Охранителемъ святой могилы является шейхъ, проживающій обыкновенно въ Хотанѣ и только зимою на короткое время переселяющійся въ пустыню. Мѣстные „баи“, владѣльцы крупныхъ стадъ, ежегодно доставляютъ шейху въ общей сложности сумму въ 200 тенегъ.

Слѣдующіе дни протекли въ мирѣ и спокойствіи; я мало-по-малу приходилъ въ себя и оправлялся отъ нечеловѣческаго напряженія силъ въ концѣ странствованія по пустынѣ. Приходилось только вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ коротать дни и ночи въ бесѣдкѣ въ полномъ одиночествѣ оказывалось скучновато. Зато у меня было все необходимое, здоровье мое не оставляло желать лучшаго, и я могъ наслаждаться свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ и прохладой, приносимой сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, шелестѣвшимъ вѣтвями тополей. Жара не особенно донимала меня, такъ какъ атмосфера была обыкновенно насыщена пылью, да и тѣни здѣсь было вдоволь. Тишиною-же и миромъ этотъ уголокъ напоминалъ необитаемый островъ. Только два раза въ день, да вечеромъ являлся Пасиахунъ, доставлявшій пищу, какъ мнѣ, такъ и огню. Вставалъ я въ 7 ч. утра, когда пастуха уже не было, и находилъ возлѣ себя крынку молока и хлѣбъ.

Замѣчательно, что мнѣ пришлось три дня брести вдоль русла рѣки, не встрѣчая людей, тогда какъ теперь здѣсь то и дѣло проходили караваны изъ Акъ-су въ Хотанъ и наоборотъ. Купцы обыкновенно заходили ко мнѣ въ бесѣдку; къ сожалѣнію, предметами караванной торговли являлись только изюмъ, войлока, шерсть, хлопокъ или скотъ, т. е. все ненужные намъ предметы. Но уже одинъ разговоръ съ купцами доставлялъ мнѣ большое удовольствіе; отъ нихъ я узналъ много

новаго и интереснаго о торговыхъ сношеніяхъ въ этой области, о рѣкѣ, о климатѣ и проч.

Слухи о нашей экспедиціи и чудесномъ спасеніи успѣли уже облетѣть всю область отъ Акъ-су до Хотана, и одинъ купецъ изъ послѣдняго города сообщилъ мнѣ, что о насъ толкуютъ на всѣхъ базарахъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ нашего прибытія. Я и самъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе попасть въ Хотанъ, организовать новый караванъ и выступить въ Сѣверный Тибетъ.

15 мая съ сѣвера прибыли два купца, которые встрѣтили моихъ людей. Послѣднимъ понадобилось два дня, чтобы добраться до того мѣста, и они намѣревались остановиться тамъ на день, чтобы запастись водой.

На другой день меня посѣтилъ владѣлецъ стадъ и хозяинъ моихъ друзей, пастуховъ. Онъ прибылъ наблюдать за стрижкой овецъ, которая вообще производится здѣсь два раза въ годъ весной и осенью. Чэрекъ шерсти стоитъ въ Хотанѣ 5 тенегъ (около 1 рубля). Если шерсть на овцахъ хорошая, густая, то съ 10 — 12 овецъ можно собрать цѣлый чэрекъ, но такъ какъ эти овцы, пасущіяся въ лѣсу, выдираютъ много шерсти, пробираясь по чащѣ, то чэрекъ можно собрать только съ 15—20 овецъ. Владѣлецъ ихъ расчитывалъ, однако, въ общемъ собрать около 30 чэр., такъ какъ у него было еще 500 головъ овецъ, пасшихся подальше, вверхъ по рѣкѣ.

Въ сумерки 21 мая вернулся Исламъ съ остальными людьми. Извѣстія они привезли не особенно утѣшительныя. Выйдя изъ лѣсу, они направились прямо на западъ, но, въ виду всеусиливавшагося зноя, не отважились углубиться въ пустыню до того мѣста, гдѣ была оставлена нами палатка.

Единственное, что имъ удалось спасти, былъ вьюкъ, оставленный Исламомъ около трехъ тополей и содержавшій сравнительно менѣе важные предметы. Отвратительный запахъ трупа моего „Богры“ руководилъ ими въ поискахъ этого мѣста.

Странное дѣло, однако, что они не нашли ни трупа Нэра, ни его вьюка, содержавшаго три анероида, гипсотермометры, полевой бинокль, два револьвера, 200 сигаръ, 50 патроновъ и проч. Мѣсто, гдѣ Исламъ оставилъ Нэра, они легко могли узнать по кусту тамариска, къ которому Исламъ привязалъ

свой поясъ. Самый тамарискъ они нашли, но вмѣсто пояса Ислама, вѣтви его оказались перевязанными лоскуткомъ войлока. Кромѣ того, около куста виднѣлись слѣды человѣческихъ ногъ въ сапогахъ, тогда какъ Исламъ шелъ босикомъ.

Посланцы мои обыскали всѣ мѣста по близости, но ни верблюда, ни его драгоцѣннаго вьюка такъ и не нашли; всякій слѣдъ ихъ исчезъ. Но кто-же былъ этотъ человѣкъ, который унесъ поясъ и оставилъ лоскутъ войлока? Я спросилъ Ислама, не думаетъ ли онъ, что это Джолчи, который, можетъ быть, опять ожилъ послѣ того, какъ мы оставили лагерь съ палаткой? Но Исламъ не могъ допустить этого, ссылаясь на то, что Джолчи въ такомъ случаѣ давно догналъ-бы его, такъ какъ онъ подвигался впередъ очень медленно.

Можетъ быть, это былъ одинъ изъ трехъ купцовъ, которые нашли Ислама на дорогѣ и напоили его, а мнѣ дали 18 тенегъ? Нѣтъ, разставаясь съ Исламомъ, они отправились прямо къ Буксаму, чтобы отыскать меня, да и какъ вообще могли они отыскать брошеннаго на окраинѣ пустыни верблюда? Какъ мы ни ломали себѣ головы, загадка такъ и осталась неразгаданной. Если человѣкъ этотъ, кто-бы онъ ни былъ, нашелъ верблюда живымъ и довелъ его до воды и подножнаго корма, то, — будь онъ человѣкомъ честнымъ — непремѣнно отвелъ-бы животное къ намъ. Если-же онъ рѣшилъ украсть верблюда и вьюкъ, то во всякомъ случаѣ не могъ исчезнуть безслѣдно, такъ какъ передъ нимъ лежало только двѣ дороги: на сѣверъ въ Акъ-су и на югъ въ Хотанъ. Если-бы онъ отправился въ Хотанъ, мои пастухи замѣтили-бы его, такъ какъ зорко слѣдили за каждымъ путникомъ. Оставалась, слѣдовательно, дорога въ Акъ-су, и подозрѣнія наши насчетъ того, что тутъ дѣло не чисто, все росли.

Ахметъ Мергенъ увидѣлъ въ лѣсу слѣды верблюда и пошелъ по нимъ. Они привели его къ молодому верблюду, который убѣжалъ отъ Ислама и одинъ нашелъ дорогу въ лѣсъ. Видимо, ему удалось найти и воду, и онъ успѣлъ уже за это время отгуляться. Ахметъ съ трудомъ поймалъ его. За двѣнадцать дней животное стало такимъ дикимъ, что убѣгало со всѣхъ ногъ, едва завидя человѣка.

Читатель, можетъ быть, удивится, что я такъ подробно трактую обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, но я это дѣлаю

отчасти потому, что, благодаря имъ, разстроился весь планъ моего путешествія, отчасти потому, что эти событія завершились, годъ спустя, довольно таки драматическимъ эпилогомъ.

Отправиться теперь-же въ Тибетъ, какъ я предполагалъ, оказывалось немыслимымъ, такъ какъ у меня не было приборовъ для измѣренія абсолютной высоты, да и вообще отъ всего богатаго снаряженія нашей экспедиціи сохранились только жалкіе остатки. Приходилось предварительно направиться въ Кашгаръ, чтобы пополнить потери. Отправиться туда я рѣшилъ черезъ Акъ-су, хотя путь этотъ былъ длиннѣе.

Но прежде, чѣмъ перейти къ краткому описанію нашего возвращенія въ Кашгаръ, я хочу сказать нѣсколько словъ о тѣхъ частяхъ теченія Яркендъ-дарьи и Хотанъ-дарьи, съ которыми успѣлъ ознакомиться во время своихъ странствованій.

Сравнивая эти двѣ рѣки, текущія сначала почти параллельно и затѣмъ сливающіяся вмѣстѣ, найдемъ, что онѣ въ сущности сильно различаются между собою. Яркендъ-дарья, важнѣйшая рѣка въ Восточномъ Туркестанѣ, течетъ круглый годъ, въ іюнѣ-же мѣсяцѣ притокъ воды въ ней достигаетъ огромныхъ размѣровъ; русло ея рѣзко очерчено и глубоко; сообщеніе черезъ нее поддерживается обыкновенно на паромахъ, исключая зимнихъ мѣсяцевъ, когда она сковывается льдомъ.

Хотанъ-дарья, напротивъ, пересыхаетъ на продолжительное время, и только во время лѣтняго половодья русло ея наполняется водою. При этомъ ширина ея такъ велика, а глубина бываетъ такъ незначительна, что переправа на паромѣ возможна лишь подъ самымъ Хотаномъ. Протекаетъ она въ самомъ сердцѣ пустыни Такла-маканъ, и ей приходится вести жестокую борьбу съ летучими песками, которые грозятъ засыпать ея русло и отрѣзать ее отъ главной рѣки, какъ Керію-дарью.

Лѣсная растительность по берегамъ Яркендъ-дарьи часто прерывается степной и болотами, по берегамъ-же Хотанъ-дарьи лѣсъ, вообще болѣе частый и дикій, тянется непрерывной полосою до самаго сліянія рѣкъ. Затѣмъ, первые песчаные барханы начинаются довольно далеко отъ Яркендъ-дарьи, тогда какъ въ области Хотанъ-дарьи они подступаютъ къ самой опушкѣ лѣса, идущаго по берегу.

Въ одномъ обѣ рѣки схожи; онѣ обѣ перемѣщаются къ востоку, какъ я убѣдился, находя старыя русла ихъ къ западу отъ нынѣшнихъ; къ востоку, напротивъ, старыхъ руслъ не оказывалось. Замѣчательно еще то, что дороги, идущія вдоль этихъ рѣкъ, ведутъ по лѣвому берегу, гдѣ онѣ въ безопасности отъ перемѣщенія рѣки, а также, что почти всѣ селенія вдоль средняго теченія Яркендъ-дарьи расположены по этому-же берегу и обыкновенно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самой рѣки. На Хотанъ-дарьѣ, на всемъ ея протяженіи по пустынѣ, вовсе нѣтъ селеній; тамъ кочуютъ только пастухи со стадами. Вдоль теченія Яркендъ-дарьи идетъ важный караванный путь, который соединяетъ Маралъ-баши съ Яркендомъ и по которому китайцы поддерживаютъ почтовое сообщеніе, караванный-же путь, идущій вдоль русла Хотанъ-дарьи, имѣетъ чисто мѣстное значеніе.

23 мая я проснулся въ $3^1/_2$ часа утра; меня разбудилъ необычайно свирѣпый ураганъ, несшійся съ запада и угрожавшій выворотить съ корнями деревья. Буря совершенно разрушила мою полузасохшую бесѣдку; вѣтеръ свисталъ и вылъ въ вершинахъ тополей; стволы деревьевъ перегибались чуть не попаламъ и грозили переломиться, камышъ подъ натискомъ тирана-бури смиренно склонялся къ землѣ, сухія вѣтви трещали, ломались и падали на землю, а лѣсъ весь былъ окутанъ непроницаемыми облаками летучаго песку, которымъ и заметало ровное, сухое русло рѣки. Ураганъ продолжался всего съ полчаса и смѣнился, какъ и всегда бывало, полнѣйшею тишиною.

Въ $7^1/_2$ часовъ я со своимъ караваномъ былъ готовъ къ выступленію послѣ столь продолжительнаго привала, съ которымъ у меня связалось столько воспоминаній, часто заставлявшихъ меня впослѣдствіи мысленно возвращаться къ этому времени съ чувствомъ признательности и тихой грусти. Здѣсь мнѣ вторично была дарована жизнь, здѣсь удалось мнѣ выбраться изъ ужасной пустыни, здѣсь я снова встрѣтилъ людей, которые приняли меня такъ привѣтливо и радушно, здѣсь я наслаждался благодѣтельнымъ, подкрѣпляющимъ отдыхомъ среди прекрасной лѣсной природы, богатой тѣнью и прохладой!

Поблагодаривъ пастуховъ за гостепріимство и давъ имъ 30 тенегъ, чѣмъ они остались очень довольны, мы двинулись

въ путь съ двумя верблюдами и тремя лошадьми. Послѣдній нашъ колокольчикъ звенѣлъ теперь такъ громко, весело, не напоминая о погребеніи, но призывая къ надеждѣ, къ воскресенію.

XXVIII.

По руслу Хотанъ-дарьи. Возвращеніе въ Кашгаръ черезъ Акъ-су.

Достигнувъ русла рѣки, партія наша раздѣлилась: Исламъ-бай и двое молодыхъ охотниковъ направились по лѣсной дорогѣ по лѣвому берегу, чтобы поискать слѣдовъ пропавшаго верблюда, а я съ Ахметъ-Мергеномъ и Касимомъ, который велъ обоихъ верблюдовъ, двинулся по самому руслу. Касимъ, впрочемъ, скоро отсталъ отъ насъ съ Ахметомъ, такъ какъ мы ѣхали на лошадяхъ быстрой рысью.

Вечеромъ мы поровнялись съ маленькой лужей, спасшей мнѣ жизнь. Она попрежнему была окаймлена камышевой зарослью, тополь все такъ же склонялся надъ водой; уровень воды понизился съ 6-го мая на 12 сантим., но форма лужи не измѣнилась. Я и остановился здѣсь на часокъ, чтобы подождать Касима и еще разъ напиться этой чудесной благословенной воды. Ахметъ-Мергенъ назвалъ лужу „Хода-верды-куль“ (Богоданное озеро).

Черезъ десять часовъ мы вновь соединились съ Исламомъ на лѣсномъ трактѣ Куяндеклекъ (Заячье урочище), гдѣ паслись стада овецъ. Исламъ такъ и не нашелъ слѣдовъ; да, если они и были, ураганъ замелъ ихъ.

24 мая сдѣлали привалъ, чтобы нѣкоторые изъ моихъ людей могли изслѣдовать съ собаками лѣсъ, имѣвшій здѣсь въ ширину отъ 6 до 12 килом. Въ Куяндеклекѣ стояли уже четвертый день 5 пастуховъ съ 500 овцами и 60 коровами. Мѣсто это находилось всего въ 2 часахъ пути отъ „Богоданнаго озера“, но, если бы я 6 мая и отправился къ сѣверу, я, по всей вѣроятности, не нашелъ-бы здѣсь пастуховъ, такъ какъ они въ то время находились совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ; отъ

Куяндеклека до слѣдующаго пастушьяго стойбища было много дней пути, такъ какъ стойбище это находилось уже по близости сліянія Хотанъ-дарьи съ Яркендъ-дарьею.

Немного подальше за лагеремъ, Хотанъ-дарья дѣлилась на 2 рукава: лѣвый, подъ названіемъ Инчке-дарья, узкій, извилистый и окаймленный частымъ лѣсомъ, и правый, широкій и по правому берегу совершенно лишенный лѣсной растительности. Въ лѣтнее половодье оба рукава наполняются водой, и правый рукавъ омываетъ тогда подошвы мощныхъ бархановъ, носящихъ названіе „Акъ-кумъ“ — бѣлый песокъ.

Пастухи утверждали, что рукавъ Инчке-дарья образовался всего лѣтъ 8 назадъ. Частый лѣсъ, окаймлявшій берега его, однако, ясно свидѣтельствовалъ, что какъ разъ этотъ рукавъ являлся старѣйшимъ русломъ, изъ котораго рѣка, въ своемъ стремленіи перемѣститься къ востоку, отчасти уже ушла. Отсутствіе лѣсной растительности по правому берегу праваго рукава также являлось доказательствомъ, что растительность еще не успѣла развиться здѣсь настолько, чтобы выдерживать борьбу съ наступающими песками.

Караванный путь на Акъ-су идетъ во время половодья по острову, раздѣляющему рукава, и караванамъ приходится два раза переходить бродъ. Разстояніе-же между двумя бродами проходятъ въ два дня. Лѣтомъ, рѣка пересыхаетъ, и только кое-гдѣ остаются небольшія лужи, расположенныя по большей части вблизи правыхъ береговъ обоихъ рукавовъ.

Трактъ этотъ пользовался прежде дурной славой; здѣсь водилось много воровъ и даже разбойниковъ, грабившихъ небольшіе слабые силами караваны. Новый амбань хотанскій повелъ противъ нихъ настоящую войну, и пойманныхъ разбойниковъ отвезли въ городъ и казнили.

25 мая славный нашъ Ахметъ-Мергенъ отправился обратно въ свое родное селеніе Тавекъ-кэль около Хотана, и съ нами поѣхалъ дальше только одинъ изъ сыновей его, Касимъ. Ѣхали мы по извилистому руслу Инчке-дарьи, окаймленному по обоимъ берегамъ молодымъ лѣсомъ. Подальше же шла настоящая непроходимая чаща.

Обѣ полосы лѣса, видимо, стремятся слиться, и это, безъ сомнѣнія, случится, когда вся водная масса устремится по

правому восточному руслу. Уже теперь русло лѣваго рукава, Инчке-дарьи, имѣетъ въ ширину всего 30—40 метровъ. Послѣ долгаго пути мы остановились на ночевку около лужи посреди русла, на трактѣ Беделикъ-утакъ (участокъ клевернаго поля).

26 мая. Касимъ, сынъ, Ахмета боялся сопровождать насъ дальше, чтобы не удалиться отъ Куяндеклека болѣе, чѣмъ на одинъ день пути, —небезопасно было провести ночь одному среди лѣса, такъ какъ здѣсь приходилось остерегаться и волковъ и разбойниковъ. Итакъ, мы продолжали путь втроемъ съ Исламомъ и Касимомъ безъ проводниковъ. Русло рѣки становилось все болѣе извилистымъ, и мы рѣшили сдѣлать конецъ по острову, представлявшему степные участки въ перемежку съ низенькими барханами и маленькими рощицами. Но оказалось, что идти по руслу было удобнѣе, и мы опять свернули туда. По берегамъ русла шелъ густой лѣсъ, и часто казалось, что идешь просто по дорожкѣ парка или по аллеѣ съ прозрачнымъ сводомъ изъ вѣтвей деревьевъ.

Наконецъ, достигли сліянія обоихъ рукавовъ, лѣсъ раздвинулся, словно въ немъ открылись ворота, и передъ нами оказалось ровное русло Хотанъ-дарьи, ложе котораго находилось на $1^1/_2$ метра ниже ложа лѣваго рукава, вслѣдствіе болѣе сильнаго размыва русла мощною массою воды. Мы сдѣлали привалъ немного подальше пункта сліянія рукавовъ, на трактѣ Бора-Тышкынъ (буря ударила). Тутъ находился островокъ, но онъ до того изобиловалъ скорпіонами и шершнями, что мы предпочли избрать для привала самое русло рѣки, подальше отъ берега.

27 мая. Какъ всегда, послѣ сильнаго западнаго вѣтра и смѣняющей его тихой погоды, сегодня съ утра уже стало жарко; въ 7 ч. утра температура равнялась 24.9°. Ровная, твердая дорога по руслу вела почти по прямой линіи къ сѣверу. Понемногу она съузилась, не превышая въ ширину полкилометра; берега то и дѣло вдавались въ русло мысами, поросшими лѣсомъ. Ясно, что водная масса, стремящаяся въ половодье по широкому мелкому руслу, сильно испаряется, и поэтому рѣка, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ становится мельче и уже.

Скоро рѣка снова раздѣлилась на 2 рукава: лѣвый—

Янги-дарью (новая рѣка) и правый — Кохне-дарью (старая рѣка). Мы пошли по руслу первой и встрѣтили большой караванъословъ, навьюченныхъ колоніальными товарами; вышелъ онъ изъ Акъ-су недѣлю тому назадъ. Кохне-дарья течетъ между барханами и, видимо, вопреки своему названію, новѣйшаго происхожденія, такъ какъ даже не успѣла обрости по берегамъ лѣсомъ. Какъ мы убѣдились, Хотанъ-дарья не вездѣ одинаково сильно стремится уклониться къ востоку, но обнаруживаетъ это уклоненіе только мѣстами и на небольшихъ протяженіяхъ, встрѣчая на пути нѣкоторое возвышеніе ложа вслѣдствіе наносныхъ отложеній.

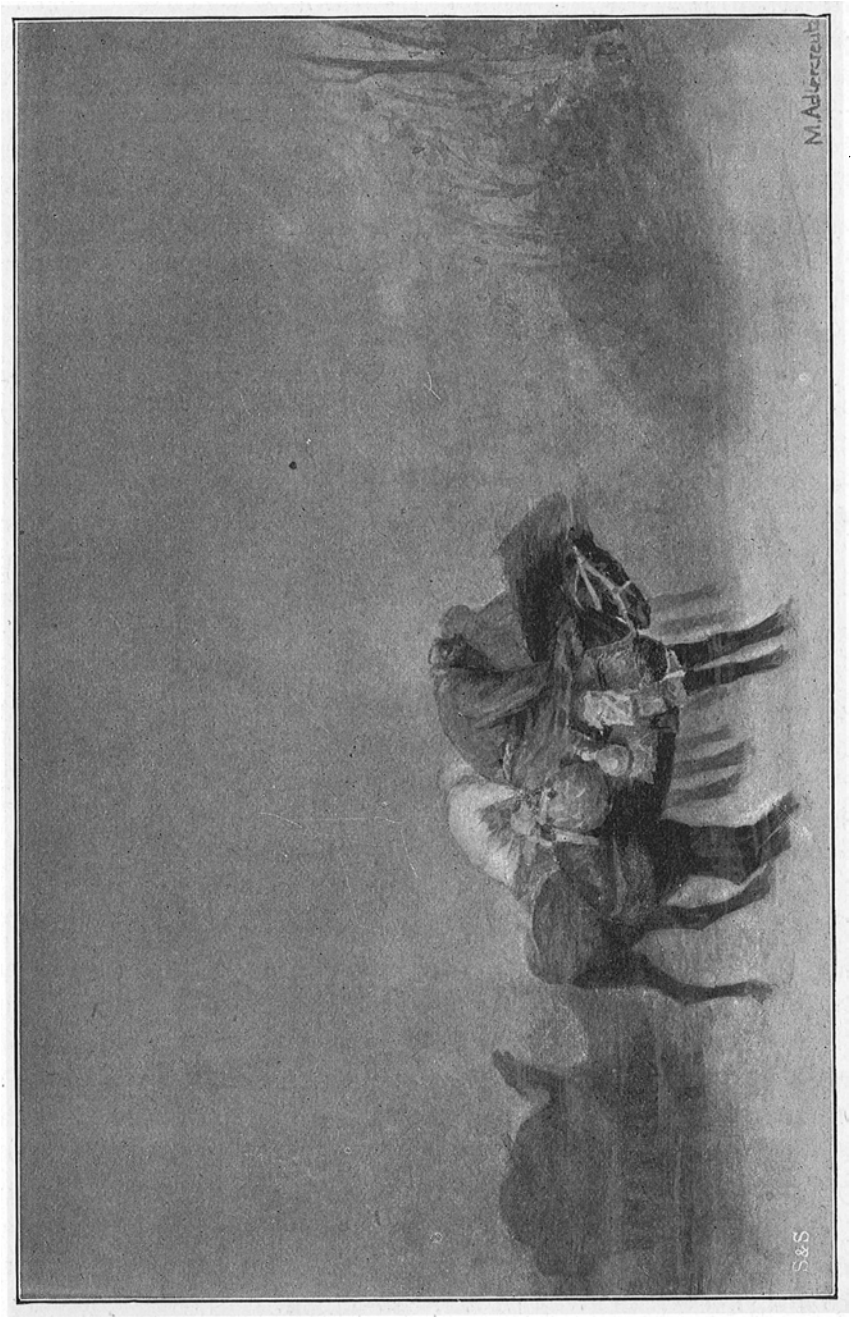
Вечеромъ встрѣтилось намъ чудесное озерко, въ 400 кв. метр. величиною, самое большое изъ попадавшихся намъ до сихъ поръ. На пригоркѣ, на берегу его мы развели костеръ и любовались открывавшимся оттуда видомъ. Теченіемъ промыло глубокую борозду вдоль берега, и въ этой бороздѣ мы на слѣдующій день нашли рядъ небольшихъ лужъ. Озерко около нашего привала оказалось настолько глубоко, что, купаясь, нельзя было достать до дна.

28 мая. Въ теченіе дневнаго перехода русло рѣки опять расширилось, и лужицы исчезли. Вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло становится ровнымъ, широкимъ, лужъ не встрѣчается, и борозды, промытыя потоками, становятся едва замѣтными; наоборотъ тамъ, гдѣ русло суживается, лужъ попадается много, и борозды рѣзко очерчены.

Кромѣ того, я замѣтилъ, что лѣсъ по правому берегу гораздо рѣже, чѣмъ по лѣвому, и часто даже совсѣмъ прерывается, уступая мѣсто голымъ барханамъ. Вдоль лѣваго берега самое ложе рѣки кое-гдѣ поросло травой, чего не замѣчается около праваго берега. Словомъ, все указываетъ на то, что водная масса сильнѣе напираетъ на правый берегъ. Во всякомъ случаѣ перемѣщеніе рѣки къ востоку совершается такъ медленно, что лѣсная растительность успѣваетъ слѣдовать за нею. Только немногіе отсталые одиночки тополи, вродѣ тѣхъ, около которыхъ мы съ Касимомъ жгли сигнальный огонь 3 мая, указываютъ на западѣ прежнее направленіе рѣки, да и тѣ обречены на гибель.

Въ 6 час. вечера мы находились какъ разъ посединѣ русла, и Исламъ-бай поѣхалъ было впередъ отыскать удоб-

ное мѣсто для привала; неожиданно горизонтъ на западѣ



По руслу Хотанъ-дарьи; „Кара-буранъ".
(Съ рисунка Л. Люнгдаля).

сталъ заволакиваться густой изжелта-сѣрой мглой, словно завѣсой, подымавшейся все выше и выше отъ земли къ небу.

По лѣсу пронесся гулъ отдаленнаго урагана, который затѣмъ сталъ быстро приближаться; послышался трескъ ломающихся вѣтвей, все сильнѣе, сильнѣе... На сѣверо-западѣ весь лѣсъ утонулъ во мглѣ, по руслу рѣки покатились, словно кулисы на невидимыхъ подставкахъ съ колесиками, пыльные и песчаные смерчи. Наконецъ ураганъ налетѣлъ и на насъ, и мы были окутаны непроницаемымъ облакомъ „чернаго бурана".

Песокъ мелся по землѣ какими-то длинными хвостами, напоминающими хвосты кометъ; дорога, борозды, земля и воздухъ все слилось въ одинъ вихрь... Голова кружилась, думалось, что вотъ, вотъ онъ подхватитъ и тебя. Наступила черная ночь, и мы долго стояли, какъ вкопанные, на мѣстѣ. Исламъ сразу пропалъ изъ вида и нашелъ насъ лишь случайно, завидѣвъ во мглѣ какую-то черную движущуюся массу, которая и оказалась нашимъ караваномъ.

Видя, что ураганъ, самый свирѣпый изъ всѣхъ выдержанныхъ нами въ пути, все продолжается, мы стали осторожно пробираться къ ближайшему берегу, гдѣ и укрылись съ подвѣтренной стороны частаго кустарника. Тутъ-же около берега выкопали въ ложѣ рѣки колодезь; вода показалась послѣ нѣсколькихъ ударовъ заступа. Къ ночи люди развели костеръ, который, благодаря порывамъ вѣтра, разгорѣлся съ дикой яростью.

29 мая вѣтеръ продолжался, и атмосфера такъ была насыщена пылью, что съ трудомъ можно было оріентироваться. Къ счастью, мы шли около самаго берега и какъ-то нечаянно замѣтили путевой знакъ — лошадиный черепъ, насаженный на колъ и прикрѣпленный къ тополю. По ближайшемъ разслѣдованіи оказалось, что какъ разъ около этого мѣста дорога сворачиваетъ въ лѣсъ. Я сообразилъ, что это и есть дорога въ Акъ-су, и мы свернули по ней, т. е. по направленію къ сѣверо-западу.

Дорога эта повела насъ по ясно очерченному, сухому и частью занесенному пескомъ рѣчному руслу, по берегамъ котораго шли барханы, кустарникъ и тополя; повидимому, это былъ старый рукавъ Хотанъ-дарьи. Кое-гдѣ попадались путевые знаки, поставленные караванами.

На привалъ вечеромъ мы расположились опять около

стойбища пастуховъ, преуютно устроившихся въ шалашахъ изъ вѣтвей и камыша. Пастухи были изъ Акъ-су, но проводили въ лѣсу со своими стадами круглый годъ. Сначала они отнеслись къ намъ нѣсколько недовѣрчиво, но скоро успокоились и угостили насъ хлѣбомъ, молокомъ и яйцами.

Они разсказали намъ, что находящаяся неподалеку рѣка, Яркендъ-дарья, обыкновенно замерзаетъ каждый годъ на 4 мѣсяца. Черезъ 25 дней ожидалось наступленіе лѣтняго половодья, которое должно было заставить пастуховъ перенести стойбище поглубже въ лѣсъ. Самый низкій уровень воды въ рѣкѣ наблюдался какъ разъ теперь, въ чемъ мы и могли убѣдиться, переходя черезъ нее на другой день въ извѣстномъ уже пунктѣ. Ширина рѣки равнялась 77 м., максимумъ глубины 0.43 м., а притокъ воды 7.5 куб. м.

Очутившись на другомъ берегу, мы продолжали путь къ сѣверу по дорогѣ, которая вела на селеніе Аватъ (Абатъ) по тракту, пользующемуся недоброй славой, черезъ чащи и густыя заросли камыша, степные участки, стойбища пастуховъ и небольшія селенія, находившіяся болѣе или менѣе по близости отъ праваго берега Акъ-су-дарьи.

31 мая вечеромъ мы достигли базара въ Абатѣ, селеніи, имѣвшемъ около 1,000 домовъ. Здѣсь проживалъ бекъ и китайскій сборщикъ податей. Пріютъ мы нашли въ опрятномъ караванъ-сараѣ, содержимомъ однимъ индусомъ. Хозяиномъ онъ оказался гостепріимнымъ, но въ общемъ былъ большой плутъ и ростовщикъ, обиравшій мѣстныхъ жителей. Шерсть, отбираемую у нихъ за долги, онъ продавалъ въ Или (Кульджа), а пшеницу и маисъ въ сосѣднихъ селеніяхъ. Ростовщикъ самъ сознался мнѣ, что ежегодно откладываетъ въ кассу 15,000 кашгарскихъ тенегъ (около 1,500 рублей).

Главные мѣстные продукты: маисъ, пшеница и хлопокъ. Черезъ селеніе протекаетъ рукавъ Акъ-су-дарьи, Кохне-дарья, черезъ который перекинутъ мостъ, приходящійся на главной улицѣ селенія.

1 іюня. Весь день мы ѣхали словно по одной безконечной улицѣ, съ канавами по обѣ стороны, обсаженной тутовыми деревьями и ивами. На слѣдующій день вступили около селенія Бэшъ-арыкъ-устэнъ (арыкъ съ пятью рукавами) на проѣзжую дорогу, соединяющую Кашгаръ съ Акъ-су, и, переправившись

черезъ Акъ-су-дарью, миновали китайскій городъ Янги-шаръ (новый городъ), обнесенный пестрыми крѣпостными стѣнами.

Я послалъ было къ главному начальнику области, даотаю, человѣка съ моимъ паспортомъ и моею визитною карточкой съ китайскою надписью, но получилъ уклончивый отвѣтъ, почему и не счелъ нужнымъ посѣтить мандарина, пользовавшагося репутаціей заносчиваго обжоры и пьяницы.

3 іюня мы были уже недалеко отъ магометанскаго города Акъ-су, гдѣ аксакалъ восточно-туркестанскихъ купцовъ, Магометъ-Эминъ, принялъ насъ очень радушно и пріютилъ въ своемъ уютномъ, опрятномъ жилищѣ, а верблюдовъ и лошадей нашихъ помѣстилъ въ караванъ-сараѣ по сосѣдству.

4 іюня. Въ теченіе трехъ послѣднихъ дней Акъ-тюя, мой бѣлый верблюдъ, началъ худѣть, пересталъ ѣсть траву и только лѣниво пожевывалъ пшеничный хлѣбъ. Вчера, однако, онъ еще прошелъ, не останавливаясь, небольшой конецъ между Новымъ и Старымъ городомъ (между Янги-шаромъ и Акъ-су), но, когда къ нему подходили, онъ жалобно ревѣлъ, точно опасаясь, что ему хотятъ причинить боль. Ночью онъ не дотронулся до ѣды, и сегодня Касимъ съ грустью сообщилъ мнѣ, что Акъ-тюя боленъ. Я поспѣшилъ на дворъ караванъ-сарая и нашелъ животное лежащимъ на боку, съ вытянутой шеей; дышалъ Акъ-тюя тяжело, прерывисто и послѣ нѣсколькихъ глубокихъ, судорожныхъ вздоховъ околѣлъ на моихъ глазахъ.

Акъ-тюя спасъ важнѣйшіе предметы нашего снаряженія и немудрено, что я относился къ нему съ особеннымъ расположеніемъ. На каждомъ привалѣ во время пути въ Акъ-су я подходилъ къ нему и гладилъ и ласкалъ его. Но животное отворачивало голову, издавая недовольный ревъ, опасаясь, можетъ быть, что я потяну его за веревку, и, словно подозрѣвая, что это *я* былъ виною всѣхъ его страданій.

Околѣлъ онъ утромъ въ первый день байрама, и во дворѣ караванъ-сарая стояла праздничная тишина. Движеніе каравановъ пріостановилось, дѣловая жизнь на время замерла. Всѣ гуляли. Улицы и площади кишѣли яркими пестрыми халатами, ослѣпительно-бѣлыми тюрбанами и шапками самыхъ кричащихъ цвѣтовъ. Видъ у всѣхъ гуляющихъ былъ веселый, довольный: даже самый послѣдній изъ работниковъ получаетъ въ этотъ день отъ своего хозяина подарокъ. Съ минарета

звучнѣе обыкновеннаго раздавались молитвенные возгласы муэззина. Какой контрастъ представляла эта пестрая картина праздничнаго уличнаго веселья со сценой на тихомъ дворѣ караванъ-сарая! Съ такимъ-же достоинствомъ, съ какимъ онъ недавно шелъ по убійственнымъ пескамъ пустыни, по сухому руслу Хотанъ-дарьи и ея тѣнистымъ лѣсамъ, Акъ-тюя окончилъ теперь свое земное странствіе, путь, полный страданій, лишеній, тяжелаго труда подъ властью тирана-человѣка. Онъ надорвалъ свои силы во время труднаго перехода черезъ пустыню и околѣлъ теперь среди полнаго изобилія и корма и воды.

Товарищъ его, молодой верблюдъ Чонъ-сарыкъ, настоящій великанъ среди верблюдовъ, оставилъ свои ясли и, руководимый инстинктомъ, приблизился къ бѣлому верблюду, внимательно и удивленно посмотрѣлъ на него, но затѣмъ спокойно вернулся къ яслямъ и вновь съ аппетитомъ принялся жевать зеленую сочную траву. Онъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всѣхъ нашихъ 8 верблюдовъ. У меня духа не хватало продать его, не зная, въ чьи руки онъ попадетъ; къ тому-же люди въ караванъ-сараѣ полагали, что и этотъ верблюдъ, если заставить его работать, не долго протянетъ послѣ перенесенныхъ имъ лишеній и трудовъ. Я и подарилъ его Магомету-Эмину, который обѣщалъ дать ему отгуляться лѣтомъ на сочныхъ лугахъ около подошвы Тенгри-Хана.

Мы провели въ Акъ-су три дня, набирая небольшой временный караванъ для возвращенія въ Кашгаръ — мой главный опорный пунктъ въ сердцѣ Азіи. Такимъ образомъ я имѣлъ время бѣгло познакомиться съ городомъ, носящимъ такое оригинальное названіе („Акъ-су“ — бѣлая вода), вслѣдствіе изобилія чистой, прозрачной воды, текущей съ ослѣпительныхъ снѣжныхъ полей и ледниковъ.

Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу Акъ-су-дарьи. Лѣтомъ притокъ воды въ ней достигаетъ огромныхъ размѣровъ, зимою остатки воды въ руслѣ замерзаютъ. Подъ городомъ рѣка развѣтвляется на два рукава: Янги-дарью и Кохне-дарью, которыя, однако, опять сливаются раньше, чѣмъ впасть въ Таримъ (Яркендъ-дарью).

Недалеко отъ города, къ востоку, отвѣсной стѣною возвышается террасса, высотою въ 40 — 50 м.; террасса эта сложена

изъ конгломератовъ, сильно размытыхъ водой. Городъ окруженъ селеніями, пахатными полями, садами и цѣлой сѣтью оросительныхъ канавъ. Рисъ, пшеница, маисъ, ячмень, хлопокъ, опіумъ и разные плоды даютъ здѣсь богатые урожаи, и, вслѣдствіе этого Акъ-су, имѣющій всего 15,000 жителей и по величинѣ уступающій Кашгару больше чѣмъ вдвое, представляетъ гораздо большее значеніе для страны своею производительностью. Очень развито здѣсь и овцеводство, такъ какъ по берегамъ обѣихъ большихъ рѣкъ находятся прекрасныя пастбища.

Пришлое населеніе Акъ-су состоитъ изъ большого числа китайцевъ, сотни „андижанцевъ“, т. е. купцовъ изъ русскаго Туркестана и 3 афганцевъ, проживающихъ здѣсь 20 лѣтъ. Аксакалъ русскихъ туркестанцевъ, Магометъ-Эминъ, родомъ изъ Ташкента, живетъ въ Акъ-су уже 12 лѣтъ. Русскіе туркестанцы ведутъ торговлю шерстью, хлопкомъ и кожами, которыхъ ежегодно отправляютъ на верблюдахъ въ Ташкентъ черезъ перевалъ Бедель, Кара-колъ, Пишпекъ и Ауліэ-ата до 30,000 штукъ. Пользуются верблюдами только зимою, все-же теплое время года они наслаждаются полнымъ отдыхомъ на окрестныхъ пастбищахъ. Лѣтомъ сообщеніе сильно затрудняется разлитіемъ рѣкъ, и поэтому караванная торговля почти пріостанавливается.

Достопримѣчательностей въ городѣ, кажется, никакихъ нѣтъ. Главная мечеть, носящая обычное названіе — Мечеть-Джами, т. е. „мечеть пятницы“, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго по архитектурѣ, но расположена довольно живописно на открытой площади, къ которой ведетъ съ главной базарной улицы небольшой переулокъ.

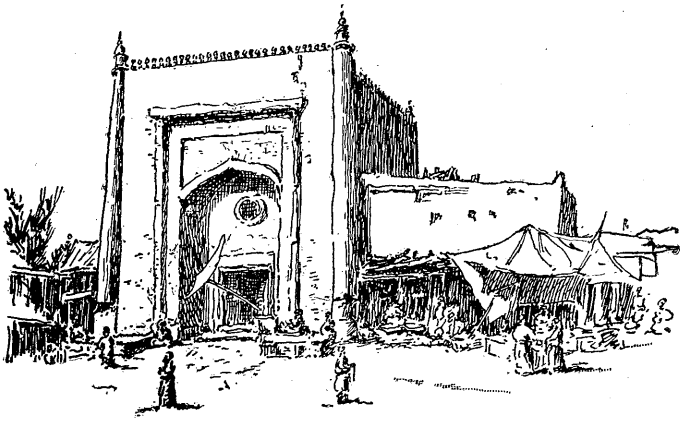
Площадь эта „Ригистанъ“, самый центръ городской жизни. Въ базарные дни здѣсь бываетъ настоящая давка; вся площадь покрывается палатками и лотками. Особенно бойко торгуютъ въ жаркое время льдомъ, нагроможденнымъ большими прозрачными плитами. Я тоже былъ однимъ изъ усердныхъ покупателей этого товара.

На базарной площади находятся два высшихъ духовныхъ училища Кокъ-медресе и Акъ-медресе (Голубое и Бѣлое). Архитектура ихъ очень незатѣйлива. Въ небольшихъ помѣщеніяхъ во дворахъ живутъ муллы; нѣкоторые изъ нихъ по

5 по 10 лѣтъ учились въ „Миръ-арабѣ“ въ Бухарѣ. Китайцы держатъ въ Акь-су 2 „мензы“, да въ Янги-шарѣ 6; въ каждой самое большое по 100 чел. Въ Учъ-Турфанѣ гарнизонъ многочисленнѣе, такъ какъ предполагается, что онъ защищаетъ перевалъ Бедель отъ русскихъ.

Въ первые дни байрама, здѣсь какъ и во всемъ магометанскомъ мірѣ, принято сзывать гостей и задавать пиры. Я въ компаніи съ аксакаломъ побывалъ на нѣсколькихъ. Угощеніе состоитъ изъ аша (пилава) и „шурпы“ (супъ съ зеленью и макаронами), подаваемыхъ въ неимовѣрныхъ количествахъ.

Больше всего мнѣ понравилась пирушка у самаго акса-



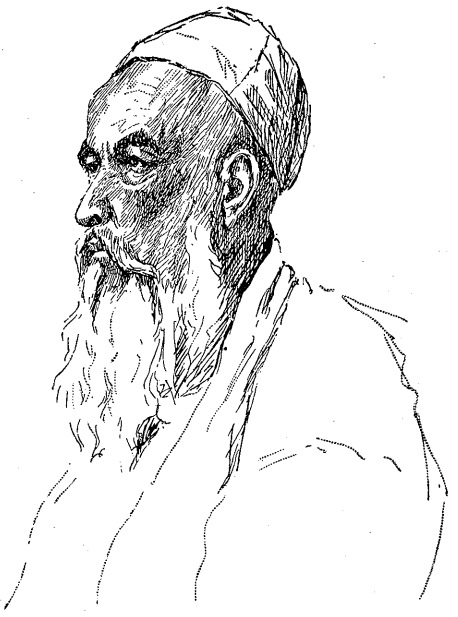
Мечеть-Джами въ Акъ-су.
(Съ рисунка автора).

кала, на которой я былъ единственнымъ гостемъ. Мы отправились съ нимъ въ его садъ, Соха-баши, расположенный въ 3 килом. отъ базара и изобилующій виноградомъ, абрикосами, дынями, сливами, вишнями и проч. Уходъ за садомъ порученъ нѣсколькимъ работникамъ, которые и проживаютъ тамъ круглый годъ.

Расположились мы подъ тѣнью тутовыхъ деревъ, на берегу арыка съ чудесной водой. Слуги закололи барана, и самъ аксакалъ по всѣмъ правиламъ искусства приготовилъ рисовый пилавъ съ бараниной. Лучшіе куски грудинки и почки были поджарены въ маслѣ въ котлѣ, куда затѣмъ всыпали промытаго, бѣлаго, какъ сахаръ, риса, сдобреннаго

лукомъ. Хорошо приготовленный пилавъ — превосходное блюдо.

Аксакалъ является какъ-бы агентомъ консульства, и во всѣхъ городахъ Восточнаго Туркестана, гдѣ проживаютъ русскіе купцы, есть свой аксакалъ, подчиненный русскому консулу въ Кашгарѣ. Другъ мой, аксакалъ Магометъ-Эминъ, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ магометанъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ; этотъ сѣдобородый старикъ 60 лѣтъ, всегда веселый, и привѣтливый, превосходно зналъ страну, и разсказы его отлично помогли мнѣ ориентироваться.



Магометъ-Эминъ.
(Съ рисунка автора).

Еще до моего прибытія въ городъ, онъ распорядился, чтобы по всѣмъ трактамъ, ведущимъ въ Акъ-су съ юга, были наведены справки о таинственно исчезнувшемъ верблюдѣ; всѣ розыски ни привели, однако, ни къ чему. Затѣмъ онъ собирался оказать мнѣ еще большую услугу — проводить меня до Кашгара по хорошо знакомому ему пути. Въ сущности, онъ не могъ отлучаться съ своего поста безъ разрѣшенія консула, но я, зная любезность консула Петровскаго, бралъ отвѣтственность на себя.

До Кашгара было 450 верстъ, но спѣшить намъ некуда было, и мы рѣшили сдѣлать этотъ путь „съ прохладцей". 7 іюня все было готово къ выступленію. Магометъ-Эминъ досталъ намъ новые сартскіе ягданы и весь нужный провіантъ: чай, сахаръ, рисъ, зелень, медъ и проч. Баранину мы могли доставать по пути по мѣрѣ надобности.

Исламъ-бай и Касимъ—оба получили денежную награду за свою службу и кромѣ того были заново экипированы съ головы до ногъ. Лишась всего запаса одежды, я и самъ долженъ былъ облечься въ одѣяніе смѣшаннаго китайско-сарт-

скаго стиля и, такимъ образомъ, одинъ разъ за все путешествіе поступиться престижемъ европейца, поддерживаемымъ европейскимъ платьемъ. Къ тремъ имѣвшимся у насъ верховымъ лошадямъ мы наняли за 55 тенегъ еще четырехъ для нашего каравана.

Въ 5 ч. вечера 7 іюня мы выѣхали изъ Акъ-су, и въ этотъ первый день пути ѣхали всего 2 часа, до „Лянгара“ (постоялый дворъ), гдѣ сдѣлали привалъ на мягкомъ травяномъ коврѣ въ чудесной тополевой рощицѣ. Дорога отъ Акъ-су до Лянгара шла по сплошной аллеѣ, окаймленной съ боковъ затопленными рисовыми полями, пахатными полями, садами и домами. Десять лѣтъ тому назадъ Магометъ-Эминъ останавливался на этомъ самомъ мѣстѣ съ Пржевальскимъ, возвращавшимся изъ своего четвертаго путешествія. На сѣверѣ виднѣлась въ туманѣ бѣлая пирамидальная вершина Тенгри-Хана (7,320 м. выс.), но скоро исчезла въ сумракѣ ночи.

8 іюня мы переправились вбродъ черезъ Кумъ-дарью (Песочная рѣка), какъ обыкновенно называютъ здѣсь Акъ-сударью. Рѣка дѣлилась на нѣсколько рукавовъ, и переправа черезъ нее была сопряжена съ большими затрудненіями. Черезъ нѣсколько дней предполагалось установить переправу на паромѣ, но недѣль черезъ 5, въ разгаръ половодья, сообщеніе совсѣмъ должно было прекратиться на нѣкоторое время. Въ эту пору ежегодно погибаетъ съ полдюжины людей, пытающихся переправиться черезъ рѣку.

По ту сторону рѣки мы встрѣтили караванъ сотни въ двѣ лошадей и быковъ. Каждое животное тащило на спинѣ по два длинныхъ тополевыхъ ствола, волочившихся за ними по землѣ. Аксакалъ сообщилъ мнѣ, что въ эту пору ежегодно приходится сооружать подъ городомъ, на протяженіи 25 верстъ по лѣвому берегу Акъ-су-дарьи, колоссальную дамбу, надъ которой трудятся до 3,000 рабочихъ. Назначеніе ея оттѣснять водную массу направо и препятствовать ей окончательно подмыть конгломератовую террасу, такъ какъ въ такомъ случаѣ вода неминуемо смыла-бы и старый и новый городъ. И такъ и Акъ-су-дарья обнаруживаетъ такое-же стремленіе перемѣститься къ востоку, какъ и Хотанъ- и Яркендъ-дарья, хотя и течетъ въ противоположномъ направленіи.

Спустя четыре съ половиною часа, мы переправились

черезъ Таушканъ-дарью (Заячья рѣка), сосѣдку Акъ-су-дарьи. Переправа черезъ нее оказалась еще затруднительнѣе, такъ какъ водные потоки слились въ одно сплошное широкое русло. Пришлось прибѣгнуть къ услугамъ 10 „сучи“, которые раздѣвшись до гола, отыскали бродъ и осторожно перевели лошадей по каменистому ложу. 9 іюня мы достигли маленькаго городка Учъ-Турфана, все значеніе котораго въ томъ, что онъ расположенъ на трактѣ между Акъ-су и русской территоріей, куда направляются караваны съ шерстью, хлопкомъ, войлоками, коврами, кожами и проч. Здѣсь ведутъ прибыльную торговлю восемь купцовъ изъ Андижана, также находящихся подъ началомъ Магометъ-Эмина.

Городокъ окруженъ плодородными полями, орошаемыми водами Таушканъ-дарьи. Невдалекѣ виднѣются низкіе хребты горъ, вдали снѣжная стѣна Тянь-шаня. Учъ-турфанскій амбань принялъ меня очень привѣтливо и пригласилъ на обѣдъ. Онъ служилъ прежде въ Тарбагатаѣ и, часто сталкиваясь тамъ съ русскими, научился уважать и цѣнить ихъ.

Передохнувъ денекъ, мы 11 іюля выѣхали изъ Учъ-турфана въ сопровожденіи всѣхъ андижанскихъ купцовъ, облеченныхъ въ самые лучшіе халаты. Пестрая кавалькада наша привлекала по пути всеобщее вниманіе. Въ селеніи Сугетлыкъ (селеніе ивъ) намъ были предложены чай и угощеніе, и затѣмъ провожатые наши направились обратно, мы-же продолжали путь до Утъ-баши (начало пастбища), гдѣ и сдѣлали привалъ въ рощѣ.

Къ концу слѣдующаго дня прибыли мы въ кышлакъ Башъ-ахма (начало притока), гдѣ нашли пріютъ въ большомъ киргизскомъ аулѣ, состоявшемъ изъ 19 юртъ. Киргизы, которые проводятъ здѣсь и лѣто, живутъ отчасти земледѣліемъ (пшеница, ячмень и опіумъ), а обитаютъ по большей части въ „кара-уяхъ“ (черныхъ юртахъ), рѣже въ землянкахъ. Они засѣиваютъ свои поля черезъ годъ, оставляя ихъ на другой годъ подъ паромъ; такимъ образомъ они являются земледѣльцами не каждый годъ, а только черезъ годъ. Кромѣ земледѣлія ихъ кормитъ скотоводство (овцы и козы).

Киргизы, промышляющіе исключительно перевозомъ товаровъ, проводятъ лѣто въ горахъ, зимою-же спускаются въ долину Таушканъ-дарьи. Семь „урюковъ“ или родовъ, живу-

щихъ въ этой области, подчинены одному „бію“ или предводителю. Остальнымъ 8 днямъ, которые мы еще провели въ пути, я посвящу лишь самое краткое описаніе. Путь нашъ шелъ по долинѣ Таушканъ-дарьи черезъ низкія горы, граничащія на югѣ съ рѣкою, и затѣмъ къ юго-востоку по степи и безплоднымъ областямъ вплоть до самаго восточнаго города китайской имперіи — Кашгара.

По пути мы знакомились съ киргизами, съ джагатай-тюрками, наслаждались послѣ перенесеннаго нами зноя въ пустынѣ, свѣжимъ горнымъ воздухомъ, который въ эту пору дождей былъ особенно прохладенъ отчасти отъ изобилія атмосферныхъ осадковъ, отчасти отъ западныхъ и восточныхъ вѣтровъ, проносившихся по узкой долинѣ и вырывавшихся изъ нея, словно изъ дула ружья.

Миновавъ аулы и кышлаки Учъ-муздукъ (три ледника), Сюме-ташъ, Кызылъ-эшме (красные ключи), Джай-тюбе (могильный холмъ), Сугунъ-караулъ, Кальты-яйлакъ (маленькое лѣтнее пастбище) и Бэшъ-керимъ (пять крѣпостей) мы 21 іюня, наконецъ, прибыли въ желанный Кашгаръ.

3 недѣли, проведенныя здѣсь, прошли въ усиленныхъ хлопотахъ. Старый другъ мой, консулъ Петровскій, произведенный теперь въ генеральные консулы, а вскорѣ, за свои неоцѣнимыя услуги моей экспедиціи, награжденный отъ короля Оскара командорскимъ крестомъ шведскаго ордена Вазы, очень обрадовался моему благополучному возвращенію и сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы облегчить мнѣ хлопоты по снаряженію новой экспедиціи.

Узнавъ отъ хотанскаго аксакала о нашемъ злополучномъ странствованіи по пустынѣ, консулъ Петровскій тотчасъ-же отправился къ дао-таю и заявилъ, что если тотъ не приметъ немедленно мѣръ къ розысканію слѣдовъ пропавшаго у насъ верблюда, то будетъ имѣть дѣло съ Цзунгъ-ли-яменомъ въ Пекинѣ.

Дао-тай сдѣлалъ все, что могъ, и можно представить себѣ наше изумленіе, когда онъ, пригласивъ насъ на обѣдъ, преподнесъ намъ шведскій офицерскій револьверъ, находившійся во вьюкѣ Нэра! Оказалось, что оружіе было подарено какимъ то неизвѣстнымъ всадникомъ одному жителю селенія Тавекъ-кель.

Розыски продолжались съ усиленной энергіей, но китайскимъ чиновникамъ такъ и не удалось напасть на слѣдъ вора, да я и не особенно заботился объ этомъ, поглощенный снаряженіемъ новой экспедиціи.

На другой день по моемъ прибытіи въ Кашгаръ, былъ отправленъ курьеръ въ Ошъ, съ письмами и телеграммами отъ меня. Между ними была телеграмма въ Берлинъ моему учителю и другу, барону Рихтгофену, содержавшая просьбу о высылкѣ мнѣ новыхъ приборовъ — анероидовъ, гипсотермометровъ и т. п. Другой телеграммой въ Ташкентъ я просилъ о высылкѣ мнѣ одежды, провіанта и табаку. Патроны и порохъ мы добыли у казаковъ, состоявшихъ при консульствѣ. Раньше трехъ мѣсяцевъ нельзя было ожидать прибытія затребованныхъ изъ Европы предметовъ, между тѣмъ сидѣть въ Кашгарѣ столько времени безъ дѣла мнѣ вовсе не улыбалось, тѣмъ болѣе, что лѣтній зной заставлялъ меня томиться по лѣтней прохладѣ горъ.

Задерживала меня здѣсь только необходимость дождаться почты изъ Керіи, куда консулъ Петровскій, согласно моему указанію, отправилъ всю полученную безъ меня на мое имя корреспонденцію изъ Швеціи. Дао-тай и тутъ оказалъ мнѣ услугу,ославъ за нею въ Керію экстреннаго курьера, который и вернулся въ Кашгаръ черезъ 12 дней. Разстояніе между этими двумя городами равняется 1,450 верстамъ, слѣдовательно, курьеры проѣзжали въ день по 120 верстъ съ лишкомъ.

Черезъ двѣ недѣли предварительное снаряженіе экспедиціи было закончено. Я никогда не забуду любезности и содѣйствія, оказанныхъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ консуломъ Петровскимъ, г. Мэкэртнеемъ и шведскимъ миссіонеромъ Гёгбергомъ, соперничавшими между собою въ готовности помочь мнѣ.

Первые двое одолжили мнѣ анероиды и гипсотермометръ, а послѣдній снабдилъ меня многими весьма полезными предметами. Кашгарскій портной изготовилъ для насъ изъ китайскихъ матерій одежду и палатку. Людей, сѣдла, продовольствіе мы купили на базарѣ, и въ концѣ концовъ, выступая 10 іюня изъ Кашгара, я едва вѣрилъ себѣ, что всего 2 мѣсяца тому назадъ потерпѣлъ такое крушеніе, которое считалъ окончательнымъ.

Но куда-же слѣдовало намъ направить путь? На сѣверъ,

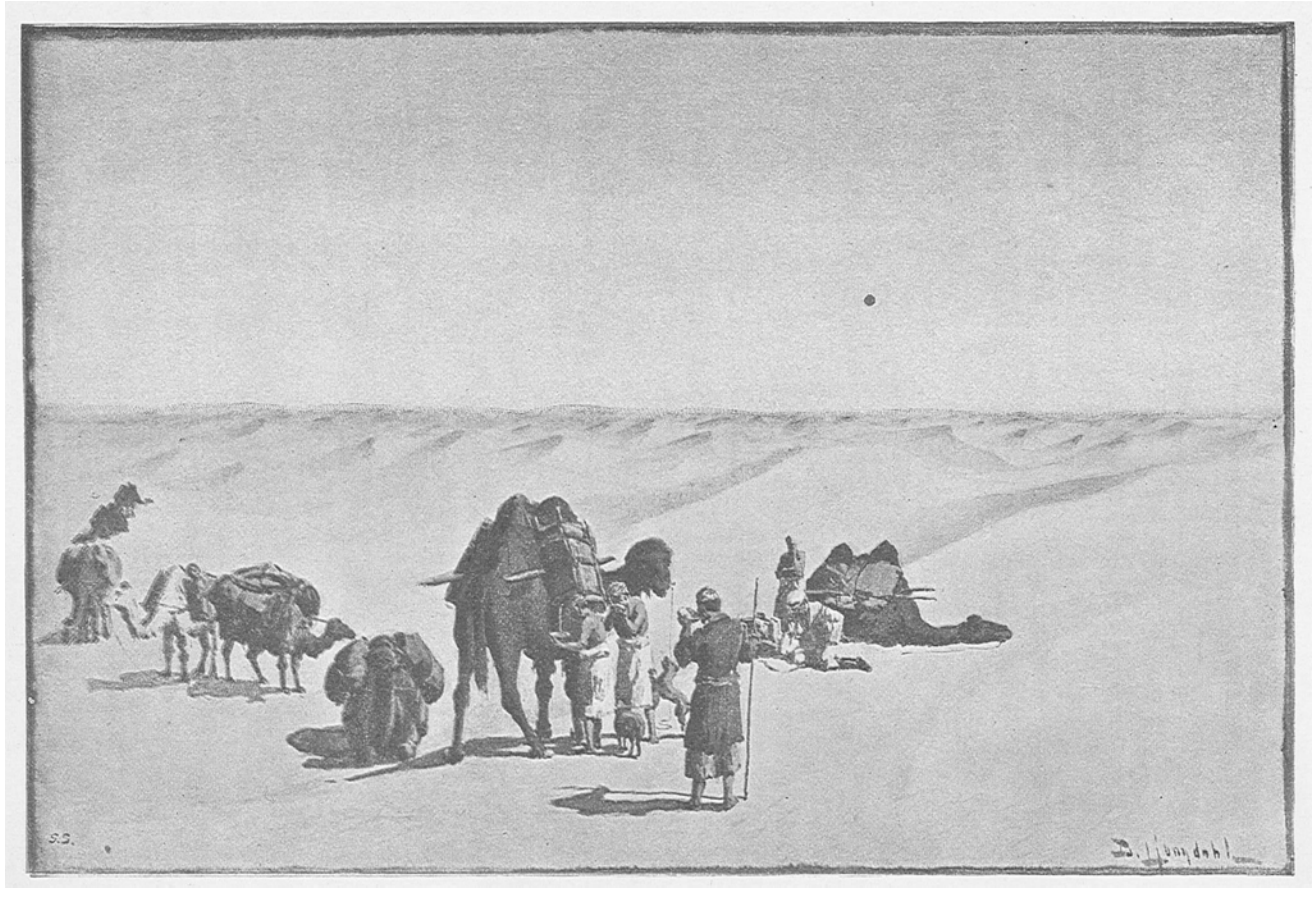
къ Тянъ-шаню? Но тогда мы попали-бы въ области, сравнительно уже извѣстныя. На югъ, къ Кунь-луню? Время не позволяло. На западъ? Но тамъ простиралось нагорье Памира, которое я уже изслѣдовалъ во многихъ направленіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, я выбралъ цѣлью этой небольшой экспедиціи именно Памиръ, намѣреваясь продолжать наблюденія, начатыя прошлымъ лѣтомъ, и провести жаркое время года въ горахъ-великанахъ, стерегущихъ „крышу міра“.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА I.

		Стран.
Предисловіе		I—VIII
Вступленіе		1
Глава	I. Двѣ тысячи верстъ въ тарантасѣ	25
„	II. Киргизская степь. Сыръ-дарья	41
„	III. Отъ Ташкента до Маргелана. Сыръ-Дарья	55
„	IV. Зимнее путешествіе по Памиру	75
„	V. Черезъ перевалъ Тенгисъ-бай	90
„	VI. На крышѣ міра	105
„	VII. Народонаселеніе. — Географическій обзоръ. — Памирскій постъ	125
„	VIII. На Мустагъ-ату и въ Кашгаръ	145
„	IX. Воспоминанія о Кашгарѣ	166
„	X. Возвращеніе въ Китайскій Памиръ	181
„	XI. Черезъ Тагарму въ Су-баши. — Киргизскія „байги“	196
„	XII. Вокругъ Малаго Кара-куля	210
„	XIII. Странствованія по ледникамъ	230
„	XIV. Восхожденія на Мустагъ-ату	247
„	XV. Лунная ночь на высотѣ 6,300 м. надъ уровнемъ моря	272
„	XVI. Новое путешествіе по Памиру	285
„	XVII. На Маломъ Кара-кулѣ	299
„	XVIII. Среди киргизовъ. — Возвращеніе въ Кашгаръ	311
„	XIX. Въ Маралъ-баши и Лайлыкъ	327

Глава XX. Паломничество 343
„ XXI. Въ пустыню 359
„ XXII. Райскій уголокъ 377
„ XXIII. Царство могильной тишины 388
„ XXIV. Воды нѣтъ! 403
„ XXV. Караванъ распадается и гибнетъ 416
„ XXVI. Пять сутокъ пѣшкомъ по безконечнымъ пескамъ. — Вода. — Спасены 432
„ XXVII. Двѣ недѣли въ бесѣдкѣ. — Исламъ-бай спасенъ . . 452
„ XXVIII. По руслу Хотанъ-дарьи. — Возвращеніе въ Кашгаръ черезъ Акъ-су 469



Полуденный отдыхъ въ пустынѣ.

(съ рисунка люнгдаля).